Гераклитов А. А.
История Саратовского края в 16-18 в.

САРАТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ и ЭТНОГРАФИИ.

А. А. ГЕРАКЛИТОВ.

ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ в XVI—XVIII вв.

Издательство В. З. Яксанова.
Саратов—1923 г.—Москва.

Тираж 1200 экз. Гублит № 680.

САРАТОВ.
Губполиграфпром, 10-е отделение.
1923.

Саратовское Общество Истории, Археологии и Этнографии.

А. А. ГЕРАКЛИТОВ.

ИСТОРИЯ САРАТОВСКОГО КРАЯ

в XVI—XVIII вв.

САРАТОВ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДРУКАРЬ".
1923 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти почивших „архивников":

Сергея Александровича ЩЕГЛОВА

и

Валентины Ипполитовны ОППОКОВОЙ.

Книжка эта никоим образом не претендует на оригинальность. Значительная часть ее является просто сводкой того, что уже было и раньше напечатано в различных трудах, имеющих отношение к истории нашего края. Лишь по некоторым вопросам, не нашедшим себе отражения в краевой литературе, автор пользовался первоисточниками. Приходилось прибегать к ним и в тех случаях, когда тот или другой вопрос, благодаря публикации новых документов получал иное, отличное от традиционного, освещение. Что касается построения и изложения, то нужно иметь ввиду, что предлагаемый труд является дословной перепечаткой лекций по истории края, читанных автором в местном университете. Этим, а не намеренным замалчиванием, между прочим, об'ясняется почти полное отсутствие ссылок на источники.

ГЛАВА I.

Низовое Поволжье в течение длинного ряда веков жило многообразной исторической жизнью, менявшей свой характер в зависимости от той или иной группировки исторических влияний и взаимоотношений. Но это богатство исторической жизни лишь в незначительной степени и не для всех периодов одинаково отражается в письменных памятниках. Только для эпохи, следующей за освоением Поволжья Московским государством, можно с надеждой на некоторую полноту изучения оперировать опираясь на письменные памятники и документы. Для предшествовавшей эпохи, по длительности своей несравненно большей, чем те три с половиной столетия, которые протекли со времени обоснования русского владычества в пределах средней и нижней Волги, а по своему значению, б. м., гораздо важнейшей и во всяком случае более красочной, если можно употребить такое выражение, памятники письменности очень скудны. Неясные и часто противоречивые указания писателей классической древности, кое какие упоминания византийских историков, мало еще освещенные критически повествования восточных авторов и редкие и случайные строки русских летописей—вот почти весь багаж, с которым приходится оперировать историку при его попытках воссоздать прошлые судьбы нашего края. Ясно поэтому, какое значение при подобных условиях должны приобрести свидетельства о былом другого порядка, т. е. т. н. памятники внешней культуры, находящиеся в ведении той из вспомогательных исторических дисциплин, которая известна под именем археологии. Масса вопросов, возникающих у исследователя истории Саратовского Поволжья, если и не разрешаются окончательно, то, по крайне мере. становятся на правильный путь к разрешению только при посредстве данных, доставляемых археологией. Обширны задачи археологии в нашем крае и нельзя сказать, чтобы они и до учреждения факультетов гуманитарных наук в Саратове не обращали на себя внимания. Но только с того времени, как здесь возник историко-филологический факультет разрешение этих задач было поставлено вполне научно. Можно с уверенностью сказать, что в дальнейшем, при более

благоприятных обстоятельствах, археологическое изучение края пойдет более усиленным темпом и даст еще более блестящие результаты. В зависимости от заселения края в эпоху русского владычества он в этнографическом отношении представляет поразительную пестроту. В некоторых местностях на протяжении одного дня пути приходится встретиться с тремя-четырьмя народностями очень далекими друг от друга, как по этническому составу, так и по месту происхождения. Наряду с господствующей русской народностью мы находим здесь и татарина и немца и мордвина и чувашенина. Самая русская народность имеет здесь представителей всех составляющих ее племен. Можно указать селения, где один порядок „окает“, обнаруживая тем северновеликорусское происхождение своих первоначальных засельников, а говор жителей другого порядка не менее очевидно показывает, что предки их пришли к нам из областей, заселенных южной ветвью русского народа. Нет надобности говорить, какой выдающийся интерес имеет такой край для этнографа. Саратовский у-т учел и этот интерес и дело изучения местной этнографии поставлено у нас настолько широко и научно, что нельзя сомневаться в важности для науки тех результатов, которые им будут достигнуты. Этнография, как наука, имеет свои цели и задачи, но выводы ее важны тоже и для историка. Ход заселения нашего края далеко не ясен во всех своих подробностях. Причины такого явления будут указаны подробно впоследствии, когда мы обратимся к детальному изучению данного вопроса. При таком положении, несомненно, часть дефектов может быть исправлена при помощи этнографии и она даст много корректив к из‘янам письменных документов. Пока могу только сказать, что по отношению, напр., Хвалынского у. замечается очень удачное совпадение выводов истории и этнографии в вопросе о заселении этой части края.

Было-бы странно, если-бы при указанной мною тенденции Сарат. у-та, вне влияния ее оказались специалисты историки, входящие в состав у-та. И мы видим, что с момента появления у нас таких специалистов они направляют свое внимание, поскольку это оказывается возможным, и на вопросы, связанные с местной историей.

Для времени с половины XVIII в. местные архивы содержат колоссальный по об‘ему и богатейший по содержанию материал. Трудность обращения с таким материалом отпугивает многих, особенно начинающих работников, от его разработки. Нужны некоторые специальные познания и навыки, чтобы с надеждой на успех пуститься в плавание по этому воистину безбрежному морю.

И здесь наш университет идет навстречу назревшей потребности и учреждением кафедры вспомогательных исторических дисциплин дает возможность подготовить подходящих работников.

Можно бы и еще продолжить наш славный перечень, но достаточно только обратиться к планам преподавания за ряд учебных лет, чтобы убедиться в том, как много Сарат. ун-т уделяет внимания вопросам, связанным с изучением Саратовского края.

Но помимо университета в Саратове имеются и другие организации, поставившие своей задачей изучение края. Между прочим, старейшая из них—Общество Истории, Археологии и Этнографии, как раз посвящает свое преимущественное внимание прошлым судьбам Саратовского Поволжья. Возникает сомнение, уж не слишком ли много посвящается внимания вопросу, по существу своему не заслуживающему такого внимания. Что такое Саратовский край, что такое вообще местная история, чтобы стоило тратить на это время и силы? Может ли такая история, прежде всего, иметь какое либо значение в уяснении обших исторических процессов? Не является ли она просто забавой любителей, зараженных узким местным патриотизмом?

Для ответа на поставленный вопрос позволим себе привести здесь несколько примеров. В течение некоторого времени русское государство возглавлялось Киевом и поэтому оно за этот период и именуется Киевской Русью. Может ли историк этого периода, желая выявить исторические процессы, поведшие к образованию Руси данной эпохи, ограничиться только фактами, имевшими место с момента, когда Киев стал столицею вновь возникшего государства? Не окажутся ли все его выводы в таком случае висящими в воздухе, не имеющими под собой прочного научного основания. Конечно, здесь возможен только утвердительный ответ. Для того, чтобы рисуемая им картина исторического процесса Киевской Руси не была только миражем, исчезающим по мере приближения к нему, историк должен подвести под свое здание прочный фундамент, поискать корни тех явлений, которые он разбирает. Само собой разумеется, что такие корни придется искать в той эпохе, когда Киев еще не об'единил всех тогдашиих русских земель. Т. о., в этом случае областные истории лягут в основу истории общерусской и изучение прошлого какой-нибудь дреговичской или полоцкой области, до того момента, как она вошла в состав русского государства, становится не только правом, а даже обязанностью историка.

Прежде чем об'единить под своей властью области, вошедшие потом в состав Московского государства, Москва прожила долгую жизнь в положении одной из таких областей. Можем ли мы уяснить себе вполне историю Московского государства без внимательного изучения исторического процесса, имевшего конечным результатом возвышение Москвы, т.-е. без познания Московской областной истории. Подобных примеров можно привести сколько угодно, но и двух, взятых на удачу, полагаю, достаточно для того, чтобы доказать законность интереса к обла-

стным историям. И мы видим, что этот интерес в русской исторической науке был всегда в достаточной степени жив и можно насчитать ряд работ, посвященных истории отдельных областей, княжеств, городов и т. д. Все такие работы в силу сравнительной хронологической или географической ограниченности их тем могут тем самым детальнее и глубже разрабатывать их и, т. о., подготовлять тот фундамент, на котором основывается выявление общерусского исторического процесса. Т. о., интерес к местным историям не только законен, но и необходим.

Такую подсобную роль для уяснения многих вопросов русской исторической жизни должно играть и детальное изучение нашей местной истории—истории Саратовского Поволжья. У нас нужно искать начала или наиболее яркого проявления многих явлений русской истории. И детальное изучение обстановки, в которой эти явления народились, или особенно отчетливо выразились, будет делом, гл. об., местных историков, если не по происхождению, то по направлению научных интересов. Так, до сего времени еще не решен русской исторической наукой вопрос о происхождении и развитии одного, в высшей степени важного и богатого по своим последствиям явления русской жизни. Я говорю про великорусское казачество. Между тем, по крайней мере лично для меня, несомненно, что казачество первоначально зародилось именно в пределах нашего Поволжья и только впоследствии, под влиянием особых условий, должно было уступить место другим формам общежития. И мне думается, что историк казачества не может обойтись без изучения тех условий и причин, которые вызвали сначала у нас на Волге возникновение казачества, а затем повели к его исчезновению здесь. Т.-е., иными словами, ему придется заняться историей низового и среднего Поволжья за определенный период времени, а тем самым стать в ряды местных историков.

Особые условия, сложившиеся в Московском государстве в XVI и XVII в.в., повлекли за собой усиленный отлив населения из внутренних русских областей и интенсивное заселение некоторых его окраин, в том числе и юго-восточной. Колонизационная волна докатилась до нашей украины в последней четверти XVII столетия и оказалась настолько могучей, что в течении немногих десятилетий, не превышающих среднего предела человеческой жизни, дикое дотоле поле покрылось густой сетью русских и инородческих селений. Едва ли кто станет спорить против утверждения, что для того, чтобы понять во всех подробностях причины, ход и конечные результаты русской колонизации XVI, XVII в.в., необходимо до мелочей проследить эту колонизацию в пределах Саратовского края, т.-е. опять таки обратиться к изучению истории этого края за указанный период.

Казалось бы, что петербургская эпоха русской жизни с ее стремлением к нивеллировке, к уничтожению или подведению

под общий уровень всех местных особенностей исключает необходимость областных историй.

В самом деле, приходится ли говорить об особой истории областей, когда вся жизнь их направляется и регулируется из одного центра по одному определенному, для всех одинаковому шаблону? Однако, и это не совсем так. Директивы, даваемые из центра, осуществлялись на местах, как теперь говорится, по разному и приводили не к однородным, во всяком случае, не всегда одинаковым результатам. И задача местного историка выяснить угол преломления петербургских лучей на местах. Всем известно, конечно, стремление правительства Николая I к насаждению в русском народе казенного православия и искоренению религиозного разномыслия. Создавались особые учреждения в Петербурге, ведавшие дело борьбы с расколом, писались циркуляры, вызывавшие немедленные отписки с мест и т. д. В результате этой деятельности в столичных архивах накопились горы документов. Но тот, кто на основании только этих столичных документов вздумал бы писать историю старообрядчества в эпоху Николая I, впал бы в грубую ошибку. При всей добросовестности в лучшем случае он дал бы лишь картину правительственных мероприятий против религиозных отщепенцев. Подлинная жизнь, напр. старообрядчества, протекала на местах и может быть освещена только местными документами. Да и на местах она складывалась по разному, в зависимости от местных условий, и в Нижегородской, скажем, губ. старообрядчество жило не так, как в Саратовской. Кто же, кроме местных историков может подготовить материал для выявления истории старообрядчества во всей его широте и полноте. По этому поводу разрешу себе привести маленький конкретный пример. В отечественную войну правительство обратилось к дворянству с призывом жертвовать на общее дело борьбы с Наполеоном людьми и деньгами. Такое обращение в форме циркуляра было получено и саратовским дворянством; в положенный канцелярскими порядками срок, в Петербург был отправлен из Саратова ответ, что наше дворянство, ревнуя к престолу и отечеству, с радостью приносит на алтарь его по стольку-то рекрут и по стольку-то рублей с 1000 душ. Между тем, исследование одного из местных историков показывает, что участие саратовского дворянства в войне 1812 года было подневольным, что собирание рекрут и денег велось принудительным путем, при постоянном стремлении отделаться от этой насильственно навязанной повинности, словом, что готовность к жертвам и патриотическое одушевление существовали только в той официальной бумаге, которая пошла в Питер. Т. о., историк, не опирающийся на местные исследования, а оперирующий только с материалами столичных архивов в уверенности. что в 1812 г. вся Россия была подстрижена по одной питерской мерке, неизбежно даст неверное освещение вопроса.

Мы имеем капитальный труд проф. Писаревского по истории иностранной колонизации в России, труд тем более ценный, что он целиком составлен на основании неопубликованных до того архивных материалов. Значительная часть этого труда посвящена немецкой колонизации в Саратовском крае по тем данным, которые проф. Писаревский нашел в архиве столичного учреждения, ведавшего вызовом и устройством в России колонистов. Документы, легшие в основу труда почтенного ученого, безусловно. конечно, подлинные и оперирует он с ними вполне научно. Тем не менее, даже после беглого просмотра находящегося в Саратове архива конторы иностранных поселенцев я не сомневаюсь, что знакомство с этим делопроизводством во многом заставило бы проф. Писаревского несколько иначе взглянуть на вопрос. Одно дело сочинять в столице проекты и циркуляры,—другое—в какой форме они выльются на местах. В этом случае могу опереться на авторитет проф. Кизеветтера, рецензировавшего труд Г. Г. Писаревского.

Такое крупное явление в жизни России второй пол. XVIII в. как пугачевщина может быть понята во всех своих деталях лишь после работ на местах, в тех областях где действовал Пугачев или куда дошли отголоски вызванного им движения. И такое изучение—дело местных историков, в частности и саратовских. Для меня нет никакого сомнения, что архивные материалы саратовских архивов при надлежащей их обработке внесут не мало нового и свежего даже в такой, в значительной степени обследованный вопрос, как пугачевщина.

Но если бы мы ограничились лишь тем, что рассматривали бы нашу саратовскую историю только как подсобный материал для уяснения хода общерусского исторического процесса, мы оказались бы повинны в недооценке ее значения. Значение это во всяком случае гораздо шире и глубже. Не следует забывать, что в пределах среднего и нижнего Поволжья имели место такие исторические явления, которые, с одной стороны, имеют цену сами по себе, а с другой—в значительной мере влияли на ход русской истории, на образование так часто уже упоминавшегося общерусского исторического процесса.

Ведь нельзя забывать, что именно в пределах нашего родного края сложилась и существовала в течение веков одна из сильнейших империалистических держав востока Европы, а именно Хозарское царство, так наз. Хозарский каганат. При благоприятных условиях автор этой книги надеется заняться историей Поволжья за средние века и тогда постарается подробнее выявить ту роль, которую сыграл в свое время Хозарский каганат. Теперь же скажу только, что роль эта вообще далеко не выяснена, а по отношению к нашему государству или не принимается в расчет или преуменьшается. А ведь именно хозары на далеком востоке Европы сделали то, что на другом конце свершил Карл Мартел. Они в течение веков сдерживали

яростный натиск воинствующего ислама и не позволяли распространяться арабскому владычеству на север от Каспийского моря. Что касается культурных влияний на соседние с каганатом русские славянские племена, то не следует забывать, что и доселе, напр., мы пользуемся заимствованной у хозар системой веса и наш блаженной памяти серебряный двугривенный, есть прямой потомок того арабского диргема, который являлся ходячей монетой в хозарском царстве. Ни для кого теперь не секрет, что одной из причин, повлиявших на образование русского государства является факт подчинения хозарскому владычеству некоторых из русских племен. Можно итти дальше и доказывать с большой долей вероятности, что об'единение и северных племен под властью варяжских князей в конечном счете не обошлось без посредствующего влияния тех же самых хозар. Ясно, что изучение истории Хозарского царства не лишено интереса и может повести к уяснению многих капитальных вопросов, почему и заслуживает, конечно, полного внимания. Но изучая историю хозар, разве мы тем самым не изучаем историю нашего Поволжья за время существования Хозарского царства.

Те бесконечные кочевнические племена, которые в течение долгого ряда веков, непрерывным потоком грозили затопить Европу, все прошли через наши степи. Особенно благоприятные условия приволжских мест задерживали их у нас иногда на много лет. И изучая данное явление, мы неизбежно должны обратиться к уяснению причин, задерживающих кочевников по средней Волге, т. е., опять таки обратиться к изучению прошлого нашего края.

Одна из таких волн, почти последняя по времени своего появления из глубин Азии, особенно прочно оседает на Волге, образовав здесь ту державу, которая известна под именем Золотой Орды. Ее столица—Сарай—делается центром, откуда татарское влияние распространяется на вековую данницу Золотой Орды—русскую землю. Вопрос о значении этого влияния на ход русского исторического процесса может быть оспариваем только в деталях, а не в целом. Татары наложили на нас такую печать, которую мы носим и по сей день и еще долго будем носить. Уж слишком тесно было многовековое сожительство, слишком близки связи с татарщиной, чтобы они могли пройти бесследно для русского народа. Несмотря на все успехи, сделанные исторической наукой, несмотря на обилие документального и археологического материала, растущего с каждым днем, мы до настоящего времени не имеем истории Золотой Орды. Книга немецкого ученого Гаммера-Пургшталя, насколько мне известно, была единственной и к тому же весьма неудачной попыткой в данном направлении. Придет время и мы, конечно, будем иметь работу, отвечающую всем научным требованиям. И такая работа будет опять таки по существу, историей среднего

и нижнего Поволжья за XIII—XV вв., т. к. именно на территории Поволжья сложилось ядро татарской державы, в наших пределах находилась столица Золотой Орды, в нашей земле лежат кости тех ханов, перед которыми склонялись во прахе русские князья.

На ряде примеров я пытался показать то значение, которое изучение прошлого нашего края должно иметь для уяснения общерусского исторического процесса, служебное, так сказать, значение местной Саратовской истории. Также из ряда примеров мы видим, что она представляет и самодовлеющий интерес. Но теперь мне хотелось бы указать и на то, что история того края, который мы считаем своей родиной, прошлое этого небольшого клочка земли играло свою роль и в ходе мирового исторического процесса. Для того, чтобы облегчить эту задачу я позволю себе сделать небольшое отступление по вопросу о единстве мирового исторического процесса, о том, что изолированных историй не существует. В доказательство и пояснение я укажу только два примера, уже раньше меня использованные. другими, (Д. Н. Егоров. Империализм. Литогр. курс 1910—11 г.г. лекция 1-я), на два факта: один положительного характера—Греция, другой отрицательного—Россия эпохи Ивана Грозного Обычно они рассматриваются как явления самобытные, подобных которым мы не наблюдали нигде в другом месте или в другую эпоху. И между тем, при ближайшем исследовании оказывается, что дело обстоит совсем не так. „Возьмем сначала положительный пример—греческую культуру. Всегда указывали и сходились на том, что значение греческой культуры колоссально, что древний мир и мы прежде всего связаны с греками, а не с римлянами тысячью отдельных нитей. Всегда указывали, что Греция оплодотворила всю дальнейшую культуру, а с другой стороны особенно подчеркивали, что греки—это тип особого народа, с необычайной и нигде в прошлом не встречающейся талантливостью; народ, поставленный в необычайно удачные условия климатические и географические. Что климат здесь благоприятен,—на это уже сами греки обращали внимание. Это климат, не располагающий к восточной неге и лени, так как здесь не жарко, или к апатии севера, так как здесь не холодно. Это климат умеренный. который позволяет гармонически развиваться всем особенностям человеческой души, всякой инициативе. Указывали на то, что географическое положение Греции как будто особенно выгодно. Она лежит на пути и перепутье между востоком и западом и невольно является передаточным и узловым пунктом. Море, которое Грецию омывает,—особенное, не раз'единяющее, а соединяющее и масса островов в море, окружающем Грецию (как выразился один грек), точно жемчужное ожерелье соединяет Грецию с одной стороны с М. Азией, а с другой—с Италией. Словом, здесь все условия сложились необыкновенно выгодно и удачно. С другой стороны—сам народ, необычайно

талантливый, в таких условиях климат мог целиком проявить себя. Всегда указывали, что появление этого особенно талантливого народа,—откуда он появился—это вопрос спорный и точно времени его появления мы не знаем,—своего рода чудо. Высокая культура и талантливость—это явления чисто греческие, явления самобытные и здесь культура как бы самозародилась Почти все с этим молча, а иногда и превознося, соглашались, а именно—Греция является историческим феноменом, совершенно исключительным и новым".

„Но вот спрашивается, в самом ли деле Греция, ее громадная культура и то колоссальное влияние, которое эта культура оказывала и оказывает сейчас на нас, являются настолько обособленными и самобытными, имеется ли здесь чудо самозарождающейся культуры? Современная наука может ответить на этот вопрос только отрицательно. Но еще сравнительно недавно мы не могли бы дать такого категорического ответа. Теперь всякие колебания устранены и мы с уверенностью можем сказать: нет! Греки и их культура, как и всякая другая культура какого нибудь северного маленького племени или народа центральной Азии и Африки, выросла на основании той культуры, которая окружала в свое время Грецию и оказала на нее свое действие. Красивые слова и картины тех ученых, которые так превозносили самобытный греческий гений, не могли выдержать критики каких то невзрачных разбитых черепков, остатков расписных сосудов, каких то заржавленных обломков металлов, которые заступ археолога извлекает из недр земли. В течение многих десятилетий продолжалась как будто грязная, но на самом деле неоценимая и важная работа; и только в последнее время обрисовались новые, поражающие наше воображение, картины. Перед нами из-за непроницаемой до того завесы открывается новый мир, который должен привести к пониманию Греции, того, как сложилась греческая культура. Теперь можно прямо указывать на источник тех или иных культурных позаимствований, сделанных Грецией. Но все позаимствования Греция так или иначе переработала: она переработала чужую культуру также, как это делает и всякий другой народ. Этот новый мир, который открылся на нашей памяти, принадлежит эпохе, предшествующей исторической Греции, той, которую мы привыкли называть Микенской. Мы вправе сказать теперь, что Микенская эпоха есть ученический период Греции. Пока трудно с положительностью сказать, сами ли греки являются носителями этой микенской культуры, или они появились уже после, когда эта культура уже сложилась и как изголодавшиеся ученики с готовностью целиком восприняли ее; но важно то, что вся греческая культура не местная, она не самозародилась, она вся перенята у соседей, более культурных и более старых в культурном отношении:—она вся восточного происхождения. Итак, только что приведенный „положительный" пример—Греции—как мы видим отпадает. Гре-

ция и греки представляют полную аналогию со всеми другими народами: новыми и старыми, крупными и малыми".

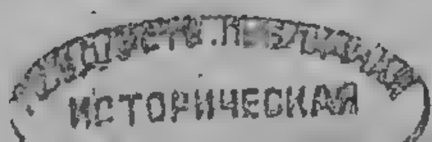
Перейдем теперь к другому примеру обособленности, на этот раз уже отрицательного характера, к Московскому государству XVI ст. Московское государство того времени—это далекая европейская окраина, с чрезвычайно невыгодными географическими и климатическими условиями.

„Западно-европейские географы долго колебались в вопросе, составляет ли оно часть Европы или это азиатский клин, попавший в Европу и до Петра I бывший отрезанным от нее ломтем. Историю Московского государства с точки зрения заграницы можно было не изучать, так как она не содержит общеевропейских элементов, является *местной* историей. Но в последнее время эта точка зрения колеблется и удержать ее нельзя. Европейский интерес к русским делам начинали раньше с Петра I, потом стали углублять его и начинать с Алексея Михайловича, указывая, что уже у него есть те самые проявления, которые наблюдаются при Петре и которые он осуществил в течение своей жизни. Но и на этом западно-европейские историки не остановились. Указывали дальше, что уже Иван Грозный и его эпоха—это прототип эпохи Петра I. Указывали на то, что борьба Грозного со шведами в сущности таже самая борьба за путь к Балтийскому морю, которую мы наблюдаем при Петре Великом. Указывали на то, что завязывание сношений с Англией есть ни что иное, как та же задача, которую преследовал и Петр с его поездками в Европу, кораблестроением и т. д., что все это миниатюра непосредственных прямых сношений с Западной Европой, к которым стремился и осуществил Великий Петр. Таким образом в определении момента, когда кончается якобы азиатский период русской истории, замечается сильное колебание: хронологические границы передвинулись на 150 лет, а где есть колебание, там кроется какая то ошибка, на которой приходится остановиться.

„Но прежде всего приходится сказать несколько слов о стремлении Грозного к морю, о завязывании дипломатических и экономических сношений с Англией и, наконец, о стремлении его не только на З., но и на В; о взятии Казани и Астрахани, о покорении Сибири, в чем можно также видеть аналогию с Петром. Ведь и Петр интересовался нашими сношениями с Китаем и Персией не менее, чем связью с Западом. Можно сказать, что стремление Грозного на Запад и на Восток должно быть поставлено в *общеевропейские* рамки. Пока эти явления не достаточно оцениваются именно потому, что их ставят и рассматривают только с точки зрения местной русской истории. Спрашивается, можно ли движение к морю—с одной стороны и стремление на Восток—с другой—вдвинуть в общеевропейские рамки и сказать, что таково было направление интересов тогдашней З. Европы. Или м. б. это было случайное явление, м. б. Ермак

просто шел в сторону наименьшего сопротивления, а вовсе не подчиняясь требованиям эпохи; пошел в Сибирь, сражался с различными полчищами, покорял их и завоевал, но совершенно не понимая насколько это завоевание значительно? Есть-ли в этом движении какая-нибудь внутренняя целесообразность, которую можно проследить не только здесь, но и на Западе, или это есть сцепление целого ряда случайностей? Поэтому в нескольких словах приходится сказать какой громадный переворот произошел в Европе в это время.

„Мы знаем, что вплоть до XV в. все торговые сношения и интересы были сосредоточены вокруг Средиземного моря, внутреннего моря между Африкой, Азией и Европой. Наибольшим интересом здесь пользовалась торговля с Востоком, с Индией и с Китаем. К торговому обмену по Средиземному морю Европа привыкла сотни и тысячи лет; поэтому фактом колоссальной важности следует считать и считалось то, что в известный момент— приблизительно от начала до половины XVI ст. этот старый и всем привычный путь засаривается. Появляется новая Турецкая империя, которая долгое время отказывается от какого-бы то ни было посредничества между Европой и Азией, врезывается клином и перерезывает экономическую жизнь Европы пополам. Долгое время такие торговые итальянские республики, как Генуя и Венеция, целым рядом удачных шагов, а иногда путем постыдных уступок, добиваются того, что по временам Турция открывает им как бы лазейку, чтобы по прежнему они могли торговать по этому старому и выгодному пути, но всетаки торговля идет не прежним путем. Чувствуется постепенное замирание старого пути и мало по малу надвигается новая идея о возможности достигнуть того, что потеряно, каким нибудь окольным способом. Происходит то, что называется открытием морского пути в Индию, затем в непосредственной связи идет открытие Америки со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Какие результаты в торговой и экономической сфере влечет за собою этот новый, небывалый в истории путь. Он ведет к тому, что прежние торговые и распределительные центры должны уступить место новым. На место Венеции, Генуи, юга Франции и т. д. выступают страны и города, которые приняли участие в открытии этих новых торговых путей. Торговля с Средиземного моря перемещается на Атлантический океан к берегам Испании, Англии, Голландии. Сюда же перемещаются экономические и торговые центры тогдашней жизни. Все старые комбинации непреодолимо должны рушиться, должна пасть мощь целого ряда торговых городов, как Венеция и Генуя, и ряда торговых и экономически сложившихся организаций, которые укоренились на прежнем старом пути. Таких организаций в средние века было не мало, но можно для нашего примера указать на могущественный Ганзейский союз, который был силен не только старой дорогой, но и тем, что все, что привозилось с Востока в Венецию

и Геную, он в разнос распространял по Европе, особенно по северной части ее. Он был гораздо сильнее какого либо северного государства своею внутренней сплоченностью и теми колоссальными капиталами, которыми он ворочал. Вследствие того, что старая дорога засорилась, дела Ганзы пришли в упадок. Одна за другой его конторы стали закрываться. И вот характерно, что Иван III, значит еще дед Грозного, как будто бы от себя закрывает и уничтожает ганзейский двор в Новгороде. Обычно это приписывается нерасположению Ивана III к Новгородской вольнице. Но новгородские порядки—сами по себе. а Ганзейский двор в Новгороде—сам по себе. В действительности дело об'ясняется тем, что ганзейский двор начал давать слишком мало доходу, чтобы им можно было компенсировать хлопоты, причиняемые его существованием Новгороду и государству, гл. обр., хлопоты международные. Уменьшение доходов было следствием падения Ганзы, а последнее было результатом упадка старого торгового пути по Средиземному морю. И вот перед нами открывается любопытный факт: в далекой Московии, в Новгороде, открытие новых путей и перенесение экономического центра с Средиз. моря на Атлант. ок. учитывается немедленно. Иван III сейчас же ставит вопрос, что делать с этим падающим ганзейским союзом? Он не выгоден и московский великий князь прекращает с ним всякие дела. Его внук-Грозный—делает шаг дальше и опять в уровень с европейскими событиями.

„Сейчас же после открытий, сделанных мореходами Испании и Португалии, с перемещением экономического центра на побережья Атлантического океана, начинается упорная борьба между Испанией и Англией. Эта борьба оканчивается поражением Испании и гибелью великой армады в 1588 г. Но в течение 30 лет идет борьба не на жизнь, а на смерть, пока решается вопрос, явится ли Испания монополистом на море и будет ли вместе с тем океан закрытым морем, или и другие народы будут пользоваться теми выгодами, которыми одно время были наделены Испания и маленькая Португалия. Спрашивается по этому, случайно ли выбор Грозного пал на Англию? Мы знаем, что в то время в Архангельск заходили не только английские корабли, но и голландские. Но время Голландии еще впереди; только Петр I будет увлекаться Голландией, как ею увлекалась тогда Европа. В эпоху же Грозного производит впечатление борьба Англии за преобладание—Англия побеждает и это, повидимому, отражается и на данном факте. Грозный вступает в торговые сношения не с Испанией или Голландией, а с Англией. Он идет темпом европейской жизни.

„Даже такое явление, как покорение далекой Сибири, не только можно, но и должно вдвинуть в рамки общеевропейской истории. Дело в том, что когда Англия и Испания вели свой 30-ти летний спор и весы колебались то в ту, то в другую сто-

рону, начинаются поиски новых путей соединения Европы с далекой Азией, и не только с Индией, но также и с Китаем—несметно богатым по тогдашним представлениям—стремились найти северный путь, ведущий на запад, т.-е. думали, что удастся найти пролив в материке С. Америки. И географическая номенклатура до сих пор сохраняет имена этих открывателей—Девиса, Баффина, Гудсона и т. д.; стремятся найти путь и в противоположном направлении: по северу на восток по Ледовитому океану вокруг Азии. Все эти попытки как раз современны Грозному и мы будем еще иметь случай подробнее остановиться на них для уяснения вопроса о том, как они в конце-концов отразились и на истории нашего Поволжья. Итак, Европа стремится на восток, тоже самое делает и Грозный. Казань и Астрахань являются неудобными соседями, между прочим, и в торговом отношении. Они вредят торговым сношениям, также как и многочисленные мелкие сибирские князьки, заграживающие торговую дорогу в далекий Китай.

„Чтобы очистить последний путь выдвигаются особые посты, которые направляют все глубже и глубже в Сибирь. Идея завоевания Сибири зародилась еще до Ермака; еще раньше составляли проэкт завоевания Сибири. Мы знаем, что еще в 1498 г. русские появляются в Сибири в качестве колонистов и все более и более продвигаются вперед по долине Оби, т.-е., почти за целое столетие до официального покорения Сибири.

„Это движение на восток идет в унисон с стремлением общеевропейским, как и ряд других фактов из эпохи царствования Ивана Грозного. Многое будет для нас ясней, если отрешиться от мысли, что русская история того времени, была историей только „самой по себе". Северная Европа—есть часть Европы и ее история есть только часть общеевропейской.

„Характерна еще особенность, доказывающая, что Ермак идет не только под давлением собственного влечения к завоеваниям, но и под влиянием общеевропейского настроения в пользу отыскания новых путей на восток. Ермак идет по совершенно определенному пути, по старой торговой дороге, настолько старой, что мы можем проследить ее вполне до VIII века нашей эры, значит, на протяжении 7—8 столетий. Это очень любопытно: Ермак идет не наугад, а по *проторенному* пути, который, по обстоятельствам для нас неясным, был оставлен и заменен новыми и лучшими, вероятно, теми южными путями, которые в XVI ст. были окончательно перерезаны турками.

„Из этих двух примеров—Греции и Московского государства мы видим, что нет в мире такого исторического народа, который имеет *свою собственную* историю, который начинает *свою* историю и культуру, а не получает ее извне, который живет *только* своей собственной жизнью. Он должен подчиняться тем требованиям и проявлениям, которые данная историческая эпоха выдвигает для всех его соседей.

В заключение позволю себе указать еще на один пример того, как далеко простираются исторические нити, связывающие в одну ткань жизнь всех народов. В последнем печатном труде покойного уже теперь акад А. А. Шахматова (Древнейшие судьбы русского народа) приводятся очень веские соображения в пользу того, что распределение славянских племен на русской территории к X в. сложилось в зависимости от распадения аварского царства. В этом случае разгром аваров Карлом В. и его преемниками немедленно и неизбежно повлек за собой движение кривичей к верховьям Оки и Волги, хотя, конечно, ни одному кривичу не приходило в голову, что он двигается под влиянием повелительной необходимости, вытекающей из военных успехов совершенно неизвестного ему франкского короля.

Связь событий, совершавшихся в нашем Саратовском Поволжье с общеевропейской историей может быть прослежена до времен глубочайшей древности и вытекает эта связь из географического положения, занимаемого краем. По этому поводу позволю себе привести несколько выдержек из недавно опубликованного труда одного из наиболее выдающихся исследователей прошлых судеб юга России *). Степи юга России, говорит он, широко раскинувшиеся от Дуная и вплоть до предгорий Урала, к северу от Черного моря, Кавказа и Каспийского моря, сыграли в культурно-историческом развитии человечества не маловажную роль. Строение местности и географическое положение в значительной степени предопределили эту роль. Степи юга России, частью богато поросшие травой, частью покрытые лесами и перелесками, особенно по многочисленным, типичным для юга России, балкам и оврагам, доходят до самых берегов Черного моря. Северное побережье Черного моря, за исключением южного берега Крымского полуострова, и все побережье Азовского моря сплошь степные. Тесно связанная с морем южнорусская степь перерезана рядом могучих рек, каждая с широкоразвитою системою притоков: Днестр, Буг, Днепр, Дон, наконец, Волга и Урал. Между Черным (с Азовским) и Каспийским морями степи подходят к Кавказскому горному хребту; на западе они тесно связываются с могучим Дунаем и его бассейном; на востоке сближаются с предгориями Урала и сливаются с прикаспийскими, приаральскими и южно-сибирскими степями; на севере они составляют одно неразрывное целое со всей центральной и северной Россией.

Этим область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии.

*) М. И. Ростовцев. Эллинство и Иранство на юге России.

Через Кавказ южнорусские степи находились в ближайшем и теснейшем общении с творческой культурой и государственностью М. Азии и Закавказья, создавшей последовательно ряд мощных мировых держав: Митанни на востоке и Хетское царство на западе, позднее (в IX—VIII в.в. до Р. Х.) закавказское Урарту, Халдское или Ванское царство с центром у Ванского озера. Здесь родилась и упрочилась своеобразная и самостоятельная цивилизация, определившая на долгий ряд веков культурное будущее малоазийского мира.

Эти области в науке принято обозначать именем *алародийских*, автором которого является Геродот, или по новейшей, созданной в России терминологии, библейским именем *яфетических*. Как показывают новейшие лингвистические открытия, алародийцы или яфетиды более близко связаны, может быть, с арийцами Западной Европы—кельтами и италиками, чем это мы предполагали до сих пор.

С этим миром, имевшим огромное значение в истории нашего юга, южнорусские степи соединяло и Черное море; южное его побережье, заселенное сплошь племенами алародийской ветви, стоит в неразрывной связи с глубоко вдвинутым в Черное море Крымом, главным образом, с его гористым южным берегом. Превосходные гавани южного побережья Крыма всегда были, и не могли не быть, широко открытыми воротами для культурных влияний, шедших из таких же прекрасных гаваней южного побережья Черного моря: Трапезунта, Гераклеи, Синопа, Амиса. Крым же, с своей стороны, является южным, выдвинутым в море форпостом южнорусских степей.

Не менее прочны и неизбежны были, однако, связи южнорусских степей с западом. Если на востоке южнорусские степи неотделимы от степей западной Азии, то на западе они доходят до берегов Дуная и его притоков и этим ставятся в тесную и неразрывную связь со всем югом средней Европы и севером Балканского полуострова, т.-е. со всей той европейской так называемой доисторической культурой, самостоятельность и высоту достижений которой ярко доказали новейшие работы по доисторической археологии Европы.

Ближайшим образом юг России соединен как раз с тою частью западной Европы, которая дала в области доисторического творчества наибольшее количество оригинальных и творческих достижений, со сферой распространения так называемой керамики спирали и меандра, определяющей собою наиболее пышный расцвет ново-каменного и медно-каменного века в западной Европе. Эта связь с средней Европой косвенно соединяет южнорусские степи и с греко-латинским миром, постольку, поскольку Дунай и его притоки доходят своими верховьями почти до берегов Адриатики и Эгейского моря.

Не этот путь, однако, привел степи юга России в ту ближайшую связь с эллинским миром, которая, как и связь с восто-

ком, положила свою печать на культурную физиономию юга России. Этой тесной, многовековой и неразрывной связью южнорусские степи обязаны были Черному морю, берега которого, по существу, составляют продолжение средиземноморского побережья как азиатского, так и европейского. Естественные каналы—Дарданеллы и Босфор—и ласкающее Мраморное море были широкооткрытой дорогой из Средиземного в Черное море, давая приют мореплавателям в ряде превосходных гаваней, цепь которых продолжается затем и по всему северному и южному побережью Черного моря: на юге ряд превосходных горных бухт, на севере—устья больших рек и ряд единственных в своем роде гаваней Крыма.

В силу всех вышеуказанных связей и в силу своей структуры степи юга России об'единили в себе все названные выше, определяющие мировое развитие, культурные струи, взаимодействие которых создало тот культурный облик степей юга России, который открывается перед внимательным исследователем. Самостоятельным и творческим центром культурного развития южно-русские степи сделаться не могли. Слишком широко открыта была дорога по этой широкой равнине для передвижения крупных масс населения с востока на запад и с запада на восток, чтобы возможно было здесь устойчивое, длительное и самостоятельное развитие, Степи с их раскошными травами всегда манили к себе конных кочевников, движения которых с востока на запад не могли задержать даже могучие реки, зимою покрывающиеся льдом. Между тем, с севера и с юга движению в эти стороны были поставлены непреодолимые преграды:—с юга—моря и Кавказ, с севера—леса и болота центральной России. Создавался как бы широкий степной коридор, связывавший Азию и Европу.

Но сам по себе этот коридор давал такие преимущества поселенцам, которые заставляли движущиеся массы подолгу задерживаться в нем и употреблять все усилия, чтобы удержать и укрепить его за собою. Роскошные пастбища, легко превращавшиеся в тучные поля и нивы, достаточное количество леса для построек и топлива, могучие, легко судоходные, тихие реки, необычайно богатые рыбой и связанные с морем, легкое получение металлов из соседнего Кавказа и Урала, огромный запас пушнины, сплавлявшейся по рекам из средней России и обеспечивавший от лютых подчас морозов,—все это привязывало поселенцев к этой благословенной стране и заставляло их пытаться создавать здесь сильные государственные образования.

Обеспечить их прочность было, однако, не легко. Естественных, легко защищаемых границ ни на востоке, ни на западе не было. Удержать сильное движение сплоченных масс было поэтому делом трудным, а подчас и неисполнимым, особенно если приходилось бороться на два фронта. На юге море, незнакомое и чуждое степнякам—кочевникам, давало возможность

развиваться крепким и богатым городским поселениям пришлых эллинов. Завоевательное движение на север конным степнякам было не под силу, а между тем, реки открывали широкую дорогу северянам для движения на юг, к берегам южного моря.

В силу всех этих причин государственные образования в степях юга России, регулярно появляющиеся и существующие иногда по нескольку столетий, не могли быть прочны, тем более, что у них не было и естественного центра. Но они от времени до времени могли сплачиваться и утверждаться и в эти промежутки создавать очаги оригинальной и интересной культуры, где, по необходимости, смешивались культурные достижения востока, юга и запада.

Эта смешанная, богатая культура этап за этапом шла на север по великим водным путям и здесь оплодотворяла местные начатки культурной жизни, сочетаясь со встречными течениями, шедшими с севера и, гл. обр., с северо-запада. Этот не прекращающийся поток для истории русской культуры есть явление первостепенной важности, определяющее собою культурное развитие России и делающее истории степей юга России составной частью истории России вообще, без которой история России нами никогда понята и оценена не будет.

Но этим роль степей юга России не исчерпывается. Одно за другим культурные государственные образования южных степей России под напором могучих волн, движущихся с востока народных масс проталкиваются все далее и далее на запад и здесь вливаются в море средне-европейской культуры, насыщая ее новыми и творческими элементами.

Этим культурная история южно-русских степей входит в историю культуры З. Европы и требует к себе самого пристального внимания. Без ее изучения многое в истории З. Европы останется навсегда загадочным и непонятным.

Все сказанное относится вообще к степям юга России и по отношению к нашему краю не всегда может быть прослежено с полной отчетливостью и полнотой. В особенности следует это заметить по отношению к древнейшей эпохе. Зависит это, однако, не от того, чтобы нижнее и среднее Поволжье в данном отношении представляло собою какое-то особое, отличное от всего юга России явление. Конечно, и наша область имеет свои особенности как в структуре, так и в географическом положении, влиявшие на культурную жизнь этой части обширной степной области. Но все такие особенности лишь накладывали некоторый своеобразный отпечаток на одинаковую в общем историческую физиономию. Трудность выявления культурных взаимоотношений для нашего края в древнейшую эпоху зависит исключительно от состояния наших познаний в этой области, вытекающего в свою очередь от состояния источников познания.

Слишком еще мало имеем мы в своем распоряжении памятников материальной культуры для познания того, кто, как и под какими воздействиями обитал в наших местах в древнейшую эпоху заселения их человеком. Но такое явление только временное: археологическое обследование Саратовского края на вполне научных основаниях еще едва начинается и не только каждый год, но даже каждый день и час могут принести нам неожиданные открытия в этой области. Однако и того немногого, что уже имеется в нашем распоряжении, достаточно для обоснования полной вероятности, если не прямых сношений, то, по крайней мере, культурных отражений, связующих культуру нашего Поволжья в древнейшую эпоху с востоком, Месопотамией, греко-римским миром и западом Европы. Для подтверждения этого достаточно привести на память лишь некоторые предметы, хранящиеся, напр., в местном археологическом музее, или некоторые факты из недавних археологических раскопок и разведок. Так, напр., в музее Саратовского О-ва И. А. и Э. имеются клиновидные медные топорики, по типу своему весьма близкие к тем, какие находятся в Вавилонии. Здесь на месте они изготовлены быть не могли уже хотя бы потому, что никаких металлов, в том числе и меди, в наших местах не имеется. Т. о., мы имеем здесь дело с привозным товаром. Я не хочу этим сказать, что указанные топорики пришли сюда прямо из Месопотамии, но во всяком случае какая-то связь, прямая или косвенная, существовала между Поволжьем и далекой Вавилонией еще задолго до нашей эры. А где существовала связь, там, тем самым, мы должны считаться и с культурными влияниями. Для несколько позднейшей эпохи гораздо ощутительнее связь с более близким для нас Закавказьем и попадающиеся на территории Саратовского края в значительном количестве уродливые, литые из меди, изображения человечков, несомненно или происходят из стран, лежащих за Кавказским хребтом, или, если и создались здесь на месте, то несомненно под сильным влиянием процветавшей в Закавказье культуры.

Находки поделок из таких горных пород, нахождение которых возможно только в глубинах восточной Азии, опять таки с очевидностью указывает на существование каких-то взаимоотношений нашего края с далеким востоком.

Раскопки 1920 года, а также и более ранние обследования, произведенные на городище близ с. Терновки Камышинского у., дали намеки на то, что нашему краю не чужды те площадки, которые в Киевском Триполье дали такую массу находок, характерных для культуры спирали и меандра, и которая по месту первоначального открытия следов ее в России носит название трипольской. Если дальнейшие находки подтвердят предположения наших археологов, то мы будем иметь в своих руках несомненные доказательства того, что западно-европейские культурные отражения эпохи новокаменного века ощущались и на са-

мом крайнем востоке европейского материка. Не следует забывать и о наличии находок, носящих несомненно Готский характер.

Связь Саратовского Поволжья с греко-римским миром доказывается такой массой находок всякого рода, что в длительном и довольно прочном существовании ее не может быть никаких сомнений. В местном музее хранятся греческие торговые пломбы, найденные на городище близ п. Дубовки. По определению такого специалиста в греческой эпиграфике, каковым является академик Латышев, они относятся к VI в. до Р. Хр. Монеты различных черноморских греческих колоний вовсе не редкость на территории нашего края. Также обычны находки и римских монет I—III в. по Р.Х. Что эти сношения влекли за собой известное воздействие на культурную жизнь населяющих наши степи народностей доказывают те бытовые остатки, которые добыты, напр., из раскопок по р. Латрыку, на границах Саратовского и Аткарского у.у. Летом 1920 г. при раскопках одного кургана по р. Еруслану недалеко от села (теперь города) Ровного при одном из погребений было обнаружено несколько скарабеев. По предварительному обследованию проф. Баллода скарабеи относятся к римской эпохе и эта маленькая подробность дает лишний штрих в подтверждение указанной мною интенсивности сношений Поволжья с областями, имевшими римскую культуру.

Еще бо́льшее количество всякого рода находок можно привести в подтверждение того положения, что Саратовское Поволжье некогда целиком входило в сферу влияния скифской державы, если только не составляло одну из провинций этого обширного и могущественного государства. Типичные для скифов бронзовые стрелки тысячами извлекаются из песков Камышинского уезда; столь характерные медные котлы, форму которых невозможно смешать ни с какой другой, прямые мечи, удила особого вида и т. д., так обычны в нашем крае, что нет, кажется, ни одного, даже самого маленького, собрания древностей, где бы мы не встретили таких предметов. Конечно, центр скифской культуры и державы находился далеко на запад от Волги, но влияние ее у нас так очевидно, что его не приходится доказывать.

В своем затянувшемся обзоре я привел не мало фактов, показывающих, что Саратовское Поволжье лежало на пути культурных и народных движений, шедших с востока на запад и в обратном направлении. Весьма естественно, что проторенными в течение тысячелетий дорогами человечество начало пользоваться и для целей торговых. Лично я не сомневаюсь, что торговые пути, идущие в широтном направлении, пересекали наше Поволжье с незапамятных времен. Но слишком еще мало документальных данных можно пока привести в подтверждение подобного утверждения и приходится ограничиться пока лишь одними намеками, доставленными в наше распоряжение немногими находками и случайными историческими свидетельствами. Я

только что говорил о находке близ посада Дубовки свинцовых греческих пломб VI в. до Р. Хр. Сами по себе эти вещицы так неказисты и малоценны, что не могли быть предметом чьего нибудь желания и единственное, поэтому, возможное об'яснение их нахождения в пределах нашего края заключается в том, что они попали сюда лишь вместе с теми товарными тюками, которые этими пломбами скреплялись. Если это так, то уже за шесть веков до нашей эры существовали какие то торговые сношения между черноморскими греческими колониями и нашей Волгой. Путь, которым зашли к нам пломбы, в данном случае намечается вполне естественно: от Воспора или Танаиса, как наиболее близких к Поволжью греческих колоний, Доном до Переволоки и затем сухим путем на Волгу. Для данной эпохи дальнейший путь не ясен, но если принять во внимание сравнительную многочисленность находок греческих колониальных и римских императорских монет раннего периода в наших заволжских степях, то позволительно догадываться, что древняя торговая дорога могла направляться от низовьев Волги степью к Уралу. Этот путь под влиянием тех или иных политических комбинаций по временам засаривался, но никогда не забывался и средние века, унаследовавшие торговые дороги древности, унаследовали, между прочим, и его. В VI ст. византийские императоры, в поисках обходных путей помимо враждебной Персии, вспомнили и о старом пути через приволжские места на восток и в течение нескольких десятков лет пользовались им для сношений с возникшей в глубине Азии турецкой державой, добывая из далекого Китая драгоценный в то время шелк.

Дорога через волжские низовья на восток более популярной становится к концу средних веков (б. м., такое впечатление получается и от обилия документов для данной эпохи) и итальянские, вообще средиземноморские торговцы, пользовались ею долго и охотно.

Помимо только что указанного пути с запада на восток в пределах нашего края пролегал и еще один старый и торный путь— с юга на север, т. е. в меридиональном направлении. Путь этот шел по течению р. Волги, и теперь еще являющейся одной из самых удобных дорог для грузов, следующих в меридиональном направлении. Трудно думать, чтобы спокойное течении красавицы Волги не было использовано для торговоэкономических целей с самых первых времен поселения на ней человека. Отвергая это, мы лишаем себя единственно возможного об'яснения тех взаимоотношений, которые в культурном отношении наблюдаются с глубочайшей древности между областями, расположенными по Волге и ее притокам. За то тем яснее торговое значен
кого волжского пути для средних веков. Шведский ученый Арне рядом неопровержимых фактов с большой убедительностью доказал, что норманны для своих сношений с востоком использовали течение Волги гораздо раньше, чем вошел в употребле-

ние знаменитый путь из варяг в греки. По крайней мере с 800 г. Волга сделалась нитью, соединяющей прикаспийские страны с северозападом Европы. Это значение ее особенно возрасло с конца XVI в. и не утрачено ею до наших дней.

Т. о., наш край лежит на пересечении двух древнейших путей: одного из южной Европы в ср. Азию и другого—из северо-западной Европы в Персию и окружающие ее страны. Это положение определяет роль Саратовского края и его исторические судьбы на протяжении целого ряда веков. Это же положение связывает его судьбу непосредственно с историческими судьбами тех европейских стран, жизненные интересы которых затрагивались путями, проходящими по краю. Другими словами: история нашего родного края тем самым входит и в общеевропейскую историю.

ГЛАВА II.

Мы видели, какие разнообразные судьбы переживало наше Поволжье в течение последних 3 тысячелетий, как интересно его прошлое и как тесно оно связано с ходом не только общерусского, но и мирового, пожалуй, исторического процесса. Для уяснения многих подробностей как того, так и другого, изучение истории Саратовского края (в тех пределах, как мы о том условимся) должно занять не последнее место среди проблем, предлагаемых историку его наукой. Какие же средства будет иметь в своем распоряжении лицо, пожелавшее посвятить себя более углубленному исследованию прошлого нашего края, и насколько такие средства будут достаточными для разрешения тех вопросов, которые неминуемо должны встать перед исследователем? Другими словами, каково количество и качество тех материалов по истории Саратовского Поволжья, которыми мы располагаем в настоящее время. В мою задачу сейчас не входит подробный перечень таких материалов с исчерпывающей характеристикой их. Я не могу этого сделать с одной стороны потому, что такое перечисление заняло-бы слишком много времени, с другой—потому, что наша местная историография находится еще в зачаточном состоянии и установление всего об'ема исторических материалов и критическое их освещение есть дело более или менее отдаленного будущего. Предварительно считаю необходимым, опять таки в самых общих чертах, наметить этапы, пройденные в деле собирания памятников местного прошлого и в изучении этого прошлого. Думаю, что это будет полезно хотя бы при установлении точек зрения на современное состояние местной Саратовской исторической науки и в определении тех требований, которые мы вправе пред'являть к работе, предлагаемой сейчас вниманию читателей.

Зарождение среди местного общества интереса к прошлому родного края дело, сравнительно, весьма недавнее. Такой интерес, прежде всего, предполагает достаточно высокий культурный уровень и проявление его находится в прямом отношении со степенью развития данного общества. Всего сто лет тому назад наш Саратов был, по уверению Грибоедова, глушью, пригодной лишь для ссылки туда на усмирение непокорных девиц. Только постепенно, с ростом населения и благосостояиия, из серой массы саратовских обывателей начинают выделяться отдельные личности, проявляющие более высокие запросы, чем заботы лишь о материальных благах. Жизнь нашего саратовского общества пока почти совершенно нам неизвестна и мы не знаем, под какими духовными воздействиями слагалась его культурная физиономия и в какой степени отражались на нем течения русской общественной и умственной жизни. Как бы то ни было, до 30-х г.г. прошлого века мы не можем указать ни на одного саратовца, проявляющего хотя бы какой нибудь интерес к тому краю, среди которого он жил. Быть может, в широких народных массах существовали предания о былом. По крайней мере об этом позволительно догадываться по кое-каким намекам позднейшего происхождения. Но эта народная историческая словесность, повидимому, была слабо развита и не дошла до нашего времени.

Пионером в деле изучения прошлого нашего края по справедливости следует назвать скромного по своему общественному положению, но горячо преданного (хоть и любительски) науке Андр. Фил. Леопольдова (1800—1875). Сын дьячка с. Ртищева он прошел тяжелую школу жизни прежде чем в 1831 г. попал на службу в Саратовскую полицию. Воспитанник Московского у-та по словесному факультету, он широко отзывался на все явления местной саратовской, а затем и самарской (по службе в Самаре) жизни. Его интересовало не только прошлое того края, где он жил, но и современное состояние; не только история или археология, но и этнография, сельское хозяйство, экономические вопросы и т. д. Выступив в печати в 1826 году с кратким статистическим обозрением Саратовского края, он до самой смерти не выпускал пера из рук и незадолго до кончины, в 1874 году, опубликовал небольшую брошюру — Исторический очерк Саратова и пугачевщины, написав в течение своей долгой жизни более 250 №№ самого разнообразного содержания, из которых многие имеют прямое или косвенное отношение и к местной истории.

Случай закинул в Саратов Леопольдова; благодаря такой же случайности почти одновременно с Леопольдовым на фоне серой саратовской жизни появилась и еще одна личность, много и плодотворно потрудившаяся на пользу исторического изучения Саратовского Поволжья. Я говорю о еп. Иакове Вечеркове, рукоположенном на саратовскую архиерейскую кафедру в 1832 г.

и правившем нашей епархией почти в течение 15 лет. Деятельность еп. Иакова была направлена, гл. обр., на собирание сырых материалов и пробуждение в среде подвластного ему духовенства интереса к старине. Но и сам он иногда выступал в печати; его перу принадлежит несколько статей исторического характера, хотя, впрочем, новейшая критика и сомневается в авторстве еп. Иакова.

Судьба продолжала благоприятствовать Леопольдову в том отношении, что с переводом в 1847 г. еп. Иакова в Н. Новгород он не остался одинок с своими, далекими от обывательщины, интересами. В том ж 1847 г. Саратов делается местом ссылки известного историка Н. И. Костомарова, который и прожил у нас безвыездно в течение целых 10 лет. Естественно, что Костомаров главное свое внимание обращал на разработку общих исторических вопросов, но попутно он интересовался и местным саратовским прошлым и его перу, напр., принадлежит очерк истории Саратовского края от присоединения его к русской державе до вступления на престол Николая I. Главная его заслуга состоит, однако, не в этом, а в том, что как редактор „Саратовских Губернских Ведомостей" он привлек к сотрудничеству и об'единил много лиц из нарождающейся местной интеллигенции.

Младший современник Костомарова Д. Л. Мордовцев, воспитанник саратовской гимназии и петербургского у-та, начал свою историко-литературную деятельность с того, что в 1856 г. был назначен начальником т. наз газетного стола в саратовском губ. правлении. С небольшим перерывом, в течение 16 л. Д. Л. прожил безвыездно в Саратове и широко использует свое служебное положение в интересах исследования края. Даже и порвав впоследствии с Саратовом—Мордовцев не забывает его и некоторые из наиболее ценных исторических работ плодовитого писателя связаны с нашим краем. Д. Л-ч писал охотно и много и, насколько мне известно, полного списка его трудов еще не имеется. Среди них до 85 работ так или иначе относятся к нашему краю и в значительной степени посвящены историческим вопросам.

Деятельность таких лиц, как Леопольдов, еп. Иаков, Костомаров и Мордовцев, даже в те далекие времена, когда не было никакого простора для общественной работы, не могла не оказать влияния хотя-бы на тот ограниченный круг, в котором эти лица вращались. Интерес к литературе вообще и в частности литературе исторической начинает все больше и больше проникать в широкие слои саратовского общества. Вместе с этим все сильнее начинают чувствоваться те неудобства, которые были связаны с таким кустарническим способом работы в одиночку. Начинает ощущаться, с одной стороны, потребность в об'единении научных сил, а с другой—необходимость в подсобных средствах для правильной постановки работы. Мысль об этом мало

по малу созревает среди небольшой группы лиц, с течением времени об'единившихся под флагом статистического комитета, но практическое ее осуществление дело главным образом двоих саратовцев: А. И. Шахматова и А. Н. Минха.

А. И. Шахматов принадлежал к одному из немногих дворянских родов, в течение многих поколений, начиная с половины XVII-в, связанных с Саратовом и его краем. На занятия местной историей он натолкнулся случайно во время своих работ по генеалогии Шахматовых. Разбирал сначала свой обширный семейный архив, а затем производя поиски в архивах правительственных учреждений, он встретил там и сям множество любопытных подробностей из прошлого края. Это в конце концов заставило его со страстью отдаться изучению саратовской истории, но, начав слишком поздно, А. И. не успел сам опубликовать многого из своих работ.

Соратник его по организации у нас первого историко-археологического о-ва А. Н. Минх (1833—1912) не получил систематического школьного образования и кроме знания новых языков и некоторого навыка в рисовании ничего не вынес из пансиона некоего московского француза Стори, где пробыл несколько лет. Недостатки своего образования он всю жизнь усиленно пополнял чтением и общением с образованными людьми. Очень рано в нем проявились литературные наклонности, соединенные с горячей любовью к родному краю. Уже глубоким стариком, лишившись зрения и употребления ног, А. Н. до самой смерти не переставал работать в полюбившейся ему отрасли науки, оставив в наследство до сотни напечатанных работ, из которых некоторые очень солидны по об'ему, а также несколько статей, оставшихся в рукописях.

Как я только что сказал, мысль об основании в Саратове исторического о-ва постепенно начала назревать по мере того, как сказывались неудобства, связанные с разрозненной работой в одиночку. Зародилась она в кружке, сплотившемся под флагом статистического комитета, и наиболее просвещенные губернаторы и предводители дворянства проявляли интерес к этой идее еще до 1880-х г.г.

Кружок этот, состоявший из небольшого числа лиц, исключительно местных помещиков, постепенно начал подготовительные работы по организации: понемногу собирались экспонаты для археологического музея, старинные рукописи и документы и т. д. В 1885 г. был, по образцу столичных ученых обществ, выработан устав, об утверждении которого и начал хлопотать А. И. Шахматов. Следуя тенденции того времени, правительственные сферы затормозили утверждение устава, воспользовавшись некоторыми формальными недочетами его, и в конце концов вместо общества истории, археологии и этнографии с очень широкими задачами было предложено учредить в Саратове ученую архивную комиссию. Т. к. никакого иного выбора

не оставалось, то волей—неволей пришлось согласиться на такое предложение, ибо комиссия, допуская в свой состав более обширный круг интересующихся стариной, чем статистический комитет, давала возможность легального об'единения и не ограничивала свои задачи только архивными вопросами.

Со дня открытия у нас архивной комиссии, т. е.—с 12/XII—1886 г., начинается второй период в изучении истории местного края. С первого же года своего существования комиссия далеко вышла за пределы, указанные ей законом. Члены основатели ее, под идейным руководством А. Н. Минха, деятельно принялись за собирание не только письменных документов, но и всяких других памятников старины, проявляя вместе с тем интерес и к современным бытовым явлениям. По существу, если не по названию, комиссия очень скоро стала тем историко-археологическим обществом, о котором мечтали ее учредители. Я не намерен здесь распространяться о скорбной повести первых годов жизни к-ии. Желающие могут подробно ознакомиться с ее богатой грустными приключениями историей из капитальной работы по этому вопросу В. П. Соколова, составленной ко дню 25-ти летнего юбилея к-ии. Постараюсь лишь в немногих словах указать на то новое в деле изучения местной истории, что связано с существованием у нас ученой архивной комиссии.

Как легально существующее о-во, комиссия немедленно по открытии вступила в сношения с другими учеными учреждениями России и высшими учебными заведениями и уже через небольшой промежуток времени в ее распоряжении оказалась обширная и ценная библиотека, гл. обр., по вопросам историко-археологическим. Это обстоятельство не только облегчило работу ее членов, но и повлияло на привлечение новых. Пользуясь своими законными правами, к-ия энергично приступила к обследованию архивов и этим путем, а также путем отбора ценных дел из уничтожаемых бумаг, удалось вскоре же образовать довольно богатый исторический архив. Раскопками и другими средствами образовался при к-ии и обширный археологический музей. Весьма естественно, что первые шаги только что народившегося общества были направлены на собирание всякого рода сырых материалов, т. к. именно отсутствие подходящего материала для работ особенно остро чувствовалось в предшествующий период. Эта тенденция к накоплению материала с течением времени обратилась как-бы в традицию, бережно хранимую и до сего дня. По разным соображениям члены к-ии не пытались давать работ обобщающего характера, пользуясь накопленным материалом, а в лучшем случае довольствовались небольшими статьями по частным вопросам и явлениям. Но зато в преследовании своей главной цели, т. е. в накоплении научного материала, к-ия сделала огромную работу, огромную даже по сравнению с 30 ти-летним сроком ее деятельности. Ее б-ка, архив и музей заключают в себе такую массу сокровищ,

что для научной разработки их потребуются долгие годы упорной ученой работы. 30-ти-летний период существования не мог не отразиться на физиономии к-ии: эта физиономия постепенно менялась. Зависело такое явление не только от того, что одни естественным путем сходили с жизненной сцены, уступая место другим деятелям. Первоначальный состав ее носил ярко выраженный сословный характер. Члены основатели ее принадлежали к нотаблям города и в дальнейшем члены рекрутировались почти исключительно из среды поместного дворянства и высших членов администрации. Только с начала текущего столетия мало по малу в нее стал проникать и другой элемент, на первых порах в виде едва терпимых одиночных лиц, а затем все сильнее, т. что к началу революции наша комиссия по составу своему была наиболее демократичным из всех Саратовских обществ. Вместе с изменением состава стала ощущаться потребность и в изменении метода работы. Члены старшего поколения в большинстве были только любителями, не специализировавшимися ни в одной из областей, прикосновенных к истории. Обычно их интересовало все, в более или менее равной степени. Одно и то же лицо с одинаковой готовностью работало и по истории и по археологии и по этнографии. Жатвы было слишком много, а делателей так мало, что сплошь и рядом приходилось браться не за то, что особенно отвечает склонностям, а за то, что в данный момент наиболее нужно. Но по мере накопления материалов отделы к-ии начинают так увеличиваться в об'еме, что для заведывания каждым из них требуется особое лицо Т. о., уже чисто механическим путем происходит известного рода специализация; по необходимости приходится пристальнее изучать один какой нибудь отдел. К необходимости специализации ведет и более широкий научный кругозор, являющийся опять таки прямым следствием накопления материала. Выросшая из требований разделения труда, таже специализация приводит, в конечном счете к убеждению, что для нее требуется и специальная научная подготовка. Если можно так выразиться, саратовская к-ия перерастает сама себя. Я не знаю, чем бы кончилось это, б. м. учреждением в Саратове археологического института, но здесь подоспело открытие у-та и вместе с тем дело изучения прошлого нашего края вступает в третий период. О роли нашего у-та в данном отношении я уже говорил в прошлой главе и потому нет надобности останавливаться на этом вопросе. Архивная же к-ия с чувством глубокого удовлетворения может сказать, что она сделала свою долю дела и передает его теперь в более надежные и верные руки.

Всем известно, что следы былой человеческой жизни доходят до нас в самых разнообразных видах: от остатков домашнего быта до лингвистических пережитков включительно. Но для историка особую важность представляют главным образом памятники материальной культуры и следы деятельности человека

века, запечатленные на письме. Первая категория памятников находится в ведении особой вспомогательной дисциплины—археологии, имеющей свои собственные методы, но конечная цель которой заключается в подготовительной разработке памятников материальной культуры для того, чтобы добытыми таким образом результатами историк мог пользоваться как источником для своих построений. Подготовка памятников письменных для целей исторических построений составляет задачу целого ряда других вспомогательных дисциплин, гл. обр. дипломатики.

Что касается первого рода памятников, т. е. остатков материальной культуры, собственно памятников археологических, то Саратовский край принадлежит к числу наиболее богатых ими. За 30 веков своего здесь пребывания человек оставил массу вещественных документов всякого рода и т. к. мы не имеем ввиду специальных занятий по изучению археологии Саратовского Поволжья, то ограничусь лишь кратким перечнем тех видов таких памятников, которые у нас встречаются особенно часто.

Принимая во внимание значительный период времени, в течение которого наше Поволжье было обитаемо разнообразными народностями, мы, как казалось-бы, в праве ожидать, что наиболее обычным у нас археологическим памятником должны быть остатки древних поселений: селища и городища. Действительно, на территории края рассеяно не мало городищ, принадлежащих разным племенам и разным историческим эпохам. Но все же их количество далеко ниже, чем можно было бы расчитывать и некоторые местности, изстари обитаемые русским племенем, в этом отношении гораздо богаче. Об'яснения этому явлению мы прежде всего должны искать в том обстоятельстве, что наши степи населялись гл. обр. кочевыми народами, не имевшими постоянных селений и городов. В связи с характером быта, обитавших у нас народов, мы наблюдаем и неравномерное распределение городищ по территории края. Сеть их гуще там, где заведомо не было кочевников, или где эти кочевники за период своего обитания в пределах Поволжья успели перейти к оседлой жизни. Сравнительно малое число городищ можно об'яснить и другим обстоятельством. Причина этого явления просто в том, что раз облюбованное человеком для оседлого пребывания место в силу тех удобств, какие оно представляет для жизни, занимается последовательно целым рядом сменяющих друг друга народностей. Почти все крупные поселения нашего края лежат на местах древних поселений, покрывая собою, т. о., их остатки. На Терновском городище проф. Баллод установил последовательную смену трех народностей, начиная с древнейшей эпохи и до татарского периода включительно. Лежащий в нескольких верстах от Саратова Увек на своей площади видел чуть-ли не все народы, прошедшие из Азии в Европу, и раскопки, рядом с предметами русской и татарской культуры дают также и каменные

орудия. Т. о., на этом месте человек непрерывно обитает почти в течение 3000 лет.

Встречающиеся у нас городища можно подразделить на две категории. Один тип, наиболее часто встречающийся в северной части правобережной половины края, представляет собою в большинстве случаев ясно выраженный вид укрепленного городка. В местности, достаточно уже укрепленной природными условиями, большею частью на мысу, образуемом слиянием рек или оврагов, укрепляется небольшая площадь посредством вала со рвом, идущим от одного оврага к другому поперек мыса. Такие городища редко достигают сколько нибудь значительных размеров по площади. Другой тип городищ—остатки неукрепленных поселений, преимущественно уже позднейшей татарской эпохи, достигают иногда огромных по постранству размеров. Достаточно указать на городище Сарая близ г. Царева, тянущееся на десятки верст. По исследованиям проф. Баллода в группе позднейших городищ также можно наметить несколько типов.

Одного происхождения с городищами являются и т. назыв. стоянки, встречающиеся по песчанным берегам больших рек или вообще в песчанных местностях. Это тоже следы бывших поселений, но благодаря свойствам почвы верхний покров здесь размывается дождем и выдувается ветром, благодаря чему культурные остатки обнажаются и лежат прямо на поверхности земли.

Есть еще один вид сооружений, обязанный своим происхождением деятельности человека. Я говорю про остатки таинственных валов, тянущихся иногда на многие версты и до сих пор еще не об'ясненных археологами.

Но особенно богат наш край другим видом сооружений, т. наз. курганами или марами. Древний обитатеь степей юга России с особенным почтением относился к памяти умерших. Могилы поэтому устраивались с непонятной для нашего времени тщательностью и над ними, очевидно с огромной затратой, труда, насыпались обширные и высокие холмы. Эти могильные холмы, то еще все высокие и куполообразные, как опрокинутая чаша, то расплывшиеся в течение тысячилетий и теперь еще заметны на поверхности земли, в бесчисленном количестве покрывают наши южно-русские степи. Многие из них уже исчезли вследствие распашки земли позднейшими поселенцами, часть погибла от других причин, но и теперь еще они тысячами насчитываются в Поволжье. Особенно много их по так называемым сыртам, низким водораздельным хребетам, столь характерным для нашего края. Особенно с таких сыртов открывается широкий кругозор и можно видеть целые десятки курганов, бесконечной цепью уходящих вдаль.

Перечисленные памятники древности лишь в исключительных случаях дошли до нас в своем первоначальном виде. Большинство их в той или иной степени пострадало и от времени, и

от людской алчности и, главным образом, от человеческого невежества. Особенно грустное впечатление производят остатки городов, которые красовались по Волге и ее рукавам в эпоху процветания Золотой Орды. Уже самый факт прекращения существования этих городов был связан с катастрофическим разрушением их. Знаменитый Тамерлан в своем походе против Тохтамыша на сотни и тысячи верст оставили позади себя лишь дымящиеся развалины. Большая часть разрушенных этим завоевателем в нашем крае городов так и не воскресли к новой жизни, а те, в которых (как, например, в Астрахани) в виду особо благоприятных географических условий жизнь зародилась снова, долго не могли оправиться после погрома и влачили самое жалкое существование. То, чего не успели окончательно смести с лица земли полчища Тамерлана, уничтожали новые владетели края—русские. Остатки величественных зданий Сарая, обширности и красоте которого дивились средневековые арабские путешественники, по приказу московского правительства безжалостно разбирались на кирпич для возведения разных казенных построек в Астрахани. С конца XVI ст. каждое лето из поволжских городов на Сарайское городище командировались отряды стрельцов для добычи строительного материала и Олеарий в 30-х годах XVII в. видел целые караваны судов с кирпичем, направлявшихся оттуда в Астрахань. Постройки татарского города на Увеке пошли на устройство мостовых в Саратове, для чего было вывезено 10.000 возов кирпича. На наших глазах погибло почти без следа обширное городище близ п. Дубовки, отожествляемое местными археологами с остатками г. Бельджамена средневековых географов. Посадское управление в похвальном стремлении дать заработок беднейшему населению Дубовки разрешило выбирать кости, в значительном количестве попадавшиеся на городище. В поисках за костями оно было все перерыто и теперь кроме безобразных ям и бугров мы ничего на этом месте не увидим. Небольшие городища и стоянки гибнут главным образом от распашки земли. От той же причины зависит и постепенное исчезновение курганов. Осенью 1920 г., например, распахивался выгон г. Покровска, на котором рассыпано множество низких плоских курганов древнейшего типа. Через 3—4 года от них не останется следа. Еще больше страдают курганы от человеческой алчности. По общераспространенному поверью чуть ли не с каждым большим курганом связана легенда о зарытом там кладе, о несметных сокровищах, скрытых в нем, которые достанутся смельчаку, сумевшему обойти заклятие. И вот, в поисках за скрытыми бочками с золотом и котлами, наполненными драгоценными камнями, тайком по ночам, грубо, варварски нарушается вековой покой лежащих под курганной насыпью древних богатырей. Конечно, никаких сокровищ в большинстве случаев не находится, а действительные научные сокровища, попадающие в руки невежественных кладоискателей, выбрасываются ими как

ненужный хлам и гибнут для науки. Близ с. Печеур Хвалынского уезда имеется много курганов с очень древними погребениями, при которых попадаются тарелки из меди. В виду современного металлического голода здесь образовался своего рода промысел: курганы раскапываются для того, чтобы воспользоваться теми немногими медными вещицами, которые в них могут найтись. Оказывается, стоимость меди в настоящее время так высока, что даже небольшое количество ее может с избытком оплатить каторжный труд по раскопке кургана. Можно себе представить, сколько ценного для науки должно погибнуть таким образом. Можно также вообразить, сколько вообще уже погибло бесценного научного материала, если вспомнить, что такое хищничество существует не год, не два, а продолжается столетиями и мы имеем документальные данные, что еще в XV в. итальянские купцы рыли клады в южнорусских курганах, а следы древних подкопов и расхищений с несомненностью указывают и на еще более ранние подвиги такого рода.

Но памятники древности дошли до нас не только в форме монументальных сооружений. Ими так насыщена почва нашего Поволжья, что они чуть ли не ежедневно разными случайными путями попадают в руки человека. Историко-архелогический музей о-ва И.А и Э, насчитывающий десятки тысяч отдельных предметов, почти целиком составлен из таких случайных находок. То дождями в овраге вымоет каменный молот, то при корчевке дерева наткнутся на клад древних монет, то на пашне сошник зацепит за старинную кольчугу и т. д. и т. д. Трудно, да и незачем, перечислять все возможности и случаи, при которых отдельные археологические предметы выходят на свет божий. В большинстве случаев и их, однако, постигает таже печальная участь, которая грозит и остаткам сооружений. И здесь виною все те же человеческие алчность и невежество. Находки, не имеющие в глазах нашедшего никакой материальной ценности, обыкновенно им бессмысленно уничтожаются или забрасываются. Несколько лет тому назад в Цареве был найден глиняный сосуд, наполненный исписанной бумагой. Даже не имея никакого представления о содержании этих бумаг, мы a priori можем предполагать их огромную научную ценность: ведь от З. Орды до нас не дошло почти никаких письменных памятников. Но так как сосуд был из простой глины, то его разбили, а бумаги порвали на клочки и пустили по ветру. Подобных примеров можно привести не один и не два. Сколько дорогих для археолога предметов гибнет в руках деревенских ребятишек, играющих ими, а затем забрасывающих надоевшую игрушку. Понадобилась бы порядочная по об'ему книга, если бы мы захотели перечислять все подобные случаи. Не лучше, с точки зрения науки, обстоит дело и с такими вещами, которые можно на рынке обратить в деньги. Особенно грустная судьба предстоит в этом случае кладам. Невежественный находчик, в большинстве случаев сделавшийся облада-

телем клада незаконным путем, прежде всего боится огласки и кары за свое приобретение. Это заставляет его действовать тайно и, таким образом, обычно клад на вес металла сбывается ювелирам и идет на переплавку. На Увекском городище в XVIII ст. отдельные монетные находки, особенно после спада воды в Волге, были так обычны, что, по свидетельству Лепехина, увекские старики снискивали себе пропитание, собирая эти монеты и продавая их саратовским ювелирам. То же обычно происходит и со всякими изделиями из благородных металлов. Еще и сейчас в Саратове проживает старичок, бывший ювелир, наживший себе состояние скупкой случайных находок и погубивший с спокойной совестью на своем веку невероятное количество ценнейшего для науки материала.

Печальное состояние памятников археологии в нашем крае, о котором я сейчас говорил, указывает нам и на ту обязанность, которая налагается этим обстоятельством на каждого мыслящего человека, хотя сколько нибудь дорожащего изучением прошлого своей родины. Прежде всего их нужно охранить от гибели и расхищения, а чтобы правильно поставить дело охраны, необходимо привести в известность то, что имеется по части древностей. Уже еп. Иаков, 80 лет тому назад, пытался через подчиненное ему духовенство несравненно более обширной чем теперь Саратовской епархии, организовать правильное и постепенное собирание сведений о памятниках древности, рассеянных по краю. Но осуществить свой план в полной степени этому почтенному деятелю, несмотря на всю его влиятельность и энергию, так и не удалось. Слишком невежественно и придавлено жизнью было сельское духовенство того времени, чтобы оно могло искренне заинтересоваться предметом, столь мало ему понятным и столь далеко стоящим от будничной жизни. В большинстве дело ограничивалось теми ничего не значащими и ничего не дающими сухими официальными отписками, которыми и теперь еще так наз. деревенская интеллигенция, отделывается от надоедливых и мало понятных запросов разных губернских и столичных, ученых и не ученых, учреждений и обществ. Только немногие, наиболее выдающиеся представители тогдашнего духовенства откликнулись на призыв своего ученого и неугомонного владыки и как умели доставили ему просимые сведения. Сводки по этим сведениям никогда, насколько мне известно, сделано не было; они рассеяны по разным архивам, а теперь, наверное, частью уже и погибли. Т. о., материал, собранный еп. Иаковым так и остался неиспользованным и неизвестным для науки, о чем можно только пожалеть, т. к. многое из того, что существовало в 1840-х г.г. теперь уже исчезло навсегда.

Также поняло свою задачу и возникшее под флагом ученой архивной комиссии первое в Саратове историко-археологическое общество. Несмотря на хроническое отсутствие денежных средств, на малую свою авторитетность в глазах правительства

и широких слоев о-ва, к-ия с первых дней своего существования деятельно приступила к выяснению наших остатков древности в крае. Конечно, в этом случае пришлось ограничить круг действий исключительно пределами Саратовской губ. Смотря по обстоятельствам в деле собирания сведений о памятниках старины приходилось прибегать к разным способам: от запросов к уездным исправникам до анкет, рассылаемых деревенской интеллигенции: духовенству, учительскому персоналу и т. д. Несмотря на малую отзывчивость, встреченную к-ей, ей удалось в течение ряда лет собрать массу ценнейшего материала и археологическая физиономия края, если можно так выразиться, благодаря собранному материалу в достаточной степени теперь уже выяснена. Работу по сводке добытого т. о. материала взял на себя один из наиболее видных деятелей к-сии А. А. Кротков, привлекший к делу также и весь доступный печатный материал Кротков составил подробную археологическую карту Саратовской губ. с обширным пояснительным текстом к ней. К сожалению, эта работа, без знакомства с которой не может обойтись ни один ученый, пожелавший заняться археологией края, до сего времени остается не опубликованной. Сначала обнародованию труда Кроткова мешало отсутствие средств у к-сии, а затем наступил бумажный и всякие иные кризисы. Только ввиде опыта А. А. напечатал сводку по одному из наименее обследованных уездов губернии (Кузнецк.).

Попутно с собиранием сведений шло и накопление археологического материала, устройство, так сказать, архива из тех документов, которые дают нам недра земли. Еще тот же Иаков приступил к оборудованию археологического музея при Саратовской семинарии и его трудом было составлено довольно большое и ценное собрание предметов древности, гл. обр., с развалин татарских городов, а также обширная коллекция монет тоже по преимуществу, относящихся к З. Орде. После перевода еп. Иакова на Нижегородскую кафедру семинарский музей сразу захирел и с течением времени распылился так, что теперь от него не осталось и следов. Такая же участь постигла небольшую коллекцию древностей, опять таки в большинстве золотоордынского происхождения, образовавшуюся было при мужской гимназии. И она также погибла без остатка благодаря небрежности и отсутствия историка.

Я уже упоминал выше, что основатели архивной комиссии, еще до легализации своего о-ва, приступили к собиранию предметов для будущего музея. Тем энергичнее начали они действовать после того, как получили законное на это право. Несмотря на все препятствия внутреннего и внешнего свойства деятельность к-сии в этом направлении никогда не прекращалась, достигая иногда, при благоприятных условиях высокой напряженности. Уже через несколько лет собрание предметов в музее так возросло, что понадобилось составить и выпустить в свет

печатный каталог наличных коллекций. Конечно, этот каталог тотчас же отстал от действительности и теперь представляет лишь библиографический интерес. Размеры музея (не по числу комнат, а по обилию, разнообразию, и ценности собранного материала) в настоящее время таковы, что каталог его составил бы обширный том в сотни страниц. Некоторые отделы представлены здесь с такой полнотой, что, несмотря на скромную внешность, ничего подобного нельзя встретить не только в России, но и заграницей, в старых, хорошо оборудованных и широко обставленных древлехранилищах. Особенно полно оборудован экспонатами отдел золотоордынскнх древностей и, в частности, джучидских монет, число которых превышает 10 тысяч и которые представляют материал для почти исчерпывающей нумизматической истории Золотой Орды.

Также хорошо представлены отделы раннего и позднего медного века. По крайней мере, таковы отзывы наиболее компетентных специалистов по археологии, которым приходилось работать у нас над коллекциями этого отдела. Любопытна история пополнения музея. Как я уже говорил, комиссия никогда не могла похвалиться обилием денежных средств и потому наиболее научный и казалось-бы подходящий способ приобретения археологического материала—раскопки—был ей мало доступен. Только в очень редких случаях представлялось возможным использовать такой способ, да и то в большинстве случаев раскопки производились на личные средства членов, также обычно весьма скудные. Поэтому преимущественно практиковался другой способ:—привлечение пожертвований и приобретение случайных находок. Но и пожертвования оказались вещью и не особенно надежной и во всяком роде слишком случайной. В этом отношении нам далеко, напр., до скандинавских стран, где национальные историко-археологические музеи являются действительно национальными, т. к. состоят почти исключительно из народных пожертвований. Т. о., пришлось обратиться к покупке и собиранию случайно находимых предметов древности. Почти весь татарский отдел составился из тех находок, которые при разных обстоятельствах попадали в руки увекских жителей и затем скупались за гроши у тамошних ребятишек членами комиссии. Нельзя при этом не помянуть добрым словом одного из них, теперь уже скончавшегося, С. А. Щеглова. Мелкий служащий губернского земства, с огромной семьей на шее, он с горячей и безкорыстнейшей любовью к науке соединял и беззаветную преданность к комиссии, правителем дел которой он был, переживавшей в то время один из самых тяжелых периодов своего горестного существования. С ранней весны, как только сходил снег, и до поздней осени, когда земля вновь покрывалась снегом, он каждый свободный день проводил на Увеке, скупая на те гроши, которые он мог урвать из своего скудного заработка, разные мелкие находки у хорошо его знавших ребятишек: черепки по-

суды, монетки, предметы украшений. Если задешево, а иной раз и задаром, попадались громоздкие и тяжелые предметы, вроде, напр., жерновов, то С. А. не стеснялся таскать их на своей спине на протяжении многих, многих верст. Без преувеличения можно сказать, что гордость саратовского историко-археолог. музея, его татарский отдел—создан трудами покойного Щеглова. Его соратник в деле собирания древностей, ныне здравствующий Б. В. Зайковский, можно сказать первый открыл богатство нашего края предметами неолитической и бронзовой культуры. Раз'ездной агент губ. земства он использовал редкие досуги, выпадавшие ему во время тяжелой работы из-за куска хлеба, для того, чтобы собирать сведения о местных древностях и скупать для музея то, что представится возможным, опять таки в большинстве случаев на свои гроши. В течении ряда лет из одной только Даниловки им доставлено несколько десятков каменных орудий. Он же виновник и той сравнительно обширной коллекции т. наз. каменных баб, которая принадлежит музею. С огромной затратой времени, труда и энергии ему удалось спасти от уничтожения и собрать в Саратов последние экземпляры этих уродливых, но весьма интересных образцов художественного творчества забытых и загадочных племен, когда то кочевавших по нашим степям. Я не буду приводить здесь других тружеников, помогавших своими средствами, личным участием и другими способами содействовавших созданию в Саратове историко-археологического музея. Большинство их уж на веки упокоилось в родной земле, а другие еще здравствуют доселе. Но как-бы то ни было, а созданный их трудами музей является богатейшим собранием материалов для познания прошлого нашего края особенно за тот период его жизни, от которого или совсем не осталось или осталось очень мало письменных документов. Кроме местного музея саратовские археологические древности встречаются и в других русских и даже заграничных хранилищах. Корона какого-то золотоордынского хана находится при одном немецком университете, а барон де—Бай вывез не мало вещей с Увека для парижского Лувра. Особенно много и притом очень ценных предметов находится в Петербурге в силу существовавшего раньше правила, что все драгоценные находки должны были поступать в Эрмитаж. Словом, археологических памятников всякого рода в пределах края сохранилось не мало; отдельных предметов древности по разным музеям, гл. об. в саратовском, собрано множество. Все это, казалось бы, должно создавать благоприятную обстановку для работы, т. к. в материалах для нее недостатка не ощущается. Но здесь выступает на сцену одно обстоятельство, тормозящее успешность работы. Я говорю про малую обследованность наличного археологического материала и скудость публикаций его. Деятели бывшей архивной комиссии, как я уже сказал, обращали главное свое внимание на накопление возможно большего количества сырого материала. Т., о.,

на работы по публикации и об'яснению собираемого материала уже не доставало ни времени, ни сил. Вместе с тем, будучи горячо преданы служению науки, они в большинстве случаев были лишь диллетантами в этой самой науке, простыми любителями ее и не имея специальных познаний, просто не решались выступать с печатными трудами, ограничиваясь в лучших случаях лишь краткими и формальными отчетами об отдельных находках и раскопках. Специалисты-ученые, вообще-то у нас немногочисленные, жившие к тому же в крупных столичных центрах, также естественно не могли уделять много внимания древностям далекого Саратовского края, сосредоточивая свое внимание на более близких или более бросающихся в глаза вопросах. Т. о., из наших древностей опубликована лишь самая незначительная часть. Из столичных обществ, кажется, только одна Археологическая к-ия обращала внимание на наш край и в отчетах ее, начиная с 1893 г., опубликованы некоторые находки, сделанные в Сарат. г. Конечно, такие публикации должны-бы быть гл. об. в трудах архивной комиссии. Но приведенная выше причина в связи с хроническим отсутствием средств мешала ей до самого последнего времени поставить это дело надлежащим образом. И все-же, с самых первых выпусков „Трудов", ставших теперь библиограф. редкостью, мы встречаем ряд заметок и статей по местной археологии. Я не собираюсь дать здесь полный библиографический указатель таких статей, а лишь в беглом перечне познакомить с некоторыми из них, наиболее значительными по об'ему и содержанию. Уже на 2-м заседании только что открывшейся к-ии Ф. Ф. Чекалин делает доклад о монетных находках в Сарат. г., а в следующем 1888 г. Волков публикует дневник раскопок курганов в Б. Дмитриевской вол. Аткарского у. Перед этим первый правитель дел к-ии Н. С. Соколов помещает в Трудах небольшую сводную работу о памятниках старины в Сарат. крае. В 1890—1 г.г. Васильчиков, Голицын и Краснодубровский помещают ряд статей и заметок по истории и археологии Увека. Начиная с 25-го вып. мы в каждом из них находим что нибудь, относящееся до археологии. В 1909 г. напечатаны две большие статьи: А. Н. Минха о находках и раскопках в Аткарском у. и Зайковского—об археологической поездке в Елань. С 1910 г. в печати выступает А. А. Кротков и в этом году совместно с Шишкиным описывают ряд городищ и других древностей в ближайших окрестностях Саратова. В том же 26-м вып. мы находим несколько сообщений о древностях заволжской части края. Кротков же в 29-м вып. помещает обширную сводку о памятниках древности в Саратовской г. и здесь же имеется несколько мелких статей о разведках и раскопках, произведенных Щегловым, Кротковым и Шахматовым. 30-й вып. почти на половину заполнен работами на археологические темы. Наиболее капитальной из них является статья проф. Челинцева, производившего химический анализ бронзовых зеркал, принадле-

жащих музею к-ии. С 31-го вып. начинается печатанье отчетов, образцовых в своем роде, о раскопках городищ в Хвалынском у. М. А. Радищева. Не мало полезных сведений содержится и в печатаемых почти ежегодно отчетах по археологическому музею. Но все перечисленное является только каплей в необозримом море того, что еще лежит до сего времени никому не ведомым мертвым капиталом. И тот, кто взялся бы за синтетическую работу по археологическим материалам нашего края, окажется перед необходимостью иметь дело с сырым, не систематизированным материалом.

Много терний на пути того исследователя, которому придется изучать до-русское прошлое нашего края. Но не глаже дорога и того, кто пожелает взять предметом своего исследования историю края с того момента, когда он вошел окончательно в состав русского государства, т. е. с XVI в., что и будет как раз предметом настоящей работы. Наиболее подручным материалом для познания истории края за данный период по существу должны являться письменные памятники. И вот, по отношению к таким-то памятникам как раз не все обстоит благополучно. Прежде всего, до эпохи выделения края в особую административную область, памятники эти в огромном большинстве находятся вне Саратова. Саратовское наместничество образовалось только с начала 1781 г. и архивы местных саратовских правительственных учреждений начинаются лишь с этого времени. Только в исключительных случаях, о которых речь будет дальше, мы имеем архивные материалы за несколько десятилетий старше указанного термина. До 1781 г. те области, которые входят в состав нашего края, составляли части других административных единиц и при совершенной почти неразработанности местной исторической географии мы пока не в состоянии про большинство местностей нашего края сказать, в чьем ведении они находились до 1781 г. Это еще и тем затруднительнее, что по разным отраслям управления одна и та же местность могла входить в сферу деятельности нескольких ведомств, причем границы разделения государства между этими ведомствами не совпадают. Таким образом, пока почти нечего и думать о планомерном отыскании документов по нашему краю в архивах других провинциальных городов. Остается надежда лишь на архивы центральных правительственных учреждений, ведавших ту или иную отрасль управления во всем государстве, следовательно и у нас. Теоретически, таким образом, столичные архивы должны бы содержать массу документов, относящихся к нашему Поволжью. Но если мы вздумаем обратиться к этим архивам, то и тут нас ожидает разочарование. Как известно, до реформ Петра I в Московском государстве существовал приказный строй управления, развившийся на почве вотчинного уклада хозяйства московских князей. Особенной стройностью и системой этот строй не отличался и принципы ведомственного распределения функций управ-

ления самым причудливым образом перемешивались в нем с принципами территориального разделения государства. Некоторые области, вошедшие в состав московского царства, ведались не в разных приказах, управлявших той или иной отраслью государственного механизма, а состояли в ведении одного какого нибудь приказа, представлявшего как-бы самостоятельный отдел общегосударственного механизма и обособлявший данную область в отношении управления от остального государства. В таком именно положении находился и юго-восток России, бывшие царства Казанское и Астраханское, к которым некогда принадлежало и наше Саратовское Поволжье. Вся эта обширная область, почти тотчас же после присоединения к Москве, поступила в ведение так наз. Приказа Казанского дворца, который и являлся здесь полным хозяином во всех отношениях: административном, военном и судебном. Таким образом, наделение, напр., местных служилых людей поместьями ведалось не в Поместном Приказе, как то было для всего государства, а в Приказе Казанского дворца. Сбор и регистрация служилых людей производились не в Разряде, а в том же Казанском дворце. Он же посылал и воевод в города бывших Казанского и Астраханского царств и т. д. Таким образом, вся жизнь нашего края в до-петровское время, поскольку таковая жизнь находит свое отражение в делопроизводственных актах, может получить свое освещение лишь через посредство документов б. Казанского дворца. Но как раз этих то документов до нас и не дошло. Двукратные опустошительные пожары: один в 1626 г., а другой в начале XVIII ст. без остатка истребили делопроизводство и архивы Казанского дворца. А делопроизводство за последующий короткий период существования, до учреждения коллегий, затерялось бесследно. Следовательно, для промежутка времени в полтора почти века, времени чрезвычайно интересного и важного во многих отношениях в жизни края (вспомним постройку первых городов, начало колонизации, разиновщину и т. д.) мы почти совершенно не имеем архивных документов. Только случайно в сохранившихся делопроизводствах других приказов, с которыми по тем или иным вопросам приказ Казанского дворца вступал в служебные сношения, сохранились отдельные отрывочные документы, имеющие некоторое отношение и к нашему краю. В результате приходится считаться с необыкновенной скудостью архивных материалов по саратовской истории за XVI и XVII ст. Архивы учреждений, возникавших с петровского времени, за немногими исключениями дошли до нас целиком и, понятно, содержат в себе массу ценнейших для местного историка документов. Но при пользовании ими приходится встречаться с затруднениями другого рода. Все эти архивы, очень, кстати сказать, многочисленные, чрезвычайно обширны и почти совершенно не приведены в известность. Погружаясь в это, поистине, безбрежное море бумаги исследователь принужден отыскивать иголку в стоге сена.

Удача при таких поисках является или делом случая, или результатом долголетнего кропотливого труда. До сих пор мне неизвестно ни кого, кто бы принял на себя такой труд. При этих условиях, несмотря на обилие архивов и априорную вероятность наличия в них материалов по местной истории, и эти архивы дают, мне по крайней мере дали, также еще слишком мало и также приходится говорить о скудости письменных источников и для эпохи после Петра I.

Из того, что я говорил в предыдущей главе, явствует, что для всестороннего разрешения вопросов местной истории особенное значение должны иметь местные письменные памятники и опять таки, в первую очередь, архивы правительственных учреждений, как губернских, так уездных и сельских. Правда, о губернских и уездных архивах можно говорить, гл. обр, для времени после 1781 г. Но в крае есть не мало городов, существовавших задолго до этого года, как, напр., Саратов Царицын и Петровск. Города эти и до 1781 г. имели разного рода учреждения, ведавшие местным управлением, и, конечно, архивы таких учреждений: воеводских канцелярий, магистратов для XVIII ст., приказных изб для XVII в.—должны бы в полной мере удовлетворить историка. Но жестокая действительность и здесь разбивает подобные надежды. В нашем крае совершенно не сохранилось архивов местных учреждений, действовавших до 1781 г. Причин этому не мало, но одной из главнейших, и к тому же наилучше известных, являются бесчисленные пожары, опустошавшие наши города и иногда совсем их уничтожавшие. Для иллюстрации приведу краткий перечень больших саратовских пожаров, известных мне. Первым таким пожаром, о котором у нас имеются сведения, был пожар 1696 г. Второй по порядку—пожар 1712 г. В этом году, как гласит один современный документ, город Саратов выгорел весь без остатку и церкви божии сгорели и всяких чинов градские жители из домов своих в одних платьишках, кто в чем ходил, остались. Одних человеческих жертв насчитывалось до 150. Затем Саратов последовательно горит в 1738, 1754, 1757, 1774, 1800, 1801 и 1811 г.г. Пожарная летопись других городов края мало разработана, но и про них документально известно, что они также, как и Саратов, неоднократно выгорали до тла. Одинаковую участь с обывательскими дворами и другими зданиями терпели при этом и казенные учреждения.

Поэтому нет ничего удивительного, что до нас не дошло делопроизводства ни одного из местных учреждений, действовавших в нашем краю в XVII или XVIII ст.ст. На ряду с огнем гибели наших архивов не мало способствовало и другое стихийное бедствие—невежество. Старые архивы, по мере того, как они постепенно с течением времени утрачивают интерес для текущего делопроизводства, в глазах чиновничества, далекого от понимания их исторической ценности, становятся лишь тягостной обузой.

В самом деле, хранится груда старой исписанной, по глубокому убеждению чиновника, никому ненужной бумаги; занимает попусту место, требует за собой какого ни на есть ухода. Приходится эту кучу держать в порядке, иначе может придраться какой нибудь заезжий ревизор и сделать неприятность. И вот невольно возникает мысль, нельзя ли отделаться от этой обузы. Иногда избавляются тайно, домашним порядком: старые дела втихомолку продаются на обертку в лавки, не то идут на растопку печей. В лучшем случае, для того, чтобы соблюсти приличия, собираются особые разборочные комиссии для выделения „на предмет уничтожения“ ненужных дел из архива. Т. к. членами подобных комиссий и безапелляционными судьями являются все теже чиновники, то результат не трудно предвидеть. Большая часть архива обрекается на уничтожение и идет с молотка. Для наших саратовских историков должна быть памятна особенно одна из таких комиссий, а именно: существовавшая в 1860-х г.г. при местной духовной консистории. Действия ее можно по справедливости назвать варварскими. В архиве, помимо дел собственно консистории, хранилось и обширное делопроизводство бывшего в Саратове до учреждения консистории духовного правления. Акты этого учреждения восходили к почтенной для наших архивов древности, т. к. начиналось с половины XVIII в. Члены разборочной комиссии—отцы духовные и чиновники консистории—получали вознаграждение по числу разобранных, т.-е. обреченных на уничтожение, дел, а кроме того, по установленному порядку, сумма, вырученная от продажи таких дел, должна была итти в раздел штату служащих в канцелярии. Можно вообразить, с каким усердием шла разборка. В конце концов от старого, обширного и весьма ценного в историческом отношении архива осталось только несколько десятков разрозненных дел, к тому же в глазах историка наименее интересных. И теперь историк, пожелавший изобразить, напр., быт Саратовского духовенства за XVIII, нач. XIX в., или внутреннюю жизнь православных приходов нашего края за тот же период, должен будет довольствоваться случайным и отрывочным материалом, собирая его по кусочкам из разных источников. Понятно, что при таком условии его работа никогда не будет вполне удовлетворительной. Иногда архив просто убирался подальше от глаз, особенно начальнических, куда нибудь в сарай или на чердак и здесь постепенно уничтожался грызунами, или гиб от сырости и расхищался.

Как фамильный недуг в знатном аристократическом семействе такое отношение к архивам передается в русском обществе из рода в род и мы можем ежедневно наблюдать его и в наши дни. По роду своей деятельности мне приходилось сталкиваться с ним в течении целого ряда лет почти ежедневно. Даже люди т. наз. образованного общества в своем отношении к архивам проявляют изумительное невежество и непонимание истин-

ного значения этого рода памятников старины. Слово архив стало как бы нарицательным для обозначения всякого ненужного хлама. Такое отношение с особенной яркостью должно проявиться в такие времена, когда наиболее отчетливо проявляются и все характерные особенности народа вообще и составляющих его отдельных личностей в частности.

Дальше я постараюсь вкратце познакомить с общим содержанием еще сохранившихся архивов, а теперь скажу несколько слов о других родах письменных памятников, которыми мог бы пользоваться местный историк для своей работы, при чем и здесь приходится констатировать все ту же крайнюю сухость их. Прежде всего у нас не существует никаких местных летописей. В монастырях Саратовского края не нашлось ни одного Пимена, который не мудрствуя лукаво, терпеливо занес бы на хартию преданья старины глубокой или бесхитростно рассказал бы о событиях, которых он был очевидцем. По крайней мере до сего времени, если не считать небольшого сказания о начале г. Камышина, ничего подобного до нас не дошло. Не может похвалиться местная история и обилием мемуарного материала. Из памятников такого рода могу назвать только два-три сколько нибудь заметных произведения: записки прот. Скопина, бывшего Саратовским протопопом и в течении ряда лет ведшего дневник всего, что он считал заслуживающим внимания. Дневник Скопина является как бы продолжением записок его отца—дьячка, а затем священника одной из саратовских церквей. Последний жил в очень интересное время: на его глазах прошла пугачевщина с ее ужасами и введение в Саратове губернского управления. Но автор больше, очевидно в силу своей специальности, интересовался похоронными церемониями и меню поминальных обедов. К концу XVIII в. относятся записки некоего Пишчевича, сына сербского выходца, служившего в военной службе и с своим полком некоторое время стоявшего в Саратове в 1790-х г.г. Пишчевич составил обширный дневник, часть которого посвященная саратовскому периоду, содержит очень любопытные подробности о местном обществе того времени. Очень интересные, записки оставил некий Попов, служивший чиновником в здешней губернаторской канцелярии и губернском правлении. Они особенно важны как материал для характеристики нравов и быта саратовского чиновничества и других слоев саратовского общества первой половины прошлого столетия.

Обращаясь к хранилищам архивных материалов, находящихся в пределах края, опять нельзя обойти молчанием деятельность саратовской ученой архивной комиссии. По закону об их учреждении архивные комиссии были обязаны рассматривать те дела, которые по действовавшим тогда положениям подлежали уничтожению, и извлекать из этих дел для хранения такие документы, которые представляли какой нибудь интерес для науки. На практике такое рассмотрение сводилось обычно к просмотру

описей дел, подлежавших уничтожению, и, таким образом, делалось заглазно. По этой причине много дел, заслуживающих внимания, обрекалось на уничтожение, т. к. их заголовки, вносимые в описи, не содержали в себе ничего интересного, а с другой стороны признавалось заслужнвающим хранения многое такое, что кроме любопытного заголовка не содержало в себе ничего ценного. Кроме того, успеху дела много мешало отсутствие какого нибудь постоянного критерия, неустановленность тех признаков, которые помогали бы в решении вопроса, заслуживает-ли данное дело хранения, или его без вреда для науки можно уничтожить. Таким образом, в этом отношении господствовал полный произвол и мне известен случай, когда один правитель дел комиссии дал огулом разрешение на уничтожение более чем 12,000 дел одного очень важного для Саратова учреждения XVIII в. В силу указанных причин образовавшийся при комиссии из отобранных дел т. наз. исторический архив по содержанию своему отличается большой пестротой и невыдержанностью. Лишь в последнее время существования старого режима во избежание такой пестроты и всяких случайностей при отборе дел применялся принцип оставления на хранение не отдельных документов и актов, а целых фондов. Несмотря на указанные недостатки наш исторической архив по своей обширности и ценности собранного там материала является одним из важнейших и старейших в крае и без пользовании им невозможно обойтись при разработке вопросов местной истории, какова-бы ни была тема, избранная исследователем. Архив для удобства пользования им при массе документов разделяется на так называемые серии, сложившиеся чисто практическим путем в зависимости от того, из какого учреждения поступали бумаги на хранение в комиссию. Так, дела и документы, сдававшиеся в свое время из разных губернских учреждений, непосредственно подчиненных губернатору, образуют серию „губернат". Все, что поступало через посредство казенной палаты, об'единено в серии „казен." и т. д. Отдельные документы, гл. обр., частного характера, попадавшие в комиссию путем пожертвований, составляют особую серию документов. В виду изложенного пользование архивом несколько затруднительно, хотя для облегчения такого пользования принимаются некоторые меры, о чем скажу дальше. Теперь же, в немногих словах, постараюсь дать суммарный обзор содержимого архива.

Серия „докум", как я только что говорил, образовалась преимущественно путем частных пожертвований и потому отличается наибольшей пестротой. В настоящее время она насчитывает до 1250 №№, среди которых есть не мало и не имеющих отношения к нашему краю. Так, совершенно случайно, благодаря находке на чердаке одного из саратовских домов, сюда попали столбцы Кирилло-Белозерского м-ря и между ними старейший из подлинных документов исторического архива—тар-

ханная грамота 1579 г. Также не связаны непосредственно с историей нашего края и многочисленные бумаги рода Останковых, попавшие в архив через посредство одного из отдаленных боковых потомков этого рода. Среди останковских бумаг не мало актов XVII в., начиная со времен царя Михаила Федоровича. Но наряду с этим здесь же попадаются целыми группами ценнейшие для местного историка вещи. Так, напр., сюда целиком поступили материалы по истории Петровска и его уезда, в течение целого ряда лет собиравшиеся одним из тамошних исправников. Здесь же имеются частью и те материалы, которыми Н. С. Соколов пользовался для своего капитального труда по истории саратовского старообрядчества. Особенный интерес представляют, хранящиеся в той же серии официальные документы по пугачевскому бунту. Бумаги эти до сих пор еще ждут своего исследователя и, не сомневаюсь, дадут не мало важных подробностей для освещения этого явления. Оговариваюсь, что в виду крайней пестроты, дать общую характеристику данной серии представляется крайне затруднительным и я цитировал только некоторые группы, пришедшие на память.

Раз мы заговорили про документы частного происхождения, то и покончим с ними сейчас же. Дело в том, что особенно крупные поступления частных актов и фамильных бумаг не вошли в серию, а образуют в историческом архиве самостоятельные группы с особой нумерацией. Это прежде всего бумаги из усадьбы быв. директора С. П-Б. археологического института Н. В. Калачова, в количестве свыше 2500 №№. Бумаги эти лишь в небольшой своей части могут быть отнесены собственно к фамильным. Главную же массу их составляют архивы вотчинного хозяйства по некоторым имениям, принадлежавшим Калачову и его предкам в Саратовской губ. В числе калачовских бумаг имеется несколько документов, относящихся к занятиям Н. В-ча по русским юридическим древностям.

Другое большое собрание частных бумаг поступило в комиссию по завещанию члена гос. сов. М. Н. Галкина-Враского. Покойный лучшие годы своей жизни провел у нас по должности губернатора и потому это собрание, имеющее гл. обр. общерусское значение, содержит не мало ценного и по саратовской истории за 1870-е г. г.

Можно назвать и еще одно такое собрание частных актов. Это бумаги Шахматовых, спасенные к-ей во время последних событий из имения недавно скончавшегося академика А. А. Шахматова. Они пока еще не разобраны и поэтому нельзя положительно сказать, что в них содержится, но, принимая во внимание долгие и прочные связи рода Шахматовых с нашим краем, можно à priori утверждать, что в них найдется не мало ценного для местной истории.

Если принять в соображение то обстоятельство, что почти все частные архивы многочисленных некогда помещичьих усадеб

погибли, как во время последних событий, так еще и раньше в 1905 г., то исторический архив комиссии является единственным в крае хранилищем такого рода документов. Правда, кое какие собрания фамильных бумаг, как напр. кн. Куракиных, вывезены из губернии, но таких очень мало. Все остальное истреблено в порыве невежественного фанатизма.

Переходим к обзору тех серий исторического архива, которые содержат в себе исключительно акты делопроизводства правительственных учреждений. Прежде всего останавлюсь на т. наз. сенатской серии. То презрительное отношение к старым бумагам и страсть к уничтожению их, о чем я говорил по отношению к провинции, не миновали и наших крупных умственных центров, в том числе и Петербурга, где, казалось бы, присутствие целого ряда ученых лиц и учреждений гарантировало наличие более правильного взгляда на дело. В 80-х г. г. прошлого века очень ревностно взялись за очистку сенатского архива и многие сотни тысяч дел пошли на обертку и были проданы на бумажные фабрики. На этом поприще особенную известность приобрел сен. Репинский. Неизвестно по каким соображениям на ряду с фактическим уничтожением дел через некоторое время стало применяться фиктивное, т. е. дела, приговоренные к уничтожению, отмечались уничтоженными только по описи, а на самом деле передавались в разные ученые учреждения. Как раз подоспело открытие в Саратове архивной комиссии и с 1888 г. часть дел из сенатского архива стала поступать сюда и таким образом сложилась названная серия. Всего в ней насчитывается более 3800 №№. Для суждения о том, какие вопросы затрагиваются делами этой серии, необходимо иметь ввиду, что круг этот определяется компетенцией канцелярии генерал-прокурора сената, а затем министра юстиции. В общих чертах, это прежде всего земельный вопрос во всех его видах, история земельного хозяйства в нашем крае. Целые сотни дел раскрывают перед нами картину наделения землею помещиков и крестьян, массовых пожалований земель, земельных споров, захватов и т. д. Не менее полно представлен и вопрос о взаимных отношениях помещиков и подвластных им кр-н, злоупотребления помещичьей властью, отбывательство из-за нее крестьян, часто захваченных насильственно, те обходные пути, которыми лица не дворянского происхождения добивались заманчивой возможности владет крестьянами и т. д. Чиновничий мир, с его дрязгами, доносами, взяточничеством, грубым самоуправством по отношению к бесправным классам населения и т. п. Откупа, соляная монополия, старобрядчество и сектанство—по всем этим вопросам, правда, б. м. отрывочно, исследователь найдет не мало материала в делах сенатского архива.

Одной из самых обширных по об'ему является серии *казен*, составившаяся, как указано выше, из делопроизводств, поступавших через посредство казенной палаты. Поэтому она состо-

ит из дел не только собственно этого учреждения, но и подведомственных ей лиц и установлений, т. е. податных инспекторов и казначейств. Казенная палата открыта у нас с 1781 г. и с этого же года начинается и самая серия. К сожалению, в виду изменчивости архивной политики самой комиссии разные делопроизводственные подфонды палаты цредставлены не одинаково, а некоторые категории дел и совсем не попали в серию. Зато так наз. журналы, сохранились целиком и в полнои порядке почти за сто лет и этим в значительной степени восполняются пробелы, замечаемые в делопроизводствах разных отделов палаты. Интерес, представляемый данной серией, весьма многообразен, как был многообразен и круг деятельности самой казенной палаты. Прежде всего здесь, в местном отражении, мы можем проследить финансово-податную политику правительства. Здесь же единственный по полноте материал для истории колонизации за позднейший период, т. к. из-за фискальных соображений казенные палаты ведали перечислением и исключением лиц так наз. податного сословия. По этой же причине здесь не мало материала и относительно городских сословий. Т. к. некоторое время в ведении палат находились и государственные имущества, в нашем крае, конечно, прежде всего свободные казенные земли, то делопроизводство ее освещает также и многие стороны земельного вопроса и хозяйства.

Вместе с делопроизводством казенной палаты в архив попали дела одного учреждения, имевшего некоторую преемственную связь с палатой—соляного комиссарства или низовой соляной конторы. Я уж упоминал об уничтожении одним из правителей дел комиссии нескольких тысяч старых актов. Это случилось как раз с делами низовой соляной конторы. Несмотря на такое варварство все же значительная часть архива, а именно книги журналов, сохранились почти полностью, начиная с 1747 г. Таким образом, хронологически архив конторы является старейшим в крае и на 3—4 десятилетия позволяет заглянуть вглубь от того термина, с которого обычно начинаются наши губернские и уездные архивы. Соляное комисарство было учреждено в Саратове для заведывания разработкой и распределением в пункты потребления соли, добываемой с Эльтонского озера, Операция эта была очень важной и этой важности соответствовал и ранг того положения, которое комисарство занимало по иерархической лестнице. Оно, например, было выше всех современных ему саратовских правительственных учреждений, располагало широкими кредитами и обширным штатом служащих и т. п. Делопроизводство комиссарства прежде всего вскрывает нам хозяйственную политику правительства, но благодаря обширному кругу действия и большим связям в нем отражается и много других сторон жизни тогдашнего общества. Так, находят свое отражение рабочий вопрос, так как добыча соли и вывозка ее привлекали на Эльтон множество рабочего люда с разных

концов России; здесь мы имеем массу сведений о ценах на разные продукты за ряд лет, так как опять таки комиссарству приходилось делать многочисленные расходы. Благодаря огромной клиентуре мы находим в делах и массу бытовых подробностей и т. д. Одно время главный судья комиссарства соединял в своем лице и должность саратовского воеводы и хотя воеводская канцелярия существовала отдельно, но кое какие подробности по внутреннему управлению Саратова невольно отражались и в делах комиссарства. Для охраны промыслов от кочевников содержалась целая небольшая армия, бывшая в распоряжении судьи, и опять дела комиссарства дают не мало таких подробностей по сношению с приволжскими кочевниками, каких трудно найти в других местах. Указанный архив представляет особенную важность и потому, что подобное учреждение существовало только в Саратове и, следовательно, архив его не может быть заменен никаким другим.

Серия *Полиц.* содержит дела, сдававшиеся полицейскими управлениями. Полиция, особенно доброго старого времени, вмешивалась во все подробности жизни и потому в делах ее мы находим материал для освещения самых разнообразных сторон быта. Первоначально полиция, помимо прямых своих обязанностей, ведала и некоторыми нисшими судебными функциями, что еще более повышает интерес данной серии.

Небольшая серия *город.* содержит дела главным образом Аткарского городского общественного управления. Содержание ее и представляемый ею интерес ясен, если мы представим себе круг деятельности городских и мещанских управ.

Весьма значительны по об'ему и важны по содержанию серии дел, так или иначе имеющих соприкосновение с деревенской жизнью и крестьянским бытом. Архивная комиссия уже давно обращала внимание на то безобразное состояние, в котором находятся дела волостных архивов. Ею не раз предпринимались шаги к упорядочению их и наконец в 1910 г. было решено из'ять в исторический архив все то, что могло представить какой бы то ни было интерес для науки. Если принять во внимание, что всех правлений в губернии в то время насчитывалось до 300, то понятно, что такая большая работа не могла быть исполнена в короткий срок и естественно затянулась, о чем, в виду последовавших событий, остается только пожалеть. Всетаки удалось собрать в Саратов и сложить в историческом архиве документы из 80-ти, приблизительно, волостных правлений в числе до 50.000 №№, дел собственно правлений и существовавших до революции волостных судов.

Может возникнуть вопрос о значении для научных занятий делопроизводств волостных правлений, так как это был самый нисший орган административного механизма и деятельность его проходила под наблюдением других, более значительных учреждений, почему и возможно в некоторых отношениях восполнить

потерю волостных делопроизводств через архив этих учреждений. Но что касается волостных судов, то высокий интерес сохранившихся от них дел и книг не подлежит никакому сомнению. Нужно иметь в виду, что до самого последнего времени крестьянское сословие имело особую привилегию, недоступную для большинства остальных жителей русского государства, а именно, это население могло, в несколько ограниченных, правда, пределах, судиться не на основании общих для всей империи законов, а на основании своего обычного права. Правда, на практике в большинстве случаев, главным образом под воздействием волостных писарей, бывших в тоже время и секретарями волостных судов, в основу их решений клались нормы общеимперского права. Но тем не менее во многих случаях действительно сельские судьи, вынося то или иное решение, руководствовались обычным своим пониманием правовых норм и вот это-то понимание и отражается в делопроизводстве суда. Так как другие источники для изучения крестьянского обычного права мало удовлетворительны, то понятно, почему архивы волостных судов имеют особенную важность в решении этого вопроса и почему без них не может обойтись ни один историк или исследователь обычного права.

Вместе с архивами бывших волостных правлений в комиссию попали и еще некоторые категории дел, важных для изучения истории крестьянского вопроса в прошлом. При некоторых старых волостных управлениях сохранились делопроизводства учреждений, ведавших теми категориями крестьян, которые до 1861 г. не находились в крепостной зависимости от помещиков, а принадлежали или государству—так называемые крестьяне государственные, или царской фамилии во всей ее совокупности— удельные крестьяне. Для заведывания государственными крестьянами губерния делилась на округа, управлявшиеся окружными управлениями. Такие же округа были и у уделов, причем орган, заведывавший таким округом, назывался приказом. Делопроизводства некоторых из таких управлений и приказов попали в исторический архив, образовав две серии *„государст."* и *„удельн."*. Для истории вольного, свободного от барина, крестьянства эти серии дают довольно обильный материал, хотя хронологически их границы и довольно ограничены.

В прямой внутренней и отчасти внешней связи с только что перечисленными сериями кр-ских дел стоит и т. наз. серия *посредн.*, образовавшаяся из делопроизводств мировых посредников. Институт мировых посредников возник одновременно с крестьянской реформой 1861 г. и имел назначением как содействие в правильном проведении ее, так и опеку вновь возникших крестьянских органов самоуправления. Ясно поэтому, какое значение имеют посреднические архивы при изучении крестьянской жизни на переломе, да пожалуй и отживающего помещичьего быта.

Я уделил слишком много внимания подробному обозрению исторического архива. Но с одной стороны этот архив мне более знаком, чем прочие саратовские хранилища, с другой—по обширности, богатству и разнообразию он стоит того, чтобы на нем остановиться. И, наконец, из всех саратовских хранилищ он является пока наиболее благоустроенным и приспособленным к научной работе. По отношению к остальным я постараюсь быть кратким и наряду с самым общим их обзором дам лишь сжатую характеристику их современного состояния.

В первую очередь должен быть поставлен обширнейший архив б. губернского правления, восходящий в основной своей части к 1781 г. Губернское правление, как высшее учреждение в крае, имело прямое или косвенное отношение ко всем отраслям правительственного механизма. Оно было полным хозяином губернии во всех отношениях и, по крайней мере в прежнее время, даже суд находился под опекой если не его самого, то во всяком случае губернатора. Поэтому все стороны былой жизни находят в этом архиве более или менее полное отражение. Но кроме собственного архива при губ. правлении хранились и делопроизводства с одной стороны разных временных комитетов. действовавших под председательством губернатора, а с другой—тех губернских учреждений, которые с течением времени прекратили свое существование. Из последних особенный интерес представляют дела т. наз. конторы опекунства иностранных. Как известно с 1764 г. в наше Саратовское Поволжье началось массовое переселение иностранцев (почти исключительно из Германии), образовавших целый ряд колоний по обоим берегам Волги в у. у. Пугачевском, Новоузенском, Сарат., Аткар. и Камыш. Для управления ими в Саратове тогда же учреждается контора опекунства иностранных, действовавшая под разными названиями (под конец—контора иностранных поселенцев) более ста лет. После того, как немцы в отношении управления были приравнены к остальному сельскому населению государства, к-ра за ненадобностью была упразднена и ее делопроизводство сдано в архив губ. правления. Какую важность для исследователя могут иметь документы подобного рода—показывает работа проф. Писаревского об иностранной колонизации в России. Но почтенный исследователь работал по делам центрального учреждения, ведавшего привлечением колонистов к нам, и естественно, что в таком учреждении находит сравнительно слабое отражение именно наиболее интересная сторона внутреннего быта колонистов, их устройство на местах, взаимоотношение с коренным русским населением и ряд других вопросов интимной жизни. Все эти вопросы и разрешаются теми делами, которые имеются в Саратове. К сожалению, нечего и думать о скорой возможности научно работать в архиве б. губернского правления. В 1919 г. по распоряжению властей он был выброшен из занимаемого им прекрасного помещения и его пришлось в спешном

порядке перевозить хоть куда нибудь, лишь бы спасти от гибели. В настоящее время эта масса бумаги—более 150 возов—находится в нескольких местах города и ее разборка еще только начинается.

Такое же насильственное переселение, а кое где и частичное уничтожение, пришлось перенести и другим крупным архивам Саратова. Также пока не доступен для научной работы огромный (до 600000 дел) архив бывших судебный установлений, крайне важный для историка старообрядчества, сектанства, общественного движения и т. д. Из архивов сословных учреждений ни один не остался в неприкосновенности; почти все пострадали при революции и уже без исключения все представляют беспорядочные вороха бумаги.

Из других крупных архивов следует упомянуть об архиве православной консистории и казенной палаты. Оба они находятся, сравнительно, в удовлетворительном состоянии. Но, как указано выше, первый из них в древнейшей своей части уничтожен самим-же духовенством. Наиболее же ценная часть второго передана в исторический архив. Много пришлось пережить нашим местным актохранилищам. Остается только пожелать, чтобы с учреждением в Саратове архивного бюро для них, наконец, наступила более спокойная жизнь и они сделались доступными для научной разработки.

В задачи правильно поставленного архивного хозяйства входит, между прочим, и создание наиболее благоприятных условий для использования сосредоточенных в актохранилищах материалов. Одной из мер, облегчающих такое использование, являются описи архивов и публикации документов. Об описях архивов дореволюционных учреждений, вошедших в единый государственный архивный фонд, в настоящее время не приходится говорить; это дело будущего. Лишь исторический архив б. архивной комиссии имеет описи на хранящиеся в нем документы. Часть таких описей, относящихся до наиболее интересных или обособленных серий, напечатана и, т. о., сделана всеобщим достоянием; часть—приготовлена к печати и ждет своей очереди. Не оставлен архивной комиссией без внимания и важный вопрос о публикации отдельных документов. Нет ни одного выпуска „Трудов“ ее без подобных публикаций. Нет надобности перечислять их, т/к. „Труды“ доступны каждому. Оставлю пока без рассмотрения и обзор пособий по истории края. О большей части их придется говорить в дальнейшем изложении. Для тех-же, кто пожелал-бы основательнее обследовать этот вопрос, найдется по нему богатый материал в трудах местных библиографов—С. Д. Соколова или А. А. Лебедева.

ГЛАВА III.

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению следует условиться относительно того, что мы будем подразумевать под понятием „Саратовский край", определить его территорию, указать его границы. Дело в том, что данный термин, столь употребительный в нашей местной исторической литературе, ставший обыденным и даже избитым, все же до сего времени крайне неопределен по своему содержанию. Это содержание скорее чувствуется, чем сознается, если можно так выразиться. Причем чувствуется разно, в зависимости от того, с какой точки зрения тот или иной исследователь или работник края приступает к его разрешению. И, как мне представляется, условность при установлении этого понятия неизбежна, какой бы фактор мы не положили в основу его определения. Географически—наш край характеризуется отсутствием определенных границ, резко отделяющих его от других областей юго-востока России. Мало применимы, как показывают новейшие попытки одного из местных ученых (проф. Саваренского), и принципы естественно-исторические. Не можем использовать мы и признаки этнографические, т. к. территория края в этом отношении всегда представляла очень пеструю картину. Не имеет край и определенной культурной физиономии, по крайней мере в настоящее время. Для древности же здесь засвидетельствовано одновременное сосуществование разных культур, хотя, впрочем, вопрос этот еще мало изучен и ждет своего исследователя. Изменчивость экономических отношений в зависимости от чисто случайных иногда обстоятельств делает неприменимым, по крайне мере в чистом виде, и принцип экономический. Как рискованно оперировать с ним—доказывают безуспешные пока усилия районирования юго-востока России.

И мне в настоящем случае, при установлении границ Саратовского края, приходится оговориться, что это пока не более, как попытка, которая может и не удовлетворить того, кто подойдет к решению вопроса с другой стороны, а пожалуй будет спорной и для другого историка, в зависимости от точки зрения. А кроме того, такой попытки, насколько мне известно, до сих пор еще не делалось и я не имею никаких оснований считать свой опыт, как первый в данном направлении, совершенным, а свое определение окончательным и не подлежащим пересмотру.

Во многих случаях, когда по тем или иным причинам приходится говорить о той территории, которую мы будем иметь ввиду при дальнейшем изложении, употребляют выражение „среднее и низовое Поволжье", полагая, что границы Поволжья совпадают с границами того комплекса тяготеющих взаимно земель, который мы будем называть „Саратовским краем". Такая замена особенно часто встречается в трудах местных историков и

археологов, но не смотря на ее общепризнанность ее нельзя назвать безусловно удачной. С одной стороны „среднее и низовое Поволжье“ является областью, далеко выходящею за границы Саратовского края, а с другой, если мы будем употреблять его, то окажемся вынужденными исключить из поля зрения многие области, естественно входящие в пределы края В самом деле, под средним и низовым Поволжьем мы должны разуметь территорию по среднему и нижнему течению Волги, т. е. ту часть востока русского государства, которая длинной, но не особенно широкой лентой тянется от Казани до Астрахани. Ни Казань, ни Астрахань, конечно, не могут быть включены в так называемый нами Саратовский край. Казань, с тяготеющей к ней территорией, является прямой наследницей Болгарского государства, имеет свою собственную историческую физиономию и, следовательно, право представлять собою особую область русского государства. Тоже можно сказать и про Астрахань и связанный с нею район. На заре русской истории низовое Поволжье целиком входило в состав обширного Хозарского каганата и Астрахань, построенная почти на том же месте, где некогда стоял главный хозарский город Итиль, по распадении Золотой Орды делается столицей особого царства. Т. о., и низовое Поволжье жило своей собственной жизнью, имеет особую физиономию, а, следовательно, как и Казань, представляет собою особую, самостоятельную область. Как видим из только что сказанного, замена выражения Сарат. край термином среднее и низовое Поволжье не может иметь места потому, что последний термин в некоторых отношениях шире, частью захватывает области, жившие своей особой жизнью, имевшие свою собственную историю. С другой стороны, воспользовавшись для обозначения той территории, которую предполагаем иметь в виду при дальнейшем изложении, выражением сред. и низ. Поволжье, мы тем самым ограничим ее, выражение будет уже соответствующего понятия. В самом деле, уже этимология слово *Поволжье*, показывает, что мы должны понимать под ним территорию, тесно связанную с Волгой, подобно тому, как в древности под Посульем разумелась область по берегам Сулы, или под Приднепровьем разумеются земли, расположенные в бассейне Днепра, и т. п. Вообще, обычай присваивать областям названия по тем рекам, в состав бассейна которых входят составляющие их земли, очень распространен и вполне естественен. Поэтому также законно и выражение Поволжье, (верхн., ср. или низ.—безразлично), но мы в праве применять его только к областям, расположенным в бассейне Волги. В таком случае значительная часть области, обычно обозначаемой под именованием Саратовского края, должна быть исключена отсюда, как принадлежащая к бассейну других рек. Дело в том, что бассейн Волги, после впадения в нее Камы, чем далее на юг, тем суживается все более и более и уже, начиная приблизительно с Саратова, ограничивается, по крайней мере с правой стороны, пре-

делами одной только собственно Волжской долины. Так, в окрестностях Саратова водораздельная линия между Волжским и Донским бассейнами находится на так называемой Кумысной поляне, едва-ли дальше 3—4 верст от последних построек города. И вообще гребень гор, окаймляющих правый берег Волги в нижнем ее течении, является естественным водоразделом между этой рекой и Доном. Все речки—Латрык, Горючка, Карамыш, Иловля и т. д., вершинами своими подходящие чуть-ли не к самой Волге, несут свои воды—посредственно (как первые три) или непосредственно в Дон. Словом, за исключением незначительных ручьев или речек, вроде столь прославленной в песнях Камышинки, Волга в своем нижнем течении, северной границей, которого обычно считается Саратов, с правой стороны не имеет совершенно притоков. С левой стороны она принимает в себя несколько степных речек довольно значительного протяжения, хотя и бедных водою, таков Иргиз, впадающий в Волгу против Вольска, Караман, Еруслан и т. п. Но и здесь устройство поверхности таково, что о развитии речной системы Волги на восток не может быть речи. Начинающиеся всего в нескольких часах пути от Волги и все время текущие параллельно с ней Узени хоть и бессильны донести свои слабые струи до далекого Каспия, все же не проявили склонности слиться с близкой соседкой, а имеют очевидное стремление к самостоятельности. Таким образом, употребляя выражение „среднее и низовое Поволжье“ вместо „Саратовского края“, мы по существу обязаны исключить из этого края все, что не входит собственно в бассейн р. Волги в среднем и нижнем ее течении. За границами края окажутся такие территории, в принадлежности которых к нему не может быть никакого сомнения, а именно: целиком Сердобский, Балашовский и Аткарский уезды, почти целиком, за исключением узкой береговой полосы, уезды, Камышинский, Царицынский и части уездов Кузнецкого, Петровского и Саратовского; а к Саратовскому краю, если не считать некоторой части Заволжья, входящего в настоящее время в состав Самарской и Астраханской г., мы должны будем отнести только Хвалынский, Вольский, частью Саратовский уезды и затем узкую полосу в несколько верст шириною от Саратова до Царицына. Все изложенное дает право подтвердить высказанное выше положение, что подставляя вместо выражения Саратовский край термин среднее и низовое Поволжье, мы пользуемся словом, которое по своему значению с одной стороны гораздо шире, а с другой, много уже того понятия, которое хотим выразить. В некоторых случаях, когда речь заходит о нашем крае, пользуются административным термином, т. е. просто употребляют официальное выражение „Саратовская г.“. *) Нет надобности особенно распро-

*) Явление, не чуждое и нашим соседям. Так, П. А. Преображенский в своих исторических очерках отожествляет Самарский край с Самарской г.

страняться, чтобы доказать недостаточность такого обозначения. Саратовская губ. в тех пределах, какие мы видим на картах, издаваемых до последнего времени, в значительной степени является результатом искусственных, чисто административных мероприятий, при которых вовсе не имелось в виду включение в состав территории губернии областей, экономически и исторически связанных с Саратовом и потому входящих в пределы его края. Как на пример искусственности достаточно указать на факт присоединения в половине XIX в. Новоузенского у. с теперешним г. Покровском к Самарской г. В результате такого мероприятия оказалось, что Покровск, находящийся всего в 7 вер. от Саратова, составляющий в сущности его пригород, оказался в административной зависимости от Самары, расположенной в 400 вер., с которой в зимнее время нет даже прямого сообщения, а таковое поддерживается через тот же Саратов. Приблизительно тоже самое, хоть и в несколько более слабой степени, можно сказать о Цареве, входившем до последнего времени в состав Астраханской г.

Отвергнув таким образом тожественность выражений сред. и низ. Поволжье или Саратовская губ. с термином Саратовский край, мы поставлены в необходимость определить, что же собственно следует разуметь при употреблении этого термина. В двух словах это можно выразить таким образом, что под этим термином мы разумеем область, исторически и экономически тяготеющую к Саратову, как своему естественному центру. Понятно, что принимая за исходный пункт для своих рассуждений Саратов, возникший, как известно, в самом конце XVI в., мы в праве не касаться тех исторических отношений, которые сложились на территории средней и нижней Волги до этого времени, а обязаны считаться лишь с той исторической обстановкой, которая сложилась после возникновения Саратове и повела в конечном результате к тому, что он стал центром области, с полным правом носящей его имя. Таким моментом, определившим приоритет Саратова в крае, является прежде всего рост его торгового и промышленного значения, что, в свою очередь, находится в значительной степени в зависимости от его положения с одной стороны по отношению к центру России, а с другой—к низовьям Волги. Если мы взглянем на карту, то увидим, что из всех пунктов, расположенных по Волге, начиная от Астрахани до Казани (исключительно), он, если считать по сухому пути, находится в ближайшем расстоянии к Москве, центру главнейшей промышленной области русского государства. Таким образом, для всех грузов, для всех товаров, следующим из центра России к Каспию и обратно, в тех случаях, когда транспорт их водою почему либо неудобен или невозможен, для доставки сухопутьем наиболее короткий, удобный, а потому и выгодный, путь будет итти через Саратов. В этом и современное значение нашего города, обусловливающее быстрый рост его до последнего време-

ни, и ни Царицын, ни Самара ни, тем более, Казань не могут конкурировать с ним в этом отношении, несмотря на дифференциальные тарифы и другие уловки коммерческого гения. Путь от центра России к Каспию через Саратов все же является самым коротким, а потому и более дешевым, а, следовательно, и наиболее предпочитаемым торговлей. Это значение Саратова, как пункта, с которого начинается самая удобная сухопутная дорога с низовьев Волги в центр России, обнаруживается довольно рано и мы имеем возможность проследить возникновение этого явления документально начиная с XVII в. Уже под 1665 г. мы встречаем известие, что „терчанину целовальнику Якову Войнову на наем извощиков с Саратова до Москвы под государевы покупные товары, с которыми едет из Персидской земли Приказа тайных дел под'ячий Кирилла Демидов" отпущено 1100 р.[1]). Сумма очень значительная для того времени, позволяющая до некоторой степени даже судить о той массе товаров, которая подлежала перевозке, т. к. мы находим почти одновременное известие (от 1668 г.), что с целовальника по покупке и продаже персидских товаров астраханца Гришки Трехбратенникова взыскано „за тридцать подвод, которые были от Саратова до Москвы под его Гришкиными товарами—сорок три рубля тридцать алтын две деньги",[2]) т. е. около 1½ р. за подводу. Если бы позволено было исходить из этого расчета и из примера, приводимого ниже, то караван с товарами, закупленными Демидовым, мы могли бы определить в 600—700 подвод. Значительность его, впрочем, а следовательно и некоторая вероятность приведенного расчета, доказывается и значительностью вооруженных сил, сопровождавших его для охраны. Для этой цели по указу от 29 окт. 174 г. были командированы служилые люди „с Инзера и из Ломова из Нижнего и из Верхнего по 50 человек из города",[3]) т. е. всего 150 чел. Дорога из Саратова на Москву шла в то время не через Тамбов, как теперь, а через Инсару,[4]) по крайней мере этой дорогой ездили гонцы, посылаемые по казенной надобности. Факт отправки такого большого обоза, в несколько сот подвод, очень знаменателен даже в том случае, если бы мы стали об'яснять его случайностью, тем, напр., что суда с товаром вынуждены были остановиться у Саратова не дойдя до Москвы из-за раннего ледостава, что, конечно, по всей вероятности, и было на самом деле. Этот факт показывает, что уже во второй половине XVII в. в Саратове имелись на лицо средства для организации столь обширного по тому времени транспорта, а по пути от Саратова до Москвы существовали условия, при которых следование огромного обоза было возможно В 1668 г. мы опять встречаемся с отправкой большого обоза от

---

[1]) Русск. Истор. Библ. XXIII, ст. 687.
[2]) Там-же, ст. 964.
[3]) Русс. Ист. Библ. XXI, ст. 1122.
[4]) Там-же, ст. 1125.

Саратова. В этом году „от Саратова до Красной Слободы (т. о. мы имеем еще одну веху для опред. направ. пути к Москве) нанято подвод под государевы товары и под'ячим и целовальникам и мастеровым людям 229 подвод; за провоз дано со всех по одной цене: по 60 алтын по 4 деньги с подводы, итого 416 рублев 26 алтын. Да государева жалованья стрельцам провожатым 60 человекам дано по полтине человеку“ [1]). Нет сомнения, что дальнейшие архивные изыскания дали бы еще целый ряд аналогичных фактов, но и приведенных на выдержку достаточно для того, чтобы утверждать существование постоянного и в достаточной степени оборудованного пути от Саратова к Москве, которым и пользовались в зимнее время для доставки в центр государства товаров, привозимых с востока через Астрахань. А подтверждение тому, что в Саратове имелись достаточные перевозочные средства не только для удовлетворения случайных казенных надобностей, но для нужд частной торговли, мы находим в одном местном документе. А именно, в одном из дел хозяйственного отделения бывшей Саратовской казенной палаты имелась в копии челобитная солдат саратовской Горной слободы от 14 марта 201 г., в которой эти солдаты, жалуясь на обременение их подводной повинностью и другие тяготы, налагаемые местным начальством, между прочим заявляют: „Да кои же де на Саратов приезжают разных городов торговые люди и нанимают подводы до Москвы и до Нижнего и под те товары нанимаются саратовцы градские люди, а их де под наем с подводы не пускают, кормиться де им не дают“ [2]). Таким образом, к концу XVII в., извозный промысел был обычным занятием саратовских жителей и к тому же настолько выгодным, что устранение от него некоторых категорий из жителей города вызывало с их стороны жалобы, справедливость и основательность которых признавалась и центральным правительством. С течением времени значение Саратова, как исходного пункта от Волги в центр России все возрастало и когда, в конце первой половины XVIII ст., правительство, убедившись в неисчерпаемом богатстве солью озера Эльтона, решило взять в свои руки разработку его богатств и снабжение эльтонской солью большей части России, главный распределительный пункт был устроен в Саратове и отсюда же шел главный тракт, по которому соль следовала до внутренних рынков, несмотря на то, что Камышин (тогда Дмитриевск) был гораздо ближе к Эльтону, чем Саратов, а положение его по отношению к пунктам потребления соли мало чем разнилась от положения Саратова. В этом случае на выбор правительства, помимо всяких других причин, оказала влияние и традиция, в течение целого ряда десятилетий успевшая сложиться в пользу Саратова. И в последующий период значение

[1]) Рус. Ист. Библ. XXIII, ст. 1603, 1604.

[2]) Труды Сарат. арх. ком., т. IV, вып. III, стр. 219, 220.

Саратова в том отношении, о котором идет речь, не шло на убыль, а напротив все более возрастало. Окончательное признание этого значения мы можем видеть из того факта, что из всех городов по среднему и нижнему течению Волги он первым был связан с Москвой рельсовым путем в начале 1870-х г.г. и, повторяем, хотя с тех пор тем же преимуществом воспользовались Астрахань, Царицын, Самара, Симбирск и Казань, все же наш город сохраняет в данном отношении первенствующее положение.

Положение Саратова благоприятствовало ему и в другом отношении, а именно, сделав его центром рыбопромышленности едва-ли не на всем протяжении обширного плеса от границ теперешней Симбирской г. и до Черного Яра. В XVII в. в Саратове сосредоточилось управление монастырскими и царскими рыбными промыслами. Казна имела здесь целый рыбный городок, укрепленный башнями и снабженный артиллерией, а крупные московские монастыри ряд рыбных дворов. Подробнее об этом придется говорить ниже. Кстати-ж можно лишь упомянуть, что дворцовый рыбный промысел просуществовал в Саратове до второй половине XVIII в. Саратовские жители и сами принимали не малое участие в эксплоатации рыбных богатств Волги и в начале 30-х г.г. XVII в. почти 60% наличного неслужилого Саратовского населения добывало средства к существованию от рыбного промысла.

Обе указанные причины благоприятствовали росту Саратова и уже в начале XVIII в. посадское население его исчислялось почти в 1600 душ муж. пола, значительно превосходя таковое-ж население такого старого города как Астрахань. За значительность Саратова как городского поселения говорит и тот факт, что еще в 1681 г. здесь намечалось учреждение архиерейской кафедры. [1]) Правда, проект остался без исполнения и должно было пройти почти полтора века прежде чем Саратов стал епархиальным городом, но знаменательно уже само по себе то обстоятельство, что в конце XVII в. он признавался достаточно приличным пребыванием для епископа, т. е. не был таким захолустьем, каким его воображают обычно, а также мог дать средства и на содержание архиерея.

С ростом торгового и экономического значения возростало и значение административное. О том, что еще в XVII в. Саратов сделался резиденцией управления дворцового промысла и был проект образовать в нем епархию, я сейчас только упомянул. Когда в конце первой пол. XVIII в. началась разработка соли на Эльтоне, здесь же была учреждена и низовая соляная контора, ведавшая добычей соли и ее распределением в пункты потребления. Это было большим шагом вперед по пути к приобретению административного веса, т. к. низовая соляная контора

---

[1]) Собр. госуд. грам. т. IV, 392.

по рангу стояла наравне с высшими провинциальными учреждениями, пользовалась большим значением, располагала широкими средствами и большим штатом. Влияние конторы распространялось очень широко и не мало способствовало установлению и затем укреплению связи Саратова с местностями, непосредственно подчиненными конторе. В 60-х г.г. XVIII в. в наш край устремилась волна немецкой колонизации и очень скоро по обоим берегам Волги возник ряд колоний. Для управления ими учреждается опять таки в Саратове т. н. контора иностранных поселенцев, тоже не маловажное учреждение с очень широким кругом деятельности. И от этой конторы, также как и от соляной, в разные места края протянулись нити, связующие эти места с Саратовом. Рост административного значения его в XVIII в. завершился в 1780 г. открытием Саратовского наместничества, когда Саратов вполне естественно и заслуженно был признан столицей обширной области, по пространству своему слишком вдвое превосходящей размер нынешней Саратовской г. К этому времени экономическое и административное тяготение окружающих Саратов местностей настолько определилось, что конструирование Саратовского наместничества произошло совершенно естественным путем, без всякой искусственной ломки уже наладившихся условий совместной жизни. Единственным исключением в этом случае должно быть признано присоединение к наместничеству Новохоперского уезда, примыкавшего к нему самой узкой своей стороной и длинным языком уходящего далеко на запад. Но эта неудача была скоро исправлена и Саратовское наместничество в границах 1780-х г.г. просуществовало с незначительными, сравнительно, изменениями в течение нескольких десятков лет, этим продолжительным существованием еще больше скрепив возникшие и существовавшие до того связи Саратова с уездами, к нему приписанными.

Итак, под Саратовским краем мы будем разуметь те местности, которые (за исключением Новохоп. у.) входили некогда в состав Саратовского наместничества и исторически, и экономически издавна и до сего времени связаны как со своим центром с Саратовом. В административном отношении (беру условия до революции) наш край делится на 13 уездов; 10 из них, входившие в состав Саратовской губ. до 1918 г., расположены по правому берегу Волги, а именно: Кузнецкий, Хвалынский, Петровский, Сердобский, Вольский, Балашовский, Аткарский, Саратовский, Камышинский и Царицынский; остальные три находятся на левой стороне Волги или на „луговой". Это Николаевский и Новоузенский у. у. Самарской г. и Царевский—Астраханской.

Волга, помимо того, что служит административной границей, своим течением делит наш край на две, резко отличающиеся друг от друга части, т. е. горную и луговую стороны.

Луговую сторону, или заволжскую часть нашего края, как я только что сказал, составляют три уезда: Николаевск., Ново-

узенск. и Царевск., раскинувшиеся на огромной площади в 8.578.847 дес. по исчислению Стрельбицкого. Эта площадь довольно значительно превышает территорию, занимаемую остальными 10 уездами края, расположенными на горной стороне и входящими ныне в состав Саратовской г. Конечно, на таком огромном протяжении мы должны неизбежно иметь дело с отличиями одной местности от другой в почвенном, климатическом и иных отношениях. Но все эти различия в общем не настолько существенны, чтобы мы не имели право рассматривать Заволжскую часть края как одно целое. За исключением восточной и северно-восточной части Николаевского у. все Заволжье представляет из себя равнину с общим падением с СВ на ЮЗ к р. Волге и с С. на Ю. к Касп. морю. Чем южнее—тем равнина эта становится маловоднее и суше; здесь исчезают последние разветвления Общего Сырта и только безводные, широкие, обнаженные возвышения с пологими скатами, так наз. *сырты*, да широкие и мелкие речные долины с пологими берегами отчасти нарушают равнинный характер местности. Из Николаевского в Новоузенский у. входят только уже слабые покатости Общего Сырта; в последнем, недалеко от истоков р. Б. Караман находится огромное и довольно высокое возвышение „Яблоновый Сырт“, а по правую сторону р. Кучума и почти параллельно р. Волге тянется цепь холмов—Каменный Сырт. Поверхность Новоуз. у., в центральной части и особенно на юге представляет однообразную и настолько ровную поверхность, что она почти горизонтальна и стрелка чувствительного анероида на протяжении 15—20 верст не передвигается на 1 мм., что показывало бы повышение или понижение местности на 4 сажени.

Незначительное падение местности в виде невысоких уступов можно наблюдать только между Волгой и Б. Караманом; далее между Караманом и Ерусланом, и затем от Еруслана к Новоузенску. Самый высокий пункт в центре уезда представляет водораздел между Ерусланом и Караманом. К востоку отсюда характер равнины несколько изменяется: сначала ее рассекают небольшие овраги, глубина которых потом увеличивается; за р. Б. Узенем местность переходит в волнистую, а восточнее г. Новоузенска холмы увеличиваются с приближением к границам Уральской об.: *Синие горы* восточнее с. Дергачи.

Весь этот край орошен очень слабо, причем степень орошения понижается по мере движения на юг. Из рек наиболее значительной является Б. Иргиз, имеющий общее протяжение до 1.000 верст и отличающийся необыкновенной извилистостью своего течения. Как например, можно указать на то, что между гор. Пугачевском и Волгой по прямому направлению всего 70 верст, а по течению Б. Иргиза—400! Кроме Б. Иргиза северная часть области орошается еще довольно значительными речками: М. Иргизом, Чагрой, Мочей и притоками Б. Иргиза. В средней части протекают притоки Волги: Малый и Б. Караманы, Еруслан и

Торгун и кроме того два Узеня, нижнее теченье которых теряется в болотах Уральской области. Южная часть совершенно лишена текучих вод. Как на особенность заволжской части следует указать на обилие соленых вод и источников. Особенно много таких вод в южной части, где между прочими соляными озерами находится и обширное озеро Эльтон, занимающее площадь почти в полтораста квадратных верст. Из приведенного перечня рек и речек может получиться впечатление, что орошение области довольно обильно. Но на самом деле это не так, ибо все водные потоки, за исключением, быть может, Б. Иргиза, крайне бедны водою и многие из них летом совершенно пересыхают, а некоторые к тому же несут соленую, непригодную для употребления воду. Только полоса, непосредственно примыкающая к Волге, может похвалиться богатством орошения. Благодаря незначительной разнице в уровне между поверхностью реки и соседней степи Волга во время весенних разливов далеко разливается по ней и в южной части, где река отделяет от себя Ахтубу, разливы достигают нескольких десятков верст в ширину и огромная поверхность воды местами производит впечатление моря, так как низкие и плоские берега делаются совершенно незаметными. После спада весенних вод на почве, обильно орошенной и удобренной речным илом, развивается роскошная луговая растительность, свежесть и рост которой поддерживаются остатками неуспевшей сбежать воды, образующей многочисленные озера и протоки „ерики“. Вся эта затопляемая полоса земли называется у нас в Саратове займищами и образец их можно видеть в непосредственной близости от города.

Климат заволжской части носит ясно выраженный континентальный характер, с резкими переходами от тепла к холоду. К этому присоединяется недостаток атмосферных осадков. Понятно, что при таких условиях растительность здесь не может быть богатой и за исключением приволжских займищ, где имеются заросли некоторых пород деревьев, любящих воду, и северной части, где встречаются небольшие островки лесов, все остальное пространство совершенно безлесно. Скудости растительности способствует и характер почвы, в общем довольно мало плодородной, изобилующей солончаками. Бедности вод и растительности соответствует и бедность животного мира. Впрочем, человек своей культурой внес такие изменения в растительный и животный мир, что мы теперь и не можем судить об естественном состоянии его в крае. Хлебные растения везде заменили прежнюю степную траву, дикие животныя вытеснены домашними. Нетронутыми остались только такие местности, которые почти непригодны по своему бесплодию для эксплоатации, и по этим остаткам мы не имеем права судить о всей степи.

Правобережная часть нашего края, входивщая до 1918 г. в состав Сарат. г., занимает площадь в 7.733.794 дес., представляя

из себя территорию неправильной формы, наибольшая длина которой с С. на Ю. по прямому направлению достигает 700 в., а наиб. ширина с В. на З.—400 в. Огромное протяжение с С. на Ю. и разница высот над уровнем океана, а также и другие причины обусловливают большую разницу в климате и прочих физических условиях территории. Так, напр., в самом холодном пункте Сарат. г.—в с. Полянках Кузн. у. средняя годовая температура не достигает +3,0, в Царицыне она равна уже 7°. Также разнообразно и количество атмосферных осадков. В тех же Полянках она доходит до 538 милл. в год, а в Царицыне едва до 280. Эта резкая разница в климатических условиях, конечно, сильно отражается прежде всего на растительности, затем на животном мире, на образе жизни и занятиях населения. В то время, как в Кузн. у. растут грибы, клюква и брусника—в Царицынском мы встречаем уже виноград. Поэтому в сельскохозяйственном отношении губерния обычна делится на две, резко отличающиеся друг от друга части, при чем границею является черта, идущая приблизительно от Турков на Аткарск и затем по течению р. Терешки. К С. З. от этой черты преобладают формы хозяйства, близко напоминающие таковые же средней черноземной полосы России; к Ю. В.—физиономия сельского хозяйства приобретает степной облик. И для наших целей разнообразие условий, встречаемых в правобережной части Саратовского края, не позволяет рассматривать эту часть как единое целое. Но различие в способах ведения хозяйства, сложившееся в зависимости от климата и сельскохозяйственных условий и поведшее к разделению губернии при обозрении ее в сельскохозяйств. отношении на две половины, для нас недостаточно. Мы не можем установить связи между этими причинами и теми историческими явлениями, которые наблюдаются в жизи края. Мы не видим, напр., того, чтобы первые русские поселенцы явились в той части края, которяя по своим условиям стоит ближе к средней России и поэтому должна бы быть более привлекательной для выходцев оттуда; в Царицынском, напр., уезде русские насельники обосновались задолго до того, как появились русские поселения в Сердобском у., хотя первый представляет типичную полупустыню, а последний весьма напоминает любой уезд центральной черноземной России и мог бы дать привычную обстановку для выходца оттуда. Тем не менее, при внимательном рассмотрении колонизационных волн намечается, хотя не в ясно и определенно выраженной форме, некоторая зависимость между физическими условиями разных частей правобережной полосы края и временем и интенсивностью их колонизации, хотя и в несколько ином направлении. Одни части заселялись раньше, другие позже. В некоторых местах нынешней Сарат. г. мы уже в 1-й пол. XVIII в. видим густое население, до других колонизационная волна докатилась лишь в XIX стол. По разному складывалось и направление переселенческого движения. Для иных

полос края это было направление с С. на Ю. и переселенцы—добровольно или невольно—прибывали с СВ. России, для заселения же других участков они рекрутировались с запада и т. д. Во всем этом, думается, известную роль сыграло направление рек и потому с своей стороны полагаю правильным разделение и затем рассмотрение правобережной части нашего края по речным системам *).

Должен предупредить, что во многих случаях такая зависимость направления колонизации от гидрографической, т. сказать, конфигурации рассматриваемой области слабо выражена, трудно установима, может быть оспариваема. Но в других—она совершенно ясна. Обзор естественнее всего начать с Волжской речной системы, или вернее с той части, которая непосредственно примыкает к Волге. Волга протекает вдоль Сарат. г. на протяжении 700 с лишком верст и на этом протяжении к ней примыкают пять уездов: Хвал., Вольский, Сар., Кам. и Цар.

По всей Волге, с правой стороны, гряда возвышенностей, носящая в разных участках различные названия. От Хвалынска до Вольска эти вовышенности называются Девичьими горами, ниже Вольска-Змеевыми; около Камышина странная форма приволжских холмов дала повод назвать их „Ущами". В северной части, приблизительно около Хвалынска, эти возвышенности достигают значительной высоты, по мере движении на юг они постепенно понижаются и близ Царицына представляются незначительными холмами. Здесь Волга делает резкий уклон на В., а холмистая гряда, сливаясь с т. наз. Эргенями, продолжается на Ю. и теряется в степи. Волжская возвышенность очень близко, а местами непосредственно, подходит к реке и потому речная долина очень узка. Ни это узкая полоса ровной земли, ни крутые склоны холмов, прорезанные ущельями и почти на всем протяжении в пределах губернии заросшие лесом, не представляют условий благоприятных для полевой культуры. Поэтому население, обосновавшееся здесь, с давних пор должно было обратиться к другии источникам для обеспечения своего существования. Защищенные от ветров, прогретые солнцем, долины и ущелья гор в большинстве обильно снабженные текучей водой в виде ключей, бьющих по их склонам, создали обстановку очень благоприятную для развития садоводства и поэтому вся долина Волги от границы Симбирской г. почти до самого Царицына теперь, за небольшими перевывами, обратилась в сплошной сад. Близость Волги с ее рыбными богатствами создала и другую отрасль добывающей промышленности—рыболовство. Полеводство, благодаря отдаленности пахатных участков и неудобству сообщения с ними, играет в этой полосе области второстепенную роль.

---

*) О влиянии направления рек на заселение соседней Пензенской г. см. у А. Хвощева „Очерки по истории Пензенского края" Пенза. 1922 г.

В Волгу с правой стороны в пределах Сарат. г. впадает, как я говорил, очень мало притоков. Из них наиболее значительным является р. Терешка, получающая свое начало в Хвалынском уезде и протекающая на протяжении 250 в. в пределах Хвалынского и Вольского уездов. В нижнем течении она составляет границу между последним и Саратовским у. Эта река, с многочисленными притоками, из которых наиболее значительными являются Алай и Избалык, образует довольно обширную речную систему и должна быть рассматриваема как отдельная область при изложении истории нашего края. Рельеф этой области очень разнообразный, в зависимости от чего разнообразны и почвенные условия. Но в общем преобладает тучный чернозем. Лесов, даже и в настоящее время, достаточно; причем в значительной степени встречаются хвойные.

К Волжскому же бассейну принадлежит и р. Сура. Сама Сура захватывает наш край лишь на небольшом протяжении, но за то некоторые из ее притоков и особенно один из наиболее крупных—Уза с речками и ручьями, впадающими в нее, составляют довольно развитую речную систему, занимающую обширную площадь на севере губернии. Эта площадь почти полностью включает в себя Кузнецкий и частью Петровский и Саратовский у.у. Вся она расположена по склонам т. наз. Верхе-Сурской сплошной возвышенности, которая, начинаясь у Волги (Самарская лука), идет на З. и теряется в южной половине Пензенской г. С этого плоскогорья берут начало Свияга, Сура, Мокша, текущие на С.; Ворона, Хопер, Медведица и Терешка, имеющие направление течения на Ю.

Как на особенность рассматриваемой части нашей области можно указать на сравнительно значительную высоту ее над уровнем моря. Около с. Сюзюма эта высота достигает 1173½ ф. Гребень водораздела возвышается на 1140 фут. Т. о она (часть) занимает своей поверхностью южный склон самой высокой части Верхе-Сурской сплошной возвышенности и северною своею частью представляет едва-ли не самый возвышенный ее пункт. Поверхность склоняется к Ю. и ЮЗ. как общим и постепенным понижением, так и более или менее значительными уступами. Выдающихся горных хребтов здесь нет, но поверхность покрыта густою сетью невысоких холмов, иногда стоящих отдельно друг от друга, а иногда сливающихся в цепи, расходящиеся в разные стороны. Почва очень разнообразна и наряду с тучным черноземом встречаются и чистые пески. Последние в большинстве покрыты хвойным лесом. Вообще лесная площадь здесь значительна и в Кузнецком, напр., уезде занимает до ²/₅ всей поверхности. Другой характерной особенностью описываемой местности является обилие текучих вод и ключей.

Большая часть теперешней Саратовской г. входит, однако, не в Волжскую, а в Донскую речную систему. О том, как близко водораздельная линия подходит к берегам Волги, я имел слу-

чай упоминать. Из притоков Дона в пределах Саратовского края протекают: Хопер, Медведица и Иловля. Хопер берет свое начало в Пензен. г., почти у границы ее с Саратовской, и протекает в нашем крае приблизительно около 300 в. По Хопру и его притокам расположена б. часть у.у. Сердобского и Балашовского. Из притоков Хопра с правой стороны наиболее значительными являются Арчада, Пяша, Миткирей и Карай, а с левой—Колышлей, Сердоба, Изнаир и Аркадак. Все эти реки вместе с многочисленными речками и ручьями, впадающими в них, образуют густую сеть, довольно равномерно распределенную по всей области. Поверхность ее слабо-холмиста, да и то, главным образом, по берегам самого Хопра. Преобладающей почвой является глубокий чернозем и неплодородные участки, в виде солонцов, занимают лишь самую незначительную часть всей площади. Почвенные и климатические условия, в связи с достаточным орошением, благоприятствуют развитию растительности и в местах, нетронутых культурой (а таковые до последнего времени еще встречаются здесь), земля одета пышным покровом степных трав. Лесов, особенно по течению Хопра, также достаточно. Вообще эта часть нашего края очень благоприятна для земледельческих культур, особенно полеводства и скотоводства.

Второй приток Дона—Медведица, берет начало в северной части Саратовского у., вытекая по народному сказанию из медвежьей берлоги, отчего она, якобы, и получила свое название. Со своими многочисленными притоками она орошает части уездов Сарат., Петр., Аткар. и Камыш. Из притоков Медведицы с правой стороны мы назовем: Таузу, Камышинку, Грязнуху, Еткару, Белгазу, Рельню, Баланду, Князевку и Терсу. Из них самой значительной является Терса с протяжением до 250 в., принимающая в себя р. Елань почти такой же длины. С левой стороны наиболее значительным притоком Медведицы являются: Таволжанка, Вихляйка, Березовка, Колышлей, Идолга, Рельни, Карамыш и Бурлук. Одна из этих речек—Карамыш имеет в свою очередь притоки, из которых Латрык начинается почти в непосредственной близости к Саратову. Поверхность территории, занятой в нашем крае бассейном Медведицы, представляет в большинстве холмистую поверхность, покрытую черноземом. Неплодородные земли встречаются редко и только по берегам Медведицы имеются сыпучие пески. Лесов также достаточно, причем в северной части области нередко попадаются и небольшие островки соснового леса. По берегам рек и речек не мало хороших сенокосов, а в южной части бассейна кое где еще и до ныне сохранились целинные степи.

Третий приток Дона—Иловля берет начало в средней части Камышинского у. около кол. Россоши и протекает у нас на протяжении 170 в., орошая части Камышинского и Царицынского у.у. Иловля представляет из себя типичную степную реку: берега ее почти совершенно безлесны, но в общем—область, заня-

тая ее системой, довольно плодородна. Иловля, м. прочим, замечательна в том отношении, что значительное ее приближение к Волге неоднократно порождало попытки устройства посредством ее соединительного канала между Волгой и Доном.

Итак, в правобережной части нашего края наметилось 6 отдельных областей, а именно: Волжская, состоящая гл. обр. из долины самой р. Волги, Терешанская, Сурская, или вернее Узинская, Хоперская, Медведицкая и Иловлинская, включающие в себя территории, расположенные в пределах их бассейнов. Насколько возможно мы охарактеризовали современное положение этих областей в почвенном, сельскохозяйственном и иных отношениях.

Но для нас гораздо более существенным является вопрос, в каком положении застали наш край первые русские насельники, явившиеся сюда после освоения его Московским государством; что влекло сюда этих насельников (безразлично—вольных или невольных, мы пока не будем касаться этого). К сожаленью, для ответа на поставленный вопрос во всей его полноте в нашем распоряжении имеется слишком мало данных. Только по отношению к некоторым частям края, заселение которых совершилось сравнительно поздно, сохранились документальные данные, рисующие состояние этих частей в их естественной нетронутости рукой человека или, по крайней мере, положение их перед тем, как сюда хлынула волна оседлого населения. По отношению же к остальным частям края приходится довольствоваться отрывочными известиями и намеками документов, притом сплошь и рядом далеко не одновременных той эпохе, которая нас должна интересовать, т. е. времени заселения края русскими. Помимо этих отрывочных и недостаточных документальных данных в нашем распоряжении остаются предания и рассказы старожилов—материал, к которому историку следует всегда относиться с особой осторожностью. Т. о., при всем желании мы можем получить только приблизительное понятие о том, чем был наш край в то время, когда сюда явились наши предки. Несомненно, что в своих попытках восстановить картину в далеком прошлом, мы прежде всего должны считаться с теми изменениями, которые внесены в нее с тех пор рукою человека применением культуры. Распашка земель должна была неизбежно повести к исчезновению естественного растительного покрова на подвергнутой этой распашке территории и к проникновению новых растительных видов даже и туда, куда еще не проникли плуг и соха. Это явление и теперь наблюдается везде, где поселяется человек. Те степи дальнего запада Америки, описанием которых мы восхищались в романах Купера или Майн-Рида, в настоящее время вместо буйных трав, скрывавших всадника на лошади, покрыты жалкой вершковой травкой, в которой невозможно спрятаться и зайцу. Если-бы воскрес Тарас Бульба и с своими сыновьями вновь

предпринял путешествие в Сечь, то ему пришлось-бы проезжать не теми степями, которые вырвали пресловутое восклицание у Гоголя, а бесконечными свекловичными полями, весьма мало привлекательными на вид. Даже и нетронутые плугом местности меняют свой вид с возрастанием густоты населения. Как известно, сельско-хозяйственные животныя едят не всякий злак, предлагаемый им природой, а имеют свои излюбленные травы, которые и уничтожают усиленно. Благодаря этому нарушается равновесие между растениями пастбищ и преобладание постепенно получают непригодные для пищи скота, т. к. их не только никто не трогает, но благодаря уничтожению полезных злаков они получают больше простора для развития. Для примера можно указать на никогда не распахиваемые выгоны наших деревень. Затем, некоторые породы животных способны в течение столетий в корне таким образом изменить физиономию страны. Развитие тонкорунного овцеводства на юге России погубило красу степей, а коза совершенно, как известно, обезлесила Грецию. Кроме того хищническая эксплоатация земли в форме земледелия или скотоводства быстро истощает ее, что опят таки не остается без влияния на растительный покров. Но такие резкие изменения человек вносит не только в те места, которые использованы им для полеводства или скотоводства. Леса также находятся в сфере его влияния. Естественные отношения между приростом леса и его убылью нарушаются, нарушается и установленный для нашего края порядок борьбы леса со степью. Вырубка лесов, пастьба в них скота, об'едающего молодые побеги порубок, распашка полян и т. д. повели к значительному сокращению лесной площади. Несомненно, что у нас в старину леса занимали большее пространство, чем теперь, и имели стремление к дальнейшему распространению. Последнее обстоятельство, между прочим подтверждается зарастанием курганов, насыпанных некогда в открытой степи народами, населявшими наш край в глубокой древности. Группу таких, заросших в течение веков наступающим лесом, курганов можно видеть верстах в 20 от Саратова по Астраханскому тракту в вершине т. наз. Чурбакова буерака. Изменения, внесенные человеком в растительный мир, не могли не отразиться прежде всего на мире животном. С уменьшением лесов и распашкой степей должны были исчезнуть многие животные формы, лишенные способности приспособления к изменившимся условиям жизни. К этому необходимо присоединить и непосредственное вытеснение животных самим человеком, его преследованьем их. Оскудение края в этом смысле может быть засвидетельствовано любым охотником, но о нем возможно судить и по другим сведениям, более достоверным чем охотничьи рассказы. Как на пример можно указать на исчезновение из степей южной и восточной части нашего края единственного вида антилоп, водившихся в пределах Европы, а именно сайгака или сайги. Путешественники XVIII в. описывали бесчисленные стада этих

милых и безобидных животных, свободно носившихся по безграничному степному простору. Еще в 1-й половине прошлого века, почти на памяти людской, сайгачьи меха ценились дешевле овчины, а мясо сайгаков на приволжских базарах по своей дешевизне было доступно беднейшему классу населения. Теперь, чтобы увидеть сайгу в ее естественной обстановке, пришлось бы совершить длинный путь в глубину киргизских степей, т. к. в нашем крае она совершенно истреблена и большинству не известен не только вид этого животного, но даже и его название. То-же можно сказать и про другого обитателя степей— сурка, почти совершенно исчезнувшего у нас, а некогда служившего об'ектом особого промысла. Культура, внесенная человеком, не осталась без влияния даже на климат и особенно на условия орошения края. Истребление лесов влечет за собою уменьшение атмосферических осадков и обеднение вод. Но если это обстоятельство и трудно подтвердить непосредственными наблюдениями, то изменение горизонта вод происходит чуть-ли не на наших глазах. Неправильная распашка земли, разрыхление поверхностного слоя в таких местах, которые подвержены размыву, повело к образованию рытвин и оврагов. Распространение оврагов в нашем крае приняло характер настоящего бедствия, на борьбу с которым было обращено уже серьезное внимание правительства и общественных учреждений. Овраги являются естественными дренажными трубами, осушающими прилелегающие к ним местности. Развитие их влечет за собою не только высыхание, но и понижение горизонта вод, обеднение водою поверхностных ее выходов: рек, озер, родников, колодцев и т. д. Кроме того распашка земель и уменьшение лесов нарушили более равномерное распределение во время зимы и таяние во время весны снегового покрова. Не затененные лесом или остатками прошлогодней степной растительности снега тают быстро. Вода с полей бурными потоками несется в реки и ручьи, размывая на своем пути почву и осаждая ил в более спокойных водах. Это заиление также влечет за собою обмеление рек. Еще в 60-х г.г. XIX ст. Медведица и Хопер считались если не судоходными, то хотя сплавными реками. Ежегодно по ним десятки судов с хлебом отправлялись в Доч. Исторические документы указывают нам на Иловию и мизерную Камышинку как на обычный путь, которым донские казаки в XVII в. пользовались, чтобы пробираться на своих судах с Дона на Волгу, а в начале еще XVIII в. Иловли была настолько богата водою, что серьезно поднимался вопрос об использовании ее для соединительного канала между Волгой и Доном. Обеднение рек водою, засорение их не могли конечно не отозваться самым неблагоприятным образом на рыбном их богатстве. Что касается в этом отношении Волги, то на уменьшение рыбы в ней большую роль сыграл принятый способ лова, когда во время весенняго хода путь рыбе преграждается в самых устьях реки. На соседнем Урале,

например, такой способ не практикуется и там до нашего времени рыба приблизительно равномерно распределена от устья и до Уральска.

Все приведенныя рассуждения и примеры дают нам право сделать заключение в том смысле, что до появления в нашем крае поселенцев он имел далеко не тот вид, какой представляет теперь. Реки и речки были более многоводны и многочислены. Рыбное богатство должно было значительно превосходить теперешнюю скудность. Степи, покрытые роскошной растительностью, и леса, никем и ничем не тронутые, должны были давать приют многочисленному населению животных и птиц и т. д. Но, повторяю, все это предполагаемое великолепие девственной природы находит лишь слабое отражение в документах. О том, что нарисованная нами картина довольна близка к действительности, мы можем судить лишь по отрывочным заметкам и намекам, встречающимся случайно и крайне редко, да и то с большими перерывами времени.

Путешественники с конца XIV по XVII в.в., посетившие наш край, почти не обращали внимание на описание его природы и поэтому напрасно стали бы мы искать каких либо подробностей на этот счет у Барбаро, Никитина, Контарини и т. д.: их или совсем нет, или они очень скудны. Как на исключение можно указать на записку иеродиакона Игнатия, сопровождавшего весною 1389 г. митрополита Пимена в его пути из Рязанской области в Азов, и сочинение Джона Перри, бывшего на Волге в 1701 г. Трудно, конечно, ставить в ряд известия двух таких очевидцев, разделенные промежутком в 300 лет и из коих один даже и не был непосредственно в пределах нашего края, а лишь проследовал в некотором расстоянии от его границ. Но за скудостью подобных источников вообще приходится довольствоваться и тем, что есть под рукою. Известия, о коих идет речь, так кратки, что я приведу их дословно, в передаче Карамзина: „Нельзя вообразить ничего унылее сего путешествия. Везде голые, необозримые пустыни; нет ни селения, ни людей; одни дикие звери, козы, лоси, волки, медведи, выдры, бобры смотрят с берега на странника, как на редкое явление в сей стране: лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили над ними“. *). В перечне, сделанном Игнатием, мы видим целый ряд животных, давным давно исчезнувших из наших мест, но несомненно в них водившихся, вроде медведя или дикой козы. Перри оставил нам описанье южной части нашего края, приблизительно теперешних Царевского, Царицынского и частью Камышинского у.у. По его словам: „в полосе, находящейся между Камышинкой и Терками климат отличный, почва плодородная и страна эта весьма приятна для жизни. Весною, как только сойдет снег, который в этой местности покрывает землю не более, как в течение твух—трех месяцев в

*) Карамзин, И. Г. Р. V, гл. 1.

году, то непосредственно затем наступает теплая погода; тюльпаны, розаны, ландыши, гвоздика и многие другие цветы и травы в большом разнообразии вырастают в поле, как в саду. Спаржа, лучшая, какую мне случалось есть, растет так густо, что во многих местах можно было косить ее; простая луговая трава столь высока, что доходит по брюхо лошадям; миндалевые и вишневые деревья растут в большом количестве, но они редко бывают высоки и плоды на них не крупные. Осенью созревают разные хлебные зерна и овощи, которые при обработке земли могли бы быть весьма улучшены. В этих местах большое разнообразие птиц и всякой дичи; водятся также рыжие небольшие олени, лоси, волки, кабаны, дикие лошади и дикие овцы. Мне привелось есть мясо дикой овцы, которая преследуемая волком, была захвачена рыбаком, случившимся в это время в лодке своей на Волге; мясо это вкуснее и нежнее обыкновенной баранины... Весьма достойно сожаления, что такая прекрасная и богатая страна, находящаяся на берегах великой реки Волги, которая более всех рек в мире изобилует рыбою и в которую впадает множество рек, находится в настоящее время в таком запустении и лишена всякого населения, тогда как многие из русских северных жителей, за недостатком солнца, без которого не может созревать жатва, вынуждены печь хлеб с примесью соломы и разных корней от полевых злаков" *). О богатой растительности на волжских островах и о богатстве самой Волги рыбою можно найти кое-что у писателя XV в. Барбаро. Свидетельства последнего рода рассеяны там и сям в описании путешествия Адама Олеария. Для того же, чтобы хотя до некоторой степени быть в состоянии судить о природе внутренней части нашего края, очень долго бывшей вне поля зрения разных путешественников, пользовавшихся почти исключительно водными путями сообщения, мы можем воспользоваться официальным документом, относящимся к самому началу XVII ст. и даже к концу XVI-го. По изысканиям Тамбовской арх. к-ии крестьяне разных сел Шацкого у. с конца 16-го в. содержали на оброке по Хопру от его устья вверх и по его притокам в том числе и Караю бортные ухожи, с лосевым и козлиным станом, с бобровыми гонами и рыбными ловлями **). А Перетятковичу удалось в Московском архиве Юстиции натолкнуться на доказательство того, что в 1-й четверти XVII ст. (1622—23 г.г.) крестьяне дворцовых деревень того же Шацкого у. владели на оброке бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами на реке Медведице, от речки Князевки вверх по Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками, внося за право пользования этими угодьями ежегодно не малые

*) Цитирую по оставшейся в рукописи работе Ф. Ф. Чекалина „Саратовское Поволжье в путешествиях и картах европейских писателей с X до начала XVIII века".

**) Ф. Ф. Чекалин „Саратовское Поволжье с древнейших времен" стр. 72-73.

для кр-н того времени деньги *. В выдержках (к сожалению для нас саратовцев очень малочисленных) из подлинных документов, относящихся к этому месту, и приводимых Перетятковичем упоминаются некоторые из притоков Медведицы; Карамыш, Колышлей, Баланда, Идолга, Бурлук, Терса и Князевка. Всех ухожаев: „бортных ухожаев с липягами и с дубравами и с лесами и с полянами и с лугами и с сенными покосы и с дикими полями и степьми и с раменьи и с реками и с падучими речками и с озеры и с болоты и с суходольи и с бобровыми гоны и с рыбными ловли и с хмелевыми и со всякими угодьи 308, да на реках же по обе стороны по урочищам и с рыбными ловлями без вышеписанных угодий 469,— всего 777 ухожьев". Этот сухой перечень писцовой книги говорит больше, чем красноречивое описание Перри о тех богатствах всякого рода, которыми изобиловал наш край три века тому назад. Это богатство подтверждается и тем обстоятельством, что для эксплоатации его явились предприниматели из такого отдаленного края как Шацкий уезд, и сам бывший далеким захолустьем, платя притом за право пользования произведениями природы большие по своему времени деньги. Некоторое сомнение могут внушить упоминаемые в документе бобровые гоны, т.-к. сколько мне известно, не сохранилось никаких следов пребывания бобра в нашем крае в столь близкую, сравнительно, к современности эпохе; так что это выражение можно бы отнести просто на счет дьяческой традиции, пользовавшейся раз навсегда выработанной формулой перечисления угодий безотносительно к тому, что эти угодья в действительности из себя представляют. Но такой добросовестный исследователь прошлых судеб нашего края как Ф. Ф. Чекалин настойчиво подчеркивает, что по архивам он находил бобровые озера в лесах Сердобского уезда **).

Думается, что приведенные свидетельства из письменных источников, несмотря на их разновременность, отрывочность и скудость достаточно подтверждают сделанный нами на основании наблюдений современных условий, вывод о том, что природа края во время первоначального заселения его, после освоения русским государством, была гораздо богаче чем теперь и, следовательно, представляла больше привлекательности для переселенца. Документы и говорят нам, что едва здесь стала возможна оседлая жизнь, такой переселенец и явился. Но возникает вопрос, не было-ли здесь русских поселений еще в те времена, когда край формально не принадлежал московскому государству. К сожалению определенный ответ на этот вопрос за отсутствием документальных данных пока невозможен. Предание приписывает основание поселения на месте нынешнего

*) Поволжье в XVII и начале XVIII века, стр. 223—224.

**) Сарат. Поволжье, стр. 73, прим.

Хвалынска св. Алексию, митрополиту московскому, и то же предание рассказывает о путешественниках, спасавшихся на берегах речки Царицы. Но все это не что иное, как красивые легенды, факты же ясно и определенно подтверждают, что русское постоянное население явилось в нашем крае лишь после того, как он вошел в состав Московского государства *).

К изложению обстоятельств, при которых край был освоен этим государством и причин и условий, при которых возникли у нас первые постоянные поселения мы и перейдем теперь.

ГЛАВА IV.

Еще до окончательного падения Золотой Орды в ее пределах начинают возникать новые общественные союзы, которые и складываются после исчезновения с исторической сцены некогда могучего и обширного татарского царства. Три из таких союзов сложились в пределах, расположенных по среднему и нижнему течению Волги и Московскому государству, прежде чем оно овладело течением всей реки, пришлось выдержать с ними продолжительную борьбу. Эта борьба была особенно упорной и напряженной с тем из вновь образовавшихся государств, которое по своему положению и материальным средствам являлось наиболее серьезной помехой к осуществлению исконного стремления русского государства на восток, т. е. с царством Казанским или, попросту, с Казанью. Поэтому нам придется несколько подробнее остановиться как на истории самой Казани, так и на отдельных эпизодах той борьбы, которая в конечном результате повела к ее падению и открыла дорогу московскому государству на Волгу.

В летописях встречается выражение „на Болгары, рекше на Казань". Этим выражением летописец как бы хочет указать на то, что Казанское царство явилось наследником царства Болгарского. На ту-же генетическую связь между древней Болгарией и Казанью указывает и сказание о зачатии царства „Казанского". „Приложил к Казани, говорит „Сказание", царь Саин болгарские грады со всеми людьми их, в них и в уезде их живяху, да царем Казанским обладаются". Основание Казани, как и многих других городов, окутано облаком легенды и тоже сказание (которое в общем по замечанию Соловьева является мутным источником) приписыват его некому Саину, вассалу Золотой Орды и близкому родственнику Батыя. Автор „Сказания" называющий себя казанским пленником и приближенным царя, рассказывает об этом обстоятельстве следующим образом **) „Сын

---

*) Яковлев в его книге „Засечная черта московского государства в 17 в." высказывает предположение о весьма древнем существовании русского населения у нас. Но такое предположение не подтверждается фактами.

**) по Карамзину, т. V, гл. I.

Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но обезоруженный смирением и дарами ее князей, остановился. Тут он вздумал завести селение, где-бы татарские чиновники, посылаемые для сбора дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, пчелисто и пажитно; но страшные змеи обитали в нем: сыскался волхв, который обратил их в пепел. Хан основал г. Казань и населил его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими из ростовских областей во время крещения русской земли; любил это место, где сближаются ее пределы с Болгарией, Вяткой, Пермью и часто сам приезжал сюда из Сарая: оно долгое время называлось еще „Саиновым юртом". Приведенное известие, в общей достоверности которого нет причин сомневаться, относится к т. н. старой Казани, погибшей во время похода Тамерлана на Тохтамыша. После этого город был возобновлен на новом (теперешнем) месте. Но если Казань во многом является наследницей древней Болгарии, напр. в пестроте ее населения, занятиях его, некторых подробностях и. б. м. государственного устройства, зато в других отношениях по своим хищническим инстинктам она также напоминает и монголов и в этом случае мы в праве рассматривать ее, как наследницу Золотой Орды, особенно в политике по отношению к Москве. „Поднявшись из развалин, говорит Перетяткович, и обстроившись она не заботится о восстановлении других болгаро-татарских городов, которые были разорены одновременно с нею: это как бы не входит в ее план; она предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен его жителей. Самый город обращается в депо, где постоянно содержится огромное количество пленных, которыми казанцы ведут торговлю на своих и на чужих рынках".

Основою Казанского царства были татары, составлявшие господствующий класс, но в его состав вошло еще несколько двинских племен, перечисленных выше, а также и чуваши, прямые потомки прежних властителей царства волжских болгар.

Татары составляли верхний, правительственный слой в Казанском царстве; они были его главною основою, господствовали и управляли остальными народами. По слова Герберштейна казанские татары были образованне и культурнее остальных своих соплеменников, они занимались земледелием, жили оседло, вели торговлю. Б. м. этот, сравнительно с кочевыми татарскими племенами более высокий культурный уровень об'ясняется тем, что казанские татары частью являются просто отатарившимся потомками прежних болгар, культурные навыки которых наложили отпечаток и на всю массу татарского населения. Как и теперь торговля составляла самое любимое занятие каз. татар. Они быстро усвоили торговые навыки болгар, что весьма естественно при предположении, что они являются их потом-

ками. Особенно процветала торговля в самой Казани, сделавшейся скоро главным пунктом на Волге для обмена произведений Востока и Запада. На одном из волжских островов под Казанью устраивалась ярмарка, на которую стекались европейские и азиатские купцы, доставлявшие товары из Персии и других стран, прилегающих к Каспийскому морю. Кстати можно отметить, что казанская ярмарка является прямой родоначальницей столь прославившейся впоследствии ярмарки нижегородской. Степные народы пригоняли к Казани огромные табуны всякого рода скота и здесь же казанские татары сбывали азиатским купцам русских пленников. На Русь с этой ярмарки шли оружие, рыба, а от русских соль. Но хлебная торговля, некогда столь процветавшая*) в Болгарском царстве в татарский период упала, как упало и самое земледелие. По крайней мере Перетяткович указывает на тот факт, что после завовевания Казани русскому правительству пришлось приохачивать к земледелию население самого центра вновь приобретенной области. Да и теперь еще у казанских татар и у их соплеменников татар Саратовского края земледелие в забросе и трудно с сельско-хозяйственной точки зрения представить что либо более печальное, чем татарское селение Кузнецкого или Хвалынского уезда.

По религии казанские татары были магометанами и в религиозных вопросах отличались таким же фанатизмом как и прежние болгары. Во главе здешнего духовенства стоял сеид, который в Казани, также как и во всех магометанских странах, должен был обязательно быть потомком Магомета, вернее его зятя Алия. Значение сеида в Казани было очень велико: в отсутствие царя при сношении с другими государствами он становился в головах; когда цари казанские или тамошние князья сносились с Россией о делах чрезвычайной важности, то нередко в таких случаях они прибегали к посредству этого духовного сановника. В соответствии с таким значением сеида был велик и воздаваемый ему внешний почет. Когда он появлялся публично и в большом обществе, то все, начиная с царя и кончая рядовым татарином выказывали по отношению к нему признаки величайшего уважения. В подобных случаях царь, стоя с наклоненной головой мог подать сеиду руку и т. о. прикоснуться к его руке; крязья прикасались к его коленам, благородные к ногам, а простолюдинам было позволено касаться только его одежды или лошади, на которой он ехал. Все это не мешало, однако, тому, что при борьбе партий сеиды устранялись со сцены самым грубым и жестоким образом.

Проф. Фирсов в своих лекциях по истории Поволжья, особенно подчеркивая высказанную им мысль о тесно преем-

---

*) Таково мнение Перетятковича, но оно еще требует подтверждения.

ственной связи между царством болгарским и казанским, убежден, что по этой причине и государственное устройство в Казани должно было отражать в себе местные болгарские политические навыки; а эти навыки во многом были не похожи на те, которые сложились в Золотой Орде. Государственное устройство Болгарии рисуется ему чем-то в роде политической федерации: царь великого города Булгара управлял страной вместе с подвластными ему царями и поземельной и торговой аристократией края; сильно развитый торговый интерес, лежавший в основе этого политического союза, был таким цементом, который прочно стягивал отдельные части союза в одно целое, делая союз именно царством, но царством основанным не на военном произволе и деспотизме, а на коммерческом договоре, быть может и не писанном, но за то крепко утвердившимся в сознании разноплеменного населения и его правителей. Подобным же образом были организованы верховная власть и высшее управление и в Казанском царстве. И здесь де мы видим хорошо сплоченную в одно целое аристократию мурз и беков. В Казанском царстве аристократия мурз и беков была постоянным учреждением, с постоянным, непременным участием ее в управлении страною и в выгодах от того проистекавших, чего не было в Сарайском государстве. И в Золотой Орде были мурзы и беки, но там они не сумели из придворных превратиться в членов высшего привилегированного сословия—касты, гордой своими правами и преимуществами и твердо опиравшейся на них в своих отношениях к хану. Итак, в Казанском царстве в основе государственного порядка лежали интересы целого высшего сословия, а не одного лица или двора и придворной камарильи, почему и управление фактически находилось в руках этого сословия, а сам хан, носитель верховной власти, хотя бы номинально и неограниченный, был лишь представителем аристократической касты. Каста эта была сложного состава, как видно из того, что в ней были мурзы и беки, т. е. вообще благородные, дворяне и князья—и все же различные части касты были объединены тем, что их звания были одинаково наследственны и с этой точки зрения мурзы и князья занимали положение одинаково недоступное для людей „черной кости", т. е. для всего остального населения, как оно аттестовалось аристократией в татарских ордах. Хотя некоторые из княжеских родов и выдавались по своему значению в управлении, но это не вносило раскола в сословие: это только выдвигало из его среды людей совсем близко к трону, таким путем и для остальных членов касты сокращая к нему расстояние. Рядом с ханом сидела их же мурз и беков братия и сам хан, в хонце концов мог считаться только старшим среди равных. В русских летописях представители бекских родов называются не только слугами царя, но и князьями казанских князей. Эти князья были членами казанского правительства и составляли казанскую княжескую думу, пред-

седателем которой был сам хан и царь казанский. Таких княжеских родов обыкновенно было 4. Если мы теперь, продолжает проф. Фирсов, припомним, что еще Фоцлан видел четырех подвластных болгарскому царю царей, сидевших по его правую сторону, если припомним далее, что при взятии Булгора Тимуром вместе с царем этого города были убиты 4 князя, то с большим основанием можем сделать заключение, что корни государственного строя Казанского царства скрывались не в Золотой Орде, а в древней Волжской Болгарии. Выражаясь образно, говорит Фирсов, в Казанское царство были принесены лишь новые дикие лозы, но привились они к старым, еще не сгнившим пням; выросло новое дерево с характером татарского дичка, но следами прежней культуры. И так, по скольку на жизни нового дерева—Казанского царства—отразилось влияние татарского дичка, по стольку можно согласиться с автором „Сказания", что „от древа произошла ветвь злая и горький плод изнесе". А по скольку на той же жизни сказалось влияние жизненных соков, шедших от старых корней, то ветви произошли разные, в том числе и не злые, напр., новое под действием болгарского коммерческого духа, оживление на Волге торговли, в свою очередь вызвавшей к более интенсивной жизни производительные силы обширного, богатого дарами природы поволжского края. Что касается внешних форм государственного устройства в Казанском царстве, то они рисуются в таком виде. Во главе управления находился царь, номинально пользовавшийся неограниченной властью, но власть которого на самом деле, как мы видели выше, была сильно ограничена многочисленным высшим дворянством, к которому не редко примыкали и влиятельные чиновники, т. н. уланы. Аристократия казанская по составу своему была довольно разнообразна: к ней, прежде всего, принадлежали все княжеские фамилии, каждый член которых имел право на звание мирзы (мурзы). Представители выдающихся фамилий носили титул бика (бека); бики главнейших дворянских родов имели право на звание карачия; впрочем карачиями иногда именуются также лица, близкие к представителю власти. Некоторые из князей—карачиев носили в Казани фамилию Ширин, как бы указывая на то, что члены главнейших крымских родов, носивших звание карачия, успели проникнуть сюда. Между разными сановниками и князьями в Казани встречаются еще земские и городские князья, б. м. представители земских людей, и бакшеи (т. е. старшины); они иногда принимают большое участие в сношениях и переговорах казанского царя с московским правительством. Значение уланов (т. е. высшего чиновничества) можно видеть из того, что грамоты в отсутствие царя пишутся всегда от сеида, князей и уланов; некоторые из них участвуют в переговорах и сношениях Казанского царства с Литвою на ряду с самыми влиятельными и знатными сановниками. Вообще следует заметить, что в Казани князья пользовались большими правами

и доходами, которые переходили к ним по наследству; по смерти отца его доходы переходили к старшему сыну, а в случае смерти последнего—к младшему брату. Сила и значение аристократии доказывается тем, что даже авторитет сеида, высшего представителя религии, не останавливал аристократов: они убивали его публично, не стесняясь его саном, коль скоро он с ними расходился в симпатиях к той или иной из политических партий и делался таким образом для них опасным.

Но обладая подобной властью и таким выдающимся положением в государстве, казанская аристократия по своему образованию не удовлетворяла самому элементарному его требованию—грамотности: из трех „больших" послов, отправленных в 1531 г. в Москву, два князя не могли даже подписать своего имени. И подобное явление в сословии вовсе не было случайным, потому что когда договорная клятвенная запись (та, на которой двое послов не умели подписаться, а только приложили свои печати), отослана была для окончательного утверждения царю в Казань, то при этом было велено: „князьям, которые грамоте умеют, руки свои приложити, а которые грамоте не умеют и тем печати свои прикласти".

Такому уровню образования среди казанской аристократии соответствовало и ее политическое развитие. Царство казанское в своих довольно неопределенных границах соприкасалось с некоторыми ордами, которые жили в степях, простиравшихся на С.-В., на Ю.-В. и на Юг от Казани; с западной же стороны оно граничило с Русью, причем граница между ними была определена только в одном месте—по р. Суре. Т. о. Казань по необходимости должна была войти в сношение с шибанскими татарами, жившими в соседстве с Пермью на севере от Казани, с Ногаями, которые кочевали в неизмеримых степях меж Волгою, Уралом и Каспийским морем и нередко доходили летом до окрестностей Казани; принуждена была она сноситься также и с Москвою, п. ч. из России казанцы получали существенный для себя продукт—соль, а русским купцам сбывали некоторые произведения своей земли (например красную рыбу) и товары, привозимые с отдаленного востока. Кроме того Казань была отраслью Золотой Орды и поэтому не могла не иметь сношений с подобной себе отраслью той же орды с Крымом, особенно в виду общего соседства и столкновений с христианской Русью. Вследствие того значения, которое Крымское царство получило в глазах соседей, эти последние естественно должны были стараться получить влияние в его делах. Т. о. открылось обширное поприще эгоизму и своекорыстию могущественной и крайне многочисленной казанской аристократии. Среди нее находились представители самых разнообразных партий, кроме только одной—той, которая имела бы в виду и преследовала интересы самого Казанского царства. В разное время перевес имели в Казани разные партии: сначала партия

ногайская, потом московская, затем партия шибанских татар; но скоро большинство этой партии, возмущенное грабежом и убийствами со стороны шибанского ставленника—царя Мамука, отстает от него и соединяется с русскою партиею и русский претендент опять вступает на казанский престол. После этого начинается борьба между крымской и московской партиями; борьба эта идет с переменным счастьем и завершается разгромом Казани и присоединением Казанского царства к России. Кроме высшей аристократии в Казани находились: благородные, земские люди и простые черные люди, обложенные ясаком в пользу казанских князей. Определенных указаний на величину этого ясака-оброка, которым земские и черные люди были обложены в пользу аристократии, не имеется и сказать что-либо положительное по этому поводу нельзя. Но как кажется, в этой области господствовал произвол, т. к. известно, что некоторые из Казанских царей грабили земских людей, делали им „великую продажу", и это обстоятельство вместе с другими было причиною сильного неудовольствия против царя, побуждало влиятельных людей обращаться от одной партии к другой, усиливая ее таким путем и подготовляя ей торжество над господствовавшей до того партией. В общем, повидимому, положение управляемых в Казанском царстве было не особенно тяжелым, т. к. нет известий о мятежах последних против правившего класса. Но это, конечно, только догадка, требующая документального подтверждения.

Одной из особенностей Казанского царства является чрезвычайно малое количество в нем городов. Кроме самой Казани упоминается только Арский городок, где были особые князья, о которых известно только, что в последнее время они находились в зависимости от Казани. Кроме этих двух городов упоминаются только остроги по Арской дороге и в Чувашской земле.

Но эти городки и крепостцы едва-ли имели характер городских поселений. Это тем более странно, что в Болгарском ц-ве по летописям упоминается много городов, значение и величина которых подтверждаются и археологическими изысканиями.

На Ю. от Казанского ц-ва, на обширном пространстве, определяемом многими днями езды, простирались необытаемые пустынные земли. Только летом или весною можно было в этих странах встретить толпу кочевых людей, которые располагались обыкновенно с своими телегами домочадцами и разнообразными животными. Т. о. на некоторое время эти пустынные земли оживали: по ним двигались табуны лошадей, стада овец и рогатого скота, сопровождаемые криком пастухов. Но как только исчезала трава, быстро истребляемая стадами животных, эти люди уже направлялись дальше; крики, движение и суета пропадали бесследно, и в этих местах по прежнему водворялась невозмутимая тишина. Земли эти искони служили поприщемдля кочевых народов, приходивших из Азии и располагавшихся в стране, кото-

рая напоминала им родные неизмеримые степи и производила на них чарующее впечатление. Перетяткович приводит несколько выдержек из разных источников, рисующих эту исключительную любовь кочевника к нам. Так, один из ногайских мурз в 1536 г. писал царю в Москву: „А мы с братьею на Волге стоим; на сем свете Волги нам не мочно оставить“. В XVIII ст. калмык Башкура, брат Дондуки Омбо, живя на Кубани, часто говаривал „лучше-бы ему на Волге есть мелкую рыбу, нежели на Кубани баранину; при Волге их место природное и покойное“. На Кубани же простые калмыки „руки свои поднимали на небо, прося бурханов, чтобы дозволили по прежнему перейти на Волгу“. Едва-ли в русских документах или русской литературе мы найдем что либо подобное по простоте и силе выражения, несмотря на то, что издавна Волга считается национальной руской рекой и любовь к ней стала традиционной. Эти степи были заняты ногайцами, о которых нам, впрочем, придется говорить дальше, в иной связи.

— Между рукавами Волги, недалеко от впаденья, ее в море и развалин древнего Итиля, возник татарский город Астрахань. В наших летописях он именуется Хазьторокан а у итальянских путешественников XV в. Читаркан. На монетах, чеканеных в этом городе имя его читается Хаджи-Теркан. Благодаря своему выгодному местоположению Астрахань скоро достигла значительной степени развития. Было время когда венецианцы получали отсюда азиатские товары, которыми они торговали исключительно из Азова, откуда они вывозили их на своих галерах. Но эти произведения на пути из Азии к Азовскому морю должны были проходить через Астрахань, Барбаро, сообщая об упадке в его время Астрахани, говорит, что город этот прежде славился своей обширностью и богатством. До разрушения его татарами пряные коренья и шелк, отправляемые ныне чрез Сирию, доставлялись в Тану через Читракан и потом уже на 6 или 7 венецианских галерах перевозились в Италию. Тоже подтверждает и другой путешественик—соплеменник и современник Барбаро—Контарини. Есть известия и о том, что когда генуезцы раскинули свои фактории по Черному морю—Астрахань для них стала стоянкою в их торговых сношениях с Азией. Понятно поэтому, что вследствие всех этих условий торговые сношения с Астраханью должны были оживиться и что этот город должен быть разбогатеть и увеличиться. Но отчасти это самое богатство Астрахани могло привлечь к ней знаменитого азиатского завоевателя Тамерлана, который в конце XIV ст. взял и разрушил ее. Еще около половины XV ст. город по свидетельству очевидцев представлял собою печальный вид разрушения, но в нач XVI ст. упоминается уж как богатый торговый центр, сообшивший свое имя окрестной стране.

Относительно государственного устройства Астрах. царства в ученой литературе существуют разногласия. Так проф. *Фирсов*

видит здесь только военный деспотизм и полную неорганизованность верхов общества, представители которых дробились на столько партий, сколько было охотников разыграть роль Чингиза или хоть чингизика. Во все время истории Астрахани здесь свирепствовала степная борьба отдельных орд, на которые распалась, как Золотая Орда, и эта низовая татарская монархия. Она была в сущности той же полукочевой Золотой Ордой, но в значительнс меньшем масштабе, Золотой Ордой, потерявшей свое значение и пышный титул и передвинувшейся из зимней резиденции прежних золотоордынских ханов. Здесь тоже было слишком много желаюших сделаться единственным и слишком мало у отдельных вождей стремления сорганизовать более или менее прочное целое из отдельных кочевых и полукочевых групп населения. Это дальнейшее вырождение монархии—войска ханов завоевателей. Т. о. пр. Фирсов видит полную противоположность в организации государственного строя Казани и Астрахани, хотя оба эти государства и возникли из одного корня. Перетяткович, напр., не видит никакой существенной разницы в этом смысле между обоими царствами. Разница если и существовала, то только количественная, а не качественная. Астрах. ц-во занимало меньшую территорию, чем Казанское, племенной состав его был более однообразен, более однообразны почвенные и климатические условия, а следовательно и занятия жителей. Но в общем, внутреннее устройство Астрахани было такое же, как и в Казани: упоминаются теже бики, князья, мирзы и уланы. Даже и положение черных людей, если судить по тому, что они платили ясак, было тоже, что и в Казани.

Основываясь на этом Перетяткович высказывает предположение, имеющее за собою много вероятности, что и отношения между аристократией и царем в Астрахани были похожи на те, которые установились в Каз. ц-ве. Земледелие и торговля составляли главное занятие жителей Астрах. ц-ва, что опять таки сближает его с Казанью. Но земледелие здесь было сравнительно слабо развито, главной причиной чему является малое количество удобной для хлебопашества земли Эта земля расположена по левому протоку Волги-Бузану и могла дать занятие лишь для немногих астраханских жителей. Т. о. и здесь главную роль в занятиях населения играла торговля, хотя пути этой торговли и изменились несколько по сравнению с тем, что мы наблюдали раньше. Главное направление ее идет теперь по Волге и Астрахань преимущественно торгует с Казанью, купцы которой сбывают на астраханском рынке некоторые свои товары, получая в обмен произведения Астрахани.

Господствующей религией в Астрах. ц-ве было, как и следует ожидать, магометанство, но есть некоторые намеки на то, что еще в XV в. здесь среди жителей попадались и язычники *).

*) В этом случае, повидимому, наших историков вводит в заблуждение неправильный перевод одного места у Барбаро.

Таковы были общественные организации, сложившиеся на средней и нижней Волге к половине XVI ст., с которыми пришлось вступить в борьбу Московскому государству, чтобы открыть себе путь в наш край.

Казань была очень плохим соседом для Московского государства. Мало того, что она закрывала выход для распространения русского племени на восток, в хлебородные и привольные места Низовья, Казань наследовала и хищнические инстинкты Золотой Орды. В русских летописях и других современных источниках мы не раз встречаем указания на набеги казанцев в русские области. Население областей, близких к пределам Казанского ц-ва жило в постоянном страхе грабежа и увода в неволю со стороны казанских татар. Торговые отношения с низовьями Волги, столь важные для Москвы, также не мало страдали, т. к. единственный путь был через Казань и находился в полной власти казанских ханов, которые по малейшему поводу захватывали и грабили русских купцов, стекавшихся сюда. Поэтому совершенно понятным становится стремление московского правительства обезопасить себя тем или иным способом со стороны Казани. Политика Москвы в этом направлении может быть схематически разбита на 3 периода. В 1-м господствует принцип—око за око—зуб за зуб, если можно так выразиться. На всякий набег казанцев на русские пределы московское правительство отвечает таким же набегом. Снаряжаются целые карательные экспедиции, имеющие целью не только отомстить за причиненный вред врагу, но и навести на него ужас, отбить, т. сказать, у него охоту к нападениям на будущее время. Наши летописи полны описаньем таких карательных походов. Подобную политику мы можем наблюдать приблизительно до конца XV в. С этого времени наступает вторая стация в отношениях Москвы и Казани. Москва старается использовать в своих интересах соперничество партий в среде казанской аристократии и благодаря удачному стечению обстоятельств в продолжение почти полувека получает преобладающее влияние в Казани. Когда же в этом отношении обстоятельства вновь складываются неблагоприятно для Москвы—наступает третий период, период стремления к насильственному подчинению себе Казани, окончившийся завоеванием непокорного города и присоединением его области к московскому государству. Оставляя в стороне первый период, как слишком далеко отстоящий от поставленных нами хронологических рамок, мы в нескольких словах остановимся на том, когда Москва, воспользовавшись благопритяно сложившимися обстоятельствами, сумела достичь господства во внутренних делах Казани, подчинив их т. о. своим интересам. После смерти казанскаго царя Ибрагима на престол были при поддержке ногайской партии возведен старший его сын Алегам. Тогда его младший брат (от другой жены Ибрагима) Магмет-Аминь, поддерживаемый противной Алегаму партией, по ее по-

нуждению, бежал в Москву, явился к Иоанну. III, признал его господство и просил помощи против Алегама. Иоанн принял Магмета благосклонно' и дал ему в поместье г. Каширу. Таким поступком Иоанн не только создал постоянную угрозу Алегаму, но и приобрел себе союзника в лице крымского хана Менгли Гирея, женатого на матери Магмет Аминя и не могшего быть совершенно равнодушным к судьбе своего пасынка. Очень скоро в Москве было получено известие, что казанцы возмутились против Алегама и не прочь принять из рук великого князя М. Аминя. К Казани было отправлено русское войско, которое овладело городом, захватив Алегама с его семьей и приверженцами. М. Аминь был посажен на престол, а его низверженный брат сослан на Белоозеро. Приверженцы Алегама были казнены в Москве. Т. о. в Казани воцарился человек, обязанный своим престолом России, влияние которой и утвердилось здесь на некоторое время. Но ногайская партия все еще была сильна в Казани, и новый царь, „чтоб земля Казанская в упокое была" должен был жениться на дочери ногайского хана, испросив предварительно согласие великого князя. Уж из этого видно значение русского влияния в Казани, но оно сказалось не только в таких вещах, как вмешательство в семейные дела М. Аминя, но и в назначении в Казань лица, собиравшего подати на великого князя. Какие были это подати—неизвестно, но такое назначение указывает уже на зависимость Казани от Москвы. М. Аминь своим управлением скоро возбудил недовольствие среди казанцев и ему опять пришлось бежать в Москву, но т. к. его преемник Мамук, шибанский царь, оказался еще хуже М. Аминя, то казанские вельможи вновь просят царя из руки вел. князя, но только не Аминя. Поэтому Аминь был оставлен в Москве, а в Казань с русским войском отправлен его младший брат Летиф. На этот раз русские воеводы, посадившие Летифа на престол, приводят князей, уланов и земских людей к присяге „за великого князя". При постоянной борьбе партий в Казани не все были довольны Летифом и московскому правительству не раз приходилось отправлять воевод для поддержки своего ставленника. Казанские вельможи наконец убедились, что Москва достаточно сильна, чтобы защищать своего клиента и начали интриговать против него уже в самой Москве. Интрига увенчалась успехом; Летиф был арестован и сослан на Белоозеро, а на казанский престол вновь посажен М. Аминь. На этот раз М. Аминь оказался ненадежным союзником, сблизился с ногаями и отложился от Москвы. Русский посол был задержан в Казани, русские купцы, с'ехавшиеся туда на ярмарку, были схвачены, ограблены, частью убиты, и частью разосланы в Ногаи. Сам царь с 20000 ногайцев вторгся в пределы России и даже подступил к Нижнему. Т. о. первым делом преемника Иоанна III—Василия III было снаряжение военной экспедиции в Казань, окончившейся впрочем очень неудачно для русских. В.

князь стал энергично готовиться к новому походу, но М. Аминь предупредил его и послал в Москву доверенное лицо, «чтобы в. князь его пожаловал, проступку его ему отдал, взял бы с ним мир по старине, как было с отцом его». Было дано обязательство отпустить захваченного посла, купцов и всех пленников. Т. о. вновь были восстановлены мирные отношения между Москвою и Казанью и здесь вновь возобладало московское влияние. Насколько сильно оно было видно хотя-бы уже из того, что когда в виду болезни М. Аминя возник вопрос о назначении ему преемника, то в Москву прибыло посольство с сеидом во главе и просьбой назначить царем Летифа, «а царь и вся земля казанская дадут в. князю правду, какову он похочет, что им без его ведома на Казань никакова царя ни царевича не взять». Летиф был прощен, получил в поместье Каширу, но умер раньше брата. По смерти М. Аминя в Москву был отправлен посол с грамотою от сеида, уланов, князей, карачиев, мирз, мулл и от всех казанских людей. В этой грамоте они, между прочим, писали: „земля казанская Божия и твоя, а мы холопы Божии и твои государевы, и ты бы, государь, о нас помыслил и о всей земле казанской и государя бы нам пожаловал“. Царем в Казань был назначен астраханский царевич Шиг-Алей, при чем, отпуская его на царство, с казанских послов было взято обязательство за сеида, князей и всех людей казанской земли „что им в Казани у Шиг-Алея царя дела великого князя беречи и неотступным быти от в. князя со всею казанскою землею до своего живота и их детем“.

До сих пор политика московского правительства шла рука об руку с политикой крымских ханов и потому встречала с их стороны поддержку. М. Аминь и Летиф были пасынками крымского царя, который поэтому и хлопотал за них в Москве. Но со смертью М. Аминя эта родственная связь рушилась. Крымские Гиреи сами начинают стремиться к тому, чтобы, посадив своих родственников царями в Казани и Астрахани, соединить в руках своей фамилии все три большие царства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды. Такое соединение не могло быть выгодно для Москвы и она постаралась помешать ему назначением в Казань Шиг-Алея, несмотря на усердные хлопоты Крыма за одного из Гиреев. Т. о. в казанском вопросе Москва становится во враждебную позицию к Крыму и царь Магомет Гирей начинает действовать в Казани против нового царя. Сам Шиг-Алей не сумел приобрести симпатий своих новых подданных и уже через два года после его воцарения явился под Казанью, по вызову местной аристократии, Саин-Гирей, брат крымского хана. Шиг-Алея выслали в Москву, русских купцов по обычаю задержали и ограбили, а Саин-Гирей с войском вторгается в московские пределы. Чтобы поддержать его, Магомет-Гирей с большой ордой заволжских ногаев вступил в южные пределы России. Оба брата соединились между собою и началось такое

опустошение, какого уже давно не видела Россия. Т.-к. крымский хан считался союзником России, то никаких мер предосторожности против его вторжения принято не было и татары дошли до самой Москвы.

Вскоре после этого М. Гирею на время удалось захватить в свои руки и Астрахань и потому положение России стало особенно тяжелым; против нее образовался союз трех больших татарских юртов. Саин-Гирей между тем властвовал в Казани и „много зла христианству навел и кровь пролия яко воду“ по выражению летописи. Не ограничиваясь обычными безумствами над русскими, татары убили и посла в. князя, находившегося в Казани. Поэтому летом 1523 г. в. князь с братьями двинулся походом на Казань. Следствием этого похода было построение на правой стороне Волги, при впадении р. *Суры*, деревянного города, названного по имени князя Василь-город, ныне Васильсурск.

С этого момента начинается третий период в отношениях к Казани, периода агрессивной политики, завершившего через 30 лет полным покорением Казанского царства. Важное значение постройки Васильсурска было оценено уже современниками, хотя в кругах, враждебных великому князю, существовало мнение, что с постройкой его на казанской, а не на русской стороне Суры создается повод к постоянным недоразумениям с Казанью. Но большинство хвалило вел. князя и утверждало, что „тем городом мы всю землю Казанскую возьмем“. Последующие события оправдали это мнение. Прежде всего с построением Васильсурска Сура из пограничной реки, какой она была до сих пор, сделалась рекой русского государства: этим городом она закреплялась за Россией. До сих пор крайним пунктом, из которого русские могли наблюдать за движениями и предприятиями татар, был Н.-Новгород, отделенный от Казани обширными пространствами, которые за р. Сурой были уже почти безлюдны. Эта пустынность была также выгодна для татар при нападеньях их в русские пределы, как и незаселенные степи на юге. Построение укрепленных городов для наблюдения за движением татар было лучшей защитой для русской земли от неожиданных нападений хищников. Сверх того русские вели довольно оживленную торговлю с Казанью, посещая ежегодно казанские ярмарки; при оживленных сношениях между московским правительством и Казанью постоянно взад и вперед путешествовали посольства и гонцы. Все эти люди в новом городе находили себе приют и защиту. Павел Иовий, историк XVI в. упоминая в своем сочинении о построении Васильсурска говорит, что в. князь построил город, „чтобы в этой безлюдной стране доставить безопасные жилища и ночлеги торговым людям и гонцам, отправляемым к пограничным воеводам для извещения их о делах татар и движениях этого беспокойного народа“.

Несомненно, что появление города в местности, где до сих пор оседлая жизнь была невозможна, не могло не привлечь

сюда для поселения и рыбной ловли бродячий бездомный люд. Уже около этого времени появляются известия о существовании на Волге беглых людей, сыгравших впоследствии свою роль в заселении и нашего края.

После постройки Васильсурска начинается ряд походов для укрепления русского влияния в Казани и утверждения там русского ставленника. В самой Казани происходит постоянная борьба между партиями русской, крымской и ногайской, интересы которых взаимно перекрещиваются, что ведет к еще большей путанице во взаимных отношениях. В Москве все больше и больше крепнет мысль о необходимости полного подчинения Казани. Эту мысль удалось осуществить молодому и энергичному Ивану IV, который уже на первых парах своего фактического вступления на престол повел энергичное наступление на векового врага. С 1547 г. начинаются походы на Казань, а в 1550 г. и сам царь с большим войском двинулся на низ. Неблагоприятные условия не позволили пройти дальше устья Свияги, но здесь царю пришла благая мысль построить на устье этой реки в дополнение к Васильсурску новое укрепление, на этот раз у самых, так сказать, ворот Казани. Это намерение было немедленно и осуществлено. Зимою в лесах Углицкого уезда были заготовлены срубы для церквей, построек и укреплений будущего города, а в мае 1551 г. русский претендент на казанский престол Шиг-Алей вместе с воеводами сплыли Волгою к устьям Свияги и в несколько дней на горе, очищенной от леса, был воздвигнут г. Свияжск. Население его, кроме служилых людей и татарских князей и мирз, состоявших на русской службе, было пополнено переведенцами из России. Результаты этого предприятия сказались немедленно: инородцы нагорной стороны, увидев что „город царя православного стал в их земле“ начали с‘езжаться к русским воеводам и вступать в подданство России. Скоро в Москву явились представители от чуваш и черемис с уведомлением о готовности присягнуть за себя и за своих детей „что им неотступно быть от государя и от Свияжска к Казани не отложиться“. При этом они просили царя облегчить их в ясаках и дать жалованную грамоту „как им вперед“ быти. Инородцы были на три года освобождены от податей, им дана жалованная грамота с золотой печатью, а представители их богато одарены деньгами и шубами. На местах воеводы привели инородцев к присяге на верность „чтоб черным людям платить дани и оброки, как прежним царям платили, и освободить всех русских пленных, которые находятся у них“. В следующем году инородцы доказали свою верность присяге, сражаясь в рядах русского войска против Казани. С постройкой Свияжска пробил последний час призрачной уже независимости казанского царства и в 1552 г., т.-е. всего через год после этого, Казань пала окончательно.

Нет надобности говорить о подробностях знаменитого похода: они, наверное, еще с детских лет крепко врезались в памяти каждого. Но считаю не лишним хотя в нескольких словах остановиться на том, какое значение для России имело покорение и присоединение казанского царства. Выше уже было приведено мнение по этому поводу проф. Платонова. Почти те же мысли высказывает и знаменитый историк *Соловьев*. „В истории Восточной Европы, говорит он, взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение. Преобладание азиатских орд здесь было поколеблено в XIV в. и начало никнуть перед новым европейским, христианским государством, образовавшимся в области верхней Волги. Во второй половине XV в. Золотая Орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться: явились три царства татарских, из них Астраханское, образовавшееся в устьях Волги, было самое безопасное для христианских государств Восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничий характер в отношении к Руси и Польше; но широкая степь отдаляла Московское государство от Крыма. Ничто не отдаляло его от третьего царства—Казанского, основанного на Средней Волге и Нижней Каме, в том важном месте, где новая Северо-Восточная Русь необходимо должна была сталкиваться с Азиею в своем естественном стремлении—вниз по Волге. Издавна Азия, и Азия магометанская, устроила здесь притон, притон не для кочевых орд, но для цивилизации своей: издавна утвердился здесь торговый и промышленный народ—болгары; издавна, когда еще Русский Славянин не начинал строить на Оке церквей христианских, не занимал еще этих мест во имя европейской гражданственности, Болгарин слушал уже коран на берегах Волги и Камы. Здесь впервые в Северо-Восточной Европе христианство столкнулось с бусурманством. Это столкновение было необходимо, как скоро новая Русь основалась в области верхней Волги, как скоро славянская колонизация нашла себе путь вниз по этой реке; первые князья новой,—Северо-Восточной Руси—Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод III, Юрий II—ведут войны с Болгарами и доводят границы своих владений до устья Оки в Волгу, где закрепляют их Н.-Новгородом, Болгарам трудно было бы защищать Азию и магометанство от напора Руси с этой стороны, но вот Азия высылает татар—и движение Руси на восток по течению Волги остановлено надолго. С ослаблением татарского владычества это движение снова начинается; но тут Азия, татары собирают последние силы и утверждаются в опасном месте, основывается Казань. До тех пор, пока существовала Казань,—до тех пор дальнейшее движение русской колонизации на восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно. Странное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но неспособные к защите, защищали однако Ка-

зань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя Московского. Пала Казань—и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани было скорым, неминуемым следствием завоевания Казани.

Мы видели (продолжает Соловьев), что до сих пор колонизация русская брала Северо-Восточное направление; Юго-Восточная часть великой равнины не была ей доступна по причине господства здесь кочевых орд, но с падением Казани, т.-е. со взятием всей Волги во владение Московским государством,—русские поселения получили возможность распространяться и на Юго-Восток, в богатые страны, орошаемые западными притоками Волги и восточными—Дона". Оставляя в стороне риторические витьеватости знаменитого историка и слишком, т.-сказать, религиозную окраску, придаваемую им борьбе Москвы с Казанью, нельзя все же не согласиться с высказанной им мыслью, что завоевание казанского царства и приобретение таким путем Волги были той естественной исторической миссией, на которую указывало самое положение Московского государства, утвердившегося в верховьях Волги. Народное сознание, нашедшее свое выражение в известных песнях о покорении Казани, также сумело по достоинству оценить этот факт. И хотя вступлением Грозного в Казань борьба не закончилась сразу, хотя потребовалось еще много лет пока край был покорен окончательно, но все же татарскому владычеству на Волге был нанесен последний сокрушительный удар.

С. Ф. Платонов в своих лекциях по русской истории (изд. 10-е стр. 176—177) так характеризует значение завоевания Казани.

„Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казанская татарская орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемис, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгою, по р. Унже и Ветлуге, и мордва за Окою задерживали колонизационное движение Руси на восток; а набеги татар и прочих „язык" на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и уводя в „полон" много русских людей. Казань была хроническою язвою московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народною песнею. После взятия Казани, в течение всего 20 лет, она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города, как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась немедля на богатые земли Поволжья и в лесные районы среднего Урала. Громадные пространства ценных земель были замирены московскою властью и освоены народным трудом. В этом заключалось значение „Казанского взятия", чутко угаданное народным умом. Занятие нижней Волги и Западной Сибири было естественным по-

следствием уничтожения того барьера, которым было для русской колонизации Казанское царство".

При оценке значения завоевания Казани оба цитированные историка в основных чертах сходятся. Для обоих центр тяжести лежит в возможности для Москвы использовать с колонизационными целями вновь завоеванные области. Но мы видим, что эксплоатация их в этом отношении дело гораздо более позднего времени. Не из-за приобретения свободных земель нужно было сломить Казань и Астрахань, а для того, чтобы получить в свои руки полное обладание великим волжским торговым путем. О важности приобретения Москвою этого пути мы будем иметь случай говорить дальше.

Естественным следствием падения Казани было подчинение Москве и Астраханского царства. Царство это, как уже сказано, во многом походило на Казанское: тот же народ, то же преобладающее занятие жителей, та же религия и такая же многочисленная аристократия только с сравнительно меньшим числом подчиненных ей черных людей. Отношение знатных и богатых к бедным в это время в Астрахани было приблизительно следующее: князей и мирз около 500 чел., а черных людей около 10.000. Астраханское ц-во было гораздо слабее Казанского, что видно хотя-бы из того, что в разное время оно неоднократно захватывалось соседями, причем астраханские цари в таких случаях обыкновенно покидали город и спасали жизнь бегством. Сношения астраханских царей с Россией начинаются еще со 2-й пол. XV ст.; по свидетельству того времени они, кроме незначительной торговли, имели в виду главным образом подарки, которые в подобных случаях в. князь московский вручал астраханскому послу. „Этот астраханский хан, рассказывает Контарини, каждый год посылает своего посла в Россию к вел. князю московскому, скорее для того, чтобы получать некоторые подарки, чем для чего другого". Впоследствии сношения астраханских царей с Москвою получают характер политический: Астрахань находилась в соседстве с Крымскою ордою и соприкасалась с Казанью, поэтому общность интересов побуждала иногда Россию вступать в переговоры с астраханскими царями против крымских Гиреев, усиление которых было одинаково невыгодно как для Москвы, так и для Астрахани. Далее, изгнанные по тем или иным причинам астраханские царевичи находили приют в Москве и поступали здесь на службу. Одним из таких служилых астраханских царевичей был, между прочим, и Шиг-Алей. Все это укрепляло связи между Москвою и Астраханью. Летом 1551 г., когда в Казани царствовал русский ставленник Шиг-Алей, в Москву прибыли послы от астраханского царя Ямгурчея и от его имени били челом московскому царю: „чтобы царь пожаловал, велел себе служити со юртом и жаловал-бы его как Шиг-Алея царя и иных царей, которые ему служат". Следствием этого был привод Ямгурчея к присяге на верность России.

Но Ямгурчей скоро нарушил свою присягу, сблизился с крымским ханом и даже ограбил русского посла. Это дало повод к вооруженному вмешательству России и в 1554 г. в Астрахань было отправлено русское войско, которое почти без всякого сопротивления и заняло Астрахань. На престол был посажен русский ставленник Дербыш, а астраханцы всех чинов присягнули на том, „что им царю и в. князю и Дербыш-Алею царю служити прямо и полон русский весь отдати, откуда ни веден и в которой ни буди орде куплен“. Кроме того астраханцы дали обязательство принять после Дербыша всякого царя, назначенного из Москвы, а сам царь обязался посылать в Москву ежегодно 40.000 алтын и 3.000 рыб, а великокняжеские ловцы получили право ловить рыбу от Казани до моря безданно и без'явочно. Дербыш вскоре оказался ненадежным союзником, вступил в переговоры с крымским ханом и даже получил от него для борьбы с Москвою на помощь 1000 чел. войска, в числе коих было и несколько сот янычар с пищалями. Немного, однако, оказал сопротивления России последний царь астраханский. При приближении русского войска, посланного против Астрахани, Дербыш и его подданные бежали из города. Русские свободно заняли его и укрепились в нем. И хотя после этого Дербыш и старался снова войти в милость к московскому государству, но, покинутый своими союзниками ногайцами, бежал окончательно в Азов. Астраханцы вернулись в город и умоляли простить их, говоря, что они шли против Русских неволей: „водил их царь и князи“. Впоследствии явились к воеводам и представители аристократии: князья, мирзы, шейхи и вся „чернь астраханская земли“ и присягнули России. Им роздали острова и пашни по стороне с обязательством черным людям платить ясаки, как платили прежним царям.

Итак, понадобилось только четыре года со времени взятия Казани, чтобы овладеть Волгой на всем ее среднем и нижнем течении.

ГЛАВА V.

С падением Казани и Астрахани Волга на всем ее протяжении стала русской рекой. Естественное стремление русского племени к распространению на В. не встречало больше препятствий. Но падение двух татарских царств имело значение не только в том смысле, что сделало доступным для заселения обширный край и открыло дорогу к дальнейшему движению России на В. вплоть до берегов В. Океана и на Ю.-В. Оно освоило для московского государства самое Волгу, ее течение, дало возможность использовать для России важное торговое и промышленное значение ее. В древности, приблизительно до утверждения татар на берегах Волги, она составляла часть того великого пути, который из глубины Азии шел в Европу. Свидетельства

арабских путешественников и многочисленные монетные находки не оставляют сомнения в том, что в IX, X, XI и XII в.в Волга служила для оживленного товарообмена между центральной Азией и северной Европой. Монгольское нашествие на время нарушило этот, сложившийся веками, порядок, но европейский торговый гений толкался во все, так сказать, двери в надежде открыть себе дорогу на В. с его сказочными богатствами и товарами, потребление которых (напр., пряностей) сделалось уже насущной потребностью для культурного жителя Европы. Такие попытки в конце концов увенчались успехом и великая эпоха географических открытий была результатом этого стремления к восточным рынкам. Но еще задолго до Колумба и Васко-де-Гама, проторивших широкую дорогу в обетованный край, торговля нашла туда если и не такие удобные и торные, то все же не безвыгодные для себя пути. Один из этих путей своим возникновением обязан именно монгольским завоеваниям, подорвавшим было транзитное значение Волги, и шел как раз через ее низовья, захватывая отчасти и ту территорию, которую мы условились называть Саратовским краем. Монголы об'единили под своей властью целый ряд государств, раскинувшихся на необятном пространстве от Пекина до Волги. Потребности государственного механизма создали на этом пространстве ряд путей и нет ничего удивительного, что этими путями скоро стали пользоваться не только ханские чиновники, но и торговцы. Путешествия Марко Поло ознакомили европейский мир с богатствами дальнего Востока и указали возможность достигнуть их. Начался ряд многочисленных путешествий из Европы в далекий Китай не только послов и миссионеров, но и купцов. Некоторые из этих путешественников оставили нам описания своих странствований и по ним мы можем подробно проследить тот путь, который они совершали и который, повторяю, захватывал отчасти и наш Саратовский край, по крайней мере южную его часть. О том, какой живой интерес в торговых и политических кругах Европы возбуждали такие описания свидетельствует ряд дорожников и карт, появившихся в конце средних веков. Один из таких дорожников флорентийца Пеголотти, жившего в 1-й пол. XIV в., особенно любопытен для нас. Пеголотти (см. стр. 76—77 Jophus Ruqe.—Geschichte des Zeitalters des Entdechungen Berlin 1881) сам не был в тех местах, путь через которые он описывает, а т. к. описывает он его очень точно, то самая эта точность указывает на широкое распространение сведений о тогдашних путях в Восточную Азию. По его дорожнику—Libro di divisamenti di Paesi; обычная дорога в Китай из Европы шла в то время через Черное море и Южную Россию. Любопытны и те наставления, которыми он снабжает путника, рискнувшего предпринять далекий путь. По его словам предварительно не мешало отпустить длинную бороду; взять в Тане драгомана и двух расторопных слуг, знающих куманский язык. Затем озабо-

титься запасом муки и соленой рыбы, т. к. мясо по дороге было в изобилии. В вооруженном конвое надобности также не встречалось, потому что благодаря заботам татарских ханов вся дорога до Китая была совершенно безопасна. Дорожные расходы поражают своей незначительностью, т. к. не превышали 1½% стоимости товаров. Конечно, при условии, что товары эти, при небольшом об'еме, будут обладать высокой ценностью, потому что только с такими товарами и был смысл предпринимать торговые экспедиции, длящиеся месяцами и годами. Перевозочными средствами служили воловые повозки с войлочной кибиткой, поднимавшие до 30 пуд., телеги, запряженные тройкой верблюдов, на которые было можно поместить до 90 п., и одноконные повозки с нагрузкой до 20 п., т. е. цифры, обычные и теперь при гужевой перевозке грузов. По Пеголотти путь шел от Таны на Астрахань, на что требовалось 25 дней, затем в Сарай—1 (?) день, оттуда в Сарайчик на Урале—8 дней. Отсюда можно продолжать путь степью или морем. Дальнейшая дорога шла на Ургенч, Отрар и Аималык. Из карт того времени особенно интересны так называемая каталанская карта, рисованная на о. Майорн в 1375 г. для франц. короля Карла V. Карта эта показывает близкое знакомство составителя ее с Каспийским морем и низовьями Волги. На ней, в приблизительно правильном положении, изображена Астрахань (Agitarcan), Сарай, Болгары и г. Берчиман, остатки которого наши местные археологи видят в развалинах татарского города, находящего близ пос. Дубовки. Около Сарая на карте находится изображение восточного царя, сидящего со скипетром в руках. Под изображением подпись: „здесь господствует царь этой северной местности, область которого начинается в провинции Болгар и оканчивается в г. Ургенче. Этот государь называется Джанибек, царь Сарая“. Джанибек царствовал с 1342 по 1356 г. и т. о. сведения составителя каталанской карты относится к этому времени. Приблизительно в одно время с каталанской картой была составлена (в 1367 г.) карта братьями Пицигани, венецианцами. На этой карте есть много подробностей, не встречающихся в каталанском издании, м. прочем в нашем крае показан ряд городов, один из которых Увек, находился в непосредственной близости к Саратову. Разница в деталях показывает, что составители пользовались другими источниками, чем автор каталанской карты, а также и то, что сведения о Каспии, Волге и путях на восток через нее были очень широко распространены в то время в З. Европе. Сведения о Каспийском море и прилегающих к нему местах могли быть доставлены генуэзцами, которые проникли в XIV ст. на это море, строили там корабли, торговали, а наряду с этим не брезговали и разбоем.

Падение монгольской династии в Китае и внутренние междоусобицы в татарских владениях закрыли путь на Д. Восток, но не закрыли путь в Индию, который шел в том же направлении,

отклоняясь только от Сарая не на восток, а на юг. До самого конца средних веков, до той поры пока завоевание турками Крыма не изгнало из Черного моря окончательно итальянских купцов, путь через Тану на Сарай и далее был еще очень в ходу.

Венеция, напр., ежегодно летом снаряжала три эскадры на В. Та эскадра, которая имела своим назначением Черное море, делилась на 3 части (Daru. Hist. de Yenise, Livre XIX). Первая, обогнув берега Пелопонеса, направлялась в Царьград, где и сбывала товары, доставляемые Грецией в эту столицу; 2-я—направлялась в Синоп и Трапезунт, на южном берегу Черного моря, для скупки товаров, прибывающих сюда через Кавказ; 3-я—поднималась к С., входила Азовским морем в устья Дона, для скупки в портах Кафы и Таны гл. обр. рыбы, ловившейся здесь в больших количествах, а также и восточных товаров, привозимых через Каспийское море, Волгу и Дон, а [также и других произведений, привозимых караванным путем русскими и татарскими купцами. Первый удар торговле через Астрахань был нанесен Тамерланом, разорившим этот город в 1395 г. и в половине XV в. она была уже в совершенном упадке, как свидетельствует о том Контарини. Второй удар, как сказано, был нанесен турками, закрывщими для европейцев Черное море. Окончательно же она заглохла после того, как великие морские открытия проложили новые и более удобные пути на восток.

Но и после этого мысль о возможности торговых сношений с Индией чере Волгу еще долго не замирала. Поддерживало эту мысль то обстоятельство, что торгующие, завоевав индийские торговые рынки, сдалали из торговли привозимыми оттуда товарами монополию, которую и охраняли очень ревниво. Особенно сильно эта монополия отразилась на коммерческой деятельности итальянских республик, послужив одной из причин их упадка. Неудивительно поэтому, что среди патриотов этих республик не прекращались стремления возвратить утраченные пути на восток. Были даже фанатики такой идеи. Павел Иовий (Библ. иностр. пис. I) расказывает о некотором генуезском капитане Павле, который прибыл в Москву по торговым делам с грамотою от папы Льва X и вступил с в. князем Василием III в переговоры о соединении церквей. Будучи, говорит Иовий, от природы характера смелого и предприимчивого, Павел задумал искать какого-то нового и невероятного пути для привоза из Индии благовонных и пряных товаров. Занимаясь торговыми делами, в Сирии Египте и Понте, услышал он, что товары эти можно привозить из Восточно-Индийского полуострова сначала вверх по Инду, а затем сухим путем через хребет Паропамиз к р. Окс, протекающей в Бактриане. Река эта выходит из одних почти гор с Индом и, взяв противоположное ему направление, принимает в себя многие другие реки и впадает в Горкопское (т. е. Каспийское море, ошибка общая для всех географов того времени)

при порте Страве, (по догадкам ориенталистов нынешний Астрабад). От Стравы, по мнению Павла, лежит удобный и безопасный путь морем к торговому городу Цитрах и к устьям Волги. Потом вверх по р.р. Волге, Оке и Москве до г. Москвы; далее от этого города сухим путем до Риги и, наконец, из Риги в Сарматское море, оттуда можно свободно пройти во все западные государства. Наш автор об'ясняет и причины, побудившие смелого капитана искать этот „новый и невероятный путь". По его словам „Павел негодовал на португальцев, что они, покорив оружием большую часть Индии и заняв все торговые рынки, одни скупали благовония Востока и отправлялись в Испанию, где по непомерным ценам продавали европейцам; флот их беспрестанно сторожил берега Индийского моря, отчего производившаяся доселе по всей Азии и Европе с большими выгодами торговля через Персидский залив, Евфрат, Аравийское море, Нил и наше (т. е. Средиземное) море почти вовсе прекратилась. Кроме того, товары, привозимые португальцами, были гораздо хуже прежних. Продолжительное плавание и сырость в кораблях вредили благовониям, так что, оставаясь долгое время за недостатком покупателей в лиссабонских кладовых, теряли свою силу, вкус и запах и почти совершенно выдыхались".

Португальцы сверх того старались сбывать только старый товар, уже заплесневший, оставляя свежий в своих кладовых. Попытка Павла заинтересовать в своем проекте московское правительство потерпела неудачу. Хотя Павел, продолжает Иовий, в ожесточении своем утверждал, что, по открытии нового пути, пошлина, взимаемая с товаров, значительно увеличит царскую казну, и пряности, употребляемые москвитянами во всех их явствах, сделаются гораздо дешевле, однако предложение его не было принято. Василий почел неприличным открыть человеку неизвестному, и при том иноземцу, области, служащие путем к морю Каспийскому и в Персию. Т. о. капитану пришлось возвратиться в Италию без всякого успеха. Уверенность, воодушевлявшая генуезца в том, что Волгой и Каспием можно в конце-концов добраться до Индии, побудила около 1470 г. нашего соотечественника тверского купца Афонасия Никитина предпринять свое хождение за три моря: Дербентское, или дория Хвалитская, второе море Индейское или дория Гундустанская и третье море Черное или дория Стембольская. Рассказ Никитина о его странствованиях так общеизвестен, что мы не станем повторять его здесь.

Примеры Павла генуезца и нашего Никитина достичь Индии через Волгу и Каспий сухим путем следует признать единичными. Но монополия, которую захватили себе в индийской торговле, побуждало и другие народы к отысканию новых, независящих от ни х путей на восток. Из этого желания родится стремление к отысканию так называемого северозападного прохода, морской дороги в великий океан вдоль северных побере-

жий Америки. Мысль о такой дороге возникла прежде всего в Англии, хотя первыми пионерами в осуществлении ее были итальянцы Каботто или Каботы, отец и сын. Отец Кабот отправился в свое путешествие в мае 1497 г. и этим положил начало ряду хотя и бесплодных в смысле прямого достижения поставленной цели, но славных экспедиций, обесмертивших имена многих английских мореплавателей. Младший же Кабот (Севастьян) пустил в оборот и мысль о возможности пройти в Индию северо-восточным путем, т. е. мимо северных берегов Европы и Азии. Путь этот на самом деле был пройден только к концу XIX ст. шведом Норденлильдом, но мысль, поданная Каботами, имела большие последствия и для нашей родины, хотя первые попытки и не имели успеха. „Может показаться странным, говорит один из исследователей (J. Ruge, стр. 520) что попытка открыть северо-восточный проход сделана так поздно, только в 1553 г. Но уже один взгляд на карты того времени показывает нам, что очертание Африки и Ю. Америки тогда знали и изображали вернее, чем берега Северной Европы. Северн. Европа в картографическом отношении долго отставала от юга. Как показывают карты 1482, 1513 и 1532 г.г. долго держались убеждения, что существует сухопутная связь между Севером Европы и Гренландией. Если бы подобное представление соответствовало действительности, то понятно, что о северо-восточном проходе нечего было бы и думать. Но уж с XI ст. существовало морское сообщение между Скандинавией и Белым морем, о котором на юге Европы не имели понятия. Кроме того, легкие русские ладьи отваживались на путешествие к Новой Земле и Карскому морю. В 1496 г. русский посол совершил свой путь из Двины в Норвегию морем. Но сведения об этом не достигали до образованных и предприимчивых мореплавателей того века. Предрассудок о соединении Европы с Гренландией продолжал существовать по прежнему и был разрушен только знаменитым Сигизмундом Герберштейном, записки которого о Московии были опубликованы в 1549 году.

По значению записок о Московии в европейской литературе с ними не может выдержать сравнения ни одно из иностранных сочинений о Московской Руси (Замысловский, Герберштейн etc. стр. 61.), так как эти записки являются первым полным сводом обстоятельств и более или менее достоверных известий о Восточной Европе, собранных человеком, изучавшим не только географию и историю России, но и судьбу племен, имевших ближайшее к ней отношение. В западно-европейском обществе XVI ст. записки Герберштейна возбудили живейший интерес и имели необыкновенный успех, о чем свидетельствует и сам автор в своем предисловии к одному из многочисленных изданий записок. Записки скоро сделались достоянием всякого образованного человека и своим описанием севера России много содействовали искоренению векового предрассудка. Между прочим Гербер-

штейн доставил в Европу первое известие о могучей сибирской реке Оби, которая, по его словам, вытекала из озера Китая. Хотя это тоже было заблуждением, но заблуждением, повлекшим за собой благие последствия, что, впрочем, мы ни раз наблюдаем в великую эпоху открытий, вспомним хотя бы Колумба. Тогдашние географы, ознакомившись с записками, немедленно пришли к выводу, что если Обь вытекает из озера Китайска, то, значит, истоки ее находятся у границы Китая. Если бы удалось доплыть на корабле до устьев Оби, то остальной путь в С. Азию легко совершить. Как только книга Герберштейна стала известна в Англии, у Себ. Кабота немедленно зародилась мысль об экспедиции для отыскания сев.-вост. прохода. Экспедиция требовала больших средств и нужно было возбудить патриотизм английских купцов. Это удалось Каботу и уже в 1553 г. (т. е. всего через четыре года по выходе в свет записок) возникает торговая компания, поставившая себе целью быть конкурентом все еще могущественной и привилегированной в самой Англии Ганзы. Эта компания, пожизненным президентом которой был назначен Кабот, выступила под именем товарищества для открытия неизвестных стран. В этом названии нашло свое выражение желание ограничить деятельность товарищества теми странами, куда не проникало влияние Ганзы. Первая эскадра, отправленная вновь основанной компанией в 1553 г., состояла из 3 небольших судов в 160, 120 и 90 тонн емкостью. Во главе ее стоял Гуго Виллоуби, т. к. он был „опытен в военных делах“. Его сопровождали Ричард Ченслер и Стефан Борро. 10 мая ст. стиля при радостных кликах народа корабли вышли из Темзы, а 27 июля бросили якорь в Лофоденах, откуда и двинулись дальше к северу. В середине августа буря разогнала корабли. Виллоуби с самым маленьким из судов был заброшен далеко за Нордкап к обледенелому плоскому берегу Колгуева, вновь вернулся назад и 18 сентября достиг лапландского берега, где и решил зазимовать. Но незнакомство с опасностями арктической зимы и отсутствие средств к предохранению себя от этих опасностей повели к гибели экипажа обоих кораблей, в том числе и самого адмирала. Позже русские рыбаки нашли несчастную зимовку и оба корабля, и труп адмирала в 1555 г. были доставлены в Англию.

Третье судно, под командой Ченслера, очутившись в одиночестве еще после августовской бури, нашло убежище в Вардегузе, прождало там неделю Виллоуби, а затем на собственный риск отправилось в путь для открытия неизвестных земель. Пройдя Белое Море, Ченслер достиг монастыря св. Николая на устьях Двины, где впоследствии возник Архангельск. Путешественники встретили здесь ласковый прием, а затем Ченслер по приглашению царя должен был отправиться в Москву. Невольное путешествие Ченслера к русским берегам положило начало торговым сношениям Москвы с Англией. Прибыв в Москву, Ченслер подал царю Ивану Васильевичу грамоту от имени Эдуарда

VI, написанную вообще ко всем владыкам северных стран, куда судьба бросила-бы посланную экспедицию (см. Костомаров, очерк торговли и т. д.). Английский король просил благосклонно принять отправленных мореходцев. Иоанн IV обласкал странников как нельзя лучше и отвечал Эдуарду VI дружелюбною грамотою, в которой из'являл позволенье английским торговцам торговать в России свободно без всяких задержек. Ченслер уехал из Москвы в марте 1554 г. и возвратился в отечество прежним путем. Тогда в Лондоне образовалось другое общество, или другая компания, для торговли с Россиею и открытия неизвестных земель на севере. Компания эта переменяла свое название несколько раз, но обычно сокращенно называлась русской компанией. Королева Мария особым патентом утвердила права и привилегии компании. По патенту она имела право приобретать землю, но не более, однако, как на 60 ф. ст. в год, издавать правила и постановления, если они не были противны государству, наказывать членов компании, налагать на них пени и для того иметь в разных местах, где будут жительствовать члены, своих полицейских чиновников, плавать по морю, но под английским флагом, строить и снаряжать свои корабли, нанимать матросов, торговать во всех портах, делать завоевания и приобретать страны и города в новооткрытых землях, пользоваться ласковым приемом русского государя и противодействовать всякому совместничеству не только торгующих в России иностранцев, но и англичан, не принадлежащих к компании. В 1555 г. Ченслер отправился сам в Москву в качестве посла, был принят ласково и получил от царя льготную грамоту для английской компании, Царь своей грамотой давал компании право свободной и беспошлинной торговли оптом и в розницу, дозволил заводить дворы в Холмогорах и Вологде без платежа с них податей, подарил двор в Москве; дозволил иметь собственный суд и расправу, а если кто нибудь войдет с ними в торговое сношение, то суд принадлежал царскому казначею; ни таможенники, ни воеводы, ни наместники не имели права вмешиваться в их торговые дела и задерживать их. Англичане могли держать у себя русских прикащиков, но не более одного в каждом дворе. В случае какого либо оскорбления со стороны русских, царь обещал им справедливое удовлетворение.

Сам Ченслер утонул на обратном пути в Англию, но дело, начатое им, не заглохло. С тех пор каждый год в Белое море являлся караван английских судов. Т.-как плавание кругом Скандинавского полуострова далеко не безопасно, то путешествия совершались только в летнее время, чтобы успеть вернуться домой до наступления морозов на Ледовитом Океане.

Компания не ограничивалась торговлей с Россией, но хотела продолжать первоначальные свои планы по открытию путей на Восток. Летом 1555 г. один из агентов к-ии Стеф. Борро с товарищами совершил из Кола путешествие до Оби, посетил

Печеру, Новую Землю и Вайгач. Познакомившись с берегами Сибири и увидев невозможность проникнуть этим путем на В., англичане начали искать иного направления. В 1557 г. в Москву явился другой член к-ии—Дженкинсон, уже бывавший в России раньше, и предложил царю открыть торговую дорогу с Китаем через Бухару, т.-к. в то время были слухи, что из Бухары в Китай ходят торговые караваны.

Дженкинсон по торговым делам долго живал на турецком Востоке и хорошо знал его. Иван Грозный без труда дал ему разрешение на проезд до Астрахани и, кроме того, подражая английскому правительству, снабдил Дженкинсона рекомендательными письмами к закаспийским владетелям. Путешествие Дженкинсона совершилось в общем благополучно и он счастливо достиг Бухары, но здесь узнал, что караваны из Китая, уже давно перестали ходить. Ему пришлось отказаться от своих планов и в сентябре 1559 г. возвратиться в Москву. Через 2 года Дженкинсон является в Россию с новым проектом: торговли с Персией через Волгу и Каспий. Попытка его и на этот раз не имела успеха, хотя путешествие до Персии и совершилось при самых благоприятных условиях в сообществе персидского посла, возвращавшегося из Москвы на родину. Но эта неудача не смутила англичан и с того времени начинается ряд домогательств с их стороны, а затем и со стороны других иностранцев, получить право торговли с Персией и вообще с Востоком через Волгу, которая, т. о., вновь приобретает значение великого пути из глубин Азии на север Европы. Путешествия Дженкинсона любопытны еще и в том отношении, что он был первым европейцем, проплывшим по Волге почти на всем ее протяжении и оставившим не только описание, но и карту пройденного им пути с астрономическими определениями широт. Описание этого путешествия особенно интересно для нас саратовцев потому, что рисует наш край в том виде, каким он представлялся иностранцу в эпоху, близкую по времени присоединения его к Москве. Поэтому считаю не лишним привести отрывок, относящийся к средней и нижней Волге, тем более, что он займет немного места.

„22 июня (1558 г.) мы прошли мимо большой реки Самары, протекающей через ногайскую землю в Волгу. 28 июня проехали высокий холм, на котором в старину крымцы построили крепость, теперь превратившуюся в развалины. Этот холм находится на половине пути от Казани до Астрахани под 51°47′ широты. Здесь на берегу растет солодковый корень, вьющийся по земле подобно винограду“. Холм с развалинами укрепления, о котором говорит Дженкинсон, конечно, наш теперешний Увек. «6 июля мы пришли к месту, называемому переволокой, потому что в прежние времена татары здесь перетаскивали свои суда из Волги в Танаис или Дон и обратно для ограбления плывущих, как вниз по Волге до Астрахани, так и по Дону—в Азов, Кафу и другие города. Расстояние от одной реки до другой по перево-

локе 2 лье; это опасное место, т. к. здесь водятся воры и разбойники. Впрочем теперь, с завоеванием его русским царем, опасность несколько сократилась. По пути от переволоки нашим глазам представилась пустыня на обоих берегах Волги; мы видели здесь большую толпу ногайцев с их стадами; по счету до 1000 верблюдов везли повозки с палатками на них странной формы. Казалось, что они везут целый город". На карте, приложенной Джекинсоном к своему путешествию, кроме р. Самары, упомянутой выше, показаны еще реки Иргиз и Еруслан; на уровне переволоки изображен под именем мечети Сарай.

Торговля с Россией приносила Англии, по выражению Костомарова, неисчислимые выгоды; по собственному признанию англичан ни в какой другой стране торговля не представляла такой важной будущности как здесь. Особенно прельщала мысль о возможности проложения пути через Россию в Персию, о котором тогда все мечтали. Пользование этим путем давало надежду получить то преобладание в торговле, которым пользовались тогда Португалия и Испания. Англичане думали доставлять в Европу восточные произведения скорее через Астрахань, Волгу и северную Россию, чем Венеция и другие торговые общины путем Средиземного моря. Понятно поэтому стремление англичан закрепить за собою торг. с Россией, удалив от нее других иностранцев, а также и постоянное стремление последних уничтожить монополию англичан. Также естественно и желание русского правительства использовать вновь открывшийся путь по Волге в своих интересах. Торговля с Хивой, Бухарой и Шемахой перешла к русским по наследству тотчас после завоевания Астрахани, где она издавна находила себе исток и где по прежнему сосредоточивалась, когда Астрахань сделалась русским городом. Уже весною 1557 г., т. е. меньше чем через год после покорения Астрах. ц-ва, воевода Черемисинов доносил царю, что „из многих земель присылали из Щевкал, из Шамахеи, из Дербен, из Юргена о братстве и любви, и на весне хотят со многими торги быти в Астрахань". А в июле того же года Черемисинов писал, что пришли гости из Шамахеи, Дербени, Шевкал, Тюмени, Юргенга, Сарайчика со всякими товары... Да пришли ж послы от Крыльшевкала и от всей земли Шевкальские били челом... что их государю у них полюбить, ино то все присылать станут ежегод". В октябре 1558 г. пришел посол из Юргенга с поминки и с великим челобитьем о любви, чтобы государь велел дорогу гостям дати. Затем пришли послы из Бухары и Самарканда с любовным челобитьем: просят дороги гостям и т. д. В этом же году торговля России с владениями среднеазиатских ханов была обезпечена взаимными договорами и Астрахань начинает наполняться восточными купцами.

Я позволил себе такое длинное отступление в область торговых отношений Московского государства с ближним к нему и дальним востоком в надежде, что приведенный мною фактиче-

ский материал достаточно убедителен для доказательства, того, что к половине XVI в. Волга вновь вернула себе прежнее свое коммерческое значение. Что с этого времени она вновь стала той широкой и удобной дорогой, по которой значительная часть восточных товаров нашла себе путь из глубин Азии на далекий север Европы. Думаю, что приведенных примеров достаточно для утверждения, что с XII в. такое значение Волги все возрастало и что русское правительство, извлекавшее из волжского пути на восток значительные выгоды, было кровно заинтересовано в поддержании этого пути, в обеспечении его безопасности. В этом же были сильно заинтересованы и те государства, с которыми Москва поддерживала торговые отношения и, т. о., вопрос о волжском пути был не только вопросом внутренней московской политики, но и в значительной степени международным.

Но с очень давнего времени Волга имела значение не только одного торгового пути; она играла большую роль и в хозяйственной жизни московского государства. Иностранцы, писавшие о России, единогласно отмечают неисчерпаемые рыбные богатства нашей реки. Эти богатства начали привлекать русских людей на Волгу задолго до того, как были покорены Казанское и Астраханское царства. Еще в 1489 г. Иван III в одной из грамот астраханскому царю Ямгурчею писал, между прочим: „ваши люди из Азторокани сего лета наших людей рыболовей на Волзе побили и пограбили; ино пригоже-лися так делать?“ Если русские рыболовы были ограблены астраханцами, то ясно, что дело происходило где то в низовьях Волги и, следовательно, еще в XV в. русские ловцы проникали уже далеко на юг. Самый же тон приведенного отрывка из грамоты показывает, что появление наших промышленников на Волге не было чем то новым, а делом обычным. Можно поэтому относить такое появление к половине XV в. В 1521 г., изгнанный из Казани московский ставленник Шиг-Алей, бежал вниз по Волге и здесь встретился с русскими рыболовами, которые, напуганные возмущением казанцев, бросили промысел и спешили возвратиться на родину. Шиг-Алей соединился с ними и после трудов и лишений все благополучно достигли пределов России. „Ведя с собою, говорится в казанской летописи, более 1000 рыболовов московских, ловящих рыбы на Волге под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека за 1000 верст от Казани. Заехавше тамо живяху лето все и в осень возвращахусь на Русь с рыбою“. Поименованные в этом отрывке урочища все находятся в пределах Саратовского края, а Увек даже в непосредственной близости к Саратову. Число рыболовов, встреченных Шиг-Алеем, показывает, насколько значительно в то время уже было русское рыболовство на Волге. О значительности его свидетельствует и тот факт, что при взятии Астрахани в 1554 г. царю Дербышу в числе прочих условий мира было также поставлено требование и о том, чтобы русские рыболовы могли ловить рыбу от Ка-

зани до моря безданно и без'явочно вместе с астраханскими ловцами.

С освоением Волги русское рыболовство на ней должно было получить еще большее развитие и если в нашем распоряжении нет данных для того, чтобы судить о степени этого развития в XVI в., то для XVII ст. сохранилось не мало известий, подтверждающих это. Думается, что мы не сделаем ошибки, применив известное нам для XVII в. к веку XVI, т. к. условия за такой сравнительно короткий срок не могли сколько нибудь значительно измениться. Рыбные богатства Волги были так значительны и привлекали к себе такую массу рыболовов, что при Михаиле Федоровиче правительство запретило верховым ловцам уходить для промысла на низовье.

Волга снабжала рыбой не только значительную часть населения государства, но часть рыбных товаров сделалась и предметом заграничного отпуска. Так с царских волжских учугов икра отправлялась в Архангельск, оттуда шла в Англию, Голландию, Францию и особенно в Италию, где она под именем caviaro считалась лакомством. О значительности отпуска икры можно судить потому, что при всей тогдашней дешевизне ее, правительство (при Алексее Михайловиче), сдав торговлю ею на оброк, получало доходу до 40,000 талер. в год. В числе вывозных статей рыбного товара был и рыбий клей, так называемый карлук. Он добывался из белуги около Астрахани и составлял казенную монополию. Ежегодная добыча его достигала до 300 п. и продавался он от казны.

Другим видом добывающей промышленности, процветавшим на Волге, было соледобывание. Самая обильная добыча соли была около Астрахани из соленых озер. Эта соль находилась исключительно в ведении казны, а промышленникам предоставлено было являться на озера и нагребать соль с известной платой в пользу казны. Добыча соли здесь производилась уже с XVI в. и от 1591 г. мы имеем жалобу соляных возчиков и других волжских судопромышленников на то, что астраханские воеводы задерживают суда с рыбой и солью и, благодаря таким задержкам, караваны из-за морозов становятся в пути, не успев дойти до места назначения.

Торговое и промышленное значение Волги повело к тому, что вскоре после того, как она стала русской рекой, по ней зачернели не только струги со стрельцами и другими служилыми людьми, идущими по казенной надобности, но и тяжелые насады с дорогими товарами и легкие ловецкие лодки. Первым условием развития волжской торговли и промышленности была, конечно, безопасность. В следующей главе мы постараемся рассмотреть, насколько обстоятельства, имевшие место на Волге в XVI веке, удовлетворяли этому условию.

ГЛАВА VI.

Мне уже приходилось упоминать, что в пределах приволжских стран после нападения Золотой Орды, из ее развалин образовалось три политических организма, с которыми московскому государству пришлось иметь дело при распространении и утверждении своего господства на востоке: два царства—Казанское и Астраханское и третий политический организм, менее ярко и определенно сложившийся—Ногайская орда. С завоеванием Казани и Астрахани, политическая роль обоих этих государств кончилась и с ними Москве уже не приходилось, как с таковыми, иметь дела. Неудачные попытки казанской аристократии вернуть былую независимость своего царства, наблюдаемые вскоре после утверждения в Казани русской власти, а также восстания инородцев, населявших территорию бывшего царства, периодически повторявшиеся в течении всего XVI ст., принадлежат уже к области внутренних отношений Московского государства, а не к области внешней политики. Ногайская-же орда еще долго, по крайней мере по внешности, сохранила свою самостоятельность и независимость и отношения к этой орде во многом отразились на первых этапах истории нашего саратовского поволжья в XVI ст. Поэтому я полагаю уместным, хотя в нескольких словах, остановиться на этих отношениях, чтобы стала яснее роль их в интересующем нас вопросе.

В числе многочисленных орд, на которые делились татары и во главе которых находились отдельные начальники, заправлявшие вместе с другими ее членами внутренними и внешними отношениями Золотой Орды, с XIII ст. упоминаются на Волге и ногайцы, получившие, по догадкам некоторых ученых, свое название от имени предводителя Ногая, отделившегося, якобы, от Золотой Орды во второй половине XIII ст. Большое значение эта орда получает в XV и нач. XVI в., когда она выделяется между своими соплеменниками и обращает на себя внимание соседей. С этого времени встречаются и упоминания о ногайцах, как об отдельном племени, у иностран. писателей. В XVI ст., как упоминает уже Герберштейн, ногайская орда разделилась на три части по числу сыновей князя Едигея. Одна из этих орд—сибирская или Шихмамаева по отдаленности от нашего края не имеет для нас значения. Значение второй орды, так называемых казыевских татар, кочевавших в степях северного Кавказа по р. Куме, также незначительно в интересующую нас эпоху, хотя нельзя не указать на то обстоятельство, что эта орда во время летних кочевок посещала теперешнюю Саратовскую губ. и, несомненно, что значительное число позднейших наших курганов насыпана именно этими ногайцами над могилами своих соплеменников. Т. о., ногайцы Казыева улуса непосредственно предшествуют русскому заселению правобережной части нашего края и весьма вероятно, что значительная часть урочищ нашего края, носящих татарские имена, получила такие имена от казыевцев.

Третья орда—Шийдякова—играла значительно большую роль в истории края за XVI ст., почему речь здесь и будет итти исключительно о ней. Орда эта кочевала по Уралу, побережьям Каспийского моря и заволжским степям. Средоточием ее и политическим, до некоторой степени, центром был г. Сарайчик, расположенный в устьях р. Урала. *) Главным занятием ногайцев, в зависимости от образа жизни и природы населяемого ими края было скотоводство и особенно разведение лошадей, которые составляли их главное богатство. То же видим мы и теперь у киргизов так назыв. внутренней или Букеевской орды, которые занимают часть территории, входившей некогда в область ногайских кочевий. Рынком сбыта лошадей для ногайцев служила, главн. образ., Москва, а для рогатого скота и овец—Казань, хотя впоследствии русское правительство старалось и этот товар направлять также в Москву. Но, повидимому, ногайцы, хотя и в незначительной степени, пробовали заниматься и земледелием. В 1557 г. ногайский князь Измаил писал царю в Москву „а пашню Сарайчиковскую вода взяла... и ты бы нам прислал на семена судно хлеба". Что это не предлог выманить от русского правительства лишнюю подачку, - показывает другой документ 1557 г. Кроме того, по положительному свидетельству Барбаро, казыевские ногаи еще в XV в. занимались земледелием. Т. о., ногайцы в этом отношении значительно опередили русское население, занявшее потом их место по р. Уралу, т. к. мы знаем, что у уральских казаков даже во второй половине XVIII ст. земледелия еще не было совершенно и они довольствовались привозным хлебом. Поэтому, такой серьезный исследователь, как Перетяткович, не сомневается, что жители Сарайчика занимались, главным образом, земледелием, почему считались у своих соплеменников „людьми не воинскими", т. е. более миролюбивыми, чем остальные ногайцы-кочевники. Судя по тому, что тот же упоминаемый нами князь Измаил во время голода среди своих улусов и мора среди стад собирался для увеличения дохода поставить в Сарайчик таможенного чиновника, можно думать, что этот город был и средоточием торговли, которая у ногайцев велась в двух главных направлениях: с Москвою и с среднеазиатскими ханствами. Ногайцы, жившие в Сарайчике, назывались юртовыми, все же остальные—улусными. Эти последние и составляли главную массу населения, кочуя с своими стадами и повозками, на которых помещались их семьи, по обширным степям. „Остановившись гделибо они раскидывали свои шатры и оставались до тех пор, пока трава не истреблялась их стадами. Обыкновенно они заранее распределяли какой части орды в каких местах кочевать;

---

*) Развалины Сарайчика и теперь еще существуют близь ст. Сарайчиковской, расположенной на р. Урале, верстах в 60 выше впадения его в море. Обследование этих развалин принадлежит к очередным задачам местных ученых обществ.

места для кочевок чаще всего обозначались именами рек, частью вероятно потому, что на их берегах находились более богатые пастбища, а частью и потому, что в безбрежной и однообразной степи реки были самыми выдающимися урочищами для топографических определений. На зиму ногайцы спускались к Каспийскому морю, как это и теперь делают киргизы, находя в камышах каспийскаго побережья и более обильный корм и более спокойные стоянки, чем в открытой степи с ее зимними буранами, а летом подвигались вверх по Уралу и Волге, доходя иногда до Камы и окрестностей Казани. По религии ногайцы были магометане и их муллы, будучи приближенными советниками князей, были не без влияния на общественные дела. Как на особенность этого племени некоторые указывают на исключительную заботливость по отношению к кладбищам и памятникам над могилами усопших. До нас дошли горькие жалобы ногайцев на осквернение могил, произведенные в Сарайчике ограбившими его казаками.

Внутреннее устройство ногайской орды не рисуется перед нами в строго определенных формах и не совсем ясно, но, повидимому, вытекало из родового быта и характеризуется всеми недостатками этого быта. Во главе орды стоял князь: его сыновья и все члены этого рода имели титул мирз. По смерти князя его замещал обыкновенно старший в роде, т.-е. либо следующий за ним по старшинству брат, либо старший брат умершего. Князь в глазах своих родственников-мирз был отец и старейший брат, сами же они назывались его младшими братьями. Когда ногаи стали в близкие отношения к России они перенесли и на московского царя свои родовые отношения. Один из ногайских мирз писал царю (1555) „если ты старше меня годами, то будешь моим старшим братом, если же ты моложе меня, то будешь младшим братом“. Старший после князя мирза-нурадын Урус после смерти своего отца князя Измаила писал царю (1564) „отец наш держал тебя в старейшинстве и сделав нас твоими младшими братьями скончался; ныне старейший брат наш хочет держать тебя в отца место, не желает выступить из твоего повеления“.

Мирзы в свою очередь также считались между собой старшинством. Один из мирз в своей грамоте царю именует себя старшим перед 15 мирзами; другой называет себя в грамоте большим братом 50 мирзам. Князь обыкновенно владел Сарайчиком и в нем проводил большею частью зиму. Князья и мурзы в зависимости от себя имели улусы, которые состояли из улусных людей или простых ногайцев. Количество улусов у них обусловливалось отчасти личными свойствами мурзы, т. е. был-ли он любим улусными людьми, или нет, отчасти же улусы могли переходить к нему по наследству. Повидимому, дело здесь обстояло приблизительно также, как и у калмыков в позднейшее время, т. е. существовало нечто вроде крепостного права, хотя

уловить эти внутренние отношения по дошедшим до нас источникам и не представляется возможным. Существует известие, что после смерти ногайского князя „люди его собрания“ все переходят ко второму сыну; карачии же, уланы и все лучшие приближенные к князю люди переходят к третьему сыну. Т. о., старший сын становился князем и наследовал потомственные улусы отца, второй сын получал звание нурадана и людей, собранных его отцом, а третий—людей чиновных, близких к отцу и богатых. Впрочем, иногда по смерти князя его улусы, несмотря на существование наследников, расходились кочевать по разным мирзам. Отношения князя к мирзам и его власть были не совсем определенны и во многом зависили от личных свойств лица, находившегося во главе орды. Так, напр., кроме качеств, необходимых всякому предводителю полукочевого и воинственного племени: личного мужества и распорядительности, он должен был еще быть „юртовой человек“, т. е. был обязан своими заботами о благе ногаев вообще и мирз в частности, приобрести себе их симпатии, чтобы простые люди и мирзы отовсюду шли к нему. Если-же в нем не было этого свойства, если он не сумел приобрести себе популярности, то ногайцы расходились по соседним землям, где кочевал князь другой орды, напр., к казыевцам, или жили им соплеменные народы: Крым, Бухара и т. д.[1] В таком случае трудно было следить за ними, чтобы удержать их в зависимости от князя, к которому они были мало расположены. У ногайских князей, по их собственным словам, люди живут на поле, ворот у них нет и удержать их они не могут. Отношения мирз к князю выражались в том, что все они „братья и племянники, равно как и вся ногайская орда на него смотрят“ или как образно выражаются сами ногайцы „поводья узд своих дают ему в руки“. У ногаев князь был „большой всея ногайской орде“ или „государь всей земле ногайской“, а мирзы были его детьми и холопами. Однако подобные отношения не исключали нисколько возможности столкновений и при случае даже междуусобий между мирзами и князем, потому что и мирза в свою очередь почитал себя „государем на своем государстве и в своей земле“. Сила и значение князя в отношении к соседним племенам и ордам больше всего обуславливались количеством мирз, находившихся под его властью. Но мирзы, не исключая и близких родственников князя, могли от‘ехать от него, если только были им недовольны. Хотя князья считали таких мирз беглыми, но они не стеснялись этим и переходили с своими улусами к казыевцам, в Астрахань, в Крым, к киргизам, и в Бухару. Вследствие патриархальных и довольно неопределенных отношений, существовавших между мирзами и князем, поводов ко взаимным неудовольствиям должно было быть не мало. В таких делах, где была заинтересована вся орда, князь, повидимому, должен быть совещаться с своими родными и вообще со всеми мирзами и решенье в подобных случаях принима-

лось, вероятно, сообща. В некоторых-же делах, когда, напр., необходимо было клятвою подтвердить союз орды с кем-либо, когда следовало отпустить ногайских послов в соседнюю землю или нужно было идти войною на кого нибудь,—требовалось участие не только мирз, но и лучших улусных людей, т. е. старейших и более зажиточных ногайцев. Участие последних выражалось подчас даже в довольно резкой форме: ногайский князь Урус, чувствуя себя оскорбленным русским царем, собрался в поход на русские украины, но лучшие люди с мурзами „князя с коня ссадили“ и не дозволили ему, так. образ., пойти войною на Русь.

Не только лучшие люди, но и бедняки, или черные люди принимали у ногайцев участие в общественных делах и голос их имел иногда решающее значение: так однажды черные люди отговорили посылать в Крым ногайских послов. Между тем, согласие в подобных случаях не всегда могло быть достигнуто между мирзами и князем вследствие различия их интересов: князь, напр., имел торговые сношения с Бухарой и ему выгодно было делать набеги на русские украйны, уводить в полон людей и животину с них; влиятельный-же мирза мог вести торговлю с Россией и ему вследствие торговых выгод, получаемых от нее, невыгодно было ссориться с Россией, поэтому он не соглашался принимать участие в походе и мог отговаривать от него других мирз. Эти последние могли охотно склоняться на это, потому что от русского царя можно было за „дружбу“ получить богатые дары, пушки, пищали и даже стрельцов „на обереганье“.

Так. обр., разнообразие выгод должно было вызывать несогласие, а по временам даже междуусобие среди ногайцев. В подобных случаях происходили сильные передвижения между ними: многие из мирз и простых людей от'езжали без боя от одного противника к другому и в соседние страны, смотря по представлявшимся им выгодам. Кроме таких выдающихся случаев неудовольствия в орде должны были происходить и потому еще, что ногайский князь вместе с мирзами давали московским царям клятвенную запись „дружить прямо“, на самом-же деле большая часть мирз, иногда и сами князья, смотрели на свою клятву только как на средство выманить от царя побольше подарков и если выгодно было воевать с Россией, то они, следуя своим хищническим инстинктам, не стеснялись грабежом не только украин, но и русских послов. Сами мирзы в грамотах своих к царю иногда говорили прямо, что они своих улусных людей унять не могут, иногда же в своих записях оговаривались следующим образом: „коли мои младшие братья или дети захотят пойти войною на вашу сторону, то я постараюсь, если смогу, их удержать; если-же не буду в состоянии отклонить их от похода, то мы известим тебя об их сборах“. Но понятно, что в случае нападения русские всетаки обращались с упреками к

князю или влиятельным мирзам, выговаривая им за грабежи русских окраин, причем требовали от них большей энергии в удержании младших мирз от вторжений в пределы России. В таких случаях мирзы, недовольные тем, что их удерживали от нападений могли тоже от‘езжать со своими улусами в соседние страны, где жили их-же соплеменники, вместе с которыми они могли безнаказанно грабить соседей. Между тем значение князя, как внутри, так и во внешних сношениях обуславливалась преимущественно числом и силой мирз и улусных людей. Поэтому было естественно его стремление привлекать их к себе подарками и даже поблажками хищничеству. Характерны в этом отношении слова ногайского князя Юсуфа московскому служилому татарину, ограбленному в дороге Юсуфовым послом, вместе с которым его послали из Москвы. На свою жалобу князю он получил такой ответ: „мне тебя для своих улусов не разогнати; а как пойдут от меня Мегметово племя (т. е. посол грабитель) к Москве, то ты. их там ограбь; я ему тебя грабить не велел“. Сыновья и племянники князя уходили легко вместе с остальными мирзами к соседям и когда, т. о., их собиралось в соседстве много, то они становились опасны для самого князя, т. к. могли легко соединиться с тем, к кому от,ехали, и отомстить князю. Поэтому бывали такого рода явления, что князь совещается с оставшимися при нем мирзами, чтобы идти вместе на соседа, к которому бежали многие мирзы, и потребовать „либо пусть он их выдаст, либо пусть его помирит с ними, чтобы они воротились к нему обратно“. Кроме мирз, которые от‘езжали от князя из орды, были мирзы, жившие казаками, т. е. беглецами и кажется без улусов. Кроме мирз, у ногаев, как и в Казани, были карачии и уланы, значение которых здесь было тоже довольно большим.

Укрепленных городов ногайцы, по их собственному признанию строить не умели и когда им необходимо было воздвигнуть таковой для себя, то они обратились в Москву, прося у царя людей искусных „для городового дела“. О степени развития ногайцев можно судить отчасти по тому, что князья и мирзы их получали из России: здесь кроме боевых принадлежностей, мы встречаем зимнее и летнее платье, сукна, бумагу, седла, гвозди и т. п. Для обучения грамот ногайцы иногда отправлялись в Крым, где имелись лучшие учителя, чем у них.

Сношения с ногаями у России начинается еще с конца XV ст. Первоначально они носят несколько случайный характер и только позднее, в XVI ст., становятся постоянными и в этом постоянстве кажутся заинтересованными обе стороны. По сохранившимся известиям от конца XV в. впервые ногайские послы являются в Москву вместе с киргизами, пригонявшими сюда на продажу своих лошадей. Как сказано выше главным занятием ногайцев было скотоводство и главное богатство состояло из рогатаго скота, овец и особенно лошадей. В Москву они обыкно-

венно шли через Казань, почему вел. кн. Московский в конце XV в. хлопочет о том, чтобы их отпускали оттуда Волгою в Н.-Новгород с проводниками, чтобы в дороге им какого лиха не было. С прибытием в Москву послы ставились чаще всего на ногайском дворе за Москвой рекой, а купцы с табунами лошадей располагались на лугу против Симонова монастыря. Для сношения с ногайским князем и мирзами в России употреблялись обыкновенно служилые татары, казаки и дети боярские (последние посылались к князю и к более влиятельным мирзам, сперва не более двух, а впоследствие до 8). На одного и того же посла возлагалась обязанность сноситься с князем и мирзами; когда-же желали почтить влиятельного в орде мирзу, то к нему посылали особого посла. Кроме почета в такого рода отдельных сношениях отличие выражалось также и в дарах или поминках; поминки, посылаемые особо, были больше и ценнее, чем посылаемые вместе. Равным образом, поминки, пересылаемые через сына боярского, были ценнее тех, которые посылались с служилым татарином. Этим об'ясняются претензии некоторых ногайских мирз, чтобы к ним посылались из Москвы отдельные послы или дети боярские. Что касается князей и мирз, то иногда они сами напоминали в Москве, чтобы более влиятельных из подчиненных им мирз чествовали отдельными послами; иногда-же напротив они просили, чтобы все жалованье было присылаемо к ним непосредственно и они уже от себя станут раздавать его своим подчиненным и, так. обр., будут унимать их от нападения на русские украйны. Дары и поминки, присылаемые из России, были явные, вручаемые князьям и мирзам в присутствии всех, и тайные, передаваемые послами на-едине. Для России особенно были важны те мирзы, которые кочевали по Волге. Вероятно поэтому в числе обязанностей, возлагаемых на послов, отправляемых к ногаям, было, между прочим, разузнавание о том, какие мирзы и где именно станут кочевать летом или, по тогдашнему выражению, кто где будет летовать. Т. к. в деле этих кочевок более или менее были заинтересованы все мирзы, то вероятно оно решалось заранее на с'ездах по взаимному соглашанию. Целью, которую преследовала Москва в сношениях с ногаями, было удерживать их от нападений на русские окраины и от союза с Казанью или Крымом против России. Поэтому их старались ссорить с Крымом и Казанью и склоняли к тому, чтобы они, кочуя по соседству с русскими границами, стерегли пределы России от неожиданных вторжений крымцев, действуя против них или давая знать в Москву о приготовлениях крымского хана и о его движениях на русские украйны. Вместе с тем в клятвенные записи с ногайскими князьями и мирзами вносилось условие, чтобы от них русским послам и вообще русским людям „на поле и Волге и на Дону лиха никакого на было“. Ногайские послы сперва сами присягали в Москве по записям за князя и за своих мирз, потом клятвенные грамоты отправлялись вместе с

ногайскими и русскими послами в орду и здесь князь „соединачивая со всеми мирзами, с братьею и с детьми“ должен был перед московским послом подтвердить грамоту клятвою.

Сами ногайцы посылали обыкновенно в Москву значительное количество послов. Не только мирзы и их сыновья, но даже жены мирз и князей присылали своих послов к вел. князю, будучи уверены, что в Москве их станут одаривать. Расположением жен никоим образом не следовало пренебрегать, т. к. иногда случалось, что отец не был в состоянии удержать сына, собравшегося в поход на Русь, и только авторитет матери мог удержать его от вторжения в русские пределы. При своеобразных отношениях, какие существовали между князем и мирзами, нужно было принимать всех послов и одаривать, т. к. в противном случае мирзы обижались и писали в своих грамотах к вел. князю: „нас к людям не причел, поклона и поминка не прислал, и мы ныне пошли где-бы добыть себе коня или платно“,—или: „если будешь почитать нашего посла, мы и вперед будем посылать к тебе своих послов; не станешь почитать, так только бы мы в своей земле здоровы были:—у верховья Волги летуем, а на устье зимуем; сам знаешь, что нет в твоей земле места, котораго-бы мы не видали“. Измаил, впоследствие известный князь и приятель Грозного, будучи в молодости еще незначительным мирзою, в своей грамоте просит прислать ему пушечника, пищальник с пищалью и доспех, за что обещает вел. князю свою дружбу и в знак ее, не пускать на Русь ногайской и крымской рати,—в заключенье-ж прибавляет: „а чево просим—не дашь, ин тебя воевати, а и Крыму тебя воевати“. Кроме подарков, которые были в их глазах „дружбе знамя“, ногайцы требовали еще от России, чтобы на них не нападали и не уводили их лошадей казаки. Сами же в свою очередь не только обязывались стеречь русские пределы, но, будто-бы в угоду России, грабили казанских купцов и воевали с Крымом.

Таковы были отношения Москвы к ногайцам в 30-х и 40-х гг. XVI ст. В это время ногайцы были довольно многочисленны и при условиях своего быта, когда всякий взрослый мучжина был и воином, могли выставить в поле многочисленное войско. В половине XVI ст. сами ногайцы считали у себя войско, „письминой рати“ от 200 до 300 т. чел. Кн. Юсуф однажды, несмотря на отсутствие некоторых мирз, мог выставить без труда 120,000 войска. Понятно, поэтому, что соседи, испытавшие на себе их силу, а в том числе и Москва, старались быть с ними в хороших отношениях.

Особенно важно было поддерживать такие отношения в то время пока еще не был решен вопрос о Казани и Астрахани. Как только эти царства были завоеваны, причем покорение Астрахани не обошлось без сильного участия ногайцев, отношение к ним в Москве начинают меняться. Ногайцы делаются не сильными союзниками, расположением которых приходится

дорожить и в которых нужно заискивать, а просто беспокойным хищническим соседом, от нападений которых тем или иным путем нужно защитить русские области. Лучшим способом в данном случае, по крайней мере на первых порах, является задаривание отдельных влиятельных мирз и поддержание внутренних несогласий в орде. Затем, по мере падения силы и значения ногайцев, на сцену выступают другие мероприятия вплоть до постройки московским правительством ряда укрепленных городов на территории, которую сами ногаи считали своим исконным достоянием. Перемена отношений со стороны Москвы была так мало ощутительна, так неотчетливо выражена, тем более, что внешние события удерживали русское правительство от всяких резкостей в этом отношении, что ногаи долго не замечали наступившего поворота и долго спустя после того, как стали по существу в полную зависимость от Москвы, в сношениях с нею сохранили прежний заносчивый и требовательный тон.

В половине XVI ст. в ногайской орде возникли сильные волнения на почве борьбы из-за престола между двумя родственниками—князьями Измаилом и Юнусом. Тот и другой постоянно в своей распре обращались в Москву за помощью и, т. о., сами давали повод к русскому вмешательству в ногайские дела и усилению в орде русского влияния. Но эта родственная распря имела кроме того самое пагубное влияние на экономическое и нравственное состояние ногайцев, ослабив их и сделав еще более легким распространение русского влияния. Русский посол к кн. Юнусу—Мальцев доносил в Москву: „ногаи, государь, изводятся, людей добрых у них мало. Да голодны необычно и пеши ногаи, много людей с голоду мрет, а друг другу не верят, меж себя и родныя братья. Земля, государь, их пропала; друг друга грабят". Князь Измаил около того же времени писал царю, что на их улусы голод пришел, что их улусы животиною обмерли... коней и запасу у них нет, оголодали и просили царя отпустить в Астрахань Волгою много хлеба. Ногайцы „от великого неустройства" и голода толпами бежали в Астрахань, а мирзы и даже родственники князя со своими улусами стали переходить за Волгу, в Крым, за Яик, к киргиз-кайсакам. По окончании междуусобий тяжелое положение не уменьшилось и князь в своей грамоте царю пишет об этом так; „А мы года три—четыре уже многим волнением отбыли есмя своих животов и лошадей и одежи и сего года ни животов, ни лошадей, ни одежи у нас не осталось. И ныне б прислал к нам денег больше того, что ежелето к нам присылаешь". Далее он жалуется на то, что астраханский воевода не выдает обратно беглых русских пленных, почему улусы оголодали, и переманивает ногайцев к себе: „яз де вас стану кормити". Т. к. при подобных обстоятельствах положение князя было очень не прочным, то он решил построить для себя город на устье Волги для

защиты от возможных нападений. Оказалось, что сами ногайцы городового дела не знают, а людям, которым придется жить в городе, „без запасу с'естного и без судов быть нельзя“. Пришлось обратиться в Москву за деньгами, хлебом, строительными материалами и за мастерами для постройки домов. Из России, как и прежде, был прислан хлеб, одежда и т. д., но просьбу о постройке города замолчали, т. к., конечно, в интересе московского правительства не могло входить сооружение крепостей, которые могли бы быть употреблены против самой России.

Кормя и обувая большое количество людей в орде, чтобы удерживать ногайцев от вторжений в русские пределы, от соединения с крымским ханом, правительство постепенно старалось изменить и по новому определить характер отношений к ногайским князьям и тон в самых сношениях. Еще в 1530-х г.г. язык ногайских грамот более напоминал язык победителя к побежденному, господина к слуге. Очевидно, здесь мы имеем дело с пережитком тех традиций, которые сложились еще во времена Золотой Орды при сношениях с подвластными и бессильными русскими князьями. Во времена малолетства Ивана Грозного этот тон становится еще резче, так что московское правительство в ответных грамотах ногайским князьям должно было указывать на это обстоятельство. Даже во время полного расцвета силы и славы Грозного, в год покоренья Астрахани, князь Измаил и старший сын его Магомет мирза наряду с фантастическими притязаниями на уплату им с Казани по „двадцати сот рублев“ относились к царю один с правами отца, а другой старшего брата. Измаил, напр., пишет царю „и только меня отцом назовешь, а сам сыном учинимся“. Магомет мирза в своей грамоте выражается так „только меня старейшим братом назовешь“ и т. д. Ранее подобные выражения принимались и переносились в Москве молча, но теперь, видимо, сила ногайской орды клонилась к упадку и на этот раз Измаил и Магомет должны были выслушать суровый упрек. В ответной грамоте им указывалось на то, что они „в своих грамотах многия невежливыя слова писали, которые нашему государю бесчестны и к дружбе не пристоят, и мы на тебя (Измаила) в том подивили и погневалися, занеже тебе наше государство и прежния дела ведомы, как прежние ногайские князи и мирзы к отцу нашему и к нам писали. И ты-б вперед бездельных слов не писал, что-б тем меж нас дружба не решилася, а писали-б есте к нам в грамотах с почесливыми речьми, как пригоже нашему государству, дружбе на крепость и вперед на прочную любовь“. Далее говорится, что царь на этот раз отложил свой гнев на них в виду того, что на них обрушились кручины многие и за прежнюю их дружбу решился помогать им. Когда с помощью России Измаил снова стал ногайским князем, а в орде наступил большой голод и мор, а его ногайцы стали расходиться по соседним ордам и он едва мог их удерживать у себя;

когда, наконец, в Москве у царя находился наготове претендент на ногайский престол Юнус,—тогда-то русский посол обратился к Измаилу и стал, по его собственному выражению, „наводить“ ногайского князя, как ему писать в своих грамотах русскому государю Должно быть не легко поддавался этим уговорам Измаил, т. к. кроме речей русского посла понадобились настоятельные убеждения людей близких к князю, из которых один, между прочим, говорит ему: „не соромься князь Измаил, пиши (Ивана) государем. Немцы посильнее тебя, да и у них государь все города поимал“. Ногайский князь поддался наконец уговорам, утешая себя тем, „что, даст Бог, уже и крымский царь великого князя государем же назовет“. После этого в своей грамоте царю Измаил пишет так: „Государю нашему царю и великому князю от Измаила князя“. А московский посол отправленный с тем, чтобы *наводить* Измаила, исполнив свое поручение, пишет к царю в Москву: „Дай Бог, ты, государь, здоров был на многи лета, Измаил князь тебе, государю, холоп со всеми ногаи“. С тех пор в отношении между Москвою и ногайской ордой наступает перелом: орда постепенно, мало по малу, становится в полную зависимость от московского правительства. Правда, по временам мы видим как бы вспышки былой независимости, встречаемся иногда в ногайских грамотах как бы с прежним тоном господства. Эти неровности об‘ясняются тем тяжелым положением, в которое попадалась не раз Россия в своей многолетней борьбе с западными соседями. Но все же ногайцы из полноправных соседей постепенно переходят в разряд простых наемников, живущих подачками из Москвы и к концу XVI в. совершенно теряют былое значение. Опасности для России они уже не представляют и только своими набегами беспокоят русские украйны. Да еще и задолго до этого могущество их настолько упало, что тому же московскому правительству приходится защищаться от еще более беспокойных соседей—волжских казаков.

Происхождение волжских казаков и время первоначального появления их на Волге до сего времени не освещены в исторической науке. Самые ранние летописные известия, относящиеся к 1-й пол. XVI ст. рисуют нам казаков как силу, с которой приходилось считаться московскому правительству и, как я только что сказал, ногайцам, а, б. м., и другим соседям. Так же рано царское правительство начало пользоваться казаками в своей борьбе с приволжскими кочевниками. Летописи полны известиями об этом. Напр., в 1550 году „казаки великого государя“ помогают разбить ногайцев. В 1557 г. царь, разрешая некоторым беглым ногайским мурзам кочевать на „сей стороне Дона по Хопру и по Медведице“, обещает этим мурзам, что не велит приходить на них „казакам своим“. „Казаки государевы“ Федька Павлов и Северга со своими товарищами оберегали от татар камские перевозы в 1551 г. Тот же Федька Павлов участ-

вует в астраханском походе 1554 г. и захватывает царский гарем. В следующем году его посылают на Волгу оберегать перевозы от ногаев, а затем он командируется с казаками в Астрахань. Наиболее известными из числа таких служилых казаков в половине XVI в. был атаман Ляпун Филимонов, который во главе 500 чел. казаков в 1556 г. был отправлен Волгою на помощь князю Измаилу. На Волге Филимонов перехватил двух крымских мурз, которых и прислал к царю в Москву, а затем доблестно участвовал в бою с Дербышом. В следующем году Филимонов оберегал важнейший в то время пункт на Волге— „Переволоку".

Но на ряду с казаками, подчинявшимися правительству, на Волге было не мало и вольных, так сказать, казаков, не признававших над собой никакой власти. Еще в малолетстве Грозного ногайские князья и мирзы в своих грамотах к царю начинают жаловаться на то, что мещерские и касимовские казаки на них приходят и „ежегод." отгоняют от них и крадут животину, деньги и людей. Жалобы эти повторяются время от времени с указанием на количество лошадей или людей, уведенных казаками и с требованьем, чтобы царь унял казаков. Наименование в ногайских грамотах казаков *мещерскими* и *касимовскими* может до некоторой степени бросить свет на вопрос о том, откуда вообще появились казаки на Волге. Их дала также область, что была родиной и вообще великорусского казачества, т. е. Рязанская земля. Мещера, область по Цне и Мокше, в центре которой в 1552-3 г.г. был построен Шацк, была восточной украйной Рязанской области. Прямое подтверждение этому можно видеть в летописном известии от 1565 г. о посылке на черкесских князей кекоего Фестова с казаками „с Михайлова, с Ряжска, с Шацка и со всеми казаки Рязанские украйны". Повидимому, первоначальным официальным наименованием этих казаков и было „мещерские". Так, под 1549 г. мы читаем в летописи, что казанцы послали в Крым к царю Саип Гирею Енбарса князя с товарищи 20 человек просить на казанский престол сына Саина „И царя великого князя мещерские казаки Урак с товарищи казанского посла Енбарса князя на поле побили Усть—Медведицы и ярлык у них поимали и к великому князю прислали". Кстати, б. м. память об этом именно Ураке живет еще до сих пор в наших местах и его именем названа знаменитая Уракова гора, верстах в 20 выше Камышина. Но от нападений этих вольных или, пользуясь термином, вошедшим затем в официальное употребление, воровских казаков, страдали не только ногайцы или татары, но и русские, даже лица, находившиеся на службе правительства. Так, от их руки погиб и знаменитый Филимонов, о котором мы только что упоминали. Никоновская летопись так рассказывает об этом событии (под 1557 г.) „В мае послал государь на Волгу атамана Ляпуня Филимонова с товарищи, а велел беречь, чтобы казаки не воро-

вали и на ногайские улусы не приходили. И те казаки воры собрався до Ляпуна перезвали в свои станы а сказывали, что служат государю же; Ляпуня убили и товарищев его побили. И после того шел в Астрахань Елизар Ржевский с казною и с запасы и те же казаки приходили на Елизара и казну взяли государеву и которые были в тех ушкулех люди—тех побили. И Елизар собрався ходил на них и они ся отбили. И царь послал из Казани Алексея Ершова да Богдана Губина да голову стрелецкого казанского Данилу Хохлова с детьми боярскими и со стрельцы и с казаки, а велел тех воров с Волги згонити и когда изымают—тех побити. И казаки с Волги от них сбежали, а которых угонили—тех казнили. А на Дон государь послал Данилу Чулкова да Ваську Хрущова да с ними атаманов и казаков, а велел их искати и побити их. Дьяку Ржевскому велел на них послати казаков к Азову, да итти от Азова вверх Доном искать их же". Я привел здесь этот длинный отрывок из летописи потому, что даже самый поверхностный анализ его дает не мало любопытных данных к уяснению того, что представляли собою воровские волжские казаки половины XVI в. Прежде всего самый факт нападения на караван с царской казной и припасами, конвоируемый без всякого сомнения значительным военным отрядом указывает на то, что численность казаков была очень велика. Да и помимо этого соображения многочисленность воровского казачьего населения на Волге не подлежит никакому сомнению. Есть известие, что знаменитейший из волжских атаманов Ермак повел с собою в Сибирский поход 7000 человек. Неудивительно поэтому, что Ржевский ничего не мог поделать с ограбившею его шайкою и для разгрома ее пришлось снаряжать целую экспедицию из Казани. Затем из приведенного отрывка мы можем видеть, что никакой существенной разницы между „государевыми" и воровскими казаками не было. Такой, несомненно, опытный человек, как атаман Филимонов легко вдался в обман, приняв разбойников за отряд, состоящий на службе правительства. Очевидно и внешний вид, и вооружение, и организация у обеих категорий казаков были одинаковы. Один и тот же отряд мог, смотря по обстоятельствам, или промышлять сам на себя или же служить государству. Какой нибудь Митя Бритоусов и Иванко Юрьев с товарищами, наскучив своею служебною зависимостью, возвращались к прежнему вольному образу жизни и тогда, как гласит летопись: „мы (т. е. государь) на тех казаков на волжских на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева опалу свою положили, казнити их велели". Разбитые казанским отрядом казаки спасаются на Дон, где и продолжается их преследование Т. о., устанавливается связь первоначального волжского казачества не только с Рязанской украйной через Мещеру, но и с Доном. И, действительно, Карамзин приводит выдержку из Емновской летописи от 1559 г. о том, что „донские казаки вороваху по Волге... овогда государские наса-

ды и суды и в них казну грабяху, а людей побиваху, овогда же кизилбашских послов и бухарцев и иных, российских людей торговых".

Особенно многочисленными казачьи отряды на Волге становятся в конце семидесятых и начале 80-х г.г. XVI ст. Вследствие этого и предприятия их делаются смелее; они уже не ограничиваются Волгою, а выступают и по другим рекам. Ногайский князь Тинахмет жалуется в 1577 г. русскому послу, что „в Сарайчик приходили государские люди и над его мертвым отцом надругалися". А в 1581 г. снова нападают на ногайскую столицу „и Сарайчик воевали и сожгли, не только что живых людей секли, но и мертвых из земли вынимали и гробы их раззоряли."

Это навело большой страх на ногайцев и улусные люди стали говорить, что им самим и их животине от русских казаков на Яику и на Волге „добре тесно;" более же зажиточные из них стали сильно осуждать своего князя за то, что он пограбил русских послов, отстает от государя и хочет завоеваться с ними „А только, говорили они, государь велит казакам отняти у нас Волгу и Самару и Яик и нам де всем от казаков пропасти: улусы наши, жен и детей поемлют и нам где ся дети?" Поэтому, когда крымские царевичи вместе с 15000 ногайцев вторглись в русские пределы - произвели опустошения, то царь счел нужным пригрозить им русскими казаками. „А то мы, писал царь, за такие ваши неправды и грубость перед нами поволим вас самих воевать и ваши улусы казакам астраханским и волжским и донскии и казанским и мещерским и над вами над самими и не таковую досаду учинят; и нам уже нынеча своих казаков унять немочно." В своих похождениях на Волге казаки не останавливались ни перед чем и нам известен случай ограбления английского торгового каравана. Английские симпатии русского правительства конца XVI в. общеизвестны и легко представить, какое впечатление подобный случай должен был произвести на него.

Не только сама Волга служила ареной казачьих подвигов. Захват татарских послов на устье Медведицы, упоминание в актах Терешки и Чердыма дают основание думать, что и внутренняя часть края не была свободна от казаков. Пустынный край влек к себе, конечно, не надеждой на добычу, а возможностью найти в нем спокойный приют в случае опасности или преследования.

ГЛАВА VII.

Итак, в то время, как все течение Волги сделалось достоянием московского государства и это обстоятельство открыло новые пути для торговли, промышленности (рыба, соль) и колонизации положение на средней и нижней Волге сложилось не совсем благоприятно для развития деятельности русского народа

в этих направлениях. Торговля и промышленность страдали от грабежей воровских казаков, а набеги ногайцев, проникавших вглубь России не позволяли утвердиться по Волге оседлому населению и использовать естественные богатства нашего края. Конечно, правительство не могло оставаться равнодушным к подобному положению вещей и должно было принимать какие то меры, чтобы с одной стороны обезопасить сношения по вновь приобретенному великому водному пути, а с другой защитить окрайнное население государства от все еще продолжавшихся набегов кочевников. Мероприятия правительства в этом отношении имели различные формы, сначала сосуществовавшие одновременно, а затем, по крайней мере в нашем крае, уступившие место одной из них, как наиболеее рациональной. Формы эти— 1) посылка воинских отрядов для сопровождения торговых и казенных караванов как по Волге (обычный путь), так и по сухопутным дорогам (в тех, на первое время сравнительно редких случаях, когда ими пользовались). Такое мероприятие, как военный конвой, само собой, следует отнести к наименее севершенным способам охраны прежде всего по крайней громоздкости подобного аппарата. Невозможность предвидеть численность предполагаемого врага делала необходимым посылку значительных отрядов, а невозможность иметь в любое время наготове такие отряды приводило к тому, что они не всегда достигали цели и мы видим случаи разграбления казенных транспортов. Второй формой охраны, носящей предупредительный характер, было устройство т. наз. сторож, безпрерывной линии караулов, которые обязаны были следить за неприятелем и доносить о всех его движениях. Наконец, 3-я форма, наиболее действительная,—это постройка постоянных укреплений в наиболее угрожаемых местах, укреплений, снабженных достаточным гарнизоном. Переходя к изложению вопроса о сторожах, мы будем касаться здесь лишь тех из них, кой имеют прямое отношение к нашему краю, но для ясности полагаем необходимым изложить историю этого учреждения во всем об'еме, т. к. подробностей об устройстве наших волжских сторож не сохранилось и об этих подробностях мы можем судить лишь по сравнению с тем, как они были устроены в других местах государства. Первое известие о постоянной страже, обязанной наблюдать за движением ордынцев и извещать об этом воевод пограничных городов, некоторые исследователи видят в грамоте митр. Алексея от 1360 г. на Червленый Яр, *) в которой он преподает благословление

---

*) Д. И. Иловайский в Истории Рязанского Княжества (Изд. 1884 г. стр. 94, 95 прим.) полагает, что под Червленым Яром в XIV ст. следует разуметь все степное пространство, заключенное между реками Воронежем, Доном, Хопром и Великой Вороной. В тесном-же смысле под этим именем из источников известны: во 1-х река, впадающая в Дон между Тихою Сосною и Битюгом и во 2-х, часть берега при устье Саваны, которая впадает в Хопер с правой стороны пониже реки Вороны.

„всем христианам, обретающимся в пределе Червленого Яру и по *караулам* возле Хопор и Дону". И. Беляев, исследователь вопроса о сторожевой службе в Московском государстве, основываясь на том, что в аналогичной грамоте митр. Өеогноста (1334—1353 г. г.) нет никакого указания на караулы, высказывает предположение, что такие караулы были учреждены незадолго до 1360 г. Конечно, одно простое умолчание не может служить доказательством в данном случае и единственно, что мы можем утверждать, это— очень раннее возникновение сторож на степной окраине русской области. О тех же караулах упоминает и Никоновская летопись под 1400 г. „в пределах Червленого Яру в караулах возле Хопор у Дону кн. вел. Олег с пронскими князи и с муромским и казанским избиша множество татар." Беляев полагает, что упоминаемые митр. Алексеем караулы были не более как скрытые притоны раз'езжих сторожей и станичников, имевших обязанностью наблюдать за движением татар и доставлять вести в Москву. Притоны эти первоначально были расположены по Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Сосне и по Воронежу, через которые преимущественно ходили татары на Русь. Из этих притонов раз'езды сторожей и станичников углублялись в степь по всем направлениям и доходили иногда до самых татарских кочевий. Во время знаменитого похода 1380 г. Донской посылал разведчиков для наблюдения за движением Мамая и бывшие на сторожах приводили ему языков и сообщали сведения о Мамае. Постепенно сторожи против татар увеличиваются в протяжении и мало по малу протягиваются по всей южной и восточной границе государства. В украинных или пограничных городах с этой стороны складывается особый класс служилых людей под именем городовых казаков, обязанных постоянно быть на службе, ездить в степи, наблюдать за движениями татар по известным степным дорогам, перехватывать языков и сообщать вести воеводам. В эту службу набирались вольные люди из всех сословий; они получали определенное количество земли в зависимости от того, кто на какую службу был годен, освобождались от податей, а иногда награждались и денежным жалованием (который коли послужит и государь того велит тогда пожаловати). Городовым казакам велись особые списки и они состояли в ведении стрелецкого приказа.

На ряду с городовыми казаками в украинных городах начинают селиться по распоряжению правительства и те татары, которые переходили на службу к московскому государю. При Иване III появляется на Оке даже целый татарский городок— Касимов. Поселенные на границе татары также были обязаны защищать Русь от набегов своих кочевых единоплеменников. В малолетство Ивана IV построен Темников и укреплены другие города по Украине, а раз'езды сторожей и станичников проникают далеко в степи. Донец, Дон, Волга и другие степные реки, ближайшие к Крыму, Ногайской орде и Казани были уже оцеплены москов-

скими сторожами, которые раз'езжали по всем направлениям от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Т. о. крымцы, ногаи и казанцы при каждом нападении уже встречали готовое сопротивление или, по крайней мере, об этих нападеньях предупреждались воеводы пограничных городов. В 1555 г. для наблюдения за ногайцами по Волге учреждается новая сторожа из стрельцов и казаков. „В этом году, по словам Арцыбашева, государь отрядил стрелецкого голову Григория Кафтырева со стрельцами и атамана Федора Павлова с казаками на Волгу; приказал тем чиновникам стеречь перевозы от детей Юсуповых, пересылаться с Дервыш-Алием и сообразно известиям ехать на помощь, к Астрахани". Беляев по этому поводу приводит из Арцыбашева свидетельство, позволяющее судить о том, что сторожевая служба была поставлена Кафтыревым как следует и его сторожи имели соприкосновение со сторожами, расположенными по Донцу. В следующем году казаки, охранявшие украинные города, проникают далеко в степь и раз'езды их распространяются до самого Крыма. До сего времени (т. е. 1555—6 г.) приходится довольствоваться лишь неполными и отрывочными сведениями о постановке сторожевой службы в Московск. государстве. У некоторых (как Беляев) является даже подозрение, что все распоряжения правительства в этом направлении были случайными, вызывались потребностями данного момента, а не представляли из себя стройную, организованную систему. Но, начиная с 1571 г. в делах разряда сохранился целый ряд документов, проливающих свет не только на последующее, но и на предшествовавшее состояние сторожевой службы, на его внутреннее устройство и постепенное развитие.

Первый и самый важный документ—царский приказ от 1 января 7079 г. о назначении кн. Воротынского ведать станицы и сторожи и о созыве в Москву станичных голов, вожей и сторожей для распроса (А. М. Г. I. 1.; Беляев). „Лето 7079 генваря во 1 день, гласит этот приказ, приказал ц. г. и в. кн. Ив. Вас. всея Русии боярину своему кн. Мих. Иван. Воротынскому ведати станицы и сторожи и всякие свои государства польские службы.

И генваря в 7 день по госуд. цар. и вел. кн. приказу боярин кн. Мих. Ив. Воротынской говорил государевым словом в Розряде дьяком Ондрею Клобукову с товарищи, что ему велел государь *ведати и поустроити* станицы и сторожи и велел доискатись станичных *прежних списков*. А в городы в Путивль и на Тулу и на Рязань и в Мещеры и в иные украинные города и в Северу по детей по боярских по письменных по станичных голов и по станичных вожей и по сторожей, которые ездят из Путивли и с Тулы и из Мещеры и из иных украинных городов и из Севера в станицах на поле к разным урочищам и *которые преж сего езживали лет за десять или за 15,* а велел им всем быти к Москве из ближних городов в тот же день по Крещенье Христове, а Путильским 2 недели спустя после Крещенья Христова. А кото-

рые станичные головы и сторожи из украинных городов посылают их воеводы в станицах на поле от полков и по тех велел послати грамоты к наместникам и к осадным головам, чтоб они, сыскав тех станичных голов и станичников и вожей и сторожей, прислали к Москве на тот же срок. Да и того осадным и станичным головам и станичником и месячным сторожам велел сыскивать, которые будет дети боярские в станицы и на сторожи и не ездят *за старость и за увечья* или за которое за иное дело, а наперед того в станицах и на сторожи езживали, или будет которые дети боярские, станичные голова, станичники и сторожи и в *полону были*, а ныне из полону вышли—и тех всех сыскав велел прислати к Москве часа того на теж сроки. И по госуд. и вел. князя указу и по приговору боярина кн. Мих. Ив. Воротынского в Путивль и на Тулу и на Рязань и в Мещеру и в иные украинные города и в Северу по детей по боярских, по письменных по станичных голов и по их товарищев, по станичников и по станичных вожей и по сторожей, которые ездят из Путивля, с Тулы и с Рязани и из Мещеры и из иных украинных городов и из Севера в станицах в поле к разным урочищам и которые преж того езживали лет за 10 и за 15, по всех по них послано. И по государевым цар. и вел. кн. грамотам из всех украинных городов дети боярские, станичники, сторожи и вожи в генваре, а иные в феврале к Москве все с‘ехались. И боярин кн. Мих. Ив. Воротынский, пересмотря по списку детей боярских всех городов, которые к Москве для станичного дела с‘ехались, станичных голов и их товарищев, станичников и сторожей и вожей да сказал про них государю и царю в. кн Ив. Вас. всеа Русии приказал боярину кн. М. Ив. Воротынскому о станицах и о сторожах и о всяких польских службах сидети и станичных голов н их товарищей, станичников и вожей и сторожей велел государь роспросити, а роспрося росписати подлинно порознь, из которого города и по которым местом и до которых мест пригоже станицам ездити и в которых местах сторожам на стражах стояти, и до коих мест на которую сторону от которые сторожи раз‘ездом бывати и в которых местах головам на поле стояти для береженья от приходу воинских людей и из которых городов и по кольку человек с которою головою и каким людем на государеве службе быти, чтобы государю про приход воинских людей быти не безвестно и воинские б люди на государевы б украины безвестно не приходили. А распрося их и расписав подлинно порознь приказал государь послати тех мест на поле, где головам для береженья стоять и сторожам на стражах быти, досмотрити голов: от крымские стороны—кн. Мих. Тюфякина до дьяка Ржевского; а от ногайские стороны Юрья Булгакова до Бориса Хохлова. А людем государь велел с ними быти станичным головам и станичникам и вожам и сторожам и детям боярским и атаманам и казакам из украинных городов по росписи. И по государеву приказу боярин кн. Мих. Воротын-

ской с товарищи о станицех и о сторожах и о всех польских службах сидел и станичных и сторожевых голов и станичнико и вожей и о полках и об урочищах и о сторожах распрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльнее, а распрося их, приговор велел написать".

Рассмотрение этого документа позволяет нам установить с несомненной ясностью, что сторожевое дело как правильная и постоянная организация существовало задолго до указа 1 января 1571 г. Дело это ведалось в Разряде, и всем служилым людям велись точные списки, настолько точные, что по ним представилось возможным вызвать на совещание при Воротынском необходимых специалистов по выбору, а не огулом. Вызывались поименно, что доказывается тем, что с'ехавшихся в Москву членов совещанья кн. Воротынский проверял по спискам, имевшимся в Разряде. Очевидно также, что в организации сторожевой службы были какие то недостатки, нуждавшиеся в исправлении, для чего и подребовалось совещание специалистов. Упоминаемый уже выше Беляев и известный исследователь прошлого нашего края Чекалин приведенный нами документ толкуют в том смысле, что правильная сторожевая служба на юговосточной окраине Московского государства возникла за 10—15 лет до 1576, т. е. в конце 1550 г.г. Более внимательное рассмотрение документа не дает нам права делать подобное заключение. В самом деле, мы видим, что вызову в Москву подлежали те дети боярские, головы, сторожа и вожи, которые ко времени издания указа езживали лет за 10 и за 15. Но толковать это место в том смысле, какой придают ему помянутые ученые, нет никаких оснований. Ясно, что в Москву нельзя было пригнать всех лиц, состоящих на сторожевой службе, т. к. таковых числилось несколько тысяч и с'езд их всех был бы не только затруднителен, но и бесполезен для тех целей, которые имело в виду правительство. Нужны были не все, а только наиболее опытные лица, которые ездили уже (т. е. состояли на службе) раньше не меньше 10—15 лет. Подтверждение этому мы находим в самом документе. Дело в том, что помимо постоянных сторожей, вожей и т. д. письменных, т. е. внесенных в списки Разряда, была и еще одна категория лиц, по роду своей деятельности или случайным обстоятельствам хорошо знакомая с московской украиной, бытом кочевников и порядком сторожевой службы. Это ее станичные головы, начальники раз'ездов, которые посылались в поле для разведок из полков во время военных походов; это те боярские дети, которые за старостью или увечьем уж давно оставили службу, но сохранили богатый опыт, это, наконец, те служилые пограничные люди, которые побывали в плену у татар и из этого плена вынесли опыт и знание кочевнического быта. Всех таких лиц было приказано разыскивать и высылать в Москву на совещание. Т. о., это должно было быть с'ездом сведующих в сторожевой службе людей. Среди тех стариков, которые с'еха-

лись в Москву были, конечно, лица проведшие на сторожевой службе не 10—15 л., а гораздо больше и, следовательно, соответственное выражение документа ни коим образом не может датировать начало организованой охраны границ московского государства. Результатом совещания явился целый ряд боярских приговоров, в которых был установлен порядок сторожевой службы и намечены те пункты, где должны были стоять сторожи и путь, по которым должны раз'езжать дозоры. Приведем несколько выдержек из приговора от 16 февраля, которые дадут нам понятие об этой любопытной и сложной организации. „А стояти сторожам на сторожах с конь не сседая, переменяясь и ездить по урочищ м, переменяясь же, направо и налево по два человека по наказам, каковы наказы дацут им воеводы. А станов им не делать, а огни класть не в одном месте; коли кашу сварити и тогда огня не класть дважды в одном месте; а в коем месте кто полдневал—и в том месте не ночевать; и кто где ночевал—и в том месте не полдневать. А в лесах им не ставитца, а ставитца им в таких местах, где б было усторожливо. А где которые станичники или сторожи воинских людей подстерегут и станичникам с теми вестьми посылать в государевы в украйнные городы, в которые ближе, своих товарищев, а самим сзади людей на сакмы ездить и по станам людей смечать. А ездив по сакмам и сметив людей—да с теми с вестьми и в друга отослати ж своих товарищев в теж городы в которые ближе. А велеть... ехати которыми дорогами поближе, чтоб перед воинскими людьми в государевы украинные города весть была ранее, не близко перед ними. А которые головы и сторожи у них направе или налеве стоят-и им к тем головам и к сторожам с вестью от себя отсылать же.... А не быв на сакме и не сметив людей и не доведався допряма, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторожам с ложными вестьми не ездить и не дождався на сторожах сторожам себе перемены со сторож не сезжати. А которы сторожи, не дождався себе отмены, с сторожи с'езцит, а в те поры государевым украинам, от воинских людей учинитца война, и тем сторожам от государя быти казненым смертью. А которых станичников или сторожей воеводы или головы его пошлют дозирать на урочищах и на сторожах, а из'едут, что они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то бити кнутом. А которым воеводам или головам те сторожи будут приказаны и тем воеводам и головам над сторожами того смотрити накрепко, чтоб у сторожей лошади были добры и ездили б на сторожи, на которых стеречи, о дву конь, на которых бы лошадях мочно, видев людей уехати, а на худых лошадях на сторожи не отпушати. А у которых сторожей не будет добрых лошадей и воеводам... на сторожах лошади добрые доправити, на которых было лошадях на сторожи ездить было безстрашно". Далее устанавли-

валось расписание времени выезда станиц в поле. Первая станица выезжала 1 апреля, 2-я 15 го апреля и т. д. чередуясь через две недели „со днем“ станицы отправлялись до 15 ноября. Если после 15 ноября снег еще не выпадал, то отправлялись и дальнейшие станицы. Для дальних поездок, как например из Путивия или Рылыка на Донец, промежуток между станицами полагался в шесть недель. Казна принимала на себя все убытки и потери, могущие случиться в раз'ездах Лошади, сбуря и вооружение станичников и сторожей при отправлении их в степь оценивались воеводами. Эта оценка вносилась в особые книги, по которым и выдавалось вознаграждение в случае потерь и убытков. Служба эта считалась по справедливости очень важной и потому правительство старалось привлекать к ней лучших людей.

21 февраля 1571 г. состоялся боярский приговор о назначении мест, где стоять головам в поле и до каких мест ездить от них станицам. В этом приговоре, сверх существовавших уже сторож на украине, были назначены новые места, „чтоб государеву делу прибыльнее и бережнее от воинских людей“ было. В числе вновь назначенных сторож некоторые имеют уже прямое отношение к нашему Саратовскому краю. „Пригоже быти, гласит приговор, на поле четырем головам: первой голове стояти на *Волге* под Караманским лесом из Казани, а другой голове стояти из Шатцкого на Дону на ногайской стороне в Вежках выше Медведицы и Хопра“. Караманский лес, остатки которого существуют и до настоящего времени, расположен по левому берегу р. Волги в том месте, где в нее вливается общим устьем рр. Большой и Малый Караманы и доходит до речки Саратовки. Положение Вежков указано в самом приговоре: это урочище находилось выше впадения в Дон р. Хопра. Раз'езды Караманской и Вежковской станиц были назначены следующим образом: „А раз'ездом быти от голов—которой голове стоять под Караманским лесом из Казани и от тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшского города, а проезду днища с четыре: а на подолк Волге до верх Балыклея, а проезду днища с три или меньше. Которой голове стояти на Дону в Вежках выше Медведицы и Хопра—и от тое головы переезжати гряды направо за Дон и верх Айдару, а проезду до тех мест два дня, а налево к Волге до усть Балыклея, а проезду до тех мест четыре дни. А ездити станицам от Караманские головы к Волге по шти человек в станице, пропущая меж станиц по неделе. А к Айдару ездити в станице по 4 человека, пропущая меж станиц по 3 дни, не дожидаясь первые станицы, которые перед ними поедут. А людем с теми головами быти из разных украинных городов детем боярским и казакам по росписи: под Караманским лесом с головами из Казани да из Свяжска 10 чел. детей боярских, 30 чел. татар и чувашей, из Алатыря 6 чел. детей боярских да 20 чел. казаков; из Темникова да из Кадома да из Шацкого 12 чел.

детей боярских да 10 чел. татар да 12 чел. мордвы; да из Шатцкого 20 чел. казаков; из Рязского 6 чел. боярских да 10 чел. казаков И всего изо всех городов с тою головою людей—детей боярских 35 чел., да казаков 50 чел., да татар и мордвы и чуваш 50 чел.; всех детей боярских и казаков и татар и чуваш и мордвы 135 чел. А которая голова которой голове придут на обмену—и с теми головами быти людем из тех же городов по той же росписи".

„А на Дону в Вежках выше Медведицы и Хопра с головою быти людем из Шатцкого 9 чел. детей бояр, да 20 чел. казаков; из Рязского 6 чел. детей бояр. да 10 казаков; из Донкова 6 чел. детей б., из Темникова да из Кадомы 20 чел. татар да 20 чел. мордвы; из Олатыря 8 чел. детей б. да 20 казаков". Т. обр. общее число людей на Вежковской стороже достигало 120 чел. А голов выбирати под Караманской лес воеводам из Казанских да-из Свияжских жильцов детей боярских добрых; а на Дон в Вежки ... из Мурома из Мещеры, с Рязани с Тулы с Кашира; которым головам к которым местам ближе".

Караманская станица представляет для нас особенный интерес не только потому, что является первым по времени упоминаемым в документах русским (хотя бы и временным) поселением в нашем крае, но и потому, что многими исследователями местной старины она (не без основания) считается предшественницей возникшего позднее Саратова. Поэтому наши историки пытались возможно точнее определить ее положение. Шахматов, напр., говорит, что эта станица основана на луговой стороне р. Волги, при впадении в рукав ее речек Саратовок, *а потому* она названа *„Саратовскою"* (?) Она находилась на *150 верст (считая 700 сажен в версте)* ниже Соснова Острова, миновав монастырские станции *Новоспасского* (ныне с. Терса) и подмосковского *Воскресенского м-ря* (ныне село Воскресенское) а также „Змиевы Камени и не доезжая *Увеказа* (нынешнего Увека), вблизи обители одного из московских монастырей, находившейся на нагорной стороне р. Волги, названной впоследствии *Богородицким монастырем.* Эта станица была устроена на полуострове, образуемом извилистым течением речек Саратовок—из которых одна вытекала далеко из степи, а другая из затона, или озера, находившегося на 5 верст ниже полуострова и на всем этом расстоянии имела течение параллельно берегу Волги, отделяясь от нее песчаною гривою; эта вторая Саратовка имела течение с Ю. на С. до соединения ее с первою Саратовкою, т. е. за 4 версты до общего впадения их в рукав Волги. С северной стороны полуостров омывался притоком реки Караим или Караман и рекой „Донскою", впадающих в тот же рукав Волги, который омывал полуостров с западной стороны и отделялся от коренной Волги островом в $2^{1}/_{2}$ версты длиною и саженей 60 ширины"

Мы пока оставим в стороне хронологическую и топографическую путаницу, допускаемую цитируемым автором, т. к. к раз-

бору ее надеемся приступить позже, когда пойдет речь о монастырях и монастырских владениях в нашем крае.

Достаточно указать, что в описываемую эпоху ни один из Московских монастырей не имел еще в нашем поволжье станций, как называет Шахматов. Интересно для нас только то, что Караманская станица помещается автором как раз на том месте, где впоследствии в XVII в. стоял наш Саратов. Другой исследователь местного прошлого—Чекалин также утверждает, что эта станица была основана у нижнего по течению Волги края Караманского леса, на устье речки Саратовке, на том месте, которое занимал до нас древний татарский город Сара-Тау. Т. е., относительно местоположения Караманской станицы Чекалин вполне согласен с Шахматовым. В виду важности этого обстоятельства в вопросе о месте постройки первого города Саратова я позволю себе остановиться на некоторое время на разборе показаний приведенного выше официального документа. Приговор гласит, что голова должен стоять *„на поле под Караманским лесом“* Чекалин слова „на поле“ толкует в том смысле, что они должны обозначать—на правой стороне Волги. Между тем инструкция о порядке сторожевой службы, выдержки из которой мы приводили выше, вообще запрещает ставить станицы в лесах „А в лесах им не ставиться, а ставиться им в таких местах, гдеб было им устрожливо“, т. е., там, где открывается далекий вид, где легко устеречь приближение неприятеля. Т. о. выражение „на поле“ в данном случае мы не только вправе, но и обязаны понимать в буквальном смысле: станица должна была стоять в поле, а не в лесу, Далее и Чекалин и Шахматов в своем понимании фразы „под Караманским лесом“ невольно отразили свое местное Саратовское происхождение. Для Саратовского жителя под Караманским лесом и значит в сущности по сю сторону этого леса, ниже его между лесом и теперешним Саратовом. Между тем документы писаны в Москве и расположение сторож и раз‘ездов разсматривается не с Саратовской, а с Московской стороны. Сторожа в Вежках на Дону должна была высылать раз‘езды к Волге *„налево“*, а к Айдару—*направо*. Если бы этот документ составлялся южнее черты раз‘езда, то было бы как раз наоборот, т. к. стоя лицом к воображаемой линии раз‘езда мы будем иметь Дон с левой руки, а Волгу с правой. Т. о., слова „под Караманским лесом“ в данном случае ни коим образом не могут значить *ниже* этого леса, а как раз наоборот скорее по течению Волги *выше*. Кажется, это уже чувствовал и Чекалин, но его смутило то обстоятельство, что выше леса, т. е. в окрестностях нынешнего Баронска „даже в прошлом столетии (т. е. в XVIII), судя по археологическим изысканиям здесь академиков Палласа, Фалька и друг.“ не сохранилось никаких следов станицы. Во 1-х названные академики в данной местности и не производили никаких археологических изысканий, а затем, если даже станица и была около Баронска, то какие следы ее существования могли

сохраниться через две сотни лет? Документы ничего не говорят нам такого, что давало бы основание думать, что для этих станиц строились какие нибудь укрепления, следы которых могли бы сохраниться в течение столетий. А следы временного пребывания нескольких десятков человек так незначительны, что и искать их через сотни лет нечего Т. о., и здесь было бы правильнее придерживаться буквального понимания цитируемого документа. имея только в виду Московское его происхождение, т. е. понимать фразу „под Караманским лесом“ в смысле: по близости этого леса к С. от него. Если, далее, мы обратим внимание на то, какие линии раз‘ездов должна была обслуживать Караманская станица, то под большим сомнением останется и самое левобережное ее положение. Караманские станичники должны были ездить вверх по Волге до Тетющ, а вниз до верховьев р. Балыклея. В Балыклейском направлении они входили в соприкосновение с раз‘ездами из Вежков на Дону; несомненно, что в другом направлении должны были входить в связь тем или иным способом с гарнизоном г. Тетюш. Тетюши лежат на правом берегу Волги; с правой же ее стороны, на границах нынешних Камыш. и Цариц. у.у. впадает и Балыклея (в 250 верстах от Саратова). Вершины речки находятся у с. Чухонолтовки по течению реки в 50, а по прямому направлению верстах в 30 от Волги, Т. о. если бы наша станица находилась на луговой стороне, то станичникам, посылаемым из нее, приходилось бы обязательно переправляться через Волгу с одной стороны, чтобы попасть в Тетюши, а с другой—чтобы достичь верховьев Балыклея. За отсутствием положительных указаний в документах я не берусь утверждать, что Караманская станица находилась не на левом, а на правом берегу Волги, но при последнем положении ее задачи легче выполнимы и даже более действительны, т. к. именно по правому берегу Волги можно скорее найти те усторожливые места, о которых говорит наказ сторожевой службы. Приволжские возвышенности позволяют наблюдать на далекое расстояние как течение Волги, так и заволжские степи с их беспокойным населением; а приволжские ущелья дают возможность маленькому гарнизону станции укрыться в безопасное место при появлении неприятеля. Не нужно, ведь, забывать, что станицы, учреждались для наблюдения за движением неприятеля, а не для борьбы с ним. Повторяю, я не могу положительно утверждать, но считаю более вероятным расположение Караманской станицы именно на правом, а не на левом берегу Волги, где-то по близости Караманского леса. Для соображений о положении К. станицы можно извлечь и еще кое какие соображения из текста приговора. Раз‘езды до Тетюш занимали 4 дня времени, до Балыклея—около трех. Уже из такого определения времени пути до Тетюш ясно, что раз‘езды совершались по правому берегу Волги и потом кратчайшим путем. Чтобы добраться до Тетюш по луговой стороне пришлось

бы об‘ежать Самарскую луку. Как-бы ни были доброконны сторожа, но совершить при этих условиях всю дорогу в 4 дня невозможно. Тоже следует сказать и про Балыклейское направление. Косвенное подтверждение этих соображений можно усмотреть и в указе 1578 г., по которому раз‘езд из-под Тилеорманского леса доезжал до устья Терешки. Очевидно в данном пункте он входил в соприкосновение с каким-то другим раз‘ездом, следовавшим по нагорной стороне Волги.

Помимо раз‘езда из-под Караманского леса и из Вежков ногайская сторона охранялась и второй линией раз‘ездов, расположенной гораздо севернее их. Посмотрим теперь, как была расположена эта вторая сторожевая линия по приговорам 1571 г. на юговосточной окраине государства. По росписи мещерским сторожам—1-я сторожа стояла на речке Коргонаеве, притоке Барыш который в свою очередь впадает в Суру с правой стороны ниже Борончеева городища (теперь село Промзино). Эта сторожа высылала раз‘езды между Барышем и Сурой; гарнизон ее вербовался из ближнего Алатыря: 2-я сторожа на р. Мокше, впадающей в Суру с левой стороны несколько десятков верст ниже Пецы. Раз‘езды из нее должны были следовать с одной стороны до Мокшанского леса верст на 20, а с другой до впадения Шуки в Суру—верст на сорок. Стража посылалась из Кадома, Темникова и Алатыря. 3-я сторожа в числе шести человек из Темникова и Кадома стояла в верховьях речки Лошовки в пределах нынешнего Н. Лошовского уезда. Раз‘езд был только в одну сторону, по направлению к Мокшанскому лесу верст на 60. Четвертая сторожа была расположена на притоке р. Мокши—Ваде, верстах в 60-ти от третьей, с которой и сообщалась раз‘ездами Сторожа назначались из Темникова и Кадома. Затем следуют сторожи, управлявшиеся из Шацка. Первая из них была под Липовецким лесом, на р. Липовице, впадающей в Цну южнее Тамбова. Здесь стояло 6 чел. из Ряжска и из Шацка, которые раз‘езжали в одну сторону до леса верст на 20, а в другую (западную) до Цны верст 15. Вторая сторожа стояла на р. Челновая при впадении в нее речки Ламки. Сторожа (также из Ряжска и Шацка) ездили в обе стороны верст на 20. Рассматривая расположение этих сторож мы видим, что они далеко не представляли непрерывной линии, а между отдельными раз‘ездами встречаются промежутки притяжением по несколько десятков верст, оставленные без всякой охраны. Об‘яснить это можно тем, что кочевники при своих набегах на русские украины имели некоторые излюбленные дороги, которыми постоянно или преимущественно пользовались и вне которых не было смысло содержать караулы. Кроме того, места оставленные без призора расположены по теченью рек, покрыты огромными лесами, которые сами по себе служили достаточной охраной, против внезапного вторжения кочевников, будучи для них неодолимым припятствием. Безлесная степная окраина охранялась го-

раздо тщательнее и с крымской стороны мы видим непрерывную линию сторожевых раз'ездов. Такие ж непрерывные раз'езды мы видим и в пределах нашего края. Первый в направлении с запада на восток от Дона до Балыклеи и второй в направлении меридиональном—от Балыклеи до Тетюш.

В октябре того же 1571 г. состоялся боярский приговор о пожоге травы в степях. Целью этого мероприятия—было затруднить, повидимому, продвиженье кочевников, лишить их возможности скрываться в густых зарослях степной травы, о могучем росте которой дает понятие хотя-бы поэтическое описание Гоголя. Жечь степь предписывалось в октябре и ноябре, после заморозков, когда трава уже подсыхала, при ясной ведреной погоде, но при непременном условии, чтобы ветер был не на государеву, а в степную сторону. Предписывалось беречь от огня леса и лесные засеки. Выжигали и нашу саратовскую степь, для чего из Шацка высылалась особая станица из 6 ти человек.

Несмотря на все меры предосторожности для того, чтобы скрыть от кочевников места расположения сторожевых охранений, крымцы и нагайцы успевали разузнавать о них и многие станицы, как гласит документ 1577 г., от них громлены, и иные и взяты. Поэтому в этом году, уже при боярине Никите Романов. Юрьеве, расположение многих станиц было изменено и учреждены некоторые новые, в том числе одна под Тилеорманским лесом, находящимся при впадении Вороны в Хопер и простирающимся до пределов теперешней Саратовской г. Гарнизон этой станицы составляли станичная голова из Мещеры с своими товарищами и татары и мордва, живущие по Цне и Мокше.

По росписи 1578 г. мы видим, кто именно в предшеств. году стоял на этой стороже и в какую сторону делались от нее раз'езды. Вот что говорит документ. „В четвертом месте голова стояла меж Дону и Волги под Тилеорманским лесом с весны; из Мещеры станичная голова Посник Башкан с товарищи стал на месте апреля в 29 день, а людей с ним было его товарищи да атаманы мещерские, да мордва цненская да мокшанская да да шацкие казаки, всего 56 чел. Посника обменил Борис Свищов, стал на срок в Шацком на другое воскресенье петрова поста июня в 16 день, а на месте стал июля в 13 день, а людей с ним... 56 чел. Бориса обменил станичная голова Рохманин Вышеслевцев, стал на срок в Шацком на Семен день сентября в 1 день в неделю, а на месте под Тилеорманским лесом стал в пятницу на другой неделе после Семена дня, сентября в 13 день. А людей с ним было... 55 чел —А раз'езды станицам от тех голов были: направо вверх по Елани до Меловых гор.... а налево раз'езды были станицам к Волге до Змеева Камени, который камень лежит против Медвежья острова усть Керешки. А с вестьми станичники бегали, которые перезжали сакмы военских людей едучи к Меловым горам—в Шацкой, а которые станичники

перезжали сакмы воинских людей едучи к Волге к Медвежью острову, те станичники половина их бегали с вестьми к головам под Тилеорманский лес, а другая половина бегала в Темников". Раз'езды этой станицы к западу нас не интересуют, но тем более интересны раз'езды по направлению к Волге. Эти раз'езды шли все время по нашим степям, пересекая Балашовский, Аткарский и Саратовский уезды и заканчиваясь у устья Теремки, близ нынешних сел Чардыма и Усовки. Эта линия проходила гораздо севернее той, которая по приговору 1571 г. шла от Вежков к Балыклее и по всей вероятности была дополнением к ней, т. к. в документах 1586 г. Вежковская станица еще упоминается как существующая. Повидимому, одной линии считалось недостаточно и признано необходимым усилить охрану.

Станица под Тилеорманским лесом просуществовала недолго. Как видно из боярского приговора 94-го года „от 88 году и по ся места под Тилеорманским лесом головы не стояли потому сказывали головы станичные и станичники, что меж Дону и Волги воинские люди мало ходят, все ходят новою Каимиусскою дорогою, а и пойдут которые малые люди и придут на Олатырские места и на Арзамасские и на Мещерскую и на верхнюю на Мокшанскую и на Цненскую мордву —и тех людей сакмы об'езжают станицы арзамасские". Из того же документа мы узнаем о существовании еще одной линии раз'ездов, имеющей отношение к нашему краю. А именно с мещерской стороны 4 станицы ездили до волжской Переволоки и ниже „ в которых местах перелазят ногайские люди идучи в Крым или из Крыма в Нагай". Но эти станицы были не постоянными, а посылались по мере надобности в тех случаях, когда получались известия о намерениях ногайцев итти в Крым или в мещерские места.

В 1576 г. Караманская станица, по словам Чекалина, была перенесена, как не удовлетворяющая своему назначению, далеко на запад.... к Тилеорманскому лесу. Не ясно на чем основывает свое утверждение почтенный исследователь, т. к. в тех документах, на которые он делает при этом ссылку, никаких указаний на перенесение или уничтожение Караманской станицы не имеется. Если же вообще в последующих актах, опубликованных доселе, мы не находим никаких намеков на существование этой станицы, то подобное умолчание никоим образом не может приниматься за доказательство того, что она была уничтожена Дело об'ясняется гораздо проще. Все акты, на которых строят свои рассуждения о сторожевой службе Беляев и Чекалин извлечены из делопроизводства московского стола разрядного приказа, ведавшего дело военной обороны большей части московского государства, но всеже не в полном об'еме. Поволжье как раз находилось в ведении т. н. приказа Казанского Дворца, архивы которого все погибли. Т. о., естественно, что о сторожевой службе в нашем Саратовском крае никаких документов не сохранилось. Даже и те немногие данные, которые мы извлекли из докумен-

то в Разряда, попали в них случайно, только благодаря тому, что в 1571 г. кн. Воротынскому было поручено дело устроения сторожевой службы на территории всего государства, почему ему пришлось заняться сторожами, существовавшими и в области, подчиненной приказу Каз. Дворца. Но как только дело было организовачо, то часть его, которая относилась к Поволжью, вышла из ведома Разряда. Документ 1577 г. прямо говорит „а Олаторские сторожы в приказе у дьяка у Ондрея у Щелкалова в Казанском Дворце“. Т. о нет ничего удивительного, что мы ничего не знаем об устройстве сторожевой службы на Волге после 1571 г., т. к., повторяю, делопроизводство Казанского Дворца погибло. Поэтому мы должны с большой осторожностью относиться к показанию Беляева и, следовавшего за ним в данном вопросе, Чекалина о том, что при царе Өедоре Ивановиче была вчовь протянута линия раз‘ездов и сторож по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани и далее, даже до Терека. „Но здесь, говорит Беляев, был другой порядок. Службу эту несли преимущественно вольные волжские и яицкие казаки, жители степей, кажется, преимущественно татарского происхождения, зависевшие от своих атаманов и не знавшие другой власти. Они служили не по верстанью и не по окладам поместным и денежным, но из неопределенного и временного государева жалованья, смотря по службе. В грамотах им их иногда честили оберегателями земли русской и молодцами. Воеводы пограничных русских городов не были их начальниками; в Разряде они тоже не числились; русские города были для них только пунктами, куда они должны были приносить вести и приводить пленников и получать жалованье и распоряжение о службе. Жалованье им выдавалось деньгами, сукнами, свинцом, селитрой и даже вином“. Те документы, на которые ссылается при этом Беляев, относятся уже к XVII в. к царствованию Михаила Федоровича и лишь с большой натяжкой можно извлечь из них то, что мы сказали выше. Ближе к истине будет утверждение, что о сторожевой службе на Волге в конце XVI в. мы пока ничего, или почти ничего, не знаем. Но, как будто, какие то перемены в этом отношении у нас произошли. По крайней мере агент английской компании Христофор Борро, приехавший по Волге вниз в 1579 г., рассказывает, что на Царицынском острове, лежавшем на 7 верст ниже Переволоки, „русский царь в течение летнего времени содержит 50 пушкарей в виде стражи, называемой татарским именем „караул“. Между этим местом и Астраханью находятся 5 таких же караулов или сторожевых пунктов: 1) первый называется Каменный караул и находится в 120 верстах от Переволоки, 2) второй называется Ступин Караул; он отстоит от первого на 50 в., 3) 3-й называется Палой Караул; он находится в 120 в. от второго; 4) 4-й—Китчеур Караул в 50 вер. от третьего; 5) 5-й называется Ичкибрей, в 30 в. от четвертого, а также и от Астрахани“. Как мы видим, устройство этих караулов отли-

чается от сторож или станиц уже тем, что гарнизон их состоял из регулярного войска.

Как отправляли службу эти караулы—сведений не имеется, но несомненно, что их задачей была охрана безопасности сообщения по Волге и поэтому они также должны были иметь между собою раз'езды.—Чтобы покончить с вопросом о сторожах в XVI в. мы должны упомянуть еще об одном документе, а именно о карте России, составленной в начале XVI в. по чертежу царевича Ф. Б. Годунова. Эта карта, с посвящением царю Михаилу Федоровичу издана Герардом в 1614 г. но несомненно содержит в себе данные гораздо более раннего времени На ней, между прочим, показана линия засек „состоящая, как сказано на карте, из порубленных лесов и рвов, построенная царем Федором Ивановичем против вторжения крымских татар". Эта сплошная линия укреплений начинается почти с Днепра и проходя по южной границе государства, упирается на востоке в Волгу на половине расстояния между Саратовом и Царицыном. Несомненно, что составитель карты имел в своем распоряжении официальные чертежи пограничных сторожевых засек, о которых (чертежах) есть упоминания и в документах XVI в. Но также не подлежит сомнению, что на карте линия засек показана лишь приблизительно и схематически. В этом убеждает нас то обстоятельство, что до настоящего времени ничего не известно о следах засек и укреплений в южной части нашей губернии. Между тем, если бы засеки у нас существовали, то признаки их должны бы сохраниться, что мы видим напр. на валах, проходящих в Пензенском уезде к востоку от Пензы и представляющих остатки таких же укреплений XVII в.

Царс'вование преемника Грозного царя в организации сторожевого дела должно быть отмечено тем, что при нем особенно отчетливо начинает обрисовываться стремление правительства заменить временные сторожи и станицы постоянными укреплениями. При этом сторожевая линия, получая опору в этих укреплениях, начинает продвигаться все далее и далее на юг. 1 марта 1586 г. состоялся указ построить два новые города Ливны и Воронеж, первый на Сосне, а второй на Дону. В 1592 г. на Быстрой Сосне строится Елец, в 1595 г.—упоминается о новом укрепленном городе Кромах. В самом конце царствования Федора Ивановича был выстроен Белгород, далеко выдвинувшийся в степь за линию других украинских городов.

Этому же стремлению к замене временных сторож линией постоянных укреплений с гарнизоном, достаточно многочисленным не только для несения сторожевой службы, но и для защиты границ государства, обязаны своим происхождением и первые города на далеком юго-востоке тогдашнего государства а в частности и в пределах нашего края. Первым городом, возникшим на Волге ниже Тетюш, была Самара, построенная в 1586 г. Вскоре вслед затем строятся Царицын и Саратов. Время

и обстоятельство, при которых были сооружены два последние города, к сожалению, за полным почти отсутствием документов, имеющих непосредственное отношение к этим моментам, известны нам далеко не во всех подробностях. Но об обстоятельствах, сопровождавших построение Самары, сохранились довольно полные известия в т. наз. ногайских делах. Мы поставлены в необходимость несколько подробнее изложить содержание этих дел в части, относящейся до Самары, т. к., более чем вероятно что причины, по которым правительство решило поставить этот город и отношения ногайцев к данному факту теже самые, что и при построении Саратова и Царицына.

Итак, в 1584 г. т. е. в первый год воцарения Федора Ивановича, с послом Иваном Хлоповым было решено послать государево жалованье к нагайскому князю Урусу, преемнику знаменитого Измаила. Хлопов должен был сообщать официально о вступлении нового царя на престол и привести ногайских князей мирз и т. д. к присяге на верность России. Посол прибыл в Астрахань только в конце 1585 г., а первое свидание с Урусом состоялось уже в январе следующего года. При этом выяснилось что Урус считает себя обиженным московским правительством. На аудиенции, данной Хлопову, он, между прочим, жаловался, что „которые казаки воры живут на Волге и у меня лошади отгоняют и улусы воюют и крадут. И те казаки по запас ездят в Астрахань и лошади покупают в Астрахани. А который полон емлют в моих улусех и тот полон продают в Астрахани тезиком из Бухары". Хлопов оправдывался тем, что „которые воры казаки громят ваши улусы и государя нашего торговых людей на Волге грабят и тех людей велено сискивати... и казнити смертью; а вы-бы с своей стороны тех воров, по тому-ж побивали." Но Урус не удовлетворился таким об'яснением и продолжал настаивать на том, что астраханские воеводы покровительствуют бесчинствам казаков. Поэтому на речь посла он отвечал: „сказываешь. что воеводы казаков унимают, ано и сего лета при тебе, как ты был в Астрахани, приходили казаки и не однова на мои улусы и яз их побил и они тех мертвых возили в Астрахань." 16-го января при принесении присяги Урус вновь жаловался на разные обиды и между прочим требовал, чтобы государь велел свести казаков из Яика и с Волги и чтобы астраханские воеводы унимали казаков „как при прежнем государе было". Отношения Уруса с послом в конце концов испортились до того, что он приказал задержать Хлопова и в оправдание своего поступка осенью 1586 г. написал к царю грамоту с изложением своих обид. В этой грамоте находится и следующее любопытное место: „А приказал еси с ним (т. е. с толмачем Бахтеяром), что ты на четырех местах хочешь городы ставити: на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке. А теми места твои деды и отцы владели-ли? Поставил те городы для лиха и недружбы". Далее он жалуется на то, что „пришед на Яик казаков с 600—

700 поставили город большой". Поселение казаков на Яике и набеги, производимые ими но ногайские улусы, настолько беспокоили ногайцев, что среди них возникло решение, в случае если не удастся взять Яицкого городка, откочевать за Сыр-Дарью, т. е. в глубину Азии. В том же деле имеется отрывок из речей кн. Уруса, где вновь упоминается о постройке новых городов. „Да государь же ставит городы на Самаре и Белой Воложке и на Уфе и на Яике, и мне де как государевых послов й своих за то отпустить?" Жаловался на казаков не один Урус, то же мы видим и со стороны других ногайских владетелей. Так некий Хан-мурза писал царю: „А тебе было с Волги, с Яика и с Дону казаков свести; и буде похошь меня себе прямым другом имети, и ты-б с Волги и с Яика и с Дона казаков велел свести'" Пока шли эти пререкания между нагайцами и царским правительством дело постройки городов в землях, которые ногайцы считали своими, подвигалось. В том же 1586 г. Самара несомненно была уже построена и от сентября этого года мы имеем грамоту, адресованную „в новой Самарской город воеводе нашему кн. Григорью Осиповичу Засекину" об отпуске послов и о порядке их дальнейшего следования в том случае, если Волга станет раньше, чем они успеют проплыть водою до Астрахани. Вместе с тем в наказах русским посланцам, а также и в грамотах к мирзам правительство подробно об'ясняло причины построения новых городов с очевидной целью рассеять опасения, возникавшие у нагайцев по этому поводу. В грамоте к Араман-мирзе от имени царя было написано: „А мы на Волге ина Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никаков казак не воровал и на ваши улусы не приходил, того для есмя и город поставили на Самаре, чтоб и вашим улусам было бережнее, да и на Белой-Воложке город есмя для того поставили, чтоб вам от казаков не было воровства. А которые воры казаки будут на Яике или вверх Самары и вы б сослався в наш город на Самару с нашими воеводами на тех воров ходили с нашими людьми вместе и их побивали и, имая, вешали. А мы в Самарской город к воеводам нашим писали, а велели им с вами на воров на казаков, которые громят ващи улусы и наших торговых людей грамят, посылати стрельцов и казаков с вогненным боем с вашими людьми вместе и тех воров побивали и, имая вешать. И вы б ныне кочевали по Волге и по Самаре у нашего нового города без всякого опасения, как у своего города, с нашими людьми у Самарского города торговали; а убытка вам из того города ни которого не будет: для того есми городы на Волге, на Самаре и на Белой Воложке велели устроити, чтоб вам и вашим улусом от воров от казаков никакого убытка не было". В наказах послам говорилось почти тоже самое. „А будет Кучум мирза или иной который мирза учнут его спрашивати: для чего государь на Самаре и на Белой Воложке городы поставил? И... говорити: на

Самаре велел государь город поставить для их ногайских мирз для береженья, что они ко государю пишут на волжских казаков на воров что их улусы за все громят и те воры казаки на Волге и государевых торговых людей громят и грабят и побивают. И для того государь город велел поставити на Самаре чтоб им и их улусом от воров казаков ни которого убытка не было ни на Волге ни на Самаре. А которые воры на Волге и на Самаре были—тех государь велел переймати и казнити, чтоб вперед им ногаем жити по Волги и по Самаре и по Яику без боязни. А будут почнут воры жити на Яике и государь с Самары велел на тех воров с вашими людьми вместе посылать стрельцов, чтоб над ними промышлять с вашими людьми вместе и, их переймав, побивать, чтоб вам же было бережнее от воров от волжских казаков." Т. о., правительство во время старалось убедить нагайцев, что постройка городов русскими делалась в их же интересах, а также в интересах русского правительства, т. к. те казаки-воры, против которых воздвигались города, одинаково грабили как ногайцев, так и русских торговых людей. Вместе с тем правительство сделало попытку напрввить дело так, чтобы, хотя по видимости, инициатива в возведении новых укреплений исходила от самих кочевников, для чего очень удачно использовано одно случайное обстоятельство. В Астрахани как раз в это время проживал претендент на крымский престол некий Мурат Гирей. Он по понятным политическим соображениям был окружен необыкновенным внешним почетом. Как он сам говорил: „государь меня пожаловал, отпустил для нашего дела в Астрахань, да дал мне воевод своих ближних и великих людей; да дал мне волю над Волгою и над Теркою и над Яиком и над Доном и казакам велел быти в моей воле. И в тех городах, которые государь поставил, тоже мне приказал." Мурат-Гирей, как владетельный принц, принимал послов от ногайских князей и на одном из таких приемов, по внушению царских воевод, говорил послам: „Я вам говорю правду по своей вере по мусульманской: Урус деи князь простотует, а говорит, что которые городы поставлены—и те городы велит раззорить; а городы стали по моему челобитью государю, что писал ко мне Урус князь, что ему от воров от казаков теснота великая и я государю был челом. И государь для моего челобитья и Уруса князя оберегаючи и мирз всех и хотя видети Уруса князя так, как Измаила князя (т. е. своим другом) да велел поставити городы." Тоже писал Мурат-Гирей и в своей грамоте к Урусу.

Приведенные данные показывают, что постройка новых городов на юге-востоке вызывала неудовольствие ногайцев, но лишь тем, что нарушала их исконные права на владение приволжскими степями. Нет, однако, никаких следов того, чтобы эта постройка была направлена против самих нагайцев, по крайней мере жалоб с их стороны на это не сохранилось. Весьма воз-

можно, что в намерения русского правительства и входило стремление обезопасить путем постройки городов по Волге окраины государства от набегов кочевников, но подобное стремление стояло, по крайне мере официально на втором плане и было прикрыто другими, более очевидными мотивами. Главной задачей являлось обезопасить великий волжский торговый путь от нападений воровских казаков. На это определенно указывается в сохранившихся документах и не доверять таким указаниям у нас пока нет никаких оснований. А т. к. от казаков страдали и ногаи, то, попутно, представлялось возможным оказать защиту и им. Т. о., в данном случае интересы, обеих сторон как-бы совпадали.

ГЛАВА VIII.

Очень долго по вопросу о времени построения Царицына наша историческая наука должна была довольствоваться единственно предположениями и догадками. Даже сам великий Карамзин, несмотря на его удивительную осведомленность во всем, что касается русской древней истории, при всей необ'ятной эрудиции не мог точно ответить на этот вопрос. „В Большом Чертеже, говорит он, наименован город Царицын, но не нынешний, а древний татарский: ибо в другом месте той же книги сказано „р. Царица пала в Волгу против Царицына острова, а на острову стоял Царицын город“. О нынешнем Царицыне упоминается в разрядных книгах с 1600 г.: он построен, *вероятно*, Годуновым вместе с Борисовым около сего времени“. Наши местные историки по данному вопросу находились еще в более беспомощном положении, основываясь почти исключительно на темном народном предании. Главным основанием служила хранившаяся некогда в одном из царицынских учреждений рукопись неизвестного происхождения и, повидимому, довольно позднего времени (не раньше XVIII в), содержавшая в себе летопись г. Царицына. Список этой летописи, между прочим, имеется и в Сарат. О-ве Истории, Археологии и Этнографии в извлечении, сделанном прот. Лугаревым в 1840 г. Предание повествует, что Царицынская крепость первоначально была основана там, где ныне Царица сливается с Волгою. „До основания крепости на сих местах кочевали татары Золотой Орды. Дворец татарского царя Батыя стоял на том месте, где ныне церковь Ивана Крестителя. После Батыя Мамай тут не жил, а имел городок выше нынешнего Царицына по течению Волги, между 1-ю и 2-ю Мечетками, где еще и теперь видны следы развалин его городка. По основании крепости первые насельцы Царицына были казанцы и назывались пушкарями, казаками, конными и пешими, а после некоторые из них названы бобылями далее купцами и мещанами. По взятии Азова несколько семейств из него переведены в Царицын. Нынешняя же крепость Цари-

цынская была основана по повелению царя Ионна Васильевича Грозного в 1555 или 1556 годах, после покорения Астраханского царства, для безопасенья здешнего края от набегов беспокойных кубанцев. Она состояла из деревянных стен с башнями, каждая башня имела две бойницы; в них жители содержали стражу по два человека с огнестрельными оружиями; когда же кубанские татары делали набеги, то им на помошь давали по несколько женщин, которые доставляли сестные припасы, таскали камни, горячую воду и т. о. отражали штурм кубанцев". Не трудно заметить легендарный характер этого рассказа, составленного, очевидно, каким либо местным граматеем, соединившим кое как в одно плохо связанное целое исторические факты, вычитанные им из книг, и народные предания, слышанные от местных старожилов. К отзвуку народных преданий мы должны отнести сообщение о дворце Батыя на устье р Царицы. Народ стремился осмыслить это, так красиво звучащее название, и сложил не менее красивую легенду о татарской царевне, просвещенной каким-то отшельником, которая бежала из орды и хотела принять христианство, но при истоке этой речки была поймана гонцами отца и предана лютой смерти. К народным преданиям дожен быть отнесен и рассказ о женщинах, принимавших участие в отражении нападений кубанцев. Конечно, нет ничего невероятного, что на месте Царицына было когда-то татарское поселенье. Все низовье Волги усеяно развалинами или остатками татарских городов и я уверен, что при внимательном наблюдении можно было-бы наметить непрерывную цель таких городищ от самого Саратова и вплоть до Астрахани Находки татарских монет или кирпичей, столь обычные по берегам нижнего теченья Волги, легко могли вселить в умах русских поселенцев уверенность, что на месте русского селения стоял когда-то татарский город. А отсюда в представлении составителя сказания до дворца Батыя только один шаг. Но помимо этого предания непосредственная связь русского Царицына с татарским поселением поддерживается некторым и из исследователей нашей местной старины (напр., Ф. Ф. Чекалиным) еще в виду указания некоего Шерефетдина Булгарии, татарского „историка", жившего яко-бы в XVI в. о том, что на месте Царицына стоял татарский город Саричин, передавший свое название русскому преемнику. На летописи Шерефетдина Булгари мы будем еще иметь случай остановиться подробнее; пока же скажу, что пресловутая „история" есть не более, как компиляция половины XVII в. и в данном случае свидетельство его лишено всякого значения.

Основание Царицына в такую раннюю пору, как 1550-е г.г., совершенно невероятно. Несомненно, что и в исторических документах и в сообщениях путешественников, посетивших Волгу во второй половине XVI в., сохранились-бы хотя косвенные указания на существование города. В1569 г. окрестности нынешнего

Царицына были главным местом действия при предприятии турецкого султана Селима против Астрахани и при этом о Царицыне совершенно не упоминается, что было-бы невозможно при существовании здесь русского города. Русский посол Семен Мальцев, возвращавшийся от ногайцев и захваченный в плен турками, описывает обстоятельно поход султана Селима, но также не упоминает о Царицыне, хотя в тоже время говорит о двух казачьих городках на Волге. Из путешественников—только Борро, проехавший Волгою в 1579 и 1581 г.г. говорит о существовании на Царицынском острове караула, но и он ничего не сообщает о городе. Перетяткович и Чекалин принимают за год основания Царицына 1589-й, основываясь при этом на грамоте, в I т. Дополнений к Актом Историческим. Грамота эта от царя Федора Ивановича адресована „на Переволоку воеводам нашим кн. Григ. Осиовичу Засекину да Роману Вас. Олферьеву да Ивану Афон. Нащокину, которые говорится в грамоте, суды отпущены из Казани на Переволоку для лесовой возки с вами со кн. Григореем и с Иваном, и как даст Бог город и острог сделаете и вы бы у себя на Переволоке оставили для тутошних посылок из тех судов сколько пригоже для тутошних дел пригодятся, а лучшие б естя суды отослали в Астрахань на наши Астраханские обиходы и т. д.“. Грамота помечена 2 июлем 7097 г. Хотя грамота и издана не по подлиннику, а по списку, однако не внушает никаких подозрений в своей достоверности. Несомненно, что в ней речь идет о постройке Царицына, т. к. другого города кроме него, на Переволоке никогда не было. Могла бы внушить некоторое подозрение датировка документа, т. к. в примечании мы находим указание, что в другом его списке поставлено „лета 7096“ Я не знаю, почему ни Перетяткович, ни Чекалин не обратили внимания на это примечание, но оно во всяком случае лишает убедительности их категорическое утверждение, что постройку Царицына нужно отнести к 1589 г. Неизвестно также, по каким соображениям на этой дате остановились и издатели акта. При неведении этих соображений и при отсутствии подлинного документа —1588 год также вероятен, как и 1589. Некоторое отношение к данному вопросу можеть иметь и разбиравшаяся нами выше жалоба ногайского князя Уруса на постройку новых русских городов. В этой жалобе, относящейся к 1586 г., упоминается о намерении московского правительства поставить укрепления на Уфе, Белой Воложке, Самаре и Увече, но ничего не говорится про Переволоку. Можно думать, что если-бы до Уруса дошли слухи о предполагаемой постройке на Переволоке, то он помянул бы об этом в своих сношениях с царем, тем более, что Переволока была к ногайцам гораздо ближи и имела для них несравненно большее значение, чем Увек. На основании лишь приведенных фактов и соображений мы могли-бы, следовательно, сказать только одно: Царицына до 1586 г. еще не

существовало и что построен он в самом конце 1580-х г.г., по всей вероятности в 1588 или 1589 годах.

К счастью, в нашем распоряжении имеются документы, разрешающие все сомнения в пользу 1589 г. Сохранилось местническое дело между кн. Г. Засекиным и Романом Алферьевым (полностью в „Симбирском Сборнике" 105—112, в дефектном виде—„Труды" Сар. Ученой Архивной К-сии, вып. 33-й). Из этого дела с несомненностью видно, что Засекин и Алферьев были посланы на Переволоку для постройки города весною 1589 г. В этом-же деле, как доказательство, одной из тяжущихся сторон приводится та грамота, которая напечатана в I т. Доп. А. И.

Относительно происхождения названия нового города, как кажется, не может быть сомнений. Р. Царица, по имени которой назван остров, лежавший против места впадения ее в Волгу, дала свое наименование и поселению, основанному по близости ее. Это касается и вопроса о том, где был построен новый городок; на этот счет также как будто не может быть сомнений. Он является прямым преемником того караула на Царицынском острове, который видел Борро в 1579 г. Книга Большого Чертежа тоже определенно говорит по этому поводу: „а на острову лежал Царицын город." В конце 1880 х г.г. В. И. Холмогоров в Архиве М. М Ю. нашел документ, датированный 20 февраля 1597 г. а именно царский указ „как ему государю (т. е. царю Федору) своего дела и земского беречи от крымского царя и которым воеводам и головам велел государь быть по украинным городом и на берегу". При перечислении воевод по городам таковые указаны и в Царицыне „в новом городе на Царицыне острове воеводы кн. Иван княж Михайлов сын Елецкой да Василий Борисов сын Сукин, да голова Илья Степанов." Приведенные документы заставляют думать, что первоначально Царицын был построен на острове, лежавшем против устья р. Царицы. Этот остров как кажется не следует смешивать с т. назыв. Сарпинским островом, лежащим ниже нынешнего города. Тот остров, на котором некогда стоял город, был подобно многим другим островам на Волге смыт ее течением. Но он еще существовал в XVII в. и на нем царицынские жители пасли свои стада.

Положение города на Переволоке, на том месте, где Волга и Дон наиболее сближаются, делает совершенно ясным цель, которую имело правительство при его основании Это именно наблюдение за воровскими казаками, которые издавна пользовались Переволокою для перехода с Дона на Волгу и обратно. В Русской Истор. Б-ке напечатан (т. XVIII) документ правда, относящийся к несколько более поздней эпохе, а именно к началу XVII ст., но настолько хорошо характеризующий эту роль Царицына, что я приведу его почти целиком. „На Дону, доносил местный воевода кн. Волконский, в семи городках от

городка от Куншака да до Городка Голубых донских и ямцких казаков в сборе 600 чел., которые воровали в прошлом во 139-м году на Волге и на море бусы громили и торговых людей побивали и грабили; а ныне, государь, многие донские же казаки из нижних городков к ним прибираются и хотят итти нынече на весне на Волгу и на море воровать.... А на Царицын, государь, они воровские казаки хвалятся и хотят, пришед, город сжечь и людей побить за то, что. . им воровским казакам от царицынских служилых людей чинится теснота великая, везде их казаков на переходах побивают и в языцех емлют и приводят на Царицын. И Царицын де им, государь, воровским казакам стал пуще Азова: нигде де им от царицынских служилых людей с Дону на Волгу, и с Волги на Дон переходов нет.“ Т. о. Царицын являлся ключем к Волге, как Азов—ключем к Азовскому и Черному морям. Но помимо наблюдения за казаками Царицын являлся еще и пунктом наблюдения за ногайцами, которые пользовались Переволокой для сношений с крымцами и перехода на правый берег Волги и затем совместно с крымцами делали набеги на русские украйны.

Как мы только что видели наши сведения о времени и месте основания Царицына не отличаются обилием и полностью; еще более скудны они по Саратову. Но если Царицыном, в виду его еще недавней ничтожности, мало кто из местных историков интересовались, то нельзя того же сказать о Саратове. Литература, посвященная возникновению нашего города, достаточно обширна и не мало было положено труда местными любителями старины на выяснение темных вопросов из первоначального прошлого Саратова. Положенные таким образом труды имели по крайней мере тот результат, что точно установлена дата основания города. Что же касается вопроса о месте первоначальной постройки его, то еще и теперь по этому вопросу не достигнуто полного соглашения. Я попытаюсь дать здесь краткий историографический обзор этого вопроса. Щекатов, автор знаменитого Словаря географ. говорит, не указывая, впрочем, источников, на которых он основывается, что „Саратов построен был по указу государя царя Фед. Ив., в 1591 г.“ Карамзин, хотя в более осторожных выражениях, указывает ту же дату; „Пишут, что Саратов основан в 1591 г.: я не нашел того в современных известиях.“ Первый по времени из местных историков-Леопольдов в своем Истор. Очерке Сарат. края пишет, что Саратов основан в 1591 или 1592 г.г. В виду отсутствия документов, прямо говорящих о времени постройки города,—Соловьев ограничивается заметкою, „что Саратов построен при Федоре Ивановиче вместе с Санчурском и Царицыным. Очень подробно разбирает этот вопрос Перетяткович. „О времени основания г. Саратова и о мотивах, которые руководили правительством при построении его в известном месте, говорит наш исследователь, можно лишь догадываться. С левой стороны Волги, ниже р,

Самары, в нее впадают две довольно значительные реки: Большой Иргиз и Еруслан. Мы уже прежде не раз говорили о том значении, какое имели для ногайцев берега рек, по которым они летом располагались с своими улусами для кочевья; указывали также, что здесь им удобнее всего можно было выждать время, чтобы переправиться через Волгу и вторгнуться в пределы России. Еще Измаил желал основания на Иргизе русского города с воеводою и царь, признавая основательность его указаний, обещал ему исполнить его просьбу. Нам известно, что с присоединением к России Астрахани, этого ключа к азиатскому Востоку, по Волге начались довольно оживленные торговые сношения; особенно в конце XVI ст. встречаются на Волге часто суда с солью, которые, будучи по тем или иным причинам задержаны в Астрахани, принуждены были нередко останавливаться на пути и зимовать, не доезжая Казани, в низовых городах. Кроме того, почти с момента своего основания новопостроенные города являются центрами, куда приходят известия о беспокойных казаках и откуда воеводы рассылают воинских людей против смельчаков, собиравшихся на соседних реках для грабежа или для вторжения в русские окраины. Основанный при устье Б. Иргиза город был бы близок от Самары и слишком отдален от г. Царицына, что было бы невыгодно как для наблюдения за шайками казаков и черкас, так и для охранения Волги от перехода через нее ногайцев, для которых в таком случае оставалось бы свободною полоса около р. Еруслана и в других местах этого огромного пространства. Вследствие этих соображений в Москве могли притти к решению построить новый город посредине между Самарою и Царицыном, но ближе к Б. Иргизу, значение которого признано было еще кн. Измаилом и покойным государем. О времени же построения города Саратова можно заметить следующее: известно, что спустя год после построения Царицына (1590 г.) Саратов существовал уже на левом берегу Волги с эпитетом „нового города“ и воеводою в нем был в это время тот же кн. Григорий Засекин, которому, как мы видели кажется, поручена была постройка Царицына. Князь же Засекин с товарищем писали в Москву, что в то время, как они шли на Царицын (1589) к ним в Змеевых горах прибежал от черкас и от воровских казаков атаман Болдырь, который доносил им, что 150 чел. казаков отправились с своим атаманом грабить алатырские и темниковские места. Если принять во внимание значительность протяжения Змеевых гор, которые тянутся за г. Вольском по направлению к г. Саратову, а также и то, что с построением последнего он, как и Царицын, становится центром, куда сходятся известия о воровских казаках и откуда воеводы высылают команды против них по соседним рекам и местам, то следует предположить, что здесь г. Саратова еще не существовало, ибо, при существовании его, атаман Болдырь, повсей вероятности, явился бы с своими вестями в этот город,

а не кн. Засекину, который только проездом, следовательно случайно находился в этих местах. Вероятно Григорий Засекин, по окончании постройки Царицына отправлен был как человек, хорошо исполнивший прежнее поручение, для сооружения нового города Саратова, где уже и остался воеводою. Поэтому, может быть, Саратов и является в актах того времени. с эпитетом „нового города," ибо он был действительно *новый* сравнительно не только с Самарой, но и с Царицыном, после которого построен в низовом Поволжье."

В результате приведенного длинного рассуждения Перетятковичем устанавливаются два факта: 1—Саратов построен позже Царицына и 2—временем его основания следует признать 1590 год. Еще более подробно данный вопрос разобран одним из деятелей б. Саратовской ученой Архивной Комиссии Краснодубровским. Этот исследователь не привлек к рассмотрению новых по сравнению с Перетятковичем документов, а оперировал с теми-же самыми, лишь углубив и детализировав анализ. Выводы его вполне совпадают с выводами Перетяковича. Несмотря на их исчерпывающую полноту и доказательность они не встретили общего признания в среде местных историков.

Один из наиболее выдающихся в среде таких историков Ф. Ф. Чекалин представил VIII археолог. с'езду в Москве в 1890 г. обширный доклад под заглавием „Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый ее берег". Касаясь в этом докладе интересующего нас вопроса, он называет его спорным и дату 1590 г. считает проблематичной. В другом же месте своего доклада говорит, что Саратов основан не ранее 1582 г., т. к. Борро, проезжавший из Персии в 1581 г. еще ничего не говорит о нем. В труде своем „Саратовское Поволжье" он приходит к выводу, что Саратова еще не было и осенью 1586 г. В обоих этих случаях Чекалин, собственно говоря, следует тем же путем, каким дошли до своих выводов и Краснодубровский, а также и Перетяткович. Но от принятия их вывода его удерживало предвзятое мнение о преемственной связи русского Саратова с бывшим до него на том же месте татарским городом Сары-тау и об одновременном существовании двух городских поселений, носивших имя Саратова и стоявших: один на правом, а другой на левом берегу Волги, друг против друга, в том же положении, как теперь находятся Саратов и Покровск. К разбору этих мнений мы вскоре и перейдем, а теперь мне хотелось бы упомянуть еще об одном документе, имеющем отношение к установлению момента возникновения нашего города. На выставку, устроенную по случаю празднования 300-летия Саратова, горбатовским мещанином Н. П. Никифоровым было представлено Евангелие, писанное в 1577—9 г. г. попом Денисом Ивановым. На чистом листе этого Евангелия сделана надпись: „Лето 7098 месяца июля во 2 день на память положения пояса Пречистыя Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засе-

кин до Феодор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити". Остается глубоко пожалеть, что в свое время ни Евангелие, ни приведенная замечательная надпись не были обследованы специалистами по палеографии и дипломатике для установления подлинности книги и записи. Таким образом у многих местных любителей старины сложилось впечатление, что здесь имела место подделка, приуроченная ловким торговцем к юбилею, тем более, что Евангелие предлагалось для приобретения архивной комиссии. Всем имевшим дело с древними документами известны уловки продавцов с целью придать большую ценность своему товару, а также и то, насколько повышает ценность рукописи, если она имеет в себе так наз. *летопись*. Соображения, против которых, не имея в руках самой рукописи, трудно спорить. Но есть некоторые обстоятельства, которые могут служить и в пользу признания записи подлинной, тем более что мы даже можем судить о внешнем виде ее, т. к. комиссия, не имея возможности купить рукопись, озаботилась снять кальк с записи. Почерк записи, насколько можно судить по кальку, не внушает никаких подозрений и без всякой натяжки может быть признан за почерк конца XVI. нач. XVII ст., хотя, видимо он принадлежит лицу не очень опытному в письме и напоминает почерк малограмотного человека, самоучкою усвоившего себе трудное искусство письма. Характер записи, так не подходящий к содержанию книги, также не должен удивлять нас. На богослужебных книгах можно встретить записи самого разнообразного содержания. Доказательством может служит описание любого рукописного собрания. Так что нет ничего удивительного, что владелец Евангелия, пораженный далеко не обыденным явлением, как им является постройка нового города, увековечил своею записью это событие. Очень жаль, повторяю, что книга не описана во всех подробностях специалистом. Б. м. нашлись-бы указания и о том, где сделана запись. Можно догадываться, что запись, если только она подлинная, сделана в Казани или ниже ее, т. к. лес для постройки низовых городов, как мы видим на примере Царицына, сплавлялся из Казани. Но это, конечно, одно лишь предположение . До некоторой степени в пользу достоверности надписи говорит и то, что она обнаружилась на свет уже в начале 1891 г., всего через год после выхода в свет того сборника Трудов, в котором напечатан был доклад Краснодубровского о времени основания Саратова. Труды архивных комиссий имеют так мало распространения, что трудно допустить, чтобы в такой краткий срок горбатовский подделыватель мог ознакомиться с выводами Краснодуброрского и воспользоваться ими для своей подделки. А кроме как из этого доклада он не мог ни откуда извлечь таких данных о времени закладки города и лицах, принимавших в ней участие. Более чем вероятно, что запись независима от доклада Краснодубровского, а в таком случае неизбежен вывод; что она современна или близка по

времени к тому событию, которое ею зафиксировано. Повторяю, что нельзя делать окончательного заключения не имея в своих руках подлинного документа, но пока есть много вероятия в том, что трактуемая запись подлинна и к показаниям ее мы можем отнестись с доверием. Сопоставляя с нею выводы Краснодубровского и Перетятковича, мы можем сказать, что Саратов построен в 1590 году и даже отнести это обстоятельство ко 2-й половине года, т. к. плоты с лесом на место постройки не могли прибыть ранее половины июля. Весьма может быть, что среди необ'ятного моря неразобранных и не опубликованных документов московских архивов со временем найдутся и другие документы, проливающие свет на данный вопрос. Пока же приходится ограничиться сказанным.

Установив, насколько это оказалось возможным, время основания Саратова, мы переходим к установлению также и местоположения его в 1590 г. Этот вопрос также очень долго был спорным и нельзя сказать, чтобы и до настоящего времени в отношении к нему наблюдалось полное единомыслие. Для того, чтобы притти к выводам, мы поставлены в необходимость, как бы ни показалось это утомительным, изложить мнения историков, имевших случай касаться этого вопроса. Конечно, как и следует ожидать, это будут почти исключительно соображения местных исследователей, т. к. для общих историков вопрос представляется не более, как частностью

По мнению Леопольдова Саратов основан на левом берегу Волги, при устье впадающей в нее р. Саратовки и что „сей небольшой город, которому судьба определила впоследствии сделаться столь значительным в государстве по своей торговле и многочисленному населению,... оставался на месте первоначального основания своего только 7 лет, *как говорит предание*. Нахлынувшие ордынцы разорили его до основания. Жители ушли за Волгу и спаслись в ущелиях, лесах и на островах. Так говорит предание. Развалины его доселе видны на пространстве 22.500 кв. саж., Он недолго оставался на прежнем месте... пепелище или развалины его доказывают, что он занимал небольшое пространство“.

Шахматов говорит: „Несомненно, что г. Саратов первоначально находился на луговой стороне реки Волги, на левом ее берегу, отделявшемся от коренного течения реки большим островом при устье речек Саратовок, которые впадали в рукав Волги... на месте прежней раз'ездной Саратовской станицы. В доказательство своего мнения Шахматов ссылается на Щекотовский словарь и книгу Большого Чертежа, в которой сказано: „Ниже Иргиз реки—Караман река, а ниже Караман реки 40 верст на Волге—г. Саратов. Под Саратовом пала речка из озера, а другая речка пала из поля“.

Проф. Перетяткович пишет: „что спустя год после построения Царицына Саратов существовал уже на левом берегу Волги“. Таким образом мнение о том, что Саратов в 1590 г. был по-

строен на луговой стороне Волги, при впадении в один из ее притоков р. Саратовки, т. е. версты на 2 выше современного гор. Покровска, сделалось господствующим и очень долго не подвергалось никаким сомнениям. Основывалось оно не на прямых указаниях источников, так как таковых не имеется, а на соображениях разного свойства. Для Леопольдова это только предание, которое он принимает на веру, так как подтверждение ему видит в развалинах старого левобережного Саратова. Шахматов утверждает свое мнение на том, что Саратов прежде всего является преемником Караманской, или как он называет, Саратовской станицы. По его же соображениям, эта станица стояла как раз на устье реки Саратовки. Во-вторых Саратов по его убеждению был основан для защиты русских границ от нападений кочевников, населявших заволжские степи, и потому, якобы, и должен был стоять на луговой стороне. Последнее соображение, повидимому, имеет силу и для Перетятковича, что доказывается выдержкой из его труда, которую мы приводили выше. Чекалин с одной стороны разделял это мнение, так как в „Саратовском Поволжье" он утверждает, что Саратов возник на месте упраздненной Караманской станицы, на устье речки Саратовки, где нашли его Олеарий в 1636 и 1638 гг. и Стрюйс в 1669 г., а именно в 4 верстах от Волги на гладкой равнине при рукаве который Волга отделяет от себя в левую сторону. Приведя свидетельство из кн. Б. Чертежа, Чекалин говорит „все это несомненно указывает нам на то, что Саратов первоначально основан там, где и в настоящее время сохранились еще следы его существования, т. е. на рукаве Волги, с северной стороны устья речки Саратовки, где она под острым углом впадает в этот рукав; находясь под стеною города этот рукав получил русское название Застенной Воложки". Но затем, анализируя один документ 1614 г., о котором ниже мы будем говорит подробнее, Чекалин пришел к совершенно неожиданному выводу, что одновременно с левобережным Саратовом был основан город и на правом берегу, на том месте, где он стоит и по сию пору. Тот же документ побудил другого местного историка—В. П. Юрьева притти к заключению, что Саратов 1590 г. был построен на правом берегу, а именно на месте, где теперь находится Увек. К сожалению почтенный автор, напечатавший обширную статью по этому вопросу в одной из Саратовских газет, не развил подробно своих рассуждений, ограничась ссылкою на наличие у него никому неизвестных и неопубликованных документов, чем и лишил возможности других проверить его выводы.

В сравнительно недавнее время, а именно в 1913 г., один из молодых ученых П. Г. Любомиров, ныне проф. Саратовского университета в докладе архивной комиссии, оставшемся не напечатанным, сделал попытку доказать, что Саратов в 1590 г. должен был стоять на правом берегу и именно на Увеке Проф. Любомиров в своих соображениях исходил из политиче-

ской ситуации, сложившейся в низовьях Волги в конце XVI в., а также и из скудных материалов, представляемых картографией. Я не имею возможности привести полностью доказательств нашего дорогого земляка, но по существу вполне согласен с ним в той части его доклада, где он обосновывает „правобережность“ Саратова. Прежде всего необходимо иметь в виду, что в распоряжении историков нет ни одного документа, свидетельствующего о том, что в 1590 г. город был построен на левом берегу Волги. Ссылки, которые, например, делает Чекалин на Олеария или Стрюйса, видевших Саратов на луговой стороне, в данном случае не имеют доказательной силы, так как наказная память 1614 г. и другие документы этого вида указывают, что в жизни первоначального Саратова втечении смутного времени произошла какая-то катастрофа, после которой город погиб и на месте его осталось только пепелище или городище. Все представители мнения о левобережности, первоначального Саратова основывают свое мнение на общих соображениях, но эти же соображения говорят скорее против такого мнения. В самом деле, положение о преемственной связи станицы, основанной в 1571 г. под Караманским лесом, с последующим городом весьма основательно, взять в расчет хотя бы то обстоятельство, что Царицын занял место Царицынского караула, Камышин—место временного острожка и т. д. Но это положение мало убедительно как аргумент в защиту левобережности Саратова, так как такая левобережность не установлена и для Караманской станицы. Напротив, как я старался показать в прошлый раз, гораздо больше данных за то, что она стояла на правом берегу Волги. Также мало убедительно и приводимое защитниками левобережного положения Саратова 1590 г. соображение, что он был основан в защиту русских пределов против набегов кочевников, в частности нагайцев, занимавших степи между Волгой и Уралом. В предыдущей главе уделено не мало места пререканиям нагайцев с московским правительством по поводу предпринятого им в 1586 г. устройства ряда городов на земле, которую ногайские князья считали своей вотчиной. Припомним, что между прочими предполагаемыми городами упоминался и город на Увеке, т.-е. другими словами тот же Саратов. Во всех этих пререканиях нигде не проскальзывает боязнь или неудовольствие нагайцев на то, что новые города воздвигаются против них; выражалось только неудовольствие, что нарушены права исконных обладателей степи. В уверениях московского правительства мы все время видим, что новые города строятся не против нагаев, а против казаков в защиту нагаев. Нет никаких оснований не верить этому. Уже к концу царствования Ивана Грозного нагайская орда пришла в такой упадок, что для русского государства она опасности никакой не представляла.

Нагайская орда сильно ослабела от внутренних неурядиц, мора и т. п. В 1580 г., например, князь Урус, рассердившись на

московского царя „нарядился на Русь воевать и на коня сел". Но явились мурзы вместе с лучшими людьми нагайскими, ссадили князя с коня и начали ему говорить: „как тебе итти на Русь!.. нынче на Волге везде сторожа и они тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдешь—московские люди будут наготове". Из этого уже видна слабость нагайцев. Сторожи в несколько десятков человек, раскинутые на много верст друг от друга, служили для них серьезным препятствием. Но помимо собственной слабости нагайцев от нападений на Русь удерживали и соображения другого рода. К этому времени торговая связь с Русью настолько окрепла, что торговые выгоды оказались значительнее и заманчивее неверной добычи, которую можно было получить во время набега или открытой войны с Русью. Те же мурзы, которые ссадили с коня кн. Уруса на предложение воевать с Россией рассудили, что „со государем и великим князем не воевать, а только со государем воевать—и их земле будет во всем убыток". Из грамот Уруса видно, в чем состоял этот убыток: он просит царя, чтобы тот его нагайцам „освободил ходить с торгом—к Москве ходили бы с лошадями, а с овцами и коровами—ходили бы в Казань". Из других сообщений самих же нагайцев мы знаем, что раздоры с Русью грозили им полным отсутствием предметов первой необходимости так что не в чем быдо даже похоронить мертвеца. Поэтому охотники пограбить из нагайцев старались производить свои набеги таким образом, чтобы ответственность за них не падала, по крайней мере, официально на всю орду. Для этого они тайком перебирались на правый берег Волги и соединялись для нападений на русские украины с крымцами или с своими сородичами казыева улуса. Быть может русское правительство и имело не высказываемую мысль постройкой городов по Волге затруднить такие переходы грабителей, но все же главной целью, преследуемою при этом, было наблюдение за казаками. О волжских казаках мы имели уже случай говорить довольно подробно и потому нет надобности распространяться об этом в настоящей главе. Но развитие торговых сношений по Волге привлекло на нее в целях наживы и донских воровских казаков, основавшихся на Дону как раз в половине XVI в. и вскоре сделавших Волгу главной ареной своих подвигов. Для перехода с Дону на Волгу они пользовались или тем местом, где эти две реки наиболее сближаются, т.-е. так наз. Переволокой, или же притоками Дона, верховья которых подходят почти к самой Волге. Такими притоками являются главным образом Иловля, истоки которой находятся всего в 12—15 верстах от Волги и Медведица, притоки которой Карамыш-Латрык подходят к Волге еще ближе Что касается Иловлинского волока, то уже со 2-й половины XVI в. донская вольница начинает переходить им на Волгу и образует там разбойничьи шайки под предводительством известных и неизвестных истории атаманов. Переход этот верховские казаки совер-

шали поднимаясь в лодках вверх по Иловле и переволакивая их затем у устья р. Мокрой Ольховки в Камышинку. О том, что казаки пользовались для перехода на Волгу и Медведицей с ее притоками доказывается командировкой атамана Болдыря в 1590 г. против воровских казаков, разбойничавших на Медведице.

Как мы видели выше Царицын был поставлен на Переволоке с целью запереть донским казакам путь на Волгу. Естественно, что подобную же цель преследовало правительство и при построении Саратова. А при этом условии его положение на левом берегу мало об'яснимо, но тем более приемлемо положение его на нагорной стороне. Несомненно, что главным средством предупреждения прорыва казаков на Волгу были раз'езды, наблюдающие за их движениями. Т. к. приближение казаков могло ожидаться только с запада, а не с востока, то и раз'езды должны были следовать по горной, а не по луговой стороне. При этом условии и пункт, из которого посылались раз'езды, должен был стоять на той же стороне, т. к. иначе предстоял бы совершенно непроизводительный труд по переправе отрядов через Волгу. Наблюдение за волжскими казаками также удобнее из пункта, расположенного на возвышенностях правого берега, с которых открывается к тому же широкий вид и на Заволжье, что должно было облегчать и наблюдение за ногаями, если бы их орды появились в степи. Но кроме этих общих соображений, подтверждающих большую целесообразность, а следовательно и возможность постройки Саратова на правом берегу, в нашем распоряжении имеется и документ, подтверждающий это. Мы говорим о карте России, упоминаемой уже раньше, издания 1614 г. Эта карта составлена Гессенем Герардом по собственноручному чертежу царевича Федора Борисовича, т. е. по данным, предшествовавщим 1604 му году. На карте показаны в нашем поволжье Самара, Саратов и Царицын, причем все три города занимают их настояшее местоположение и Саратов, поэтому, стоит на правом берегу. Карта вообще составлена очень тщательно и положение городов означено на ней довольно точно. Поэтому у нас нет никаких оснований оспаривать ее достоверность. А при таком условии мы должны признать, что по официальным данным московских канцелярий, легшим в основу чертежа царевича Федора Б-ча, Саратов находился на правой стороне Волги. На правом же берегу показан Саратов и на карте Массы, современника 1-го Самозванца. Эти документы, подкрепленные общими соображениями, не оставляют нам сомнения, что наш город в 1590 г. возник на нагорной стороне Волги. Юрьев, о котором я упоминал, ищет место постройки на Увеке, основываясь, повидимому, на упоминании кн. Уруса об этом пункте, за Увек стоит и проф. Любомиров, соображения которого базируются кроме того и на памяти 1614 г. Я, основываясь на той же памяти и некоторых других указаниях, придерживаюсь другого мнения. Но прежде чем развить его, считаю нужным привести здесь память

т. к. нам придется проанализировать ее. Память эта или наказ дана стрелецким головам, которые 17 мая 1614 г. были отправлены из Самары в Астрахань для промысла над Ивашкой Заруцким, Мариной и ее сыном. В наказе предписывалось следовать до Астрахани спешно, не останавливаясь. Между тем, как оказалось из отписки голов, они несколько задержались в путь, т. к. по дороге заезжали на Саратовское городище, где копали ямы и искали „поклажев“, а от городища заезжали к Саратову „близко десяти верст“. Это промедление и повлекло за собой выговор, который содержится в памяти. „Лета 7122 мая в 23 день по государеву царя и вел. кн. Михаила Фед. всея Руссии указу. Писали вы к боярину и воеводам ко князю Ивану Никитичу Одоевскому да к окольничему Семену Васильевичу Головину да к дьяку Юдину (в Казань) что вы приехали на Саратовское городище мая в 21 день. И вы из Самары отпущены в 17 день мая и велено вам ехати к Астрахани наспех днем и ночью и вы ехали от Самары до Саратовского городища полчетверта дня... Вы то делаете не гораздо: заезжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажаев, а от города заезжали к Саратову близко 10 верст и прислали.... колокола; а мы вас послали наспех, не ямы копать и не поклажаев искать и не для колоколов“. Грамота писана на Саратовском городище. Разбирая наказную память, П. Г. Любомиров приходит к заключению, что под Саратовским городищем следует разуметь развалины Увека, несомненно 300 лет тому назад еще в значительной степени сохранившие следы древнего богатого города и соблазнившие голов порыться в них в поисках за скрытыми сокровищами. Разделяя в полной мере мнение проф. Любомирова о том, что Саратов до эпохи смутного времени стоял на правом берегу Волги, мы не можем не указать на некоторую натянутость утверждения, что под Саратовским городищем необходимо видеть Увек. Во первых, сколько нам известно, Увек в конце XVI и начале XVII в. так и называли Увеком. Свидетельство об этом нам оставили англичанин Христофор Борро, сопровождавший в 1579 г. транспорт английских товаров от устья С. Двины водным путем до Каспийского моря, книга Большого Чертежа, а также и жалоба ногайцев. Борро указывать даже очень точно широту Увека или, как он называет, „Oueak“, а (51° 31' N). Книга Б. Чертежа помещает Увешинекое городище ниже впадения в Волгу реки Увеши. Во всяком случае в описываемое время название этого урочища на Волге было известно и, думается, если-бы головы стрелецкие заезжали для поиска поклаж на Увекское городище, то они его этим известным волжанину именем и назвали бы. Не говорим уже о расстоянии Увека от Саратова, безразлично какого:—ни при каких условиях это разстояние нельзя уложить в 10 верст. (От левобережного, напр., Саратова до Увека не менее 17—18 в.). Не считаться с этим обстоятельством мы не имеем права. Во вторых, докумен-

ты, напечатанные в Актах Исторических и касающиеся экспедиции в Астрахань против Заруцкого, достаточно рельефно рисуют нам необходимость самой спешной посылки в Астрахань военного отряда. Необходимо было „захватить змею еще в норе“, как говорили казаки, и с этою целью, с целью воспрепятствовать Заруцкому скрыться из Астрахани, и был послан передовой отряд на легких судах. Отряд этот на четвертый день после отправления из Самары был уже в Саратове, несмотря на неблагоприятную погоду, но даже и такая быстрота вызвала неудовольствие воевод. Был дорог каждый час, каждая минута Сами воеводы с главными силами всего на два дня отстали от передового отряда. Вместе с тем, по каким-то пока неизвестным нам обстоятельствам, головы должны были заехать и в Саратов. При такой спешности, думается головы не рискнули-бы прежде сплыть ниже Саратова в Увек для раскопок, а потом *против воды* на гребных судах возвращаться в Саратов. При этой операции промедление вышло-бы так велико, что дело едвали-ли бы ограничилось одним выговором. Высказанные соображения заставляют нас отнестись с сомнением к тому, что под именем Саратовского городища, о котором говорится в наказной памяти, следует видеть Увек. Документ настолько ясен в этом случае, что поневоле приходится принять, что Саратовское городище и было в самом деле городищем Саратова, оставшимся после его разрушения. Разрушение не могло иметь место особенно задолго до 1614 г., было еще у всех в памяти и поиски на городище со стороны стрельцов, быть может даже раньше живших на этом месте, во всяком случае скорее допустимы, чем раскопки развалин Увека, погибшего сотни лет назад. Теперь перед нами возникает вопрос о том, где же лежало то городище, на которое заезжали стрельцы. В связи с этим вопросом подлежит разрешению и вопрос о месте, на котором был построен Саратов в 1590 году. Если допустить вместе с проф. Любомировым, что воеводы Туров и Засекин построили город приблизительно в районе нынешней Казанской церкви, то перед нами возникает неразрешимый вопрос, как согласовать показание наказной памяти о расстоянии между городищем и Саратовом с действительным расстоянием, отделяющим тот пункт волжского берега, на котором находится Казанская Церковь, и известными нам остатками левобережного Саратова на стрелке, образуемой слиянием Саратовки и Воложки. Если в межень, когда ход по Волге затруднен островами и песками, и можно бы с грехом пополам намерить между этими точками десять верст, то в половодье, а к тому именно времени и приурочивается экспедиция против Заруцкого, от правого берега Волги до левого едва-ли будет больше 5—6 верст. Остаются только два предположения: или „память“ содержит в себе неверные данные, или же Саратов 1590 года лежал, хотя и на правом берегу Волги, но не в районе нынешнего Саратова. Для „опороченья“ показаний наказной памяти мы не

имеем никаких оснований. До настоящего времени она ни у кого не вызывала сомнений. Для обоснования второго предположения также до самого последнего времени не имелось никаких данных. Теперь попытаемся на основании одного, ставшего нам недавно известным, документа высказать несколько соображений о том, где следовало-бы, по нашему мнению, искать Саратов 1590 г., а с тем вместе и Саратовское городище наказной памяти. В местном историческ. архиве имеется переданное из сената дело, на первый взгляд как бы и не имеющее отношения к вопросу. Заключается оно в том, что некто В. Г. Попов просил министра юстиции отмежевать в его владение сенокосную пожню, состоящую в Чардымском и Курдюмском займищах, и купленную им у саратовской мещанки Т. Смирновой. Саратовская межевая контора отказала Попову в его просьбе, т. к. земля, на которой находится пожня, отходила во владение г. Саратова, а Смирнова во время межевания городских земель не представила никаких крепостных на нее документов. Попов при своем прошении на имя министра представил, копию с определения межовой конторы от 16 июля 1827 г., в которой, между прочим, перечислены и приведены дословно все крепости на пожню, доставшиеся Попову при ее покупке. Располагая эти документы в хронологическом порядке, мы получаем: 1) купчую на продажу пожни Смирновой Попову 10 декабря 1826 года, 2) дарственную на пожню, выданную Смирновой ее отцом, пахотным солдатом И. Я. Лапшиным в марте 1792 г.; 3) купчую на продажу пожни вдовой посадского человека А. Никоновой саратовскому отставному пушкарю Я. Т. Лапшину 17 ноября 1758 года и 4) владенную запись на пожню от саратовского воеводы Г. С. Исупова саратовскому конному стрельцу Климке Гордееву от 27 июля 7189 г. Последний документ настолько для нас интересен, что мы приводим его здесь полностью: „Лета 7182 (sic) июля в 27-й день бил челом великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичу всея великие и малые и белые России самодержцу, а на Саратове в приказной избе воеводе Гавриле Семеновичу Юсюпову подал челобитную саратовский конный стрелец Климка Гордеев, а в челобитной его написано, чтоб великий государь пожаловал его, велел дать половину пожни Любимовской Фуфая выше *старого города Саратова* у брода в межах:—по стороне Спасских старцев рубеж сухой ерик, от горной стороны ерик с водою, от степи пожня иноземца Ивана Корсака, с нижней стороны по низам, коею пожнею ныне владеет сын его Любимов Петр Фуфаев. И в прошлом в 188-м году он Любимов умре и сыну его Петру та пожня сенной покос одному велика:—становится на том покосе копен по 100 и больше и притом (sic) сенной покос сумежников иных пожень допросить, что на той пожне становится сена много. И против челобитной и пометы воеводы Гаврилы Семеновича Юсюпова на Саратове в приказной избе перед воеводою Гаврилом Семеновичем Юсюповым сара-

товские стрельцы Ивашка Поморицкий, Костька Саманихин сказали по святости Христовой евангельской заповеди Господней:— в прошлых де годах на *старом городе Саратове* пожнею Любим Фуфай и в прошлом-де во 188-м году он Любимов умер, а ныне владеет де тою пожнею сын его Любимов Петр и на той-де пожне становится копен по 200 и больше и ему-де Петру одному та пожня велика. И по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея великие и малые и белые России самодержца и по помете воеводы Гаврилы Семеновича Юсюпова и по сей выписи велено ему Климке тем сенным покосом половиною пожни Любима Фуфая сына его Петра с ним тем сенным покосом владеть. Подлинную подписал воевода Гаврила Юсюпов". Документ, благодаря неоднократной переписке, дошел до нас уже в искаженном виде. Однако эти искажения не настолько значительны, чтобы мы не могли восстановить его в исправном виде. Под именем Г. С. Юсюпова не трудно угадать Г. С. Исупова, бывшего на воеводстве в Саратове в 7189 г., как видно из его челобитной, находящейся в Московском архиве м-ва юстиции. Также легко исправляется описка и в начале текста. Из самой выписи видно, что она могла быть дана только в 189-м году, а никак уже не в 182-м. Предположить же, что в тексте вместо 188-го должен быть другой, более ранний год, нельзя потому, что: во первых, в 182 г. воеводою в Саратове был М. И. Глебов, а во вторых, Г. С. Исупов воеводствовал у нас только один раз. В сушности, для наших целей совершенно было бы безразлично в 182 или 189 г. г., дана грамота. Если мы здесь распространяемся об этом обстоятельстве, то единственно для того, чтобы устранить всякие сомнения в подлинности существования такой выписи. Другие, упомянутые выше документы на владение пожней, мы приводить не будем даже и в выдержках. Указали же мы на них и привели в хронологический порядок для того, чтобы показать тожество пожни, отказанной в 1681 г. К. Гордееву, с той, которую в 1828 г. купил Попов и которая находилась на землях, присвояемых г. Саратову в Чардымских и Курдюмских займищах. Из документов ясна преемственность владения пожней за время с 189-го по 1828 г. и с несомненой очевидностью явствует, что пожня, об отмежевании которой хлопотал Попов, и пожня, отданная воеводою Исуповым в 189 г. Гордееву, составляют одно и то же владение. Нет надобности особенно распространяться о том, на котором берегу Волги, т. е. на горном или луговом, находилась пожня. Из сенатского дела и приложенной к нему копии определения межевой конторы видно, что она вошла в состав Саратовских городских земель. Это обстоятельство указывает на то, что пожня была на правом берегу Волги, если даже не обращать внимания, что владелец указывает положение ее в Курдюмских лугах. Уже с половины XVIII в. Саратовцы не заявляли притязаний на земли, лежащии по луговой стороне

и земли эти, став казенными, поступили в надел соляным возчикам и колонистам. Признав таким образом, что пожня Попова (Гордеева тож) лежала на горной стороне в Курдюмских лугах, мы должны признать определение ее местоположения во владенной выписи 189 г. *выше старого города Саратова; на старом городе Саратове* довольно странным в том случае, если будем считать таким старым городом известное нам городище между Покровском и х. Шаловым на р. Саратовке. Во первых, это известное нам городище слишком далеко от Курдюмских лугов, чтобы служить исходным пунктом для более точного определения положения того или иного угодья в них; во вторых,—довольно необычно было-бы определение правобережного урочища по пункту, находящемуся далеко на противуположном берегу Волги, и в третьих, если даже признать второе наше положение недоказательным, такое определение было-бы и совершенно бесцельно. Ведь все Курдюмские и Чардымские луга во всей своей совокупности лежат далеко выше левобережного Саратовского городища и указать в документе, что пожня, расположенная в Курдюмских лугах, находится выше такого городища,—все равно, что не сказать ничего. Наконец, самый текст грамоты говорит, что пожня находилась где-то у самого старого города Саратова, в непосредственной близости от него. Единственным допустимым в данном случае об'яснением является признание, что во второй половине XVII в. саратовцам было известно и памятно местоположение старого Саратова, не того левобережного Саратова, который в 1623 г. посетил Котов и в 1636—38 видел Олеарий, а именно старого, правобережного Саратова, построенного в 1590 г. воеводами Туровым и Засекиным, погибшего в смутное время, и на развалинах которого в 1614 г. стрельцы искали поклаж и ямы рыли. При таком допущении становится понятной и та фраза наказной памяти 23 мая 1614 г., которая до сего времени так трудно поддавалась толкованию и вела к ошибочным заключениям. Эта фраза: „заезжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажев, а от городища заезжали к Саратову близко десять верст." Если это городище было где-то в Курдюмских лугах, выше позднейшего Саратова то конечно, стрельцы сначала заезжали на него, а потом к Саратову. Если же признать, что местом своеобразных стрелецких археологических раскопок был Увек,—то стрельцы никак не могли сначала заехать в Увек, а потом к Саратову, т. к. левобережный Саратов гораздо выше Увека и по той постепенности в изложении событий' какая свойственна старинному приказному слогу, мы в праве были бы ожидать в памяти указания не на заезд с городища в Саратов, а на возвращение. Тоже самое и в том случае, если согласиться с проф. Любомировым, что Саратов 1590 г. построен у нынешнего Глебова Оврага. Эта местность также по течению ниже левобережнаго городища. Итак, как ни странно покажется это на первый взгляд, но есть

основания думать, что наш Саратов два раза, а не один, как полагает большинство исследователей, менял свое место. Построенный в 1590 г. где то (где, постараемся показать дальше) на правом берегу Волги выше нынешнего его местоположения, он, после гибели в смутнсе время, в 1614 г. был возсбновлен на левом берегу, на стрелке, образуемой Воложкой и Саратовкой, а отсюда (пока неизвестно когда) перенесен на то место на правой стороне Волги, где существует и сейчас. Попытаемся, насколько это в наших силах, разобраться в вопросе, где находился правобережный Саратов 1590 г. Для ответа на этот вопрос у нас имеется следующий материал. Первое, владенная выпись 189 г., приведенная выше. Пожня, которая, как мы знаем из последующих крепостных документов на нее, находилась в Курдюмских лугах, показана здесь лежащей выше старого города, около старого города. Документ как бы показывает нам, что город был не вне лугов, а при самых лугах. Это видно из того, что для более точного определения положения приведено и второе указание, что пожня находилась „у брода". Если бы городище находилось вне лугов, за нижним краем их, то второго наблюдения не понадобилось бы, да и определение по городищу в таком случае не имело бы смысла. Второе указание имеется в наказной памяти 1614 г. Городище находилось „близко десяти верст" от Саратова. Думается, нет надобности доказывать, что под Саратовом здесь следует разуметь левобережный Саратов. Третье указание мы находим в документах, напечатанных в Памятниках дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Во втором томе „памятников" помещены документы, касающиеся посольства в Персию кн. Засекина. Посольство это, вследствие крушения одного из судов, должно было провести зиму 1600—1601 г. г. в Саратове. Как видно из документов, одно из судов посольского каравана потерпело крушенис 24 октября 1600 г „против Курдюма сстрова, не дошед до Саратова за семь верст". Теперь, пользуясь географической картой постараемси определить более точно мсстоположение искомаго нами старого Саратова. Так как в дальнейшем нам придется иметь дело с измерением расстояний в верстах, основываясь при том на документах начала XVII ст., то предварительно мы считаем необходимым сказать несколько слов по этому поводу. По общепринятому, ходячему мнению старинная верста была гораздо больше нынешней (от 1½ до 2 раз). Основано это мнение, главным образом, на статье „Уложения", установившей меру версты в 1000 трехаршинных сажень. Несомненно, что официально верста и считалась в 1000 с., но в общежитии, в частности по Волге, верста, как единица путевой меры, едва-ли сколько-нибудь значительно отличалась от современной. Олеарий в 1636—1638 г. г., давая разстояние в верстах между различными пунктами Поволжья, показывает их весьма близко к современному счету. Котов, про-

плывший по Волге в 1623 г., дает напр., разстояние от Саратова до Камышина 200 верст, от Камышина до Царицына 150 в., т. е. опять таки весьма бизко к современному. В 1614 г. в Самару пришел астраханский выходец Гавилка Омельянов, который в расспросе, между прочим, показал, что „пришел он на Половые, он Астрахани полтретьяста верст“. Про Половые мы знаем, что это было укрепление, расположенное где-то на половине пути между Царицыном и Астраханью. Ясно, что и здесь считаются версты близкие к современным. Приведенных примеров, думается, достаточно для обоснования утверждения, что в XVII в. на Волге для измерения пути были в ходу версты одинакового протяжения с употребляемыми ныне. Ни Котов, ни Олеарий, ни Омельянов лично производством измерений не занимались, а брали готовые уже, известные растояния, принятые до них. Некоторая разница по сравнению с исчисляемым теперь разстояниями об'ясняется, конечно, не разницей в едининицах меры, она была одинакова, а недостаточностью измерения, которое как и теперь в большинстве местностей на Руси, определяется не землемерною цепью, а просто на глаз. Из трех, имеющихся в нашем распоряжении, указаний на местоположение старого Саратова, наиболее точным и подходящим для определения является указание наказной памяти 1614 г. По этой памяти городище находилось приблизительно на 10 верст выше Саратова. Если, руководствуясь этим, мы отложим 10 верст от устья Саратовки вверх по Волге, то получим, что старый Саратов должен был находиться или на месте нынешнего с. Пристанного, или в ближайшем расстоянии от него. Этому нисколько ни противоречат показания остальных документов. В самом деле, судно посольства 1600 г. было разбито за семь верст выше Саратова „против Курдюма острова“. Несомненно, что остров носил название по р. Курдюму, впадающему в Волгу выше Пристанного на 5—6 верст. Рассматривая карту, мы действительно находим при впадении р. Курдюма остров и если понимать выражение „против острова“ в смысле „на уровне острова“, то крушение должно было иметь место против средней части острова, точки, отстоящей от с. Пристанного действительно на расстоянии около 7 верст. Получает смысл и определение положения пожни владенной выписи 189 г., т. к. луга спускаются ниже Пристанного и указание, что пожня была на старом городе довольно точно указывает место ее нахождения. Во всяком случае мы почти уверены, что более тщательные археологические исследования в окрестностях Пристанного не остались-бы безрезультатными и путем их удалось-бы более точно установить местоположение старого Саратова, которое, по нашему мнению, следует искать именно в этой местности, а не в какой либо другой. В 27 вып. Трудов Саратовской архивной коммиссии Кротков и Шишкин описали найденный ими между д. Усть-Курдюмом и с. Пристанным т. н. „Стенькин городок“. К опи-

санию приложена карта местности и план города. Судя по описанию, городок был довольно сильно укреплен, по валу обнесен дубовым тыном, остатки которого в виде массы углей и даже полуобгорелых бревен сохранились на незначительной глубине по рву. Городок, повидимому, позднейшего, послетатарского происхождения и, судя по отсутствию культурного слоя, был очень недолго обитаем. По массе же углей можно думать, что он погиб от огня. Положение этого городка и только что перечисленные признаки совпадают как бы с тем, что мы теперь знаем о старом Саратове, т. е. что он был где-то близ Пристанного, существовал едва каких нибудь 2 десятка лет и сделался жертвой огня, на что намекают исторические документы, называющие остатки его пепелищем. Но от заманчивой мысли отожествления Стенькина городка с городищем старого Саратова нас удерживают слишком незначительные размеры городка. Судя по размерам, приведенным в описании Кроткова и Шишкина, поверхность укрепления занимает не более полдесятины. Как ни был мал и незначителен Саратов конца XVI в., но все же он по своим размерам превосходил размеры хорошей крестьянской усадьбы. Кроме того, на поверхности городка не найдено ни ям, ни каких либо иных следов людского обитания.

В заключение позволим себе сказать несколько слов по поводу одного выражения владенной выписи 189 г. Гордеевская пожня находилась не только на старом Саратове, но и у брода. Не было-ли в старину в этом месте брода через Волгу? Теперь нам одна мысль о возможности переправиться через нашу красавицу реку летом по образцу пешего хождения кажется смешной. К нашим услугам такое изобилие средств переправы от гребных лодок до гигантских ледоколов включительно, что никому никогда и в голову не может притти мысль о подобной возможности. А между тем она, без сомнения, существует. Нам известны перекаты, как напр. Нижне Банновский, где в меженное время максимальная глубина не достигает и 1½ аршин. При таких условиях перебраться через Волгу без всяких приспособлений, конечно, возможно. В настоящее время в ближайшем расстоянии от Пристанного переката не имеется, но при изменчивости течения Волги нет ничего невероятного в допущении, что три века назад такой перекат мог и быть. При этом допущении, помимо общих соображений, в доказателество необходимости основния Саратова в 1590 году на правом берегу реки, присоединяется и еше одно, а именно—назначение новой крепости наблюдать за бродом через Волгу, препятствовать кочевникам заволжских степей проникать на горную сторону. В данном случае, конечно, мы из области фактов вступаем уже в область догадок, но догадок имеющих за собою некоторое основание.

ГЛАВА IX.

Очень много споров среди местных исследователей вызывали попытки об,яснить происхождение названия нашего города. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что никто из бравшихся за решение этого вопроса не обладал специальными лингвистическими познанияии и потому само собой разумеется, заключения, делаемые ими едва ли могут претендовать на научное значение. Чекалин, напр., в одном месте определенно утверждает, что Саратов получил свое название от речки Саратовки, а в другом, что название города сохранилось еще от татарских времен, от г. Сары-тау. Не вдаваясь в специально лингвистические рассуждения, в каковых считаю себя совершенно некомпетентным, скажу только, что по моему мнению наименование города по речке мало вероятно. Правда и Царицын и Самара названы так по речкам, на которых стоят, но Саратов, как мы видели, был всего вероятнее построен на правом берегу, довольно далеко от речки, которая называется теперь Саратовкой, и к тому же впадает в Волгу с левой стороны. Гораздо естественнее предположить, что речка получила свое название от города. Можно даже приблизительно указать, когда это произошло. Так, книга Больш. Чертежа, данные которой относятся приблизительно ко времени до 20-х г.г. XVII в., говорит, что под Саратовом (бывшим ко времени внесения в Книгу известия о нем на левом берегу) пала речка из озера, а другая речка (т. е. теперешняя Саратовка) пала из поля. Т. о., составителю книги название речки было еще неизвестно, во время постройки города на луговой стороне она была еще безымянной. О точности этой книги можно судить по тому, что автору ее известна крошечная речушка Увековка. Но уже Котов, бывший в Саратове в начале 20-х г.г., называет речку Саратовкой и правильно указывает ее положение ниже города. Кроме того и в лингвистическом отношении, как кажется, наше предположение более приемлемо. Возвращаясь к об'яснению слова Саратов, я должен сказать, что большинство производит его от двух слов татарского происхождения—Сары, что значит желтый, и тау-гора. Желтой горой якобы в древности называлась наша теперешняя Соколова гора, далеко видная с Волги и из Заволжья и давшая свое имя городу, расположенному против нее на другой стороне Волги. Противники этого мнения, опять таки, повторяю, не лингвисты, отказывались принять его по разным соображениям. Так, Шахматов находил неестественным наименование речки, а затем по ней и города, от названия горы, лежащей далеко на другом берегу Волги и к тому же представляющейся издали не желтой, а бурой и вдобавок, как полагал Шахматов, в древности покрытой дремучим лесом. По мнению Шахматова название нашего города произошло от двух тюркских слов—сара, что в переносном смысле значит не только желтый, а и вообще прекрасный, хороший,

как у нас слово красный употребляется для обозначения цвета, и качества, и второго слова-атель, низменная местность. „От соединения слов *Сара и атой* или *атель*, произошло Саратий, т. е. удобная низменная местность, каковою названа была вся местность, орошаемая речками Саратовками, а по ней и станица, устроенная Пронским-Шемякою.“ Оставляя на совести автора его лингвистические домыслы я считаю необходимым отметить одно из его заблуждений, а именно мнение о том, что наша Соколова гора в древности была покрыта дремучим лесом Это мнение глубоко укоренилось не только в умах саратовских обывателей, но и местных историков и археологов, а между тем оно не имеет под собой никакой почвы: По заключению такого знатока местных почвенных условий, как известный почвовед Димо, данные почвенного обследования позволяют лишь установить, что на Соколовой горе были по песчанным склонам и на взлобках рощицы, но до дремучих лесов дело едва-ли доходило. Кроме того могли быть леса, остатки их есть и теперь, по оврагам за Соколовой горой. Вообще же Соколова гора никогда вся лесом не была занята. Из других мнений по этому вопросу сколько нибудь интересным является лишь мнение Готовицкого, как лица хорошо знакомого с восточными языками. Готовицкий производит название Саратов от слова *сарт*, что должно обозначать оседлого жителя, горожанина. Так, дескать, должны были называться поселенцы того Саратау, который был предшественником Саратова, в отличие от кочевых своих однородцев. Нет сомнения, что лингвисты нашего университета рано или поздно заинтересуются этим вопросом и их усилиями он будет решен окончательно. Пока же я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В разрядных записях XVI и XVII в. и в других документах того времени при обозначении службы того или иного лица обозначалось и место его службы, напр. такой то воеводой в таком то городе. При этом, когда речь касалась самарских, саратовских или царицынских служилых людей, то при обозначении города, где они служили, употреблялся не более обычный предлог *в*, а предлог *на*, т. е. говорилось не *в Самаре*, *а на Самаре*. Примеров этому множество. Берем запись, опубликованную Садовским в 33 вып. „Трудов“ архивной к ии: „Того же 108-го бояре были воеводы в понизовых городах: на Царицыне кн. Петр княж Иванов сын Шелешканской да Богдан Михайлов сын Радилов; на Саратове воевода Михайло Григорьев Волынской; на Самаре воевода кн. Петр Щербатый да Федор Бирдекин Зайцев.“ Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 (1637) г. опубликованная Порфирьевым, дает тоже самое. Здесь показаны воеводы напр. в Лаишеве, в Тетюшах в Малмыже, в Арском и т. д., но как только речь заходит о низовых городах, мы встречаем уже употребление предлога *на:* на Черном Яру, на Царицыне, на Саратове, на Самаре на Уфе. В словарях русского языка я не мог найти об'яснения,

какую разницу в смысле имеют оба предлога. Если судить по ним, то никакой разницы нет и оба предлога выражают одно и тоже понятие. Но, повидимому, такая разница есть и если ее нельзя точно формулировать, то все же она ясно сознается при употреблении. Мы говорим: я живу в Разбойщине, и живу на Трофимовском раз'езде. Никто никогда не ошибется и не скажет: я живу на Разбойщине или в Трофимовском раз'езде. Я живу на такой-то улице, но в таком то переулке; дачи на Увеке, дачи в Пристанном и т. д. Повидимому употребление этих предлогов находится в зависимости от того слова, с которым они сочетаются, от того смысла, который в это слово вкладывается. Окончательное решение данного вопроса дело филологов, но, как кажется можно без ошибки принять, что предлог *в* употребляется с словами, обозначающими местность, которые более определены, имеют точно очерченные границы; предлог же *на* употребляется в случаях, когда слова, с которыми он сочетается, выражают понятия более неопределенное, расплывчатое, как напр., со словами, обозначающими урочище, местности, но не строго определенные населенные пункты. По этому именно мы и говорим дача на Трофимовском раз'езде, а не в Трофимовском раз., что Трофимовский раз., как дачная местность, охватывает широкое пространство, к тому же с неопределенными расплывчатыми границами. По этой же причине мы говорим дача в Поливановке, т. к. под Поливановкой разумеется строго определенный пункт, а именно деревня Поливановка, границы которой ясны и определенны. Если это все так, как я говорю, то старинное словоупотребление *на* Саратове, а не *в* Саратове должно обозначать, что под Саратовом разумеется не только поселок или укрепление, построенные кн. Засекиным, но целое урочище, с широкими и неопределенными границами, называвшееся Саратов, на котором и был построен город. В этом случае мы будем иметь полную аналогию с Самарой, Уфой и Царицыным; все это были урочища по одноименным рекам и на этих урочищах были сооружены укрепления. Но отсюда вытекает и второе заключение, а именно, что урочище *Саратов* под этим именем было известно раньше постройки одноименного города.

В заключение должен сказать, что в старинных источниках, руских и иностранных, часто встречается начертание *Соратов* вмести *Саратов*. Я не знаю, имеем-ли мы в данном случае дело с явлением только графическим или и фонетическим. Последнее предположение, как будто, более вероятно.

Здесь я считаю полезным несколько уклониться в сторону от принятого плана изложения из связи с вопросом о происхождении названия Саратов коснуться и вопроса о преемственной связи нашего города с городом татарским, стоявшем на том-же месте и носившим название Сарытау. Представителем этого очень распространенного и до сих пор мнения является покойный саратовский историк Чекалин, неоднократно высказывав-

ший его в разных своих работах и, между прочим, наиболее полно обосновавший его в своем докладе VIII арх. с'езду в статье „Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый ее берег". III-й т. Трудов с'езда, в котором напечатана эта статья, вышел в свет больше 20 лет тому назад, но несмотря на такой долгий срок она никем не была разобрана до сего времени. Авторитетность издания, на страницах которого статья помещена, и авторитет самого автора статьи были причиною общего признания ее выводов за непреложные и надолго направили стремления местных исследователей по ложному пути. Между тем, на мой по крайней мере взгляд, выводы Чекалина покоятся на очень шатких основаниях и далеко не во всех частях могут быть приняты без критики. Автор разбираемой статьи исходит из предположения, что Саратов с самого начала находился в одной версте к северу от нынешнего г. Покровска, т. е. на левом берегу Волги. Оставляя в стороне, как спорный по его мнению, вопрос о времени постройки русского города, он берется представить несомненные исторические указания в пользу того, что на месте старого города Саратова, весьма задолго до основания здесь русской крепости, существовало татарское поселение, которое ввиде покинутого селища или городища перешло под русское укрепление при возникшей в конце XVI в., с падением Казанского и Астраханского царства, потребности в постройке сторожевых пунктов по Волге. Первое несомненное указание на это урочище, по мнению Чекалина, мы встречаем в путешествии Рубруквиса, который летом 1253 г., направился из Крыма в стан Батыя, нашел последний на левом берегу Волги в 10 длинных днях пути от Дона (около 400 верст по исчислению Чекалина) и в 5-ти днях пути ниже южных пределов Камской Болгарии в виде весьма многолюдного летнего становища на пространстве 3—4 миль, выше которого Батый в своих ежегодных кочевках с ордою не поднимался по Волге. „На прекрасной своими подробностями и возможной точностью карте венецианцев братьев Пицигани, составленной в 1367 г., в числе многих поселений на Волге на левом ее берегу против Увека нанесен ими городок Satacki (тюркское Яйлак—летнее становище) и, наконец, на таковой же карте 1459 г. знаменитого ученого космографа XV в. Фра-Мауро против Увека также поставлен гордок, несколько выше его, и на одном из устьев впадающей с левой стороны в Волгу небольшой речки". Саратов или Сары-тау (т. е. Желтая Гора), несомненно получивший свое название от соименной ему речки, на устье которой он находился прежде чем перенесен на нагорный берег Волги, под этим именем встречается первый раз в так назыв. Булгарской летописи, написанной около 1581 г. жителем Казанской области Шерефетдином Булгари, в числе многих других издавна населенных мусульманами мест. Повествуя во 2-й части своей летописи о распространении ислама между болгарами, Шерефетдин,

между прочим, говорит, что воспитанник весьма ученого в делах веры болгарина Идриса шейх Касим из Новой Казани (основанной в 1-й пол. XV в.), сделавшись наместником по смерти своего учителя и проживая в Новой Казани научил исламу многих людей из Ала-тау, Алатура, *Сары-тау* и др. мест и умер в Казани и что второй его преемник Шаам, сын Иштеряка, учившийся в Багдаде, словом и делом прямил дорогу людей в Казани, Уфе, Алатуре, Симбире, *Сары-тау*, *Сарычине* и Табуле. Хотя автор не приводит *никаких хронологических дат* для определения времени действия этих Касима и Шаама, но с помощью указаний его же летописи можно приблизительно опредилить последнее. Ранее, перечисляя по порядку проповедников ислама в Болгарии, он говорит, что помянутый выше Идрис, отправившись в Ярканд, учился там 15 лет у шейха Уллы, научившегося исламу у послушника туркестанского богослова Ходжи Ахмета. Этот Ахмет, хорошо известный и до сих пор в средней Азии, как один из ученейших богословов и величайщих святых, жил по местным преданиям во 2-й пол. XIV в. и над его могилой в г. Туркестане до сего времени сохранилась и привлекает отовсюду богомольцев построенная еще Тамерланом каменная мечеть—одно из величайших в средней Азии зданий. Принимая во внимание эти указания можно с достоверностью заключить, что время проповеди Касима и Шаама в Саратовском Поволжье относится не позже как к средине XV в." „Находясь продолжает Чекалин, пока в *полном неведении* истории внутреннего быта Болгаро-татарского царства, мы при всей новизне и быть может неожиданности для нас такого заключения не имеем никаких основательных поводов усумниться в исторической достоверности нашего автора по этому вопросу и принять его рассказ за какое либо недоразумение или вымысел *в виду, напр., его очевидного желания показать торжество и широкое распространение ислама* между населением болгарской и соседних областей. Если и предположить, что он писал свою летопись после 1590 г., то и тогда нет возможности подозревать его в том. что он отнес основание Саратова и Царицына ко времени гораздо древнейшему основания здесь русских крепостей лишь ради того, чтобы увеличить ими область распространения ислама в XV в., ибо во всяком случае *он писал ее в то время*, когда среди его современников еще живо сохранилось предание об упоминаемых им поселениях".

„Область бывших Казанского и Астраханского царств делается для нас более или менее известной в топографическом отношении лишь со времени их окончательного покорения и с принятием правительством мер к ее русской колонизации и закреплению; при этом нередко русские города возникали или на месте инородческих поселений и в таких городах русское поселение, составляя сначала лишь крепостной гарнизон, с новым притоком русских поселенцев постепенно вытесняло инородцев

и за новым поселением сохранялась лишь его старое имя, или же на месте удобно расположенных старых городищ или селищ и в обоих случаях только благодаря случайно сохранившимся письменным памятникам или же народным преданиям мы иногда открываем первоначальных обитателей и основателей этих городов“. Затем Чекалин рассказывает об учреждении сторож на Волге и особенно о стороже под Караманским лесом, каковое выражение он понимает в том смысле, как я указывал уже в одной из предыдущих глав, т. е., что эта станица стояла ниже Караманского леса, на луговой стороне Волги. Далее несомненное подтверждение существования стародавнего поселения на месте г. Саратова на левом берегу Волги он видит в той памяти стрелецким головам 1614 г., которую мы уже приводили и разбирали. Приведя затем из другого акта, того же 1614 г., а именно из донесения самарского воеводы упоминание о Саратовском пепелище, как о месте сбора воровских казаков, он продолжает: „Т. к. слово пепелище и теперь еще нередко употребляется вместо слов: городище, и селище, и печище, то и в том акте следует разуметь не сожженный Саратов, как думают накоторые из писавших о нем, а то же Саратовское городище, о котором говорится в памяти стрелецким головам“. Необходимо-де также заметить, что здесь под именем Саратовского городища не следует разуметь покинутое поселение, как это делалось всеми до сих пор: городищами с определительным названием означались обыкновенно существующие на старых укреплениях поселения.

Русский Саратов, по мнению Чекалина, в виде весьма небольшого города был впервые основан никак не ранее 1582 г., ибо путешествовавший в 1579 г. от Ярославля вниз по Волге до Астрахани, а в 1581 г. обратно и подробно описавший попутные населенные пункты служитель английской торговой компании известный Христофор Борро, говоря о Тетюшах, Царицыне и даже о развалинах Увека и перечисля все караулы или сторожи, основанные русскими на нижней части Волги, ни единым словом не упоминает о Саратове; вследствие этого к 1614 году, за такое короткое время существования на Саратовском городище русского поселения в нем не могло остаться забытых кладов и даже каких-то колоколов, найденных и привезенных в правобережный, т. е. нынешний, Саратов стрелецким головами; очевидно на этом месте находилось то древнее татарское поселение эпохи Золотой Орды, которое на современных картах под именем Яйлака или становища обозначалось против Увека, подобно тому привлекавшее потом кладоискателей и давшее, может быть, и самому урочищу имя городища или пепелища, если прежде всего оно не получило этого имени от находившейся на нем Караманской станицы.„—“ Находясь на окраине Казанского царства к юго-восточным степям и будучи подвержено нападениям крымских и ногайских татар, это, существовавшее еще в середине XV в. под именем Сары-тау, поселение задолго до

основания здесь русского укрепления было покинуто его обитателями: ни *Контарини* в 1476 г., ни Борро в 1579 г. об нем уже не упоминают.„—“ Приведенный выше документ, продолжает наш автор, дает также весьма важное указание о том, что уж в 1614 г. близ Саратовского городища существовал нынешний Саратов; здесь невозможно допустить ошибки в прочтении года (7122) в подлинной рукописи, т. к. и вторая рукопись, в коей упоминается о Саратовском пепелище, писана в Казань на имя тех же кн. Одоевского и Головина, известных своею деятельностью на Волге в то время противу Заруцкого и относится к тому же 1614 г. Это указание останавливает на себе наше внимание в особенности потому, что оно стоит в совершенном противоречии с теми удостоверениями, которые дают нам такие свидетели очевидцы, как Олеарий и Стрюйс, оба видевшие Саратов: один в 1636, а другой в 1669 годах еще на левом низменном берегу Волги, на одном из ее рукавов, населенный стральцами с воеводой во главе и стоящий здесь в качестве оберегательного пункта от набегов калмыков, о нападении которых на Саратов за это время говорят и наши документы. Первый из этих путешественников дает нам и рисунок Саратова, а последний в своем кратком, но, очевидно, не заимствованном у Олеария описании называет его очень маленьким городком и оба автора умалчивают о каком либо пункте на месте нынешнего Саратова. „Для раз'яснения этого, в представлении Чекалина, недоразумения он обращается к другим источникам, в том числе уже известным нам—Кн. Больш. Чертежа и карте Герарда. А затем привлекает документы XVII в., второй его половины, до 1674 г. включительно. Т. о., говорит он, все приведенные документы с картою Герарда несомненно нам указывают на то, что с самого начала XVII в. Саратов существовал уже на правом, нагорном берегу Волги; на это же указывает и то обстоятельство, что пространство по сю сторону Волги, между Пензою и Саратовом, издавна называлось Саратовскою степью, как, напр., в акте 1665 г. об отводе земель поселенцам г. Пензы. Что же касается свидетельств Олеария и Стрюйса, то они приводят Чекалина к заключению, что и при существовании нового поселения —если только этот сравнительный эпитет может здесь иметь место—старое укрепление на левом берегу Волги не было упразднено и разрушено и еще много лет продолжало существовать одновременно с новым поселением и служить защитою от набегов сначала ногайских татар, а потом калмыков. Прямое указаеие на это Чекалин находит и в памяти стрелецким головам, писанной на *Саратовском городище*, месте несомнено—де. населенном и даже имевшем, как видно, административное значение. Я опускаю здесь соображения нашего исследователя по вопросу о том, когда по его мнению состоялось обратное перенесение левобережного города на нагорную сторону Волгу, т. к. с этими соображениями нам еще придется иметь дело впослед-

ствии. Перейду прямо к заключительной части трактуемой статьи. „Со времени своего основания, говорит Чекалин, до 1674 г. самый город Саратов или точнее Саратовский острог под именем Саратовского городища или гор. Саратова, в виде *небольшой крепостцы*, следы коей сохранились доныне, с воеводою и лишь с гарнизоном из стрельцов, находился на левом берегу Волги, представлявшем гораздо более удобств для наблюдения и отражения набегов сначала нагайских татар, а потом калмыков на восточную окраину. Посад же его, без сомнения, гораздо более значительный, находился, судя по документу 1652 г., на правом ее берегу, искони гораздо менее опасном от нападения разных кочевников, на месте, окруженном горами и вообще хорошо защищенном самою природою и ближайшим к острогу из удобных для поселения. Только в 1674 г. город соединился с посадом, будучи перенесен на так называемую тогда Крымскую сторону Волги. Не имея самостоятельного значения посад почти никогда в правительственных актах особо от своего города не упоминался; Олеарий же и Стрюйс умалчивают о нем потому, что проходя мимо города рукавом Волги, они видеть посада не могли. Такое заключение не только не ведет за собою произвольного отрицания свидетельств этих путешественников, но и легко об'ясняет кажущееся противоречие между ними и архивными документами".—„Посад при г. Саратове существовал с самого начала его существования, т. к. в одном из документов, производившегося в сенате дела о городских землях упоминается, между прочим, о саратовском посадском Ивашке Соколове, которому еще по указу *1591* была отведена на левом берегу Волги пожня и который пожертвовал ее Четырехсвятскому м-рю, основанному в ближайшем соседстве на правом берегу Волги, на речке Увековке". „По всей вероятности г. Саратов в начале своего существования на левом берегу Волги представлял собою не более, как стоялый острожек, т. е. был занимаем гарнизоном по правилам сторожевой и станичной службы лишь в течении летнего времени. Путешествовавший по Волге в 1579 и 1581 г.г. Хр. Борро нашел на повороте ее от Донского волока к Касп. морю шесть сторожевых пунктов, или караулов, во главе которых стоял Царицын с 50 пушкарями и которые подобно Царицыну были занимаемы гарнизоном лишь втечение летнего времени. Вследствие своей незначительности, или же, быть может, временного разорения его ногайскими татарами, Саратов не нашел себе места в древнейшей из сохранившихся до нас росписи 11 низовым городам 1615 г., в которой упомянуты Астрахань, Царицын, Самара и т. д.".—Когда статья была уже написана, Чекалин нашел новый документ, подтверждающий его выводы. „Этот труд был вполне закончен, говорит он, когда мне пришлось ознакомиться с совершенно игнорируемым нашею историко-географическою литературою путешествием по России в 1666 и 1667 г.г. известного голландского географа Николая

Витзена. Различая обе стороны Волги в нижнем ее течении под именем московской и калмыцкой и означая на первой из них города Тетюши и Симбирск, он нашел Саратов на плоской луговой равнине калмыцкой стороны в одной миле от р. Волги, т. е. от главного ее русла. На приложенной им к своему сочинению карте Татарии миссионера Сансона 1659 г. Саратов также означен на левом берегу Волги. Витзен называет Саратов небольшим городком, населенным солдатами для наблюдения за калмыками, и замечает, что этот некогда громадный, построенный из обожженного кирпича, город представлялся в его время уже в большею частью разрушенном виде и сохранил следы, многих драгоценных палат, между которыми особенно отличался большой увеселительный летний дворец, построенный по мнению автора Тамерланом. Т. о. Витзен, говорит Чекалин, не только подтверждает свидетельства Олеария и Стрюйса о существовании Саратовской крепости в конце XVII в. на левом берегу Волги, но и окончательно убеждает нас в том, что она возникла на старом татарском поселении".

На примере Чекалина мы видим, как губительно действует предвзятость мнения, как такая предвзятость отражается на выводах даже при привлечении доброкачественного в общем исторического материала. Вместе с тем мы видим, что историк ни в каком случае не может принимать за отправной пункт своих рассуждений без проверки положений, выставленных его предшественниками по разработке данных вопросов, что непреложных авторитетов, в сущности говоря, для историка не существует. Приняв за истину, без всякой проверки, ходячее мнение о том, что Саратов первоначально был построен на луговой стороне, Чекалин, приступив к разбору документов, смысл которых противоречил такому мнению, уже не мог отрешиться от него, а вынужден был, если можно так выразиться, насиловать эти документы, чтобы уложить их на прокрустово ложе предвзятого мнения. Точно также, не будучи лингвистом, он в очень еще темном, вернее совершенно необследованном специалистами вопросе о происхождении и значении названия Саратов следует опять таки ходячему мнению и простое, быть может, созвучие этого слова с татарскими словами сара-желтый и тау-гора принимает за полное совпадение, за тожество по звукам и значению. Отсюда неправильные, или во всяком случае преждевременные, выводы о преемственности нашего города с татарским одноименным поселением, поиски этого поселения и для подтверждения того, что оно действительно существовало на том месте, где это требовалось согласно предвзятого мнения, привлечение к исследованию без всякой критики такого непроверенного материала, как история Шерефетдина Булгари или указание голландского географа Витзена. Все эти предварительные замечания станут для нас яснее, если мы по пунктам разберем все положения Чекалина и доказательства, приводимые им в

подтверждения своих положений. При этом нам придется итти в той последовательности, которая указана самим разбираемым автором, хотя при этом и придется, быть может, по несколько раз возвращаться к одному и тому же, до некоторой степени повторяться. Но это является уже не нашей виной, а виной автора, изложение которого далеко не отличается стройностью построения. Кроме того, в таком порядке есть и некоторые удобства, т. к. при таком разборе по пунктам мы не рискуем оставить без рассмотрения какую либо из высказанных им мыслей или замечаний, хотя бы и мелких на первый взгляд, но не лишенных значения по существу.

Порвое несомненное указание на урочище, занимаемое впоследствии левобережным Саратовом, Чекалин находит, по его мнению, у Рубруквиса, который летом 1253 г. нашел здесь стан Батыя. Если мы обратимся непосредственно к самому Рубруквису, то увидим, что из его путешествия от Крыма до стана Батыя, странствования с этим станом и дальнейшего путешествия на Восток совершенно невозможно не только точно, но даже и приблизительно установить местоположение Батыева стана, хотя Бартольд и считает описание пути до Монголии, сделанное Рубруквисом, гораздо более ясным и толковым, чем таковое же описание, вышедшее из под пера Плано Карпини. Рубруквис 13 июня (1253) вступил в пределы Хозарин по всей вероятности где-то около Перекопа. Отсюда он, по его словам, двигался все прямо на восток, имея море на юге и большие степи на севере, при этом он следовал настолько близко к морю (в данном случае Азовскому), что оно все время было у него в виду. За несколько дней до праздника Марии Магдалины (т. е. в средине июля) путешественники достигли Дона, на восточном берегу которого было устроено поселение, обитатели которого были обязаны перевозить через реку путников. Во всяком случае, принимая во внимание направление пути, указанное Рубруквисом, означенный перевоз должен был находиться в низовьях Дона, едва ли севернее Новочеркасска. Переправившись через Дон, Рубруквис направился к стану Сартака, которого и достиг в последний день июля. Рассказывая о своих затруднениях в пути, происходивших главным образом от малонаселенности страны, он, однако, ни одним словом не обмолвился о направлении, которым следовал от Дона до ставки Сартака. Описывая страну, занимаемую Сартаком, Рубруквис упоминает и о Волге, причем употребляет фразу: „Расстояние между реками Танаисом и Этилией местами не велико: на севере, где мы проходили, оно более 10 дней пути, но к югу они гораздо дальше друг от друга, потому что Танаис впадает в болота Меотийские, а Этилия в большое озеро, вместе со многими другими реками, текущими из Персии". Указание совершенно правильное и понятное только в том случае, если Рубруквис достиг Волги ниже Переволоки, ниже того пункта, где обе реки наиболее сближаются с тем, чтобы изменив свое

направление, начать в своем дальнейшем течении быстро удаляться друг от друга. Трудно сказать, что понимает Рубруквис под *днем пути*. Если это расстояние соответствует тому, что он в действительности проходил в течение дня с своим маленьким караваном, то такая мера пути не может перевышать нескольких верст. Если же это обычная не только в средние века, но и теперь при исчислении караванных путей мера дневного перехода, то ее можно полагать протяжением до 30 верст. В таком случае Рубруквис дошел до Волги опять таки где-то в ее низовьях, приблизительно около Черного Яра, а уже ни как не около Саратова. Если вместе с Чекалиным принять за место стоянки Батыя левобережный Саратов и длину днища в 40 верст, то выйдет, что Рубруквис переходил Дон приблизительно в местности нынешнего Острогожска или Воронежа и, следовательно, вступив в Хозарию, он шел не на восток, как сам говорит, а почти прямо на север, лишь с легким уклоном к В. В таком направлении он не мог следовать берегом Азовского моря, почти все время имея его в виду, так как с первых же дней пути он удалялся-бы от моря и углублялся внутрь материка. Что здесь имеется в виду Волга не у Саратова, а где то ниже Царицина, во-первых, косвенно доказывается тем, что по словам Рубруквиса она в месте перехода показалас ему раза в 4 шире Сены у Парижа, которая там имеет всего 80 саж. ширины. У Саратова же Волга даже в конце июля, даже при засорении ее песками по крайней мере в 10 раз шире Сены. Во-вторых—другое, свидетельство самого Рубруквиса: Об'яснив, куда впадают Дон и Волга, он продолжает: к югу от нас находились большие горы, где живут аланы или акасы: они христиане и до сих пор еще воюют с татарами. Ясно, что здесь имеются в виду Кавказские горы, про которые можно говорить, как про соседние, близкие, находясь в степях Донской области или Астраханской губ., но никак ни в Саратове. Рубруквис, как и другие первые путещественники из Европы в глубину Азии, оказал великую услугу европейской торговле, открыв ей новые плодотворные пути. По их следам, по следам первых миссионеров и послов, двинулся в далекий Камбалык и юркий итальянский торгаш. Естественно, что торговые пути совпадали с теми путями, по которым следовал и официальный посол и простой татарский чиновник. От несколько позднейшего времени мы имеем на то и прямые свидетелства. И вот эти-то позднейшие, ставшие уже в конце XIII в. торными, пути никогда не поднимались далеко на север. Они шли от устьев Дона на Сарай и далее к устьям Урала. Это обстоятальство тоже говорит за то, что путь Рубруквиса лежал приблизительно также в этом направлении. Остается еще одно указание Рубруквиса. Это то, что стан Батыя он нашел в 5 днях пути от границ Великой Болгарии и в том месте, выше которого Батый не поднимался к северу во время своих летних кочевок. Но дело в том, что мы совершенно не знаем, как и когда кочевал Батый и также мало осведомлены о

том, до каких пор простирались границы Волжской Болгарии. Мы дали здесь свое толкование показаниям Рубруквиса о пройденном им пути. Чтобы показать, насколько в общем эти указания мало надежны, я укажу вкратце на выводы некоторых ученых, которым приходилось заниматься тем же вопросом. Карамзин, например, полагал, что Рубруквис встретил Батыя в пределах нынешней Казанской губ. Проф. Эрдман видит место встречи в г. Болгаре, а Шестаков ведет Рубруквиса к берегам р. Кумы. Мнение Чекалина мы уже знаем: скажу только, что оно не оригинально, а заимствовано у немецкого ученого Шмита, посвятившего этому вопросу специальное исследование.

Второе указание на урочище на месте левобережного Саратова Чекалин находит на двух средневековых картах—бр. Пицигани и Фра Мауро. На первой из них против поселка или города Lochahi, который нашим исследователем отожествляется с Увеком, показан населенный пункт Yalachi—т. е., как толкует Чекалин,—тюркское Яйлак, летнее становище. На карте Фра Мауро на левом берегу Волги, там, где по соображениям Чекалина должен быть Увек, показан поселок Lochachi который не тожественен с Yalachi карты бр. Пицигани. Прежде всего необходимо сделать общее замечание, приложимое к обеим картам: они исполнены людьми, которые сами не посещали изображенных ими стран, а довольствовались лишь сторонними сообщениями. В частности о карте бр. Пицигани можно сказать, что в основу ее, в той части, которая касается Каспийского моря и впадающих в него рек, легли данные, полученные от генуезских торговцев, которые с конце XIII в. проникли на Каспий, где и занимались частью торговлей, частью грабежами персидских побережий. Работа Фра Мауро также чисто компилятивная и, конечно, стоит на том уравне географических познаний, какие были в его время. Я думаю многим случалось видеть изображения центральной Африки или Азии, сделанные до эпохн великих открытий последней половины XIX ст. По этим, близким нашему времени картам, мы можем судить, насколько несовершенны изображения земель в тех случаях, когда сведения о них получаются только по наслышке, даже если при проверке этих сведений применен более совершенный критический аппарат, чем в средние века. На карте Пицигани от Боргара до Сарая оба берега Волги усеяны поселениями с самыми странными названиями. Только путем лингвистических и географических натяжек можно приурочить эти поселения к тем городам или местностям, которые известны нам на Волге теперь. Нечего и прибавлять, что карты Пицигани и Мауро составлены с полным пренебрежением к действительным протяжениям, расстояниям и направлениям. Единственный вывод, который, по моему убеждению, можно сделать из таких карт—это то, что по сведениям, сообщаемым итольянскими купцами, бывавшими на побережьи Каспия, по Волге в цветущую эпоху татарското господства было много поселений. Этот вывод

подтверждается и археологическими данными, известными нам. Но дальше этого при современном состоянии наших знаний о топографии Золотой Орды итти мы не имеем права. И слишком по детски наивно звучит, когда мы слышим что Lotreschi Пицигани отожествляют с нынешним Латрыком или Lochahi с Увеком. Особенно это курьезно в тех случаях, когда авторы таких отожествлений даже не знают языка, на котором написаны легенды карт и не могут их правильно прочитать. Я не стану распространяться по этому вопросу, а предложу желающим проверить меня со вниманием проштудировать статьи Чекалина о картах Пицигани и Мауро в II т. Трудов Саратовской Ученой Архивной К-сии.

Переходим к Булгарской летописи Шереф-Булгари, в которой по мнению Чекалина встречается самое раннее упоминание имени Саратова. Очень жаль, что летопись Булгари до сих пор полностью не переведена на русский язык и суждение о ней приходится составлять по тем выдержкам, которые опубликованы некогда казанским проф. Березиным, и цитатам, заимствованным из этой публикации Чекалиным. Березин и Чекалин считают Булгари писателем XVI в., основываясь на том, что он поставил себе задачей рассказать о шейхах и святых, живших в г. Булгаре до 989 г. гиджры. По мнению Чекалина это является доказательством, что Булгари писал свою летопись около 1581 г. Березин же, на отсутствии в летописи упоминаний о русском владычестве, строит предположение, что автор жил в 1-й пол. XVI в. Нет надобности распространяться о том, насколько мало обоснованы такие выводы. Выбор темы Булгари для своего сочинения показывает лишь, что он не мог писать раньше 989 года Г.; умолчанье же о русском владычестве проще всего об'ясняется самым сюжетом летописи. Из того, что мы знаем о Булгари, мы вправо скорее заключить, что этот писатель жил по крайней мере столетием позднее, чем это думает проф. Березин.

Описывая подвиги шейха Касима и второго его преемника, Булгари говорит, что они просветили светом истинной веры жителей Уфы, Алатыря, Симбирска, Саратова, Царицына и Тобольска. Путем очень остроумных догадок Чекалин приходит к заключению, что знаменитые апостолы ислама проповедывали в Саратовском Поволжье не позже, как в середине XV в., т. е., другими словами, что к этому времени существовали уже все перечисленные выше города. Правда, все это были татарские города, погибшие затем от неизвестных и необ'яснимых причин, оставившие развалины, на которых потом возникли русские поселенья с прежними татарскими названиями. Странно только, что о существовании таких городов в XV в. мы узнаем только от одного Булгари, не находя на них никаких указаний в других источниках того времени. Такое умолчание по отношению ко одному—двум городам вполне возможно, но трудно допустимо к целому ряду городов, существовавших втечение не одного сто-

летия. Упоминание об этих городах в труде Булгари гораздо проще и естественнее можно об'яснить тем, что он писал свою историю в то время, когда перечисленные им города уже действительно и несомненно существовали, т. е., принимая во внимание, что в числе таких городов значится и Симбирск,—не раньше половины XVII в. Чекалин и сам чувствовал ненадежность своих выводов, сделанных на основании истории Булгари, но утешал себя тем, что мы ничего не знаем о внутренних отношениях Казанско-болгарского царства и почти ничего по топографии этого царства и Астраханского за время их самостоятельного существования, а также и тем, что, не смотря *на очевидное* желание показать торжество и широкое распространение ислама у Булгари, мы не можем заподозрить точность и достоверность его исторических указаний. Правда, мы мало знаем о внутренних отношениях и топографии приволжеских царств, возникших на развалинах Золотой Орды, но утверждение, что мы находимся в полном неведении по этим вопросам несколько преждевременно: все же кое-что, и не так уже мало, известно и было известно к тому времени, когда писал свою статью Чекалин. Стоит назвать хотя бы почтенный двухтомный труд проф. Перетятковича, Очевидное желание Булгари показать торжество и широкое распространение ислама у болгар, отмеченное нашим автором, указывает и место, какое должно занять это сочинение. Очевидно, мы имеем здесь дело с памятником агиографической литературы, с болгарским патериком, если можно так выразиться. Ведь и сам Булгари говорит, что он хочет написать не историю своего народа или города, а историю святых, живших в этом городе. Т. о., это труд не исторический, а религиозно-нравственный. Если мы и встречаем в нем исторические неточности, смешение дать хронологических и т. п., то все это мы не можем относить к намеренной недобросовестности автора. Он просто не интересовался подобными, с его точки зрения, пустяками, имея ввиду более важную цель—прославление своего святого, а для этой цели все хорошо, что только к ней подходит. Сколько в нашей старинной литературе имеем мы житий, блестящих с агиографической и литературной стороны, но которые совершенно невозможно приурочить к определенной эпохе или местности! Сколько легендарного в любом житии и сколько труда должен положить историк, чтобы из необ'ятного вороха мякины отвеять одно единое зерно исторической истины, установить один крошечный исторический факт. То же и по отношению к Булгари. Нет надобности обвинять его в недобросовестности; с своей точки зрения он вполне добросовестен, но прежде чем использовать его труд как исторический источник нужна предварительно сложная критическая работа, которая определила-бы место и ценность Булгари как историка. Такой работы, насколько известно, еще никем не сделано, и потому мы и не имеем права случайное указание татарского духовного

писателя, живщего неизвестно когда, но, повидимому, на ранее ½ XVII в., принимать за установленный исторический факт и на основании его строить свои выводы. Разобрав то, что нам известно про Булгари, мы можем сказать про его труд тоже, что сказал Соловьев про Казанскую летопись, т. е., что это источник мутный.

Далее наш автор переходит к утверждению, что на левом берегу Волги, еще до построения Саратова, в весьма близком от него расстоянии и всего вероятнее на самом его месте находился стоялый, т. е. летний острожек или станица ввиде центра сторожевых раз'ездов вверх и вниз по Волге. При этом он ссылается уже на разбиравшийся нами документ 1571 г. об учреждении сторожевой службы на южной и восточной окраине тогдашней России. Место этого д-та, где сказано, что станице „стояти в поле на Волге под Караманским лесом" он толкует в том смысле, что она была именно на луговой стороне *(в поле)* Волги и южнее, ниже *(под лесом)* так наз. Караманокого леса. В одной из предыдущих глав мы уже имели случай подробно останавливаться на этом вопросе и пришли к заключению, что по соображениям практического свойства (раз'езды из станицы вверх до Тетюш, а вниз до верховьев р. Балыклеи) более вероятно, что станица находилась на правом берегу Волги. Выражение же *в поле* нет никаких оснований толковать в смысле Заволжья. По крайней мере, нам неизвестно ни одного документа, где бы данное выражение употреблялось именно в этом значении. Но зато в нашем распоряжении целый ряд документов, прилагающих название поля к местам, находящимся на правом берегу Волги и, в частности, в нашем же Саратовском крае. Повторяю, что сам по себе цитируемый д-т не дает никаких указаний на местоположение станицы кроме одного: что она была под Караманским лесом. Но и это указание нельзя понимать в том смысле, как это делает Чекалин, т. е., что *под* значит *ниже* Караманского леса. Если принять в расчет, где писался д-т (Москва), то, понимая выражение буквально, мы должны принять, что речь идет о местности, находящейся скорее выше, чем ниже Караманского леса. Кстати, внесем одну фактическую поправку. Наш автор утверждает, что упоминаемая станица просуществовала лишь до 1576 г., а затем перенесена была на реку Ворону. Я не знаю, на чем основывается такое утверждение. По крайней мере, в тех актах о сторожевой службе, которые до сего времени опубликованы, мы нигде не находим указаний, подтверждающих его. Но за то имеется д-т, опровергающий это мнение. А именно Перетяткович цитирует из ногайских дел одну переписку, из которой видно, что в 1581 г. ногайский князь Урус собирался итти войною на Русь. Этому намерению воспротивилась ногайская аристократия, которая ссадила князя с коня говоря ему: „как тебе итти на Русь!... нынче на Волге везде сторожи, и они тебя за Волгу не пустят". Слово *везде* показывает, что сторожи были

во всех местах, где была опасность перехода ногайцев через Волгу и где было особенно удобно наблюдать за ними. Т. о., мы имеем здесь дело не с сокращением числа сторожевых пунктов, а с увеличением их, что подтверждает и Борро, насчитавший только на протяжении от Царицына до Астрахани 5 караулов. Цитируя известную память стрелецким головам от 23 мая 1614 г. Чекалин из выражения „заезжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажаев, а от городища заезжали к Саратову близко 10 верст и прислали колокола“ делает сначала совершенно правильный вывод, что в 1614 г. одновременно с Саратовским городищем существовал и город Саратов. Но исходя из предвзятого мнения, что Саратов 1590 г. построен на луговой стороне и находя там же город и в течение почти всего XVII в., он не может допустить одновеменного существования на луговой стороне городища и упоминаемого в памяти города, а потому этот последний переносит на правый берег, а чтобы обяснить существование городища, где копали стрельцы, располагает на правом берегу Волги древнее татарское поселенье Золотой Орды. Однако, действительное положение вещей не позволяет успокоиться на таких выводах. Ведь все документы, начиная с 1624 г., говорят о Саратове на левом берегу и нашему исследователю, чтобы примирить противоречие своих выводов с действительностью, приходится допускать существование еще третьего, неофициального города, возникшего одновременно с официальным, но только на горной стороне Волги. Или, говоря словами самого Чекалина, „Со времени своего основания самый город Саратов, или точнее Саратовский острог... с воеводою и лишь с гарнизоном из стрельцов, находился на левом берегу Волги... Посад же его, без сомнения гораздо более значительный, находился... на правом ее берегу“. Но тут выступает на сцену третий пункт, а именно,—то Саратовское городище, на котором стрельцы в 1614 г. выкопали колокола. Чекалину по необходимости приходится отожествить его с г. Саратовом. Для подтверждения ряда своих гипотез исследователю приходится громоздить еще целый ряд других предположений, большею частью весьма шатких, прибегать к искусственному об'яснению документов, дающих ясные указания и т. д. Слова городище и пепелище, встречаемые в актах 1614 г., происхождение и смысл которых совершенно определенны и не допускают сомнений, Чекалин толкует как поселения, основанные на старых укреплениях. То обстоятельство, что путешественники XVII в., видевшие Саратов на левом берегу и не видевшие поселка, *гораздо более значительного*, на правой стороне Волги, он об'ясняет тем, что они шли рукавом Волги и не могли видеть правобережного Саратова. Теперь, с опубликованием в 1907 г. путешествия Котова, в нашем распоряжении имеется д-т, удостоверяющий, что в 1623 г. Саратов *весь* со *всем* своим населением, с амбарами и торговыми складами находился на луговой

стороне и никакого посада в то время на правой стороне не было. Но оперируя, только оперируя правильно, и с теми документами, которые были ему известны, Ч. не пришел бы к таким искуственным и ничем не оправдываемыми выводами. Наконец, самое полное и блестящее подтверждение своих выводов о том, что Саратов занял место одноименного татарского поселения, Ч. находит у голландского географа Николая Витзена, который называет Саратов небольшим городком, населенным солдатами для наблюдения за калмыками, и замечает, что *этот некогда громадный*, построенный из обожженного кирпича город, представлялся в его время уже в большею частью разрушенном виде и сохранил следы многих драгоценных палат, между которыми особенно отличался большой увеселительный дворец, построенный Тамерланом. Приводя эту цитату в подтверждение своих выводов Ч. находится в убеждении, что Витзен описал Волгу как очевидец, во время путешествия, совершенного по России в 1666—7 г.г. Что же нам известно о Витзене и его путешествии? Витзен (1641—1717)—голландский юрист, ученый и государственный деятель—играл весьма важную роль в истории Нидерландов вообще и в развитии Амстердамской общины, бургомистром которой он был, в особенности. Для России В. имел значение своим трудом „О странах северной и восточной Азии и Европы" и своими отношениями к Петру. Еще молодым человеком, в 1664 г., В. прибыл в Россию с голландским посольством, во главе которого стоял Бориль; официального места при посольстве он не занимал и вопрос о целях поездки является спорным; по всей вероятности они были часто научные. Последний биограф В. Гебгард отвергает мнение о вторичной поездке В. в Россию в 1665 и и 1667 г. или о пребывании его там после от'езда Бориля; точно также неверно мнение о поездке В. из Москвы к Каспийскому морю и Ледовитому океану. В Москве В. собирал материалы для своего труда, для чего и познакомился с находившимися в Москве представителями разных народов: самоедов, татар, персиян; он записывал их рассказы, собирал данные для составления карты Сибири, чертил виды городов и т. д. И после от'езда из Москвы он находился в сношениях с такими лицами как резидент Генеральных Штатов Кеплер и Андрей Виниус. Из переписки В. с Лейбницем видно, что многими своими сведениями он обязан Спафарию и самому Петру В. Корреспондентов он имел даже в таких отдаленных странах, как Япония и Персия. Собирание и обработка материалов стоили 25 лет труда. 1-е издание вышло в Амстердаме. Это издание очень редко и было почти неизвестно даже современникам автора. Оно разделено на 2 части, из которых 1-я представляет компиляцию из трудов разных авторов, а во 2-й автор описывает народы Сибири до Тихого океана, спускается затем до берегов Касп. и Черн. морей и через Астрахань и Казань возвращается в Сибирь. Все сочинение есть сборник разных доставленных В. опи-

саний и донесений, часто от лиц, которые сами были в описываемых ими странах. Второе издание, вышедшее в Амстердаме в 1705 г., отличается от 1-го тем, что в нем выпущена 1-я компилятивная часть и взамен ее сильно увеличена 2-я—самостоятельная. В. пользовался громадным авторитетом в вопросах, касавшихся России. Современники называли его новым Колумбом. (Из ст. А. Браудо. Энц. словарь Брок. и Ефр. т. XII).

Итак мы видим, что, несмотря на свой вполне заслуженный авторитет, Витзен сам на Волге не бывал и те сведения, которые он сообщает, в свою очередь, не всегда доставлялись ему очевидцами. Насколько иногда, в частности по отношению к Саратову, данные, которыми располагал Витзен, были устарелыми видно уже из того, что он помещает наш город на луговой стороне, между тем, как ко времени выхода в свет труда В. Саратов около 20 лет был на горной стороне. То же мы видим и во 2-м издании (которым пользовался Чек), выпущенном в 1705 г., т. е. через 30 лет после того как Сарат. обосновался на настоящем месте. Из этого маленького примера мы можем судить, что В. не всегда мог проверить и обновить имевшиеся у него сведения и что ему не всегда была даже известна новейшая (по его времени) географическая литература. Так, опять таки по отношению к Саратову, он мог получить более свежие сведения из книги Авриля, напечатанной в Париже в 1691 г. Авриль был в Саратове осенью 1687 г. Возвратимся, однако, к описанию В-на, которое так восхитило Ч-на. Рассказав о Саратове то, что он мог узнать не только из личного посещения, но из давно уже, в его время, известных трудов Олеария и своего земляка Стрюйса, Витзен начинает об'яснять название нашего города. „Саратов, говорит он, получил свое имя от того города, который Рубруквис называет Сараем на Этили или Волге, где Батый или Берка содержал свой двор. Там, говорит Рубруквис, на 7 миль простирается равнина, орошаемая различными рукавами реки, изобильными рыбою. 63 года существовал этот знаменитый и цветущий город, который был так велик, что раб, убежавший от своего хозяина, мог прожить в нем 10 лет ни разу не встретившись с своим господином. Он лежал на одном из рукавов Волги, называемом Синкеле. Тамерлан истребил город Сарай, Сарайчук, Хаджитаркан или Астрахань и всю окружающую их страну после того, как Тохтамыш был побежден им в битве. Этот город Саратов, который прежде принимали за Сарай, у окружающих его народов называется различно; татары называют его серай-хан или серай-хана, что означает родину царя великого царства. Саратов, продолжает В., представляется теперь в большею частью разрушенном виде, тогда как в былое время это был громадный город, построенный из обожженного кирпича; в нем было много богатых палат и между ними большой увеселительный дворец. Некоторые говорят, что это был один из главных городов, основанный или назначенный

быть таковым Тамерланом; другие же—что он был основан ранее при Александре, но потом был разрушен Тамерланом, как сказано выше. Вот все, что с наибольшей вероятностью можно сказать по этому поводу. Оставшиеся кирпичи вследствие нужды перевозятся отсюда в Астрахань, где строятся крепость, церкви и палаты, подобно тому, как они перевозятся туда же с Ахтубы, где и до сих пор существует еще прекрасный город".

Приведенных выписок достаточно для убеждения в том, что мы имеем дело не с оргинальным произведением, а с весьма плохой компиляцией. Достаточно указать, что Камышин помещен Витзеном недалеко от Астрахани; Переволокою называется водораздел между Камышинкой и Иловлей и т. п. С такой же компиляцией мы имеем дело и в том отрывке, который привели выше. Ясно, что при попытке об'яснить название Саратова Витзена ввело в заблуждение созвучие этого название с Сараем и он приложен к нашему городу все, что ему было известно о столице Золотой Орды. Действительно, из раззалин Сарая массами вывозился кирпич для Астраханских построек и с этой целью ежегодно туда командировались военные отряды. Несмотря на такое, по истине варварское отношение, еще и теперь на протяжении целых десятков верст окрестности Царева покрыты грандиозными остатками былой жизни. Вся поверхность окружающей Царев степи усеяна курганами, скрывающими фундаменты разрушенных зданий, щебнем от кирпича, обломками изразцов, осколками посуды и т. д. Многовековое запустение и расхищение не могли до сего времени стереть следов города, в котором, судя по площади, занятой этими следами, действительно раб мог скрыться от своего господина. Но напрасно стали бы мы искать таких же следов на месте левобережного Саратова, если бы, поверив словам Витзена, отправились туда. Нужно заметить, что свидетельство Витзена с комментариями Чекалина пользуется широкой популярностью среди местных археологов и неоднократны попытки найти указываемые В. развалины. В этих песках мне и самому приходилось участвовать, но кроме нескольких черепков от татарской посуды и незначительного числа татарских монет в окрестностях бывшего лугового Саратова до сего времени ничего не найдено. Подобные же находки так обычны в наших местах, что заключать по ним о существовании на месте находки не только огромного города, но даже и небольшего поселка нельзя. Словом, суровая действительность не подтверждает мнения Чекалина о существовании на месте старого Саратова сколько нибудь значительного татарского поселения. А разбор остальных положений почтенного исследователя показал нам, что и они в огромном большинстве не выдерживают, как говорится, критики, исходят из предвзятого мнения и покоятся на неправильном толковании документов. Между прочим, в доказательство своего положения, что посад существовал с самого начала Саратова Чекалин приводит указание на уступку

саратовским посадским Ивашкой Соколовым Четырехсвятскому м-рю пожни, которая отведена ему в 1591 г. Т. о., выходит, что если в 1591 г. у нас уже были посадские, то, следовательно, существовал и посад. Приведенное указание взято Ч. из сенатской записки о землях г. Саратова, отпечатанной для раздачи сенаторам в 1839 г. Действительно, на стр. 266 этой записки мы читаем, что строитель сарат. Спасопреображ. м-ря в прошении на имя межевой к-ры говоря о двух монастырских пожнях, указывал, что одна из них перешла во владение м-ря по поступной записи от саратовского посадского Ивашки Соколова в поминовение по родителям своим, которая ему Соколову отведена была во владение по указу 7099 года и по выписи стольника и воеводы Нестерова. Сенатская записка очень плохо корректирована и мы встречаемся здесь с массой опечаток. При сколько нибудь внимательном отношении к тексту записки не трудно было-бы догадаться, что с такой опечаткой мы имеем дело и здесь Прежде всего, Четверосвятский м-рь, предшественник Спасопреображенского, возник только в 1680-х г.г. и потому Соколов, получивший землю в 1591 г. едва-ли мог бы передать ее м-рю возникшему почти через столетие после отвода ему пожни: для этого ему в момент передачи должно было-бы быть около 140—150 л. от роду. Возраст, конечно, возможный, но весьма редко выпадающий на долю человека. Затем, строитель м-ря указывает кроме даты указа об отводе также и имя воеводы, давшего указ, а именно Нестерова. Нестеров часто упоминается в записке, т. к. он не раз выдавал саратовцам указы на пожни. Эти указы датируются началом 1690 х г.г. И действительно, все что мы знаем о Нестерове показывает нам, что он воеводствовал на Саратове в 1691—1692 г.г. Наконец, на стр. 264, той же записки, где опять идет речь о притязаниях монастыря на пожню, вновь упоминается об отводе ее Соколову, но дата отвода отнесена уже к 7209 г., т. 1700—1701. Несомненно и здесь мы имеем дело с опечаткой, хотя и более близкой к действительной цыфре года (7199), но уже самое разногласие в показаниях записки на год отвода пожни, легко заметное, бросающееся так сказать в глаза, т. к. всречается оно на протяжении всего 2-х страниц, обязывало исследователя сделать все возможное для раз'яснения его. а не давало ему права брать ту из очевидно разногласящих дат, которая более пригодна для подкреплений его поспешно составленной теории.

Итак, в своем изложении мы дошли до возникновения первых русских постоянных поселений в нашем крае. Как мы видели, такие поселения возникли у нас очень поздно, лишь в самом конце XVI в., притом в незначительном количестве: всего два города к концу века насчитывалось на громадном пространстве той области, которую мы определили как Саратовский край. Да и эти поселения носили специально военный характер: их цель не использование естественных богатств края, а защита ве-

ликого волжского пути от воров—казаков и частью охрана русских украин от набегов ногайцев. Т. о., о колонизации в собственном смысле слова здесь нет еще речи. Волна русского оседлого населения еще не докатилось до нашего Поволжья. Русский поселенец в то время еще не успел заполнить того простора, который с падением Казани открылся для него в северной части Поволжья. Только в Казанской области мы в XVI в. наблюдаем появление земледельческого населения. Пройдут десятки лет, прежде чем рыбачьи станы и ватаги покроют берега по среднему и нижнему теченью Волги, и нужно ждать еще добрую сотню лет, пока плуг и соха земледельца проведут первую борозду в девственной почве Саратовской степи. Были ли, кроме Саратова и Царицына другие поселения у нас в XVI в.?

В одном из сенатских дел, хранящхся в б. местной архивной к-ии, а именно в переписке по прошению поверенного кр-н с. с. Березников и Воскресенского с прилежащими деревнями об ускорении дела их о земле с генералом Апраксиным в 1802 г. имеется указание на то, что при производстве этого дела в сенате поверенный от крестьян ссылался на разные старинные документы в подтверждение своих прав на землю и, между прочим, на писцовые книги 97-го, т.-е. 1589, а б. м. и 1588 года. Самого д-та в деле нет. На основании-же одного этого указания было-бы преждевременно делать заключение о том, что Воскресенское или Березники заселены в XVI-м еще веке. Олеарий, проехавший Волгой в 1630-х г.г., определенно говорит, что на всем протяжении нашей Волги не было ни одного села или деревни. Нет никаких данных, которые заставляли-бы усумниться в этом показании знаменитого путешественника. Т. о., пока, я склонен толковать указание поверенного крестьян в том смысле, что в 97-м году московскому Воскресенскому монастырю было дано право на рыбные ловли в местности, где потом возникло село, принадлежавшее м-рю. Но и при таком толковании приводимое указание очень любопытно, т. к показывает, что экономическое значение нашего края начало сознаваться еще в XVI в. и богатые московские монастыри уже в то время делали попытки (столь многочисленные в XVII в.) закрепиться в нем.

ГЛАВА X.

Не сохранилось почти никаких достоверных указаний на то, что представляли по внешности города, возникшие в низовом Поволжье в первое время после их постройки. Поэтому, для решения данного вопроса, приходится довольствоваться или скудными намеками немногочисленных документов XVII в., или преданиями, а не то, за отсутствием всякого фактического материала, и простыми домыслами. Так, Леопольдов, принимая развалины левобережного Саратова за следы первоначального города

постройки 1590 г., говорит, что он был окружен двойным земляным валом. Каменных строений в нем не было; церквей—не более одной и то деревянной. Управляли им воеводы, а население образовалось из казанских переведенцев. Но затем, в заметке о старинной часовне, на месте которой в настоящее время находится так называемая Киновия, он на основании исчезнувшей теперь рукописи, некогда хранивщейся при часовне, и народного предания—рассказывает, что она существовала с 1590 г. за городом у большой Московской дороги, а первоначально была деревянной. Сведения, сообщаемые Леопольдовым не могли по своей краткости удовлетворить позднейшего местного историка А. И. Шахматова и он в своих исторических очерках г. Саратова и его округи дает, если и не более достоверное, то более подробное изображение первоначального вида нашего города (стр. 36 и след.) „Предание говорит, что заволжский Саратов, кроме естественных защит со степной стороны, состоящих из извилистого течения речки Саратовки, Крупенного оврага, шедшего между речками, был окружен двойным валом с надолбами, имел несколько церквей; из коих одна во имя Нерукотворенного Спаса, запрестольный образ которого находится в Саратове в старом соборе Пресвятой Троицы. Собор был деревянный на каменном фундаменте, стены и потолки внутри, вместо штукатурки, оклеены холстом, по которому рисовались образа и сцены из св. писания. Колоков не было; вместо них были металлические доски, привешенные на столбах, врытым подле церкви. В эти доски ударяли особого рода молотками (клепало) для набата и призыва христиан к молитве. Такие доски, но меньшего размера, имелись на сторожевых башнях. Другая церковь была Казанской Божией Матери, основанная при устройстве Саратовской станицы.—Т. к. стены городов, построенных в царствование Фед. И-ча делались в очень редких случаях каменными, а чаще деревянными, насыпанными внутри землею и песком, или крепкосплетенными из хвороста, а потому, по изобилию в Саратовской местности этого растения, городские Саратовские стены были из хвороста, крепко сплетены в два ряда, между которыми была земля и песок, на подобие того, как делают и поныне в деревнях Сарат. и Самар. г.г. землянки и мазанки".

„В административном отношении Саратов первоначально был причислен к Астрахани, из нее исходили все главные распоряжения и приказания, а следовательно он составлял самый северный сторожевой пункт южного Поволжья. Т. к. г. Саратов и другие города южного Повожья, продолжает Шахм., построенные в конце XVI ст. „были основаны по преимуществу с военною целью, то первоначальными жителями Саратова в то время были ратные люди: стрельцы, т.-е. теже станичники... Число таковых стрельцов в первое время состояло из 150 чел., а впоследствии 500 и они составляли приказ или роту; делились на сотни, сотни на десятки. Приказом начальствовал голова, сотнею

—сотник, десятнею—десятник. И все они назначались из детей боярских. Посадские и даточные люди были в небольшом количестве и поселились здесь для производства разного рода работ по постройкам и для снабжения ратных людей города продовольствием и содержанием. Они же на всякий случай были вооружены луками и стрелами. Административное управление в первые годы построения Саратова над всеми жителями, в нем находившимися, было в лице воеводы, который присылался из Москвы. Хозяйственное заведывание городом и суд над местными жителями находились в руках земского и губного старост, избираемых сходом: первый из среды всех жителей вообще, а второй из среды начальных людей—детей боярских. Земский староста во всех хозяйственных делах города и ближайшей к нему местности был представителем всех жителей, обязанных какими либо повинностями в пользу государства, а потому главным предметом совещаний и распоряжений земских старост в „земской избе“ была раскладка податей на посадских и даточных людей, выбор окладчиков и целовальников к государственному делу и все городское хозяйство“. Далее Шахматов подробно рассказывает какое жалованье получали саратовские служилые люди и какие цены якобы существовали у нас на разные припасы и товары. Заканчивает же он так; „источниками для удовлетворения денежным жалованьем служилых людей были общественные рыбные, лесные и другие промыслы, подати и разного рода сборы с посадских торговых и приезжих людей. В случаях неудовлетворительного поступления в земскую избу этих сборов и податей, взыскание недоимок производилось посредством правежа, который состоял в том, что недоимщиков выводили на площадь против земской избы и в присутствии воеводы наказывали розгами до тех пор, пока недоимщик сам или кто либо из сострадании к нему не уплатит числящейся за ним недоимки, всей или хотя бы части. В последнем случае правеж откладывался, но повторялся на следующей неделе, и так до тех пор, пока недоимка не будет уплачена сполна. Еще не успели зажить раны от первого правежа, как недоимщика снова ведут на площадь для новых терзаний. Такие, еженедельно повторяющиеся, сцены правежа недоимок и наказания по приговорам губных старост за поступки и преступления естественно ожесточали нравы первоначальных жителей Саратова и без того уже видевших жестокие расправы среди окружавших их диких кочевников. При таких условиях саратовцы не замедлили заимствовать свободное и скотское отношение к семье, грубое и жестокое отношение друг к другу и все, что только услаждало и удовлетворяло только грубые страсти“. Такова квртина первоначального Саратова, нарисованная Шахматовым. Нам, волей—неволей, приходится останавливатся на ней хотя бы уже потому, что только одним Шахматовым до сего времени дано по истории нашего города то, что называется книгой. Это обширный труд в

несколько сот страниц, с картами и снимками; труд, из которого щедрою рукою черпали материал не только составители популярных брошюр по истории местного края, календарей, путеводителей и т. п., но и более серьезные исследователи, вроде В. П. Соколова, автора монографий о саратовском старом Соборе, когда по ходу изложения автору требовались справки по истории края. А между тем, если не считать некоторых догадок, более или менее удачных, источником которых служит соображение, что саратовская жизнь должна была в общих чертах сходствовать с жинзью современных ему остальных провинциальных городов, вся картина, так живо нарисованная Ш-м, покоится единственно на фантазии автора и ни одна из черт этой картины не могла бы быть подтверждена им документально. Взять хотя бы описание саратовских укреплений, которые по домыслу автора состояли из двойного рода плетней, между которыми была набита земля и песок. В нашем распоряжении имеются лишь скудные сведения о том, как строились укрепления небольших пограничных городов в XVI ст., но и то, что известно, говорит не за, а против Шахматова. Из грамоты воеводе кн. Григ. Засекину, где упоминается о постройке Царицына, видно, что этот город был выстроен из дерева, которое на судах сплавлялось с верховьев Волги. Тот же Засекин, через год—два, строит и Саратов и естественно предположить, что техника постройки в обоих случалх была одинакова, т.е. что и Саратов был срублен из дерева. Самые ранние из дошедших до нас данных по этому поводу нач. XVII в. говорят также, что в Саратове, как и в Царицыне, город был деревянным. Самую процедуру постройки, если уже руководствоваться аналогиями, мы могли бы представить хотя бы из того, что мы знаем из документов, относящихся к постройке Свияжска в 1551 г. По свидетельству летописи, царь, задумав построит этот город на облюбованном им месте, послал дьяка Выродкова, а с ним детей боярских на Волгу в Углицкий уезд в вотчину кн. Ушатых „церквей и города рубити и в судах с воеводами на Наз везти, еже и бысть“. „А города ставити и вперед в городе быти воевод своих государь отпустил боярина и воеводу кн. Сем. Ив. Микулинского и т. д., а наказал им царь и государь, велел им город поставить на Свияжском устье на Круглой горе за 20 верст от Казани и как даст Бог город поставят и боярин и воевода кн. Сем. Ив. воеводам ворота разделит“. Воеводы пришли к назначенному месту 24 мая в неделю всех святых и „вылесчи воевод великого князя из судов начаша лес сещи, где быти городу и, очистя гору, пев молебная и воду освятя и с кресты по стенному месту обошли и обложили город и церковь в городе заложили во имя Рождества Пречистые и чудотворца Сергия.. Город же, который сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас сделали, велико бо бяше место, и свершили город в четыре недели“.

Приведенный отрывок летописи дает нам изображение постройки города, происходящей при несовсем обычной обстановке, на месте, облюбованном самим царем, во время похода на Казань, притом города обширного. По сообщению Перетятковича-свияжские стены имели почти $2^1/_2$ версты протяжения. Но самый порядок закладки городов из этого отрывка совершенно ясен. Конечно, прежде всего выбиралось место, где должен был стоять город, а затем назначалось уполномоченное лицо, воевода будущего города, на обязанность которого возлагалось наблюдение за постройкой его. Для ускорения дела, как, например, в случае с Свияжском, стены города и будущих в нем построек заготовлялись заранее в северных богатых лесами приволжских уездах и затем на судах сплавлялись к избранному месту. Понятно, что такое важное дело, как построение нового города, начиналось с молитвы по установленному православной церковью на этот случай ритуалу; место будущего города окроплялось св. водой, по линии будущих стен проходил крестный ход, а затем приступали к закладке первого здания—храма. Совпадение некоторых выражений в приведенном отрывке летописи и в грамоте кн. Засекину невольно наводит на мысль, что порядок постройки новых городов в XVI в. уже строго установился, а то обстоятельство, что в упоминаемой грамоте говорится о судах, на которых был привезен лес для постройки Царицына, заставляет думать, что и царицынские укрепления и здания были первоначально заготовлены где-то в верховьях Волги и в готовом виде сплавлены на Переволоку. Все сказанное про Царицын приложимо и к Саратову. Более чем вероятно, что и постройка Саратова происходила совершенно также, как и постройка Свияжска, с той только разницей, что наш город при своем возникновении несомненно был гораздо менее обширен, чем Свияжск. Так же, как и там, у нас служился молебен, так как совершенно невероятно, чтобы при основании города были оставлены без удовлетворения религиозные потребности будущих его обитателей, а потому при отряде должен был находиться священник; и так, повторяю, служился молебен, место будущего города было окроплено св. водою, а первым зданием был храм. Но в чье, как говорится, имя был сооружен этот храм—за отсутствием прямых указаний положительно сказать нельзя. Во всяком случае не во имя св. Троицы, как утверждает Шахматов; по известиям, относящимся к 30-м г.г. XVII ст., соборной церковью у нас была Никольская *). К области чистой фантазии следует отнести и утверж-

---

*) По чисто местным условиям печатание книжки необыкновенно затянулось и за это время мне удалось побывать в Москве и в тамошних архивах собрать кое какой материал по истории нашего края, относящийся, гл. обр., к 1-й пол. XVII в. Использовать и обработать этот материал должным образом для включения в настоящий курс при печатании его невозможно. Таким образом, те поправки и дополнения, которые существенно необходимы, в дальнейшем будут даваться в виде примечаний. В данном, например,

дение, что в новом городе была и другая церковь Казанской Б. М., основанная еще при устройстве Саратовской станицы. Мнение о глубокой древности существования в Саратове храма, носящего это наименование, основано главным образом на предании, но документально, как увидим потом, когда будет итти речь о местных монастырях, не может быть прослежена глубже 20-х г.г. XVII ст. Также фантастично и утверждение об отсутствии в первое время колоколов при церквах и о замене их билами даже и для сторожевой службы на городских укреплениях. В неоднократно цитированной памяти стрелецким головам 1614 г. говорится, что на месте сгоревшего первого Саратова стрельцы выкопали какие-то колокола, которые и представили по начальству. Несомненно, что это были колокола церковные, так как для сторожевых целей употреблялся (судя по примерам XVII в.) только один колокол, носивший название вестового и входивший в инвентарь города, при передаче его одним воеводой другому, наравне с пушками, военными припасами, денежной казной и т. п. Равным образом у нас нет никаких указаний на то, чтобы в XVI в. Саратов в административном отношении был подчинен Астрахани. Такое подчинение относится к гораздо более позднему времени, а именно лишь к XVIII в., и было далеко не так продолжительно, как обычно думают, так как длилось всего 60—70 лет. Даже и в церковном отношении Саратов стал в подчинение от Астрахани только с начала XVII ст., со времени учреждения особой астраханской епархии. Если уже и может итти речь о подчиненности Саратова какому либо городу, то только Казани, откуда, напр., в XVII в. в случае крайности командировались сюда временные воеводы. Всего же вероятнее, что Саратов ведался непосредственно из Приказа Каз. Дв., где сосредоточивались почти все стороны управления обширной территории бывших царств Казанского и Астраханского. Говорить о посадском населении в Саратове XVI в., о существовании здесь земских и губных старост, земской избы и т. п. вовсе не приходится, так как у нас совершенно нет данных для суждения о том, существовало ли в Саратове в то время неслужилое тяглое население: через полвека после своего возникновения город насчитывал едва 3 десятка неслужилого, посадского населения. Даже и для суждения о том, как велико было служилое население Саратова, его гарнизон в XVI в., в нашем распоряжении пока не имеется никаких данных. Нет надобности доказывать, что сцены правежа на площади перед земской избой и того огрубения нравов саратовских жителей, которое являлось результатом еженедельного

случае мнение о приоритете в Саратове Никольской церкви основывалось на работе проф. П. П. Смирнова, которая подробнее будет использована далее. Но в Московском Государственном Архиве хранится дело по обвинению в неправильных действиях по службе саратовского воеводы кн. Мышецкого (Приказные дела, св. 43 № 34), из которого видно, что в 1621 г. в Саратове существовал Троицкий собор и Никольская приходская церковь.

созерцания таких сцен, нужно отнести только на счет живости воображения почтенного автора.

Чекалин в своем „Саратовском Поволжье“, очень мало говорит о внешности и внутреннем состоянии Саратова, посвящая все свое внимание доказательству того положения, что с самого момента возникновения Саратова как крепости на левом берегу Волги, на противоположном берегу возник другой Саратов-посад, населенный неслужилыми людьми. Разбору этого положения мы и так уже отдали не мало времени и внимания, а потому на этот раз и не будем останавливаться на нем. До сих пор мне почти все время приходится говорить исключительно о Саратове, о Царицыне же не сказано и десятка слов. Об'ясняется это тем, что Царицыну в нашей местной исторической литературе уделяется очень мало внммания. Кроме словаря Минха, где этому городу посвящена большая статья, мне почти неизвестно никаких других работ по данному вопросу. В этой статье приведена полностью и летопись Лугарева, где записано предание об основании Царицына и о первых его насельниках. Это предание также уже подвергалось нашему разбору и мы должны были притти к заключению о его полной недостоверности Обратимся теперь к известным нам несомненным документам, относяшимся к жизни наших городов за XVI в. Немногочисленны эти документы и бедны содержанием. Их все, как говорится, можно пересчитать по пальцам. Вот они: В 1589 г. волжский атаман Никита Болдырь приводит на Переволоку к воеводе кн. Гр. Ос. Засекину и к Ивану Нащокину воровских казаков, пойманных им на Волге. Те же воеводы посылают его на Волгу для ловли разбойников в 1589 г., а в следующем новый царицынский воевода Роман Олферов посылает его на Медведицу за воровскими казаками. В этом же году он получает подобную командировку и от саратовских воевод, того же кн. Засекина и Ѳ. Турова. Затем даже и эти скудные известия прекращаются надолго и только от 1597 г. до нас дошли имена лиц, воеводствовавших в С. и Ц. В С. воеводою был Ив. Григ. Волынский, а в Ц.—кн. Ин. Мих. Елецкий, да Вас. Борис. Сукин. Кроме того здесь упоминается стрелецкий голова Илья Степанов. Тот же Волынский воеводствовал в С. и в 1599—1600 г.г., но в Ц. в это время был уже кн. Петр Ив. Шелешпанский и Богд. Мих. Радилов. В 1600-м же году Волынского в С. сменил Григорий Елизаров.

Эти, более чем скудные, сведения о Саратове XVI в. могут быть несколько пополнены благодаря документам, опубликованным академиком Веселовским. Именно, во II т. вышедшего под его редакцией в 1892 г. издания: „Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией“ напечатана переписка относительно посольства в Персию кн. Ал-дра Федор. Жирового-Засекина. На эту переписку мы имели уже случай ссылаться, когда разбирали вопрос о том, где первоначально должен был стоять Саратов. Посольство кн. Засекина было снаря-

жено осенью 1600 г. для извещения шаха Аббаса о вступлении на престол царя Бориса Федоровича и носило довольно торжественный характер. С послом были отправлены дорогие подарки для шаха и его сына и многочисленная свита. Одновременнно с кн. Засекиным возвращался домой шахов посол Перкул, а по дороге был присоединен и некий Анди-бек, довольно подозрительная личность, за два года до того явившийся в Москву под видом посланца шаха и живший под надзором в Н.-Новгороде. Посольство из-за разных дрязг и недоразумений сильно запоздало в пути и выехало из Казани только в октябре месяце на нескольких судах в сопровождении 114 человек стрельцов, которые работали на судах как гребцы. Весь этот караван прибыл в Самару только 15 октября. Время года было позднее,а потому, как пишет в своем донесении кн. Засекин, „видя, государь, мы, холопы твои, то, что нам, холопам твоим, в Астрахань не поспеть: стала стужа великая, посылали мы, государь, к кизылбашскому послу к Перкуль-беку толмача Петра Муратова, а велели ему, государь, говорити, до Астрахани не дойти, стужа стала великая, и он бы с шаховыми дворянами зимовал на Самаре. И кизылбашский, государь, посол, нас холопей твоих не послушал, на Самаре зимовати не похотел. И мы, холопи твои, с Самаре пошли октября в 24 день“. Как показали последствия, прав был кн. Засекин и посольству в эту осень не пришлось дойти до Астрахани, т. к. „Октября в 24-й день у нас холопей твоих у меня у Алешки, да у меня у Темирка (2-й посол), да у твоих государевых кречетников и у толмачей и у под'ячева на Волге против Курдюма острова, не доходя государь до Саратова за 7 верст, погодьем суды разбило. И что, государь, послано было от тебя государя к Аббас шаху два куба винных—и кубы государь и трубы и таганы у меня холопа твоего у Олешки на судне потонули. И мы, холопы твои, тех кубов и труб искали безпрестанно и кубов, государь, и труб и таганов не сыскали“. Наказ, грамота и подарки, посланные Аббас-шаху уцелели, только убило волной одного серого кречета. Но за то утонули грамоты, адресованные саратовскому воеводе Елизарову. Из-за отсутствия этих документов у посольства с воеводою возникли разные недоразумения, для выяснения которых пришлось послам и воеводе сноситься с Москвою и возникшая т. о. переписка, частью уцелевшая, дает нам возможность составить некоторое, хотя и далеко не полное, представление о том, чем был Саратов на грани XVI и XVII в.в. Так как после крушения о немедленном продолжении пути нечего было и думать, тем более, что по Волге пошел лед „стеншися“, то посольству пришлось зазимовать в Саратове, дожидаясь следующей весны для дальнейшего продолжения пути к месту назначения. Персидский посол с своими дворянами был поставлен *в остроге* на лучших дворах. В остроге же расположились на постой и русские послы со свитою. Повидимому,

в Саратове того времени квартирный вопрос стоял не особенно остро, т. к. удалось довольно удобно разместить всю эту ораву, мелочную и придирчивую, довольно сносным образом, потому что никаких жалоб на неудобства размещения мы в переписке не встречаем. Но за то вопрос с продовольствием встал довольно остро и по этому поводу шли безконечные препирательства; особенно притязательным оказался шахов посол и царские кречетники. Много труда и беспокойств забота о прокормлении такой массы народа принесла Гр. Фед. Елизарову. Задача предстояла нелегкая, т. к. неожиданно население города сильно увеличилось и притом таким элементом, который требовал особых забот и внимания. О числе зазимовавших мы можеи составить только приблизительное понятие и к тому же далеко ниже действительного. Шахов посол Перкул имел, кроме 8 дворян, свиту в 38 чел., у Анди бега—было 5 чел., кроме того в Казани пристал еще персидский купец с своими людьми. Т. о. одних персиян было не меньше 60 чел. О размерах свиты русского посольства данных не имеется, но если принять во внимание, что послов было трое, что с ними ехали толмачи и переводчики, кречетники для сопровождения соколов и т. п., то и в этом посольстве было никак не меньше 30 чел. К этому нужно присоединить 114 стрельцов, сопровождавших караван из Казани. Т. о. с Засекиным прибыло на зимовку более 200 ч. Наименее притязательными оказались стрельцы, у которых утонули все запасы, выданные им в Казани на всю дорогу до Астрахани и обратно. После долгой переписки им было приказано выдать запас по казенной норме из *государевых житниц* и потребное количество пороха и свинца. Но не то было с посольством, которое нельзя было довольствовать только ржаной мукой и овсяной крупой, составлявшими стрелецкий паек. По росписи полагалось: послу и дворянам и посольским людям на день: 58 калачей и хлебов денежныа, 8 кур, 6 баранов, 5 фунтов масла, 20 яиц; кроме того по четверику круп, соли, луку, чесноку и свеч на 2 алтына, полведра уксусу. Пить послу по 8 чарок вина доброго, кружка меду вишневого, кружка меду малиноваго, 2 кружки меду обварного, полведра меду патошного, ведро меду княжого; дворянам 8 ч.—по 4 чарки вина другого человеку, 4 ведра меду княжого на день всем. Людям посольским 38 человекам по 2 чарки вина человеку и 10 ведер белого меду. Но кроме того приходилось заботиться и о тех животных, которых везло с собою посольство, т. е. о кречетах, соболе, медведе и собаках. Кречетов нужно было кормить голубями, на каждого сокола пара в день; соболь мог кушать только кур, по штуке на день и т. д. Воевода Елизаров оказался в большом затруднении по прибытии к нему нежданных гостей; тем более, что не имел по этому поводу никаких официальных распоряжений, а затем, когда был улажен этот бумажный вопрос,—возникли затруднения другого рода. Посол жаловался, что ему не дают сполна положен-

ного по росписи продовольствия или дают корм не надлежащего качества, кречетникн требовали голубей, а человек, приставленный к соболю, обязательно живых кур. По всякому пустячному поводу писались доносы в Москву. Вот, например, одна из таких жалоб Перкула, который передавал кн. Засекину, „что ему в поденном корму вино дают с водою мешано и мед дают худ, а масла де, государь, коровья дают ему за пуд по 30 гривенок, и калачи, де государь, про него пекут сыры. ...Да как, государь, посол Перкул бек по своей вере учал говеть и меду он кислого в те дни не пил и приказывал де, он государь, к Григорию Елизарову, чтоб ему в кислого меду место дал патоки, что ему говеючи ести. А Григорий, государь, Елизаров нам холопем твоим сказывал, что он кизылбашскому послу в кислого меда счетчи дал патоки. И после, государь, того марта в 15 день присылал к нам холопем твоим кизилбашский посол.... есаула своего... а приказывал к нам... что ему Григ. Елизаров в кислого меда место прислал ему с пчелами, а не патоку". По осмотре послами оказалось, что это, действительно был не т. наз. мед самотек, а битый с пчелами. „А кречетникам, государь, продолжает свое донесение кн. Засекин, на твои государевы кречеты велено Гр. Елизарову давати куры или баранину. И твои государевы кречетники.. говорят, что Гр. Елизаров. на твои государевы кречеты куров не дает, а дает.... лосину осеннего битья и твои де государевы кречеты того мяса не едят и кречет да чеглик от того прислабли. А куров, государь, в С. про твои государевы кречеты столько будет". Сам Перкул в своем донесении шаху, писанном цветистым персидским слогом, так описывает свои бедствия: „Затем, вместе с послами ясно об'ясняющими и красноговорящими отправились мы с полной поспешностью в Астрахань, как в крепости Саратове замерзла река и зимовка приключилась в сказанной крепости: таково было определение божие. И человек, который в названной крепости начальник, корм, который назначили сему ничтожному (т. е. послу) и борцам за веру (его свите)—один день дает и 10 дней не дает и с базара покупать тоже запрещает и наказывает, чтобы борцам за веру снеди не продавали; вместо меда и водки дает чистую воду. Затем жителей крепости он напустил ночью на борцов за веру и они 5—6 чел. борцов за веру поранили. За два месяца испытания мучений при счастивом действии попечений государя они не умерли". Из этого донесенья можно заключить, что борцы за веру, составлявшие свиту посла, не только докучали своими претензиями воеводе, но и дебоширствовали, заводили драки с саратовскими жителями. Надо думать, что гора свалилась с плеч у злосчастного Елизарова когда весною он проводил своих гостей в Астрахань. На его счастье одновременно с посольством в Саратове зазимовал и купеческий караван, шедший с товарами в Астрахань, т. ч. можно было кое что доставать у купцов этого

каравана. По отношению ж к саратовцам воевода поступил столь знакомым нам способом:—он реквизировал у жителей всю живность для прокормления посольства. Чтобы не нагромождать подробностей, я приведу в выдержках еще только две отписки в Москву самого Елизарова. „Государю ц и в. кн. Б. Ф. в. Р. холоп твой Гришка Елиз. челом бьет. В нынешнем государь в 109 году генваря в 31 день пришол на Саратов через поле степью с твоими государевыми грамотами саратовский жилец Василий Чулков.... А велено мне холопу твоему кизилбашскому послу корм давать по казанской росписи муку ржаную и крупы овсяные из твоих государ. житниц, а пшеничную муку и яловицы и бораны и иные всякие запасы имати у торговых людей, которые замерзли на С. со кн. Александром Жировым—Засекиным, и у саратовских жильцов. А за те государь запасы велено им давать деньги из твоей г. казны по прямой цене, как меж себя купят. А мед и вино на посольские расходы велено мне имать у торговых людей, который мед и вино посланы были с ними из Казани в Астрахань. А велено мне холопу твоему послом самим давать мед, а посольским людям в меда место пивом.... И я....к послу кизылбашскому.... послал детей боярских, которым корм приказан, да с ними толмача. А велел послу говорить по твоей гос. грамоте, что он замер в украинном городе и корму на него не запасено, чтобы ему велеть имать корм,—что есть на С.: мяса на месяц 2 яловицы да по козе, докамест животины коз станет, а иное бы ему имать рыбою против мясные ествы, или деньги за мяса, чего не достанет по казанской росписи; а себе-бы велел имать мед, а людем своим пиво, чтобы ему впред меду стало. И послу г., взбил толмач Петр Муратов: рыбою ему и деньгами за корм, за мясную ествy, чего не достанет—имать не велел; а пиво послу людем своим имать не велел ж. А говорил послу Петр Муратов, что бутто на Саратове животины всякие много, а меду повезли в Астрахань из Казани торговые люди много ж, и тот мед весь замерз на Саратове. И в те поры, государь, тот Петр Муратов, как приходили дети боярские к послу, у посла пил. И мне.... посол в том отказал по Петровым речам Муратова. А сказал, что ему рыбою против мясные ествы сметя—не имать, ни денег за корм, которого корму в Саратове не добыть, и пивом людем своим сказал не имать ж. А отказал посол осердяся.... я деи и сам не хочу имать меду, коли деи и людем моим меду нет. А в твоих государевых грамотах пишет ко мне холопу твоему, и не в одной, чтобы послу нужи не было и велено его чтить. И я... . послу и людем его велел давать мед попрежнему, по казанской росписи. И после того.... посол прислан на с'езжую и велел говорить.... чтобы ему давать корм по казанской росписи: бораны—по пяти баранов на день, до по трое куров да по 20 яиц. И баранов, государь, на Саратове нет; а которые г. куры были переписаны и те куры ели кречеты твои государевы, а достоль оставили на дорогу кречетам ж. А яиц ж. г. на Сара-

тове нету ж ни у саратовских людей ни у приезжих.... Да говорили мне холопу твоему: коли де и баранов на Саратове нет и ты де давай нам за шесть баранов на день по яловице, а за куря по 2 алтына А в росписи г. цены курам не писано, а куров взяти негде. И что г. переписано на Саратове животины, коров и коз и куров и тому я.... всему послал.... роспись прежде сего..., А коз, г., на Саратове осталось с 50 по февраль по 1 число. А соболю г. дают корму козы ж. А как г. козы изойдут и я велю послу давать по 2 яловицы на месяц, да рыбою, сметя против мясные ествы.... А саратовским г. людем, у которых имати на кизилбашского посла животину, коровы и козы и куры денег... я не дал твоего гос. указа, потому что г. на Саратове животина перед русскою ценою дорога: купили саратовские люди межу собою до приезду кизилбашского посла лучшую корову в три рубли, а середнюю в два рубли, а козу в 2 гривны и в 6 алт и в 5 алт., а куры по шти денег....“ Писано ко мне с опалою, что бутто я твоим государевым кречетам корму давал на три недели куры, да и то через день, а прислал бутто к ним кречетам корму козу мертвую и велю им кормити кречеты мертвечиною кобылятиною.... И говорили мне холопу твоему, докамест куры на Саратове у всяких людей перепишут, чтоб им дать на первый час.... говядины. А как переписали куры у всяких людей и я велел давать на день по 10 куриц. А куров г. на Саратове переписано всех триста... И как куров начало малеть и я кречетникам говорил, что кур на Саратове оставается немного, чтоб им достальных кур сблюсти кречетам на дорогу, а имать бы им кречетам мясо говядину и зверину лосину. И я разослал саратовских стрельцов камышников по займищам добывати зверины лося. А докаместь добудут зверину я велел давать говядину, велел имать у тутошних у саратовских людей быки. И кречетники имали из животины мяса мякоть задние ноги да передние“.

Из приведенных выдержек и из других мест переписки, которые здесь не приводятся, чтобы не утомлять скучными подробностями дрязг и препирательств персиян, посла, кречетников, воеводы и т. д., видно, что через десять лет после своего возникновения Саратов продолжал оставаться чисто военным поселением, на гарнизоне которого лежала обязанность не только наблюдать за ворами—казаками, но и сопровождать для безопасности отправляемые по Волге караваны, а также давать гребцов на казенные суда. О численности гарнизона нет никаких данных, но особое подчеркивание того, что послы обеих сторон остановились в остроге, заставляет думать, что и вне стен острога было поселение. Во всяком случае, хотя-бы и военное, но население нашего города в эту эпоху нельзя считать по своему времени ничтожным, т. к. представилось возможным размести более 200 человек, прибывших с послами, да еще экипажи торговых судов, шедших в Астрахань и совершенно неожиданно зазимовавшых в пути. Состав населения был обычным

для украинного города—постоянные населники стрельцы, а затем, вероятнее всего на годовой службе, дети боярские. Неожиданным является присуствие в Саратове немцев. Были-ли они из числа тех иноземцев, которые в ту эпоху уже в большом числе состояли на службе в московском войске и, в таком случае, следовательно, составляли часть саратовского гарнизона, или же это были пленные, сосланные на житье в далекий украинный город, т. е. в таком случае представляли зачатки неслужилого гражданского населения—сказать нельзя. Но благодаря этим немцам в Саратове в то время можно было достать уксус, чего нельзя было сделать в более значительной Казани. Хотя, как мы сказали, население и было чисто военным, все же в городе существовала кое какая торговли. Посол шаха говорит о базаре, хотя, б. м., наличие базара и об'яснятся невольным присутствием остановившагося на зимовку астраханского торгового каравана. Но все же наличия торговых отношений отрицать совершенно нельзя: о торговле скотом и живностью говорит и воевода Елизаров, о дорговизне а здесь восковых свечей упоминается в одном месте переписки и т. п. Существование торговых отношений делает весьма вероятным и наличие базара, т. е. определенного места для производства торга, о котором говорит Перкул бек. Не следует, однако, думать, что такая торговля имела сколько нибудь значительные размеры: она по всей вероятности носила исключительно внутренний, мелочной характер. Что она не выходила за пределы города, не велась, например, с кочевниками—нагайцами, как впоследствии велась с калмыками, видно уже по одному тому, что в Саратове нельзя было достать привычного для персиянина мяса, а именно баранины. Если бы существовали хотя в зачаточном виде торговые сношения с нагайцами, то едва—ли в баранине для шахова посла и его свиты мог ощущаться неодостаток, т. к. ее всегда легко можно было запасти от кочевников. Подтверждается наше предположение и той сравнительно с центральной Россией дороговизной скота, о которой говорит воевода. При сношениях с нагайцами мы должны были бы наблюдать как раз обратное явление. Разбросанные в переписке указания на те роды домашних животных, которые водились у саратовцев указывают, что в то время наши предки совершенно не занимались земледелием. Особенно это подтверждается одним фактом, весьма незначительным на первый взгляд. Больших хлопот и неприятностей, больших чем с самим послом, наделала саратовским властям забота о прокормлении кречетов, посылаемых царем в подарок шаху. Кормить их нужно было голубями, которых требовалось на паре на кречета в день; в случае нужды на корм могли итти и куры и только при крайней необходимости прибегали к мясу крупных животных; и вот, как раз, голубей—то в Саратове и не было. Отсутствие голубей—прямое указание на отсутствие в окрестностях города хлебных посевов и гумен. Из

переписки видно с какими затруднениями было связано добыть лошадь для возки воды на посольский двор. В этом я вижу лишнее доказательство отсутствия в то время землепашества у саратовских жителей. Из указаний на количество животных в отписках воеводы видно, что и скотоводство было развито слабо. Наиболее обычное животное—коза это, как сказал кто то, корова бедного человека. Но за-то было много рыбы, которой и пытались заменить недостаток мяса для свиты посла, было много дичи: в окрестных займищах еще водились лоси, а из стрельцов был даже образован особый отряд охотников—камышники.

В своем изложении мы подходим к самому темному периоду нашей местной истории—т. наз. смутному времени. Только что основанные города Саратовского края, как мы уже видели, были лишь передовыми форпостами, далеко выдвинутами за пределы областей, занятых оседлым населением. Население же Саратова и Царицына состояло исключительно из служилых людей разных наименований и к тому же, относительно, было крайне незначительно. По своей незначительности оно не могло иметь сколько нибудь заметного влияния в общем ходе смуты в Московском г-ве, а потому наш край в этом отношении совершенно справедливо оставляется без внимания общими историками, посвятившими себя изучению смуты. Общий приговор их—Саратов и Царицын во время смуты никакой роли не играли. Приговор этот подтверждается и тем, что источники, относящиеся к смутному времени, если и упоминают изредка о наших городах, то лишь вскользь, попутно. Только об осаде воровскими казаками Саратова при воеводе Сабурове в документах смутного времени сохранился более подробный рассказ. Итак, оба города самостоятельного значения в ходе смуты не имели и следовали за другими городами, как кажется за Астраханью, более к ним близкою и также представлявшей из себя форпост русского владычества на далеком юго-востоке, но несравненно более важной и значительной во всех отношениях, чем наши городки. Однако, в конце XVI, пол. XVII в. в крае все же имелся элемент, сыгравший, если не сам по себе самостоятельно, то в соединении с другими однородными элементами, значительную роль в развитии и завершении смуты. Мы говорим о казачьем населении. Волжскому казачеству не суждено было самостоятельно сложиться в организованную общину на подобие Донского или Уральского. Стремясь осесть на таком важном для государства торговом пути, как Волга, оно слишком мозолило глаза правительству, слишком мешало ему для того, чтобы правительство могло снисходительно относится к его присутствию в низовом Поволжье. Постройка здесь городов, как мы видели, была направлена гл. образом против волжских казаков и в течение всего XVI и XVII вв. шла упорная борьба по искоренению казачества на Волге: Борьба эта привела к полной победе центрального правительства и к полному искоренению вольного

казачества у нас. Возникшее по почину правительства в XVIII в. Волжское казачье войско, кроме названия, не имет ничего общего с теми казаками, которые жили на Волге в предшествующее столетие. Но в конце XVI—пол. XVII ст. казачье население Волги, непостоянное и не организованное, все же представляло из себя значительную силу. О численности его можно судить хотя-бы по тому, какую армию удалось составить из него Ермаку для похода на Сибирь. В 1591 г. подготовлялся поход на Терек и Койсу и правительство расчитывало собрать для этой цели в Астрахани отряд в 1500 чел. из воровских казаков. „Принимая на себя службу (Платонов) казачьи станицы иногда должны были обращать свои силы на свою же братию, тех казаков, которые *воровали*, т. е. жили грабежом на поле и на реках. Они ловили этих казаков и приводили их в города, но и сами иногда терпели от них и становились жертвами служебного долга. Однако, это не влияло на чувство солидарности, которым связаны были все казаки в одно независимое от государственных порядков товарищество. С государевой службы можно было от'ехать или сойти на поле и расчитывать на добрый прием в польских станицах, снова почать стояти с ними вместе". Это чувство товарищеской солидарности, о которой говорит академик Платонов, сознание общности социальных интересов повели к тому, что волжские казаки во все время смуты действовали заодно с своими товарищами с Урала, Дона, Терека и далекого Днепра. Т. о., и здесь о самостоятельной роли в смуте нашего Сарат. Поволжья говорить не приходится. Оседлого земледельческого и торгово-промышленного населения у нас не было, служилый класс, состоявший гл. обр. из стрельцов, был малочислен, а неподдающееся учету казачье население, ютившееся по Волге и другим рекам и речкам края, шло за одно со всей казачьей массой. Но если наш край не имел абсолютно или почти абсолютно никакого значения в общем ходе смуты, то сама смута далеко не осталась без влияния на его жизнь. Несомненно, что она надолго задержала, или вернее отсрочила, мирное развитие его. Нечего было и думать во время самой смуты о мирном строительстве жизни, а после того, как в лице Михаила Федоровича на Московском престоле утвердилось русское национальное правительство, перед этим правительством встали более серьезные задачи, чем заботы об устроении далекого захолустья, каким представлялось нижнее Поволжье. Смута стерла с лица земли первые постоянные поселенья нашего края и прошло несколько лет прежде чем они вновь возродились. И вот именно только с точки зрения того влияния, какое имела смута в нашей местной истории, мы и считаем себя в праве остановиться на ней. Приходится при этом оговориться, что изложение будет весьма неполным и поверхностным, т. к. слишком скуден материал, из которого приходится добывать данные для освещения затронутого вопроса. Одно-два места в летописях и несколько косвенных намеков и

упоминаний в официальных документах—вот и все, чем мы можем располагать в настоящее время.

До 1604 г. Саратов и Царицын, повидимому, жили обычной своей жизнью, т. е. неся все туже сторожевую и охранную службу, о которой говорилось выше. Но в 1604 г. низовое Поволжье подняло знамя восстания против правительства ц. Бориса и боярин С. С. Годунов, посланный к ногайцам Казыева улуса, кочевавшим в приазовских степях, мог из-за смуты дойти только до Саратова. Весьма вероятно, что наш город был в числе тех, которые присягнули первому Димитрию раньше Москвы в следующем 1605 г. По крайней мере астраханцы прислали в стан самозванца своего воеводу связанным. За короткое время правления Димитрия о наших городах ничего неизвестно за исключением того, что в Цар. воеводствовал П. П. Головин, переведенный в том же 1605 г. на Койсу и застрявший там на время последующей смуты. Место его в Царицыне, повидимому, было занято Федором Акинфовым. Но со вступлением на престол Василия Шуйского известия о нашем крае делаются несколько более подробными. Прежде всего против Шуйского восстал астраханский гарнизон во главе с воеводой кн. Хворостининным. Для приведения астраханцев к повиновению был послан с отрядом боярин Шереметев, но он сначала ничего не мог поделать с бунтовщиками и целых два года простоял на о. Балчике в 15—18 в. от Астрахани. Несколько ранее на юго-восточной окраине началось любопытное движение особого склада (Платонов). Оно было вызвано появлением самозванца, пришедшего на волжские низовья с Терека; приняв имя не Дм., а Петра, он связал свою историю не с углицким делом, а с невероятною баснею о сокрытии царского сына Петра Федор. от козней Бориса Годунова. По его собственному признанию мысль о создании самозванца созрела в небольшом отряде казаков, из числа тех, которые в 1605—06 г.г. зимовали с царским войском и голодали на далеком Тереке „учали думать казаков с триста, а у тех трехсот человек голова атаман Федор Бодырин“. Это был обычный подбор случайных товарищей, гулящих людей, которых в Астрахани вербовали на государеву службу и, обеспечивая их денежным жалованьем, кормом и запасом, посылали в далекие посылки. Среди них, рядом со старыми волжскими и яицкими казаками, были и только что вышедшие из государства люди. Не получая жалованья и корма, вероятно задержанного в Астрахани небрежностью воевод, которые *великою оплошкою* и нерадением не один раз на Тереке *государевым людям муку великую учинили*, казаки голодали и роптали. Государь нас хотел пожаловати, говорили они, да лихи бояре: переводят жалованье бояре, да не дадут жалованья! И казаки мечтали добыть себе корму грабежом турских людей на море или службою персидскому шаху. Неизвестно, чем бы разрешилось их затруднение, если-бы, вместо экспедиции в чужеземные места, казаки Боды-

рина не надумали *итить* на Волгу, громить судов торговых; для того же, чтобы иметь предлог к такому походу, который они решили *опроче* всего войска тайно, они надумали назвать одного из своей братьи, из молодых *товарищев*, именно Илейку Муромца царевичем Петром, сыном ц. Федора. Так возник новый самозванец, имя которого должно было прикрыть покушение небольшой шайки на простой грабеж.... Удивителен успех, который сопровождал эту затею. Казакам Бодырина не удалось скрыть своего самозванца: *то дело великое об'явилось* и к нему пристали все казаки, бывшие в юртах на Тереке. Они пошли всем войском под Астрахань и Илейку с собою взяли. Придя весною 1606 г. на волжские низовья они решили итти к Москве, тем более, что и названный царь Димитрий, получив вести об их движении на Волгу, почему-то велел спешить им к Москве. „И того же 114 году, рассказывает Столяров Хронограф, с весны с Терека терские атаманы приехали в Астрахань и привезли с Терека с собою вора детину Петрушку и назвали его царевичем—царя Федора И—ча всея Русии сыном, а везли его к Москве, будто он вору Ростриге что назывался царевичем Дмитрием, племянник. Из Астрахани и по Волге к ним пристали такие же воровские атаманы и казаки и ехали с ними выше Свияжскова до Вязовых гор и тут то им учинилось ведомо, что на Москве вора Гришку Ростригу убили, а на Московском г—ве учинился государь ц. и в. кн. Василий Иванович всея Русии. И те воры терские и вольские атаманы и казаки умысля бездушеством и воровством поворотили с тем вором Петрушкою на низ и проехав Свияжской под горами стали и выбрали атаманов и есаулов и лучших казаков 40 человек и послали в Казань бити челом государевым боярам... что они вора Петрушку, который назывался царевичем царя Ѳ. И—ча в. Русии сыном, в Казань приведут и отдадут и сами царю Василию Ивановичу крест целуют. И бояре тому их челобитью поверили, а они воры казаки в ночи возле нагорной стороны на низ проехали тихим обычаем и вора Петрушку с собою провезли и едучи Волгою на встрече всяких служивых людей и торговых и на ватагах промышленных людей побивали до смерти и грабили. И Самару и Саратов проехали и не доехав до Царицына рекою Камышинкою проехали в украйные города на Воронеж“.

Никоновская летопись, в противность приведенному свидетельству из Хронографа, сообщает, что казаки спустились до Царицына, где и убили направлявшегося в Персию послом кн. Ромодановского и воеводу Федора Акинфеева. Это известие через Карамзина повторяется всеми местными историками. Но несмотря вообще на точность сведений, сообщаемых Никон. летописью, в данном случае приходится доверять Хронографу, а не ей. Путь Петрушки с своими казаками, пробиравшегося на Путивль, лежал именно через Камышинку, Иловю, Дон, Донец и т. д. и ему не зачем было спускатся до Царицына. В делах

Московского Архива Юстиции сохранилась переписка, возникшая в 1627 г. по прошению детей Акинфова о разрешении им перевезти прах отца в Москву. В прошении Архипа и Ивана Федоровичей Акинфовых по этому случаю, между прочим говорится: „В прошлом, государи, во 113 году послан был отец наш на вашу государскую службу на Царицын воеводою. И как, государи, в Астрахани назвался вор царевичем Ивашкой Айгустом—и царицынские люди царю Василию Ивановичу изменили и отца нашего связав отослали вору в Астрахань. И отец, государи, наш помня ваше государское крестное целование на воровскую смуту и прелести не покусился. И убит от вора за вас государей мученической смертью. А я холоп ваш Архипко был в те поры со отцом своим и после смерти отца своего живот свой мучил в тюрьме в Астрахани полтора года". Т. о., мы имеем о смерти Акинфова показание очевидца, в силу своей родственной близости и перенесенных нравственных и телесных страданий хорошо помнящего все подробности этого дела. Столяров Хронограф специально обследовал ак. Платоновым, который и пришел к заключению, что автором его могло быть только лицо, которому близко знакомы все подробности описанных в нем событий. Т. о., мы вправе отвергнуть показание Никоновской летописи и принять, что во время бегства казаков с Петрушкою вниз по Волге существовавшие тогда на ней города не пострадали. По-видимому, в наших краях на некоторое время наступило относительное спокойствие, как о том можно судить по тому, что осенью предпринял свое путешествие в Астрахань назначенный туда архиеп. Өеодосий, заболевший не доезжая Царицына, скончавшийся и погребенный в этом городе в декабре 1607 г. Но за-то летом следующего 1608 г. вновь началась смута в низовом поволжье. Б. м., взрыв этой смуты можно поставить в связь с отозванием из Астрахани боярина Шереметева, который получил приказ с своим войском и с теми отрядами, которые мог собрать по пути, двинуться к Москве для защиты ее от Тушинского вора. С уходом Шереметева из-под Астрахани здесь сразу об'явилось три самозванца—Август, Осиновик и Лавр. Август назвался сыном Ив. Грозного, а остальные двое его внуками. Мы только что привели выдержку из документа, из которого видно, что Царицынцы, прослышав о появлении в Астрахани царевича Ив. Ив—ча изменили царю Василию и выслали туда на мученическую смерть своего воеводу Акинфова. Хронологическая последовательность событий этого поистине смутного времени не всегда ясна, но можно думать, что все это случилось уже после ухода Шереметева, захватившего с собою из Царицына тело арх. Өеодосия. Только имея Волгу свободной могли двинуться вверх по ней и три самозванные царевича. Т. о., и это движение приходится отнести ко времени ухода Шереметева. Итак, летом 1608 г. три царевича во главе казачьих толп двинулись Волгой на соединение с Тушинским царьком. Царицын,

как уже изменивший ц. Василию, конечно, был на их стороне и в их власти, но под Саратовом царевичей ожидало жестокое разочарование. „Того же 116 году, поветствует Столяров Хрон., на Саратове с ратными с низовых городов были воеводы Даниил Иванович Сабуров да товарищ ему был Володимер Володимиров сын Аничков, а с ними ратные люди. И под Саратов приходили воры из Астрахани, а с ними был вор назывался царевичем Ив. Ив—чем, царя Ив. Вас. сыном; и к Саратову русские воры приступали же с такими приступы и в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людями в Астрахань“. Эта неудача так озлобила казаков, что они здесь же на берегу Волги убили одного из самозванцев—Осиновика, а Августа и Лавра доставили в лагерь Лжедмитрию, по приказанию которого они и были повешены. Верная служба ратных людей, отсидевшихся в Саратове от покушений Ивашки Августа, не была забыта и впоследствии. При царе Михаиле мы встречаемся с целым рядом пожалований и придач к денежным окладам детям боярским „за Саратовскую службу и за осадное сиденье при ц. Василье с Замятнею Сабуровым“. Но недолго оставался наш город верным московскому правительству и скоро саратовцы, по примеру Царицына, „ц рю Василью изменили а целовали крест вору“. В дневнике сподвижника второго самозванца Яна Петра Сапеги под 22 февралем 1609 г. записано: „приехали гонцы до его мосци с Саратова с повинной челобитной от детей боярских, от людей посадских и от всего миру этого Саратовского уезда, отдаваясь в верное подданство и послушание“. Судя по времени приезда саратовских гонцов в лагерь самозванца они должны были выехать из Саратова не позже 10 февраля и, следовательно. саратовцы отложились от ц. Василья в самом начале 1609 г.

В записи Сапеги могут обратить на себя внимание выражения: *от людей посадских и от всего миру того Саратовского уезда.* Если понимать их буквально, то в самом начале XVII в. у нас в Саратове не только существовала посадская община, но и особый уезд, т. е. целая населенная область, тянувшая административно к Саратову, как к своему центру. Однако, рассматривая другие такие же записи, очень многочисленные за это время в дневнике, мы увидим, что они все составлены в совершенно одинаковых выражениях. Очевидно, для челобитных, подаваемых самозванцу, уже сложился особый постоянный шаблон, по которому такие челобитные и писались. Т. о., слова о посадских людях и о Саратовском уезде еще не означают, что таковые в Саратове действительно существовали, а являются выражением простой канцелярской вежливости, требуемой сложившимся при дворе царька ритуалом. Если и могут еще возникнуть какие нибудь сомнения относительно существования посада, т. к. всего через 2 десятка лет мы встречаем уже в Са-

ратове посадское население, то по вопросу о Саратовском уезде такие сомнения едва-ли могут существовать. Саратовский у., да притом не официально, в границах весьма неопределенных, возникает только около половины XVIII в., т. е. почти через полтораста лет после записанных в дневнике событий, когда заселились села Ахмат и Золотое, ведавшиеся из Саратова и составлявшие весь его уезд

О последующих событиях в нашем крае трудно что либо сказать в виду полного почти отсутствия документальных данных. Мне известен только один документ, упоминающий о нашем городе за это время, напечатанный в XI т. Известий Нижег. А. К. Это челобитная казанского жильца Соловцова о возвращении ему дворового места в Нижегородском кремле от 20 апреля 1614 г., в которой, между прочим, говорится, что он, проситель, в то время, как другие завладели его двором, был на государевой службе „на низу в плавной с воеводою с Замятнею Сабуровым, а после Замятни был на Саратове три года; и как Саратов царю Василью изменил, а целовал крест вору и он в те поры ушел в Казань“. Хронология событий, указываемых в этом документе, стоит в противоречии с тем, что мы знаем из других источников, т. е. из Столярова Хронографа и дневника Сапеги. З. Сабуров несомненно был еще в Саратове летом 1608 г. и если он ушел отсюда тотчас после отбития самозванцев, то, если верить Соловцову, последний должен был уйти в Казань не раньше 1611 г Между тем он уверяет, что ушел из Саратова в то время, когда город изменил царю Василью, т. е. не позже весны 1609 года. Трудно решить, за отсутствием других данных, насколько напутал в своем прошеньи Соловцов, но несомненно, что путаница тут есть. Думается даже, что это путаница намеренная. Подавая свое заявление о возврате двора проситель желал вместе с тем засвидетельствовать и свою лойяльность, непричастность в измене ц. Василью, почему и прибавил, что он ушел из Саратова тотчас после этого события. Но с другой стороны—ему необходимо было об'яснить причину позднего возбуждения иска о возврате двора и для об'яснения он приводит то обстоятельство, что еще после Замятни Сабурова оставался в Саратове 3 года. Психологически больше данных в пользу второго его заявления, чем первого. Выходит как будто бы, что и после ухода Сабурова в С—е оставался гарнизон из служилых людей, присягнувших Тушинскому вору в 1609 г. и пробывших здесь несколько лет. Но нам ничего неизвестно ни о судьбе гарнизона, ни о судьбе города за это время.

Кому служили служилые люди? Чьи нападения видели саратовские укрепления? Сохранилось лишь указание на то, что зимою 1613/14 гг. саратовские стрельцы пришли в Самару *душою и телом*, т. е. как бежецы, без всякого имущества. Это указание подтверждается тем, что в документах первой полови-

ны 1614 г. мы читаем уже о саратовском городище, саратовском пепелище. Выходит, как будто, что забытый в далеком захолустье саратовский гарнизон и после измены ц. Василью еще в течение четырех лет оставался на своем посту, имел дело с шайками воровских казаков, а, б. м., даже и ордами нагайцев, осмелевших во время смуты и вновь возобновивших свои опустошительные набеги на русские украины. Погиб ли Саратов во время одного из таких нападений, или просто сгорел от неосторожности, что не удивительно, если принять в расчет, что он был сплошь деревянным,—сказать пока нельзя. Но только зимою 1613/14 гг. он делается жертвой огня, а его гарнизон предпринимает голодный и холодный поход в Самару, отстоящую на целых 350 верст. Что гибель города была катастрофической, что из него едва-ли что удалось вывезти—показывают те поиски и находки, сделанные стрельцами, о которых мы знаем из памяти 1614 г. Быть может, при таких же приблизительно условиях и приблизительно в то же время погиб и Царицын. Документы совершенно молчат об этом городе. Но мы знаем, что первый после смуты царицынский воевода Мисюр Соловцов в 1615 г. заново строит весь город.

Гибелью Саратова и Царицына закончился первый период в истории русского заселения нашего края. Мы видим, что почин в заселении края исходил исключительно от правительства, русское же общество, русский народ сами по себе никакого участия в этом не принимали. Возникшие поселенья, населенные исключительно служилым элементом, вовсе не имели в виду использования богатств края, мирную культурную работу в нем. Если и можно говорить о таком использовании, то оно еще только намечается и слабые попытки культурного творчества тонут бесследно в буре смутного времени. Для правительства же Волга, в особенности в пределах нашего края, еще не источник народного богатства или казенного дохода. Это просто кусок пути первостепенно важного в общегосударственных видах. Поэтому, на первом плане заботы о безопасности этого пути и как разультат этих забот—постройка укрепленных городов. Последующие события скоро показали, что военно-сторожевое значение этих крепостей значительно ниже торгово-промышленного и в следующем столетии мы будем наблюдать непрерывный рост этого значения Но пока мы можем сказать, что в течение первых 60—70 лет, протекших со времени освоения нашего края русским государством, никакой колонизации его в собственном смысле слова не было и после 1614 г. он представлял такую же пустыню, как и 60 лет назад, в момент подчинения Москве Казанского и Астраханского царств.

ГЛАВА XI.

С избранием на царство Михайла Федоровича на нашей юго-восточной окраине, как, впрочем, и на других окраинах, успокоение наступило не сразу. Далекая Астрахань была во власти Заруцкого, который мутил соседних нагайцев и казаков, обещая им небывалые награды, сносился с персидским шахом и чуть-ли не мечтал о создании особого государства в низовья Волги. Игравшие роль сторожевых пунктов Саратов и Царицын более не существовали. Самым южным поволжским поселением, признававшим новое Московское правительство, была Самара, но и про нее ходили глухие слухи, что она не прочь принять сторону бунтовщиков. Весною 1614 г. самарскому воеводе кн. Пожарскому Лопате приходилось оправдываться перед московским воеводами в том, что он будто-бы говорил такие речи: „как воровские люди Самарской возьмут, и я де умею воровать и от меня де многие городы подрожат“ (А. И. III, № 260). А воровские люди чувствовали себя в это время полными хозяевами на Волге, занимая своими станицами все течение ее, начиная от Вязовки (на 150 в. ниже Царицына) и почти до границ теперешней Симбирской губ. В Вязовке был первый, считая снизу, казачий воровской городок, в котором под начальством атамана Верзиги было до 150 казаков, в большинстве стоявших на стороне Заруцкого. Выше Вязовки насчитывалось еще до 7 городков, из которых один был, повидому, расположен на Саратовском городище. Во всех городках считалось до 600 казаков. С помощи их и, гл. обр., нагайцев, Заруцкий к весне 1614 г. замышлял поход на Казань и Самару, при чем нагайцы должны были выступить в поход рано весною еще по насту и осадить эти города до прихода Заруцкого в стругах по вскрытии Волги. При таких условиях ни о каких сношениях по Волге нечего было и думать. Нужно было прежде очистить Астрахань от Заруцкого и обезопасить среднее теченье Волги от воровских казаков. Заруцкий расчитывал достигнуть своей цели быстрым ударом, надеясь на московскую волокиту „знаю я, говорил он, московские наряды покаместа люди с Москвы пойдут, а я до тех мест Самару возьму, да и над Казанью промысл учиню.“ Но этим расчетам не суждено было оправдаться. Ранней весной, как только вскрылась Волга, из Казани был выслан к Самаре стрелецкий голова Пальчиков с приказом стрельцов. Пальчиков поставил острог на устье р. Усы в 60 в. выше Самары и ему было приказано посылать от себя вниз и вверх частые станицы, „чтоб воровские люди безвестно не пришли и рыбных ловцов не погромили“. Ловцам и торговым людям, впрочем, и вообще было воспрещено спускаться ниже нового острожка. Вскоре за Пальчиковым вниз по Волге двинулась и настоящая рать и Заруцкому, в конце концов, пришлось думать не о завоевании Казани, а о бегстве. С поимкой Заруцкого наступило относи-

тельное успокоение и в наших краях. Волжское казачество получает похвальную грамоту. нагайские князьки спешат присягою засвидетельствовать свою верность новому царю. Но такое успокоение было мало надежно и правительство должно было принять свои меры к тому, чтобы обезопасить Волгу и волжский путь от всяких случайностей. Сношения с востоком были так существенно важны для Москвы, что еще до покорения Астрахани оно пыталось наладить эти сношения окружным путем через Самару. Нужно было, следовательно, возобновить существовавшие до смуты укрепления по Волге, а, б. м., построить и новые. Возобновление прежних городов шло в той же постепенности, как и первоначальная их постройка. Т. е., сначала Царицына, а потом уже и Саратова. Такой порядок, впрочем, вызывался обстоятельствами. Переволока была слишком важным пунктом, чтобы оставить ее без внимания. Нужно было прежде всего запереть ход казачьим станицам с Волги на Дон и обратно. И вот уже в 1615 г. мы видим в Царицыне воеводу Мисюра (Мих.) Ивановича Соловцова, присланного сюда для постройки города. Соловцов по своей деятельности был близко связан с Поволжьем; как письменный голова он в 1609 г. приводил к присяге московскому правительству татар и черемис Чебоксарского уезда; в том же году ходил войною на государевых изменников в Юревец Волжский, воеводствовал в Ядрине и начальствовал стрелецким приказом во время похода против Заруцкого. Ему же было поручено доставить из Астрахани в Казань Марину Мнишек с сыном и Заруцкого. Повидимому, это деятельный и исполнительный служака: в 1615 г. он за одно лето успел выстроить Царицынские укрепления и церкви. В доп. к Дворц. Разр. имеется запись под 2 марта 1616 г. о пожаловании нескольким царицынским стрельцам денег вместо сукна „За Царицынское острожное дело, что они острог и церкви поставили". Этот острог был поставлен не на прежнем месте—на острове, а на новом, на мысу, образуемом впадением Царицы в Волгу. Лучшего места для постройки укрепления трудно было-бы подыскать по близости: крутой волжский берег и широкая, обрывистая и глубокая долина Царицы представляют из себя прекрасную естественную защиту, природное укрепление, трудную доступность которого подтвердили события нашего времени. Благодаря описанию московского торгового человека Котова, проплывшего Волгою попутно в Персию весною 1623 г., мы можем составить себе некоторое понятие о том, что представлял собою Царицын в начале XVII в. По словам Котова „на Царицыне город стоит на нагорной стороне невелик, стоячей тын, башни рублены круглые". Незначительные размеры Царицынских укреплений подтверждаются и Олеарием, видевшим их спустя несколько лет после Котова. Олеарий оставил даже и рисунок Царицына, из которого видно, что он действительно был окружен стоячим тыном, т. е. представлял собственно говоря не

город, а острог. Но Олеарий прибавляет еще одну небольшую, но ценную подробность, которая дает возможность, хотя и приблизительно, высчитать даже площадь, занятую городом. А именно, он указывает, что по стенам было 6 башен. Башни составляли необходимую принадлежность всякого укрепления XVII в., т. к. давали возможность флангового обстрела слишком близко подошедшего неприятеля. Расположение их на стенах находилось в зависимости от линии самых стен и условий местности, но расстояние между башнями не могло быть произвольным, а зависило от свойств тогдашнего вооружения. Нужно было расположить башни так, чтобы в случае занятия одной из них неприятелем она могла быть под обстрелом из соседних башен. И действительно, в соответствии с несовершенством тогдашнего огнестрельного оружия, мы видим, что в 1-й пол. XVII в. эти расстояния были небольшими и приблизительно, по мере возможности, одинаковыми. В сборнике кн. Хилкова напечатаны росписи нескольких городов, из которых мы в выдержках приведем роспись Дмитриева, так как ко времени составления росписи, то есть к 1647 году, старое укрепление уже развалилось и, следовательно, по времени постройки оно должно было быть близко к началу XVII века. Роспись Дмитриева начинается с Никольских ворот, „где быть башне с воротами—4 саж., от Никольских ворот до Воскресенской башни—60 саж. с полусаженью, башенного места—3 саж.; от Воскресенской башни до Рождественской—55 саж., отсюда до Петровской—25 саж., тут место для ворот; отсюда до Кузьмедемьянской б.—33 саж., до Никоновской—58 саж., до Благовещенской—92 саж., до Никольских ворот в 53 саж.“ Не привожу размеров башен, так как они все одинаковы: 3—4 саж. Прогон от Благовещенской б. до Никольских ворот в 93 саж. был признан черезчур большим и в середине его предположено построить прибавочную башню. Т. о., мы видим, что расстояние между башнями колеблется от 25 до 60 саж. в среднем приближаясь к 40 саж. Такой вывод подтверждается приведенными в том же сборнике росписями Усерда, Мценска, Ефремова. Из них Ефремов, также как и Царицын, имел не город, а острог с 7 башнями, то есть очень близко подходил к Царицыну и в нем величина пролетов или прясл между башнями колеблется от 20 до 50 саж., в среднем приближаясь к 40 саж. Думается, что без большой ошибки теже цифры мы можем приложить и к Царицыну, то есть, принять, что и в нем башня от башни, как и во всех русских городах того времени, отстаяла приблизительно на 40 саж. Т. о., при 6 башнях, место занимаемое Царицынским острогом, предполагая его согласно указаниям Олеария в форме параллелограмма, должно было иметь в ширину около 40, а в длину 80 саж. то есть равнялось одной хозяйственной десятине. Едва ли большее пространство занимал и Саратов, возобновленный не раньше 1616 г., когда о нем встречается первое упоминание,

как о городе. Кто был его возобновителем—неизвестно; быть может тот князь Черново-Оболенский, который воеводствовал у нас в 1617 году. На этот раз Саратов был несомненно построен на луговой стороне, на стрелке, образуемой впадением Саратовки в Воложку. Здесь видел его и Котов в 1623 году, написавший, что Саратов „стоит над Волгою на ровном месте, а по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи. А около пошла степь во все стороны". Укрепления города, как и в Царицыне, состояли из стоячего острога с круглыми рублеными башнями, но о размерах его мы не можем судить даже и приблизительно, так как число башен неизвестно. Я затрудняюсь сказать что либо по поводу того, какие причины побудили строителя города избрать новое место, вдали от прежнего пепелища, да еще на луговой стороне Волги. Несомненно, что тут играли роль топографические и стратегические соображения строителей, но о них, за полным отсутствием документальных указаний, судить не можем. Некоторые исследователи полагают, что перенесение Саратова на левый берег было вызвано необходимостью наблюдения за новым врагом, появившимся в заволжских степях, а именно за калмыками. Но это мнение, как будто, не подтверждается теми данными, которые имеются в нашем распоряжении. Сколько известно, главная масса калмыков достигла Волги во время своего передвижения из глубины Азии около 1630 года, а враждебные намерения с их стороны по отношению к русским проявились еще позже. Поэтому связывать перенесение Саратова с появлением калмыков до выяснения в подробностях всех обстоятельств такого появления пока не приходится: насколько известно, наш город впервые имел дело с ними только в 40-х годах, приблизительно через четверть века после перенесения. Хотя, впрочем, с другой стороны мы не вправе отвергать и показания Олеария. Таким образом, если на перенесение города могло повлиять опасение кочевников, то нельзя ли об'яснить его тем, что за время смуты ногайцы вновь подняли голову и принялись за набеги на русские украины. О таком набеге упоминается в 1612 году и, как то дальше увидим, Саратовским служилым людям не раз приходилось иметь дело с нагайцами.

К эпохе очень близкой к возобновлению наших городов, то есть ко второму десятилетию XVII века, я склонен относить возникновение и третьего поселения в нашем крае, правда, имевшего временный характер, но все же не совсем лишенного значения в общем ходе местной истории. Я говорю о Камышине. „От Саратова пишет Котов, 200 верст до Камышенки, а на Камышенке, речка Камышенка вышла из степи на нагорной стороне. А над речкою на горе высоко стоит острожек стоячий. А тут стоят по 500 и по 700 стрельцов с весны до осени, казанских и пригородошных. А как на осень пойдут с осенним с астраханским товаром, так и ос-

трожек сожгут. А тою рекою Камышенкою ходят на Дон. А ходу Камышенкою рекою 3 версты в степь, а там волоку 20 верст—казаки струги волочат. А там река Иловля потекла в степь и выпала в Дон. Ту де ходят казаки на Волгу А стрельцы стоят для воровских казаков и их имают, а иных побивают". Камышинский волок с Дона на Волгу был известен нисколько не меньше знаменитой Переволоки. Пользование им мы можем наблюдать по крайней мере до времен С. Разина, а начало этого пользования, быть может, следует отнести еще к XVI веку. Если не принимать в расчет того, что для достижения Камышинской переволоки приходилось пройти греблей или лямкой лишних 150—200 верст вверх по Иловле, то эта переволока в сущности и гораздо удобнее Царицынской, так как тут сухим путем приходилось перетаскивать лодки только на 20 верст, а не на 40—50, как под Царицыном. Казанскому жильцу Анучину еще в 1614 году была пожалована государева придача к окладу „за Камышинский бой". По всей вероятности за бой с казаками, пытавшимися у Камышина пробраться с Дона на Волгу или обратно. Не надо забывать, что и выше впадения Иловли по Дону, Медведице и Хопру жило не мало так называемых воровских казаков, для которых путь через Камышин быть ближе, чем через Переволоку Поэтому естественно, что когда с возобновлением Царицына путь казакам здесь был закрыт, или во всяком случае затруднен, то им пришлось по необходимости чаще пользоваться для своих походов другими путями. А все эти пути были им отлично известны, что доказывается хотя бы намерением волжских казаков, сторонников Заруцкого, после разгрома последнего итти для грабежа с Яика на Волгу через Иргиз. Хорошо был известен и волок от реки Урала к вершине реки Самары. Таким образом, с постройкой Царицына переходы казаков через Камышинку должны были участится и правительству пришлось позаботиться укреплением и этого пункта. Как мы видим из слов Котова, укрепление было легкого типа, в виде стоялого острожка, с постройкой которого не было таких хлопот, как с возведением рубленого города. По каким то, неизвестным для нас соображениям, оно, несмотря на значительность гарнизона (от 500 до 700 человек), носило временный характер, стояло только с весны до осени, то есть в течении такого сезона, когда казаки предпринимали свои походы. С прекращением торговой навигации по Волге стрельцы покидали Камышинский острожек, причем стены его сжигались. Делалось это по весьма понятной причине: иначе покинутый острожек мог бы быть захвачен казаками и сделаться для них опорным пунктом в их предприятиях.

Возобновленные города края, как и следовало ожидать, несли, главным образом, ту же службу, что и в XVI веке, то есть вели борьбу с воровскими казаками, очищая от них Волгу и делая ее, таким образом, безопасной для торго-

вых сношений. Эта борьба, тянувшаяся в течении целых десятков лет, не всегда приводила к желанным результатам и проезд по Волге был все также сопряжен с риском быть ограбленным и убитым во второй половине XVII ст., как и в первой. Торговля и рыбная промышленность по Волге все больше и больше развивались, добыча становилась все заманчивее, а соседние Дон и Яик в своих городках таили целые кадры вольных гулящих людей, предпочитавших правильному труду более рискованный, но зато и более легкий и заманчивый способ заработка. До настоящего времени опубликовано в разных изданиях множество документов, касающихся подвигов воровских казаков в нашем Поволжье и борьбы с ними правительства. Было бы слишком утомительно цитировать все эти документы и перечислять все случаи разбоев. Поэтому я полагал бы пока ограничиться только тем материалом, который содержится в V томе Донских дел. Самое поверхностное знакомство с этим материалом поможет нам путем выдержек из него представить себе положение на Волге в конце XVII века.

Ездить по Волге, даже с охраною было в то время опасно. Стоит прочитать описание путешествия Адама Олеария, совершенного им на военном судне с надежным экипажем, чтобы убедиться в этом. Всякий пустяк пугал путешественников, во всякой лодке, встреченной ими по пути, они готовы были видеть разбойничье судно. И нельзя сказать, чтобы опасения Олеария и его спутников были ни на чем не основаны. Как показывают документы (Дон. дела I, 549 стр.), весть о проезде по Волге немецкого судна с товарами широко распространилась среди рыцарей легкой наживы и вызвала среди них живейший к себе интерес. Яицкий казак Иван Поленов, личность впрочем довольно темная, рассказывал Воронежскому воеводе, что весной 1636 года к яицким казакам, разгромившим персидский город Фарабад явился во главе отряда волжских казаков из 70 человек атаман Самара с известием, что идет в Кизильбашскую землю рекою Волгою немецкий корабль с товаром. „И о том корабле учали они в кругу домышляться, чтобы его потопить". После рассуждений в кругу было постановлено разгромить корабль когда он выйдет в море и пойдет на парусах. Сам рассказчик был послан на разведку и пройдя степью от Урала до Волги встретил судно пониже Тетюш. Дорогой они разграбили приказчика одного казанского торговца. В чаянии добычи отряд казаков зимовал на море и кроме того было снаряжено посольство на Дон с предложением принять участие в грабеже.

Неудивительно поэтому, что некто Серков, человек боярина Стрешнева, посланный им в Астрахань из Москвы для покупок, несмотря на то, что ехал с людьмя грузинского царевича, побоялся продолжать свой путь, так как не доехав до Царицына услыхал про воровских людей и „убояся их поворотил на Дон". Пришлось завести целую переписку по поводу возвращения его

с Дона в Москву. В 1659 году царицынский воевода отписывал в Москву: „в нынешнем г., во 167 году, апреля в 30 день приехал на Царицын с Москвы с твоими вел. гос. грамоты Царицына города сын боярский Герасим Иванов сын Быков. И на Царицыне, госуд, мне, холопу твоему, в с'езжей избе он Герасим сказывал: как де он ехал Волгою рекою и как будет он об урочище о Дубовом острове и о том урочище видел он Герасим воровских казаков; и хотели де, г., ево Герасима те воровские казаки разгромить и он де Герасим говорил тем воровским казакам, что едет на Царицын и Астрахань с твоими вел. гос. грамотами наскоро и ево де Герасима для того и не громили, пропустили мимо того урочища. Да мая, государь, в 1 день приехали на Царицын сверху Волгою же рекою в стружку саратовские посадские люди Тараско Петров да Спиридонко Өедотов... и в распросе сказали: ехали де они государь с Саратова Волгою рекою и как де они будут о том же урочище о Дубовом острове и их де погромили воровские казаки и одного де боярина Бориса Ивановича Морозова крестьянина Максима Лысковца на том стружку убили до смерти, а их де Тараска и Спиридонка с товарищами и с работными людьми те воровские казаки взяли со стругов и со всем животом на тот остров к себе на стан; а живота де взяли у них те воровские казаки полторы тысячи денег да мелкие рухляди на 200 рублев. И держали тех саратовских посадских людей те воровские казаки у себя на стану на острову день до вечера. И того же дни ввечеру... отпустили и велели им ехать на Царицын, а на Саратов ехать им не велели для, государь, того, чтоб на Саратов про них воровских казаков вести не было. И они приехали в том стружку на Царицын и того убитого человека привезли. А на том стружке были у них в работе с Саратова саратовские стрельцы 8 человек и из тех стрельцов с того стружка трое человек саратовских стрельцов пристали к тем же воровским казакам. А по смете тех же воровских казаков, опричь саратовских стрельцов, чаят человек 50 и больше. И по тем вестям тогож числа послал я с Царицына для поиска тех воровских казаков до того урочища Царицына города сына боярского Петра Угримова да сотника стрелецкого Ив. Карево да с ними полтораста человек конных и пеших стрельцов и велел им где будут с'едут они тех воровских казаков и им, смотря по людям и прося у Господа Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи велел я поиск чинить над теми воровскими казаками сколько милосердный Господь Бог милости подаст". В документах не сохранилось указаний, насколько удачно действовали на этот раз царицынские стрельцы и успели ли они в своем поиске над ворами. Но зато другой документ, обязанный своим происхождением только что приведенному, а именно царская грамота на Дон с просьбою изловить этих воров, если они об'явятся на Дону, и учинить им по своему войсковому праву

смертную казнь, чтоб, „на то смотря, иным так неповадно было воровать и наших, великого государя, русских и всяких людей грабить и до смерти побивать“—показывает нам, откуда взялась шайка, появившаяся около Дубового острова. Оказывается, что воспользовавшись большою прибылью воры Камышенкою проплыли с Дону из казачьих городков. Но царская грамота плохо подействовала. На дону и не думали принимать никаких мер против воров и в следующем году они вновь перебираются на Волгу. „И те воровские казаки из ваших же верховых городков... сбежав на Волгу и на Яик и на море и прибирая к себе многих таких же воров учали воровать пуще прежнего: наши, великого государя, учужные городки и станы наших торговых людей станы-ж учужные и насады и струги громят и разоряют и людей побивают; гостей наших Василия Шорина да Михайла и Ивана Гурьевых разбили два насада да паузок, а ярыжек и всяких работных людей взяли с собою на воровство“. Ограбление судов Шорина и Гурьевых имело место на этот раз ниже Царицына и царицынским служилым людям, посланным для их поимки, опять не удалось настичь разбойников, так как они, пользуясь высокой водой, сплыли быстро на низ, захватывая по пути всякие судовые снасти. По слухам они направлялись для грабежа в Каспийское море. Из приведенного документа и из других отнородных мы видим, что воровские отряды пополнялись не только тем, что в них прибирали таких же воров, по выражению царской грамоты; на воровство охотно склонялись прежде всего так наз. ярыжки, т. е. нисшие судовые рабочие, бурлаки по позднейшей терминологии. Сплошь и рядом приходится встречаться с указаниями на то, что экипаж ограбленного судна присоединялся к шайке ограбивших его разбойников. Больше того, мы уже видели, что даже служилые люди—стрельцы охотно меняли царскую службу на привольную жизнь волжского удальца. Вероятно, что кроме возможности, всегда очень неверной, добыть грабежом то, что не могла дать служба у судового хозяина или даже у самого царя, сама разбойничья жизнь имела в себе что-то обаятельное, что неудержимо влекло к ней вне зависимости от выгод, ею предоставляемых. Стоит только вспомнить народное отношение к разбойникам, нашедшее себе выражение во множестве народных песен. Но иногда, как показывает переписка саратовского воеводы Д. Хитрово, поиски над ворами были успешнее, чем в приведенных случаях. Хитрово, по распросным речам царицынского стрелецкого сотника Переславцова, в начале сентября 1659 г. послал из С. до р. Дубовой, протекающей в 150 в. от нас, саратовца Климова с саратовскими служилыми людьми. Климов вернулся 14 сентября с донесением, что казаки, побыв недолго на Волге, ушли пешком степью на Иловлю. Климов погнался за ними, но оказалось, что разбойники успели сплыть на лодках по Иловле в свой воровской городок. Тогда Хитрово, „выбрав саратовских

служилых добрых людей конных стрельцов—коньми 100 чел., да пеших стрельцов—стругами 100 чел., хотел послать этот отряд, чтобы разбить стоянку казаков. В это время пришло приказанье выслать в распоряжение кн. Черкасского 50 конных и 117 пеших стрельцов и воевода побоялся с оставшимися людьми исполнить свое первоначальное намерение о походе на Иловлю. Но новые подвиги казаков все же принудили Д. В. Хитрово решиться на это. „Сентября в 29 день приехал на С. снизу в лодке москвитина гостинные сотни торгового человека Федора Горохова прикащих Карпунька Селиванов. А на с'езжей, г., избе мне, холопу твоему, в распросе сказал: ехал де он Карпунька из Астрахани на хозяйском соляном стругу вверх Волгою рекою до С. И будучи де в царицынских водах об урочище об Щишкине острову, от С. 170 вер., приехали к нему Карпуньке, но тот струг ночью воровские казаки человек с 80 и его Карпуньку били и пытали, на огне жгли, и работных людей и его ограбили. А в тое де, гос., пору сверху в двух стругах вятских черкасы, которые ехали с Москвы к Астрахани, Казбулата мурзы уздени... и те воровские казаки к тем черкасам приступали и с теми черкасы и с служилыми людьми, которые были у них черкас в гребле и в провожатых, был бой долгое время. И те струги они казаки взяли и взем—тех черкас всех порубили, а животы поимали. И пошли они казаки с Волги реки степью пеши на Иловлу реку. А для того грабежного живота нести имали они казаки работных многих людей; а тех работных людей они отпустили, а иные пошли сами к ним охотно в казаки. И я, холоп твой, по тем вестям послал с Саратова для поиску за теми воровскими казаками до того урочища и до их казачьих переходов и до реки Иловлы саратовца Петра Климова, а с ним саратовских конных и пеших стрельцов на конях 200 чел. по нагорной стороне и велел ехать возле Волги реки крепкими месты займищи и велел по шляхам раз'ездить и высмотреть накрепко, где те воровские казаки и в которых местах урочище их воровской городок. И на приточных местах тех казаков велел ждать две недели и больше того, чтоб твоим, вел. гос., торговым и всяких чинов людям проехать было из Астрахани и сверху в Астрахань бесстрашно. А с'ехав тех воровских казаков велел над ними промышлять, поиск чинить, сколько милосердый Бог помощи подаст" Климов вернулся в С. очень быстро и уже 15 октября подал воеводе доезд, в котором писал, что настиг воров-казаков в урочище Островках на Иловле за день пути от Дону. Здесь в бою он одержал над ними победу: кого побил, кого разогнал, а двух казаков живыми привел с собою на С. Пойманные казаки Кондрашка Ходерякин и Нефедка Золотарев были пытаны и огнем жжены и с пытки в распросе сказали в одну речь: „родиною они Соколинского города, что прежде сего бывала волость боярина кн. Алексея Никитича Трубецкого, а ныне в том месте поставлен великого государя город. А отцы их и братья в том Соколинском служили

великому государю драгунскую службу и ныне служат. А из Соколинского они пошли на Дон своею охотою: Кондрашка Ходерякин в прошлом во 166-м году. а Нефедка Золотарев в прошлом же во 167 году. А пришед они на Дон и жили в Сиротинском городке. И нынешнею весною ведомость им в городке учинилась от проезжих торговых людей, что об'явились на Волге реке с Дону воровские казаки и они Кондрашка и Нефедка из городка пошли нынешним летом в Оспожин пост на р. Иловлю за зверем с капканы. И как шли для воровства на Волгу донские казаки атаман Васька Прокофьев да есаул Стенька Федоров самаряне с 80 чел. и больше и они Кондрашка и Нефедка к ним казакам для воровства пошли сами волею. И были они на воровстве с ними на двух походах: по насадам и по стругам людей грабили и прикащиков били, мучили, огнем жгли, а в другом походе—как черкес побили и порубили. А атаман у них был царицынский прежний стрелец Петрушка Кулыга, а есаул—Ивашко Григ. самарянин, всех 70 чел. было. И в том они перед великим госуд. виноваты. А прежний атаман Ванька и есаул Степка с казаками 16 чел. оставались в городке... А отпускал их Кондрашку до Нефедку и Сиротинского городка донской казак Федоня Сидоров сын Немытовской для зипуна и то он ведал, что им быть на воровстве с донскими казаками. И воровав они на Волге реке от'езжали с грабленными своими животами в свой воровской городок. А городок у них сделан ниже Иловли реки, меж казачьих городков Паншинского и Илавлинского близко, в полудницах, на Паншинском острову. А имя они тому городку дали Ригою и взять того городка летом до зимнего пути нельзя никоими делы, потому пришла около городка со всех сторон вода. Да из тогож из Сиротинского городка ездил к ним казакам для покупки их воровской всякой рухляди донской казак Пашка Санной. А побив и порубя черкес животы их поимали и побежали с Волги пещи до Иловли, а Иловлею рекою в лодках в свой воровской городок. А дума была у них у всех зимовать в том своем воровском городке". Но этой думе, как мы видим, не суждено было осуществиться, так как Климов с саратовцами настиг и разбил их. Как только в Москве было получено донесение воеводы об описанных происшествиях немедленно последовала царская грамота Войску Донскому с приказанием раззорить воровской городок, а захваченных там воров казнить смертью. Из войсковой отписки видно, что царское поручение было исполнено уже в январе 1660 г. Любопытна эта отписка тем, что в ней явно сквозит стремление отвести подозрение в участии донцов в волжских разбоях, выставить их делом местного, главным образом, волжского населения. „В нынешнем, государь, 168 году, писал атаман Васильев, января в 10 день по твоему . . . указу посылали мы нарочно за волжскими ворами, которые воровав на Волге нынешним летом перешли с Волги на Дон и городок было они себе воровской меж

верховых городков поставили в Пустовом юрту, своих низовых казаков многих людей коньми и пехотою и с пушками и велели мы им, собрався с верховыми нашими атаманами и казаками, итти вместе под тот их воровской городок. И те воры, сведав на себя их приход, в том своем воровском городке сели в осаде на смерть и учели с нашими низовыми и верховыми биться и стрелять из пушек и из мелкого ружья и многих казаков наших переранили. И Божью, госуд. милостью, а твоим государевым . . . . , счастьем тех воров Бог нам выдал, взяли за большим боем и подкопами и многих людей у них воров в приступ наши побили, а иных многих и живых поимали, и городок их воровской сожгли и разорили совсем. Старшин их воровских заброчиков атаманишка Ваську да есаулишка Петруньку с товарищи, 10 чел., привели для вершения.. к войску живых. И мы их спрашивали в кругу о том их воровстве, что они за люди и откуда собрались. И распрося... тех воровских збродчиков Ваську и Петруньку за такое их воровство повесели, чтоб впредь, иным ворам на них смотря, неповадно было так воровать и с таким воровством на Дон к нам переходить и на нас— на войско и на всю реку напрасного оглашенства наводить. А те воры и на Дону воровской пересед держали, во все лето и до зимы торговых людей с Руси Доном ни одной будары с запасы к нам не пропустили: имали запасы у них грабежом. Только-б, государь, да не твоя государева милость и жалованья к нам прислано хлебных запасов,—и нам бы с голоду помереть. А в распросе те воры сказывали нам, что де они пришедчи с Руси тому года за 2 и жили на запольной реке Медведице и перешедши на Волгу прибрали себе с понизовых городов, из Астрахани, из Царицына таких же воров охочих людей и с насадов ярыжек больше 100 чел. и с теми людями на Волге воровали“. Но хотя донские казаки и боялись напрасно оглашенства, все же они помиловали пойманных воров, отпустили их жить по городкам и те, следующей весной, вновь об'явились на Волге. Я позволил себе так широко воспользоваться выписками из подлинных документов, т. к. эти документы пока являются самым подробным официальным сообщением о подвигах казаков в наших краях. Можно было-бы привести еще не один десяток примеров грабежей на Волге, поисков за ворами и т. п., но все эти примеры б. частью отрывочны и лишены подробностей. По поводу их мы ограничимся пока только констатированием того обстоятельства, что в течение всего периода, который находится теперь в нашем рассмотрении, т. е. с начала века и до появления С. Разина, разбои на Волге не только не прекращались, а как бутто становились даже более частыми, а воровские шайки более многочисленными и дерзкими. Б м., это только впечатление, находящееся в зависимости от того, что документы, касающиеся похождений воровских казаков на Волге, становятся более многочисленными и подробными по мере приблежения к концу

периода. Но несомненно, что на усиление грабежей оказывало влияние и развитие торговли и промышленности на Волге: стало больше добычи и она сделалась ценнее. $2^1/_2$ тыс. рублей, отнятых у саратовских посадских должны были представлять для своего времени огромную сумму.

В XVII веке в наших заволжских степях на смену нагайцев появляется новый кочевой народ—калмыки. Сношения с ними, то враждебные, то дружественные, оказали свое влияние на историю края и представляется необходимым, хотя в самых общих словах, остановиться и на этом народе. Время появления калмыков на Волге пока еще не установлено с точностью; обычно его относят в 30-м годам XVII в., хотя некоторые исследователи отодвигают этот факт к гораздо более раннему времени.

Проф. Н. Веселовский *) в небольшой заметке по поводу найденной им в архиве м-ва иностранных дел переписки об отправлении к персидскому шаху посланника Тиханова в 1613 г. пытается доказать, что калмыки в значительных силах появились в нашем Заволжье еще до Мих. Фед., эти заволжские калмыки уже при В. Шуйском вступили в договорные отношения с русским правительством. Содержащийся в переписке по вопросу о калмыках фактический материал сводится к следующему. Чтобы известить персидского шаха, единственного союзника России в смутное время, о вступлении на престол молодого царя и этим парализовать происки перед шахом Заруцкого, засевшего в Астрахани, было решено спешно отправить посольство в Персию. Т. к. обычный путь по Волге и Каспийскому морю был еще не свободен, то для следования посольства была избрана сухопутная дорога через Самару. От Самары в Персию можно было попасть двумя путями: правым берегом Волги, степью на Сунжу и далее через Кавказ, или заволжскими степями на Яик, Эмбу, Хиву и т. д. Когда по этому поводу в Москве стали опрашивать знающих людей, то окозалось, что пройти крымскою стороною посольству невозможно, т. к. оно рисковало попасть в руки ногайцев, взбунтовавшихся астраханцев, или кавказских горцев. Знатоки рекомендовали итти с Самары на Яик и далее на Юргенч, прибавляя, что „тою дорогою ехати можно и бесстрашно, только беречись надо на станех одних облавников колмыцких людей. А будет и от тех людей хотеть уберечись, ино ехати нижнею дорогою, податися к Сарайчику“. Правительство избрало этот путь, а на случай задержки в дороге послам были даны проезжие грамота, из которых одна адресована калмыкам. В этой грамоте, после об'яснений от кого, куда и зачем отправляется посольство, говорится: „а где им лучится ехати вашею ордою или мимо вашие орды, а случай где им будет с вашими людьми и вы-б, помня прежнюю свою присылку и службу при царе и вел. кн. Вас. Ив. всея Русии, как есте обещались служити нам великим

*). Передовые калмыки на пути к Волге. Зап. Вост. Отд. т. III.

государем царем российским, ныне нам великому гос. службу свою и раденье оказали", т. е. пропустили посла. Приведенная грамота, по мнению цитируемого автора, дает указание на время появления первых калмыков в наших юго-восточных пределах. Оказывается де, что они заявили о себе русскому правительству в царствование Шуйского, т. е. в 1606—10 г.г., и даже просили принять их в русское подданство. Выходит т. о., что расселение калмыков началось раньше, чем это принято думать и притом расселение большими массами, т. к. иначе новые пришельцы не были-бы в состоянии сохранить свою независимость среди степных насельников заволжской и уральской степи—нагайцев и киргиз. Место жительства калмыков в то время Веселовский полагает близ Эмбы или даже по Иргизу. Из этих положений бесспорно может быть принято лишь одно, а именно, что калмыки появились в степях близ Волги или Урала еще в начале XVII в. Но нет никаких оснований относить именно к этой передовой орде указание грамоты на сношения ее с правительством Шуйского. Такие сношения также возможны и даже более взероятны для тех орд, которые кочевали у границ Сибири. С сибирскими калмыками русскому правительству, действительно, приходилось иметь дело еще в XVI ст. Также нет оснований помещать кочевья первых калмыков на Иргизе или Эмбе. Иргиз слишком близок к Самаре и посольству никак нельзя было миновать его; а при таком условии, будь там калмыки, встреча с ними для посольства была-бы неизбежна. Указание-же знающих людей на то, что для избежанья встречи с калмыками нужно спуститься к Сарайчику, показывает, что их не было и в низовьях Эмбы. Нет надобности также считать первую калмыцкую волну особенно сильной. Из документа, на котором основывается Веселовский, видно, что Заволжье было в то время совершенно пустынно и новым пришельцам, занявшим пустые земли, и не предстояло никакой борьбы из-за независимости с ногайцами, которые в то время, покинув старинные свои кочевья, перебрались на крымскую сторону Волги. Вместе с тем есть указания и на то, что калмыки сделались известными на Волге очень рано, т. к. еще в марте 1614 г. самарский воевода кн. Пожарский, сообщая разные известия о Заруцком казанским воеводам, между прочим упоминает о посылке нагайским мурзой Иштереком, кочевавшим тогда на правой стороне Волги, отряда в 1700 чел. *легких людей* на нагайскую сторону „проведывать про калмыков" (А. И. I.). Б. м., мы имеем дело здесь лишь с первой волной калмыцкого переселения на запад, только с передовыми их отрядами, высланными к Волге для осмотра новых мест. Но уже самая значительность посланного Иштереком отряда свидетельствует, что и калмыцкие отряды были многочисленными. Вообще же имя калмыков делается известным русским еще с XVI в. по Сибири, где состоялось первое знакомство русских с этими кочевниками. В то вре-

мя калмыки населяли южную часть нынешней Томской и Енисейской г.г. по берегам р.р. Иртыша и Тобола. Они делились на поколения и роды, находившиеся под управлением княжеских владетельных фамилий, которые в свою очередь состояли в зависимости от хана, как верховного главы народа. Но ханская власть была очень ограничена и главы родов и поколений пользовались почти полною независимостью. В самом начале XVII в. один из ханов вздумал номинальную зависимость своих подчиненных князьков превратить в зависимость действительную, т. е. ввести единодержавие. В ответ на это главы отдельных поколений об'явили себя независимыми ханами, начались раздоры и междуусобия и некоторые калмыцкие вожди еще в 1609 году присягнули на верность Москве. Другие владетели, недовольные политикой хана и не желая подчиниться в тоже время московскому правительству, предпочли искать новых мест для поселений и в начале XVII в. двинулись на запад к верховьям р. Урала и к р. Ори, где и расположились на некоторое время. Преданье рассказывает, что в то время, как калмыки кочевали по Ори, до них дошли слухи, что далее к западу есть р. Волга, которая гораздо больще Урала и представляет большие удобства для кочеванья. Для проверки достоверности этих слухов один из калмыцких начальников послал несколько своих подчиненных на запад; те посетили Поволжье и возвратясь донесли, что действительно на Волге есть много пажитных мест удобных для кочевки. И вот, когда в 1634 г. некоторые нагайские мурзы с своими улусными людьми отправились от Астрахани вверх по Волге *за зверем* на прежнее кочевье между Волгою и Яиком, то нежданно для себя наткнулись на калмыков, которые во множестве кочевали на их старых кочевьях. В этом обычном повествовании, с котораго начинается боль. ч. история калмыков в Поволжье, невольно бросается в глаза неожиданность появления в наших степях целого многочисленного народа. Уже приведенное выше свидетельство о посылке Иштереком отряда для разведки про калмыков, показывает что за 20 лет до приведенной выше даты, принимаемой за начальную для первого появления калмыков на Волге, нагайцам приходилось иметь с ними дело. Да и калмыцкое предание свидетельствует о более раннем, чем принято думать, знакомстве этого народа с нашей рекой. Не заняли-ли калмыки, еще задолго до 1634 г., заволжскую степь, или по крайней мере северную ее часть, просто потому, что она в то время уже пустовала. Нагайцы к началу XVII в. далеко не отличались той многолюдностью, о которой с гордостью говорили-ли князья—современники Грозного. Постоянные междуусобия и голодовки сильно уменьшили численность ногайской орды. Часть населения погибла во во время войны и от голода, а другая выселилась и нашла новую родину в приазовских или хивинских степях. В 1649 году, например, в ногайской орде, кочевавшей около Астрахани, считалось всего, только 4.000 чел.,

способных носить оружие, на 15 тыс. остального населения. При такой малочисленности ногайцы естественно не могли занимать своими кочевьями всей той области, которую во времена полного развития их могущества занимали они летом. Т. о., я склонен думать, что калмыки заняли пустующие степи и первоначальное завладенье не сопровождалось особыми столкновениями с первоначальными насельниками этих мест. Но в 1634 г. ногайцы прошли на север дальше, чем проходили последние годы, а, б. м., и калмыки спустились к югу уже несколько ниже*).

Встреча прежних и новых хозяев степи повела к столкновению между ними, в результате которого пострадала слабейшая сторона, т.-е. ногайцы. Некоторые из них должны были перейти на крымскую, т.-е. на правую сторону Волги, а другие обратились к астраханским воеводам с жалобою на калмыков и с просьбою о помощи против пришельцев, которые „их побивали, жен и детей в полон имали и животину отгоняли". Воеводы, в обязанность которых входила и защита ногайских татар „от всяких воровских людей", выслали на помощь ногайцам воинский отряд. Но и соединенные силы русского отряда и ногайцев не устояли против калмыков, т. к. силы оказались далеко не равными. Оставшись без защиты ногайцы луговой стороны Волги вместе с туркменами, кочевавшими по восточному побережью Каспийского моря, принуждены были подчиниться калмыкам, которые от этого еще более усилились и, т. о., сделались очень опасными для окраинных земель и пограничных городов Московского государства. В 1639 г. калмыки, кочевавшие по Еруслану и Торгуни, в числе 10.000 чел. пробираются вверх по Волге и нападают на Самару, которая подверглась при этом большой опасности. В опубликованных до настоящего времени документах нет никаких указаний на то—пострадал-ли Саратов во время калмыцкого похода 1639 года, но во всяком случае калмыки по дороге к Самаре должны были проходить мимо Саратова, а т. к. шли они с враждебными намерениями, то весьма вероятно, что и саратовские служилые люди имели с ними дело. В начале 1640 г.г. калмыки становятся смелее. Они поднимаются далеко на север и начинают громить прикамские поселки русских. В 1644 г. уфимский и самарский воеводы наносят калмыкам сильное поражение. В этом походе участвовали и астраханцы, а также и ногайцы, кочевавшие в Приазовье. Б. м. в результате этого поражения мы видим, что к концу царствования Мих. Фед. калмыки присягают „быть под высокою царскою рукою, чтоб им

*) К скудным известиям о первоначальном появлении калмыков на Волге, б. м., не бесполезно добавить и еще одно. Астраханские воеводы, отписывая в Москву в июне 1622 г. об отправке ногайских послов и улусных людей с продажными лошадьми, объясняли задержку в отправке тем, что „мотчанье, государь, конскому базару учинилось за тем, что, государь, мурзы и их улусные люди *чаяли на себя приходу калмыцких людей*". (Моск. Госуд. Архив. Ногайские дела 7130 г. № 3).

давати повольный торг в государевых городах, а войною им на государевы города и уезды не приходити". Но подданническая присяга калмыцких ханов точно также, как XVI ст. присяга ногайских князей, имела для России более формальное значение, чем по существу дела; она, по всей вероятности, давалось калмыками лишь для того, чтобы получать от русского правительства разные подарки, до которых всегда охочи были начальники кочевых народов. Как в прежнее время начальники нагайцев не особенно стеснялись своими клятвами, а при удобном случае вторгались и грабили Россию, так теперь калмыки, их соплеменники, не обращают внимания на свою присягу о подданстве русскому государю, а их тайши „на той своей шерти не устояли, учали приходить под Сибирские города, под Уфу, под Саратов, под Астрахань и на ногайские улусы; а приходя городы и уезды воюют, села и деревни жгут, ногайские улусы раззоряют, людей побивают и в полон емлют".

В документах за 1640—50 г.г. встречается не мало указаний на сношения с калмыками, то дружественные, то враждебные. Калмыцкая орда в это время была на вершине своего могущества и ее соседям было важно поддерживать с нею хорошие отношения, заручиться ее помощью. В 1643 г., т.-е. в то самое время как часть калмыков громила русские поселения на Каме, донские атаманы, прослышав про намерения турок двинуться из Азова вверх по Дону (АИI) посылали к калмыкам послов с подарками просить их помощи против турок. Но всего лишь через 5 лет 8 калмыцких тайшей приходят безвестно под Черкасск и „на гульбе многих казаков поймали", а затем стали опять искать мира с казаками, говоря, что они уже отправили посольства в Москву и Астрахань с мирными предложениями. Всех калмыков в отряде, напавшем на Черкасск, было 60.000. Шли они в это время войною на Крымского царя и им было не расчет ссориться с казаками и оставлять врагов у себя в тылу (А. Моск. г. II, 196). Поход на Крым в этот раз не удался, т. к. был предпринят черезчур рано, когда еще не было в степи корма. Крымцы считали калмыков сильными и опасными врагами. Боязнь перед ними заставляла крымских татар не только воздерживаться от набегов на Дон, но даже и искать помощи запорожских казаков. В 1653 г. татары говорили приезжавшим к ним для торговли запорожцам: мы вам помогали на ляхов и вы нам помогите на калмыков. Молва о калмыках шла далеко и осенью того же года яблоновский воевода доносил в Москву, что по слухам калмыки кочуют за Волгою по Яику, а к зиме они „одноконечно придут со всеми своими улусы кочевать для своих покоев и для животных кормов к Волге по займищам". Как было указано, калмыки, подобно всем кочевникам, не придавали большого значения присяге и потому, нарушив присягу 1645 года, не затруднились повторить ее через 10 лет. В 1655 году астраханские воеводы сообщали, что калмыцкие тайши и калмыки со всею ор-

дою" великому государю добили челом и учинились под царского величества высокою рукою и шерть великому государю по своей вере дали на том, чтоб им быть под царского величества высокою рукою во всем неотступно и государское повеленье будет—и они на службу на всякого недруга готовы".

Несмотря на новую присягу калмыки не брезговали нападением на русские поселенья и в 1658 г. царицынский воевода Деев сообщал в своей отписке, что ему „от калмыцких людей страшно". Не менее страху от них терпели, надо думать, и саратовские воеводы. О частых нападениях со стороны калмыков свидетельствует нам и Олеарий. О том, насколько опустошительны были такие набеги, мы можем судить по документам, относящимся к посольству Пазухиных в Бухару в 1669 г. В числе документов, имеется несколько челобитных от русских полоняников, мучивших свой живот в поганой в басурманской вере. Все это наши земляки: астраханцы, и царицинцы, и саратовцы, и самаряне и всех украинных низовых сел и деревень. „А полонены от твоих государевых недругов от башкир, и от калмыков, и от едисанов на твоих государевых службах в Астрахани на посылках. А запроданы в Ургенчи, и в Бухары, и в Балх, а запродано нас холопей и сирот твоих тысячей з двадцать". О выкупе этих пленных, среди которых были лица всех сословий, должно было позаботиться посольство.

Значительно меньшую роль в жизни наших городов играла борьба с татарами, т. е. с теми же ногайцами, делавшими набеги на русские окраинные места и, повидимому, грабившими по Волге. Скудные известия о таких нападениях и грабежах попадаются в течение всего XVII в. Григ. Никит. Орлов, бывший на Саратове воеводою с 1626 по 1630 г., жалуется от государя за то, что *татар побил.* В другой раз он приводит из похода несколько пленных мурз, которые потом были сосланы на Вологду и там приняли православие. В 1637 г. татары появляются в степи недалеко от С. и здесь берут в плен, при переходе через Медведицу, ехавшего из Москвы стрелецкого десятника Карташова. Приключения этого Карташова, проданного в Турцию, могли бы послужить сюжетом для занимательной повести. В июле 1658 г. крымские татары делают набег на окрестности Царицына и у самых стен города угнали весь скот, принадлежавший царицынским жителям. В обычное время этот скот из опасения татарских приходов пасся на острове, но в том году высокой водой остров потопило и животных пришлось выпустить в степь. Вылазка, сделанная воеводой Деевым, не имела успеха, а повела только к потере нескольких человек из его отряда.

Кроме наблюдений за разбойниками и кочевниками царицынским служилым людям приходилось нести еще одну службу в виду близости Царицына к Дону—это проведывание, как говорилось тогда, вестей. Для этого на Дон посылались небольшие отряды, которые должны были собирать всякие слухи: о воров-

ских казаках, о намерениях татар, о крымских делах, даже о том, что делалось в Турции, и все эти слухи царицынские воеводы сообщали в Москву. Для образца я приведу одну такую отписку. „Государю ц. и в. к. М. Ф. в. Руси холоп твой Тимошка Шушерин челом бьет. В нынешнем г., в 146 г. посылал я с Царицына на Дон в городок в Голубые для проведывания турских и крымских и запорожских черкас и про ногайских татар и про всяких воинских людей вестей царицынского сына боярского Герасима Быкова, а с ним царицынских конных стрельцов пятидесятника Данилка Иванова Воронежского с товарищи 10 чел. И июня, г., в 6-й день приехали з Дону на Ц. от городка от Голубых... Быков да..... Воронежский....., а в роспросе..... передо мною сказали: сказывал ему Быкову и стрельцам у городка Голубых атаман Лазарь Андреев:—приехал де из Азова города с войсковыми отписками казак в городок Сиротинский да в городок Кремянной и по всем верховым и низовым казачьим городкам, Алешкою зовут Дронов, чтоб ехали все казаки к войску в Азов город, что идут де под Азов город турские люди и крымские многие воинские люди в штидесят каторгах з большим нарядом морем; а кто де, государь, с турскими людьми идет паша—того де он подлинно не ведает. А крымской де, гос., царь с крымскими татары перевозятся под Таманью городом и Темрюком городом на Гирле, чтоб итти степью коньми; а от Азова де города, где перевоз на Гирле, был всего днища с три. Да ему же, гос., Гер. Быкову да стрельцам атаман Лазарь Андреев сказывал:—которые де казаки пошли было на море под Тамань город и под Темрюк стругами и те де казаки послыша турских и крымских людей с моря . . . . , все приехали в Азов. Да ему же . . . . . сказывал, что пошло де крымских татар по крымской стороне по Дону человек тысяч с 12 под казачьи городки, чтоб, государь, по Дону тем татарам казачьи городки разрушить. Да ему ж сказывал, что пошли по Дону по нагайской стороне человек с 300 черкес коньми под казачьи ж городки“ и т. д.

Какими же силами располагало правительство в нашем крае? В 1630 г. гарнизон Саратова состоял, не считал воеводы и стрельцкого головы, из 18 чел. боярских детей, 3—стрелецких сотников, 100 ч. конных стрельцев, 200—пеших, 4 пушкарей и 2 воротников. Кроме того было 100 стрельцев годовальщиков и на время *„покамест острог сделают“* прислано из городов, находящихся выше Казани,—57 ч. боярских детей, 114 ч. новокрещенов и бусурман, 215 стрельцов и 50 ч. плотников. Т. о. постоянны гарнизон Саратова состоял только из 327 ч. способных носить оружие. Незначительность этого гарнизона пополнялась присылками на годовую и временные службы. Приблизительно в тоже время Царицынский гарнизон составляли 425 чел., считал в том числе и 50 ч. годовых стрельцов. На уровне 350—500 чел. военное население Саратова и Царицына держится почти

в течение всего столетия. Служилые люди несли свою службу на общих для всего государства основаниях. Впрочем, об этом поподробнее придется говорить далее.

Мы уже видели, что рыбные богатства низовьев Волги издавна привлекали к себе внимание предприимчивых людей. Еще задолго до присоединения нашего края к Московскому государству русские промышленники в значительном числе спускались для рыболовства до самого Увека. Мы можем, и вполне основательно, не доверять цыфрам, приводимым Казанским летописцем, но самый факт присутствия в нижнем течении Волги русских ловцов еще при татарском владычестве не подлежит сомнению. Повидемому, даже Увек не являлся конечным пунктом, до которого спускались ловцы. По крайней мере в условиях мирного договора с Астраханью в 1554 г. мы встречаем пункт, по которому русским рыболовам разрешалось ловить рыбу в астраханских водах наравне с татарами. Следовательно в половине XVI в. такие рыболовы доходили уже до самого моря; иначе не было-бы смысла включать в договор подобный пункт. Ближайшие к Астрахани рыболовные угодия почти тотчас вслед за присоединением ее к России стали источником дохода для государства. Уже первый игумен первого астраханского монастыря Кирилл в 1560 г. жаловался царю, что „Колкомановский учуг у него воеводы астраханские и дьяки взяли, а за хлебную ругу и за деньги дали ему учужки ниже города . . . . а оброку с тех учужков шло в казну на год по 7 рубев и 4 алтына". Очевидно, что отнятый воеводами учуг стоил больше мелких учужков, отданных монастырю. Так же очевидно, что монастырь верный доход с учуга предпочитал неверным и неаккуратно получаемым руге и денежному жалованью. Охотно на такую замену шло и правительство. О важности астраханских учугов для государства и о рановременном водворении в Астрахани рыбного промысла свидетельствует и обрывок наказа, выданного в начале 1614 г. от имени второго Лжедимитрия. Естественно ожидать, что и ближайшие к центру государства рыболовные угодья саратовского плеса Волги также быстро по освоении края русскими должны были привлечь к себе внимание правительства и частных лиц. К сожалению, за отсутствием документальных данных, мы не можем утверждать этого положительно. В нашем распоряжении имеется только одно указание на это обстоятельство, указание приводимое уже однажды мною. Это ссылка поверенного кр-н с. Воскресенского на владение землею по грамоте 7097 г. Если эта ссылка поверенного основана на действительно бывших у него в руках грамотах, то здесь мы имеем дело с пожалованием Воскресенскому монастырю именно рыбных ловель, а не земли, т. к. таковая в то время у нас еще не имела никакой цены и не могла представлять интереса для богатого столичного м-ря. Как косвенное указание на продолжающееся стремление рыбопромышленников в наши края можно привести и

наказ тому Пальчикову, который в начале 1614 г. должен был поставить острожек на устье р. Усы. По этому наказу Пальчиков не должен был пускать ниже Самары рыбных ловцов. Стало быть даже и неурядицы смутного времени не могли удержать потока предприимчивости. Более или менее подробные документы о состоянии рыбной промышленности в нашем Поволжье и о ее развитии сохранились только от XVII в. Эти документы указывают, что и у нас, как в Астрахани, рыбные ловли издавна служили источником казенного дохода и также издавна находились в эксплоатации промышленников. В одной из книг т. наз. Печатного Приказа за 130 г. я встретил две записи об отправке грамот к саратовскому воеводе:—1—л. 24/XI и 2—я. от 10/II. Из этих записей видно, (1-я) что по челобитью кр-на с. Ворсмы Олимпиева ему сданы на 130 г. на оброк иргизские рыбные ловли „а оброку старого 33 р. 50 ал., да наддачи и с пошлинами 35 алтын". По 2-й грамоте сданы на оброк Чирлатовские воды „а откупу старого 12 р. 12 ал., да наддачи рубль". Эти коротенькие записи позволяют нам установить, во 1-х, порядок сдачи рыбных ловель: они сдавались с торгов и оставались за лицом, предложившим наивысшую цену. Во 2-х, как видно, и Иргизские и Чирлатовские воды сдавались на откуп не впервые, т. к. перед нами налицо т. наз. старый оброк, т. е. цена, по которой они ходили раньше.

Если бы представилась возможность выбрать из книг Печ. Прик. все мелкие записи, относящиеся к нашему краю, подобно тому, как по отношению к Саратову за время с 1650 по 1675 г. сделал Гоз.—Гол., то мы имели бы в своем распоряжении драгоценный материал для суждения по вопросу о рыбном хозяйстве в нашем Поволжье, и можно было бы нарисовать картину постепенного развитии этого дела. Пока же приходится довольствоваться только случайными документами. Из них значительный интерес представляет грамота (Архив Строева, II, 637) 1624 г., из которой видно, что в том же 130 г., когда были сданы на оброк саратовские, иргизские и чирлатовские воды, казанские воеводы жаловались в Москву, что они не надеются собрать сполна оклада с казанских рыбных ловель потому что „многие рыбные ловцы, которые наперед сего оброчились на Казани в наших водах, нынче оброчатся меньше прежняго, а льготя себе оброчатся на Самаре и на Саратове и на Царицыне". Оказывается, что тяга в низовья Волги в начале XVII в. была настолько сильна, что отлив ловцов грозил запустением верховьям реки: казанских вод, по крайней мере по прежней цене, не хотели снимать. Низовье привлекает не только обилием рыбы, но, очевидно, и более льготными условиями при сдаче вод *). До половины века перед

*) Даже м-ри, расположенные на Волге, но только ближе к ее верховьям, стремились получить право рыбной ловли на Низу. Архимандрит Спасопреображенского Казанского м-ря Макарий бьет челом ц. Мих. Ф-чу о пропуске на низ Волгою до Девичьих Гор на рыбную ловлю на оханном стругу старца Корнилия, а с ним 10 чел. ярыжных. (Заволжский Муравей, 1832, № 13, спр. 741).

нами досадный пробел, обусловленный отсутствием документов. Но от 1651 г. мы имеем опять записи с упоминанием о сдаче вод. В этом году гороховленину Алешке Ершову сданы Курдюмские и Чирлатовские воды на 4 года из оброка по 83 р. 10 ден. в год и его земляку Белину—Столбовские воды, простирававшиеся от Щербаковки до Еруслана—на 3 года по 75 руб. 3 ал. 2 д. в год. В следующем году торговому человеку гостиной сотни Климшину сдаются Елань—Иргизские воды, считавшиеся общим между Самарой и Саратовом, за 5 р. 2 ал. в год. В 1654 г. помянутые выше Курдюмские и Чирлатовские воды сдаются кадашевцам Прозоровым по 88 р. 27 ал. 3 д. В 1656 г. Саратовский посадский чел. Дубенский арендует Забродинский и Чердымский юрты по старым рубежам. В 1658 г. мы видим несколько новых урочищ, а именно—Еруcланские ловли, Кривушенские воды, Бородинский, Чардымский и Караманский юрты и Каюковский юрт. В 1661 г. кадашевец Богданов из оброка в 110 р. 15 ал. 5 д. берет на откуп ловли, что от Оханского острова, да Чагринские воды, с Черным затоном, да Гневашенские воды, что от Соснового о-ва, да вопчие Саратовские и Самарские Елань-Иргизские воды. Все эти сведение далеко не полны, т. к. несомненно большая часть ловель сдавалась в Саратове и до Москвы дело доходило только в исключительных случаях. Но все же и по ним мы можем установить два обстоятельства: 1-е) что число рыболовных угодий, подлежащих сдаче, постепенно увеличивалось и 2-е) что арендная плата из года в год повышалась. Оба эти обстоятельства говорят за то, что рыболовство в нашем крае развивалось. Если судить только по приведенным данным, то получается такое впечатление, что в рыбных промыслах нашего края принимали участие почти исключитнльно люди пришлые, а местное население было заинтересовано в них очень слабо. Но подобное заключение было-бы преждевременным. Правда, прямых известий о сдаче вод саратовцам почти не сохранилось. Об'ясняется это по моему мнению, гл. обр., тем, что саратовцы имели дело с местными воеводами, делопроизводство которых до нас не дошло. Отчасти об'яснение подобного явления, т. е. отсутствия прямых указаний, можно искать и в том предположении, что крупные иногородние предприниматели арендовали сразу обширные угодья, оброк которых был непосилен для мелких промышленников. Эти последние уже переснимали мелкие участки у крупных арендаторов*). Из окладной росписи пятины по г. Саратову 1634 года, которая подробнее будет рассмотрена впоследствии, документа, касающегося только одной и притом еще малочисленной группы

---

*) Летом 1913 г. мне удалось обследовать сохранившиеся книги Печатного Приказа до 1650 г. и извлечь из них ряд данных, относящихся к развитию рыбной промышленности на средней и нижней Волге. Приводить здесь эти данные невозможно; отмечу лишь, что они в полной мере подтверждают те выводы и предположения, которые по этому вопросу изложены выше.

Саратовского населения, видно, что из 83 чел., составлявших в 1634 г. все неслужилое население Саратова, 49 чел., т. е. около 60% занималось рыбным промыслом. Тот же документ показывает, что все это были мелкие промышленники, стоимость *животов* которых не превышала 25 р., да и то лишь в исключительных случаях. Но саратовское население того времени состояло не только из посадских людей; значительный, если не преобладающий процент его составляли служилые люди, а также и лица других сословий (напр., духовенство, получавшее ругу), которые также были заинтересованы в рыболовстве. Потому надо думать, что число местных жителей, занятых в рыбной промышленности, было весьма значительным. Мало того, в этой промышленности был заинтересован весь город целиком, на ней зиждилось его благополучие. И потому мы видим, что в 1658 г., от имени города ходатайствуют о льготах по рыбной ловле стрелецкий пятидесятник Кобяков и посадский Попадейкин. По этому ходатайству Саратову была дана грамота „велено нам богомольцам и холопам и сиротам вашим рыбу ловить в р. Волге всякими рыбными снастями под городом и от города вверх и вниз р. Волги по 5 верст про себя безоброчно и впредь тех рыбных ловель, которые отданы нам богомольцам и холопам и сиротам вашим, никому в откуп давати не велено, а в тех водах велено рыбу ловить про себя и привозить тое уловную рыбу рыбным ловцам в город и продавать нам богомольцам и холопам и сиротам вашим всякому, чем сытым быть, а в закуп и в отвоз саратовским *перекупщикам* и *прасолам* рыбу ловить ни коими мерами не велено, также и иных городов торговым и приезжим всяким людям в те наши в саратовские в подгородные воды в'езжати и рыбу ловить и ватаг и станов и стругов для рыбного промысла в отвоз по городам и по островам и по пескам и в затонах и ни в каких местах заводить и становить не велено“. Т. о., саратовцы получили право ловить рыбу не только про свой обиход, но и на продажу, только с условием, чтобы эта продажа не носила промышленного характера. Из приведенной грамоты мы видим, что в то время у нас уже была развита торговля рыбою, т. к. упоминаются перекупщики и прасолы, и что эта торговля привлекала иногородних предпринимателей, не только арендовавших рыболовные угодья, но и скупавших готовый продукт. Нельзя не обратить внимание и на выражение документа „богомольцы, холопы и сироты“. Это выражение доказывает, что льгота грамоты распространялась на все без исключения население города: духовенство (богом.), людей служилых (холопы) и на посадских (сироты). К этому, далеко неполному (по отсутствию д—ов), очерку развития рыболовного промысла около Саратова мы прибавим только предположение, что по всей вероятности приблизительно также обстояло дело и с рыболовством в Царицыне. До сих пор опубликована одна только запись о выдаче грамоты (от 1658 г.) царицынскому воеводе стольнину Давыдову по челобитью царицынских служилых

и всяких жилецких людей: велено рыбу ловить в р. Волге всякими рыбными снастями под городом и от города вниз по 5 верст про себя безоброчно. Текст записи не оставляет сомнения (по сравнению ее с текстом записи саратовской грамоты), что самая грамота составлена в тех же выражениях, как и только что приведенная. А также не может быть сомнения и в мотивах, побудивших к ее выдаче: челобитье царицынских служилых и жилецких людей, стесняемых в промысле лицами, арендовавшими ловли от правительства. Отзвук этого мы находим в воспрещении торговым и приезжим людям в'езжать для промысла в льготные воды.

О том, в каких широких размерах практиковалось промышленное рыболовство на Волге во 2-й пол. XVII в. показывает судное дело XVII в. по поводу складной записи, опубликованное М. Островской в Известиях О-ва А. И. и Э. при Казанском у—те (т. XXVII, вып. 1, 1911 г. стр. 57 и сл.). Судное дело возникло по поводу иска вдовы одного из складчиков Гладкого к другому участнику Бокову. Из складной записи, совершенной в марте 1663 г., видно, что каждый из складчиков должен был внести на свой пай по 15000 рублей, т. е. оба вместе располагали на общее дело капиталом в 30 т. р. Принимая во внимание покупную способность рубля того времени нельзя не согласиться, что сумму эту следует признать очень большой, а следовательно и предприятие, требовавшее такого основного капитала, весьма крупным. Складчики договаривались „из тех денег сделать или купить струг с завознями и с якори и с парусы и со всякими судовыми снастьми и всякие заводы про ватажский обиход искупить и рыбных ловцов и работных людей наймовать... и всяким ватажским промыслом промышлять“. Хотя Боков и Гладкой были нижегородцами, но ареной своей деятельности они избрали не верхнее теченье Волги, а нижнее: в договоре прямо упоминается „низовой ватажский промысел“.

Правительство извлекало доход из рыбных ловель не только путем отдачи их на оброк или через предоставление их ружникам вместо денежного и хлебного жалованья. Оно и само непосредственно эксплотировало их. Документы, или вернее намеки на документы, сохранившиеся от времен ц. Алексея Михайловича, показывают, что эксплоатация была поставлена на широкую ногу, хотя казенные промыслы и не назывались этим именем, а именовались дворцовыми, т. к. добыча их шла гл. обр. на нужды дворцового обихода. Но по существу это было казенное предприятие, находившееся в ведении соответствующего Приказа. Подробностей организации этого предприятия я касаться не буду, тем более, что в частности, по отношению нашего края, таких подробностей почти не сохранилось. Известно, между прочим, что ведение дела находилось в руках особых промышленников, назначавшихся из торгового сословия, что и естественно, т. к. оно носило характер настоящего промысла. Из таких промыш-

ленников мы можем указать, напр., на муромца Павла Фад. Дубенского, сыгравшего некоторую роль и в истории нашего города. Этому Дубенскому были поручены рыбные и насадные промыслы на нижней Волге, а заодно давались и другие подходящие поручения, напр., доставка хлебных запасов из верховых городов в Астрахань и т. п. Для этой цели ему доверялись большие суммы денег. В ведение промысла входили ватаги, где производилась ловля и заготовка рыбы, зимовые дворы—для хранения снастей и рыбы и, в Саратове напр., целый городок, где сосредоточивалось управление промыслом. Мы имеем описание саратовского рыбного городка, правда относящееся к довольно позднему времени, а именно к 1701 г. Это описанье сообщает следующее: Саратовский и Царицынский рыбный промысел, а у того промыслу промышленник городчанин Иван Сидоров с 203 году. А по росписному списку у того промыслу заводов:—на Саратове дворцовый рыбный городок к реке Волге о 4-х башнях, ворота створчатые, у ворот затвор ветхий, засов железный с замком. По обе стороны два амбара без кровель; погреб на двое перегорожен. В том же городке 8 пушек чугунных и в том числе одно весом 40 п. 20 гривенок, одна 27 п. 20 гр., одна 26 п., одна без весу; все в станках. Одна пушечка малая в станку на колесах, 2 пушечки запасных малых без станков; 15 ядер больших и малых, полпуда пороху, 16 ф. свинцу, 42 мушкета в ложах и без лож старых. И того же промыслу в дворцовой Саратовской горной слободе под'ячий да нарядчик, 22 чел. солдат". В Саратове же стоял и Черноярский зимовой двор, описанный так: „огорожен досками в столбы, на том дворе строение 2 амбара о двух жильях, крыты лубьем; ворота створчатые, крыты тесом".

Не могли не обратить своего внимания на выгоды, предоставляемые рыбной промышленностью в низовьях Волги, и крупнейшие предприниматели и капиталисты того времени—богатые московские монастыри. Еще в 1606 г. Чудов м. добывает себе у царя Василия Шуйского грамоту на рыбные ловли „в тихих Сосновых водах от Черного затону вниз Волги реки на 45 верст". Вслед за Чудовым и другие м—ри спешат обеспечить себе лакомые куски в пустынном, но богатом и с видами на будущее крае. Едва только наступило спокойствие в нижнем Поволжье, как Троицкий Сергиев м. уже охлапатывает себе царскую жалованную грамотую (4/III—1616 г.) на право безпошлинной рыбной ловли на огромном протяжении от Казани и до Саратова. Судя по грамоте, этот монастырь искони обладал таким правом и грамота 1616 года является лишь подтверждением прежних привилегий. „Били нам челом, говорится в ней, Живоначальные Тройцы Сергиева м-ря архимандрит Дионисий, да келарь старец Аврамий с братиею, а сказали: *исстари* де Живоначальные Троицы и великого чудотворца Сергия по государевым жалованным грамотам рыбные ловли в Ка-

зани на Волге и ниже Тетюш до Самары и ниже Саратова и отдаваны на оброк ловцам, а ныне де наши самарские воеводы с тех их рыбных оброчных ловцов емлют месячный оброк, а им де рыбы ловити не дадут, а в м-ре *братья рыбою скудны* и нам бы их пожаловати, не велети самарским воеводам в Троицкие ловцы вступатися и велети им рыба ловити попрежнему ниже Самары и Саратова безоброчно и беспошлинно". Сохранилось, сравнительно, много д-в о рыбных ловлях, принадлежавших Новоспасскому м-рю. Власти этого м-ря в 1631 г. били челом государю о предоставления им саратовских иргизских рыбных ловель, т. к. „в Спасском м-ре рыбные ловли нигде нет окроме того, что на Варзуге, а что и из Варзуги в прошлом во 139 г. отпущено было в м-рь рыбы и тое на море разбило. И на братью рыбу они покупают с торгу и то становится м-рю убыточно, а казна де в Спасском м-ре небольшая и тое, по нашему указу, трогать они не смеют", По этому челобитью м-рю было отдано на оброк огромное пространство по теченью Волги в пределах теперешних Вольского и Пугачевского у. у. от Каниной Тубы до Терсинской косы по обе стороны Волги с пески" с затоны и с ерки и с займищи и с зимними промыслы по старым рубежам. да и в полую воду в заливах". Оброк был назначен по 20 р. в год. Но не прошло и четырех лет, как м-рь стал просить об отводе ему вместо Иргизских вод других, находящися ниже, а именно Курдюмских и Чирлатовских „сверху Чардымского острова с нижней изголови на низ по Волге реке по Гусельский нижний затон по Саратовский остров по верхнюю изголовь, по обе стороны Волги реки с пески и с озеры и с приверхи, со вселетнею стрежневою рыбою". И хотя эти воды находились уже в оброке у разных лиц и приносили казне доходу вдвое более, чем Иргизские, просьба м-ря была уважена и просимые угодья были сданы ему на льготных условиях, а именно с платежем прежнего иргизского оброку. Однако, уже через год последовала грамота к саратовскому воеводе Феофилатьеву об отводе Новоспасскому м-рю вместо Курдюмских и Чирлатовских вод, которые „перед прежними Иргизскими водами не прибыльны", т. к. м-рю дана в них „одна летняя ловля, а осенней рыбной ловли и зимнего промыслу не дано", по прежнему Иргизских вод „как откупной срок нижегородцу Матюшке Козлову дойдет". Курдюмские же и Чирлатовские воды велено отдать на откуп *с прибылью*, для чего *на Саратове на торгу кликати бирючу* но многие торговые дни". От больших столичных монастырей не отставали и мене значительные и даже провинциальные. Из отрывочных записей, опубликованных Голомбиовским, видно, что в половине века близ Саратова имели свои промыслы Андреевский м-рь, Макарьевской Желтоводский и наконец сам патриарх.

ГЛАВА XII.

Развитие рыбной промышленности на Волге, которому мы посвятили часть предыдущей главы, несомненно должно было вызвать в наш край приток и не военного, неслужилого элемента. И действительно, уже в самом почти начале существования Саратова на левом берегу мы можем предположительно, правда, установить наличие в нем такого элемента. Московский торговый человек Котов, проехавший по Волге в 1623 г., в своем описани попутных городов, между прочим, сообщает про Саратов, что за городом расположены „стрелецкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов запасы". Про Царицын он замечает, что ряды находятся в самом городе. Существование рыбных лавок, амбаров и рядов заставляет с некоторой долей вероятности предполагать, что население городов нашего края в 20-х г.г. XVII ст. состояло уже не исключительно только из служилых людей, что в составе этого населения начали появляться и люди торговые. *) Но о том, как велико было это торговые неслужилое население—до последнего времени нельзя было судить за отсутствием документов. В 1916 г. киевский проф. П. П. Смирнов напечатал **) окладную роспись пятины по г. Саратову 1634 года. Эта роспись проливает некоторый свет на интересующий нас вопрос. Пр. Смирнов снабдил роспись обширным и исчерпывающим комментарием, почему нам придется лишь следовать за ним в дальнейшем изложении. Прежде всего, что такое пятина? В тяжелые минуты, говорит наш автор, хронического недостатка денежных средств, которым страдало московское правительство 1-й пол. XVII, оно нередко прибегало к назначению экстренных сборов. Одним из этих сборов и была так называемая пятина или пятая деньга. При всех колебаниях в определении как об'екта обложения, так и способов взимания 5-й деньги, пятина всегда являлась экстренным сбором пятой части с дохода, обычно чистого, и имущества, обычно движимого торгово-промышленного класса Московского г-ва, независимо от чина, а с 1615 г. и имущественной состоятельности плательщиков. Разумеется, гл. обр. пятина падала на торговых, промышленных и ремесленных людей, т. е. на посадское население московских городов. Назначались сборы пятой деньги в первые годы правления ц. Михаила по 1619 г. включительно ежегодно, затем был сделан перерыв и к пятине обратились вновь лишь в тяжелую годину неудачной смоленской войны с Польшей, когда было собрано две пятины: 1633 и 1634 г.г. Последняя пя-

**) Что касается Саратова, то наличие в нем неслужилого элемента в указанную эпоху устанавливается документально. В деле о самовольных действиях воеводы кн. Мышецкого в 1621 г. фигурирует и группа саратовских посадских людей, правда, весьма незначительная количественно (упоминается всего 7 чел.). Моск. Госуд. Архив. Приказные дела, связка 43, № 34.

*) В 33-м вып. „Трудов" СУАК.

тина была назначена соборным приговором 29/1—1634 г., причем указано было собирать на жалованье ратным людям „запросные деньги с митрополитов, с архиепископов и с монастырей и с бояр и с думных и со всяких чинов людей; а с гостей и с торговых людей с животов пятую деньгу". Сбор налога в 1634 г. был поручен вообще выборным людям от гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен и московских черных сотен и слобод, которые, разбившись на комиссии по несколько человек в каждой, уже в марте м-це 1634 г. раз'езжались по городам для сбора с них 5-й деньги. Местное население в помощь выборным людям москвичам выбирало из своей среды „окладчиков", на обязанности которых лежала щекотливая операция оценки животов своих сограждан, кроме самых богатых, которых окладывали кое-где по московскому окладу, а также составление окладных росписей для взимания тут же собиравшегося по ним налога. Однако, кое где на окраинах выборных москвичей заменяли местные воеводы, которые вместе с окладчикам и проделывали всю работу вплоть до отсылки собранных денег и окладных росписей в Москву. Так было, между прочим, и в Саратове.

Государева грамота саратовскому воеводе Феофилатьеву, датирована 8/6 г.—1634 г. и, следоват., была получена в Саратове приблизительно в начале следующего июля. В грамоте воевода получил приказание „с саратовских с посадских и со всяких торговых людей и с сосед и с подсоседников с их животов и с торгов собрати твоим государевым ратным людям, которые стояли с твоим государевым бояриным и воеводами, со кн. Дмитрия Мамстрюковичем Черкасским, на жалованье пятинные деньги". С целью сбора этих же денег государева грамота предписывала саратовским посадским людям выбрать из своей среды „лучших людей, сколько человек пригоже, которые были душою прямы и с такое б их дело стало".—Получив грамоту воевода, по его словам, собрал саратовских посадских людей в с'езжую избу: велел прочитать им грамоту и, как он сообщал, „велел им из саратовских посадских людей выбрати в окладчики людей добрых, сколько человек пригоже, которые-б были душою прямы и своих животов и промыслов не таили и всяких торговых и промышленных людей животы и торги знали". По этому требованию посадские люди выбрали окладчиками, к пятинному сбору пять лиц из своей среды. Выборную память на них за своими руками они принесли к воеводе в с'езжую; в памяти было написано, что окладчики люди добрые и душою прямы и прожиточны.

Воевода тогда приказал окладчиков привести к крестному целованию и затем велел им" саратовских посадских и всяких торговых людей и сосед и подсоседников переписати, кто каким промыслом промышляет, а переписав, окладывати пятинною деньгою всякого человека порознь в правду без всякие хитрости". Выборные окладчики, „сами себя и саратовских посадских торговых людей и сосед и подсоседников на Саратове переписывали,

чем кто торгует или кто каким промыслом промышляет, а переписав, с их животов и промыслов окладывали пятинною деньгою своих пожитков и с торговых людей всяких порознь вправду по государеву ц. и в. кн. М. Ѳ. всея Р. крестному целованию. Результатом их работы и была окладная роспись пятины 142—1634 г. г. по г. Саратову, которая затем была скреплена двумя саратовскими попами: Никольским соборным попом Василием и попом Самсоном—неизвестно какого престола, и двумя же окладчиками и отнесена воеводе в с'езжую избу. Воевода собрал по росписи пятинные деньги, всего 121 р. 23 к. 4 д., и $^{11}/_{1}$—1635 г.. послал их и саратовскую роспись в Москву с саратовским же целовальником Никитой Терентьевым. Последний подал и то и другое в Москве $^{13}/_{11}$—1635 г., как то видно из пометы на воеводской отписке.

Таково содержание воеводской отписки. Что касается окладной росписи по г. Саратову, то она содержит перечень 32 чел. саратовских земских людей или саратовских посадских торговых людей, считая в их числе и пятерых окладчиков, и перечень 51 чел. соседей и подсоседников, всего 83 чел., с указанием торга и промысла каждого, общей стоимости животов и исчисления 5-й деньги в размере 20% этой стоимости.

Для образца приведем несколько выдержек из самой окладной росписи. Делится она на три части: в 1-й показаны окладчики, во 2-й—земские люди и в 3-й—соседи и подсоседники. *Окладчики*: Петрунька Горшков, сказал по государеву ц. и в. кн. М. Ѳед. всея Р. крестному целованию, что живота его и в лавочном промыслу 25 рублев; пятинные деньги с него взято пять рублев. *Саратовские земские люди*: Ивашко Филипьев. Окладчики про него сказали по госуд. ц. и в. кн. М. Ф. в Р. крестному целованию, что живота его Ивашкова и в лавочном промыслу 60 рублев; пятинные дньги с него взято 12. *Соседи и подсоседники*: Любимко Рожа. Окладчики про него сказали...: что живота его Любимкова и в рыбном промыслу полтретья рубля; пятинные деньги взято с него полтина и т. д.

При рассмотрении окладной росписи прежде всего, говорит проф. Смирнов, является вопрос: какие элементы и с какою степенью полноты были внесены в нее и, следовательно. какое значение ее для исчисления населенности левобережнего Саратова в 30-х г. г. XVII в.?

При решении этого вопроса необходимо иметь в виду, что пятина 1634 г. вообще захватывала плательщиков налога с возможной полнотой.

Деньги брали со всяких чинов людей „чем кто ни торгует, чей кто ни есть“ не делая исключения ни для белых людей, ни для тарханщиков ни для маломочных людей. Это являлось достаточной гарантией за то, что из обложения не ускользнула ни одна заметная группа плательщиков налога. Во всяком случае общая тенденция пятины 1634 г. заставляет думать, что те группы

саратовского населения, которые подлежали обложению пятой деньгой, были обложены ею целиком и, следовательно, целиком же, без каких либо заметных из'ятий, должны были войти в окладную пятинную роспись.

Упомянутая грамота $^{8}/_{VI}$—1674 г., как мы видели, предписывала воеводе собирать пятину „с Саратовских посадских и со всяких торговых людей и с сосед и с подсоседников, с их животов и торгов." По отписке воеводы Феофилатьева он велел окладчикам, составлявшим роспись, „саратовских посадских и всяких торговых людей и сосед и подсоседников переписати, хто каким промыслом промышляет." Наконец, по заголовку росписи окладчики „сами себя и саратовских посадских торговых людей и сосед и подсоседников на Саратове переписывали". Т. о. царская грамота и воеводский приказ подразумевали, что окладчики внесут в свою роспись: во 1-х—посадских людей; во 2-х—всяких, т. е. и не посадских торговых людей, и в 3-х—соседей и подсоседников. Никаких исключений для членов этих трех групп населения, повидимому, не предусматривалось. Что касается окладчиков, то они внесли в свою роспись только посадских людей, соседей и подсоседников, не упоминая в заголовке—протоколе, ни в тексте росписи ни одного торгового человека иного чина. Если мы примем во внимание общую тенденцию пятины 1634 г., заметим, что в соседней Самаре, напр., в аналогичную окладную роспись кроме посадских людей и захребетников были включены торговые стрельцы, пушкари, казаки, кирпичники, гулящие люди и дьякон Никольской церви, то мы затруднимся, говорит проф. Смирнов, предположить, что окладчики попросту не послушались государевой грамоты и воеводы и обошли торговых не посадских людей в Саратове: скорее напрашивается вывод, что таких торговых людей здесь также не было, и что следовательно вся небольшая торговля и промыслы сосредоточивались в руках саратовцев посадских людей, а также соседей и подсоседников.

Итак, на основании сказанного можно высказать предположение, что наша окладная пятинная роспись 1634 г. содержит перечень всех посадских людей, всех соседей и подсоседников г. Саратова и косвенно свидетельствует об отсутствии в нем иных торговых людей. 32 человека посадских людей, в том числе окладчиков и целовальника, имя которого стоит в росписи,—это все посадское население Саратова в 1634 г. Около 3 десятков дворов и дворищек посадских людей составляли его неслужилую черную слободу, которой не отметил 2 года спустя Олеарий среди слобод служилых людей. 51 чел. соседей и подсоседников, которые не имели собственных дворов, а ютились по чужим как посадским, так вероятно и служилых людей, являясь социальными предками современных квартирантов, в массе представляли, повидимому, все нетяглое, неслужилое и нецерковное вольное гулящее население того же Саратова. Эти сведения до некоторой степени восполняют недостаток писцовых данных

по Саратову XVII в. и составляют ответ на постановленный выше вопрос относительно статистического значения окладной саратовской росписи 1634 г.

Вторым вопросом, который можно пред'явить к росписи, является вопрос о значении и содержании тех данных, которые находятся в указаниях ее на занятия плательщиков налога, а также в цыфрах оценки их животов, т. е. имущественной состоятельности.

Окладчики указывали свои собственные торги и промыслы и ценили свои животы каждый за себя; про чужих они сказывали все вместе „по государеву ц. и в. кн. крестному целованию“. Что касается указаний на род занятий, то едва-ли относительно их достоверности могут возникать какие либо сомнения, т. к. неправильные указания ничего не меняли и окладчикам не было никакого интереса такие делать. Другое дело, оценка животов, от которой зависела сумма налога, взимаемого в размере 20% указанного имущества. Здесь и окладчики и плательщики могли и должны были кривить душой, так что о полном доверии к этой части окладной росписи не может быть речи. Уклонение от действительности, которое явствует уже из круглых цыфр оценки животов, могло, однако, иметь только одну тенденцию, тенденцию преуменьшения, которая, хотя и не позволяет доверяться абсолютному значению указываемых росписью цыфр, но за то сохраняет их относительное значение. Отсюда—окладная пятинная роспись 1634 г. позволяет установить во 1-х—сравнительную состоятельность саратовцев посадских людей с одной стороны, соседей и подсоседников—с другой; в 2-х—указать степень участия этих групп населения в местных торгах и промыслах лично и своим капиталом.

Всех внесенных в роспись посадских людей, соседей и подсоседников, как сказано, 83 чел. Из них у 49 чел., что составляет около 60%, оценка животов произведена по формуле „живота его и в рыбном промыслу“; у 20 чел., т. е. приблизительно у 1/4, по формуле—живота его и в лавочном промыслу; 4 чел. занимались юртовым промыслом и 4—плотничным. На весь город показан только один сапожник, три калачника и еще двое, занятых в рыбной ловле. Из сравнения капиталов, показанных окладчиками, видно, что сосед или подсоседник располагал имуществом в 11 раз меньшим, чем посадский человек. При этом условии мы вправе видеть в соседях и подсоседниках элемент неустойчивый, по преимуществу безтяглый, вольных людей, которые с небольшими запасами пробирались в окраинный город, ютились по чужим дворам, находя себе занятие гл. обр. в рыбных промыслах, вероятно чаще всего чужих, плотничали, калачничали и слегка приторговали на мелкие суммы.

На такой состав соседей и подсоседников указывает, между прочим, то обстоятельство, что среди них окладная роспись отмечает одного вятчанина, одного гороховлянина, один носит прозвание

Суздальцев, один отмечен татарином. Остальные имена не дают указаний на происхождение их владельцев. Таково было посадское население Саратова в 30-х г.г. XVII ст. Оно, как видно, еще было мало заметно, тонуло в общей массе, состоявшей из служилого элемента. По росписи (почти одновременной окладной) военных сил Московского государства 1632 г. в Саратове числилось: голова стрелецкий 1 чл., детей боярских 18 чл., сотников стрелецких 3 чл., стрельцов конных 100 чл., пеших 200 чл., пушкарей 4 чл., воротников 2 чл., годовальщиков цывильских, кокшайских, санчурских, яранских 100 чл. пеших; всего на Саратове 428 чл. К этому нужно добавить воеводу, дьяков приказной избы, духовенство, прислугу воеводы и т. п. Едва-ли эти категории населения были многочисленны и превышали несколько десятков человек. При таком условии все взрослое мужское население Саратова в 1634 г. можно без большой ошибки положить в 550 чел. и, следовательно, посадское, вообще неслужилое торгово-промышленное, население города составляло не более 15% и справедливы были сведения Олеария, сказавшего, что наш город населен исключительно стрельцами.

От последующего времени не дошло ни одного документа, подобного окладной росписи 1634 г., по которому мы могли бы судить о численности и составе посадского населения нашего города. Сохранились только почти одни отрывочные записи из книг Печатного Приказа, опубликованные Голомбиовским. Однако и эти записи, несмотря на их отрывочность, все же позволяют утверждать, что саратовский посад рос и развивался, а также, что он получил с течением времени правильное устройство. По крайней мере, в 1668 г. мы уже видим земского старосту Ивашку Живодера, по ходатайству которого было приказано не отдавать на откуп мелких статей казенного дохода. Посадская община начинает выступать как организованное целое или самостоятельно, или совместно с другими классами городского населения, когда совпадали интересы. В 1651 г. по челобитью саратовцев посадских людей Ивашка Горбуна с товарищи велено таможенным верным головам и целовальникам с их промыслов таможенных пошлин имать по указу, а лишних не имать. Очевидно, здесь мы имеем дело с злоупотреблениями голов и целовальников, против которых успешно выступает община в лице своего представителя. Вместе с детьми боярскими и стрельцами посадские в 1651 г. добились высылки в Астрахань саратовца сына боярского Протопопова и с ним несколько семей стрельцов; о причинах такой ссылки данных нет. В том же году по ходатайству посадских под'ячим в с'езжую избу определяется некто Васильев. Посадские же ходатайствуют, и успешно, о предоставлении им с другими жителями города рыбных ловель. Очевидно, что саратовская посадская община становится достаточно многочисленной и влиятельной и к голосу ее уже прислушиваются. Особенно характерен в этом отношении один эпизод. В 1650 г. вое-

вода Феофилатьев ловит на Волге воровского атамана Соколова с частью его шайки. Соколов был повешен, но за остальных пленников вступилось население Саратова и обратилось в Москву с просьбой, чтоб государь пожаловал их, велел тем вольским казакам вину отдать и повесить их не дал. Воевода не посмел пойти против общего настроения и до указа из Москвы посадил разбойников в тюрьму.

По Царицыну сохранилась только одна запись, извлеченная Голомб. из книг Печ. Приказа, о том, что дана грамота „по челобитью царицынских служилых и всяких жилецких людей, велено рыбу ловить в р. Волге всякими рыбными снастями под городом и от города вниз на 5 верст про себя безоброчно"; она дает основание предполагать существование посадского населения и в Ц. Предположение это я основываю на том, что одновременная (1658) запись о предоставлении рыбных ловель Саратову средактирована в тех же самых выражениях: саратовским служилым и жилецким людям. Т. к. в описываемое время в Саратове, как мы знаем, уже образовался посад в виде правильно организованной общины, то, исключая людей служилых, т. е. детей боярских, стрельцов, приказных, мы под жилецкими людьми записи должны разуметь именно неслужилый, посадский элемент. Обе записи относятся к одному времени и исходят из одного и того же учреждения, а потому мы вправе ожидать и одинаковой терминологии в рассматриваемых документах. Поэтому, если жилецкие люди саратовской грамоты означают посадских, то тоже самое означают они и в царицынском документе. Т. о., несомненно для начала 2-й пол. XVII в. существование посадского населения и в Царицыне. О размерах этого населения мы, за отсутствием прямых указаний, судить не можем, но опять таки предположительно можно сказать, что оно было еще менее значительно, чем в Саратове. В подтверждение этого можно привести во 1-х указание записи на гораздо более ограниченный район, предоставленный для рыбной ловли царицынцам (5 вер. вместо 10), и во 2-х—данные последующего времени, из которых (как, напр. 1-я ревизия) видно, что царицынское неслужилое население по численности много уступало саратовскому.

Но только посадской общиной, постепенно растущей и крепнущей, не исчерпывался весь неслужилый элемент саратовского общества. В нашем распоряжении имеется документ, правда, относящийся к значительно более позднему времени, позволяющий однако утверждать, что в пол. XVII в. в числе саратовских жителей существовала еще одна категория, которую нельзя подвести под известные нам рубрики. Раньше мы уже указывали на существование в Саратове дворцового рыбного промысла, заведенного на широкую ногу, находящегося под надзором особых промышленников и имевшего для своей защиты целый укрепленный городок. Из дела саратовских пахотных солдат о Беклемишевском острове (Зеленом) видно, что при существовании левобережного Саратова

этот дворцовый рыбный городок находился на правом берегу Волги в районе нынешней Старособорной площади. Рыбные богатства и возникшие около них промыслы привлекали сюда „прохожих всяких людей“, которые и селились около дворцового городка. Численность их до 1670-х г.г. неизвестна, неясно и правовое положение. Но в 1675 г. последовало распоряжение созвать этих прохожих людей в существовавшую при городке с'езжую избу и допросить: „кто откуда и сколь давно на Саратов жить пришли и дворами поселились и с которых городов и сел и которые по сказкам об'явятся Ломовского и Темниковского уездов, наших дворцовых сел крестьяне, и тем велено жить около нашего дворцового рыбного городка и ведать их того промысла промышленникам и быть им в том городке для береженья неприятельских людей вместо наших дворцовых солдат, которые прежде посыланы с Москвы; а саратовским воеводам тех людей опричь татинных и разбойных и убойственных дел ни в чем ведать не велено“. Нужно надеятся, что подлинные сказки этих прохожих людей когда нибудь появятся на свет, если они только сохранились в бывшем дворцовом архиве, и тогда в наше распоряжение поступят интересные данные для суждения о том, как, когда и откуда появилось в нашем крае первоначальное неслужилое население. Пока же мы должны довольствоваться тем, что в числе опрошенных на с'езжей избы прохожих людей оказалось сходцев из Ломовского и Темниковского у.у. 42 семьи, которые и были поверстаны на государеву службу. Очевидно, всех сходцев было больше и явились они не только из дворцовых сел, но т. к. приказ касался только ломовских и темниковских уроженцев, то о численности остальных и даже вообще о том, существовали-ли они, документ ничего не упоминает Дальнейшая судьба этих 42 семей пока нас не интересует. До обращения же в казенное ведомство, насколько можно судить по отрывочным намекам документа, они кроме рыбного промысла, по крайне мере беднейшие из них, занимались и хлебопашеством, но в крайне незначительных размерах, имели оседлость и, т. о., по своему времени составляли довольно значительный поселок.

Итак, нам известны те элементы, из которых слагалось постоянное население двух единственных пока городов нашего края —это прежде всего элемент служилый—стрельцы, дети боярские, приказные и т. д., затем посадское население, сорганизованное в посадскую общину и, по крайне мере в Саратове, элемент пришлый, бродячий, до 70-х г.г. XVII в. не получивший правильной организации. Главную массу постоянного населения составляли стрельцы. Время их поселения, конечно, должно совпадать со временем основания городов нашего края, но о том, откуда появились эти первые постоянные поселенцы, можно только догадываться. Наши города ведались в Приказе Казанского дворца и естественно, что Казань с своими пригородами и должна была дать сюда первых насельников. Это подтверждается и преданием, которое назы-

вает Казань родиной тех стрельцов, которые впервые были поселены у нас. За достоверность предания говорят и некоторые указания в д-х. Так, при воеводе Орлове, во время возобновления или расширения саратовских укреплений, когда местных сил оказалось недостаточно, в С. были отправлены для городового дела так называемые годовальщики: дети боярские и стрельцы—первые в числе 57 человек из городов, лежащих выше Казани, а стрельцы из Казани, Свияжска, Чебоксар, Еранска, Царево-Санчурска, Кокшайска и других городов той же Казанской области. Стрельцы служили в Саратове и Царицыне на общих для всего государства основаниях, то есть, получая денежное и хлебное жалованье. Трудно сказать, отличался ли размер этого жалованья от общепринятого, но весьма вероятно, что, ввиду отдаленности края и особой трудности службы в нем, жалованье шло в несколько повышенном размере. *) Кроме того, из факта пожалования рыбных ловель служилым и жилецким людям мы видим, что наши стрельцы пользовались некоторыми привилегиями, дававшими им возможность кое что приобретать к скудному в общем казенному содержанию. Не закрыта была для стрельцов и возможность торгово-промышленной деятельности, если судить по тому, как было в других местах, а также и по тому, что потомки стрельцов XVII века в следующем столетии составляли главный контингент торгово-промышленного населения городов низового Поволжья. Хлеб на жалованье привозился из Казани и, повидимому, не всегда доставлялся аккуратно и своевременно, тем более, что казанцы, ссылаясь на свое малолюдство, старались отделаться от обязанности доставлять казенный хлеб для служилых людей низовых городов. Иногда приходилось реквизировать хлеб у частных предпринимателей, сплавлявших его на низ.

Более высокий класс служилых людей составляли так называемые дети боярские. Они исполняли более важные поручения местных воевод, начальствовали над стрельцами и т. п. Класс этот в XVII веке в наших городах был весьма малочисленным. Около 1630 года в Саратове числилось всего только 18 человек детей боярских, а в Царицыне даже всего 5 человек. Судя по сохранившимся фамильным прозвищам и дети боярские явились в наш край тоже из Казанской области и едва ли добровольно. Также, как и стрельцы, они были невольными переведенцами и их служба в далеком краю должна была казаться им еще тяжелее, чем стрельцам. Ведь на родине они наверно имели свои поместья, домашнее хозяйство, семьи, родных, друзей и т. д. и все это приходилось оставлять для государевой службы. Но постепенно они свыкались с новым

---

*) Для денежного жалованья это, кажется, не подлежит сомнению. В 1663 г саратовские стрельцы просили давать им денежное жалованье для хлебной дароговли против царицынских стрельцов. Очевидно, царицынцы получали жалованье в повышенном размере по сравнению с Саратовом. Тоже самое относится и к хлебной выдаче.

краем, его нетронутость и естественные богатства примиряли с ним служилых людей и понемногу они начинают обосновываться в нем. В XVII веке мы видим уже детей боярских саратовцев и царицынцев, то есть людей сроднившихся с новыми городами, несших службу по ним и в них приписавшихся. В Саратове, как и в других городах Московского государства, заводятся свои окладные книги, свои десятни. Нам известны даже случаи, когда лица, записанные в десятнях других городов, просят о записке их по Саратову. Так, в 1661 году по собственному желанию записывается сюда иноземец Валенский. В 1660 году уфимцы—Приклонский и Онучин просили о выдаче им денежного жалованья по Саратову. До 1670-х г. г. не видно, чтобы дети боярские в нашем краю пользовались правом на отвод им согласно окладов поместной земли. Да едва ли такие отводы и могли бы иметь какую бы то ни было ценность, так как земледелия тогда еще не существовало. Земля в Саратовском крае приобретает ценность гораздо позднее. Документы же говорят только о денежном и хлебном жалованье. Но нужно думать, что при незначительности такого жалованья существовали и еще какие нибудь источники дохода.

Порядок воеводского управления требовал наличия при воеводе и канцелярии. Действительно, мы видим так называемую с'езжую избу с под'ячими, а для взимания казенных доходов и таможенную избу. Штат канцелярских служителей не мог быть многочисленным, но все же в приказной избе существовало несколько делопроизводств. Д-ты называют в Сар. хлебный стол, очевидно заведывавший распределением хлебного жалованья. Существование такого стола делает неизбежным и другой—денежный, для заведывания жалованьем денежным. Были в Саратове и так называемые площадные под'ячие, нечто вроде современных нотариусов, не получавших жалованья, но подчиненных правительственному надзору. Таким образом мы видим, что во второй половине XVII века население Саратова и Царицына сложилось в том же виде, как и население любого русского города того времени. Единственное различие по сравнению с исконными русскими городами заключалось в том, что процентное отношение между отдельными классами этого населения было иным: сильно преобладал элемент служилый и слабо был представлен торгово-промышленный. Об'ясняется это особым положением наших городов, их главным образом военной ролью, их сравнительной молодостью, а также и пустынностью окружающего края.

Уже самый церемониал, установившийся в XVI в. для закладки новых городов, показывает нам, что первым делом освящалось место для храма, который должен был удовлетворять религиозным потребностям поселенцев нового города. Так было, например, при основании Свияжска; тоже, несомненно, было и у нас. Трудно представить себе сколько нибудь значительный поселок XVI—XVII столетий, в котором не было бы храма. Как бы мы

теперь не смотрели на религиозность наших предков и как бы ни расценивали эту религиозность, но во всяком случае нельзя отрицать того, что это чувство у них было очень живым, проникая во все слои общества. Кроме того, помимо этих общих соображений в нашем распоряжении имеются д-ты, доказывающие существование храмов в Саратове и Царицыне с момента первоначальной постройки. В 1614 году стрельцы ищут колоколов на месте погибшего от огня Саратова постройки 1590 г. В марте 1616 года царицынские служилые люди получают государево жалованье „за царицынское острожное дело, что они острог и церкви поставили". Значит, одновременно с возобновлением укреплений после смуты в Царицыне строятся и церкви. Котов в 1623 году упоминает про царицынские храмы, стоявшие в самом городе, а окладная пятина 1634 года свидетельствует, что в Саратове того времени уже существовал соборный храм, что дает повод предполагать и существование кроме него по крайней мере еще одной церкви. Проф. Смирнов относится к такому предположению недоверчиво, считая, что для небольшого саратовского населения того времени было достаточно и одного храма. Но, как мы видим, это население нельзя считать уже таким незначительным. Вместе со стрельцами, людьми в большинстве оседлыми и семейными (вспомним, что еще в 1600 году в Саратове водились коровы, козы, куры и т. д., что трудно допустимо при казарменной, а не семейной обстановке) Саратов 30-х годов XVII века насчитывал около 550 взрослых мужчин, следовательно, все население его, считая женщин и детей, должно было значительно превышать эту цыфру. При такой населенности, при тесноте старинных деревянных церквей, одного храма могло оказаться недостаточно, тем более, что в Царицыне мы с 1616 года видим не одну, а несколько церквей. За существование в Саратове 30-х годов XVII ст. по крайней мере двух храмов говорит и подпись второго священника на окладной росписи. *) Но если существование нескольких церквей в левобережном Саратове и может подвергаться сомнениям и доказываться только косвенным путем за отсутствием прямых документальных указаний, то существование здесь и в Царицыне монастырей совершенно бесспорно. Трудно решить, какую цель преследовали те благочестивые люди, которые основывали монастыри в такой отдаленной и пустынной окраине, как наше Поволжье XVII. Играло ли здесь роль то живое религиозное чувство, о котором мы только что упоминали, имели ли здесь место мотивы другого, более мирского свойства, факторы экономические, то есть монастыри являлись не только прибежищем людей, искавших душевного мира и спасения, но и организацией, помогавшей в борьбе за суще-

*) Сомнения в данном случае разрешаются тем делом о самоуправстве саратовского воеводы кн. Мышецкого, на которое я уже ссылался раньше. В нем определенно указывается, что в 1621 г. в Саратове существовал Троицкий собор и Никольская приходская церковь.

ствование—не знаем. Верно то, что в таких, все же незначительных и глухих городах, стоявших среди безлюдной пустыни, совершенно лишенных того, что по немецки называется Hinterland, городов бедных и не представлявших никаких шансов на легкую наживу и безбедное, беспечальное житие на счет щедрых приношений простодушных верующих, мы в XVII веке видим в каждом по два монастыря (мужских и женских), а в Саратове одно время (правда недолго, около 30 лет) существовало даже одновременно 3 монастыря. Было бы очень интересно и важно во многих отношениях подробно со всех сторон проследить жизнь хоть одного из таких монастырьков, но то печальное состояние источников для нашей истории XVII века, о котором мы неоднократно упоминали, делает такое предприятие пока совершенно безнадежным. Остается возложить надежды на лучшее будущее, когда более тщательные поиски в наших столичных архивах могут обнаружить какие нибудь новые и важные документы. Из двух царицынских монастырей существование женского еще в XVII веке мы можем принять только предположительно, так как в росписи митрополита Никифора, относящейся к 1681—2 гг. о нем, повидимому, не упоминается. Но из книги прот. Саввинского, делающего ссылки на эту роспись, не видно, использовал ли он ее вполне, а с другой стороны упорное народное предание относит основание женского монастыря к 60-м г.г. XVII века, в чем нет ничего невозможного, так как в самом начале XVIII столетия он упоминается уже как давно существовавший. Зато совершенно несомненно существование здесь мужского монастыря еще до 1658 г., потому что под этим годом имеется запись, согласно которой по челобитью царицынского Богородицкого монастыря черного попа Макария с братьею велено им годовую денежную ругу с прибылою братьею давать с ружники вместе из царицынских доходов. Эта коротенькая запись показывает, что монастырь существовал до этого года в течение некоторого времени, продолжительность которого, правда, определить нельзя, но которое должно исчисляться годами. Как видно, м-рь получал казенное жалованье (ругу), определенное (это показывают д-ты, относящиеся к другим м-рям) по числу братии. К 1658 г. число братии наличной перевысило количество монахов, положенных в оклад, и поэтому обеспеченных казенных жалованьем. Грамота 1658 г. включает в ругу и эту прибылую братию. Т. о., мы наблюдаем рост м-ря, увеличение в нем числа монашествующих. Понятно, что для такого увеличения требовалось время. Около того же времени возникает женский м-ря и в Саратове. Историк его В. П. Юрьев относит возникновение м-ря к 1661 г. единственно потому, что самый старый документ, в котором монастырь упоминается, относится к этому году. Причем помещает его на том самом месте, где он находится и теперь, т. е. отделяет его от современного ему города, находившегося в то время еще на

левом берегу Волги. Но из грамоты 1661 г. видно только, что на саратовский Крестовоздвиженский м-рь было назначено: игуменье по 2 р. и 2 четверти ржи и овса, а рядовым 29 старицам по $1^1/_2$ р. и по $1^1/_2$ четв. ржи и овса каждой, причем, если число монахинь перевысить 29, то излишним велено ждать выбылых мест, когда откроется вакансия. Уже самое многолюдство м-ря показывает, что его основание было положено задолго до 1661 г. и что в этом году был лишь зафиксирован, так сказать, наличный штат м-ря. По анологии с царицынским мужским м-рем можно, без боязни впасть в ошибку, предполагать, что и раньше для м-ря существовал положенный штат, что наплыв монахинь скоро перевысил этот штат, последнее обстоятельство вызвало ходатайство м-ря об увеличении ему руги и в ответ на это ходатайство последовала грамота 1661 г., утвердившая как нормальный штат для м-ря наличное количество монахинь. Среди записей, опубликованных Голомб., имеется одна от 1651 г.; воеводе Өеофилатьеву была адресована грамота, велено ему в *подгородной Воздвиженской* слободке разрешить кадашевцу Михайлову поставить избу и ледник для продажи кабацкого питья. Воздвиженская слободка могла получить свое название только от одноименного храма. А т. к. такой храм мог быть только в женском монастыре, именовавшемся Воздвиженским, то приведенная запись вскрывает два обстоятельства, относящиеся к нашему монастырю: 1-е, что он существовал еще до 1651 г., т. е. в 1-й пол. века, передав свое имя образовавшейся около него слободке, и 2-е—что первоначально он был пригородним м-рем, находясь близ самого города, который, как нам известно, в то время лежал еще за Волгой. Т. о., мы можем сказать, что документы опровергают оба предположения историка м-ря. *)

Самым древним монастырем в нашем крае следует, однако, признать саратовский мужской Богородицкий м-рь. Удивительно, что о нем ничего не упоминает в своем описании Котов. Между тем, в столовой книге патриарха Филарета, датируемой 1623 годом, мы встречаем такую запись: „в суботу Лазареву марта в 20 день . . . . да в другом столе (мы имеем здесь дело с ежедневной подробной записью обедов, подаваемых патриарху и лиц, приглашаемых к этим обедам) был строитель с Саратова нововявленные пречистые Богородицы старец Петр". Новоявленной в данном случае могла именоваться только Казанская икона Б. М. Итак, перед нами факт существования в Саратове мужской обители, Богородицкой или Казанской, в 1-й четверти XVII столетия. **) Мне бы очень хотелось дать хотя краткий очерк истории

---

*) В книгах Печатного Приказа я нашел запись о запечатании 22 июня 1646 г. грамоты на Саратов к стольнику и воеводе Василью Чоглокову „по челобитью с. Саратова Воздвиженского девичья монастыря старицы Соломониды с сестрами—велено попу Воздвиженского монастыря государево жалованье денежное и хлебное ругу давать". (Беспошл. кн. 20, л. 365).

**) Из одной записи в книгах Печат. Приказа от 16 апреля 1626 г. видно, что в это время патронами монастыря кроме „Богородицы Казанские" быи и соловецкие чудотворцы, т. е. Зосима и Савватий.

старейшего м-ря в нашем крае, проследить время и причины его возникновения, условия, при которых он жил, роль, которую играл в жизни края и т. п. Но полное почти отсутствие источников ставит к тому непреодолимые препятствия. Остается по возможности использовать то немногое, что можно найти в дошедших до нас документах. Эти документы хронологически не укладываются в тот период времени, который мы наметили себе в настоящей и предыдущей главе; они захватывают не только конец XVII в. Но т. к. в последующем изложении нам уже не придется касаться вопроса о м-рях нашего края, то я полагаю не бесполезным предложить здесь то немногое, что нам известно о Богородицком м-ре, т. к. даже такие краткие сведения все же прибавят несколько штрихов к неясной до сего времени картине жизни нашего края в то далекое прошлое.

Итак, приведенная выше запись из столовой книги патр. Филарета дает нам terminus ante quod. Богородицкий м-рь в Саратове существовал до 1623 г. и, так. обр., время его возникновения можно отнести к самым первым годам существования города на левом берегу Волги. Для ответа на вопрос, кем и с какой целью он основан, как я уже говорил, в нашем распоряжении ничего кроме догадок не имеется. Все эти догадки будут одинаково вероятны, тем более, что и причин возникновения обители может быть несколько. До последнего времени, чуть-ли не на наших глазах, были обычны случаи зарождения мелких монастырьков, особенно женских, не только в больших городах, но и в незначительных зачастую селениях. Главной основой во всех таких случаях все же следует считать побуждения религиозного свойства. На этой основе группируется небольшая кучка первых обитателей будущего м-ря еще задолго до его официального открытия, а такому открытию, в большинстве случаев, дает толчек появление в группе более энергичного, более проникнутого религиозной идеей лица. Соображения экономические обыкновенно не принимаются в расчет или имеют только побочное значение. Так, по всей вероятности, было и с Богородицким монастырем. Одно, как думается, можно утверждать положительно: основатели нашего м-ря не имели в виду целей миссионерских, т. к. в пустынном краю некого было обращать. Едва-ли в основании обители принимало участие и правительство, т. к. для этого не было никаких поводов. О первом времени существования Богородицкого м-ря ничего не известо. Весьма вероятно, что в грамотах коллегии экономий, хранящихся в МАМЮ, должны быть кое какие д-ты по этому м-рю. Только из них Строев и мог извлечь имена настоятелей, которые мы находим в его списке иерархов. Не знаем и того, откуда в первое время после ее основания обитель получала необходимые для своего существования средства: были-ли это доходы с угодий (в частности рыбных ловель на Волге) или м-рю выдавалась денежная и хлебная руга, как то мы видели по отношении к царицынскому м-рю.

Весьма возможно, что доходы одновременно получались из обоих источников. Под 1658 г. Голомб. нашел запись о том, что, по челобитию саратовского Богородицкого м-ря игумена Филарета с братией, велено Саратовскими, Ахматскими и Бородинскими и Багаевскими рыбными ловлями владеть ему игумену с братией по прежнему, как им те рыбные ловли даны на свечи и на ладан. В 1665 г. эта грамота была вновь подтверждена. Подтверждение 1658 г. показывает, что пожалованье рыбных ловель случилось до этого года, что вышли какие то недоразумения по поводу их, вероятнее всего с местными властями, для устранения которых на будущее время и была дана грамота. *) Нельзя, конечно, говорить о богатстве обители, расположенной на далекой окраине государства в небольшом пограничном городке, но все-же, очевидно, монастырь не бедствовал: под 1678 г, мы находим известие, что игумен Гурий ссудил из монастырской казны крестьянина с. Сундыря-Неводичкова 270-ю рублями, суммой для своего времени значительной. До самого почти конца века о м-ре сохранилось только несколько отрывочных известий; так, в 1662 г. игумен Филарет добивался отвода каких-то пустых земель; едва-ли здесь речь идет о землях в смысле сельско-хозяйственных угодий; всего вероятнее мы имеем дело с ходатайством об отводе пустых дворовых мест для постройки складов или амбаров. Около того же времени Макарьевскому Желтоводскому м-рю в Саратове было отведено место под амбар, б. м. для склада соли. Какие-то связи Саратовского м-ря с Макарьевским были: в 1666 г. последний добился суда перед саратовским воеводою Барятинским по иску к Богородицкому м-рю в соляной поклаже в 550 р. Из записи видно, что наша обитель принимала какое-то участие в соляных операциях совместно с своим северным собратом. Вообще же эти данные, несмотря на скудость и отрывочность, свидетельствуют скорее о росте монастыря, чем о его упадке. За тот же рост говорит и иск игумена Филорета о сносе бани, стоявшей по мнению слишком близко к м-рю. Очевидно его постройки росли и ему становилось тесно в прежних границах. Понятно, что с ростом м-ря, росло и его значение в городе, почему весьма естественно, что на долю игумена обители выпала честь встречать с крестом С. Разина, вступившего в Саратов в

---

*) В книгах Печатного Приказа нашлась одна запись, вполне подтверждающая мои догадки. Запись относится к 1626 г. и настолько интересна для данного вопроса, что я привожу ее здесь целиком. „Апреля 16 день. На Саратов к воеводе к Федору Чемоданову по челобитию Саратова города пресвятыя Богородицы Казанския и Соловецких чудотворцев строителя Петра с братией—велено им дати в руги место рыбные ловли в саратовских водах от Бородина песку да на низ по Сунбуловку. А оброку с тех вод было с иными рыбными ловлями по сту по пятнадцати рублев на год, а врознь не росписано. Принес грамоту Дружина Коптев а сказал: приказ государыни великие старицы иноки Марфы Ивановны, что тое грамоту велела запечатать без пошлин“. (Беспошл. кн. 4. л. 95). Конец записи показывает, что у строителя Петра были какие-то связи в придворных кругах.

августе 1670 г. Через 20 лет после этого (в 1690 или 1691 г.) Богородицкий м-рь был приписан к московскому Высокопетровскому. За отсутствием данных трудно судить, чем было вызвано это. Исходила-ли инициатива от Высокопетровского богатого м-ря или от бедной захолустной обители. В деле могли быть замешаны интересы обоих учреждений. Высокопетровский м-рь владел рыбными ловлями около Саратова и для него был прямой расчет иметь здесь на месте своего агента в лице приписной обители. Последней было выгодно приобрести патрона в лице богатого столичного м-ря, иметь покровительство в высших московских кругах и выйти из-под юрисдикции астраханских владык, к епархии коих принадлежал Саратов. Освобождение из-под власти астраханских митрополитов имело и материальную выгоду, т. к. избавляло от обязательных денежных повинностей в пользу архиерейского дома, повинностей тем более обременительных, что астр. епископы, при малонаселенности и скудости своей епархии, едвали не большую часть доходов извлекали из С. Приписка именно к Высокопетровскому, а не какому либо другому столичному большому м-рю, указывает на существование каких-то личных связей между этим м-рем и саратовским. Б. м., кто либо из постриженников нашей обители попал в Высокопетр. м-рь и достиг там степеней известных; могло быть и наоборот: московский монах мог сделаться настоятелем провинциальной обители и путем приписки связать ее со столицей.

Освободившись из-под власти епархиального архиерея саратовские монахи стали мало обращать на него внимания; с другой стороны и астраханские владыки не могли помириться с уменьшением своих доходов. Все это повело к ссорам, жалобам и, в конечном результате, к упразднению м-ря. Осенью 1703 г. астраханский митр. Самсон подал в Монастырский Приказ жалобу такого содержания: В прошлом во 199 г. по твоему государеву указу и грамоте; моей, богомольца твоего, епархии Саратовский Богородицкий м-рь приписан к Петровскому Высокому м-рю. И из того Петровского м-ря от властей присылаются в тот приписной Богородицкий м-рь строители, иеромонахи и простые монахи, не знающие священных правил, и принимают в тот Богородицкий м-рь своевольством разных епархий попов запрещенных, без отпускных от своих архиереев грамот и не посвященных. И ходят те попы на Саратове насильством моей, богомольца твоего, епархии во все приходы, в мирские дома, со всякими потребами. И от того их насильства саратовским приходских церквей попам великая обида и бывают у них многие ссоры, а мне, богом. твоему, частое челобитье и докука. А те саратовские приходские попы обложены с своих приходов данью и платят в домовую мою казну погодно. И которые саратовские жители за преслушанье от церкви божией нами правильно отлучены и святыни лишены—и они строители таковым благословляют и в церковь божию пущают и в дома к ним с всякими потребами ходят—и

то чинят священным правилам противность, а мне, богомольцу твоему, посмеяние. А ныне в том Богород. м-ре живут только строитель да два монаха древние. Всемилостивейший государь, прошу Вашего В—ва, вели, государь, из того Богор. м-ря строителя и братию вывести, а тот м-рь учинить приходскою церковью. А для рыбных их ловель и прочих промыслов Петровского м-ря властям сделать зимовой двор против прочих м-рей, чтоб впредь от того ссорам и священным правилам противности не быть". Мы не можем доверять всем показаниям приведенной челобитной, т. к. несомненно челобитчик в своих интересах, даже не отступая от правды, естественно должен бы сгустить краски. Но один из приведенных фактов, а именно крайняя малочисленность братии, не подлежит сомнению. Эта малочисленность подтверждена и официальной справкой: по показанию петровского под'ячего Шарапова, данной им Монастырскому Приказу, в м-ре, числилось: иеромонах строитель Лаврентий да братии пять человек; кроме того в м-ре жили дворник, хлебник и водовоз. Умершие в предшествовавшем году священник и дьякон были не замещены. Эта малочисленность показывает упадок обители. Очевидно, сожительство с богатым столичным м-рем не пошло ей впрок; в конце концов она обратилась просто в зимовой двор, а его обитатели в служащих Петровского м-ря, получавших из саратовских доходов: настоятель по 5 р., и рядовые монахи по 2 р. в год. По челобитью митр. Самсона последовал указ: приписному саратовскому Богородицкому м-рю не быть; а церкви, которая в том монастыре, быть приходскою... монахов выслать к Москве в Петровский Высокий монастырь. Митрополиту велено послать в саратовский монастырь кого пригоже и при монахах Петровского монастыря, которые в том саратовском м-ре, кельи и житницы и погреба и амбары и всякое строенье и заводы описать и владеть. Петровский м-рь тоже не остался равнодушным к такому решению и обратился к заступничеству боярина Л. К. Нарышкина. Посредство царского дяди дало иной оборот делу, более благоприятный для московской обители. Т. к. неудобно было перерешать только что решенное дело, то вину свалили на под'ячего, который, якобы, вставил в грамоте слово владеть, вместо бывшего в черновой приговора *оценить;* под'ячий понес наказанье, астраханский митрополит получил только на правах приходской бывшую в саратовском м-ре деревянную Казанскую церковь, а во владеньи В. Петровского м-ря были оставлены рыбные ловли, амбары, юрты, всякие оброчные статьи и земли. „А владеть и всякие сборы сбирать, опричь св. божией церкви, вам по прежнему... И для того из Петровского м-ря слуг и под'ячих и жить им в том монастыре в кельях где пристойно и те кельи, амбары и лавки, отгородить особь статьею от той же божией церкви, а монахов для сборов отнюдь не посылать". Так кончил свое почти вековое существование Богородицкий

м-рь. Но еще задолго до этого в Саратове возник другой мужской м-рь, существующий и по сие время.

Далеко не полную картину нашего края за время с 1616 по 1670 г., которую мы пытались набросать на основании скудных оффициальных документов, можно несколько пополнить сообщениями путешественников, побывавших в низовом Поволжье за этот период. Самым ранним из таких путешественников является московский торговый человек Котов, ездивший в Индию в 1623 г. После него остались записки о совершенном им путешествии, имеющиеся в нескольких списках в разных хранилищах. Записки очень кратки, сухи и носят оффициальный характер, но сообщаемые в них сведения весьма точны. Приведу из Котова то место, где он говорит о Волге на протяжении от Самары до Царицына. „От Тетюш до Самары, говорит Котов, 230 верст. Город Самара стоит на луговой стороне; от Волги песок залег. А город стар, рубленый, низок и острог по тому-ж по городовому месту. А под городом р. Самара течет из степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани. А посады и ряды в городе, а около степь. От Самары до Саратова 350 в. На Саратове город стоит на луговой стороне, стоячий острог, башни рубленые круглые, дворы и ряды в городе. А за городом стрелецкие дворы и рыбные лавки и амбары, где кладут с судов запасы. А стоит над Волгою на ровном месте; по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи. А около пошла степь во все стороны. От Саратова 200 верст до Камышенки. А на Камышенке речка Камышенка вышла из степи на нагорной стороне. Над речкою на горе высоко стоит острожек стоячий; тут стоят по 500 и по 700 стрельцов с весны до осени казанских и пригородошных. А как на осень пойдут с осенним с астраханским товаром—так и острожек сожгут. А ходу Камышенкою рекою три версты в степь, а там волоку 20 верст—казаки струги волочат, а там река Иловли потекла в степь и впала в Дон; ту де ходят казаки на Волгу. А стрельцы стоят для воровских казаков и их имают, а иных побивают. От Камышенки до Царицына 150 верст. На Ц. город стоит на нагорной стороне, не велик, стоячий тын, башни рубленые круглые; на горе стоит, не высоко. А над ним гора пошла исполога. По нижнюю сторону города речка невелика течет, что ручей, а лодкою ехать нельзя. А около Царицына города кругом степь, а город стоит над Волгою—дворы и ряд и храмы—все в городе. Круг города надолобы и всякая скотина для татарского прихода. А от Царицына ход на Дон, полдня ходу степью, а выходят на Пять Изб“. Несмотря на свою краткость описание Котова любопытно как показание первого после смутного времени очевидца наших мест. Города были только что отстроены и существовали еще в своем первоначальном виде. Судя по описанью—это были маленькие городки, настолько маленькие, что в Саратове, напр., стрелецкие дворы не помещались внутри укреплений, а вместе с рыбными лавками и

амбарами для склада разных припасов были вынесены за город. Повидимому, здесь им не грозило никакой опасности от неприятельских набегов. Не то было в Царицыне: здесь даже скотину приходилось пасти внутри надолоб, т. е. в кольце, образуемом первым и вторым рядом укреплений. Любопытны и указания на расстояния между городами, приводимые Котовым. По цыфрам верст, которые он дает, мы можем во 1-х судить о том, что эти расстояния были давным давно измерены и известны, и во 2-х— мера длины версты, по крайней мере в волжской практике, не отличалась от современной. И теперь от Самары до Саратова мы считаем 350 в., от Камыш. до Царицына—150 и т. д. О временном острожке на устье Камышинки, который ставился только летом, чтобы задерживать переход воровских казаков с Дона на Волгу, мы говорили уже раньше. Загадочным представляется то обстоятельство, что об этом острожке не встречается упоминаний в позднейших свидетельствах вплоть до Разина, когда на месте острожка мы находим уже город. Трудно сказать, об'ясняется-ли такое молчание документов тем, что в последующее время острожка за ненадобностью больше уже не ставили, или же оно вытекает у самого состояния источников для познания нашего края за XVII в., т. е. их крайней скудости и отрывочности, тем, что документы, где говорилось-бы о Камышинском острожке, по просту до нас не дошли. Думаем, что второе об'яснение ближе к истине.

Вторым путешественником, посетившим и подробно описавшим Волгу, является знаменитый член голштинского посольства в Персию Адам Олеарий. При широком образовании он отличался наблюдательностью и большой добросовестностью, а потому его книга о России до сих пор пользуется широкой и заслуженной известностью. К сожалению, наш край он описывает только мимоходом и иногда, как увидим далее, только по наслышке. Из его труда, весьма обширного, приведу (в переводе Барсова) лишь те места, которые имеют непосредственное отношение к нашему краю. „30 августа (1636 г.), говорит Олеарий, мы прошли мимо Соснового острова, откуда ожидали нападения ста какаков, но где никого не видели. Потом прошли Осиновый остров в 100 вер. и Колотов остров в 50 вер. от Саратова. Близ Колотова острова на правом берегу Волги начинается довольно высокая гора под именем Змеевой... Почти в конце этой горы и до г. Саратова находится много небольших, лежащих недалеко друг от друга, островов, носящих название Сорока островов. 1 сентября в 9 часов утра мы прошли мимо г. Саратова. Этот город лежит в 4 верстах от главного течения реки, на гладкой равнине, на рукаве, который Волга отделяет от себя с левой стороны; он населен одними лишь стрельцами с воеводой, главным начальником, для обережения края от калмыков, обитающих отсюда до самого Каспийского моря и р. Яика и делающих частые нападения вверх по Волге. Г. Саратов лежит под 52° и 12' широты в 350

верстах от Самары. Сегодня же при попутном ветре мы прошли мимо двух лежащих недалеко друг от друга островов, называемых Криуша и Сапуновка, и вскоре затем подошли к Ахматской горе, оканчивающейся далее против острова того же имени в 50 вер. от Саратова. Эта гора, благодаря своей зеленой вершине, представляет красивый вид... Не доходя 7 верст до г. Царицы на правом берегу и теперь еще видны развалины города, построенного страшным и жестоким Тамерланом из обозженного кирпича; тут же был построен и увеселительный дворец, называвшийся Царев город. Русские, разрушив его, перевезли большую часть кирпичей в Астрахань и построили из них городскую стену, церкви, монастыри и другие здания. В это время еще несколько судов, нагруженных этим кирпичем, отправлялись по Волге в Астрахань. 6 сентября мы встретили караван судов против г. Цар. Они разбили на берегу свои палатки и дожидались нового конвоя, тогда как мы, пользуясь попутным ветром, прошли мимо. Г. Царица лежит на расстоянии 350 вер. от Саратова на холме правого берега Волги. Он не велик, построен в форме параллелограмма, с 6 деревянными бастионами и башнями и населен одними лишь стрельцами в числе 400 чел., обязанных содержать стражу против татар и казаков и служить конвоем для проходящих судов. За Царицей вскоре лежит Сарпинский остров, простирающийся на 12 верст; на нем стрельцы пасут свой скот и коров, которых их дочери и жены ежедневно приходят доить, часто без охраны". Из приведенных выдержек видно, что ни в Саратове ни в Царицыне Олеарий, собственно говоря, не был, а пользуясь попутным ветром путешественники прошли мимо этих городов безостановочно. Ясно, поэтому, что свои сведения о них он мог почерпнуть лишь из сообщений тех русских лоцманов, которые были на голштинском судне. Оттого, несмотря на общепризнанную добросовестность Олеария, в его сообщений вкрались неточности. Мы уже видели, что за два года до поездки Олеария в Саратове было и довольно значительное торгово-промышленное население, а не одни только стрельцы. Кирпич для астраханских построек ломали не из описанных в путешествии развалин татарского города, находящихся на р. Мечетке, а из Сарайского городища на Ахтубе, что удостоверяется официальными документами. Ценно сообщение, хотя-бы и из вторых рук, о том, что в 1636 г. калмыки уже кочевали в непосредственной близости к Саратову. Судя по этому сообщению и по тому, что несколько лет спустя под Саратовом же воевода Плещеев встретился с главными силами калмыков, можно думать, что в то время центром их кочевок и были именно окрестности Саратова. Царицынские жители действительно, опасаясь татарских набегов, пасли свои стада на острове. Из отписки воеводы Деева от 1658 г. мы узнаем, что благодаря сильному половодью в том году остров был потоплен водой и стада пришлось перевести в город и пасти в степи, где они и были захвачены татарами. Олеарий дополнил

свое описание приложением рисунков, изображающих типы населения, виды городов и т. п., и картой пройденного пути. Среди рисунков мы находим и изображение городов нашего края, причем для Саратова имеется даже два рисунка: один в тексте книги, а другой на приложенной к ней карте. Судя по всему, Олеарий рисовал очень недурно, а к тому же мы знаем о его добросовестности. Поэтому, до самого последнего времени данные им изображения принимались за весьма близкие к действительности и много раз комментировались местными историками, как документ вполне достоверный. Но некоторые соображения как бы наводят на мысль, что, по крайней мере по отношению к изображению Саратова, дело обстоит не так просто. Мы видим, что Олеарий прошел по Волге вниз мимо Саратова не останавливаясь в нем и к тому же главным руслом Волги, от которого город находился по его же исчислению в 4 верстах. При низкой воде, а что вода была низка видно из описания хода судна, постоянно натыкавшегося на мели, за четыре версты Саратов едва-ли мог представится путешественнику в том виде, как он изобразил его на своем рисунке. Такой вид можно было-бы снять только в непосредственной близости от города и притом с возвышенного места. Не может быть доказано посещение Саратова Олеарием и на обратном пути из Персии. Т. о., мы вправе рассматривать рисунки лишь как простое украшение книги, тем более, что в своих подробностях они сильно отличаются друг от друга. Изображение Царицына более правдоподобно и более отвечает описанию города в тексте книги. Здесь любопытно изображение монастыря или церкви, стоящей вне стен города ближе к Волге, и амбара с весами на берегу. Если это не фантазия художника, то за полтора десятка лет, протекших между поездками Котова и Олеария, Царицын несколько разросся и не все уже храмы и лавки помещались внутри укреплений, а часть их пришлось вынести за городские стены.

Следующее по времени описание принадлежит голландцу Стрюйсу или Страусу, проплывшему до Астрахани в 1669 г. на казенном корабле Орел. Совпадения, иногда дословные, описаний Стрюйса с книгой Олеария, заставляют меня думать, что он пользовался этой книгой и брал из нее многое для пополнения своего рассказа. Про Саратов он, например, дословно повторяет Олеария, но с калмыками, повидимому, имел дело уже непосредственно. По его описанию „они безобразнее и страшнее всех людей. Почти у всех лицо в квадратный фут, нос пропорционально лицу широкий, но так мало выдается и выделяется между щек, что в 10 шагах можно побожиться, что они его вовсе не имеют. Все черты лица необыкновенно безобразны. Волосы у них выбриты кроме одной пряди, которая развевается на голове. Они почти всегда верхом и другого оружия кроме лука со стрелами не употребляют. Калмыки с ногайцами почти всегда ведут войну и занимаются почти одним лишь воровством друг у друга

не только скота, но и людей, которых каждую неделю отправляют в Астрахань для продажи на рынках". На устье речки, которую Стрюйс ошибочно называет Ерусланом, он видел укрепленье, а именно городок Камышин, построенный русскими в 1668 году „для того, чтобы преградить путь донским казакам, которые с своими судами из р. Еруслана переходили в Волгу и как хищные птицы производили грабительства". Но, по словам Стрюйса, казаки нашли другой путь для проведения на Волгу своих судов, которые очень легко перевозят на 4 колесах по ровной земле на пространстве 7 миль. В описании Царицына Стрюйс повторяет Олеария. Свидетельство Стрюйса подтверждает другие известия о построении в 1668 г. крепостцы на устье Камышинки. Построена она была английским полковником Байлем, но просуществовала очень недолго, т. к. в 1670 г. была сожжена, как увидим дальше, С. Разиным.

ГЛАВА XIII.

В одной из предыдущих глав мы приводили ряд фактов, указывающих на развитие и усиление казацких грабежей на Волге несмотря на меры, принимаемые правительством для искоренения этих грабежей и очищения Волги от разбойников; к числу подобных мер относится постройка сначала временного, а потом и постоянного укрепления на устье р. Камышинки. Уже одно это обстоятельство показывает, откуда появлялись шайки грабителей в нашем крае: они шли с Дона, главным, если не исключительным, образом. Местный беспокойный элемент в лице так называемых волжских казаков постепенно сходит со сцены и ко второй половине XVII ст. о нем уже ничего не слышно. Волга имела слишком важное значение для государства, чтобы правительство могло равнодушно отнестись к образованию на ней таких вольных казачьих общин, какие сложились на Яике или Дону. Энергичные мероприятия, направленные к искоренению вольного казачества в Поволжье, привели к своей цели и для XVII в. может быть речь только об отдельных шайках, предпринимавших нападения на торговые караваны, но никак не о волжском войске, как то было в конце XVI в. или в смутную эпоху. В конце концов были приняты меры и против той, небольшой сравнительно, группы казаков, которая обосновалась на Яике. В устьях этой реки строится городок со стрелецким гарнизоном, на обязанности которого лежало наблюдение за беспокойным населением. Естественно поэтому, что все элементы, которым тесно было жить внутри государства, стремились на Дон, пополняя собою численность казачьего населения на этой реке. Только один Дон мог похвалиться тем, что не выдавал беглых, искавших спасения на его берегах, и только с ним в силу необходимости считалось правительство. А приток таких беглых особенно усилился во 2-й пол. XVII в. То

было время не только трудных внешних войн, но и крайне тяжелого внутреннего положения. В тяжелых муках нарождалась новая Россия, государство напрягало все свои силы, росли государственные налоги и повинности, росло и крепло крепостное право. Все это особенно тяжелым бременем ложилось на нисшие крестьянские слои населения и оно искало спасения в бегстве, искало новых привольных мест. По причинам, указанным раньше, единственной дорогой была дорога на Дон. Вследствие этого население Дона быстро увеличивалось и притом до 1670-х г.г. преимущественно элементами бездомовными, которые еще не успели, да пожалуй и не могли, устроиться на новом месте поселения. К этому времени донское казачество уже успело расслоиться. Часть наиболее старых поселенцев, быть может захватившая более богатые и удобные места, утратила в значительной степени свой воинственный дух и принялась за мирную работу. Рыболовство и скотоводство оказались более верными и спокойными источниками для безбедного существования, чем рискованные походы в поисках за добычей. Образовался класс так наз. домовитых казаков. Интересно отметить, что такой класс сложился и укрепился в низовьях Дона, среди благодатной южной природы и богатых рыбою гирл, в тех местах, где и в годы революции мы наблюдаем главный оплот ее противников. Неимущая часть казачества, так наз. голытьба или голутвенные казаки, составили второй слой населения. Слой этот, как мы видим, постоянно пополняется притоком из центр. части государства, а к 1660—70 г.г. этот приток становится массовым. Равновесие, постепенно слагавшееся между домовитыми казаками и голытьбой, начинает нарушаться. Верх берет голытьба и мы слышим жалобы на это со стороны домовитых. К притоку голытьбы присоединяются и некоторые случайные неблагоприятные обстоятельства:—втечение ряда лет на Дону была дороговизна хлеба. Голытьба голодает. Где же выход из этого положения? Естественно, что в поисках за таким выходом мысль направляется по привычным, проторенным путям, а ими является тот поиск за зипунами, которым эта часть населения питалась в течение десятков лет. К описываемому времени этот поиск за зипунами успел сложиться в своего рода предприятие. Голытьба давала в нем голые руки, да беззаветную, ни перед чем не останавливающуюся, удаль. Но кроме голых рук и удали требовалось и нечто другое. Нужно оружие и военное снаряжение на случай столкновений, нужны лодки или другие перевозочные средства, чтобы добраться до мест, где можно ожидать добычи, нужен провиант, чтобы просуществовать до реализации результатов грабежа и т. п. И вот появляются особые предприниматели, надо думать из тех же домовитых казаков, которые снабжают голытьбу всем необходимым: оружием, хлебом, одеждой и т. п., и в конечном результате получают львиную долю барыша. Существование подобных предпринимателей установлено несомненно сохранившимися документами. Несо-

мненно также и существование предприимчивых людей в соседних с Доном областях, которые вели весьма выгодные операции, снабжая казаков порохом и свинцом и помогая им реализировать добычу. Итак, чтобы выйти из своего тяжелого положения перед голытьбой только один путь. Но возникает вопрос, куда направиться? Старая дорога в Азовское и Черное моря для поиска над турецкими берегами сделалась недоступной. Устья Дона оберегаются сильной крепостью Азовом с многочисленным гарнизоном. Флот могущественной в то время Турции крейсирует у побережий. Итти в эти моря и рискованно, да пожалуй и непосильно. Такая экспедиция требует и соответственного снаряжения, для которого нужны большие средства. Но не одни внешние причины мешают голытьбе избрать этот путь. В низовьях Дона осело богатое, домовитое казачество. Не в его интересах нарушать добрососедские отношения с турками. После каждого набега нужно ждать на Дон прихода турецких и крымских людей и вся тяжесть этого прихода ляжет на домовитых, их хозяйства будут раззорены, им придется отражать нападение врага. А с голытьбы взять нечего, да и искать ее невозможно: она уже рассеялась по верховым городкам и запольным речкам. Таким образом домовитые казаки, которые, как мы видели, далеко были не прочь попользоваться плодами грабежа, если это можно сделать без опасении навлечь на себя кару сильного соседа, удерживают голытьбу от походов в Азовское море. Остается другой выход— низовья Волги и Каспийское море. Все внимание правительства обращено на запад, все лучшие военные силы сосредоточены там. Правительство поневоле мало уделяет внимания Волге. Еще в 30-х г.г. царицынские воеводы могли с спокойной совестью писать в Москву, „что на Царицын казаки хвалятся и хотят пришед город сжечь и людей побить за то, что им воровским казакам от царицынских служилых людей чинится теснота великая: везде их казаков на переходах побивают и в языцех емлют и приводят на Царицын. И Царицын стал им пуще Азова; нигде им от царицынских служилых людей с Дону на Волгу, а с Волги на Дон переходов нет". Но через 30 лет положение изменилось. В 1658 г. другой царицынский воевода со страхом сообщает в Москву, что „Царицын город худ, во многих местах острог погнил и повалился и с башен верхи свалились. И к тому же на Царицыне служилых людей мало и в приход воинских людей не с кем и страшно". Таким образом путь на Волгу был почти без охраны и потому естественно, что стремления голытьбы направились в ту сторону, хотя оставалась еще одна дорога—в сторону русских украин. Но попытка в этом направлении в 1666 г. известного потом атамана Васьки Уса оказалась неудачной. Итак, к концу 60-х г.г. XVII ст. мы наблюдаем на Дону накопление беспокойного, бездомового элемента, образовавшегося главным образом из недавних беглецов из центральной России. Единственным способом к приобретению средств к существованию для этого

элемента в силу необходимости является разбой и грабеж, а единственным подходящим путем—выход на Волгу, как менее защищенную, чем Азовское море, и сулящую более богатую добычу, чем промысел в украинных местах государства. Напряженное положение на Дону не было секретом для московского правительства и оно начало принимать соответственные меры, но эти меры пока не выходили за пределы обычной канцелярской переписки. Посылались грамоты по низовым городам с сообщениями о том, что на Дону не все спокойно, что воеводы должны жить с великим береженьем и т. д. Пока тянулась переписка—кризис уже разрешился. У голутвенных людей нашелся подходящий предводитель. Предводителем этим был столь прославленный в народных песнях и в литературе С. Разин.

Личность Разина достаточно и притом с разных сторон освещена в нашей исторической литературе и потому мы не будем останавливаться на ней. Движение, связанное с его именем, гораздо шире похождений самого знаменитого атамана; последние являются лишь эпизодом в разиновщине. Она в значительной степени имела иные причины чем те, которые выдвинули Разина на Дону, и с особой силой проявилась в таких местах, куда ни сам атаман, ни его ближайшие соратники не проникали. Территория распространения разиновщины далека от нашего края, а потому мы вправе не касаться и этого явления, также хорошо обследованного. Т. о., наша задача весьма скромна: —изложить последовательно те события из разиновской эпопеи, которые имеют непосредственное отношение к Саратовскому Поволжью. Весною 1667 г. Разин сбирает отряд голытьбы и делает попытку пройти с ним в Азовское море. Но войсковой атаман Яковлев и тяготевшая к нему партия домовитых казаков из опасения навлечь на себя гнев турок и крымцев помешали осуществить это намерение. Тогда Разин на 4 стругах поплыл вверх по Дону, грабя по пути зажиточных казаков. Яковлев послал было за ними погоню, но она не догнала Разина, который без помехи достиг донской Переволоки. Здесь на удобном месте он строит для себя городок между Паншиным и Качалинским городками. В Паншине городке воровские казаки заставили местного атамана силою снабдить себя оружием и воинскими припасами. Голутвенные из других городков, прослышав про то, что Разин собирает отряд, стали являться к нему со всех сторон и скоро у него набралось до 1000 чел. Ни сам атаман, ни его подчиненные не скрывали своего намерения итти на Волгу за добычей. Отряд пополнялся людьми и средствами. Помимо того оружия, которое удалось достать у Паншинского атамана, некоторые воронежские посадские люди снабдили Разина порохом и свинцом в обмен на награбленное добро и в расчете на будущую добычу. Ближайшим волжским городом к стану воровских казаков был Царицын и потому понятно беспокойство царицынского воеводы, когда от атамана Яковлева он получил сообще-

ние о намерениях Разина. Началась бесконечная переписка с требованием помощи для Царицына и посылки для разведывания о намерениях „воров“. Но переписка не вела ни к каким результатам, т. к. вскоре военной помощи прислать было не откуда, а посылки также не увенчались успехом. Разин укрепился на высоком бугре, со всех сторон окруженном полою водою, и пробраться в его стан не удалось. Пришлось довольствоваться слухами. По слухам, привезенным первой посылкой, Разин велел сказать царицынскому воеводе, чтобы он не посылал против него воинских людей, т. к. в противном случае Царицын будет сожжен. Вторая посылка, состоявшая из соборного протопопа и старца Троицкого монастыря, везшая с собою увещательные грамоты, привезла известие, что Разин имеет намерение пробраться на Яик, а оттуда во владения тарковского шамхала. К началу навигации воровское сборище снялось с своего стана и перебралось на Волгу. Судя по некоторым намекам в документах Разин на этот раз не рискнул исполнить свою угрозу по отношению к Царицыну, а избрал путь по Иловле и через Камышинку. Документы не дают никаких указаний на то, существовал-ли в этот момент городок на устье Камышинки, но судя по тому, что никакого сопротивления казакам оказано не было, можно думать, что этого городка не было. Первой добычей был весенний караван, спускавшийся по Волге; между прочим в этом караване был казенный струг с хлебом, струг московского богача В. Шорина, патриарший струг, везший ссыльных на житье в Астрахань, и другие. Хотя караван и сопровождался стрелецким отрядом, но при своей малочисленности этот отряд не мог и думать о сопротивлении, имея против себя 1000 хорошо вооруженных людей. Караван был остановлен. Разин об'явил ярыжкам и простым стрельцам, что он не будет их обижать, а только расправится с их начальниками и хозяевами. Изрубили начальника отряда, потом принялись за целовальников, ехавших при казенном хлебе: жгли их огнем, допрашивали о деньгах. Шоринского приказчика повесили. Сам Разин на патриаршем насаде перебил чеканом руку монаха-дозорщика и приказал повесить трех человек. На частных стругах хозяев или повешали или побросали в воду. Ссыльных, следовавших в Астрахань, расковали, „а те ссыльные, говорит очивидец, спасшийся от погрома, всяким людям чинят всякое раззорение, мучат и грабят пуще прямых донских казаков“. Получив свободу, ссыльные, а также ярыжки и стрельцы присоединились к Разину. Увеличив свои силы людьми, припасами и судами. Разин поплыл к Царицыну. При численности гарнизона едва в 300 чел. тогдашний царицынский воевода Унковский, конечно, и думать не мог о нападении на Разина, но он сделал все, что было в его силах, чтобы помешать воровскому атаману в его намерениях. Город был заперт, гарнизон расставлен по своим местам и как только струги казаков поравнялись с Царицыном, воевода приказал открыть по ним огонь, но, как расска-

зывает современник, пушка ни одна не выстрелила: запалом весь порох выходил. Этот случай, который можно об'яснить плохим состоянием царицынской артиллерии или недобросовестностью пушкарей, значительно увеличил популярность Разина, послужив основой легенды о чародействе атамана, котораго ни сабля, ни пуля не берет. Унковский был обескуражен и Разин спокойно расположился станом в 4 вер. от Царицына, послав в город требованье выдать ему наковальню, мехи и кузнечную снасть. Это требованье было беспрекословно исполнено. Затем Разин уже на 35 стругах с 1500 чел. двинулся вниз по Волге. Повидимому, он намеренно не искал встречи с военными силами, потому что подойдя к Черному Яру и увидев этот городок в полной военной готовности он, не ввязываясь в бой, двинулся дальше. Но не доезжая до Астрахани встретел воеводу Беклемишева, которого казаки „ограбили без остатку и чеканом руку пробили и вешали его на шоглу". Бесчисленными волжскими протоками Разин вышел в море и направился к Яику. Еще только спустившись на Волгу он делал поиск под Саратов и захватив в его окрестностях несколько ногайских лошадей послал на них посольство к яицким казакам с приглашением присоединиться к нему. Посольство это нашло подготовленную почву, т. к. до выхода Разина на Волгу он в свою очередь получил приглашение от яицких казаков такого рода: „собирайся к нам атаман, возьми Яик город, учуги разори и людей побей. Засядешь в нашем городке, а потом пойдем вместе на море промышлять". Подступив к Яику Разин оставил главную массу своего войска в укромном месте, а сам с небольшой кучкой людей подошел к городским воротам и стал проситься, чтобы его впустили в город для поклонения святыне. Обман удался и стрелецкий голова Яцын приказал впустить в город казаков. Вошедшие сбили запор с городских ворот и весь отряд ворвался за ними. Хотя Яцын не оказал никакого сопротивленья, но это не спасло его. По приказанью Разина ему и другим начальникам отрубили головы. Та же участь постигла и почти весь гарнизон: 170-ти стрельцам головы были отрублен также. Оставшимся в живых было предложено или присоединиться к шайке или вернуться в Астрахань. Некоторые воспользовались последним предложением, но только немногие достигли Астрахани. Вероломные казаки отправились за ними в погоню и изрубили и потопили большую их часть. Укрепившись на Яике, Разин пробыл там все лето и только осенью вновь появился у устьев Волги, где и пограбил едисанских татар, а также несколько торговых судов, встреченных на море. Но эти походы были скорее развлечением, чем настоящим делом. Шайка зазимовала в Яицком городке и даже вступила в дружественные сношения с соседней калмыцкой ордой, получая от нее в обмен на награбленное имущество необходимые для себя жизненные припасы.

Астраханский воевода кн. Хилков, потому-ли, что в его распоряжении не было достаточного количества военной силы, или по нерешительности своего характера, ограничивался посылками против Разина незначительных отрядов, которые без всякого успеха должны были отступать перед значительными силами противника. В конце 1667 г. с Дону прибыло в Астрахань посольство с государевой грамотой. Это посольство Хилков направил к Разину, прибавив от себя увещание, чтобы казаки выразили покорность перед правительством, выдали захваченный у едисанских татар полон, отпустили взятых в плен стрельцов и т. д. Разин ответил уклончиво, ссылаясь на то, что нет грамоты от государя, адресованной непосредственно к нему, и обещаясь добить челом в своей вине в случае получения такой грамоты. С подобным же увещанием отправлено было посольство и из Саратова от кн. Прозоровского, следовавшего в Астрахань на смену кн. Хилкова. Но с послами кн. Прозоровского Разин не поцеремонился: одного из посланцев он убил и труп его бросил в воду, а другого прогнал от себя с позором. Обходиться так с донским посольством не было расчета, т. к. Разин предвидел, что ему рано или поздно придется вернуться на Дон и выгоднее не раздражать своих земляков. Так прошла зима, а весною 1668 г. Разин вышел в море и начал грабить персидские берега. Подвиги его тут общеизвестны и я их повторять не стану. Весть о них широко распространилась на Дону и голытьба толпами стекалась, чтобы служить под начальством такого атамана, которого ни пуля, ни сабля не берет и удачи которого обещали богатую добычу. Прежде чем итти к Разину будущие его сподвижники собирались в отряды под начальством атаманов второго ранга. Некий Сережка Кривой собрал толпу в 700 чел., с успехом отбившись от царицынских служилых людей, сумел пройти мимо Царицына и без помехи спустился почти до самого моря. Только близ Красного Яра его нагнал голова Аксентьев, посланный ему на переем из Астрахани Но завязавшееся сраженье окончилось для Аксентьева неудачно: его отряд был разбит, 100 чел. стрельцов передались к казакам, сам он едва успел убежать на лодке. Бывшие с ним немец поручик и пятидесятник были повешены, других пленных избивали дубинами и побросали в воду. Т. о. Кривой вышел в море, нагнал Разина и присоединился к нему у персидского города Решта. В июне астраханские воеводы получили известие, что в 50 вер. от казачьих гребенских городков стоит 100 чел. донских конных казаков с атаманом Алешкой Протокиным, на Куме—400 чел. и кроме того ждут с Дона Алешку Каторжного во главе 2000 чел.

Голытьба на всем Дону пришла в движение и возбуждение. Чтобы дать понятие об этом возбуждении я приведу дословно показание двух черноярских стрельцов, которое они дали царицынскому воеводе Унковскому, возвратясь с Дона. „Слышали они на Дону от казаков“ хотят они на Дону в-верховых городках сби-

раться на Волгу на воровство многими людьми, и ждут они из войска к себе промышленников войсковых казаков Ивашка Жопина да Исайка Рота. А говорят те казаки, которые хотят итти на воровство: Стенька де Разин и Сережка Кривой с товарищи мимо Царицына прошли смело, а они де и лучше того учинят. Да февраля ж 22 приехали с Дону царицынские стрельцы и сказывали: говорили де им на Хопре в Изотове городке казаки: ходили де они для поиску за казаками за Сережкою Кривым с товарищи и казаков многих побили, и они де ныне не так учинят: пойдут прямо на Царицын и хотели де тех стрельцов за то бить. Да и во многих городках на Дону и Хопре казаки похваляются итти на Волгу". Как видно материала для пополнения воровских шаек было достаточно, не хватало только предводителей, а потому пока похвальба казаков так и осталась похвальбой.

Между тем Разин разгуливал по морю. Раззорив и опустошив персидские берега от Дербента до Баку, он направился в Решт и почему-то предложил свои услуги персидскому правительству, прося взамен их земли для поселения на р. Ленкорани. Сделка эта не состоялась, т. к. московское правительство вмешалось и успело оповестить шаха, считавшего казаков состоящими на царской службе, об их истинных намерениях. С жителями Решта начались столкновения и во время одного из них было убито до 400 казаков. Разин отплыл к г. Фарабату и над беззащитными жителями его жестоко отомстил свое поражение. После зимовки в окрестностях Фарабата казаки весною 1669 г. принялись за грабеж туркменских побережий.

Персидское правительство за это время собирало силы и в июле персидский флот с войском до 4000 чел. напал на казаков у Свиного острова. Происшедшее сраженье обошлось персиянам очень дорого: почти весь флот был истреблен казаками; только три судна с начальником персидского войска Менеды-ханом успели спастись. Сын и дочь хана попали в плен казакам. Судьба несчастной ханской дочери известна.

После этого сраженья в настроении Разина и его казаков наступил перелом. Не могло быть сомнения в том, что персидское правительство не останется равнодушным к поражению своего войска и будет готовиться к тому, чтобы еще с большими силами напасть на казаков и попытаться положить конец их бесчинствам. Ведь если персидская торговля была важна для России, то и обратно: Россия была почти единственным государством, откуда Персия могла получать европейские товары. При постоянных враждебных отношениях с Турцией торговый путь через нее был закрыт для Персии, а дорога морем через Персидский залив была слишком далека и дорога для большинства товаров. Поэтому шах не меньше царя был заинтерисован в безопасности плавания по Каспийскому морю и можно было ожидать со стороны персидского правительства более решитель-

ных мер. Битва при Свином острове была счастлива для казаков, но где порука в том, что последующие сражения будут также успешны. Персия располагала огромными рессурсами, а силы казаков таяли. К потерям во время сражений и набегов присоединились потери от болезней. У казаков не было ни пресной воды, ни хлеба, началась цынга. Т. о. на первый план выступало опасение очутиться между двумя огнями и жестоко поплатиться за свои подвиги: ведь попади казаки в руки персидского или московского правительства их ожидала одинаковая участь. К этому основному соображению присоединилось и другое. Казака влекла на подвиги не одна только страсть к грабежам и убийствам. Имелась, конечно, и другая более практическая цель—добыча, которая дала бы возможность пожить всласть, сообразно грубым вкусам ее обладателя. Двухлетние удачные грабежи дали в руки Разину и его сподвижникам огромное количество военной добычи. Но не было никакой возможности использовать ее на пустынных, раззоренных побережьях Каспийского моря. Некому было продать ее, чтобы получить звонкую монету, да надо было и истратить выручку. Кроме страха за свою грядущую судьбу казаков обуяла и тоска по родине, тоска по тем притонам, где на свои, кровью добытые деньги, они могли предаться грубому разгулу. Потянуло на Дон, где милостивцы—промышленники, снаряжавшие казака на разбой, живо помогли бы ему реализировать добычу и, б. м., дадут возможность весело погулять. Самого Разина влекло на Дон и третье соображение. Отряд его уменьшался, а дома ждали его тысячные толпы голытьбы, готовой присоединиться к нему, увеличить его силы и влиянье. Опьяненный успехами атаман жаждал влияния не только среди своих сподвижников, но и среди всего войска. Все приведенные соображения заставляли казаков подумать о возвращении домой. Для этого существовало два пути: один кружный и неудобный через мелководную Куму, а другой прямой и привычный через Волгу. Казаки избрали второй путь. Б. м. причиной такого выбора была сама политика московского правительства, действовавшего до сих пор крайне нерешительно против казаков, старавшегося вернуть их на путь долга не столько силой оружия, сколько уговорами и увещаниями. Неудивительно, что казаки принимали эту нерешительность за выражение слабости. Да не так ли оно и было на самом деле? Больших сил из центра государства против казаков нельзя было послать, а местные стрелецкие гарнизоны, как показывали случаи перехода стрельцов в шайку Разина, были далеко не надежны. Интересно было-бы выяснить, чем вызывалось такое шатанье среди стрельцов, стоявших гарнизонами в низовых городах. Документы не дают ответа на этот вопрос. И так, казаки решили вернуться домой волжским путем. Десять дней плыли они от Свиного острова и только 7 августа достигли устьев Волги, где и разграбили принадлежавший астраханскому митрополиту учуг Басаргу и два персидских купеческих

судна. Получив известие об этом, воевода кн. Прозоровский выслал против казаков своего товарища кн. Львова с отрядом стрельцов в 4000 чел. на 36 стругах. Казаки, расположившиеся станом в урочище Четыре Бугра, увидя сильную флотилию, выплывавшую из Волги, не отважились на сопротивление и ударились в открытое море. Львов гнался за ними на протяжении 20 верст, пока его стрельцы не выбились из сил. Тогда он послал казакам царскую увещательную грамоту. Разин остановился и вступил в переговоры. Присланные им два выборных казака били челом от всего войска, чтобы государь простил виновных, а они за то будут служить, где он укажет, и класть за него головы. Выборные уговорились и от лица всего войска утвердили присягою, что казаки выдадут пушки, захваченные ими на волжских судах, в Яицком городке и в прикаспийских городах, отпустят бывших с ними служилых людей и своих пленников, а струги отдадут в Царицыне, откуда пойдут волоком на Дон с своим добытым добром. После того кн. Львов направился в Астрахань, а за ним поплыли и казацкие струги. Их пропустили мимо города и поставили на Болдинском устье. 25 августа Разин вместе с несколькими атаманами и казаками явился в приказную избу и положил перед кн. Прозоровским свой предводительский бунчук, а затем бил челом на государево имя, чтобы государь его пожаловал, отпустил на Дон. Вместе с тем он просил о позволении послать в Москву посольство из 6-ти чел. выборных казаков. Нужно-ли доказывать, что все это было простой уловкой? Астраханских воевод он сумел привлечь на свою сторону щедрыми подарками, а со 2-м воеводой кн. Львовым у них завязалась такая дружба, что они побратались. Пользуясь тем, что воеводы и приказные люди, закупленные подарками, им мирволили, казаки далеко не выполнили принятых на себя обязательств. Они выдали только половину пушек, а другую оставили у себя под предлогом необходимости в защите от кочевников во время предстоящего пути степью. Из пленных персиян только немногие получили свободу, а остальных казаки заставили выкупить. Также не выдали и купеческих товаров, награбленных на персидском судне. Разин отговаривался тем, что добыча подуванена, разошлась по казакам и ее нельзя вернуть. Не позволил он и произвести перепись своего войска, ссылаясь на то, что таких переписей не повелоси ни на Дону, ни на Яике. Слишком снисходительное отношение астраханских властей к Разину имело то следствие, что популярность счастливого атамана возрасла еще более. А популярность его и и без того была прочна. Десятидневное пребывание казаков в Астрахани было сплошным праздником и для них и для жителей. Казаки вели торг награбленными товарами, а местные купцы за бесценок приобретали у них шелк и ткани, золотые и серебряные вещи, жемчуг и дрогоценные камни. Казаки расхаживали в бархатных кафтанах и шапках, богато изукрашенных жемчугами и самоцветными камнями. Атаманы щедро расплачи-

вались за все золотом и серебром. Именитые граждане, сами воеводы, не мало поживившиеся из казацкой добычи, угощали Разина или принимали от него угощенье. Толпы любопытных ходили смотреть казачьи струги, наполненные всяким добром. Плоды успеха всем бросались в глаза и опьяняли народное сознание. Самый бесшабашный разгул, способный вызвать чувство брезгливости у всякого человека более развитого и мыслящего, был по душе грубыми современникам Разина и даже, б. м. и легендарный, случай с несчастной персиянкой не уронил, а еще более возвысил атамана в глазах его почитателей. Астраханские стрельцы и вообще жители с завистью глядели на звеневших золотом, богато одетых и широко гулявших казаков, а к атаману их проникались особым уважением и страхом. Эти чувства сыграли важную роль в последующих событиях. Воеводы писали, что они не приняли строгих мер против казаков из опасенья, чтобы не произошло кровопролитья и не пристали-б к воровству многие другие люди. Но своими поблажками и слабостью они именно и способствовали тому, чего опасались.

4 сентября Разин отправился из Астрахани до Царицына. При отпуске воеводы наказывали казакам, чтобы они дорогою никаких людей с собой не подговаривали, а которые сами станут к ним приставать—тех бы не принимали и опалы государевой на себя не наводили. Все это делалось, конечно, только для очистки совести, для того, чтобы воеводам было можно отписаться в случае чего в Москву. Как только казаки на достаточное расстояние отошли от Астрахани у Прозоровского уже не было никаких средств, чтобы заставить их исполнить этот наказ. Казакам нужно было только проскочить в волжское устье. И действительно, они немедленно по отплытии из Астрахани принялись за свои *дурости*. Около Черного Яра Разин узнал, что из Астрахани везут тех стрельцов, которые передались на его сторону в Яицком городке, после ухода казаков убили своего голову, а затем вошли в море на соединение с Разиным, но были настигнуты и взяты в плен кн. Львовым. Разин потребовал к себе начальников этого отряда и с бранью настаивал на том, чтобы к нему отпустили этих стрельцов. Но три ведра водки умилостивили его и он уже более ласково обошелся с сотником и пятидесятником. Начальник встречного отряда казанских стрельцов также сумел успокоить гневного атамана водкою, подарив ему ее целых три бочки. Но несколько казанских стрельцов перебежали в шайку и сопровождавший Разина Плохово ничего не мог добиться по этому поводу. При отправлении Разина из Астрахани Прозоровский писал в Черный Яр и Царицын местным воеводам о принятии мер к тому, чтобы казаки не безобразничали. Приказано было не пускать их в город и особенно не продавать им вина. Но легче было отдать такое приказанье, чем исполнить его. Если астраханские воеводы при многочисленном гарнизоне и других военных рессурсах должны были мирволить казакам и сквозь

пальцы смотреть на их бесчинства и нарушение договора, то что мог сделать какой нибудь черноярский или царицынский воевода, сидевший в полуразвалившемся деревянном остроге и располагавший тремя-четырьмя сотнями стрельцов, на безусловную верность которых нельзя было положиться? Разин беспрепятственно вошел в город и привыкши обращаться за панибрата с такими важными и родовитыми людьми, как начальствовавшие в Астрахани князья,естественно смотрел свысока на какого-то Унковского и в обращении с ним принял уже повелительный тон. А т. к. атаман все время, как говорят документы, если и не был совершенно пьян, так навеселе, то можно представить, чего должен был натерпеться несчастный царицынский воевода за время пребывания в его городе разинского отряда, хозяйничавшего как у себя дома. Чтобы уменьшить пьянство, Унковский не придумал ничего лучшего, как распорядиться, чтобы казенное вино продавалось по двойной цене. Историки наши склонны винить за это Унковского, но вопрос в том, был-ли для него какой другой выход. В числе многосложных обязанностей воевод XVII. в. была и забота об увеличении казенного дохода. Горе было воеводе, в управление которого та или иная статья дохода падала. Многой волокиты стоила ему такая оплошность. А доход от вина, особенно в таких городках, как Царицын или Саратов, составлял чуть ли не главнейшую статью прихода. Так что Унковскому, да еще при его слабых силах, нечего было и думать о воспрещении продажи водки. Установив же двойную цену он мог льстить себя надеждой убить сразу двух зайцев: уменьшить пьянство, и, следовательно, сократить безобразия, и увеличить казенный доход. Но принятая им мера страшно озлобила казаков и они от-отправились жаловаться своему атаману. Тут припомнились и другие обиды, мнимые и действительные. Оказывается, Унковский взимал по алтыну с каждой подводы, приезжавшей в Царицын за солью, а приезжали исключительно казаки с Дона; у какого-то казака он отнял хомут, у другого пищаль и т. п. Разин решил сам разделаться с воеводой. На первый раз дело обошлось сравнительно мирно и воеводе пришлось только выслушать от взбешенного Разина, прибежавшего в приказную избу, нравоучение и заплатить все, что требовали жалобщики. В другой раз Разин, совершенно пьяный, с толпою казаков явился на воеводский двор, угрожая зарезать Унковского; дверь у горницы была уже выбита бревном; воевода выкинулся из горницы в окно, ушиб себе ногу, но успел спрятаться. Разин искал его по всем хоромам, искал в соборной церкви в алтаре. Не нашедши воеводы, атаман приказал сбить замок у тюрьмы и выпустить колодников. Когда казаки наконец ушли, несчастный воевода выполз из воего убежища и сел в приказной избе, но недолго насидел тут, т. к. про его появление проведал Разин и вновь отправился брать воеводу, которому опять пришлось прятаться. Примеру веселого атамана следовали и более мелкие сошки.

Какой то старшина запорожец ни с того ни с сего, вламывается в приказную избу и очевидно просто для своего удовольствия, т. к. был, согласно документа, лишь слегка пьян, бранит воеводу всякою неподобною бранью и дерет его за бороду. Но только драньем беззащитного воеводы за бороду не ограничиваются „дурости“ казаков: они разграбили два торговых судна, захватили гонца, посланного с царскими грамотами из Москвы в Астрахань, грамоты изорвали и побросали в воду. Из прекрасного далека Прозоровский отправил к Разину с увещаниями немецкого офицера. Но выслушав эти увещания, Разин пришел в бешенство. “Скажи своему воеводе, закричал он офицеру, что я его не боюсь; не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и расчитаюсь с воеводою“. Только 5 октября Разин, наняв подводы у донских жителей, с своими казаками двинулся на Дон. Царицынский воевода мог вздохнуть свободно.

Перебравшись на Дон, Разин выбрал здесь для себя подходящий остров около Кагальника и укрепился на нем; был на случай нападения построен земляной городок, а для жилья нарыты землянки. Этот городок тотчас же сделался пунктом, к которому потянулись толпы народа. Прежде всего явились те промышленники из домовитых казаков, которые снаряжали в поход голытьбу. По установившемуся обычаю они получали половину добычи за свою ссуду. Полученная доля превзошла все самые смелые ожидания. Естественно, что весть об этом быстро распространилась и в новый городок потянулись толпы голытьбы, мечтавшей попасть в шайку счастливого предводителя. Разин всех принимал ласково, снабжал оружием, одеждою, жизненными припасами. По установившемуся обычаю такие должники становились в обязательные отношения к своему благодетелю. Т. о. Разин становился и сам предпринимателем. Понятно, что на его долю пришлась львиная часть из добычи и он мог широко развить свои ссудные операции. Тамбовец Чепунов, побывавший в стане у Разина, так описывает общее настроение на Дону (в своем показании Унковскому): „донские казаки Стеньке Разину с товарищи... ради и называют его Стеньку отцом и изо всех донских и хоперских городков казаки, которые голутвенные люди и с Волги гулящие люди идут к нему Стеньке многие... Да сказывали ему знакомцы, что на весну от казаков без воровства конечно не будет, потому что на Дону стало их гораздо много, а кормиться нечем, никаких добыч не стало“. Выступив из Царицына с 1500 чел., Разин уже в ноябре имел под своим начальством 2700. К весне его отряд должен был еще увеличиться. Располагая такими силами он, конечно, мечтал о новых предприятиях. Своих казаков он держал при себе и если и отпускал для свидания с родными, то только за надежным поручительством. Весь отряд содержался в полной готовности. „И приказывал он, (т. е. Разин, как повествует современный документ) казакам беспрестанно, чтоб они были готовы, а какая у него мысль, про то

и его казаки немногие ведают и никоторыми мерами у них воровских казаков мысли доведаться не мочно". Домовитые казаки не знали, что делать: принять-ли Разина в войско или чинить над ним промысл. Не нужно при этом забывать, что часть их также была заинтересована в успехах Разина. Но что же было Разину делать с своею силою? Куда употребить ее? Если кинуться на этот раз в Азовское море, то можно было с уверенностью сказать, что турки туда не пропустят. Оставалось опять пробираться в Каспий. Но при этом уже нельзя было с уверенностью расчитывать на беспрепятственное возвращение,—во второй раз обмануть правительство. В первом случае Разину поперек дороги становились турки, в другом—Московское государство. Кто же из противников был слабее? Мы не можем требовать от Разина политической дальновидности и нет ничего удивительного, что далекая Турция казалась ему могущественнее и опаснее близкой Москвы, тем более, что он уже на опыте в Астрахани испытал, как ему казалось, слабость правительства. Примеры стрелецкой шатости, рассказы беглых холопов, все это создавало такое впечатление, что если умело приняться за дело, то можно найти союзников против государства. Не нужно забывать, что Разин был почти современником страшного народного движения на Украине, что в его время еще живы были очевидцы смутного времени на Руси. Готовые примеры того, как легко поднять народное движение, были у него перед глазами. Неудивительно, что Разин, ища выхода своим накопившимся силам, направил их по пути, ведущему к прямому столкновению с государством. Нет никаких оснований предполагать, что он мечтал при этом для себя о роли народного вождя. По своим идеалам он был только атаманом большой разбойничьей шайки, которому прошлая безнаказанность и надежда на богатую добычу в будущем придали смелости вступить в открытый конфликт с властью. Но надо же было чем нибудь прикрыть себя и вот на сцену выступает лишенный конкретного содержания лозунг итти на Москву и бить бояр. Впервые с этим лозунгом мы встречаемся ранней весною 1670 г. В это время на Дон приехал с царским милостивым словом жилец Герасим Евдокимов. Между прочим, Евдокимов должен был разузнать и о положении дел на Дону, т. к. слухи, сообщаемые в Москву украинными воеводами, были отрывочны и не давали точного представления о положении дел. В грамоте, привезенной Евдокимовым, обещана была по обычаю присылка сукон, боевых и съестных припасов. По обычаю же войсковой атаман Яковлев собрал круг, где эта грамота была прочтена и должна была выбираться станица для посылки с Евдокимовым в Москву. На другой день в Черкасск явился Разин с своею свитою. Простые казаки приняли его с восторгом. Он возбуждал их против Евдокимова и говорил, что московские бояре подстрекают нарушать казацкие вольности. На следующий день Яковлев опять собрал круг; начали рассуждать, кого выбрать в ста-

ницу. Разин явился в круг и узнав, для какой цели он созван, собрал другой круг из своих приверженцев. По его приказанию Евдокимов был введен в круг. „От кого ты приехал; от великого государя или от бояр“, спросил Разин. „Послан я от великого государя“, отвечал тот. „Врешь, закричал Разин, приехал ты не с грамотою, а к нам лазутчиком, такой сякой“. Избив до смерти Евдокимова, он приказал бросить его в Дон. Так начался знаменитый 1670 г. Яковлев только по имени был атаманом. Толпа переходила к Разину; он распоряжался, кричал, что настало время итти против бояр и звал с собой в поход на Волгу. Бояр ненавидели многие, особенно, конечно, была сильна такая ненависть среди голытьбы, бежавшей на Дон от неурядиц русской жизни. И потому этот лозунг нашел себе живой отклик среди сподвижников Разина, хотя и не прикрывал собою никакого реального содержания.

В мае Разин двинулся вверх по Дону и достиг Паншина городка. Здесь к нему присоединился знаменитый Васька Ус, прославившийся разбоями в тульских и воронежских украинах. Московское правительство жаловалось на него донцам и те отписывались, что учинили Ваське жестокое наказание. Но, повидимому, дело ограничилось одной отпиской. Повторяю, что не следует упускать из виду и того, что в успехах воровских атаманов в значительной степени были заинтересованы и т. наз. домовитые казаки. Б. м., в этой заинтересованности кроются и причины успехов Разина на Дону. Знаменитый Ус немедленно получил почетный пост эсаула при атамане. У Паншина Разин собрал круг из своего войска, которое достигало уже весьма почтенной цыфры в 7000 чел. и об'явил поход на Царицын. Войско тотчас двинулось в поход, а через два дня ночью подошло к городу. Думаю, что лучше всего рассказать царицынский эпизод словами очевидца. Таким очевидцем является некий поп Никифор, бывший в шайке Разина. „От Паншина до Царицына шли два дня и пришли под Царицын в ночи часу в третьем и суды спустили на Волгу выше Царицына с версту, а указал им в тех урочищах суды спускать царицынского жителя торгового человека Дружинкин сын Степка, а жил он Степка на Дону ж, а на Дон с Царицына бежал от царицынского воеводы. А как стала заря заниматься и Стенька Разин пошел к Царицыну с конницею и пешими, а товарищ его Васька Ус судами Волгою пришли к городу и в городе почали бить в набат и стреляли из пушек однова. И Ст. Разин велел знамена поставить у города к надолобам и около города он Стенька и Васька Ус обступили. И из города перекинулось к ним царицынских жителей 5 чел. и сказывали ему Стеньке сколько в городе казны и запасов и какие крепости. А осадя город пешими людьми оставил он Стенька под городом товарища своего Ваську Уса, а сам пошел громить едисанских татар. А кочевали едисанские татарове от Царицына верстах в 30. А от Царицына он Стенька на тех татар по-

шел во вторник и разбив едисанских татар улусы пришол под Царицын в четверг на третий день, и привели всякий полон и пригнал лошади и животину. А как пришел к городу и того же дня пришли из городу к Ваське Усу в табор царицынские жители 5 чел. и говорили ему Ваське, чтоб он велел им из города выходить и воду искать и животину пущать. И он Васька велел им сказать, чтобы они о том говорили в Царицыне воеводе, а будет воевода города не отопрет и он Васька велел им сбить городовой замок. И того ж дня царицынские жители у города отбили замок и город отворили и начали царицынские жители к Стеньке Разину ходить в табор, а Стенькины казаки в город. И он Стенька с казаками не со многими людьми в город того же дня ездил и у царицынских жителей жил. А царицынский воевода, как царицынские жители замок отбили и город отперли и пустили воровских казаков, с племянником своим и с людьми и с ним 10 чел. московских стрельцов, которые были в Ц., да царицынские жители 3 чел. заперлись в башне. И С. Разин напився пьян у царицынских жителей к той башне приступал многое время и был бой и воеводу и тех людей, которые с ним сидели, взял и московских стрельцов и царицынских жителей в той же башне порубил. А воеводу и с племянником его и с людьми повязав привел в табор и на другой день воеводу велел вкинуть в воду. И приведчи к воде на веревке наругались, кололи копьем и утопили. А племяннику его и людем велел быть при себе".

Пока совершались эти события на помощь Царицыну сверху шел отряд московских стрельцов в 1000 чел. под начальством головы Лопатина. Но помощь эта пришла слишком поздно. Ничего не подозревавшие стрельцы остановились у Денежного острова верстах в 7 выше Царицына и здесь на них с сухого пути и с воды напал Разин с 5000 чел. казаков. Не ожидавшие нападения стрельцы тем не менее храбро защищались и с боем пробивались к городу. Когда их отряд, значительно уже поредевший, достиг наконец города и считал себя в безопасности, с городских стен, занятых разинцами, на стрелецкие суда посыпались ядра и пули. О жестокости побоища можно судить по тому, что из 1000 чел. остались только 300, которые и принуждены были сдаться победителю. Пленников заставили служить гребцами на казачьих стругах, а голову Лопатина, сотников, пятидесятников и других начальствующих лиц после разных надругательств убили и побросали в воду. Разин пробыл в Царицыне около месяца; здесь он ввел казачье устройство, жители были разделены на десятки и сотни, а вместо воеводы назначен городовой атаман. Жителей города и передавшихся на сторону казаков стрельцов разинцы утешали тем, что они бьются не против государя, а против бояр, защищая, т. о., царя. Некоторые историки ко времени пребывания Разина относят посылку в верховые города эмисаров с возмутительными письмами для возбуждения народа

17*

против бояр. Это, однако, следует отнести к области предположений, не подкрепленных прямым свидетельством документов. К этому времени может быть отнесен один эпизод, рассказанный у Стрюйса, а именно экспедиция против Камышина. Мне уже приходилось указывать на то, что вместо временного летнего острожка по распоряжению правительства на устьях Камышинки английским полковником Томасом Бойлем было построено в 1668 г. постоянное укрепление. Цель такой постройки ясна и нельзя сомневаться, что для казаков, желавших иметь свободными все пути с Дона на Волгу, Камышин был бельмом на глазу. Поэтому естественно желание Разина овладеть этим городом. Но почему-то он не отважился сделать это открытой силой, а прибег к хитрости. Московские стрельцы, бывшие в казацком войске, подошли к стенам Камышина и выдали себя за отряд, присланный из Москвы. Воевода и приказные люди обрадовались неожиданному увеличению гарнизона, т. к. в городе было мало военной силы, и охотно приняли их к себе. Пришельцы стали нести службу и, между проч., держать ночной караул. Во время такого караула они сумели переманить на свою сторону гарнизон. Когда все было готово, казаки, сидевшие в засаде, по данному сигналу вошли в город. Последовала обычная расправа с воеводой и приказными.

Благодаря тому, что казаки перехватывали все суда, плывшие по Волге мимо Царицына, весть о взятии этого города дошла до Астрахани не скоро, да и то в виде слухов, доставленных татарами. По этим слухам под начальством кн. Львова против Разина был отправлен на 40 стругах отряд из 3000 чел. стрельцов и вооруженных астраханских жителей и полк под командой иностранных офицеров. Первое достоверное известие о царицынских событиях привез в Астрахань промышленник государева учужного и насадного промысла П. Дубенский. На легком судне он спешил по делам своего промысла вниз и в 16-ти верстах выше Царицына, не доезжая Денежного острова, встретил нескольких стрельцов из отряда Лопатина, успевших бегством спасти свою жизнь и свободу. От них Дубенский узнал все подробности о битве и силах Разина. Т. к. его судно не глубоко сидело в воде, то он перебрался в Ахтубу и ей спустился до Астрахани. Сведения, доставленные таким путем, о силах Разина, были настолько серьезны, что Прозоровский испугался за участь отряда, посланного со Львовым, и решил вернуть его и употребить на укрепление Астрахани; но было уже поздно: Разин спешил на встречу этого отряда. В Царицыне для охраны было оставлено по одному казаку с десятка, т. е. около 700 чел., а все остальные, кроме конницы, шедшей берегом, посажены на струга. Встреча со Львовым произошла близ Черного Яра.

Стрельцы уже были настроены в пользу Разина. Прошлогоднее пребывание казаков в Астрахани развратило астраханцев, многие из которых успели сколотить состояние, спе-

кулируя с награбленным разинцами добром, а не успевшие разбогатеть мечтали поправить свои дела теперь с приходом Разина. Поэтому, как только казацкие суда подошли к стрелецкому отряду, среди него вспыхнул мятеж, простые стрельцы начали вязать своих начальников и брататься с казаками. Кроме Львова, пощаженного Разиным в память прежней дружбы, все офицеры были перебиты. Та-же участь постигла воеводу и приказных людей Черного Яра, взятых изменой. После победы под Черным Яром перед Разиным было 2 пути. Один вверх по Волге, внутрь государства, для вывода бояр и изменников, если только Разин серьезно мечтал когда нибудь об этом пути. Другой—в Астрахань. Уверения передавшихся на его сторону астраханских стрельцов, что его с нетерпением ждут в Астрахани, решило дело. Но и помимо этих убеждений, думаю, общее настроение разиновцев влекло их вниз по Волге. Не только в XVII в., но и 1½ столетия позже, Астрахань в глазах всякого гулящего человека была каким-то земным раем, а у разиновцев еще свежы были в памяти те удовольствия и почет, какие нашли они в этом городе год тому назад. Казачье войско, увеличенное стрельцами и доходившее т. о. до 10000 чел., двинулось к этому бурлацкому раю. Измена астраханцев помогла без труда овладеть городом и в нем наступил пьяный кошмар, длившийся больше месяца. Только среди лета Разин увидел, что слишком долго загостился в Астрахани. В конце июля он стал собираться вверх. На 200 судах поплыл Разин вверх по Волге; берегом шло 2000 чел. конницы. Достигнув Царицына, он отправил на Дон добычу, награбленную в Астрахани, а сам двинулся дальше. В первой половине августа достиг он Саратова. Некоторые историки нашего края, как напр. Шахматов, об'ясняют падение Саратова тем, что Разин овладел им хитростью, применив здесь тот же обман, который удался ему однажды в Яицком городке, т. е. сначала вошел в город с небольшой толпой своих приверженцев под предлогом богомолья, а затем, обманув т. о. бдительность гарнизона, отворил ворота и впустил остальное войско. Легенда б. м. и лестная для местного партиотизма, но совершенно излишняя для об'яснения совершившегося факта. Ни в каких уловках не было надобности уже по одному тому, что на лицо было огромное неравенство сил. С одной стороны городок со старыми укреплениями и гарнизоном в 3—4 сотни стрельцов, а с другой войско с конницей и артиллерией в десяток тысяч человек. При таком неравенстве сил исход боя был-бы предрешен заранее. Но дело в том, что и боя-то никакого не было. Как и следовало ожидать, Саратовские стрельцы и жители держались того же настроения, как астраханские и царицынские их товарищи. В нашем распоряжении имеется любопытный документ, который по его краткости, я и позволю себе привести полностью. Это отписка пензенского воеводы тамбовскому о тех слухах, которые дошли до него из Симбирска. „Августа в 22 день, пишет воевода, в четвертом часу

дни прибежал в Симбирск с Саратова казанских стрельцов голова Тимофей Давыдов, а в роспросе сказал: На Успеньев де день Пречистые Б-цы поутру рано вор и изменник Стенька Разин с казаками пришол на Саратов и город де Саратов саратовские жители сдали, и его де вора Богородицкого м-ря игумен и саратовские все жители встречали с хлебом... А на Саратове саратовские жители к воеводе приставили караул 20 чел. накануне его воровского прихода,чтоб он не ушел... А как де он вор Стенька к Саратову идет за 7 верст и саратовцы де, пришед к воеводе, говорили, что де мы тебя у Стеньки отпечалуем". Т. о. в Саратове повторилось тоже, что мы видели уже и в других городах. Воевода Кузьма Лутохин был утоплен в Волге, казенное имущество разграблено и в городе введено казацкое устройство. Такая же участь постигла и Самару. 4 сентября Разин достиг Симбирска. Как известно, в начале октября он потерпел здесь поражение и раненый саблей в голову, а пулей в правую ногу, должен был спасаться бегством. Об'явив войску, что идет сражаться против воевод, Разин с верными донцами тайком покинул своих приверженцев. Как только счастье повернулось спиною к Разину исчезло и его влияние. Пропала вера в его удачу и непобедимость, исчез ореол чудесного, окружавший его личность. Это сразу сказалось на настроении жителей тех городов, мимо которых ему пришлось бежать. Самара и Саратов, всего несколько недель тому назад встречавшие его с хлебом-солью и колокольным звоном, затворили свои ворота и не пустили к себе отдохнуть того, перед именем которого трепетали накануне. Только в Царицыне нашел он приют и отдых с остатками своих приверженцев. Здесь он провел несколько месяцев, оправляясь от ран и только с наступлением зимы перебрался на Дон. Напрасно старался он на этот раз перетянуть донцов на свою сторону. Удачи его кончились, а с ними кончилось и влияние на казаков, тем более, что он сам же очистил Дон от наиболее податливых на его уговоры элементов, выведши их с собою в знаменитый поход. В апреле домовитые казаки взяли городок, где укрывался Разин. Его сообщники, захваченные в плен, были казнены на месте войсковым судом, а сам он с братом отвезен в Москву, где и был казнен в июне 1671 г., позорной смертью кончив свою бурную жизнь.

С пораженьем Разина в нашем Поволжье успокоение наступило еще не скоро. Царские воеводы, занятые усмирением мятежа в приокских местах и внутри черты, еще не простирали своих действий на юг. Астрахань находилась во власти казаков, состоявших под начальством оставленного там Разиным Васьки Уса. Как известно, астраханцы при отправлении Разина получили наказ разделаться с ворами и изменниками. Расправа началась тотчас-же и закончилась мученической кончиной митр. Иосифа. Вскоре умер и В. Ус. Но ни смерть предводителя, ни известия о разгроме, а затем и поимке Разина не образумили астраханцев.

Слишком удаленные от главного театра действий, они едва-ли ясно представляли себе действительное положение вещей, а их многочисленность создавала иллюзию непобедимости. Только этим причинам можно приписать безумную попытку Ѳедьки Шелудяка, другого знаменитого сподвижника Разина, с семитысячным отрядом двинуться летом 1671 г. вверх по Волге. Без всякой задержки Шелудяк достиг до Симбирска, но здесь был отбит воеводой Шереметевым, который затем вступил в переговоры с казаками, обещая им царское прощение, если они выкажут покорность. Но к этому времени мятеж внутри государства был потушен и правительство не видело уже необходимости прибегать к таким мерам. Шереметев за свои переговоры получил выговор, а отряд Шелудяка, напрасно прождав в Самаре царского милостивого слова, стал расходиться по домам. Сам Шелудяк с толпой в 2000 чел., из которых многие были переранены, сплыл до Царицына, обобрал здесь оставшиеся небольшие запасы казенного хлеба и в начале июля укрылся в Астрахани, где и принял главное начальство. Следом за Шелудяком шло царское войско под командой боярина Милославского. В сентябре Милославский осадил Астрахань. Напрасно Шелудяк и его товарищ Алешка Каторжный пытались разрушить укрепления, возведенные Милославским кругом города. Напрасно они, заметив перемену в настроении астраханцев, запугивали их страшными угрозами. Кончилось тем, что 26 ноября астраханцы дали знать в царский стан о своей покорности, а 27 ноября 1671 г. Милославский торжественно вступил в город. Несомненно, что и наши города так или иначе участвовали в мятеже. Уже самый факт сдачи их без боя указывает на сочувствие населения этих городов Разину. Но нарисовать подробную картину похождений саратовцев и царицынцев с того момента, как они передались на сторону казаков и до прихода Милославского, за полным почти отсутствием документов, не представляется возможным. Известно, что саратовцы участвовали в той шайке, которая брала Пензу и действовала затем в пензенских местах. Когда эта шайка почувствовала, что не может устоять против царских воевод, то вожди ее посылали в Саратов посольство в надежде, что Разин оттуда пришлет помощь. Но оказалось, что атаман находился уже в Царицыне и саратовцы послали ворам только какое-то письмо. О письме этом царские чиновники очень старались потом разузнать от тех казаков, которые попали в плен. Но посыльщики, возившие письмо, оказались неграмотными, а адресат был четвертован. Так и осталось письмо непрочитанным. Участвовали наши, сограждане и в походе Шелудяка под Симбирск и вместе с прочими дожидались на Самаре царского милостивого слова. Но не дождавшись его оставили там двух лучших людей астраханцев и пошли по домам. Настроение царицынцев, а по аналогии и саратовцев, в это время рисуется нам из показания московского стрельца Ложкина, бежавшего с Царицына в Там-

бов. Ложкин был взят в плен в отряде Лопатина и пробыл в Царицыне до августа 1671 г. По его показанию Шелудяк после бегства из-под Симбирска пробыл в Царицыне только 2 дня. „А на Царицыне атаман царицынский стрелец Дружинка Петров, а с ним в Царицыне с 500 чел., из них многие больные: оцынжали без хлеба. А хлебных запасов на Ц. никаких нет. А который был хлеб небольшой и тот хлеб взял и разделил Өедька Шелудяк воровским казакам на дорогу, как пошол в Астрахань. А досталось того хлеба на всякого человека по полуосмине овса в московскую меру. А слышал он Гришка от тех царицынских стрельцов, которого де дни великого государя ратные люди на Царицын придут—и они де хотят город сдать и в вине великому государю добить челом". Угар прошел, вместо богатой добычи и привольного житья—безхлебица и голодная цынга. Неудивительно, что при таких условиях мятежные стрельцы только и ждали удобного случая, чтобы получить прощение. Судя по Астрахани, такое прощение они получили очень легко и едва-ли кто из них пострадал, кроме, б. м., „пущих воров и заводчиков". С 1671—2 г.г. мы видим в Саратове и Царицыне обычный порядок управления.

ГЛАВА XIV.

Ко времени, непосредственно следующему за замирением края после Разинского мятежа, относится один частный эпизод местной саратовской истории, а именно перенесение Саратова с левого на правый берег Волги, на то место, где он находится и теперь. Событие это, предположительно, относится к 1674 г. Еще за 2 г. перед тем воевода Леонтьев писал в Москву, что „город Саратов худ, острог весь развалился". Весьма вероятно, что кроме этого попутного указания в документе, составленном совсем по другому случаю, Леонтьев писал что нибудь и специально по поводу перестройки и перенесения города, но переписка эта погибла вместе с архивом Приказа Казанского дворца, куда она должна была поступить по принадлежности. Как бы то ни было, вскоре последовал указ полковнику Александру Шелю „Саратов город на Горах делать новый". Об этом мы узнаем из жалобы властей московского Новоспасского монастыря, владевщего двором как раз на месте проэктируемого города, причем двор этот по распоряжению Шеля подлежал сломке. Укрепления нового города были построены не из дерева, как раньше, а состояли из земляных стен, на которых только башни были деревянными. Основываясь на старинной записи, случайно обнаруженной мною в одной из книг библиотеки б. Братства св. Креста, я несколько лет тому назад печатно высказывал мнение, что Шель должен был строить тот рыбный деревянный дворцовый городок, описание которого дано мною в одной из предыдущих глав. Но, как кажется, в данном случае я ошибался и действительно более данных в

пользу общепринятого мнения о постройке Шелем того земляного города, который потом и существовал у нас до половины XVIII в. О причинах перенесения Саратова на правый берег существует несколько мнений, но ни одно из них не может быть подтверждено документально. Чекалин ставит это событие в связь с водворением калмыков на луговой стороне; но калмыки к концу XVII в. находились уже скорее в дружественных, чем во враждебных отношениях с русским населением и, как свидетельствуют очевидцы, посетившие наш край в самом начале XVIII в., торговля с калмыками имела для саратовцев очень большое значение и производилась она как раз на луговой стороне. Так что в этом случае не было никакого смысла переносить город, а выгоднее было оставить его на прежнем месте, тем более, что и в смысле безопасности от нападений калмыков, саратовцы с переходом на правый берег ничего не выигрывали. Народное предание, сохранившееса в сообщении академика Фалька, ищет причину перенесения в том, что ловобережный Саратов страдал от разливов Волги. Но и эта причина едва-ли может быть признана основательной. Саратовское городище и до сих пор не смыто и не размыто водой и, принимая в расчет вообще небольшие размеры городов XVII в., повидимому, занимает ту же площадь, что и при существовании города. Покровск, расположенный всего в 2 верстах от городища, существует и разрастается втечение $1^1/_2$ веков, несмотря на разливы. Не знаю, имею-ли я право высказывать и свое предположение, т. к. повторяю, до сего времени еще не обнаружено никаких документов, проливающих свет на это обстоятельство, но мне кажется, что настоящую причину следует искать в неудобстве сообщения через Волгу—с одной стороны и в существовании довольно значительного поселения на правом берегу—с другой. Оффициальные и торговые сношения с Москвой все разростались, но на пути стояла Волга, которая при разливах служила большим препятствием для таких сношений, а во время весеннего и осеннего ледоходов и вовсе их прекращала. Пока не поднимался вопрос о перестройке саратовских укреплений, с этим неудобством поневоле приходилось мириться, но когда началось дело о постройке нового города, естественно постарались избежать такого неудобства, не оставляя между собой и Москвой Волги. Существование же на правом берегу довольно значительной слободки, с монастырскими зимовыми дворами и дворцовым рыбным городом навело на мысль о желательности соединения всего в одном пункте, под одной властью. Особенных затруднений с переносом городских зданий быть не могло, т. к. Саратов был сплошь деревянным. С перенесением Саратова на занимаемое им теперь место начинается постоянный рост города, а вместе с тем и значения. О степени роста можно судить хотя бы по увеличению числа церквей. В конце XVII в. кроме двух монастырей в городе считалось уже 4 церкви. О возрастании значения свидетельствует постановление собора 1681 г. об

учреждении у нас епископской кафедры. Постепенно из пограничного укрепления Саратов становится промышленным и торговым пунктом. Хотелось бы хоть в нескольких словах коснуться и другого города нашего края—Царицына, но, к сожалению, мы не имеем никаких документов, по которым могли бы судить о жизни города. Да и для Саратова такие документы необычайно скудны. Несомненно одно, что Саратов рос и развивался и одновременно росло и равивалось экономическое значение нашего Поволжья. Богатые московские монастыри, обращавшие до сего времени свое внимание только на эксплоатацию рыбных богатств Волги, приходят к убеждению, что и помимо этого здешний край заслуживает внимания. Получают ценность не только одни воды Волги, но и ее берега. Временные рыбацкие станы, ловившие рыбу для монастырей, уступают свое место постоянным поселкам. Т. о., Волга в пределах края начинает заселяться, появляются села и деревни. (Перет. II, 240 и сл.). Так, известный Чудов монастырь уже в начале XVII ст. получил от царя Василия Шуйского право рыбной ловли в р. Волге ниже Самарской луки в Самарских тихих Сосновых водах от Черного затона вниз Волги реки на 45 верст до устья Елань-Иргиза. Право монастыря на рыбную ловлю в здешних местах впоследствии было подкреплено грамотами царей Михаила и Алексея; последний разрешил (1653) монастырским властям „на р. Волге в Самарских водах... рыбу ловить про монастырский обиход 30 связками“. Указанные угодья были предоставлены Чудову монастырю, по выражению грамоты, „с займищи и с разливы по сухой берег“, только для одной рыбной ловли, вследствие чего ватаги рыбного промысла должны были стоять по *островам*. Рыбная ловля производилась обыкновенно только с весны до полулета, после чего ловцы уходили, оставляя станы и ватажные строения по островам. Весною в полую воду волжские острова обычно затопляются, а „станы их и всякое ватажное строение по вся годы сносит и ломает без остатку и убытки им чинятся великие“. В 80 г.г. XVII ст. монастырь решил, несомненно вследствие ожидаемых выгод, кроме летней ловли завести здесь также осеннюю и зимнюю; для этого необходимо было предварительно заготовлять „к тому зимовью всякие зимние припасы и лошадиные кормы для всякого ловецкого изворота—лес, лыко и лубья“, права же занять нужный для всего этого сухой берег на нагорной стороне, который не понимается водою, у монастырских властей не было. И вот в 1685 г. они обращаются к царю с челобитною, прося дать им на устройство ватаг для рыбного промысла место напротив их рыбных ловел „на нагорной стороне подле Волги реки сухой берег от Ташевых гор по Хорошевский перебор“, указывая при этом, что „тот вольской пустой берег в дачах ни за кем не бывал, стал за новою чертою ниже города Сызрана верст с 40“. Ходатайство увенчалось успехом, вся эта местность оказалась во владении Чудова монастыря и здесь возникает значительное монастырское посе-

ление—с. Архангельское, Сосновый остров тож, теперешний гор. Хвалынск. По преданью местных жителей первые поселенцы явились сюда из Казани и Нижегородских мест и в значительной степени состояли из беглых. Но, конечно, ядро поселенья должно было составиться из переведенцев, поселенных монастырем и навербованных в других монастырских вотчинах, как это мы видим по отношению других монастырских поселений в крае.

Основание с. Архангельского без боязни впасть в ошибку следует отнести к 80 г.г. XVII в. и, т. о., это село является древнейшим не городским поселением на Волге в пределах нашего края.

Другой из московских монастырей—Новосспасский тоже поспешил воспользоваться своими рыбными ловлями в волжских водах, чтобы завести в этих местах постоянные поселения, в уверенности, что монастырские доходы от этого много выиграют. Еще в царствование Михаила Федоровича (1632 г.) монастырь получил жалованную грамоту, которой ему за ежегодный 20-ти рублевый оброк предоставлены были в р. Волге саратовские Иргизские рыбные ловли от Канины Тубы вниз по Волге по нижнюю изголовь Осинового куста и с Осиновою нижнею и с Терсицкою косами по обе стороны р. Волги по разлив вешней воды, по старым рубежам. Должно быть здешние рыбные ловли доставляли хорошие доходы, п. ч. при царе Алексее Михайловиче монастырь спешит расширить в этих местах свой промысел: при этом царе братия выхлопотала грамоту, по которой за прибавку к старому оброку 17 р. и 7 алт. монастырю дано „к тем же водам Иргизский юрт по обе стороны тех вод и Волги реки по старым рубежам с речки, и с ерки, и с буераки, и с озеры, и с займищи, а на горах с венцы и с речкою Иргизом от россошей до устья и с упалыми речки, которые из-за поль пали в Иргиз".

Успех московского Чудова монастыря в приобретении части нагорного берега Волги с целью завести постоянное поселение в местности, где он прежде владел одною лишь рыбною ловлею, вызвало подобное же стремление и у властей Новоспасского монастыря. В 90 г.г. XVII столетия власти этого монастыря обращаются к правительству с ходатайством, чтобы примыкающие к их водам земли со всеми угодьи даны были в вотчину Спасскому монастырю без меры по старым урочищам. Земли эти впоследствии (1713 г.) были обмежеваны межевщиком Поместного Приказа Лосевым и из описанья меж мы можем видеть, какое огромное пространство было отведено монастырю. Межа начиналась от овражка на правом берегу Волги против Каниной Тубы и продолжалась разными урочищами через р. Терсу, затем полем до Терешки, Терешкою до р. Багая и по течению Багая выходила к Волге. На луговой стороне межа начиналась от речки Тищеня, шла этой речкой, переходила степью на вершины р. Вертубы, затем 20 верст степью до Иргизских вершин, Иргизом 40 верст до россош и от россош степью 30 верст до Каниной Тубы.

Сумежниками показаны на севере Чудов монастырь, а на юге Воскресенский. Еще до формального отвода просимой земли монастырские власти поспешили некоторых своих крестьян из разных вотчин перевести сюда и поселили их в этих местах в двух селах: Малыковке и Терсе. По оффициальным документам возникновение этих сел относится к 207 г., т. е. вероятнее всего к 1699, т. к. наиболее удобным временем для переселений следует считать весенние месяцы. Так, в указе из Новоспасского монастыря в приписной Тетюшский Покровский монастырь от февраля 1700 г. читаем: „да тебе-ж, со строителем вместе, по прежнему и по сему нашему указу взвовских бобылей выслать на Терьсу на житье во крестьянство тот же час водою как Волга скроется". (Акты, собран. Мельниковым. Казань, 1859, 188). Т. о., по крайней мере часть населения Терсы происходит из с. Взвоза тогдашнего Тетюшского у.

По всей вероятности однородные мотивы в то же время побудили ходатайствовать об отводе земель на Волге и властей Воскресенского монастыря. В 206 г. ему жалуется „по Волге реке за Валом в Змеевых горах дикое поле в указное число и отмежевано по урочищам, а именно: от устья р. Багая идучи на низ по р. Терешке до устья р. Березовки и меж тех речек Багая и Березовки от устей и до вершин и от вершины р. Багая идучи степью и лесом на Широкий пустынный буерак, а от того буерака на низ по Волге реке до Черного перебору, что против верхней изголови Колтова острова, а от того Черного перебора направо на вершину р. Березовки и тою речкою вниз до р. Терешки". И, как говорится в документе, „на той государевой жалованной земле, проча впредь царскому богомолью... поселили власти вотчину, что ныне (т. е. в 1717 г.) село Воскресенское, а крестьян переводили из других монастырских вотчин из разных уездов". Принимая во внимание время пожалования и практику богатых монастырей возбуждать ходатайство об отводе лишь после фактического захвата просимой земли, мы можем отнести возникновение с. Воскресенского также до 1700 г. (См. Чтения, 1875, III. 720—722).

К четырем известным нам поселениям на Волге, возникшим в XVII в., мы должны присоединить и еще одно, а именно Березники. Не могу сказать с уверенностью, кому принадлежали в XVII в. земли, на которых расположено это село. Но, судя по тому, что в 1802 г., с.с. Березники и Воскресенское имели в суде общего поверенного, который в споре с ген. Апраксиным ссылался на грамоты 97, 129, 194 и 195 гг., можно думать, что и Березниковские дачи входили в состав владений Воскресеского м-ря. Что Березники уже существовали в конце XVII ст., можно судить по записи на старинном Апостоле, принадлежавшем одному из местных старообрядческих священников (Ѳомичеву). В записи этой читается: „Лета 7205-го году сентября в 25 день продал сей Апостол книгу благословения отца своего священника

Димитрия Яковлева сын его Петр Попов села Березников крестьянину Ивану Осипову сыну Кузнецову". О том, что в записи речь идет о наших Березниках, свидетельствуют позднейшие записи, из которых видно, что она переходила в одном и том же семействе из рода в род, пока не была приобретена в тех же Березниках теперешним ее владельцем священником Өомичевым.

Итак, мы видим, что к концу XVII в. протянулась хотя и не густая, но непрерывная цепь монастырских поселений по Волге от границ нынешней Симбирской губ. почти до самого Саратова. Не то было к югу от него: здесь до самого Царицына волжские берега представляли еще безлюдную пустыню. Только в самом конце века эта пустынность была нарушена постройкой нового города. Нам много раз приходилось уже говорить о важности для правительства иметь надзор за переволокой между Иловлей и Камышинкой, впадающей в Волгу. Мы видели, что втечение целого столетия этой переволокой пользовались воровские казаки в своих походах на Волгу. Для наблюдения за такими походами в первой половине XVII в. правительство ежегодно ставило летний острожек на устье Камышинки, а в 1668 г. здесь было построено и постоянное укрепление, взятое летом 1670 г. Разиным. Повидимому, и после Разина путь Иловля-Камышинка был одной из излюбленных казачьих дорог и в конце века правительство решило окончательно закрыть эту дорогу. Для этой цели был построен г. Дмитриевск. Точная дата постройки этого города не может быть пока установлена. Патриарх Адриан в своей грамоте астраханскому митрополиту, писанной весною 1699 г., называет Дмитриевск новопостроенным. Судя по этому, город не мог быть построен позже лета 1698 года. Путешественник де-Бруин, проехавший нашими местами в 1703 г. и лично наблюдавший постройку крепости в Дмитриевске, говорит, что постройка начата за 4 года до его приезда, т. е. в 1699—700 г.г. Из дела о землях г. Камышина, хранящегося в историч. архиве, видно, что камышинцы основывали свое право на землю на грамоте 7207 г., т. е. 1698—99 г.г. Принимая во внимание, что земли новопоселенным городам отводились уже после того, как являлись первые насельники, можно думать, что начало Камышина относится ко времени до 1698—9 г.г. и в таком случае в показании де-Бруина вкралась ошибка, извинительная, впрочем, для путешественника, да еще не говорившего по русски. С показанием архивного дела, о котором я только что упоминал, сходится и местное народное предание, или вернее сказание, относящее возникновение города к 1697 г. Такой дате не противоречит и свидетельство грамоты патриарха Адриана, т. к., конечно, он вправе был весною 1699 г. называть новопостроенным город, возникший едва за 2 года перед тем. Сказание, о котором здесь идет речь, в нескольких списках имеется в историческом архиве. Я считаю себя вправе привести здесь выдержки из него, т. к.

это единственный памятник подобного рода, относящийся к нашему краю, причем несомненно, что в его основе лежит действительное событие, а б. м. для составления его послужили даже официальные документы, которые не дошли до нас, но были еще на лицо во время возникновения сказания. „1692 г., гласит сказание, от государей Иоанна и Петра Алексеевичей казанскому губернатору боярину и воеводе Мих. Алексеев. Черкасскому дан был указ со всей Казанской губернии городов и уездов собрать из стрелецких полков и черносотенных тысячу семей; по которому указу собрано с рек Волги, Камы, Вятки и Ветлуги, в уездах Уржумском, Малмыжском и друг., стрелецких и черносотенных погостов и жителей от семей тысячу душ, кроме жен и детей, и часть из города. И в то время приехал изМосквы от государя в Казань в губернаторы ближний боярин Петр Самойлович Салтыков и с ним много московских бояр и стольников, который губернатор осматривал новонабранный полк, который из стрелецкого назван конным солдатским Дмитриевским полком, п. ч. все служилие люди просили казанского митрополита Тихона, архимандрита Геннадия, также губернатора и бояр, чтобы прежнее полковое название их осталося во имя св. великомученика Димитрия Солунского, коего икона предпочтительно была уважаема и по взятии Казани оставлена с хоругвею на оборону московским людям от набегов татарских. После сего осмотру, перезимовав в Казани и по другим селам и деревням, а весною собравшись в Казань, оный полк получил денежное жалованье, пищу и платье государево; повелено было оному—лошадей, рухлядь, повозки продавать, а паче всего лошадей и всякий скот; в то время пожаловал во оный полк полковником и воеводою из московских бояр Яков Буш с тем, чтобы ехал он с ним на стругах вниз по Волге в новопостроенный г. Дмитриевск, который тогда так назван был. Потом дано оному пушек, ручного ружья, шпаг, копьев, пороху, свинцу, ядер и всякого запаса довольно; воеводе и боярам даны от губернатора кортики и пожалованы в чины; митрополит же казанский благословил в путь с ними попа Тимофея Никифорова с причетом, причем дано им три казенные колокола доброго звону, церковные книги, св. иконы и денежное жалованье с кормом. По слитии большой на Волге воды сказано им собираться на струга со всеми семействами и животы и кому где угодно будет складываться в общину по сотням. И в 1697 г. на Ильин день полковник и воевода Буш просил с хорошими людьми протопопов с священниками отслужить на стругах со святыми иконами и с честными крестами молебен Спасителю, Б. Матери и великомуч. Дмитрию с водосвятием и с благословением в путь, равно чтобы, облекшись притом в лучшие ризы, взяли б с мощами честный крест и чудотворный Казанския Б. Матери образ, коего однако ж архимандрит из церкви выносить возбранил, а вместо оного позволил взять местную с оного списанную икону, которая и ныне в здеш-

нем соборе хранится. По отпетии молебна духовные особы позваны были в судно под шатер выпить виноградного вина и отобедать; по обеде ж начали их поить. Между тем дали знать на все струга:—когда выпалят из пушки, чтоб все были готовы к отплытию; в другой раз выстрелят, чтоб всех родных, сродников спущали на берег; а как в третий раз выстрелят из пушки —то бы подняли якорья и в скорости плыли. Потом все начали под шатром большим жалованным воеводе бокалом пить вино за здравие великого государя, губернатора, воеводы и прочих. А как далеко уже отплыли, то духовенство, которое о сей их хитрости не знало, отвезли на берег, оставя всю церковную утварь на судах, говоря при том им, что мы де не знаем и сами куды едем, а вы остаетесь дома и у вас в церквах ризницы богатые. По прибытии же к г. Дмитриевску, который яко бы начально по речке Камышинке был также наименован Камышином, 1697 года сентября 26 отслужа молебен выбрались из стругов в новопостроенный город, а потом поставили церковь. После приезда на третий год заложена во имя Казанския Б. М. каменная церковь, выстроена пониже окошек, коей знаки и по сие время на том месте видны".

Показания некоторых старожилов города, дошедшие до нас от 1-й половины XVIII в., подтверждают отчасти местное предание. Отставные и служилые солдаты того времени показывали, что они „по указу Петра I в прошлых давних летех переведены из Казани и из прочих верховых городов на р. Камышинку для построения вновь города Дмитриевска и для содержания караулов и разных служеб". Позвище *Лаишевец* одного из казаков-сторожилов ½ XVIII в. может также свидетельствовать, что поволжские города преимущественно доставляли контингент для населения г. Дмитриевска.

Втечение нескольких десятилетий г. Дмитриевск, что на Камышинке (таково было полное его официальное наименование), оставался единственным поселением на всем 350 верстном пространстве от Саратова до Царицына. Северная часть нашего края успела покрыться густою сетью сел и деревень, возникли новые города (напр., Петровск), а юг края все еще оставался пустыней; несмотря на то, что первые попытки заселения внутренней части края (северной его половины) начались еще до основания Камышина. К обозрению этих попыток мы и перейдем теперь, пользуясь тем скудным материалом, который имеется в нашем распоряжении.

Нужно заметить, что хотя внутренняя часть нашего края и оставалась незаселенной пустыней еще добрых 1½ сотни лет после освоения его русским государством, все же ошибочно было бы думать, что, она являлась для обитателей коренной России чем-то вроде terra incognita. Не только в распоряжении правительства имелись довольно подробные и точные сведения о внутренности края, но и население окраинных мест, ближайших

к Саратовскому краю, располагало ясным представлением о нем. Я не говорю уже, напр., о Хопре или Медведице, знакомство с которыми русских восходит еще ко временам татарщины, если не раньше, или о пресловутой речке Камышинке, которую казацкие походы прославили на всю Русь и увековечили в песнях. О том, что издавна были известны урочища и мелкие реченки, впадающие в Волгу, нам известно из очень ранних документов и показаний путешественников. Но то же можно сказать и о внутренности края; берем так называемую Книгу Большому Чертежу, изданную Языковым в 1838 г. Этот памятник в том виде, как он издан, относится к 30-м г.г. XVII. и содержит в себе сведения, восходящие еще к XVI ст. Здесь, напр., при описании Суры показан в ее верховьях приток Ланкодада, которая вытекла, как говорит книга, „сверху реки Хопра, а Хопер течет в Дон". В этой реке нельзя не признать теперешнюю Еланькададу или просто Кададу, орошающую Кузнецкий и Хвалынский уезды. Говоря о Медведице, составитель книги замечает: „А в Медведицу пала река Кармыша с левой стороны; вытекла Кармыша от реки от Волги верст с 6 от верху Увеши речки". Кармыша—это, конечно, нынешний Карамыш, действительно впадающий с левой стороны в Медведицу в с. Широком Карамыше, Аткарского у. Начинается он, правда, близко от Волги, но в пределах Камышинского у.; но если за исток его считать речку Латрык, то получится полное соответствие с Книгой Большого Чертежа, т. к. действительно верховья Латрыка почти сходятся с верховьями р. Увековки, названной в нашем памятнике Увешей. Даже указана длина течения Карамыша—100 верст, очень близкая к действительности. Также точны и подробны были сведения составителей книги и о заволжской части края (стр. 157 и сл.). Перетяткович по архивным данным приводит известие о том, что некоторые крестьяне дворцовых деревень Шацкого у. в 1-й четверти XVII в. (1622—23) владели на оброке бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами „на р. на Медведице, от речки Князевки вверх по Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками", внося за эти угодья ежегодно не малые для крестьян того времени деньги. Так, в писцовой книге Шацкого у. 1622 г. написано: „Бортник Гришка Давыдов с. Васильев, да Өедька Семенов сын прозвище Блинок, да с. Литунова Ивашка Андреев сын Нырок, да Спирько Иванов с. Шмак да сын Алеменева Анофрейко Афанасьев с. Марышов ходят в бортной Шубенской ухожей на р. на Медведице по обе стороны до верхов и с малыми речками: с Карамышом и с Калышлеи и с Баландинского юрта и с речкою с Идолгою". Или—„с. Конобеева крестьяне Артемко да Максимко Агафоновы дети Збродовы, да с. Алеменева крестьянин Корнило Федоров, да с. Ялтунова крестьяне (такие-то) платят с р. Медведицы с рыбные ловли и с бобровых гонов с усть речки Бурлука вверх по Медведице по речку по Князевку с речкою Терсою денежного оброку 21 алт." и т. д. Вообще: „в Шацких писцовых в

дворцовых книгах 1623 г. Федора Чеботова на 237 л. написано: „Итого бортных ухожев с с липягами и с дубровами и с лесами и с полянами и с лугами и с сенными покосы и с дикими полями и с степьми и с раменьи и с реками и с падучими речками и с озеры и с болоты и с суходолы и с бобровыми гоны и с рыбными ловли и с хмелевыми и со всякими угодьи—308, да на реках же по обе стороны по урочищам и с рыбными ловли без вышеписанных угодий—469,—всего 777 ухожьев". Многие из них находятся в пределах нынешней Саратовской г. Остается пожалеть, что памятник, цитируемый почтенным ученым, до сих пор не издан целиком. Тогда мы имели бы в своем распоряжении неоцененный материал для нашей местной исторической географии и быть может благодаря ему получили бы освещение многие темные стороны по истории края. Но и тех выдержек, которые проф. Перетяткович приводит в своем труде, достаточно, чтобы убедиться в основательном знакомстве шацких насельников с нашим краем еще в самом начале XVII ст. Несомненно, что такое основательное знакомство сложились не сразу, а явилось результатом продолжительного постепенного ознакомления с областью, начало которого должно заходить вглубь XVI в. Как мы видим из приведенных цитат, знакомство с Саратовским краем жителей шацкой украины вызывалось не какими нибудь идеальными интересами, не желанием просто обследовать неведомые земли, а стремлением эксплоатировать его природные богатства. И даже сухой перечень тех видов ухожаев, который мы видим в итоге, подведенном составителем писцовой книги, показывает, как велики были эти богатства. Без преувеличения, реки и речки, входившие в состав ухожаев, текли млеком и медом. Леса кишели ценной дичью, а в бортях гнездились бесчисленные пчелиные рои; чистые, прозрачные реки, протекавшие по лесам и дубровам, изобиловали рыбою; по прибрежным кустам вились хмельники, доставлявшие также немаловажный источник дохода. До некоторой степени мы можем судить о впечатлении, производимом нашим краем на первых пришельцев, по художественному писанию оренбургских мест, оставленному нам Аксаковым.

Эксплоатация естественных богатств Саратовского края, начатая так рано и, повидимому, успешно шацкими пионерами, втечение долгого времени оставалась временной. Естественно, что рано или поздно она должна была сделаться постоянной и бортник, рыболов или охотник, посещавшие Медведицу, Хопер и т. д. только летом, должны были уступить место постоянному насельнику или же сами в конце концов обосноваться на облюбованных местах. И действительно, в последней четверти XVII ст. мы встречаемся с попытками утвердиться оседло в привольных примедвецких и прихоперских местах. Как это ни странно, но пионерами в этом случае являются пришельцы не с запада или севера, как бы следовало ожидать, а с юга, из области, принадлежавшей искони ко владениям донских казаков. В силу некоторых обстоя-

тельств эти попытки потерпели неудачу, они стоят особняком и в стороне от общего колонизационного потока и как будто ничем с ним не связаны, представляя отдельный эпизод. Но все же я считаю не бесполезным, хотя-бы в общих чертах, упомянуть и об этом эпизоде, так как при других условиях он мог-бы развиться более планомерно и быть может в конечном результате мы имели бы перед собой несколько отличную от современной этнографическую карту края.

В XVII ст. донское козачество представляет из себя уже вполне сложившуюся общину с определенным населением, установившимся порядком управления и более или менее точно ограниченной территорией. Границы эти на юге определились владениями крымских татар и турок (в Азове); с запада владения донского войска соприкасались с границами запорожских казаков; с северо-запада область, принадлежавшая донскому войску, определилась так наз. чертой, по которой вытянулся целый ряд украинных городов с центральным городом — Белгородом. К западу от Белгорода шли: Болхов, Карпов, Хотмыжск, Вольной, Алешки, Ахтырка; к востоку длинной цепью протянулись: Короча, Яблонов, Н. Оскол, Верхососенек, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Воронеж, Костенск, Белый Колодезь, Орлов, Сокольск, Усмань, Доброе, Козлов, Бельск, Чернавск. Очень рано при этих городах сложились уезды с постоянным земледельческим населением. Границы этих уездов сами собой определили с этой стороны и границы земель, принадлежавших к области донских казаков. Но к северу и к северо-востоку мы уже не находим таких определенных границ; Саратов, Царицын, да и самая Астрахань были городами безуездными, а первые два имели главным образом военное значение. Оседлого, земледельческого населения около них не было, да и лежали они все же слишком далеко от Донской земли. Таким образом, если бы население Дона разрослось так, что ему стало бы тесно на старом месте или же часть этого населения по каким нибудь причинам вынуждена была искать новых мест для поселения, то открытой оставалась только одна дорога (если не считать юга) в пределы того края, который мы теперь зовем Саратовским, а у донцов, повидимому, назывался Запольем. Говоря о Разине, мы уже отмечали сильный наплыв беглых на Дон во 2-й пол. XVII ст., обусловленный многими причинами. Теперь нам достаточно указать только на две из них: одна заставляла часть русского населения Московского государства оставлять насиженные места и искать новой родины на чужбине, а другая—направляла их в этих поисках на Дон. Первая из причин—это гонение на сторонников старого обряда, которых собор 1667 г. не только поставил в положение церковных раскольников, но и, так сказать, вне закона, так как гражданская власть была привлечена к преследованию старообрядцев. Поэтому, многие из них, видя, „яко зима хощет быти“, покидали свои места и бежали, чтобы скрыться от

преследования. Но особенно большую роль в этом случае сыграл собор 1681 г. До него гражданские власти только содействовали духовным в их мероприятиях против раскола. Но с этих пор преследование раскольников было вменено властям в непременную обязанность. Раскольник делался врагом государства и независимо от духовных властей всякий агент государства был обязан всячески заботиться об искоренении раскола. Не без влияния на общее положение дела оказались и стрелецкие бунты, в которых были замешаны главным образом старообрядцы. Все это повело к массовому бегству ревнителей древлего благочестия из пределов внутренней России туда, где их не могла настичь суровая кара за противление церковным новшествам.

Одной из излюбленных дорог в этом случае была дорога на Дон. Самой важной привилегией Дона, из-за которой он упорнее всего боролся с Москвою, была привилегия невыдачи беглых, искавших убежища на земле Войска. Даже в конце XVII в. единственной уступкой, которой добилось в данном вопросе московское правительство, была выдача преступников. По поводу требования одного из таких преступников вора Стеньки Буянки казаки в 1675 г. писали в Москву: „и мы холопы твои милости у тебя просим о том, что преж сего с твоей отчины с реки Дону беглых и приточных людей не выдавали и твоих государских указов к нам, холопам твоим, преж сего таких не бывало. А на твою государеву отчину на р. на Дон приходят всяких чинов люди и иноземцы, надеючись на твою государеву премногую милость, и теми людьми твоя государская река наполняется и служит тебе, великому государю, заедино; и впредь милости у тебя просим, чтобы по прежнему от нас с твоей отчины с р. Дону всяких чинов людей не имать и чтоб всяких земель люди шли на Дон к нам без опасения и служили тебе и твоя отчина людьми была полна и нам бы с твоей отчины с р. Дону розно не розбрестись". Эта привилегия была настолько общепризнана, что холоп, бежавший на Дон и показачившийся там, мог безопасно потом, как казак, являться в Москву и бывший его господин лишен был возможности опять повернуть его в холопство. Понятно, какое значение должна была иметь такая льгота в выборе пути для бегства из пределов государства. *Беглые*, как говорил один атаман в 1690 г. приходят к ним на Дон и на Хопер и на Медведицу *непрестанно*. Как уже сказано, соборы 1667—81 г. погнали из Руси массу старообрядцев, а донская вольность направила значительную массу их на Дон. Но было-бы большой ошибкой думать, что там оставалось много удобных незаселенных мест. Население Дона росло непрерывно и к концу века достигало уже нескольких десятков тысяч человек. По исчислению Дружинина число казачьих городков к концу столетия доходило до 125. Эти городки были рассеяны не только по Дону, но и по его притокам, занимая, между прочим, низовья Хопра и Медведицы. В силу необходимости, так как все наиболее удобные места были захвачены ранее поселив-

шимися, новым переселенцам приходилось искать свободных для поселения угодий. Такие угодья и нашлись по Хопру и Медведице выше самых северных казачьих городков. Особенно сильно бегство крестьян и холопов, как и следовало ожидать, было из ближайшей к Хопру и Медведице тамбовской украйны. В половине XVII в., как видно из документов, напечатанных в т. XII Д. к. А. И. „Тамбова города и Тамбовского уезду попы и выборного полку начальные люди и дворяне и дети боярские и иноземцы и под'ячие и пушкари и стрельцы и солдаты и полковые казаки и всяких чинов жители“ били челом по поводу того, что „в прошлых и во 193 годах с Москвы и из иных разных городов стрельцы и казаки, забыв страх Божий и крестное целование, бегают на р. Хопер и на Медведицу и на иные запольные речки; также и из дворцовых слобод и из сел и из деревень крестьяне и бобыли к ним казакам бегают же и побыв в их казачьих городках малое время приходят в Тамбов и в Тамбовский уезд будто для покупки запасов, а иные проходят через тамбовские крепости и заповедный лес тайно и живут в Тамбовском у. в Верхоценской волости в селах и деревнях у сродичей своих и знакомых. И из дворцовых сел и деревень по их подговору многие крестьяне, покиня свои тяглые жеребья, в их казачьи городки выбежали и у них Тамбова города и Тамбовского уезда всяких чинов жителей людей и крестьян и от живых мужей жон и от отцов и от матерэй детей ребят и девок своими прелестными богомерзкими словами подговаривают и на р. Хопер и на Медведицу и на иные запольные речи в свои казачьи городки свозят и в раскол и нехристианство и в блуд и во всякие душепагубные грехи их приводят, и лошади и оружье и деньги и платье крадут и в отхожих их вотчинах и в бортных укожьях и на рыбных ловлях также лошади и ружья, платье и сети и неводы и просеки и топоры и котлы и всякие вотчинные заводы крадут же и всячески их раззоряют и к себе в городки уносят. И они де те лошади и ружье и платье и всякие свои пожитки и что люди их и крестьяне бежав к ним казакам в городки унесут, у них казаков выкупают дорогою ценою; а беглых их людей и крестьян и мужьям жон и отцам и матерям детей они казаки не отдают. А как де они Тамбова г. служилые люди бывают посыланы из Тамбова от воевод и от начальных людей станицами в их казачьи городки на р. Хопер наскоро для проведывания воинских людей и вестей и их же беглые дворовые люди и крестьяне и дворовые их жонки и девки по их самовольному извычаю дают их на поруки и емлют в круги и бранят и всячески им задержание и мешкоту чинят. А в Тамбове воеводы и начальные люди за тое мешкоту их бьют батоги и в тюрьму сажают и всякое наказанье чинят. И они служилые и всякие жилецкие люди от них казаков и от беглых своих людей и крестьян в конец разорилися и людьми и лошадьми и ружьем и всякими пожитками оскудели и многие за скудостью от службы отстали. А они казаки лошадьми и ружь-

ями и сякими их пожитками обогатели и людьми по р. Хопру и Медведице наполнились: в которых городках в недавних летах было человек по 20 и по 15 и в тех городках ныне человек по 200 и по 300 и женского пола много. Да наперед сего по р. Хопру и по Медведице отнюдь пашни не пахивали и накакого хлеба не севали, а важивали хлеб из русских городов и кормилися зверьми и рыбою, а ныне в тех городках они казаки завели пашню. И слыша то, что они казаки пашню пашут и хлеб сеют, дворцовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопи к ним казакам бегают и пришедши из их казачьих городков их тамбовских жителей разоряют." В заключение челобитчики просили о принятии ряда мер, затрудняющих казачью агитацию среди крепостного крестьянского населения, и о возврате беглых, по крайней мере тех которые сбежали в недавних годах.

Как бы ни были сгущены краски в чебитной, что и естественно, если принять во внимание от лица каких слоев населения тамбовской украины она исходила, все же нельзя отрицать, что мы стоим здесь лицом к лицу с фактом массового бегства крестьян и холопов на Хопер, Медведицу и запольные речки. Это бегство и по размерам и по характеру отлично от того наплыва всех, ищущих свободы, которое наблюдалось до 80-х г. г. XVIII в. Раньше бежали отдельные лица, голытьба, люди бесхозяйственные, которые и пополняли собою ряды того бездомного казачества, которое средства к жизни искало, гл. обр.. в поисках зипунов. Теперь двинулось настоящее крестьянство, с женами и детьми, которое, осев на новых местах жительства, стремилось здесь воссоздать обычный уклад крестьянской жизни. Прежний казак, питавшийся чем попало от зверинной и рыбной ловли и считавший хлеб дорогим привозным лакомством, уступает место мужику, который главное подспорье своему существованию видит в земледелии и спешит на привольных угодьях Заполья завести пашню. Попытки хлебопашества оказываются очень удачными и слух об этом влечет новых беглецов. Поселки растут: где еще недавно от звериной и рыбной ловли могли прокормиться 1½—2 десятка человек теперь, возникают целые деревни, население которых исчисляется сотнями. Где же селились эти новые выселенцы? Документ глухо говорит о Хопре, Медведице и запольных речках. Под запольными речками без сомнения следует разуметь притоки Хопра и Медведицы, впадающие в них за пределами Донского Поля, т. е. в нынешних уездах Камышинском, Балашовском и Аткарском. Это предположение подтверждается и указаньем челобитной на то, что самовольные сходцы, поселившиеся на этих речках, грабят отхожие угодья тамбовских жителей, в частности жителей Верхоценской волости. Как мы уже видели в начале настоящей главы, эти ухожаи были расположены именно в пределах нынешней Саратовской г., в перечисленных выше уездах. Этой самочинной колонизации из

Тамбовской украйны, обещавшей быстрое заселение южной и западной части нашего края, был однако скоро положен конец. Правительство обратило внимание на жалобы тамбовских служилых людей и других жителей, страдавших материально от бегства из их поместий и вотчин крепостного населения и приняло против этого строгие меры. Из Тамбова начинают снаряжать ряд военных экспедиций для раззорения вновь образовавшихся городков. Вместе с тем, гл. обр. под влиянием искусной московской политики, сумевшей в своих интересах использовать и ранее наблюдавшуюся рознь между домовитымы и голутвенными казаками, настроение правящих казачьих кругов по отношению к старообрядчеству меняется не в пользу последнего. Старообрядцы вместо прежней защиты и приюта от гонений начинают рассматриваться как враги. Т. к. главный контингент старообрядцев на Дону представлял из себя пришлый элемент, то такое отношение к старообрядчеству распространяется и на всю пришлую массу.

Суровые меры против сторонников старой веры, впрочемъ имели некоторое оправдание и в их образе действия, весьма вызывающем по отношению к своим противникам. Кончилось тем, что в апреле 1688 г. из Черкасска было послан отряд в 100, чел. по городкам приводить всех казаков к новой вере под страхом смертной казни. Весть об этом быстро распространилась по всем городкам. Старообрядцы пришли в великое смущение. По договору некоторых из своих атаманов они двинулись вверх по Медведице и засели в дальних местах на Заполянском острове, за урочищем Полянным *близ Саратова*, в двух неделях ходу от Черкасска. Сначала их бежало 516 чел., но вскоре число их достигло 1700, из разных городков с женами и детьми. Они поделали себе шалаши, построили часовню и даже снабдили ее колоколами. Поселок был укреплен рвом и острогом. Врочем, некоторые из обитателей нового городка сочли свое убежище недостаточно надежным и ушли на р. Куму. Увещевательный, если можно так сказать, отряд достиг городка в мае месяце, но ничего не мог поделать с засевшими там беглецами. Убеждения не действовали, а когда попробовали прибегнуть к силе, то старообрядцы отвечали выстрелами из ружей и имевшихся у них деревянных пушек. В ожидании сдачи казаки простояли под городком целую неделю, но наконец, не дождавшись сдачи, должны были уйти, оставив наблюдательный отряд в 500 чел. Между тем суровые меры, принятые против донских старообрядцев, с одной стороны привлекли в Заполянский городок новых беглецов, искавших там убежища, а с другой—вынудили их начать открытую борьбу вооруженной рукой против угнетателей. Духовная экзальтация мешала им видеть неравенство сил и угадывать неизбежный конец такой борьбы с неизмеримо сильнейшим противником. Жители городка даже сами перешли было в наступление и сделали несколько нападений на ближайшие казачьи городки. Про-

шел даже слух, что они собираются итти на государевы города, т. е. на Царицын и Саратов. Воеводы этих городов, а особенно саратовский М. Н. Кологривов, были в большой тревоге. Земляные укрепления Саратова, построенные Шелем в 1674 г., успели к тому времени обветшать: стены обвалились и засыпали ров, у воеводы не было ни свинцу, ни пороху, а, главное, не было достаточных военных сил, т. к. небольшой стрелецкий гарнизон был в постоянных посылках и при воеводе осталось едва несколько десятков человек, с которыми и думать было нечего отстоять город в том случае, если бы доведенные до отчаяния и экзальтированные сторонники старой веры вздумали действительно напасть на Саратов. Не многим лучше, чем в Саратове, обстояло дело и в Царицыне. Завязалась переписка с Москвою, т. к. при тогдашних порядках воеводы не имели никакой самостоятельности и, боясь навлечь на себя неудовольствие правительства, опасались проявлять свою инициативу. Пока же воеводы ограничивались посылкою небольших станиц для проведывания вестей относительно намерений противника. Оказалось, что городок расположен таким образом, что взять его летом было почти невозможно: он был построен на острове, в крепком месте, среди топей. Только к августу переписка с Москвой дала положительные результаты. Было решено начать военные действия, к участию в которых привлекались калмыки. Последние дожны были стеречь раскольников и не пропускать их в том случае, если-бы они вздумали бежать на Куму. Предварительно, однако, начала военных действий предписано было Царицынскому воеводе склонить раскольников мирным путем к сдаче. Воевода Дмитриев-Мамонов втечение сентября несколько раз посылал в Заполянский городок посыльщиков с предложением старобрядцам принести повинную, обещая за то помилование. Но такие предложения были отвергнуты. 16 августа послали из Черкасска атамана Семенова, дав ему 200 черкасских казаков и предписав, звать по дороге охочих людей из городков, сколько понадобится, с собою на промысел. Он прибыл на Медведицу набрав до 1000 чел. Ему же передана была царская грамота к калмыцкому тайше Чагану о помощи казакам против бунтовщиков. В начале сентября Чаган прислал 200 своих калмыков. Но казаки и калмыки оказались неудобными бойцами. Сами казаки в том признались. Они отписывали на Царицын, чтобы прислали им прибылых людей, пушечный снаряд и пушек, т. к. этого требовало самое положение Заполянского городка. В виду этого Царицынский воевода получил приказание послать к городку ратных людей на подмогу казакам и в октябре туда был двинут голова сборного приказа с 410 стрельцами. Тем временем на подмогу осаждавшим был двинут еще казачий отряд в 2000 чл. Несмотря на такие, значительные силы осада городка шла крайне медленно. Только 6 ноября, очевидно тогда, когда озеро начало замерзать, осаждающие решились на первый

приступ. Им удалось ворваться на остров, где стоял городок, и всего в 30 саж. от него построить свое укрепление, чтобы наблюдать за действиями осажденных. Положение последних, между тем, становилось весьма тягостным. От перебежчиков в декабре узнали, что боевого люда в городке осталось менее 300 чел., да женщин и детей около 600 . Среди осажденных уже ощущался недостаток в продовольствии: последний запас зерна был роздан на 12 дней, да и то всего досталось по 2—3 шапки на человека. Приходилось подмешивать в муку толченую древесную кору, отчего появились болезни: люди пухли и умирали в течение 6—7 суток. Бедствие увеличивалось благодаря стуже и отсутствию дров. Но осажденные все еще крепко держались; их мужество поддерживалось старцами и бывшим с ними священником. Т. о., осада затягивалась. Осаждавшие стали просить себе еще подкреплений, опасаясь, что с наступлением весны осажденные убегут из города на лодках, а то и придут Кумские раскольники для выручки своих товарищей. В виду этого, а также благодаря настояниям царицинского воеводы и вследствие непригодности к осадному делу калмыков, из Тамбова послан был полуполковник Тоболевский с 1070 стрельцами, который, однако, весьма медленно подвигался к месту своего назначения, живя в хоперских и медведицких казачьих городках, грабя казаков и распуская своих стрельцов. Он довел до городка всего 100 чел. и дошел до него лишь в день Рождества Христова. Самое поведение Таболевского под городком скорее вредило, чем помогало делу. Начались раздоры с казаками. Кроме того он и сам был небрежен к службе. Благодаря такой небрежности осажденные успели перетащить к себе заготовленный стрельцами для осады лес. Наконец уже в конце января 1689 г. в помощь осаждающим был прислан из Симбирска майор Кунингам. Как ни медленно шла осада, но она все более и более теснила изменников городка. Осаждающие строили валы из дров и заваливали рвы хворостом. В половине февраля они подошли всего на 10 саж. к городу и опять построили тут свой городок с раскатами.

Первый приступ был сделан в ночь на 22 февраля, но неудачно. Ратные люди пошли на городок, ограждая себя от неприятеля стрельбой из пушек, перед собой они бросали в укрепление зажженные дрова и солому. Но поднялся встречный ветер, обративший пламя на нападающих. Этим воспользовались осажденные и с большим уроном отбили приступ.

Между тем раздоры между казаками и Тоболевским не прекращались. Посыпались со стороны казаков жалобы в Посольский Приказ. Для расследования дела из Козлова был командирован стольник Давыдов, а с Москвы прислан запас пушек, ядер и гранат. 1-го апреля осаждающие решились на новый приступ, который и увенчался успехом. Напали на большой городок. Осажденным удалось перебраться на конец острова и сделать

новое укрепление, но поменьше. А ратные люди, овладев большим подошли осадой за 6 саж. от этого последнего укрепления. Они накрепко с суши и озера обложили неприятеля, чтобы не выпускать его из осады, и продолжали чинить промысел. Наконец, 4-го числа начался последний приступ. Сопротивление был отчаянное. Изнуренные долгим сиденьем, голодом и предвидя верную погибель, осажденные потеряли голову. Они кидались в огонь, топились в воде, а некоторые, пытавшиеся бежать, избивались казаками, рассвирепевшими от упорного сопротивления. Городок был взят „при отдаче дневных часов“. Только трое пущих заводчиков, да 20 чел. раненых были оставлены в живых и отправлены в Царицин, где, по распоряжению из Москвы, и повешены. Казаки же и ратные люди прошли по Медведице, раззоряя по пути все попадавшиеся им пристанища старообрядцев. Так пал северный центр донского старообрядчества, а вместе с ним в корне была уничтожена и попытка заселения самовольными сходцами привольных угодий по берегам Хопра, Медведицы и их притоков.

Интересно было бы установить, где именно находился пресловутый Заполянский городок. К сожалению, для полного ответа на поставленный вопрос мы не располагаем достаточными данными. Дружинин в своей книге: „Раскол на Дону в конце XVII века“, которой в значительной степени мы воспользовались при изложении только что рассказанных трагических событий, полагает, что Заполянский городок находился в самых верховьях Медведицы, близ Саратова, т. е. примерно в местности между Петровском и Аткарском. Однако, я не могу согласиться с таким утверждением. Если признать его справедливость, то естественно было-бы ожидать, что все мероприятия против городка исходили-бы из Саратова, как административного центра, находящегося в непосредственной близости к театру военных действий. Между тем мы видим, что центром таких мероприятий является не Саратов, а Царицин, почему и позволительно думать, что городок находился по крайней мере также близко к последнему, как и к Саратову. Деятельность саратовского воеводы ограничивалась только посылкою небольших отрядов для проведывания о намереиях непокорных жителей городка, причем мы видим, что станицы посылались из Саратова на устье Карамыша, где, как писал воевода, был ход ворам и раскольникам с Дону на Волгу. С другой стороны и царицинский воевода делал посылки с той же целью к речке Карамышу. Такое совпадение конечных пунктов посылки разведочных отрядов заставляет думать, что Заполянский городок находился где-то неподалеку от впадения Карамыша в Медведицу. До самого последнего времени эта местность, известная под именем Тюрьмы, мало доступна, покрыта лесами, болотами и озерами. Два века тому назад она была еще менее доступна и более чем вероятно, что именно в этих неприступных местах старообрядцы и основали свой городок. Было-бы небес-

полезно проследить, не сохранилось-ли у населения окружающих Тюрьму сел и деревень (и теперь еще в значительной степени неселенных старообрядцами) какого либо воспоминания о существовании здесь старообрядческих селений. Можно с уверен ностью сказать, что более тщательные поиски открыли-бы здесь и остатки городка. Из изложения событий мы видели, что, взяв Заполянский городок, казаки прошли вниз по реке раззоряя пристанища старообрядцев. Следовательно, ниже главного городка существовали и другие поселки в пределах нынешнего Аткарского и Камышинского у. у. Б. м. один из таких уцелевших от разгрома поселков положил начало *„раскольничьей слободе“* Красному Яру на Медведице.

До сих пор мы останавливались на первых попытках заселения нашего края. Мы видим, как робки и часто неудачны были такие попытки. Результатом их, если не считать постройки правительством укрепленных городов в видах обеспечения безопасности сношений по Волге, было возникновение нескольких поселений, основанных богатыми московскими монастырями для использования волжских рыбных богатств. Начавшееся было к концу XVII ст. самовольное колонизационное движение в юго-западную часть Саратовского правобережья потерпело крушение и надолго было парализовано. Между тем настоящая колонизационная волна медленно, но настойчиво подвигалась с севера и в конце концов широким потоком залила Саратовский край. Для того, чтобы яснее представить себе эту волну, нам придется вернуться несколько назад и задержаться на вопросе о сторжевых чертах и роли их в заселении приволжских областей вообще и нашего края в частности.

В самом начале своих бесед мы говорили о сторожевой черте, начинавшейся от г. Тетюш, которая должна была защищать от нападений кочевников местности к северу от черты. Черта была впоследствии еще укреплена засеками и получила название Тетюшской засеки. Сравнительная безопасность Тетюшского уезда, обусловленная устройством засеки, а также плодородие земель уезда, с которого начинается чернозем, привлекли в него земледельческое русское и инородческое население и уже вскоре после смутного времени уезд был достаточно густо населен. Но одних засек для охраны пограничного населения оказались недостаточно и в 1630—40 г.г. были приняты иные меры для защиты его от вторжений кочевников. В 1636 г. для береженья рязанских, шацких и мещерских окраинных мест от воинских людей последовало распоряжение поставить в поле город. которым-бы можно было в этих местах войну от татар отнять, Вследствие этого на Лесном Воронеже поставлен г. Козлов, в котором были устроены стрельцы, казаки и всякие жилецкие люди. „Да от Козлова же к Шацкой стороне на 12 верст учинен земляной вал, а по тому земляному валу поставлены 3 городка земляные с башнями. Да в том же году для береженья от крымских

и ногайских людей на поле на р. Цне поставлен г. Тамбов, а в нем устроены всякие служилые люди. Да от Тамбова к Козлову городу к земляному валу учинены надолбы. За Шацким же от поля на р. Ломове поставлены два городы Ломовы—Верхней и Нижней и теми новыми городы и крепостьми в Ряжских, Рязанских и в Шацких во всех местах татарская война от приходов укреплена". Успех этого мероприятия побудил правительство через несколько лет продолжать линию укреплений до Волги и в 1648 г. начались работы по сооружению укрепленной Симбирской черты, получившей свое название от вновь построенного на берегу Волги города. Симбирск был выстроен бояриином Хитрово. Для постройки города и укреплений, примыкавших к нему, были вызваны посошные люди низовых городов с русских—с 5 дворов, а с ясашных—с 3-х дворов по человеку. Укреплен он был по всем правилам военного искусства тогдашнего времени. Кремль, главнейшая часть в системе укреплений, занимал самое возвышенное место; за ним следовал острог, заключавший в себе посады и обведенный рвом и тыном. От нового города начиналась укрепленная черта, которая шла в юго-западном направлении. Эта черта состояла из непрерывного вала со рвом и с деревянным тыном по верху вала. В лесных местах вал прерывался засекою, а в некоторых пунктах особыми укреплениями, называвшимися острогами и острожками, со стенами и рвами вокруг и с башнями по углам и по средине стен. Всех таких острогов от Симбирска до Инсара, где эта черта соприкасалась с Тамбовской, считалось в позднейшее время восемь; а именно: Тагай, Урень, Корсунь, Погорелый, Аргаш, Сурск, Темар и Саранск. Симбирская черта строилась втечение 6 лет до 1654 г. и в постройке ее участвовало ежегодно от 3 до 5 т. чел. Последнее из значительных укреплений, которым Симбирская черта заканчивалась, был Инсарский острог; продолжаясь далее за Инсаром в югозападном направлении, она примыкала к черте, веденной ей навстречу из г. Н. Ломова. Для ускорения дела работы по устройству черты открылись одновременно в разных местах и в том же 1648 г. был, например, построен и г. Инсар. Для постройки Симбирска и других укреплений, а также и для заселения этих укреплений воинскими людьми, правительство обращалось прежде всего к ближайшим местам и затем уже к более далеким от черты. На черту переводилось население сел и слобод иногда целиком; для заселения Инсара было взято в 1647 г. 300 служб из ближайшего к нему г. Темникова; в то же время было *построено* столько же служб под названием казаков по Инсарской черте в засечных крепостях и слободах. Для этого были взяты люди не только из окрестностей г. Темникова, но и из окрестностей самого Инсара. Некоторые селения были даже сполна переведены на Инсарскую черту, где на новых местах жители их были устроены дворами и наделены пашней и другими угодьями с обязанностями служилых людей.

Внутренняя сторона за Инсарской чертой получила название русской и была причислена вместе с самым гор. Инсаром к Руси, а сторона, оставшаяся вне черты, стала называться ногайской, крымской или степной. В слободах и острожках на черте для надобностей службы водворялись из ближайших и отдаленных мест безразлично как русские, так и инородцы. Т. к. нужда в людях была большая, то правительство брало их не только из казенных селений, но и у частных владельцев. Все люди, выселяемые в города, остроги, острожки и слободы по Симбирской черте, получали деньги на дворовое строение; кроме того им на новом месте отводились земли, сенные покосы и другие угодья. Вал и засечные крепости должны были охраняться караульными, расставленными по близости друг от друга. Для таких караулов назначалось потребное число служилых людей из русских и инородцев, получавших здесь землю; им исключительно вменялась в обязанность эта служба: они отправляли ее, переменяясь между собою на заранее указанных им местах. Назначение вновь построенной Симбирской черты. состоявшей из вала со рвом, засек, острожков и острогов, также состояло в наблюдении за тем, чтобы воинские люди к Симбирску и к Симбирской черте на русские и мордовские деревни безвестно не пришли и дурна какого ни учинили и уездных людей не повоевали и не побили и в полон не поимали. Сверх того, в местах степных по черте учреждены были под'езды, станы и сторожи. В под'езд посылались служилые люди из города за приписанную к нему черту в степь для проведывания вестей про неприятельских воинских людей. Иногда с тою же целью посылались станицы, т. е., небольшие отряды. Место, где они обыкновенно останавливались для собирания сведений, называлось станом или также станицей, отчего и самые служилые люди назывались станичниками. Напротив, сторожи были такие пункты или возвышенные места, где постоянно находились сторожа, наблюдавшие за всем, что происходило в степи. Известно, что такие сторожи были расставлены не в дальнем расстоянии одна от другой, так что вести о неприятелях передавались в город чрезвычайно скоро посредством извещения ими друг друга, а ближайшей к городу сторожей самого городского начальства. Такие вести тотчас сообщались в другие города, в которые назначено было правительством. Подобные сообщения производились через вестовщиков, нарочно для того приставленных. Получалось, таким образом, нечто вроде телеграфа или телефона и нужно было особо несчастное стечение обстоятельств, чтобы кочевники могли безвестно пробраться за черту на русскую сторону. Правая сторона Поволжья, ограничиваемая с севера старой Тетюшской засекой, а с юга новою Симбирской чертой, составляет теперь северную часть нынышней Симбирской губ. Еще на памяти людской плодородие здешнего чернозема вызывало удивление иностранцев. Двести пятьдесят лет тому назад производительность

не истощенных неряшливой культурой земель должна была быть еще выше. Такие обстоятельства не могли не быть известны населению соседних уездов и потому весьма естественно, что служилые люди этих уездов поспешили прежде других овладеть землями в новом крае. Весьма вероятно, что подобное стремление встречало сочувствие и со стороны правительства, которому было выгодно водворять здесь людей, опытных в несении охранной службы, интересы которых вследствие такого испомещения тесно соединялись с интересами правительства, старавшегося о защите окраинного населения, для чего собственно и была построена черта. Помещики Казанского и Тетюшского у.у. в массах начали просить об отводе им земель в новом Симбирском у. За русскими помещиками потянулись и инородцы, которым правительство также охотно отводило здесь земли. В начале 60-х г. г. XVII ст. на службу в Симбирск стали посылать служилых людей из Москвы, предоставивши им право на определенный надел земли в Симбирском уезде. Прибывши на место служилый человек обыкновенно сам отыскивал себе свободную землю и просил местного воеводу назначить земельного отказщика для отвода ее. Назначенный воеводою отказщик отправлялся на порожнюю землю на дикое поле; не доезжая земли брал с собою тутошных и сторонних людей сколько пригоже, распрашивал их о найденной челобитчиком земле и если те показывали, что эта земля ни в поместье ни в оброк никому не отдана и от засечных крепостей в дальних местах, то в таком случае земля отводилась челобитчику. В 60-х г. г. XVII ст. севернее Симбирской черты еще попадалось дикое поле—ковыль и сенные покосы, которые охотно занимаются служилыми людьми, испомещаемыми в Симбирском у. Но подобных пространств становится все меньше и меньше и служилые люди в поисках свободных участков начинают обращать свое внимание на земли, находившиеся за валом на Крымской стороне, где она и отводилась им согласно Уложения, в котором сказано, чтоб украинних городов детям боярским, которые бьют челом государю в поместье на порожние земли на дикое поле, давать из порожних земель из диких полей в соответствии с их окладом. Конечно, сама по себе земля, отведенная помещику, не имела никакой ценности; для того, чтобы она получила таковую ее необходимо было заселить. Заселение производилось путем перевода крестьян из других поместий, принадлежавших служилому человеку, а также и путем приема беглых. О причинах, гнавших крепостное население из внутренних областей государства, мы уже имели случай упоминать и потому на них теперь останавливаться не будем. Правительство не доискивалось до этих причин и не искало средств к их устранению, а ограничивалось тем, что командировало в местности, куда стремился поток беглых, особых сыщиков, которые должны были разыскивать беглецов и после наказания водворять на прежние места. Понятно, что в этом случае интересы правительства и тех

помещиков, которые, чтобы заселить свои земли, принимали беглых, расходились и владельцы старались скрыть от сыщиков своих людей. Известно, что в Саранском у., входившем в Симбирскую черту, в 1662 г. по донесению сыщиков, за дворяны и за детьми боярскими живут многие беглые люди и крестьяне и что саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых крестьян и людей у себя укрывают и таят, а к распросу и к записке к ним сыщиками на с'езжий двор не приводят. Когда же сыщики для подлинного сыску велели саранских помещиков выслать в Саранск и про беглых людей и крестьян взять сказки, то многие саранские помещики и вотчинники в Саранск не идут, а которые де и приехали и они про беглых и крестьян сказок не дают, чинятся непослушны.

Кроме крестьян по черте попадались беглые в лице стрельцов, казаков и посадских людей, которые здесь селились, поступали на службу, отправляя ее в городах и уездах. Гораздо тяжелее, чем русскому человеку из нисшего класса, приходилось в то время инородцам. Воеводы и служилые люди в своих вымогательствах и насилиях относительно инородцев стеснялись еще менее, чем по отношению к русскому населению. Известно, например, что сбор ямских денег до того разорил мордву Нижегородского у., что в 1639 году все племя Терюхан и значительная часть Эрзян, обитавших около Арзамаса, недождавшись летом уборки хлеба, покинули свои деревни и поля, забрали с собой скот и домашнюю рухлядь и рассыпались по дремучим лесам Муромским и Саливарским. Некоторые из них стали уходить вниз по Волге и населяли в Низовье пустые земли монастырей и лиц, сильных своим влиянием при царе. К обидам воеводским со времен Никона присоединилась еще новая беда—насильственное обращение их в христианство. Положение других инородцев—чуваш, черемис и т. д. было, конечно, не лучше, чем мордвы и вызывало такое же бегство. Состав населения Симбирского уезда, сложившегося в значительной своей части из беглых, недовольных порядками, существовавшими на русской земле, достаточно об'ясняет причины успеха здесь движения, поднятого С. Разиным. Это движение на некоторое время задержало заселение края, но не надолго. После наступления успокоения в местностях по черте здесь опять началось усиленное испомещение служилых людей. Среди служилых людей, принимавших деятельное участие в подавлении мятежа, особенно отличились люди выборного солдатского строю Агея Шепелева. В награду за службу эти солдаты были поверстаны на Москве в Приказе Казанского дворца денежным и земляным окладом по Симбирску. Вследствие этого некоторые из солдат, соединившись между собою, приискали себе земли за валом, которые и были утверждены за ними правительством. По примеру этой первой партии с тем же успехом образовывались и другие. Но не только солдаты соединяются между собою и приискивают земли за валом,—служилые люди с гораз-

до большими пожалованиями поступали точно также. Сохранились документы, из которых видно, что лица, поверстанные в Приказе Казанского дворца и на Москве по Симбирску 300, 250, и 200 чет. соединяются вместе по 4 и по 6 чел., отыскивают для себя свободные земли за валом, получают их в поместье описанным выше порядком и заселяют крестьянами, переводимыми иногда из очень отдаленных местностей. Чем южнее занимались и заселялись свободные земли, тем больше правительсту следовало иметь в виду защиту населенных мест от неприятельских набегов, тем более приходилось расширять так называемую станичную или раз'ездную службу. Поэтому ему были на руку челобитные отдельных лиц, преимущественно инородческих, отправлявших уже станичную службу в Симбирском у., когда они, найдя южнее свободные земли, отделялись от своих товарищей и просили отвести эти земли на условии нести станичную службу. Заселение шло так успешно, что по переписи 1678 года одних только крестьянских дворов в помещичьих имениях считалось до 850 и колонизационная волна дошла до так называемой Самарской луки. Заселение луки пошло также быстро и в конце века мы видим уже особый Самарский уезд, занимавший, не смотря на то, что сама Самара лежала на левом берегу Волги, земли по правому берегу и, главным образом, в Самарской луке.

ГЛАВА XV.

Итак, Симбирский уезд довольно быстро заселился и служилое землевладение, перешагнув за черту, начало появляться южнее ее. Защита поселений за чертой была в прямых интересах правительства и мы действительно видим, что оно, как только оказалась в том надобность, приняло в этом отношении те меры. действительность которых была подтверждена многолетним опытом. Подобно тому, как при переполненности населением Тетюшского у. сторожевая черта была выдвинута дальше к югу, было поступлено и теперь, когда оказалось, что пространство, защищаемое Симбирской чертой, стало тесным для вновь и быстро прибывающего населения. Новая черта, как и Симбирская, возникает не сразу, а постепенно. Сначала, как бы ввиде форпоста, выдвигается к югу одинокое укрепление и в 1660-х гг. на р. Суре строится Пенза. До сих пор не выяснен в точности год ее построения, но во всяком случае это случилось около 1666 г. За то мы имеем в своем распоряжении документ, позволяющий судить, каким именно способом было собрано население, обязанное служить в новом городе. Это так наз. строельная книга г. Пензы, опубликованная в Чтениях за 1899 г. В виду редкости подобного рода документов я позволю привести себе некоторые выдержки из предисловия г. Борисова, издавшего книгу. „Так называемые строельные книги, говорит он,

памятники редкие, сравнительно с остальными, доставшимися нам в наследие от XVI и XVII ст.; их насчитывается всего около двух десятков; между тем по своему значению они чрезвычайно важны". Далее Борисов приводит характеристику книг, сделанную проф. Багалеем—„Всякий, знакомый с содержанием переписных книг XVI—XVII в.в., знает, что так называемые строельные книги содержат в себе самый важный материал для истории заселения и, затем, для характеристики сословных отношений и, отчасти, даже экономического быта населения; в истории города они определяют первый основной момент, который не редко предрешает и его последующую судьбу; в них мы находим данные о времени, месте основания города, лицах, занимавшихся постройкой его укреплений, и, наконец, его первоначальном населении; они указывают из каких мест происходили его первые поселенцы и явились-ли они добровольно, или по распоряжению правительства (т. е. были-ли они *сходцами* или *сведенцами*). Помимо всего этого, издание их имеет еще и специальный интерес: они значительно раз'ясняют весьма существенный вопрос в истории колонизации южной степной окраины: кто начинал заселение ее—вольные крестьяне, или служилые люди". К сожалению, пензенская строельная книга, дошедшая в дефектном виде, отвечает не на все, поставленные проф. Багалеем, вопросы. Она дает сведения только по второй части программы, именно о населении, его количестве и происхождении. Население вновь построенного города состояло прежде всего из посада, в котором, кроме собственно посадских людей, числились также конные и пешие казаки, пушкари, сторожа и т. д. Всем поселенцам были отведены земли под пашни и другие угодья. Как видно из строельной книги, мы имеем здесь дело не с добровольной колонизацией, а с принудительным переселением из разных мест. Служилые люди сводились и из Москвы, и из Суздаля, и из Троицкого Острога и т. д. Были здесь и крестьяне и беломестные казаки и черкасы. Но что особенно любопытно,—значительный процент составили ссыльные фальшивомонетчики из разных городов.

Поселение такой значительной массы служилых людей, обязанных нести сторожевую службу, обезопасило окрестности Пензы от набегов и привлекло служилых людей ближайших уездов, желавших получить земли в Пензенском у. Появляются челобитные об отводе поместий в ближайщих к Пензе местах. Наплыв лиц, желающих получить земли в новом плодородном краю, был настолько велик, что пензенская десятня 1677 г. дает нам имена почти 500 чел. детей боярских и других категорий служилых людей, испомещенных здесь. Такое стремление должно было показать правительству важность новых мест для испомещения тех, кому не доставало земель внутри государства, а также невозможность ограничиться для защиты их постройкой только одного города. И вот в конце 1670-х—начале 1680 г.г. возникает

мысль о необходимости заложить здесь новую черту по примеру Симбирской. В 1676—7 г.г. приступают к работам по устройству вала с острожками от Пензы к Ломову. Для береженья пензенского валового дела от воинских людей и для заселения слобод, строившихся по новой черте, переводятся из Инсара, Ядрина, Курмыша и других мест дворяне, дети боярские и недоросли. Этот вал был доделан уже после 1680 г., когда прорыв воровских калмыков, разграбивших Пензенский и Саранский у.у., показал необходимость поспешить с окончанием работы. Черта от Пензы до Ломова имела протяжение около ста верст. Она состояла из земляного вала, прерывавшегося в лесных местах засеками. Сторожевые валы достигали обыкновенно 2 саж. высоты при такой же ширине в своем основании и были увенчаны деревянным тыном на верху и башнями. В некоторых местах валы делались тарасными, т. е. насыпались между двух бревенчатых стен по длине вала. С внешней стороны валы защищались глубокими рвами, образовавшимися при насыпке валов. Засека из срубленных и наваленных в беспорядке деревьев достигала от 40 до 60 саж. ширины. В наиболее опасных местах, а также при дорогах, пересекавших черту, ставились острожки. Одновременно с проведением вала от Пензы до Ломова начато продолжение черты и на Сызрань. В 1681 г. по царскому указу в восточную часть Пензенского у. переводятся служилые люди из Саранска для засечной и сторожевой службы и водворяются на р. Луевке „на проходное место для обереженья от приходу воинских людей." Саранцы образовали товарищество из 50 служб и им в здешних местах отведено было земли не 100 чел. под усадьбы и на пахоту вместе с угодьями. Но едва лишь эти 100 чел. распахали землю и отсроились на Городеще в Налуевской слободе, как от них отделился товарищ их засечный сторож Васька Хлопов и, набрав еще 50 чел. стрельцов и казаков из пригородов и слобод Симбирской черты в засечные сторожа; поселился он с вновь набранными товарищами в особой слободе, на расстоянии 1½ в. от своих прежних сотоварищей. Так населился теперешний г. Городище. Летом 1683 г. симбирскому воеводе кн. Козловскому было поручено набрать полк служилых людей и вместе с набранным полком отправиться к Самарской луке; здесь, подле южной стороны луки, на реке Сызранке велено было построить новый город. В его полку приказано было находиться симбирянам из дворян и детей боярских, из иноземцев, мурз и татар полковой службы, из симбирских и корсунских копейщиков и рейтар, из стрельцов и казаков Симбирской и Корсунской черты; в заключение всем им велено не замотчав иттить для строения того Сызранского города. Выстроен был г. Сызрань на месте, на котором по преданию до того находились мордовские бортные ухожаи; он занимал веселое гористое местоположение между речками Сызранкой и Крымзою, в северной части. Для городской крепости было выбрано самое высокое

место на берегу р. Сызранки; укрепление было кругом обнесено бревенчатою стеною с валом и сверх того было окопано рвом. Для населения нового города в 1684 г. были взяты из Казани и Тетюш 236 солдат с женами и детьми, к которым должны были присоединиться 239 чел. из Чебоксар. Всем им было выдано на дворовое строение по 4 р. на человека „против их братьи переведенцев иных городов, которые переведены в новопостроенные пригороды по Симбирской и по Корсунской черте", и все они были определены на вечное житье в новопостроенный г. Сызрань. В том же году Козловскому „велено солдат новопостроенного г. Сызрани устроить землями вместо денежного и хлебного жалованья", вследствие чего в следующем году им были отведены и самые земли. Одновременно с распоряжением о построении г. Сызрани другой грамотой приказано было селиться тут симбирским казакам, дворянам и детям боярским. При сооружении самого города некий старец Кирилл вместе с некоторыми солдатами просили разрешения построить вблизи города мужской монастырь, чтобы местным жителям, давшим обет, можно было постригаться в нем. Это обстоятельство любопытно в том отношении. что бросает некоторый свет и на историю возникновения монастырей в наших городах. С большей долей вероятности можно предположить, что они возникли тем же порядком, т. е. по почину какого нибудь старца, поддержанного местными служилыми людьми, которым удаленность от населенных мест мешала выполнить очень обычный в старину обет провести остаток жизни в служении Богу. Постройка м-ря в Сызрани была разрешена правительством, которое отвело при этом на пропитание монашествующим более 800 дес. пахотной, лесной и сенокосной земли. Несколько лет спустя южнее Сызрани за 7 верст от нее было построено на Волге новые укрепления—Кашпир, населенное исключительно солдатами. О направлении сторожевой черты от Сызрани на запад точных сведений не имеется; судя по тому, что Сызранская черта проходила через Луевское городище, мы можем предполагать, что она соединялась с Пензенской чертою и вместе с нею представляла непрерывную линию укреплений, защищавших южные части нынешних Пензенской и Симбирской г.г. от вторжений с юга. Быть может, что она и на участке Пенза-Сызрань представляла из себя такую же систему валов, засек и острожков, как и на участке Пенза-Ломов, но до настоящего времени (мне, по крайней мере) нигде не попадалось указаний на несомненно сохранившиеся следы ее. В одной из своих давнишних работ покойный Чекалин описал остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого у., в которых он видит именно следы Сызранской черты *). По словам Чекалина укрепления и городки, составлявшие Сызранско-пензенскую черту сохранились в пределах уезда в числе 4 по левому берегу

---

*) Сарат. Сборн. т. 2, Сарат. 1882, стр. 352 и сл.

Суры в следующих местах: в с. Рус. Труеве, близ д. Средней Липовки, с. Чедаевки и с. Трескина. Первое из этих укреплений не составляет, по его словам, городка в точном смысле слова; оно состоит из двух параллельных валов, расположенных на возвышенном месте над склоном к Суре и отделенных друг от друга пространством в 8 саж. ширины. Длина валов около 120 саж. С обоих сторон этой линии сохранились по длине валов два наруженных рва шириною до 4 саж., глубиною до 1 саж. Самые валы в нескольких местах прерваны узкими перемычками ввиде амбразур.

Следующие затем на 8 верст ниже по Суре укрепления, представляют собою остатки настоящих крепостей, по старинному городков (так, по кр. мере убежден Чекалин). Они расположены на возвышенных местах левого же берега Суры в расстоянии 18 верст по прямой линии друг от друга. 1) „Речной городок" близ д. Ср. Липовки, расположен по обоим берегам ручья того же имени к югу от деревни на 1 версту. На левом берегу ручья, текущего в Суру, в глубоком овраге, находится укрепление ввиде полного прямоугольника, имеющего в длину 130 и в ширину 70 саж. и состоящего из земляного вала, имеющего теперь не более $1^1/_2$—2 арш. вышины и $1^1/_2$ саж. ширины и наружного рва, отстоящего от вала на $2^1/_2$ саж. и имеющего глубину до 1 саж. В этом городке сохранились следы двух ворот: одних с юга и других с запада, шириною в 2 саж. На правом берегу ручья находится второе укрепление ввиде полукруглого, длиною более версты вала, упирающегося своими концами, в овраг, по которому течет ручей, и обведенного снаружи также рвом. Площадь этого полукруглого городка больше и ниже площади лежащего против него через оврага четырехугольного городка. При распашке этих городков было найдено множество разных вещей из оружия, сельско-хоз., домашней утвари и проч., напр. сабли, копья, кинжалы топоры, серпы, косы, ручные жернова, сковороды, корчаги, множество желтых черепков, медные кольца и проч. В числе находок оказалась между прочим железная бляшка с куфической надписью.

2-й городок близ с. Чадаевки состоит из земляного вала, согнутого ввиде упряжной дуги и упирающегося своими концами в р. Суру на 300 саж. выше с. Чадаевки. Расстояние между его концами по воде 70 саж. и от вершины его до воды 80 саж. Южное, лежащее параллельно Суре, колено его имеет 50 саж. длины и перерывы ввиде ворот в городок. Городок этот и до сих пор еще сохранил снаружи ров глубиною до 3 саж.

3-е городище близ с. Трескина расположено в 300 са ж.к северу то этого села и примыкает к р. Суре. Этот городок самый большой из всех присурских городков. Он имеет почти правильную четырехугольную форму. При постройке его строители воспользовались р. Сурою и впадающими в нее двумя оврагами: одним крутым и черезвычайно глубоким на западе и другим меньшим на во-

стоке, проведя между ними параллельно Суре в расстоянии от нее около 400 с. вал и ров около 180 саж. длиною, защищающие городище с южной стороны. Вся площадь его равна приблизительно 20 дес. Вал имеет теперь около 2 арш. вышины и $2^1/_2$ саж. ширины и ров—$1^1/_2$ арш. глубины и 3 арш. ширины. Вал прикрывается в двух местах воротами или в'ездами в городище, отстоящими друг от друга в 112 саж. С давних пор вал, ров и самое городище заросли березовым и дубовым лесом и теперь находятся под выгоном для скота и в поймах. Народных преданий, относящихся к городчам, не сохранилось, что наш исследователь об'ясняет тем, что русское население появилось здесь спустя долгое время после уничтожения черты (целым столетием позже, как говорит Чекалин).

К линии, образуемой городками почти под прямым углом примыкает вал, сохранившийся в пределах Кузнецкого у. почти на протяжении 30 верст и продолжающийся Городищенским уездом к Пензе. В Кузнецком у. он начинается близ с-ца. Неклюдовки на границе Петровского у. и направляясь к северо-западу проходит мимо сел Армиева и Наскафпама, а в 5 верст. ниже с. Сучкина пересекает Суру. В настоящее время вышина вала равна приблизительно $1^1/_2$ арш., ширина до 4 арш. и глубина рвов, вырытых с обеих его сторон,—до 1 арш. При начале вала близ с-ца Неклюдовки расположены два городища, одно из которых и по форме и по величине близко похоже на Трескинское городище. Относительно вала Чекалин затрудняется высказаться положительно и полагает, что он представляет остатки особой черты, независимой от Сызрано-пензенской и устроенной в то время, когда Кузнецкий уезд начал заселяться мордвою, приход которой он относит к более древнему времени, чем появление здесь русского населения. Мысль приписать описанные Чекалиным присурские городки остаткам Сызранской черты очень естественна, т. к. эти городки расположены на прямой линии Сызрань—Пенза. Но, к сожалению, нет никаких прямых исторических указаний, подтверждающих эту мысль, и, напротив, имеется несколько, правда косвенных, соображений, ее опровергающих. Говорю косвенных, т. к. до настоящего времени эти городки не обследованы подробно ни одним археологом, а до такого обследования мы лишены возможности утвердительно говорить о назначении и времени возникновения городков и должны ограничиться в своих выводах только теми данными, которые о них сообщает сам Чекалин. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что все они построены в глухих потаенных местах, среди лесов (часто и сами поросли лесом), окружены глубокими оврагами и т. д. Словом, представляя из себя очень выгодные пункты для защиты от нападения, они не соответствуют по своему положению той роли, которую должны были исполнять острожки, расположенные по черте. Как мы выше видели, вал или засека сами по себе считались достаточным

средством защиты и острожки ставились в таких местах, где невозможно было преградить путь неприятелю ни валом, ни засекой, напр. при речных переправах, или там, где нужно было защитить дорогу, пересекающую линию черты и т. п. Между тем присурские городки построены в таких глухих и крепких местах, которые сами по себе представляли достаточную преграду непринятелю. Выходит т. о., что они имели, как будто защитное, а не сторожевое значение, охраняли от врага тех, кто искал защиты внутри городка, а не давали приют гарнизону, охраняющему окрестные места. Самая форма городков и их величина твкже наводит на размышление. Эта форма так мало подходит к типу обыкновенного русского острожка XVII в что по отношению к Труевскому городищу и сам Чекалин выразил сомнение в том, что оно является остатком городка, бывшего на черте. То же самое он мог сделать и по отношению к Трескинскому городищу, неподходящему для острожка уже по одной своей величине (20 дес.). Такую площадь не покрывали даже и большие города, бывшие ключем черты; Сызранские укрепления имели всего только 290 саж. в окружности; след. даже при условии, что они представляли правильный круг, площадь, охваченная ими, не достигала и 3 десятин. Не много больше 4 десятин занимала и Пенза, укрепления которой по окружности составляли 413 саж. при квадратной форме. Находки, сделанные на поверхности некоторых городищ, показывают, что они были в свое время заняты постоянным земледельческим населением. Несомненно, что это население покинуло городки не после того, как была заброшена черта, а много раньше, так что намять о нем не сохранилась среди современных жителей. Русское население появилось у черты не сто лет спустя после ее постройки, а непосредственно вслед за постройкой укреплений в Пензе, Городище и Сызрани. Далее я приведу несколько примеров, показывающих, как рано возникли русские и инородческие села к югу от черты на степной, ногайской стороне. Все эти селенья благополучно существуют до настоящего времени и нет никаких оснований думать, что крепко осевшее русское населенье городков, обжившееся в них, почему-то покинуло их, а не осталось в них и после того, как городки потеряли военное значенье, чему имется многое множество примеров. Находка бляхи с куфической надписью показывает, что городки были обитаемы в очень отдаленную эпоху, задолго до присоединения края к Росии и запустели они очень давно, так что память о них не могла дойти до познейшего русского населения. Мне пришлось осмотреть один из городков, описанных Чекалиным, а именно городище близ с-ца Неклюдовки, так похожее на Трескинское городище. Осмотр оставил во мне впечатление, что здесь мы имеем дело с одним из приписываемых финнам городков, очень обычных в пределах Саратовского края. Некоторые из них прекрасно обследованы и описаны М. А. Радищевым, а обращих их можно

видеть почти у самого Саратова, всего в 4 вер. расстояния от него. Форма, размер, характер находок, а главное местоположение присурских городков приводят меня к убеждению, что перед нами не остатки русской сторожевой черты конца XVII в., а следы более древней культуры. Я уверен, что подробное археологическое обследование подтвердит это мое предположение. Нельзя, по моему, относить к системе укреплений линии Пенза—Сызрань и того вала, который тянется от с-ца Неклюдовки по направлению к Пензе. Меридиональное направление вала показывает, что он прикрывал местности к востоку или к западу от него и никак не мог служить защитой от кочевнических набегов, направлявшихся с юга на север. Необходимо заметить, что, о подробностях устройства черты на участ. Пенза—Сызрань не сохранилось никаких письменных документов (по крайне мере мне таковых неизвестно). А между тем существуй подобная черта, то при протяжении в несколько сот верст устройство ее, в форме-ли вала или засек, потребовало бы массу труда и времени, а для охраны ее понадобилось бы сооружение нескольких городов и острожков. Отсутствие сведений об этом невозможно об'яснить только утерей относящихся к вопросу документов. Если бы они существовали, то даже при гибели их остались-бы следы или указания в последующих актах. Но ничего подобного мне до сих пор встречать не приходилось. Все это склоняет меня к мысли, что никакой черты на запад от Сызрани и не проводилось, чем и об'ясняется отсутствие ее следов. Симбирская, Саратовская и Пензенская губерния достаточно полно уже обследованы в настоящее время в археологическом отношении и все более крупные памятники старины, которыми богаты эти губернии, если и не описаны детально, то все же известны. Трудно думать, что от любителей старины ускользнули бы остатки укреплений, тянувшихся на сотни верст по местности густо населенной и непосредственно примыкающей к линии железной дороги. Свое предположение о том, что такая черта не существовала, построенное на отсутствии упоминаний о ней в современных и познейших документах, а также и каких либо вещественных следов ее, я мог-бы подкренить еще одним фактом, подмеченным местным симбирским историком А. И. Соловьевым. В своей статье „Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии „он говорит“: Военное значение Симбирска в обороне государства от набегов крымских татар никогда не было значительно, т. ч. эти татары производили свои вторжения в пределы Московского государства со стороны степных городов и в Симбирский край почти никогда не заходили“. С таким заявлением нельзя не согласиться; действительно, о вторжениях кочевников в местности, составляющие теперь южную часть Симбирской губ., в XVII ст. ничего не известно. Дороги, которыми пользовались не только крымские, но и кубанские татары, лежали гораздо западнее и местности, находившиеся к

востоку, примерно, от Городища, пользовались спокойствием от набегов. При таком условии правительству и не было надобности в затрате больших средства на устройство черты в такой местности, где она была бесполезна. Б. м. вместо вала была засека, т. к. местность очень лесистая. На такое предположенье может навести указание Перетятковича (II, 246), что в Азов из Налуевского городища было переведено сразу 198 засечных сторожей. Такое значительное количество сторожей в этом поселении как бы указывает на существование засек на большом протяжении.

Едва только правительством были приняты меры по обеспечению безопасности местностей, лежащих к северу от линии Сызрань—Пенза—Ломов, как оказалась, что правительственный почин в этом деле опять отстал от частной инициативы. Переселенческая волна скоро залила защищенное чертою пространство и перекинулась через него к югу. Черта была закончена только в 1680-х годах, но значительно раньше этого мы наблюдаем стремление к освоению земель, лежащих далеко от нее в дикой степи. Уже в 183 году за саранцем Василием Семеновичем Нееловым было справлено поместье, отказанное ему в Саранском у. „в урочищах дикого поля вверх речки Оксанас по обе стророны на вершинах Окшенских до устья реки Помры и с Устиянских верщин до Окшанае до речки Узы пашни 150 чет. в поле а. в. дву потомуж". В 187 г. тому же Неелову отводится из дикого поля еще 60 чет. примерной земли. (Холмогоров). На отведенной земле Неелов строит себе усадьбу и селит около нее крестьян. По имени владельца поселок получает название „Нееловка". Трудно отожествить с современными урочищами упомянутые в справке вотчинной коллегии речки и другие местности, которыми определяются границы отведенной Неелову земли. Но уже одного упоминания р. Узы достаточно для утверждения, что мы имем здесь дело с отводом земли в пределах нынешней Саратовской губ. К счастью в деле о построении церкви в этом поместье имеются и другие выписки из документов. Эти выписки с несомненностью показывают, что поселок Нееловка, возникший в половине 1670-х г.г., есть родоначальник теперешнего села Степной Нееловки, находящегося в северном углу Саратовского у. Т. о. всего через 9 лет после устройства Пензы служилые люди в поисках за свободными землями двинулись уже на десятки верст к югу в глубину дикого поля. Нет никаких оснований считать Неелова пионером в этом деле, а тот факт, что он продвинулся так далеко на юг, по моему мнению, показывает, что он имел предшественников, осевших ближе к Пензе. К сожалению, документы, касающиеся заселения Саратовского края в такую раннюю эпоху, как XVII век, очень малочисленны и отрывочны. Часть их сгруппирована В. и Г. Холмогоровыми и издана в III т. „Трудов" СУАК. Но Холмогоровы интересовались не вообще материалами, освещающими историю колонизации северной части нашего края, а лишь теми, которые имели отношение к постройке церквей.

Поэтому те русские селения, которые не имели храмов, а также селения инородческие, совсем не упоминаются в собранных Холмогоровыми материалах. Тем не менее они дают не мало данных, рисующих быстрый наплыв русского населения в наш край. Приведу несколько примеров, подтверждающих это. В 197 году отказано Петру да Луке Панкратьевым да Алексею Лаврентьеву Нечаевым да Приказа Казанского дворца подьячему Тимофею Бакшееву в Саранскому порозжая земля в урочищах подле Казачьей дороги подле Кудадеевского лесу и до речки Кудодею речкою Кережимом вверх по обе стороны подле черного кережимовского лесу и в иных урочищах пашни по 200 чет. в поле. На этих урочищах тотчас же возникает поселок, где в 1703 году уже строится церковь во имя Покрова Пр. Бог. и считалась кроме двора помещичьего, священника и дьячка—10 крестьянских дворов. Это теперешний Кряжим Кузн. у. Примеру Нечаевых в 198 г. следуют стольники Воронцов, Щепотов и друг. всего в числе 7 чел., которые просят и получают землю в соседстве с Нечаевыми по речкам Кададе и Тютнярке. Т. о. возникает теперешнее село Анненково Кузнецкого у., где уже в 1711 строится церковь и образуется приход из 10 дворов. В 199 г. подьячий Ив. Неклюдов получает в счет оклада 40 чет. из порозжих земель на р. Узе по обе стороны меж речек Суляевой и Тоштокомяка. В 205 году ему же отводится примерная земля в количестве 80 чет. по р. р. Кондарати и Долгобазану. В то же время и в тех же урочищах отводятся земли и Григ. Петр. Зиновьеву. Возникший на этих землях поселок по имени второго владельца получает имя Зиновьевки и с этим именем существует и доселе, как село Петровского у.

В 201 г. отказано и дано стряпчему Алексею Семеновичу Федорову и Петру Тимофеевичу Евлашеву в Саранском уезде порозжее дикое поле в урочищах с устья речки Сороскула по правую сторону земли Василия Смолкова с товарищи вверх по обе стороны речки Труевки и Труевских вершин в указное число пашни по 200 чет. Этот отвод положил начало возникновению с. Евлашева Куз. у., носящего кроме того имена по местности, где оно поселилось,—Труево и по храму Архангельское.

Одновременно с Евлашевым получают по 50 чет. земли по речкам Нянге, Мордке и Крутцу несколько служилых людей, в их числе Ал—др Григ. Внуков, который поселением крестьян на отведенной ему земле кладет основание нынешнему селу Внукову Петровского уезда.

В 204 г. дается в поместье Никифору Ивановичу Пестрову дикая порозжая земля в Саранском у. за валом на степной стороне на речке Тоштокомяке 100 чет. в поле, где в скором времени Пестров селит крестьян и строит церковь. Это—Пестровка Петровского уезда.

В 205 г. целое гнездо мелких служилых людей во главе с пензенцем Григ. Антон. Ермолаевым получает земли в Пензен-

ском у. за валом на степной стороне с вершины речки Кондоли вниз. Здесь основывается нынешния Ермоловка Петровского у.

По даче 206 г. справляется поместье за Ив. Борис. Варыпаевым в урочищах от р. Узы с устья речки Чардыма. Скоро здесь возникает поселок—теперь с. Чардым Петровского у.

Т. о. уже в конце XVII в. появляется сравнительно густая сеть русских поселков, занимающих гл. обр., нынешние Кузн. и Петр. у. и притом как раз те местности, которые входят в бассейн р. Узы. На связь с этой рекой указывает и официальное название той территории, где расположились первые постоянные русские поселения внутренней части нашего края,—территория получает после того как сложился Пенз. у., наименование Узинского стана. Чем об'яснить, что именно самая неплодородная и малопригодная для полеводства часть края как раз и привлекла к себе прежде всего служилых людей, наперерыв спешивших захватить здесь свободные земли. Думается, что это об'ясняется единственно близостью Узинского стана, будем называть его так, к уже густо населенным окрестностям Пензы.

Той же близостью определяется и первоначальный состав служилых людей, освоявших для русской земли северную окраину нашей области. Изданные А. Барсуковым „Десятни Пензенского края" и другие источники с несомненной очевидностью позволяют установить, что, если не все, то большинство новых помещиков Узинского стана происходили из служилых людей как самой Пензы, так и ее пригородов. Получивший в 205 г. на р. Кондоле 40 чет. земли Гр. Ермолов в самой выписи, приведенной у Холмогорова, назван пензенцем; Евлашевы значатся в Атемарской десятне 1669—70 г.г.; целое гнездо Нечаевых значится как по самой Пензе, так и по ее пригородам; тоже нужно сказать и про Внуковых; Кондр. Афон. Булгак, получивший землю вместе с Внуковым по р. Нянге, служил по выбору в Атемаре,—отец его товарища Григ. Галабурды—Федор Г. вместе с другими иноземцами сначала был верстан по Саранску, а затем служил по Атемару; Борис Ворыпаев, отец того Ив. Бор., который положил начало с. Чардыму Петровского у., также служил по выбору в Атемаре и т. д. Эта близость первозасельников Узинского стана к Пензенскому краю позволяет нам сделать и правдоподобную догадку о том, откуда явилось и крестьянское население этого края. Несомненно, что оно было выведено помещиками из тех деревень, которые принадлежали им на старом месте их жительства, т. е. из пределов нынешней Пензенской губ. Более скудны данные о времени возникновения первых инородческих населений в нашем крае. Большинство местных исследователей, касавшихся этого вопроса, оперировали не с документами, а с преданиями и рассказами сторожилов. Нет ничего менее надежного в таких случаях, чем память людская, а в особенности рассказы старожилов крестьян. Если просмотреть изданное когда-то нашим губернским земством статистическое описание губернии по уездам,

где, между прочим, приводятся указания и на время возникновения поселений, то бросается в глаза тенденция расказчиков преувеличивать древность своего родного селения. Нередки указания на то, что такое-то селение возникло „лет за 300" до времени составления описания, т. е. в XVI в., задолго до постройки Саратова и Царицына, когда заведомо в нашем крае еще не было ни одного постоянного поселения.

Документальные данные о времени появления у нас инородцев очень скудны—еще скуднее, чем документы о появлении русского служилого землевладения. Но эти документы, насколько мне известно, никоим образом не подтверждают мнения о большей древности инородческого населения нашего края по сравнению с населением русским. Единственное, что можно утверждать на основании дошедших до нас письменных памятников—это то, что мордва и татары появились в северной части правобережья нашего края одновременно с русскими помещиками. Начнем обзор документов по этому вопросу с тех из них, которые имеют отношение к появлению у нас мордвы. Холмогоровым напечатан указ на имя Петровского воеводы Корта (стр. 253—55) от октября 1703 г. об отводе земли мордве д. Захаркиной „Били челом нам, великому государю, говорится в указе, деревни Захаркина мордва Сава Алфимов с товарищи: в прошлых де годах сошли они из Алаторского уезда в Пензенский у. в. д. Захаркину, а пашни и сенных покосов у них нет ничего и кормиться им нечем, а есть новопостроенного города Петровского в округе за раздачею и за устроением служилых людей порозжая нераспаханная земля многая" об отводе которой они просят. „А в Алаторском уезде, продолжают мордва, жили они мордва в тягле, а земли под ними было малое число и на той де земле жить им было и тягла платить нечем, а те тяглы платят с той алаторской земли всякие родственники их, которые ныне живут на той земле, сполна". Ходатайство Алфимова с товарищами было удовлетворено на условии, что они будут „оброк платить... против иных их братий".

Несмотря на неопределенность и заманчивость для всяких догадок выражения челобитной „в прошлых годех" мы не в праве отодвигать эти годы к очень отдаленному прошлому от времени подачи челобитной. Уже то обстоятельство, что мордва еще в 1703 г. была неустроена в земельном отношении, показывает на ее недавнее переселенье в новый край. Лично я склонен относить это переселенье к эпохе не ранее последнего десятилетия XVII в., скорее даже к концу его, ко времени после устройства Петровска, т. к. челобитчики ссылаются на то, что за отводом петровским служилым людям осталась свободная земля, которою они и желали-бы воспользоваться. Для меня лично очень мало убедительно мнение Минха о появлении мордвы в Петров. у. еще в XVII в. Свое мнение он основывает на том, что ясашная мордва „нынешнего Петровского уезда", по его словам, в 206 г. возили лес на постройку Петровской крепости (Труды XXIV, 101).

Но подлинный документ говорит нам не о мордве Петров. у., а об ясашных Пензенского у. При крайней неопределенности границ Пензенского у. и его обширности нет никакой возможности установить, откуда были эти возчики. Мы знаем из примеров постройки укреплений на других чертах, что рабочие сплошь и рядом рекрутировались из очень отдаленных местностей. Также мало за древность мордовских поселений говорит и отрывочный д—т, приводимый Минхом (там же, 109) об отводе земли мордовскому мурзе Нехорошу Тятину. Документ упоминает того же воеводу Корта, бывшего в Петровке в начале XVIII в., и, не нося в себе никаких больше хронологических указаний, говорит только об отводе просителю и его товарищам, всего в числе 50 чел. по 25 чет. в поле. Несколько раньше, но все же в самом конце XVII в., появились мордовские поселения в пределах нынешнего Кузнецкого уезда. Из д—в, напечатанных Холмогоровыми (7, 8), видно, что по отказным книгам 196 года мордвин Онашко Несмеянов с товарищами владели пахотной и оброчной землей, на которой и заселили две деревни—Камешкир и Шаткину.

Вот в сущности и все документы, касающиеся вопроса о появлении мордвы в нашем крае и только на основании их мы и имеем право строить какие бы то ни было выводы. Эти выводы будут соответствовать скудости имеющихся в нашем распоряжении источников и сводятся к следующим немногим положениям: мордва поселилась в нашем крае не раньше 1680—90-х г.г., причем пришла сюда с севера (ис Алаторского у.). Причиной переселения являлся недостаток земли на родине, почему они и оброчили свободные казенные земли теперешних Кузн. и Петр. у. у. Никаких указаний на то, чтобы мордва селилась у нас в качестве служилых людей для защиты от кочевнических набегов, в документах не имеется. Покойный Ѳ. Ѳ. Чекалин посвятил вопросу о заселении Кузнецкого у. специальную статью, напечатанную во II вып. Саратовского сборника под заглавием „Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда“. В названной статье он приходит к тому выводу, что „великоруссы явились последними по времени насельниками уезда и этим об'ясняется то обстоятельство, что многие живые урочища в нем, как, например, все главные реки—Кадада, Каслей, Уза, Калдаис, Тютняр и др. и даже многие чисторусские селения, как, напр., Камешкир, Чибирлей, Сюзюм, Аряш и др. носят несомненные, мордовские, татарские и даже чувашские названия“. Дело лингвистов, конечно, решать какой из существующих или же исчезнувших народностей, принадлежат первоначально эти, в течение веков, изуродованные названия. Но, судя по одному месту Книги Большого Чертежа (144) видно, что они были в ходу задолго до появления какого бы то ни было населения в Кузн. у. „А сверху от Волги, гласит книга, пала в Суру река Ланкодода, а в Ланкододу пала река Агилкодода“. В Ланкододе мы без труда узнаем Елань—Кададу позднейших документов.

Что касается татар и чуваш, то в моем распоряжении пока нет ни одного достоверного документа, указывающего на возникновение поселений этих категорий инородцев в нашем крае еще в XVII в. Правда Харизоменов в своих материалах по четвертному землевладению (Сарат. Сборн. II) приводит некоторые выписки из жалованных грамот на землю, выданных татарам еще в половине XVII в. в уверенности, что те местности, о которых говорится при определении границ жалуемых земель, находятся в пределах Кузнецкого у. Но это результат очевидного недоразуменья. Грамоты, из которых приведены выдержки, были представлены в саратовское депутатское дворянское собрание в доказательство дворянского достоинства просителей, а не в подтверждение их прав на землю. И хотя те фамилии, которые упоминаются в документах, во время разбора дела и жили уже в Кузн. у., но земли, упоминаемые в них, лежали по р. Исе в Пензенской г. Вообще, мне не попадалось ни одного татарского документа на пожалование земель в Саратовской г., который восходил бы ранее, чем к началу XVIII ст. Единственное исключение в данном случае представляет приводимые Холмогоровыми (стр. 87) указания, что по Кададе и Тютнярке была в 193 году отказана земля мурзам, татарам и мордовскнм мурзам д. Пенделки.

Тоже нужно сказать и про чуваш, следов поселения которых у нас до XVIII в. не встречается.

Одновременно с заселением бассейна р. Узы, которое, как мы видим, направлялось с севера, из Пензенского края, мы наблюдаем и начало заселения р. Терешки, т. е. нынешних Хвалынского и Вольского у. И здесь в деле колонизации первым пионером, насколько можно судить по скудным сведениям, явился все тот же служилый русский человек XVII в., который в поисках за свободными землями на юго-восточной окраине так напоминает великорусского крестьянина XIX в., с той же целью забредавшего чуть-ли не в глубь Китая. Так, в 1700 г. за симбирянином Ив. Вас. Куроедовым справлено поместье, которым он владел по отказным книгам 201 г., „что ему отказано с товарищи порозжая земля дикое поле в Симбирском уезде в урочищах по речке Ардавате по обе стороны... до Терешкиных вершин и до Канадейского устья и вверх по Канадею“. Для отвода порожних земель в Симбирском у. выработался к этому времени уже определенный порядок. „После наступления в здешней стороне спокойствия, говорит Перетяткович, (II, 210—211) началось усиленное испомещение в ней служилых людей, которые приходили в Симбирск отовсюду из России. Большей частью в отказных грамотах говорится, что такой-то служилый человек, на основании 40-ой статьи 16-ой главы Уложения, поверстан на Москве в Приказе Казанского дворца; великого государя жалованье оклад ему учинен (такой-то) и по указу велено написать его в поместном и денежном окладе в Симбирскую десятню в служилой список. Такой служилый человек, или же иногда целая группа их, при-

ходила в Симбирский уезд и здесь сама разыскивала за валом на Крымской стороне порожнюю землю, дикое поле, которое в поместье и на оброк никому не отдано; после этого переселенцы обращались к Симбирскому воеводе с просьбою назначить отказщика, который бы им отвел землю, найденную имн, с угодьями. Воевода выбирал кого либо из местных служилых людей („Симбиренина“), которого нередко вместе с подьячим отправлял в те места, где находилась найденная челобитчиками земля. Отказщик должен был обыкновенно „не доезжая той порозжей земли, взять с собою тутошних и сторонних людей, старост, целовальников и крестьян, сколько человек пригоже, и около той порозжей земли сыскать (иногда прибавляется—большим повальным обыском) русскимн людьми по святей непорочней евангельстей заповеди господней, а мурзы и татары и мордвою и чувашею по их вере, по шерти: та земля, о которой бьют челом, порозжая и в поместье и на оброк и в ясак наперед сего никому не отдана, и спору о той земле не будет, и от государевых пашенных земель и от засечных крепостей не в ближних местех и от воинскнх людей уберечься мочно-ль. Если показания вышеупомянутых людей относительно всего этого были благоприятны, то найденные земли с угодьями отводились челобитчикам, сообразно указу и статьям Уложенья и отмежевывались от соседних земель“.

Т. к. описанный Перетятковичем порядок отвода свободных земель основывался на общем для всего государства законе, то, несомненно, он практиковался не в одном Симбирском уезде. Конечно, и те пензенцы, о которых мы говорили выше, получили свои поместья таким же порядком. Это, впрочем, подтверждается и текстом дошедших до нас документов.

Повидимому, заселение долины р. Терешки шло далеко не так интенсивно, как то мы наблюдали в Узинском стане. Симбирский уезд имел, очевидно, больше свободных земель ближе к Симбирску и Сызрани, где преимущественно и испомещались служилые люди. Доказательства этому во множестве имеются в труде Перетятковича, а также в издававшихся Сибирской УАК материалах Приказа Казанского дворца. Благодаря этому обстоятельству пензенские служилые люди явились конкуррентами симбирян по занятию порожних земель в бассейне р. Терешки. Так, в книгах Патриаршего приказа записано: 204 г. по отказным книгам пензенские приказные избы подьячего Клима Попова за Иваном Федоров. сыном Кадышевым, что ему отказано порозжие земли в Пензенском уезде по речке Избалыку и по другим урочищам 100 чет. в поле (Холм. 97). Отец этого Кадышева служил по Пензе и Атемару, да и сам он был пензенцем, что видно из отвода ему земель по распоряжению из Пензы. На землях, отведенных Кадышеву, возникло село Кадышевка Хвал. у. По реке же Избалыку в 203 г. было отказано 350 чет. земли пензенцам Полумордвиновым и Маматовым, положившим начало

селу Избалык. Такое, если можно сказать, вторжение пензенцев в области, лежавшие в бассейне Терешки, повело к тому, что часть этого бассейна вошла административно в Узинский стан Пензенскаго у., что повело затем к большой неопределенности границы между этим уездом и Симбирским, неопределенности, продолжавшейся почти в течение всего XVIII в. и прекратившейся только с открытием Саратовского наместничества и учреждением новых уездов. Чтобы не возвращаться уже к этому вопросу, скажу, что не только соседние селения входили в состав разных у. у. так, что село, бывшее ближе к Пензе, причислялось к Симбирскому у. и наоборот, но даже и одно и тоже селение числилось в разных уездах, что, конечно, было только в селах разнопоместных и зависело от того, что один помещик села получал свою землю по отводу из Симбирска, а его сосед за тем же делом обращался в Пензу.

Мелкий провинциальный служилый человек естественно искал землицы поближе к тому городу, с которым он был связан службою. Только такая близость и давала ему фактическую возможность использовать государево жалованье. Писцовые книги, а также и выписи из них, относящиеся к XVII ст. показывают нам, что такой служилый человек обычно располагал очень малым капиталам для эксплоатации имевшейся у него в действительности или полагавшейся ему поместной земли. Под капиталом я подразумеваю ту живую рабочую силу, которую давали крестьяне и бобыли. Два—три двора крестьянских, да двор задворнаго человека—обычная норма в подобных случаях. С таким количеством рабочих рук нельзя питать широких колонизационных замыслов, нельзя мечтать об обширных участках девственного поля, если эти участки лежат, так сказать, за тридевять земель.

В ином положении находился верхний аристократический слой служилого сословия. Богатство и близость ко власти давали им больший простор выбора и на примере нашего Саратовскаго края мы видим, что этот выбор делался ими умело и в очень широких размерах. Таким лицам нечего было стесняться отдаленностью выбранных угодий, т. к. они располагали и соответствующими средствами к тому, чтобы использовать их. Захватываются лучшие места края именно людьми сильными и в то время, как мелкота жмется по пескам Узинского стана и горам нынешнего Хвалынскаго у., родственник Петра I—боярин Л. Кирил. Нарышкин в 1691 г. получает в свое владение целую Конобеевскую волость, т. е. всю ту область, где были расположены 777 угодий, состоявших в нач. XVII в, на оброке у крестьян Шацкаго уезда. Границы Конобеевской волости была крайне неопределенны, но об обширности ее можно судить как по числу угодий, так и потому, что в состав ее входили урочища, расположенные по Хапру, Медведице, Вороне, Елани с их многочисленными притоками. Неопределенность границ повела впо-

следствии к безконечным тяжбам Нарышкиных с лицами,селившимися на их земле, и из этих тяжеб мы видим, что пожалованная царскому родственнику область занимала добрую половину нынешней Саратовской г., т. к. она простиралась почти от Тамбова и чуть-ли не до самаго Саратова в направлении с зап. на восток, а с севера на юг тянулась от Сердобска и до границ Донской области.

Конечно, пожалованье Нарышкину такой области, по размерам превышающей современную Бельгию или Голландию, об'ясняется исключительной родственной близостью Льва Кирилыча к Петру I. Но и другие лица, близкие ко двору, спешили воспользоваться возможностью обеспечить себя землями в богатом и привольном краю. Так, в 204 г. по челобитью стольника кн. Мих. Вас. Мещерского „дано и отказано ему из Саранска за валом из диких поль с вершины речки Хопра вниз по обе стороны до устья речки Арчады и до устья речки Сердобы и от устья Арчады и Сердобы по обе стороны до вершин и по речке Березовке и по речке Аксаурке по обеж стороны до вершины и с иными впадающими в них речками и притоками и с озерами, полянами и с рыбными ловли и со всеми угодьи пашни на 50 нет. в поле, да сенных покосов на 10000 копен да лес Тогаевский бор. И чтоб ему в той его даче в вышеписанных урочищах что будет примерныя земли, дать в поместье указанное число пашни на 200 четвертей да скотинного корму сенных покосов на 20000 копен, потому что хлебная его деревня, которая была в Саранском уезде за валом, отнята и чтоб то его поместье от сторонних помещиков и отмежевать. И по помете на выписке дьяка Артемья Волкова 207 г. велено про тое землю сыскать повальным обыскам многими людьми и буде по сыску та земля лежит порозжа и никому не отдана—измерить в десятины и положить в четверти, да из той земли дать в поместье в указное число на 200 чети да сенных покосов против дачи по указу кн. Мих. Мещерскому, буде у него прежняя дача отнята. И по указу великаго государя и по наказу думного дворянина Степана Богдановича Ловчикова Иван Степанович Голосеин приехав в Саранский уезд на вершины речки Хопра и в иные урочища, взяв с собою сторонних людей, и про тое вышеписанную землю и про сенные покосы сыскивал. А в сыску обыскные люди сказали: с вершины речки Хопра вниз идучи правая сторона до устья речки Арчады с малыми речки и с поляны порозжая земля в дачах и в урочищах кн. Мих. Вас. Мещерского, а не заповедных земель. А по досмотру та земля от Саранска за городом Мокшанским—от Мокшанска верст с 50, а от Саранска верст со сто и больше (Холм. 187). Примеру кн. Мещерского последовал в том же 204 г. стольник кн. Ив. Ив. Долгорукий, получивший земли по Хопру и Арчаде, рядом с дачей кн. Мещерского и в таких же обширных границах, (Холм. 151).

Итак мы видим, что с конца XVII в. начинает наблюдаться усиленный захват земель в нашем крае со стороны не только рядового служилого люда, но и верхов этого класса, вплоть до придворной аристократии. Последнее обстоятельство показывает, что пустующие до того земли на юг от Пензенской черты уже стали привлекать к себе широкое внимание. Конечно, теми, кто стремился к овладению свободными землями у нас, руководило не одно простое желание стать владельцами земли, что наблюдали мы до последнего времени хотя-бы у приобретателей т. наз. дачных участков около Саратова; нет никаких оснований предполагать и тендецию поспекулировать полученными в поместье землями. Земли эти сделались желанными потому, что явилась возможность эксплоатировать их, получать с них доход. Доход мог извлекаться только в одном виде—в форме прямого использования полученной земли заведением на ней хлебопашества. А для этого требовалось поселение в поместьях крестьян и других категорий зависимых людей. Хотя я и не могу подтвердить этого документальными данными, но по самому существу дела несомненно, что многие поселения Кузнецкого, Петровского, а частью и Хвалынского у. у. возникли еще в конце XVII ст. одновременно с тем, как земли, на которых расположены эти селении, были отведены в поместье тому или иному служилому человеку. Я уже говорил о том, что до настоящего времени не обнаружено следов предполагаемого вала от Сызрани к Пензе. Думаю, что таких следов и вообще нет, т. к. уверен, что этого вала совсем не существовало. Колонизационное движение, направлявшееся в наш край с севера сразу приняло такой размах, что пока правительство было занято сначала проектом, а затем частичным осуществлением линии Ломов—Пенза—Городище—Сызрань, переселенческая волна уже перекинулась через эту линию и притом так энергично, что прежде, чем была, напр., построена Сызрань, мы наблюдаем факт отвода поместной земли уже в северной части нынешнего Саратовскаго у. При таком условии постройка линии, вещь дорогая и мешкотная, требовавшая для своего осуществления отвлечения тысяч людей и затраты многих лет упорного труда, теряла свой смысл, т. к. после своего завершения она имела бы русское население, нуждавшееся в защите, не сзади, где она могла такую защиту оказать, а спереди. А для защиты этого, выдвинутого на юг населения, она была-бы бесполезна.

Между тем, по прежнему, безопасность поселенцев на юго-востоке далеко не была обеспечена. В 1680 г. татары совершают набег на нашу украину, доходят до Пензы и сжигают лежащие кругом этого города слободы. Бывший саратовский воевода Исупов в своей челобитной о предоставлении ему воеводской должности в Тюмени, перечисляя все свои подвиги, говорит: „А в прошлом во 189-м году был я холоп ваш на вашей великих государей службе на Саратове воеводою год четыре месяца.

И будучи.... на той... службе... служил вам, вел. гос., как Богу: в три посылки небольшими саратовскими ратными людьми я, холоп ваш, крымских и азовских татар и воровских калмык службою своею и радельным промыслом многих побил и в языцех взято одинадцать человек". В 1693 г. последовал новой набег кочевников, опустошивших наш край. Между прочим, пострадал и самый Саратов, окраины котораго были вызжены. Если верить Шахматову, то в память спасения нашего города от окончательной гибели был установлен крестный ход, существовавший очень долго. Несомненно, что только что перечисленными случаями такие „приходы воинских людей" не ограничивались и в архивах найдется и еще не мало примеров, подобных приведенным. Укажу еще только на один из имеющихся под руками. В 1702 г. помещик Лев Бузовлев жаловался на неправильное межеванье петровского воеводы Корта. В этой жалобе он говорит, что населил свою деревню (теперешнее село Бузовлево Петровского у.) задолго до основании Петровска „деревню свою поселил прежде построения того города Петровского за многое время и от бесхлебья нужду и от воровских и воинских людей страх и раззорение он Лев и со крестьяны своими терпел многое время".

Т. о., перед правительством опять вставал старый, но вечно жгучий, вопрос о принятии мер к обеспечению безопасности вновь и быстро заселявшейся украины. Вполне естественно, что и на этот раз оно обратилось к испытанному уже средству, а именно к устройству сторожевой черты по южной границе вновь заселяемой области. В 206-м году по именному государеву указу было „велено меж Саранска и Пензы на р. Медведице сделать город, чтобы впредь в украинние города и тех городов в уезды и села и в деревни, которые поселились вновь за чертою Симбирскою и Пензенскою и Ломовскою и Пензенскою и Шацкою и иных городов, воинские люди не приходили и раззорения никакого не чинили". Построенный согласно этого распоряжения город—это Петровск-Саратовский. Приведенная цитата взята из грамоты патр. Адриана о постройке в новом городе церкви во имя св. св. Бориса и Глеба от 6 ноября 7206 г. Из этого видно, что царский указ последовал еще осенью 1697 г., но, повидимому, к фактическому исполнению его приступлено лишь с весны следующего 1698 г. и, т. о, петровцы были правы, празднуя в 1898 г. двухсотлетний юбилей своего родного города. Этому событию посвящена брошюра нашего саратовца Н. Е. Кушева, где и рассказывается подробно, на основании материалов, бывших в распоряженни автора, история возникновения и дальнейшей жизни Петровска. С того времени в научный оборот поступили кое какие новые материалы, частью опубликованные, а частью хранящиеся в местном историческом архиве. Эти материалы дают возможность во многом пополнить и расширить брошюру д-ра Кушева, Такую работу нельзя не признать полезной и интересной хотя-бы уже потому, что Петровск принадлежит к числу

тех немногих поселений нашего края, которые возникли еще в XVII в.; а сравнительное обилие материала дает возможность более полно, чем по отношению к другим нашим городам, изложить его историю. Но в данное время мы не будем останавливаться на деталях „петровской" истории, а привлечем ее к своему изложению лишь постольку, поскольку она имеет прямое отношение к нашей теме.

Петровское укрепление было построено по типу обычных окраинных укреплений XVII века. Сохранилось довольно подробное описание петровской крепости, уничтоженной за ненадобностью только в конце XVIII ст. По этому описанию, которое мы заимствуем из официального документа, в Петровске был сооружен: „кремль дубовый, срублен в две стены; в стенах 8 башен, крыты оные стены и башни тесом; в том числи 5 башен безверхие, первая—угольная к озеру, да две к степи Саратовской, средняя проезжая да угольная, да близ оной проезжей башни шесть звен от ветхости бревна вывалились, да от Саратовской проезжей башни—средняя угольная; да близ той проезжей башни к Саратовской степи—средняя башня. В проезжих двух башнях у ворот да у прикалитка засовы железные, три замка с ключами; да у средней башни к озеру прорублены двери — у дверей пробой и замок. У передних и у задних ворот караульни. Вкруг кремля ров, вкруг рва рогатки". (Голомб).

Как видно из одного д-та, правительство было очень озабочено скорейшим окончанием постройки города, которая, повидимому, по каким-то причинам затянулась. В 1699 г. думный дворянин Ст. Богд. Ловчиков писал воеводе Вестову: „В нынешнем в 207 году апреля в 1 день писали мы к тебе в новопостроенный город Петровской, что Пензенского уезда ясашные мордва недовозный тес, который не довозят в прошлом в 206 году на крышку того Петровского города, довезли-ль и сколько того тесу привезено и в котором месяце и числе и город Петровской весь-ли покрыт или не докрыт—и буде не докрыт—на скольких саженях того города не докрыто. И апреля по 18 число нынешнего 207 года о том ты к нам не писывал. И в нынешнем же в 207 году апреля 16 день в грамоте великого государя..... писано к нам: велено город Петровской, чего не доделано, доделать как мочно, хотя переведенцами... и о доделке того города и о пушках велено нам учинить по тому.... указу и по нашему рассмотрению. И буде Петровской город еще не докрыт и недовозный тес... мордва... привезли.... велеть тот город Петровской докрыть переведенцами, ни мало не замотчав". Далее содержатся некоторые небезинтересные подробности об устройстве укрепления, причем опять ясно желание поскорее покончить с их возведением. „Да по указу же великого государя велеть тебе около селитьбы и слобод селить крепости: с пензенской стороны выкопать ров, а землю из того рва выметав класть к реке Медведице, вместо валу, полбизко от того рва. Да с пензенской же стороны

построить надолбы от рву саженях в двух или трех, по своему рассмотрению, а на рву по углам поставить башни и около их велено выкопать рвы и построить около тех башен надолбы ж, да посреди башни проезжую и на те башни поставить по пушке, а лес на те башни велеть вывести переведенцами. А по весне будут переведенцы в прибавку". (Тр. СУАК, I,507—8). Желание правительства видеть как можно скорее готовым новый город объясняется тогдашними условиями общегосударственного положения. Заветная мысль Петра I стать твердой ногой на берегах открытого моря осуществилась в конце 1690-х г.г. и ему в 1696 г. удалось овладеть после войны с турками г. Азовом. После овладения этой крепостью пришлось позаботиться о закреплении ее за Россией, для чего наиболее рациональной мерой было, конечно, заселение его русскими и снабжение достаточным гарнизоном. Поэтому последовало распоряжение, чтобы „служилые люди, казаки, засечные сторожа и станишники из низовых городов—Симбирска, Саранска, Инсары и Пензы, которые в уездах тех городов были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007, с женами и с детьми переведены были на вечное житье в Азов"; при этом из одного только Налуевского городища переведено было в Азов 198 засечных сторожей (Перет. II, 246). Т. о., черта Сызрань—Пенза—Ломов была в значительной мере обнажена от служилого элемента. Такое обнажение быть может и заставило правительство подумать, между прочим, и о постройке как можно скорее новых укреплений к югу от черты. Мы знаем, что одновременно с Петровском на Медведице строится и Павловск на Хопре.

Понятно, что постройка одного Петровска ни в какой степени не могла служить защитой обширного и, как мы уже видели, густо заселенного края, лежавшего к северу от него. Поэтому мы наблюдаем тоже явление, с которым имели дело при рассмотрении подробностей устройства защитных линий Симбирской и Сызранской, а именно—заселение одновременно с устройством главного укрепления (в данном случае Петровска) и ряда слобод, населенных служилыми людьми, обязанными нести сторожевую службу. Слободы эти располагаются так, чтобы из них образовалась линия непрерывных военно-пограничных поселков. Поэтому еще до окончательного устройства Петровска упоминаемый выше Ловчиков посылает в 207 году некоего Кондратья Булгака „на р. Медведице... осмотреть угожих крепких мест с пензенскую сторону, где-б можно построить слободы". Булгак исполнил свое поручение и представил по началству свои соображения. К сожалению, д-т, из которого я беру эти подробности, дошел до нас лишь в копии $^1/_2$ XVIII в. и, повидимому, сильно искажен при переписке (Тр. СУАК, I, 513). Как можно понять из этой копии, 1-е место „угоже и крепко" Булгак нашел на р. Сердобе, вокруг которого „земли на пашню и сенных покосов и на всякое строение дворовое и на дрова лесу на сто на пятдесят служб на

многие годы довольно будет". Другое пригодное место нашлось при впадении в Сердобу речки Бакура, где по расчету Булгака всяких угодий должно было достать на 200 служб. Третье место намечалось при впадении в Сердобу Камзалы; четвертое—на устье речки Иткары. Последующие документы показывают нам, что не все предположения Булгака были приняты во внимание. Не на всех намеченных им местах были устроены слободы, а с другой стороны мы видим возникновение слобод в таких местах, о которых в доезде Булгака не упоминается. По переписным книгам Петровского у. 1723—1725 г. (Тр. СУАК, II, 2;252) мы находим кроме самого Петровска четыре слободы, заселенные служилыми людьми, а именно: Сердобу (ныне с. Б. Сердоба), Еткару (г. Аткарск)—в местах, намеченных Булгаком, затем Вершаут к с. в. от Петровска и сл. Бурацкую в верховьях Медведицы (ныне с. Ст. Бурасы). Последняя слобода была поселена „на реке Медведице под Бурацким лесом на приходных местах воровских воинских людей".

Население Петровска и новопостроенных слобод было взято оттуда-же, откуда вербовалось население и для Азова, т. е. из городов и слобод Симбирской и Пензенской черты. "Которые в тех слободах за теми азовскими переведенцами остались третчики и половинщики, говорит документ, и тех велено перевесть на вечное житье в новопостроенные городы:—на Медведицу в Петровской, да на Хопер в Павловской" (Перет. II, 247). Более подробных сведений о том, откуда именно вербовалось население этой новой *Петровской* черты (будем пока называть ее так), в нашем распоряжении не имеется, но, принимая во внимание указание приведенного документа, предание о том, что первые жители Петровска были выходцами из Пензы, Саранска, Инсары, Мокшана и т. д., передаваемое Леопольдовым, является вполне правдоподобным. Равным образом нет в нашем распоряжении цыфровых данных и о том, как велико было первоначальное население линии. Такие данные имеются лишь по отношению к сл. Сердобе, а именно д-т, хранящнйся в местном историческом архиве (Сенат. № 226, л. 4). Из этого д-та видно, что сердобинцам земля была отведена на 50 служб. Данные о населении слобод во время производства 1-й переписи не могут быть привлечены в этом случае, хотя по времени и близко подходят к моменту первоначального заселения, будучи отделены от него промежутком всего в четверть века. Но в этот небольшой промежуток времени заселение нашего края, как увидим далее, шло так интенсивно, что цыфры 1-й переписи не дают никакого понятия о числе первоначального населения. Во всяком случае и число первых переселенцев не могло быть незначительным, т. к. при этом теряло бы смысл и все устройство линии. По тому же преданию, записанному Леопольдовым, служилые петровские люди, т. наз. пашенные солдаты, составляли четыре роты. Не может служит руководством в данном случае и распоряжение кн. Голицына, который,

возвращаясь в 1699 г. из Камышина, приказал С. Б. Ловчикову „против новопостроенного города Петровска к мосту по р. Медведице построить слободы и поселить солдат 1000 служб с пензенской стороны и чтоб было на всякую службу по 3 человека“ (Тр. СУАК I, 510). Если бы распоряжение Голицына было исполнено, то население слобод, образовавшихся около Петровска, состояло-бы сразу из 3000 душ м. п., а между тем и через 25 лет в Петровске не насчитывалось и половины этого количества мужского населения.

Новые переселенцы, призванные для несения тяжелой и ответственной окраинной службы, повидимому, не получали никакого денежного жалованья (указаний на это пока не встречалось), но взамен этого были очень щедро наделены землею. По крайне мере, „станичные“ солдаты (как они сами себя называют) Сердобинской слободы получили на каждого по 25 чет. в поле, не считая леса и сенных покосов. На самом деле количество земельных угодий, отведенных переведенцам, было еще больше, т. к. межеванье производилось без всякой скупости. В 1699 г. кн. Б. А. Голицын, упоминаемый выше, по челобитью пахотных солдат приказал тогдашнему петровскому воеводе Вестову „отвести им землю на пашню и на сенные покосы и с рыбными ловлями и с сенными покосы и со всеми угодья на четыре стороны, кроме выпуску, по 20 верст, да на выпуск на 4 стороны по 2 версты“. Согласно этого распоряжения было отмежевано к городу огромное пространство земель—по тогдашнему исчислению было 400 т. десятин пашни и покосов и около 25 т. десятин леса. На всем этом пространстве было запрещено отводить землю помещикам, что дало потом повод к разным тяжбам, но изложение их относится уже к внутренней петровской истории, которой мы касаться не будем.

Служба, которую должны были нести невольные поселенцы, была, повторяю, далеко не легкою. Уполномоченный петровских солдат сержант Тихонов в своей челобитной, писанной в 1702 г., говорит: „в прошлых годах переведены они из разных городов и слобод в Петровской город и с женами и с детьми на вечное житье и служат великому государю солдатскую службу ближнюю и дальнюю и в степь для проведывания воровских воинских людей ездят почасту и на от‘езжих караулах на проходных (д. б. местах) воровских воинских людей человек по 30 и 50 с весны и до осени стоят“.

Один петровский старик, помнивший будто бы еще Петра I, рассказывал Леопольдову: „бывало поедем в поле на работу—вдруг сторожевые на башнях выставляют знак на длинных шестах или бьют в набат, извещая, что едут кубанцы, Мы с поля опрометью домой, запираем ворота крепости, засыпаем их землей, стреляем с башен из пушек, ружей и луков. Враги не отваживались на штурм: поездят вокруг крепости и удалятся. Так часто мы отсиживались в крепости от этого поганого на-

рода". (Летопись, 60). Мало вероятия, конечно, чтобы расказчик сам мог наблюдать все это, т. к. время, когда Леопольдов слышал его, отделено от эпохи последнего кубанского набега промежутком около 120 лет. Но все же в рассказе чувствуется правда действительного переживания. Очевидно, у стариков начала прошлого века предания еще были живы в памяти по рассказам их дедов.

В Московском Архиве Юстиции хранится донесение казанского губернатора Апраксина Петру I, которое тоже довольно хорошо рисует службу петровских станичников. „В нынешнем 1709-м году, пишет Апраксин, из верхних казацких городков с Медведицы и с реки Терсы воры злодейственным своим вымыслом на Саратовской степи близ города Петровского стояли станом и разбои и грабежи всяким проезжим людем чинили и хотели воровство свое умножить. И о том воровском их сборе уведав я, что они такое воровство чинят, велел на тех воров итти с твоими государевыми ратными людьми из Петровского дворянину, которому город приказан, Александру Жмакину, чтоб их воровское собрание разбить и искоренить. И в нынешнем же 1709-м году марта 21 день писал ко мне в Казань из Петровска Ал-др Жмакин, что он с *петровскими служилыми людьми* на тех воров ходил и на степи, где они своим воровским собранием стояли, разбил и всех их воров со многим боем с пушечною стрельбою и умножить тем ворам злодейства своего не дали и из них трех человек со многими заговорными воровскими письмами взяли живых. И те воры бився с теми петровскими служилыми людьми трех человек солдат убили до смерти из пищалей". Из распроса взятых в плен трех человек выяснилось, что их шайка занималась не только грабежом проезжих, но собиралась из-под Петровска ехать „для раззоренья сел и деревень в Русь". Это намерение не осуществилось благодаря доблести Жмакина и его служилых людей. „И ныне в тех местах никакого воровства нет" прибавляет Апраксин. Подобные схватки были, повидимому, обычным явлением, т. к. наградив Жмакина 50-ю рублями, губернатор умалчивает о наградам петровцам, принимавшим участие в экспедиции. Из этого же д-та видно, что не только приходилось наблюдать за кочевниками, но и принимать меры предосторожности против беспокойного люда: вообще разбойников и тех из казаков, в которых еще были живы традиции недавнего, сравнительно, прошлого.

Построение Петровска и заселение служилым людом ряда слобод, приписанных к этому городу, не осталось без влияния на колонизацию нашего края. Часть его, лежавшая к северу от новой линии, была поставлена в условии большей, по сравнению с прежней, безопасности. Эта безопасность немедленно сказалась на усилении колонизации тех местностей, о которых упоминалось выше, т. е. гл. обр. Узинского стана Пензенского уезда. Об этомя сейчас буду говорить, но предварительно мне хотелась-бы, хотя в нескольких словах,

остановиться еще на одном факте, явившемся последствием постройки Петровска, а именно на возникновении в пределах нашего края первой административно-территориальной единицы— Петровского уезда. Старые наши города—Саратов и Царицын не имели поместного служилого люда вокруг себя и поэтому здесь не только в XVI-м, но и в XVII и почти на протяжении всего XVIII в. не было уездов, как это, напр., можно наблюдать в соседней и почти одновременно возникшей Самаре. Не имел уезда и ровесник Петровска-Дмитриевск-Камышин. У нас нет под рукой таких документов, на оснований которых можно было-бы выяснить причину указанной разницы Предположительно можно думать, что такая разница находится в зависимости от того, что заселение Саратова и Царицына совершалось не обычным в таких случаях порядком и контингент первоначальных засельников здесь был иным, чем в других городах, устраиваемых в XVI и XVII ст. Т. о., получилось, что почти вся территория, вошедшая впоследствии в состав Саратовского наместничества, до учреждения этого наместничества находилась в административной зависимости от городов, лежавших за пределами края. Так, говоря приблизительно, Хвалынский и Вольский у. у. составляли часть Симбирского у., Кузнецкий—часть Узинского стана Пензенского у. и т. д. Только Петровск сразу стал административным центром особого округа и, т. о., его уезд является старейшим в нашем крае. Границы тогдашнего Петровского у. не совпадают с существующими и определяются прежде всего, конечно, положением тех слобод, которые возникли одновременно с ним, для той же цели обороны, и были к нему приписаны. Петровский у. начала XVIII в. занимал пространство земель, лежащих теперь в самом центре северной части Саратовской г., охватывая собой южную половину нынешнего Петровского у., северо-западную часть Саратовского, юго-восточную-Сердобского и северную-Аткарского. Большая часть уезда занята была землями, отведенными городу и слободам. Чтобы покончить с уездом скажу, что сравнительная безопасность, о которой упоминалось выше,, отразилась в смысле заселения и на нем. Уже в начале XVIII в. кроме четырех слобод, населенных гл. образом пашенными солдатами, т. е. Рождественской (Вершаут), Архангельской (Сердобы), Покровской (Бурацкой) и Архангельской (Еткара)—мы наблюдаем возникновение и помещичьего землевладения. По переписным книгам 1-й ревизии в уезде было уже и 3 владельческих деревни: Лисичкино, Камышинка и Никольское (Киселевка). Правда, население этих деревень в общей сложности не достигает и 100 душ мужского пола (89) и в сравнении с общим числом населения уезда не превышает 3%, но все же перед нами сложившаяся административная единица, на территории которой числилось 3067 душ муж. пола, положенных в оклад, и т. о., общее количество населения, считая женщин, а также лиц, не платящих подушного оклада, т. о. духовенства, дворянства и т. д., доходило приблизит. до 7000 чел.

Выше было упомянуто, что сравнительная безопасность от кочевнических набегов, а также, как мы видим, и от излишней предприимчивости русского бродячего люда, сказалось на усилении притока населения в защищенную Петровской линией полосу нашего края. Приблизительно до 1700 г. наблюдаются пока только отдельные случаи испомещения в крае служилых людей, привлекаемых сюда обилием свободной земли. С начала XVIII ст. усиливается тяга не только помещичьего элемента, но и самого крестьянства. Вместе с переведенцами мы видим уже и переселенцев, являющихся не по принуждению правительства или помещика, но по собственной инициативе. Возникшее в самом конце XVII в. Воскресенское-Труево (теперь г. Кузнецк) в 1699 году имело только 15 дворов крестьянских и 5 бобыльских. Меньше чем через два десятка лет, т. е. по переписным книгам 1717—18 г.г., мы видим здесь уже 185 дворов ясашных крестьян и кроме того, что особенно важно для подтверждения выставленного выше положения, *103 двора пришлых кр-н,* явившихся сюда из тогдашних губерний Московской, Воронежской, Нижегородской, Казанской и Петербургской, т. е. во всяком случае, иногда очень издалека. В Сердобинской слободе, первоначальное население которой состояло, как мы видели, всего из 100 служб, по тем же переписным книгам числилось *250 дворов пришлых* людей с 523 душами мужского пола. Явились они сюда также из разных, часто весьма отдаленных, местностей, и по месту своего происхождения распределялись так: *из Казанской г.*—дворцовых кр-н 3 чел., посадских 8 чел., солдат 129, церковников 3 чел.; *Воронежсиой*—дворцовых 165, чел., монастырских 27 чел., солдат 302 чел., ясачных 4 чел., посадских 2 ч., церковных 10 чел., помещиковых 95 ч., *Нижегородской*—помещиковых 7 ч., польской породы 4 ч.; *Московской*—дворцовых 13 ч., мончстырских 4 ч., посадских 5 ч., солдат 9 ч., церковников 5 ч. и не сказавших родины 8 ч. Таким образом, в числе самовольных насельников мы видим чуть-ли не все категории тогдашнего подневольного люда: переселяется сюда и дворцовый крестьянин, не испытавший на себе тяжести крепостного права, бежит из-под барского ига и помещичий крестьянин; ищет приюта и не сумевший устроиться около храма церковник, прячется б. м. от суда или жестокого наказания „не помнящий родства". В с. Сергиевском-Камешкире (ныне с. Русский Камешкир) в 1705 г. было только 10 крестьянских дворов, а в 1717 г,, т. е. всего через 12 лет, считалось одних только пришлых крестьян 137 дворов, не считая легального населения, состоявшего из 149 дворов ясашных кр-н. В Никольском-Шемышейке в 1705 г. мы видим 15 дворов, а через 12 лет—76 дворов, из коих 19 являются пришлыми. (Холмогоров). Подобные примеры являются далеко не единичными.

Думаю, что достаточно и приведенных, чтобы убедиться в том, как быстро росло население поселков, уже существовавших до 1700 года. Но еще более поразительным является рост

числа самых поселений. В Трудах С. У. А. К. А. А. Голомбиовским опубликованы в сводной форме данные 2-й ревизии по тем селениям, которые впоследствии вошли в состав Саратовской губ. Основываясь на этих данных можно положительно утверждать, что все более или менее значительные селения северной части нашего края возникли уже в первые десятилетия XVIII столетия. Так, например, в пределах нынешнего Кузнецкого уезда к этому времени должно быть отнесено возникновение по крайней мере 75 сел и деревень; около 50 сел и деревень были основаны в северной части Петровского уезда и т. д. Попробуем несколько подробнее остановиться на этом обстоятельстве и, поскольку представится возможным, выяснить направление колонизационной волны и те элементы, соединенные усилия которых придали этой волне небывалую до того мощность, едва ли где нибудь кроме нашего края наблюдавшуюся, да и здесь, как будто, впоследствии уже не повторявшуюся в подобных размерах.

Мы уже видели, при рассмотрении первых попыток к освоению нашего края со стороны служилого класса, что такое освоение шло с севера, со стороны Пензы и ее уезда. Пензенские служилые люди были первыми настоящими колонизаторами Саратовского края, по крайней мере внутренней, внеприволжской его части. Симбиряне еще имели перед собой запас свободных земель в сравнительной близости к тому городу, с которым были связаны службой, и с этой стороны к нам проникали только первые слабые ручейки. Тоже явление наблюдаем мы и в рассматриваемый период: главный поток движется со стороны Пензы, то есть главным образом занимается бассейн реки Узы, ядро той территориальной единицы, которая в течении десятков лет была известна под официальным наименованием Узинского стана Пензенского уезда. И в этом потоке главным действующим лицом является все тот же пензенский служилый человек. Так, из 75 сел и деревень нынешнего Кузнецкого уезда, возникших до времени первой переписи, то есть, приблизительно до 1722 года, не менее 42 основаны помещиками. По отношению к другим местностям участие помещичьего элемента будет еще значительнее: образовавшийся с развитием колонизации Завальный стан Пензенского уезда заселяется исключительно помещиками. За помещиком и переводимым им в свои новые поместья подневольным крестьянским населением движется и свободный (свободный только, конечно, относительно) русский земледелец. В составе населения возникающих в начале века поселков мы встречаемся и с так называемыми ясашными крестьянами и монастырскими; идут сюда и пахотные солдаты (напр., с. Сюзюм) наряду с государевыми и дворцовыми (как, например, в Шемышейке); возникают села, состоящие из быв. патриаршнх, а теперь синодальных крестьян (с. Синодское Петр.); появляются даже однодворцы (например, в Павловке, Хвал. у.). Но это свободное и полусвободное русское население

играет незначительную роль сравнительно с той общей массой населения, которое переведено сюда помещиками. Таким образом, выясняется второй факт, а именно, что русская колонизация нашего края рассматриваемого периода по преимуществу колонизация подневольная: край заселяется не переселенцами, а переведенцами. Хотя то, что я только что сказал, и основано на примерах взятых из жизни одного только стана (Узинского), но оно применимо и по отношению к другим областям. Считаю необходимым подчеркнуть этот факт, засвидетельствованный документально, так как в нашем обществе, да и среди лиц, занимающихся местной стариной, сложилось почему то убеждение, что главный контингент первоначального русского населения нашего края образовался из беглых, спасавшихся от тягот тогдашней русской жизни в привольные приволжские места. Как мы видим, документы не подтверждают этого ходячего мнения. И если в дальнейшем нам и придется встретиться с заселением некоторых частей нашего края беглыми, то во всяком случае не в северной части Саратовской губернии, которая уже 200 лет тому назад, была разобрана по рукам, освоена и густо заселена. Беглым нечего было здесь делать: для них свободных земель уже не оставалось. Я говорю, конечно, не об отдельных случаях поселения здесь беглых. Судя по тому, что мы знаем из документов XVII века, нет никакого сомнения, что и узинский помещик также охотно, как и всякий другой украинный землевладелец, давал приют в своей глуши крестьянину, сбежавшему от его собрата из внутренней России. Но о массовом наплыве сюда беглого населения не может быть и речи.

Только за русским переселенцем, и во всяком случае не раньше, как одновременно с ним, двинулась и инородческая волна. Я уже приводил те немногие документальные данные, которые имеются в нашем распоряжении по вопросу о возникновении инородческих поселков у нас в эпоху, предшествующую устройству Петровской линии. Эти данные дают такое впечатление, что о массовом переселении инородцев не может быть и речи. Нам известны только немногие мордовские и татарские деревни, заселение которых может быть отнесено к концу XVII столетия. О чувашах в этот период нет ни одного упоминания; впервые с именем этой народности мы встречаемся уже в начале XVIII века в тяжебном деле о землях города Петровска. Одна из тяжущихся сторон обвиняла воеводу Корта, что он ради своих прибытков разрешил чувашам поселиться на земле, отведенной петровским солдатам. С устройством линии положение резко меняется. Только в пределах одного нынешнего Кузнецкого уезда можно насчитать не менее 10 пунктов с мордовским населением, явившимся сюда в начале XVIII века. На пространстве же Узинского стана за это время по моим вычислениям возникает более 40 мордовских деревень. Татарское население Узинского стана ко времени первой переписи встречается уже в 13 поселках. И, на-

конец, третья группа инородцев—чуваши к этому времени составляют население 7-ми деревень.

При таком наплыве русского и инородческого населения естественно, что земли, лежавшие ближе к Пензе, были быстро освоены и в поисках за свободными участками приходилось двигаться дальше и дальше. Это стремление к свободной земле повело за собою с одной стороны расширение так называемого Узинского стана за его естественные пределы, то есть, бассейн реки Узы, а с другой—возникновение новой административно-территориальной единицы в пределах нашего края, находившейся в зависимости от Пензы. Узинский стан, как мы знаем, получил свое название от реки Узы и имел с нею самую тесную связь, расположившись по ее течению и по течению других речек этого басейна. Но, как мы только что сказали, жажда свободной зели заставила перешагнуть эти границы. Предприимчивые пензенцы проникают в верховья таких речек, которые уже не имеют связи с Узой. Возникают поселения по реке Избалыку—притоку Терешки (например, Безобразовка, Павловка, Кадышёвка, Шаховское, Покурлей), даже на самой Терешке, как например, Кряжим (теперь Вольского уезда). Пензенцы же дают начало таким селам как Базарный Карабулак, Адоевщина, Казанла, Ивановка, Новиковка и т. д. Таким образом, колонизационная волна, направлявшаяся из Пензы, обходит уже сложившийся в то время Петровский уезд с востока, сталкивается с волной, идущей в направлении от Симбирска, и в своем стремлении на юг доходит до Чардыма в 40 верстах от Саратова. В последующий период мы увидим, что она со всех сторон обошла Петровский уезд, который стал как бы островом в этом потоке. Все указанные местности естественно вошли в состав Пензенского уезда, так как инициатива заселения шла из Пензы.

В введении к настоящей книге дана общая характеристика Узинского бассейна. Мы видели, что территория, входящая в состав его, далеко не может быть названа особенно привлекательной в сельско-хозяйственном отношении благодаря суровости климата и большому количеству лесов. Интенсивность заселения ее об'ясняется главным образом близостью к Пензе и направлением течения орошающих ее рек. Зависимость от направления рек как будто сказывается и в том обстоятельстве, что богатейшие черноземные степи, начинающиеся чуть ли не у самой Пензы, но входящие в состав другой речной системы, начинают заселяться сравнительно позже, чем менее в общем привлекательные места по Узе. Я говорю про земли, расположенные по верховью Хопра и его притокам. Но такое положение не могло долго существовать и мы видим, что в начале XVIII века переселенческий поток проник и сюда. И здесь наиболее предприимчивым колонизаторам явился пензенский помещик. Более 20 сел и деревень возникают здесь за первую четверть XVIII века, которые и образуют собою Завальный стан Пензенского уезда. Не

трудно догадаться о причине, почему новый стан получил такое название: ведь он, считая по направлению от Пензы, находился именно за тем валом, который тянулся от этого города в направлении к Ломову. Переселенческий поток в этом направлении встретился однако с другими переселенческими волнами, с освоением земли служилыми людьми из Шацкого, Керенского и Ломовского уездов. Эта конкурренция повела к тому, что Завальный стан далеко не получил такого развития, как Узинский, а с другой стороны, благодаря той же конкурренции, границы его были менее резко очерчены и разные волны, взаимно пересекаясь, создали большую путаницу в этих границах.

Менее интенсивно, как то, впрочем, мы видели и в предшествовавший период, шло заселение Терешанского басейна, естественного продолжения старинного Симбирского уезда. По указанной выше (впрочем, предположительно) причине симбиряне оказались не так предприимчивы, как пензенцы. За время до первой переписи я могу наверное указать только на возникновение одного помещичьего села в этой части края, а именно села Озерок (ныне Хвалынского уезда). Также слаб приток сюда и других категорий русского населения. Так, можно отметить заселение сел. Стригая (Вольского уезда) пахотными солдатами, сел. Елшанки (Хвал. у.) крестьянами Симонова и нескольких провинциальных монастырей, сел. Белого Ключа (Хвал. у.) однодворцами, села Вязовки (Вольск. у.) синодальными и сел. Ст. Яблонки (Хвал. у.) ясашными крестьянами.

Но зато, за указанный период, мы можем наблюдать массовый наплыв сюда инородцев, почти исключительно татар и чуваш. Третья народность—мордва. да и то крещеная, может быть отмечена только в Ст. Яблонке.

Татарами до первой переписи были заселены: Новая Терешка, Средняя Терешка, Ст. Кулатка, Ст. Лебежайка, Ст. Мостяк, Зимницы, Евлейка, Вязовый Гай и Ст. Атлаш.

Чуваши основали: Шняево, Чибирлей, Неверкино, Кунчерово, Исикеевку, Чувашскую Кулатку и Ст. Яблонку. Таким образом, этнографическая физиономия этого края сложилась уже два века назад и до сего времени Хвалынский уезд является по преимуществу инородческим вместе с восточной частью соседнего Кузнецкого уезда.

О заселении нашего края инородцами мы, кроме преданий, сведенных, между прочим, в работах Харизоменова, почти не имеем никаких документальных данных. Но, судя по тому, что татары и чуваши, составлявшие население перечисленых выше деревень, еще в половине XVIII века называются служилыми, а главная масса татар до самого последнего времени владели землею на четвертном праве, можно думать, что появление инородцев в нашем крае, то есть в южной части Симбирского уезда, так наз. Завальном стане, шло тем же порядком, как и в северной части уезда. Эта последняя часть имела густое ино-

родческое население уже в конце XVII века. О причинах появления их здесь Перетяткович (II, 214, 215) говорит, между прочим следующее: „Чем южнее занимались и заселялись свободные земли в Симбирском уезде, тем более правительству следовало иметь в виду защиту населенных мест от неприятельских набегов, тем более ему надобно было расширять так называемую станичную или раз'ездную службу на известном пространстве. Поэтому правительству были на руку челобитные отдельных лиц, преимущественно инородческих, отправлявших уже службу в Симбирском уезде, когда они, найдя южнее свободные и для них удобные земли, отделялись от своих товарищей и обращались к правительству с просьбою отвести им эти земли, обязываясь с своей стороны с новой земли „станишную службу с своею братьею служить по прежнему". Такие товарищества составлялись из одной или нескольких деревень, числом в 5, 10 и 25 человек. Иногда целые деревни станичников, может быть вследствие опасностей, которым они подвергались на месте своего жительства, переходили южнее, на новые более безопасные от нападений места, откуда по старому несли сторожевую станичную службу целой общиной".
Здесь же цитируемый мною автор приводит выдержки из известных ему документов в подтверждение высказанного ими мнения. Так, станичные татары и чуваши д. Сенгилеевки, говоря в своей челобитной, что им на старых местах жить стало *немочно*, просят отвести порозжую землю дикое поле южнее, обязуясь с этой земли нести станичную службу попрежнему. Станичная мордва дер. Кондарати просила правительство отвести им порозжее дикое поле с угодьи и покосами за валом по р. Туварме, принимая на себя тоже обязательство (там же, стр. 215, прим.).

С. Харизоменов в своей статье "Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии" (Труды СУАК, т. II, 62), составленной им на основании данных земского статистического обследования, говорит между прочим, что заселение края служилыми инородцами началось не позже первой половины XVII ст., усилилось в 80-х годах XVII ст. с проведением Сызранско-Пензенской сторожевой линии и усмирением разинского бунта, и окончилось в начале XVIII ст. Такое мнение остается господствующим и до настоящего времени. Но, как мы видели, исторические свидетельства не подтверждают его, а напротив удостоверяют нас в том, что массовое появление инородческого служилого элемента совпадает как раз с той эпохой, которую Харизоменов считает в данном случае предельной, т. е. с началом XVIII ст.

Судя по д-ту, напечатанному А. Н. Минхом (Тр. СУАК, в. 24-й) служилые инородцы получали в нашем крае землю тем именно порядком, какой указан Перетятковичем. Упоминаемый д-т содержит отрывки челобитной начала XVIII ст. мордовских мурз о

том, что поместья за ними нет за их великому государю службу по степи, почему и просят отвести таковую на 50 человек по 25 чет. в поле Из выдержек, напечатанных Харизоменовым, видно, что татары д. Зимниц получили землю по грамотам 1704 и 1718 г.

До сих пор я говорил про освоение нашего края служилыми людьми разных категорий со стороны ближайших к нам местностей—Симбирского и, гл. обр., Пензенского у.у. Природные богатства края, особенно с наступлением относительной безопасности, не могли не привлечь к нему внимания и со стороны помещиков более отдаленных местностей. Я уж упоминал о пожаловании в 1691 г. царскому родственнику Нарышкину огромных пространств земель, гл. образом, по Хопру и Медведице с их притоками. У нас нет указаний на то, делал-ли новый владелец этих земель попытки к их заселению вскоре после пожалования, т. е. еще в XVII в. Но следующее поколение Нарышкиных проявило в этом отношении большую энергию и ко времени 1-й переписи мы видим ряд сел и деревень в пределах теперешних Балашовского, Сердобского и Аткарского у. у., принадлежащих Ал-дру Львов. Нарышкину, как, например, Суверенье, Миткерей, Аркадак, Поворино, в которых считалось несколько сот душ. Т. к. Конобеевская волость, пожалованная Нарышкиным, числилось в Шацком у., то, естественно, и те земли в пределах нашего края, которые были им пожалованы, в административном отношении числились в этом уезде и составили нак наз. 2-ю половину Зелесского стана Шацкого у. К западу от Пензы вал, как известно, шел на Н. Ломов. Судя по тому, что мы наблюдаем по отношению к Пензенскому у. и местностям, лежащим дальше к востоку, можно предполагать, что к северу от Ломовского вала свободные земли были очень быстро освоены и, естественно, что служилые люди Ломовского и Керенского у.у. в поисках за порозжими землями обратили свое внимание на юг. В документах, относящихся до постройки церкви в с. Рузановке (теперь Пяша Сердобск. у.), имеется показания жильца Чевкина (Холм. 118, 119) следующего содержания: „в прошлом 710 году поселились он и другие помещики в одном сельце из разных уездов на вотчинных и на поместных своих землях“ и далее дается перечень этих помещиков. Т. о., в пределах северо-запада нашего края складываются еще две территориально-административные единицы: Завальный Хоперский стан Ломовского у. и Подлесный-Керенского. В первом, кроме только что названной Пяши, в 1-й четверти XVIII в. мы видим следующие селения: Боцманово, Колычево, Урусово, Хованщину, Вертуновку, Гранки, Поливановку и Репьевку; в Подлесном стане: Макарово и Дубасовку. Все почти без исключения чисто помещичьи. Владения Нарышкиных были так обширны, а границы их, указанные по урочищам, так неопределенны, что эти новые поселенцы, б. м. сами того не зная, вторгались в

их владении, что впоследствии повело к нескончаемым тяжбам и, кроме того, создало путаницу в границах станов и уездов. Чтобы убедиться в этом, стоит только проследить по карте расположение переименованых выше сел и деревень.

Для меня представляется весьма вероятным, что в описываемую эпоху освоение земель нашего края шло не только в указанных направлениях, т. е. севера и частью с северо запада, но также и с запада, со стороны Тамбова. Во всяком случае, во время 3-й рев., т. е. около 1762 г., некоторая часть Саратовской г. входила в пределы Тамбовского у. Такое вхождение могло произойти только единственным путем, уже нам известным, именно, отводом земель у нас также и из Тамбова.

Мы видим, что вопрос о том, откуда именно появились к нам служилые люди, перводачники нашего края, довольно полно решается на основании сохранившихся документов. Но обращаясь к вопросу о том, из каких областей русского государства рекрутировалось крестьянские население вновь заселяемых сел и деревень, мы окажемся в большом затруднении. Опубликованные А. А. Голомбиовским сводки 2-й ревизий только в очень редких случаях дают ответ на этот вопрос и чтобы решить его мы должны-бы обратиться к данным 1-й переписи, но они пока недоступны для нас, т. к. лежат еще под спудом в МАЮ. Кстати сказать, одной из ближайших задач исследования прошлого Саратовского края было-бы издание этих данных, хотя-бы в той форме, как это сделал Голомбиовский. В настоящее же время, к глубокому сожалению, приходится ограничиться отрывочными сведениями по отдельным поселкам. Так, население с. Павловки Хвал. у. составилось из кр-н переведенных из Симбирского у., в с. Ст. Лопастейку пришлое население явилось из г.г. Воронежской, Нижегородской, Московской и Казанской; с. Киселевку (Атк.) населили переведенцы из Муромского, Арзамасского, Симбирского и Пензенского у.у. Первые помещики с. Кольчева (Бал.) перевели туда кр-н у.у.: Владим., Гороховец, Пензен., Коломен., Шацк. и Н. Ломов., а в с. Боцманово из у.у.: В. и Н. Лом., Темник., Кадом., Шацк., Козлов., Алатор., Владим., Керен. Первоначальное население с, Пяши явилось в нее из у.у.: Владим., Белоз., Муром., Нижегор., Ряжск., Темник. Нет надобности громоздить еще подобные примеры, т. к., думаю и приведенных на выдержку достаточно для установления того факта, что первоначальное население нашего края отличалось большой пестротой, что переведенцы и переселенцы приходили сюда не только из ближайших местностей, каковыми являются старинные уезды, частью захватывавшие и территорию нашего края, но и из самых отделенных углов России, из центра ее, с запада, далекого севера (есть указания на губ. СПБ), востока (Каз. г.) и т. д. В этом отношении нет никакого преобладающего направлении, по крайней мере мне не удалось уловить его. Т. о., пока мы не в праве сказать, что первочальное население нашего края состоит гл. обр. из вы-

ходцев из той или иной полосы России. Не только весь Саратовский край, но чуть-ли не каждое отдельное селение в нем похоже на те пестрые одеяла, которые собираются из крошечных лоскутков разноцветной материи. Конечно, в отдельных селах и деревнях преобладали выходцы из какой нибудь одной местности, которые и клали свой отпечаток на общую массу населения данного поселка. Ту же пестроту мы должы отметить и по отношению к инородцам. Чтобы не ходить далеко за примерами достаточно указать на с. Наскафтым Кузнец. у., мордовское население которого принадлежит к двум группам этого племени—эрзе и мокше.

До сих пор мне не попадалось никаких документов, которые дали бы материал для изображения той обстановки, в которой жили первоначальные поселенцы, помогли-бы нарисовать картину их хозяйственного быта, отношений между помещиками и кр-нами и т. д. Лишь на основании того, как быстро шло вообще заселение края, мы можем сделать предположение, что условия, в коих находились первые засельники, были в общем благоприятны для них. О том же косвенно свидетельствует и энергия, с которой воздвигались в новом краю храмы божии. Можно насчитать десятки церквей, построенных у нас до времени 1-й переписи. Инициатива в этом деле исходила или от владельца селения, или же от самих крестьян. Вот перед нами прошение помещиков нынешнего с. Пяши—Чевкина, Сатина и Трубникова с товарищами, поданное ими в синодальной приказ: „в Нижнеломовском у. в Завальном стану поселили они вновь на поместных своих землях крестьян своих дворов со 100 и больше в сельце Никольском, а то новопоселенное сельцо от приходских церквей в дальнем расстоянии, верстах во 100, а церкви божии и священника не имеют, и крестьяне их помирают без покаяния и без причастия и погребаются без погребения, также и роженицы без молитвы и младенцы без крещения бывают месяца по два и по три, а иные помирают без всякой потребы. А ныне обещание у нас построить в том сельце Никольском вновь церковь божью деревянную во имя Николая чуд., а без указу и без благословенной грамоты из Св. Пр. Синода строить не смеем. А к той церкви священнику с причетниками землю дают на пропитание из своих поместных дач 15 четв. в поле, а в дву потомуж, сенных покосов 15 коп.“. (Холм. 117, 118).

Приведу для образца другое прошение от крестьян с. Казмалы (теперь Юматовка, Серд. у.). „В прошлых годех в Пензенском уезде в Завальном стану в сельце Рождественском, Казмала тож, была у них построена часовня, при которой был для отправления всяких мирских треб вдовой поп. Ив. Гаврилов. И в прошлом году по указу оная церковня запечатана, а оной поп Иван умре. И по умертвии оного попа ныне у них крестьян попа не имеется и в том они во всяких мирских потребах имеют не малую нужду. А от того их сельца и от деревень имеется ближ-

нее село Архангельское, Сердобинская солдатская слобода тож, расстоянием в 20 верстах, а другие де церкви имеются от них верст по 60 и больше. И ныне они обещались на том же старом кладбище, где бывала часовня, построить вновь церковь во имя Рождества Христова. А в показанном де сельце Рождественском и в других деревнях имеется у них приходских 105 дворов... А под оную церковь и попу с причитниками под усадьбы места изготовлены и тому попу с причетники уступают они из своих дач распашной земли 15 чети в поле, а в дву потому-ж, сенных покосов 20 копен. А к той церкви приговорили они для отправления мирских треб тогож Пензенского уезду Шукшенского стану из вотчины графа Гаврила Ивановича Головкина из села Воскресенского, Лесной Авьяс тож, попа Стефана Симеонова, потому что они монастырские крестьяне из того же села Авьясу переведены в новое сельцо Казмалу; а оной поп Стефан человек добрый и им всем крестьянам отец духовный. А без церкви божией и без попа пробыть им невозможно". (Холм. 61, 62). Далее указываются обычные мотивы

ГЛАВА XVI.

Постройка Петровска и заселение приписанных к нему слобод, как мы видели выше, создали большую, сравнительно с прежним, безопасность для местностей, защищенных новой линией, что и отразилось на интенсивности заселения их. Но необходимо оговориться, что безопасность была далеко не полной, а только относительной. Несмотря на добросовестную службу новых поселенцев, обязанных защищать линию, кочевники не переставали беспокоить своими набегами русские украины и даже те, очень скудные документы, которыми мы располагаем, позволяют установить, что опасность набегов была постоянной, а вред, наносимый ими, громадным.

Так, из документа на землю пахотных солдат Сердобинской слободы видно, что в 1711 г. вся слобода была вызжена кубанцами, причем сгорела и церковь, а жители были убиты или уведены в плен. Несомненно, кубанцы не могли иметь целью своего далекого похода именно Сердобинскую слободу и более чем вероятно, что при этом походе пострадали и другие местности нашего края, но указать эти местности, по отсутствию соответсвующих документов, мы не можем. Можно думать, что такие набеги в наших местах были вообще явлением обычным. По крайней мере Кириллов (Цветущее состояние, II, 30), говоря о постройке Царицынской линии, замечает. „Наперед того (т. е. постройки линии) при Царицыне и Саратове городах ничего в полях и степях сеять за опасением внезапных приходов не смели". Наиболее знаменитым из набегов кочевников в начале XVIII века был набег 1717 г. Голиков, имевший в своем распоряжении много ар-

хивных материалов, теперь уже для нас утерянных, рассказывает о нем следующее (VI, 655—657 *): „напоследок опишем мы вышеупомянутое в августе месяце вторжение в границы российские татар крымских и кубанских. Сии, вечно бывшие враги наши, в показанном месяце под предводительством Бухты Гирея и Дели Салтана и братьев его Аджи Гирея, Белги Гирея и Инам Гирея. когда приметили, что россияне, полагаясь на святость трактата с султаном и с ними заключенного, отвели войска свои от границ их, в великом множестве татар, азовских бешлеев и других народов, а также имея при себе и изменника донского казака Некрасова с казаками, сверх всякого чаяния впали в пределы российские и разорили: 1. Предместия городов Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова, Инзарска, Петровска, и Ломова с их уездами; 2. Между Тамбова, Воронежа и во многих пригородках, а также по рекам Хопру и Мадведице, и окольным местам страшное опустошение; городки Кашпир, Рамзаевский и иные, приступом взяв, раззорили; во всех оных местах, также в части Казанской губернии, в городах донских казаков, в Харьковском и Изюмском уездах все селения и хлеб предали огню; все имение и скот пограбили, и по исчислению побили разного звания людей 712, в полон взяли 12.107 человек, церквей сожжено и разорено 80, не считая деревень, лошадей и скота разного отогнали 163.120, и убыток, кроме людей, оценен в 622.657 рублей... Из всего сего числа донскими казаками отбито у сих варваров в плен ведомых людей только с 1.500 человек". „Какое удовольствие, продолжает Голиков, по требованию монарха учинил его величеству султан, мне не известно; но что оное учинено, в том кажется нет сомнения, ибо в противном случае не потерпел бы толикого раззорения сей отец народов своих. Между же тем великий государь со всех жителей раззоренных мест не повелел, до исправности их, собирать положенного на них хлебного оброка". „Видел я в архиве Воронежской челобитную к государю от крестьян Инсарского и других городов, чтоб, за раззорением сим, не брать с них сего положенного на них провианта, а именно с двора муки ржаной по 9 четвериков и овса по полуосмине".

Как видно из описания Голикова, набег 1717 г. захватил всю площадь теперешней Саратовской г. и несомненно, что часть убитых и уведенных в плен жителей, сожженных церквей и селений пришлась и на долю нашего края. Но как велико было бедствие у нас,—об этом можно только догадываться. Холмогоровы (248) приводят запись исходящей книги синодального казенного приказа за 1726 г. о том, что в июле этого года запечатан указ о строении церкви „по челобитью Петровского уезда *раззореной* Бурасской слободы бывшей церкви Покрова Пр. Б. попов..., которую кубанцы разорили". После 1717 г. о набегах кубанцев в

*) Издание 2-е.

наши места ничего неизвестно и можно поэтому думать, что Бурасы были раззорены именно в этом году, когда была сожжена и церковь.

Пензенским историком Петерсоном опубликовано из архива Саранской полиции несколько документов, относящихся к кубанскому погрому 1717 г. *). Ко времени погрома ни одна часть нашего края уже не входила в пределы Саранского уезда, а потому опубликованные документы и не имеют прямого отношения к нам. Но все же в них содержится несколько мелких подробностей, не безинтересных и для саратовцев. Как видно из документов, несмотря на то, что царицынский камендант Беклемишев в июле месяце предупреждал Казанского губернатора Салтыкова о намерении кубанцев итти „под государевы города вплоть до Симбирска", набег явился полной неожиданностью для местных властей и никаких мер предосторожности или защиты принято не было. Да и принимать-то какие либо меры не было времени: отписка Беклемишева была получена в Казани 30 июля, а в начале августа татары жгли села и деревни уже в непосредственной близости от Саранска, так что из города было видно зарево пожаров. Набег кубанцев является по документам правильно и широко организованным предприятием. Перед собой они посылали шпионов, которые и сообщали им о состоянии тех мест, куда потом следовало направиться для грабежа. Один из таких шпионов, Микитка Афонасьев, был 10 августа приведен в Инсару и после пытки дал следующее показание: „был он Темниковского уезду с. Михайловского, Ишейка тож, князь Ивана Арасланова кр-н; из того села взят был он в Темников в рекрутные солдаты тому третий год. Из Темникова из солдат ушел в Пензенский у. в село Ломовку, (где и жил с полгода). Оттуда, с двумя товарищами, Афонасьев отправился в Астрахань, а из Астрахани с теми же товарищами и другими, вновь к ним приставшими, на Кубань" для воровства, чтоб их кубанцев подводить под русские государевы города, села и деревни". Тот же Никитка, как видно из его показвния, провел кубанцев известными ему дорогами между Волгой и Доном. Главный стан грабителей был в нынешнем Балашовском уезд под Караем, откуда они, по указаньям шпионов, и направились для грабежа небольшими партиями в несколько десятков человек. За свою почетную обязанность Афонасьев получил весьма скромное, даже и по тому времени, вознаграждение, а именно всего три рубля.

Удача августовского набега повела к тому, что крымцы и кубанцы осенью того же года собирались вторично вторгнуться в русские пределы, но неблагоприятно сложившаяся для них в то время политическая ситуация помешала осуществлению этого намерения.

---

*) Труды Пензенской уч. арх. к-ии, вып. I и II.

Весьма понятно, что правительство не могло равнодушно отнестись к подобному положению вещей. На святость мирных трактатов с Турцией и Крымом и другие мероприятия чисто дипломатического свойства нельзя было полагаться. В глазах полудиких кочевников и горцев они не играли никакой роли, когда перед глазами была постоянная легкая и богатая добыча. Поэтому правительству, волей—неволей, пришлось обратиться к старому, испытанному средству,—проведению черты для защиты столь продвинувшейся на юг украины. В ноябре 1717 г. последовал именной указ о том, чтобы скорее набрать в Казанской губ. полк для Астраханского гарнизона; кроме того было приказано отправить два драгунских полка с Украйны в Казанскую г. в прибавку к прежним двум полкам и быть там для береженья от приходов татарских и итти с тем корпусом бригадиру Кропотову и стоять ему меж Саратова и Пензы. Отряду Кропотова, для избежания задержки в следовании к месту назначения, были даны подводы—на двух человек одни сани. „А для посылок и раз'ездов, говорится в указе, дать тому Кропотову донских казаков 500 чел., да и самому войскому атаману со всеми казаками об оном с ним Кропотовым сноситься и к воинскому промыслу быть во всякой готовности". Этот указ мы должны, конечно, поставить в связь с известным уже проектом кубанцев повторить свой удачный набег и указанные в нем мероприятия имели целью помешать такому намерению. Но в том же указе содержится и другое распоряжение, имеющее уже не временный, а постоянный характер. Кропотову было приказано сделать черту от Дмитриевска к Иловле и Дону, или от Царицына до Паншина „по рассмотрению посланного, где работы будет меньше, а на Дону крепость в Паншине". Нам неизвестны подробности постройки этой Волжско-донской линии, но последующие факты показывают, что для проведения ее было избрано второе из указанных в распоряжении направлений, т. е. от Царицына к Паншину городку. Такой выбор нельзя не назвать весьма удачным, т. к. новая линия при весьма незначительном протяжении давала надежную защиту обширному краю, лежащему к северу от нее. Работы по проведению линии под наблюдением Кропотова продолжалось с 1718 по 1720 г. В окончательном своем виде она представила сплошной от Волги до Дона ров с валом, по которому было расположено 4 земляных крепостцы: Мечетная, Грачевская, Осокорская и Донская. Между крепостцами существовали еще форпосты. Для караулов и раз'ездов по линии находился постоянный гарнизон, усиливаемый летом командировкой туда армейских полков. „И тако, говорит Кириллов, за божиею помощью Низовая Украйна от тех Кубанских набегов успокоена и где было не токмо прежнее жилье, но и в новых пустых местах селитьба умножается". Действительно, с проведением этой линии набеги кочевников на нашу Украйну отходят в область предания.

Мы неоднократно подробно останавливались на деталях устройства сторожевых черт и уже знаем, что в систему устройства входило не только обеспечение их постоянным воинским гарнизоном, но и заселение местностей, находящихся при черте, военнообязанным населением, которое за пользование землею несло сторожевую службу по охранению границ. Естественно поэтому, что с той же системой мы встречаемся и на Царицынской линии. 12 декабря 1720 г. состоялся указ „об учинении по Камер-Коллегии описи дворам и людям, состоящим Астраханской губ. в солдатских слободах. Государь, слушав донесения полковника астраханского губернатора Волынского, указал, для содержания линии, перевести к оной солдатские слободы из тех городов, также и из *Петровского* половину и поселить их в удобных местах, которые недалеко от линий были. И где возможно—им учредить пашню вместо денежного и хлебного жалованья против того же, как в Пензе и Петровском. И для содержания Царицына, Самары и прочих крепостей, кои по линии, выбрать из них, сколько потребно, в службу годных. . . . А наперед, где их надлежит поселить и по какому числу в которое место определить—учинить ему губернатору диспозицию и тем местам, где их селить, чертеж и прислать в военную коллегию“. Для заселения Царицынской линии было предположено образовать два ландмилицких полка из живших в Казанской г. старых служб служилых людей. Предположение это было осуществлено и набрано два полка, один конный (Сергиевский) и один пехотный (Алексеевский), но переселение их на Царицынской линии было правительством отменено. Отменено по той причине, что в данный момент ощущалась острая необходимость в заселении новой линии, не менее значительной чем и наша, а именно Оренбургской, имевшей целью защиту от кочевников обширного Закамского края. Поэтому навербованные полки и были посланы по новой Закамской (или Оренбургской) линии (Ден. Насел. России по 5 рев. II, 181). Идея принудительного заселения Царицынской линии, однако, не получила осуществления. По крайней мере нет никаких указаний на то, что правительственный проект был приведен в исполнение. Но за то здесь мы встречаемся с любопытным примером частной инициативы. В 1721 г. малороссиянин Яков Житков бил челом государю о разрешении ему селить малороссиян близ Царицына по р.р. Иловле, Дубовке и Пичугам. Просимое согласие было тогда же дано Житкову, а в 1722 г. он уже лично докладыаал о своем проекте Петру, проезжавшему в то время через Царицын. Петр так заинтересовался Житковым, что приказал ему следовать с собой в Астрахань, где и имел с ним по поводу переселения подробный разговор. Результатом этих разговоров был указ из астраханской губернской канцелярии, разрешавший Житкову селить малороссиян в указанных им местах, что и сам Петр подтвердил в третий раз на возвратном пути из Персии, будучи в Царицане в 1722 г.

Через два года Житков доносил, что им уже поселено вблизи линии 115 дворов малороссиян. Слух о новых, удобных для поселения, местах разнеся не только по Малороссии, но и среди населения близких к нашему краю областей. К Житкову толпами стали являться и русские крестьяне. Правительство очень неодобрительно относилось к наплыву великорусских пришельцев и неоднократно подтверждало Житкову, чтобы он принимал одних только малоросиян. Как мы увидим впоследствии, такие подтверждения, несмотря но угрозы жестоких наказаний для самовольных сходцев, не достигали своей цели и среди „житковских", поселенцев значительный процент составляли и великоруссы. Поселенцы образовали поселок на р. Дубовке, носивший по ней и свое название. Уже в 1723 г. население ее было настолько многочисленно, что для удовлетворения религиозных потребностей пришлось пригласить священника из Воронежской епархии*). Священник этот повздорил с царицынских протопопом и из судного дела, хранившегося в архиве астраханской духовной консистории, мы узнаем некоторые, правда весьма скудные, подробности о быте и внутреннем устройстве поселенцев. Последнее было организовано, повидимому, по казачьему образцу: поселок нарывался станицей, ее жители казаками и во главе управления стоял атаман.

Благодаря, главным образом, тем затруднениям, которые само же правительство ставило желающим поселиться на новых местах, население по Царицынской линии возрастало очень медлено. Так продалжалось почти втечение десяти лет и в конце концов правительство вновь решило взять дело в свои руки. В августе 1731 г. последовал сенатскии указ**) следующего содержания; „понеже имеются к поселению свободные места по Царицынской линии, а именно от Царицына вверх по Волге, также по Иловле, по Хопру и по Медведице рекам в тех местах, где донских казаков городков нет, которые места заселить нужно для содержания вышеупомянутой Царицынской линии, на которую повсягодно посылается донских казаков по 500 чел..... Того ради.... об'явить во всех донских городках, чтоб кто пожелает в тех местах охотно поселиться, а именно до 1000 семей,—тем на строение дворов на первый год выдано будет из казны на каждую семью по 12 руб. да хлеба муки по 6 четв., овса по 3 четверти, круп по 3 четверика. А впредь повсягодно определено будет жалованье каждому служащему человеку на всю семью по 5 руб., хлеба муки по 3, овса по 3-же четверти., а старшине, которая над ними будет—тем по препорции их чинов с прибавкою. Им же будут отведены земли, сенные покосы и всякие угодья с довольством. Также из них от той линии, кроме содержания оной ка-

---

*) Описанье дел, хранящихся в архиве Астраханской духовной консистории, ст, 839-я сл.

**) ПСЗ. № 5824.

раулами и раз'ездами, никуда в другие места посылаться не будут. И кто явится такие к поселению при линии охотники, тем записыввться в Черкасске у войскового старшины и в городках у атаманов, такожде и у офицеров, которых отправить генер-майору Тараканову. А для отводу и межеванья определены будут особливые люди в то время, когда о таких охотниках подлинно известие получено будет, сколько их явится, немедленно".

В охотниках недостатка не оказалось и уже осенью того же года у Тараканова записалось 570 чел., *) а в течение зимы таких охотников набралось более 1000 семей **) Поэтому дальнейшая запись была прекращена „дабы донские городки не умалить людьми", как говорится в сенатском указе. Новым поселенцам было приказано отвести земли по Иловле и по Медведице и отнюдь не селить их по Волге, т. к. „ежели казаков допустить селить по Волге, то опасно, чтоб не могли с калмыками происходить с обоих сторон по их легкомыслию ссоры". С другой стороны предполагалось по Волге поселить служилых людей из Казанской г.

Когда было приступлено к осуществлению правительственных предположееий, то оказалось что по Дону Иловле и Медведице новых поселений заводить нельзя, т. к. эти земли с одной стороны слишком далеки от Царицынской линии, а с другой— принадлежат уже Донскому войску ***) Поэтому, по представлению пол. Тараканова, было решено отвести земли под поселения от Царицына вверх. Весной 1732 г. атаману вновь заселяемой линти Персидскому была дана грамота, которой он утверждался в своей должности на год, а казакам предоставлялось право избирать себе атамана ежегодно в войсковом кругу. Отслуживший свой срок атаман должен был по смене приезжать в Москву с зимовой станицей для получения жалованья. Одно и тоже лицо не могло быть избираемо больше трех раз, чтобы „они (атаманы) зная свою перемену приятнее с своими поступали".

Однако, дело с переселение тормозилось. Лето 1732 г. проходило и записавшиеся приносили уже жалобы, что они, в чаянии перехода на новое место, земли не пахали, хлеба не сеяли, дома распродали. Хотя с постройкой домов на новом месте до зимы управиться и не надеялись, но расчитывали изготовить хоть какие нибудь жилища и, главное, приготовить к зиме сено. Кроме всего этого торопиться с переселением заставляло казаков и то обстоятельство, что одностаничники их относились к ним крайне недоброжелательно, ненавидели их и всячески обижали.

Дело с переселением не двигалось и в конце концов было окончательно приостановлено частью потому, что еще не был

---

*) ПСЗ. № 5923.
**) ПСЗ. № 5982.
***) ПСЗ. № 6007.

произведен осмотр земель, подлежащих отводу переселенцам, а частью и из-за протеста Донского войска, отстаивавшего неприкосновенность своих владений. Вообще войско относилось враждебно к правительственной затее и ставило всякие препятствия к успешному выполнению Таракановым возложенно на него поручения. Донцы даже соглашались попрежнему охранять линию своими силами, лишь бы помешать поселению на ней охотников. По их ходатайству сенат постановил „записавшихся к поселению на Царицынскую линию казаков здесь не селить и донских юртов не брать, а содержать эту линию так, как обещало Донское войско". Казаков же, записавшихся к поселению на линию, решено было поселить по Волге, где была слобода Дубовка, на р. Балыклее и в других удобных к поселению местах между Царицыном и Камышином. Больше назначенного числа, т. е. 1057 семей, записывать и селить по Волге воспрещалось и только осенью 1733 г. были утверждены „правила поселения на Волге 1057 семей донских казаков, записавшихся к поселению на Донскую линию".

Из заголовка этих правил и из других цитированных выше д—в получается такое впечатление, как будто все эти 1057 сем. происходили из донских казаков. На самом деле это далеко не так. Как уже упоминалось, донцы очень неприязненно относились к правительственному проекту, грозившему целостью их исконным владеньям и уменьшавшему население донских городков, и всячески противились записи. Поэтому в конечном результате оказалось, что из 1057 семей только 520, т. е. менее половины, были природными донскими казаками, *) а остальные принадлежали к сходцам из Малороссии и Великороссии, по всей вероятности к тем которых с 1722 г. в тех же местах начал селить Житков. По „правилам" новые поселенцы образовывали из себя особое казачье войско под названием „Волжского". Войску отпускались знамена, бунчук, насека и войсковая печать. Войсковым атаманом был назначен Макар Персидский; при нем полагалась войсковая старшина в лице двух старшин и есаула, избираемых ежегодно в войсковом кругу. Войску предоставлялось иметь свой суд по казацкому обычаю, а о тех делах, которые нельзя было разрешить в кругу, полагалось представлять царицынскому коменданту, в случаях же важных доносить военной коллегии. На войско возлагалась служба при Саратове и Астрахани и в других местах, где нужда востребует. Места под поселение казачьих станиц предписано было выбрать царицынскому коменданту полковнику Кольцову вместе с атаманом Персидским. 7 октября 1734 г. Кольцов доносил военной коллегии, что для осмотра удобных мест к поселению казаков он ездил до г. Дмитриевска и по осмотру признаны удобными следующие места: 1—в 40 в. от Царицына на речке, где была слоб. Дубовка; 2-е—по р. Балыклее в 48 вер. от Дубовки; 3-е против Караваинского острова и 4-е—

*) ПСЗ № 6496.

между речек Антиповок. Наблюдение за устройством переселенцев на Волге было возложено на того-же Кольцова. В 1735 году ему было приказано освидетельствовать казачьи селенья „и если по освидетельствовании окажется, что казаки избы поставили, дворы застроили и жить начали, то им на наличное число семей жалованье производить из присланной из генерального кригскомиссариата денежной суммы, а если не поселились—то жалованья не давать, а казаков к поселенью принуждать, дабы они все поселились в этом году без всяких отговорок".

При об'езде Кольцовым новопоселенного войска в ноябре 1735 г. оказалось, что во всех станицах поселено 992 семьи; недостачу до указанных 1057 семей составляли умершие и частью еще не прибывшие к войску. Кроме казаков приписывались также жившие в Дубовке малороссияне и великороссы.

Все войсковое население заняло по берегу Волги 4 пункта, представлявшие из себя в военно-административном отношении 6 станиц; а именно: 1) Дубовка—171 семья и с нею вместе Волжская станица—145 сем. и Средняя 153 с.; 2) Балыклейская—165 с.; 3) Караваинская—162 с. и 4) Антиповская—192 семьи.

В Дубовке сосредоточено было войсковое управление и она, т. о., являлась главным административным пунктом войска, почему и именуется в документах XVIII ст. городком.

С проведением Царицынской линии началось усиленное заселение нашего края: сотнями возникают помещичьи селения, выростают десятки сел и деревень государственных крестьян разных наименований, правительство стремится заселить пустующие земли и вызывает из-за границы старообрядцев и иностранцев. Но прежде, чем перейти к изложению отдельных эпизодов этого этапа в истории колонизации края, мне хотелось-бы хотя вкратце отстановиться еще на одном элементе, сыгравшем некоторую роль в данном явлении. Я говорю о самовольных поселенцах, тех неведомого звания людях, которые бежали сюда из внутренней России. Не нужно преувеличивать значение этого явления; главная масса населения нашего края сложилась из элементов, появившихся у нас вполне легально; все эти сходцы и переведенцы селились на новых местах на законном основании. Незаконные, так сказать, поселенцы составляли меньшинство, но меньшинство все же довольно заметное, почему и нельзя обойти его молчанием.

Ко времени окончания обустройства Царицынской линии, с которым близко совпадает первая перепись в России, северная часть нашего края имела уже сравнительно густое население, состоявшее, гл. обр., из помещичьих крестьян и служилых людей —русских и инородцев. Берега Волги, от границ нынешней Симбирской г. и почти до самого Саратова, издавна освоенные крупными монастырями, в свою очередь покрылись цепью крупных селений монастырских крестьян. Южная часть края, в окрестностях Царицына, также начала заселяться. Т. о., ненаселенными

оставались внутренняя часть правобережья и все Заволжье. Правда, и эти незаселенные земли не представляли из себя res nullius.

На значительную часть Балашовского, Аткарского, Камышинского и Саратовского у.у. заявляли свои притязания Нарышкины, основывая их на перечислении тех угодий, которые некогда входили в состав пожалованной им Конобеевской волости. Вся южная половина теперешнего Сарат. у. по жалованной грамоте 1701 г. была отведена саратовским жителям. Даже пустынное Заволжье не было совершенно лишено хозяев: часть его, лежащая против Саратова, вошла в состав пожалования 1701 г. Значительная часть Николаевского (Пугачевского у.) еще в 1713 году была отмежевана во владение Новоспасского м-ря и т. д. Но, во 1-х—и за всем тем на территории края оставалось еще много „диких пустопорожних земель", а во 2-х—собственники перечисленных выше обширных владений—как Нарышкины, г. Саратов или Новоспасский м-рь—не могли фактически использовать их и они большею частью лежали впусте. Невозможностью для владельцев использовать свой необ'ятный земельный простор об'ясняется последующий захват этих земель со стороны разных лиц. Словом, свободных земель в нашем крае было еще много, что и повело к тому, что под влиянием разных исторических причин, делающих для многих жизнь внутри государства непереносной, сюда и устремился поток самовольных переселенцев. Как и следовало ожидать, отношение правительства к таким переселенцам не было благожелательным и оно принимало самые суровые меры к искоренению возникающих в крае самовольных поселков. Но эти меры плохо достигали своей цели и в конце концов пришлось, если и не совсем примириться с подобным явлением, то во всяком случае отнестись к нему терпимее. Такой поворот замечается уже в 30—40-х г.г. XVIII ст. и особенно ярко обнаруживается в начале царствования Екатерины II, когда беглый элемент населения нашего края даже как-бы легализируется.

Попытаемся на основании известных нам документов проследить, насколько возможно, историю заселения беглыми нашего края в 1-й четверти XVIII в. Наиболее заметна тяга беглых в южную часть Саратовской г. В этом случае традиции XVII ст. как-бы все еще живут и в начале XVIII в. Как и тогда, крестьянство в поисках за землей и свободой стремится на Дон. Но сам Дон к этому времени имеет уже настолько густое население, что пришлому элементу приходится направлять свои поиски в местности, лежащие к северу от донских пределов. В июне 1724 г. последовал указ о немедленной высылке в прежние жилища беглых с их женами и детьми, поселившихся близ границ Донской области, по р.р. Хопру и Терсе. Как оказалось, беглые на Терсу пришли по приглашению некоего Ивана Попова, который звал крестьян селиться в этих местах, ссылаясь на указ из Приказа Большого Дворца, якобы имевшийся в Шац-

ке у воеводы Ляпунова. Основываясь на этом мифическом указе, Попов сманивал крестьян из нынешней Тамбовской губ. За свою колонизаторскую деятельность он был бит кнутом нещадно и кроме того должен был заплатить так наз. пожилые деньги *). Пример Попова нашел подражателя в черкашенине (т. е. малороссиянине) Якове Иванове, который также самовольно начал набирать однодворцев, помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян, а также и своих земляков малороссов и селить по р.р. Дубовке, Иловле, на устье Терсы и по Карамышу **).

Только что упомянутый Ив. Попов также, не смущаясь кнутом и штрафом, попрежнему продолжал сманивать крестьян. В 1727 г. известный уже нам правительственный ссадчик Житков доносил по начальству, что в тех угодьях, которые он считал принадлежащими малороссам сл. Дубовки, а именно на р. Терсе „селятся великороссияне без указу також, что их угодья рыбные и звериные ловли и лесные угодья отданы на откуп солдату Ивану Попугаеву", и что в ноябре 1726 г. ***) уведомился он, что в тех их угодьях селятся неведомо какие беглые люди из великороссиян и поселились на речке Терсе дворов с сорок". Житков посылал туда казаков, но беглые „о себе знать не дали и от того поселения отбили". Поехал сам, но и его не допустили до производства следствия, а „выбежав с ружьем и копьями и с дубьем учинили драку". Во время этого боя Ж. захватил в качестве пленника нашего знакомца Попова, у котораго и отобрали копию указа, выданного ему якобы из Камерколлегии для поселения.

Вообще указ, хотя-бы подложный и нелепый, играл большую роль. По этому поводу в начале 1728 г. последовало именное повеление о том, что „Е. И. В. известно учинилось... подлым людям воровски разглашено бутто.... указ состоялся, чтоб всяких чинов люди.... селились около Царицынской линии.... и из многих мест однодворцы и крестьяне.... бегут в те места. Того ради Е. И. В. указал.... опубликовать... что такого указа не токмо никогда не бывало, но и многими прежними указами такие побеги чинить запрещено и... заставы учинены.... велено ловить и чиня наказание, бив кнутом, отсылать на прежние жилища.... а заводчиков и подговорщиков казнить смертью" ****).

Далее следует распоряжение о тех, кто разглашает о таком указе или подговаривает к побегу; их ловить и приводить к воеводам, которые и должны были по розыску чинить смертную казнь. Беглецов же ловить и, наказав кнутом, отсылать на прежнее жительство; командирам застав за небрежность чинить наказание по военному артикулу, а солдатам и драгунам грозила смертная казнь. На Дон к войсковому атаману и старшинам бы-

*) ПСЗ № 4519.
**) ПСЗ № 4519.
***) ПСЗ № 5042.
****) ПСЗ № 5421

ло велено послать нарочного с тем, чтобы они всех, пришедших к ним с 7203 г., выслали вон безо всякого замедления, переписав и сдав стоящим на Дону полковникам и офицерам, а последние должны были с конвоем отправлять беглых в Воронеж и другие города воеводам. Воеводы обязаны высылать беглых на прежние места с предупреждением, что если не пойдут и вновь пойманы будут, то подлежат ссылке в каторгу на вечную работу. Разрешено и помещикам, кто хочет, ехать самим или людей посылать для приема от полковников, офицеров и воевод своих беглецов. В будущем за прием беглых старшине и казакам быть от Е. И. В. в тяжком гневе. Указ этот повелено было читать священникам в церквах во все воскреные дни. Но приведенный указ, несмотря на всю его строгость, был также мало действителен, как и множество других предыдущих и последующих распоряжений по данному вопросу. В том же 1728 г. „били челом... саратовские, пензенские, симбирские помещики, что в тех уездах во многих ясачных селах и в деревнях... и в низовых вотчинах, что были Меньшикова, живут многие всякие беглецы и на старые жилища не вывезены, да и вновь поселились в ясачном селе Труеве, Нарышкино тож (теперь г. Кузнецк) года с четыре всякого многонабродного народа с 5000 ч. и живут в горах и в земляных избах и в лачугах, а другие поселились в пустых местах на вершине р. Хопра и по двум речкам Сестреницам и на речке Терешке, живут в лесах, а иные и вновь селятся в пустых раззоренных деревнях на речке Печелайке и по другим урочищам, которые вызжены и раззорены за воровство“.*) По этой жалобе последовало обычное распоряжение о высылке беглых в прежнее место жительства и о раззорении основанных ими поселков. Поселки эти бывали иногда довольно значительных размеров с населением в несколько сот и даже тысяч человек. В 1724 г. велась переписка о беглых из Пензенского уезда, поселившихся слободами по р. Карамышу.**) Эти слободы селил назвавшийся атаманом солдат Сердобинской слоб. Клинов и под'ячий Петров. По переписи оказалось, около 1000 человек, называвших себя казаками и солдатами. Они могли выставит до 600 вооруженных конных людей, для защиты был выстроен городок, огороженный заметом. Слобожане ввели у себя казачье устройство с выборными атаманами; для решения своих дел они сходились по праздникам к станичной избе „с ружьем и стреляют“. Их атаманы выдавали письменные паспорта и т. д. По указу из СПБ слобода была раззорена, а атаманов, под'ячего и других „которые пущие заводчики“ приказано было „заковав в кандалы, прислать в СПБ немедленно“. Беглых служилых людей бить кнутом, вырвать ноздри и сослать в Рогервик на вечную каторжную работу.

---

*) ПСЗ № 5290.
**) ПСЗ № 4576.

Проф. М. К. Любавский в своем курсе исторической географии России высказывает мнение, что заселение луговой стороны Волги южнее Самарской черты началось лишь после издания манифеста 1764 г., приглашавшего селиться в России иностранцев и бежавших за рубеж русских. *) В подтверждение того, что до этого времени наше Заволжье представляло собою пустыню, посещаемую только кочевниками, он ссылается на следующее место из Перетятковича: **) „земли луговой стороны, простиравшиеся южнее луки, в продолжение 1-й четверти XVIII в. были вполне во власти калмыков, которых посещали наездом лишь их сотоварищи по нападениям на русские окраины—башкирцы. Область, орошаемая р. р. Б. и М. Иргизами, была местом, где, кажется, они временно встречались и вместе кочевали. Понятно, что безопасность соседних мест нагорной стороны от совместного их пребывания в здешних местах не могла увеличиться. Так, в 1710 году крестьяне—старожилы монастырских поселений на правой стороне Волги (Малыковка и Терса) свидетельствуют перед правительством, что земли и угодья, отведенные их монастырю в конце XVII в. на левой стороне Волги, остались не меряны и не межеваны, потому что межевать той земли и с вервью итти и столбов ставить и ям копать и на деревьях грани насекать невозможно для того (что) по Иргизу и по степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями; а опричь татарских кочевий на той луговой стороне русских людей жилья ничего нет. В другой раз те-же старожилы и понятые, говоря об этом-же, высказывают что тех земель за Волгою на луговой стороне межевать невоможно: живут в той их округе по реке Иргизу калмыки и башкирцы воровскими кочевьями и зимуют и за зверьми ходят и их колют и грабят и от того их воровства они на луговой стороне пашни не пашут и сен не косят; а вокруг де той земли дикая порозжая степь и жилья ничего нет".

Показания источников, использованных Перетятковичем, подтверждаются и некоторыми местными документами. Так, напр., в Саратовском историческом архиве имеется дело „О землях Саратовской губ. Вольского уезд. села Красного Яра удельных крестьян, отмежеванных к с. Терсе графини фон-Ливен". ***) В числе содержащихся в деле выписей приведены и выписи из отводных книг с.с. Терсы и Малыковки, где про земли, лежащие на луговой стороне, сказано, что они не меряны и не межеваны „для того, что по р. Иргизу и по степи кочуют калмыки и башкирцы зимовьями, а русских людей жилых нет".

Получается впечатление полной достоверности всех приведенных показаний и невольно рождается уверенность, что действительно наши заволжские степи до 2-й пол. XVIII в. были

---

*) Литографированный курс лекций 1909/10 г. г., стр. 246.

**) Т. II, 337-338.

***) Серия „Сенат." № 3404 за 1804 г.

совершенно лишены русского населения. Такое убеждение разделяется всеми исследователями прошлых судеб нашего края и тем не менее оно не совсем правильно. Весьма вероятно, что Заволжье в 1-й пол. XVIII ст. не имело легального, оседлого, земледельческого русского населения, но несомненно, что вообще русское население, и при том в значительном числе, существовало с самого начала века, если только не с конца XVII ст. Любопытно, что ютилось такое население преимущественно в тех самых местах, где по показаниям малыковских и терсинских старожилов из-за бесчинств калмыков и башкиров „русских жилых людей“ не было и быть не могло.

Еще Н. С. Соколов допускал возможным существование старообрядческих скитов на Иргизе задолго до манифеста 1762 г. *) и в подтверждение этого ссылался на донесение в синод казанского архиепископа Сильвестра, заслушанное в синоде 27 февраля 1727 г. В этом донесении, между прочим, читаем: „... Да по той же его преосвященства епархии, по реке Киргизе (Иргизу), из верховых городов и уездов живут раскольники, убегая от изыскания, с женами и детьми многолюдно и для следствия в оные места посылать и собою в'езжать за малолюдством опасно, понеже де от гражданских правителей для вспоможения солдат и никого его преосвященству не дают, отчего... на Киргизе следствию о раскольниках учинилась остановка; а наперед де сего Тихон митрополит, для оных нужд, от тамошних губерний получал офицеров и солдат, сколько ему понадобится“.

Упоминаемый в этом отрывке митрополит Тихон скончался 23 марта 1724 г. и, т. о., посылку воинских команд на Иргиз в помощь духовенству для искоренения беглых раскольников, а, следовательно, и время поселения их там, мы вправе отнести еще к 1-й четверти XVIII ст. Как увидим сейчас, эту начальную дату появления беглых на Иргизе придется отодвинуть и еще далее вглубь.

В делах бывш. Саратовской казенной палаты хранится несколько вязок разрозненных ревизских сказок 3-й ревизии, переданных в палату из соседних городов при учреждении у нас наместничества. В числе вязок имеется толстый том, заключающий в себе список „разного звания людей“, поселившихся по р.р. Иргизам. Список составлен в конце 1763 г. командированными от сената для переписи беглых кол. асс. Лихаревым и симбирским воеводским товарищем кн. Мещерским. Хотя время составления списка и гораздо позднее той эпохи, о которой идет речь, но самый порядок составления документа дает возможность судить об обстоятельствах, задолго ему предшествовавших. Лихарев и Мещерский опрашивали каждого явившегося к ним для записи беглого о том, как и когда он попал на Иргиз, и данные, полученные при опросе, вносили в список. Сказки составлены по

*) Раскол в Саратовском крае etc. Саратов, 1888 стр. 21.

одной форме и потому очень шаблонны, но далеко не лишены интереса для решения вопроса, какими путями и откуда шли беглые в наш край, а также и вообще для характеристики бродячей Руси XVIII в. Приведу некоторые из таких показаний с одной стороны,—чтобы дать о них представление, а с другой—в подтверждение того, что русское, хотя и беглое, население появилось за Волгой много раньше, чем это обычно допускается.

Семен Овчинников, 67 лет, показал, что прежде он был „Симбирского уезд. дер. Обрамовки пахотный солдат; и в прошлых годех, назад тому 53 года, из той деревни бежал и сбежав пришел на р. Большой Иргиз, по коей и жил по разным местам с прочими таковыми же неведомыми людьми в землянках“... *)

Егор Иванов, 50 л., сказал, что он происходит из дворцовых крестьян с. Бармина Нижегородского у., „из коего в прошлых годех отцом его сведен в малых летех на р. Б. Иргиз, по коей и жил с раскольщиками в землянках. Тамо отец его и умре, а он Егор жил по той же реке, где прежнюю перепись и минувшую 2-ю ревизию преминовал.“ **)

Из показаний Федора Полякова, 32 л., мы узнаем: „слышал он от отца своего, что он был польской нации и жительство имел по р. Б. Иргизу в лесах, где и прижит с матерью его, а которого она была уезду и села крестьянка—не знает, и живучи померли, а он после них остался в малых летех и жительство имел по той же реке Иргизу в лесах и поныне“. ***)

По словам Ив. Шерстобитова, 61 г., „наперед сего отец его был житель Арзамасского у. с. Резоватова ясашный крестьянин; из коего отец его, ныне тому 55 лет, бежал и его Ивана свел с собою только шести лет. И по побеге жительство имели по разным местам, а потом пришли Сызранского у. в с. Печерское, где отец его, прожив года два, умре, а он Иван после его из того села пошел на р. Б. Иргиз, по коей и жил с раскольщиками лет с десять, где и минувшую 2-ю рев. преминовал.“ ****)

Еще одна выдержка из показаний Гр. Потемкина. *****) „Наперед сего житель был с. Троицкого Острога Красной Слободы с. Куликова дворцовый крестьянин; из коего, назад тому лет с двадцать, бежал и по побеге жил в г. Саратове у разных обывателей в работе года с три, а оттуда сошед пришел на р. Б. Иргиз, по коей и жил в Каменном Юрту у малыковского дворцового крестьянина Ив. Михайлова в зимовье лет с 17.“

При желании число примеров можно было-бы увеличить во много раз, но и приведенных, думается, достаточно для установления того факта, что беглые в нашем Заволжье появились уже в начале XVIII ст. Овчинников пришел на Иргиз за 53 года до пе-

*) По списку № 712.
**) По списку № 25.
***) По списку № 549.
****) По списку № 14.
*****) По списку № 22.

реписи Лихарева и Мещерского, т. е. около 1710 г. Иванов, проживая там с „раскольщиками“ проминовал 1-ю перепись. Поляков и родился на Б. Иргизе, т. е. родители его поселились там до 1730 г., и т. д. Мало того, во всех показаниях мы встречаемся с одним и тем же обстоятельством, а именно: самые престарелые старожилы заявляют, что являясь впервые на Иргиз они находили для себя приют у проживавших уже там раскольников. Т. о., появление таких пристанодержателей приходится относить до 1710 г.; о том, как велик промежуток, отделяющий 1710 г., от момента появления первых насельников на Иргизе, можно только догадываться. Просматривая списки, мы видим, что беглые шли сюда из самых отдаленных местностей: с Вятки, с верховьев Волги, из-под Москвы, из Польши и т. д. Такая широкая популярность Иргиза не могла образоваться в короткий срок. Нужно было время прежде чем слава о привольном житье на этой реке успела широко распространиться, прежде чем туда была проторена дорога теми, кто искал свободы от помещичьего и правительственного гнета. Все эти соображения заставляют с большим сомнением относиться к показанию малыковских и терсинских старожилов, данному ими при межевании заволжской части земель, пожалованных Новоспасскому монастырю, о том, что там „русских людей жилых нет“. Тем более, что, напр., из сказки Потемкина мы видим, что кроме беглых на Иргизе в 1-й пол. XVIII в. существовали уже и зимовья, т. е. хутора тех же самых малыковских крестьян. Значит, условия были такого рода, что делали возможным заведение поселков постоянного земледельческого типа. При наличии постоянной опасности от калмыцких и башкирских набегов едва ли кому нибудь пришла бы мысль рисковать устройством хуторов в такой глуши.

В приложении к цитированному списку имеется отрывок документа, содержащий показания беглых, доставленных с Иргиза в Симбирскую канцелярию уже после окончания переписи Лихарева и Мещерского. Один из таких беглых, между прочим, сообщил, что он женился на Иргизе, „а венчал его живущий на том Иргизе поп Елисей Спиридонов по данной ему из Саратовской духовной консистории венчальной памяти в сделанной на том же Иргизе часовне.“ Оказывается, поселенцы имели там и священника, что также косвенно указывает на давность поселения, многочисленность беглых и их уверенность в безопасности.

Беглые ютились не только по Б. Иргизу. Из их показаний видно, что и другие реки и речки заволжской части нашего края давали им приют. Кроме Б. Иргиза постоянно упоминаются М. Иргиз, Чагра, даже близкий к Саратову Караман и особенно часто Узени, в вершинах которых были раскольничьи землянки. На Узенях селились не одни беглые, но также и яицкие казаки, заводившие здесь зимовья подобно тому, как это практиковали малыковцы на близком к ним Иргизе.

После переписи Лихарева и Мещерского, когда беглые получили право на легальное существование, они были сконцентрированы в двух селениях: Перекопной Луке и Осиновом Гае. Но кроме них в документе упоминается и еще несколько населенных урочищ: „что у Мостов“, Каменный Юрт, Толстый Гай, Погорелый Юрт. Несомненно были и еще поселки. Всего у Лихарева и Мещерского зарегистрировались 1453 человека обоего пола, причем характерно, что число мужчин почти в два раза превышает число женщин. Но этими цыфрами едва-ли исчерпывается все беглое население нашего Заволжья в данную эпоху. В регистрацию попали только те, кто жил на Б. Иргизе и сам пожелал перейти на легальное положение. Между тем, как мы видели, были поселки и по другим рекам, а прошлое, да и религиозные убеждения, без сомнения, удерживали некоторых от явки по начальству. Скрыться от переписи при желании было очень легко, а те два десятка солдат, которые имелись в распоряжении Лихарева с товарищем, составляли скорее почетный эскорт, чем действительную силу.

Вообще о количестве беглых, по очень понятным причинам, не может быть точных данных. Но все же число их, повидимому, было довольно значительным. Мы имели уже дело с жалобой пензенских и других помещиков на скопление в Трууеве-Нарышкине 5000 чел.; в Карамышском городке одних способных носить оружие было около 600 чел.; Лихарев записал в свой список 900 душ мужеска пола; во время обсуждения в комиссии 1767 г. наказа саратовских черносошных крестьян депутат от брянского дворянства Сергей Мясоедов заявил, что „в прошлых 1742 и 1743 г.г., во время бытности его в команде для сыска беглых, им найдено в г. Саратове, в уезде, по р. Волге на судах и в хуторах до 5000 чел. беглых, в том числе военно-служащих солдат, драгун, матросов и рекрут“ *). Большинство из этих цыфр не внушает, как будто, подозрений.

Из каких местностей России являлись беглые в наш край вообще и в частности в заволжскую его часть? Н. С. Соколов **) уверен, что распространению раскола у нас, носителями которого являлись, по его мнению, именно беглые, сильно содействовала деятельность „равноапостольного“, как он выражается, еп. Питирима в Нижегородском крае. Многочисленное раскольничье население Нижегородской губ., доходившее по переписи 1716 г. до 40000 одних окладных душ, под давлением железной руки этого ревностного обратителя разбегалось во все стороны и в большом количестве укрывалось в Саратовском Поволжье. Леса керженские и чернораменские, говорит наш автор, быть может не столько выслали своих скитников на Ветку, сколько сюда; и путь был знакомее, и связи короче, и сама природа, если можно так

*) Сборн. Русск. Истор. О-ва т. IV, стр. 117.

**) Раскол в Сарат. крае, стр. 24, 25.

выразиться, роднее. В подтверждение своего мнения относительно того, что излюбленным местом, в которое направлялись побеги верховых раскольников, он укызывает на приводимый Соловьевым факт: „в самом начале 1743 г. сенату докладывано, что по челобитью казанских землевладельцев для поимки беглых крестьян и для искоренения воров по р.р. Волге, Медведице, Карамышу и в Саратовской степи определено послать штаб-офицера с командой. Донской атаман донес, что все казачьи хутора, в которых беглецам не без пристанища было, искоренены, а беглых, скрывавшихся в станицах и лесах, отправили в крепость Св. Анны, Царицын и другие места“. В рядах этих воров и беглецов,—добавляет Соловьев—не мало было раскольников. Вполне соглашаясь с этим мнением знаменитого историка, все же нельзя не сказать, что роль раскола в заселении нашего края, и в частности в рекрутировании беглых, сильно преувеличена. Побеги, говорит В. И. Семевский, *) были старинным средством русского народа спасаться от „неудобоносимых“ общественных тягот. Еще до крепостного права тяжесть податей и повинностей заставляла многих крестьян покидать свое насиженное гнездо и „брести розно“, отыскивая более привольную жизнь в тех местах, на которые еще не наложило свою железную руку московское правительство. Прикрепление к земле и усиление крепостного права побуждали тех, кто не мирился с новым порядком вещей, покидать родные места и населять отдаленные окраины России. Главнейшей причиной побегов было не религиозное преследование, а давление помещичьей власти, что признавалось и современниками-людьми с весьма различными убеждениями. Так, Сиверс, всегда энергично стоявший за облегчение положения крепостных, указывает на „тиранство господ“, как на причину увеличения бродяжничества, а с другой стороны П. И. Панин, вовсе не отличавшийся особенной гуманностью, считал главною причиной побегов крестьян злоупотребления помещиков: требование больших оброков и тяжелых барщинных работ, а также продажу людей в розницу для отдачи в рекруты за других. Семевский указывает пример того, как суровые истязания принуждали крестьян бежать из вотчины. Неурожаи также бывали причиною побегов, тем более, что помещики не исполняли как следует своей обязанности—заботиться об обеспечении продовольствием крестьян. Просматривая список беглых, составленный Лихаревым, мы действительно видим, что громадное большинство беглых, зарегистрованных на Иргизе, до своего побега принадлежали к помещичьим крестьянам, по отношению к которым преследование за раскол почти не имело места, т. к. шло вразрез с интересами помещика. Только меньшинство иргизских поселенцев принадлежало к таким категориям населения, на которые

*) Крестьяне в царствов. императр. Екатерины II, изд. 1903 г, т. I. 395 и сл.

не распространялся помещичий гнет и причины бегства которых можно искать в других обстоятельствах тяжелой русской действительности XVIII в., в том числе и в преследованиях за старую веру. Не совсем отвечает действительному положению вещей и утверждение Соколова, что беглые в Заволжье двигались с севера—из Нижегородской и Казанской г.г. Цитированные списки показывают нам, что беглое население Иргиза являлось сюда из всех мест России от Питера до Дона и от Польши до Вятки. Провениенция беглецов, если можно так выразиться, настолько пестра, что невозможно сказать откуда именно пришло большинство их. Единственное заключение, которое позволительно сделать на основании просмотра списков—это то, что ближайшие к нашему краю уезды доставляли больше всего беглых, что, впрочем, и естественно.

Втечение всего XVIII в. следуют непрерывные указы и распоряжения о принятии мер против бегства крестьян. Но ни указы, ни суровые кары не могли уничтожить этого явления, т. к. причины, вызывающие его, оставались все те же. Поэтому, как я уже упоминал выше, правительству в конце концов если и не пришлось примириться с совершившимся фактом, то, по крайней мере, хотя в некоторых случаях относиться к нему более снисходительно. Первые признаки такой снисходительности мы замечаем уже в 1740-х гг. Заселенное самовольными сходцами из разных мест России с. Золотое на Волге уже не уничтожается, как то предписывалось по отношению к селениям, образованным беглыми, а обращается в дворцовое и по 2-й рев. значится уже в Саратовском у. 13 мая 1754 г. последовал указ имп. Елизаветы, *) которым велено было отдавать по требованию просителей только тех беглых, которые написаны за ними в 1-ю и 2-ю ревизии, а по бывшим до 1719 г. писцовым и переписным книгам отдачи не чинить. Наконец, что касается наших иргизских беглецов, то их приказано было оставить на месте и приписать к дворцовым волостям; при этом оказавшихся там помещичьих крестьян от 15 до 40 л. велено засчитать в рекруты.

Как видно из показаний, данных при переписи Лихарева, большинство беглецов не сразу являлись на Иргиз, а по пути туда имели этапы и иногда по нескольку. Такими этапами являются или разные укромные уголки, где они находили приют во время своих скитаний, или же многолюдные селения, где легко было затеряться от преследования закона. В числе „укромных“ уголков, где беглых с распростертыми об'ятиями встречали уже обосновавшиеся там раньше самовольные насельники, чаще всего упоминаются леса по Медведице, на устьях Баланды, по Карамышу, Терсе и т. д., а затем излюбленное с XVI ст. место, обетованная земля для беглых, Дон. Реже мы имеем дело с Яиком. В таких приютах беглые или ютились по землянкам, вырытым в глухих лес-

*) Семевский, стр. 396.

дых местах, или работали на казачьих хуторах. Другая часть по пороге на Иргиз скрывалась сначала в Саратове и Камышине, проводя здесь иногда десятки лет, кормясь работой у обывателей или при казенных соляных промыслах. Для тех, кто имел тягу к земле, безопасное убежище давали крупные приволжские села, как Сосновый Остров, Малыковка, Терса и др., где беглецы также сплошь и рядом обживались на долгие годы, обзаводились семьями и крестьянским хозяйством. При разных напастях, особенно при ревизиях, старожилы этих селений прикрывали беглецов, помогая им „преминовать" их. Наконец, довольно нередко беглые находили радушный прием и в помещичьих селениях, записываясь иногда за помещиками при ревизиях. Конечно, помещику были выгодны такие поселенцы, уже в силу своей нелегальности находившиеся от него в полной зависимости.

Предания приписывают основание очень многих селений нашего края именно беглым. Стоит только почитать словарь Минха, чтобы убедиться в этом. Но документально, б. м. за исключением одного с. Золотого, у нас не найдется, пожалуй, ни одного селения, первоначальное основание которого мы могли бы отнести исключительно на счет беглых. Кажется, еще только в слоб. Красном Яре Камыш. у. первоначальными засельниками были беглые старообрядцы. Основываю эту догадку на том, что в документах XVIII ст. это село называется раскольничьей слободой. Повторяю, что беглые сыграли роль в первоначальном заселении некоторых отдельных местностей Саратовского края, но нет никаких оснований преувеличивать значение этого элемента и тем более приписывать исключительную важность в деле колонизации у нас старообрядчеству. Наш край начал заселяться и заселялся в течении всего XVIII века тем же порядком, как и другие окраины, т. е., вполне законным. Мало того, в истории зеселения края мы встречаемся с прямым покровительством со стороны правительства и этому покровительству он обязан, как увидим дальше, значительной частью своего населения.

ГЛАВА XVII.

Я уже говорил о том какое, значение имело проведение Царицынской линии для установления безопасности от набегов кочевников. Значение это было ясно даже и для ближайших современников, как покезывает нам одно место из знаменитого сочинения Кириллова „Цветущее состояние etc". Результаты устройства линии сказались немедленно и нет поэтому ничего удивительного, что они немедленно же и были использованы. Выше мы подробно говорили о поселениях, возникших у самой линии. Но и на всем остальном пространстве края наблюдается необыкновенно быстрый рост населения, начиная с 20-х годов XVIII ст. Рост этот сказался как в увеличении числа жителей в существо-

вавших уже населенных пунктах, так и в возникновении новых. Первое обстоятельство сравнительно трудно поддается учету, так как данные о количестве народонаселения нашего края за 1-ю, 2-ю и 3-ю ревизии до сего времени еще погребены в недрах архивов и мало разработаны. Но второе обстоятельство, то есть увеличение числа поселков, особенно за время, протекшее между первой переписью и второй ревизией, мы можем представить себе более полно, благодаря материалам, опубликованным покойным А. А. Голомбиовским в III и IV т.т. „Трудов" С. У. А. К. Чтобы не загромождать изложения массой мелких подробностей, я только вскользь коснусь лишь некоторых итогов, извлеченных из этих материалов.

К сожалению, материалы Голомбиовского далеко не охватывают территории нашего края в его целом. Заволжье и юг совершенно не представлены в них, да и в основной части есть значительные пробелы, происходящие отчасти от дефектного состояния документов, которыми пользовался наш исследователь, а частью зависящих от метода его работы. На разборе этих недостатков я сейчас останавливаться не буду, но считаю долгом оговориться, что и мною в настоящем очерке использован далеко не весь материал, предложенный Голомбиовским. Причина этого заключается в крайней трудности, а иногда и полной невозможности точно приурочить старинные названия селений к ныне существующим. Историческая география нашего края еще ждет своего исследователя и кроме труда А. Н. Минха, захватывающего всего два южных уезда, в этой области пока еще нет ни одной работы.

Тем не менее по „Материалам", как показывает произведенный нами подсчет, в пределах только 8 уездов Саратовской губернии (без Царицынского и Камышинского, а также всего Заволжья) можно указать 166 сел и деревень, возникших во время с 1725 по 1746—7 гг., то есть на протяжении всего двух десятков лет, при чем эта цыфра во всяком случае ниже действительности. Из этого числа на долю Кузнецкого уезда приходится 11 селений, Петровского—17, Саратовского—15, Хвалынского—16, Вольского—19, Аткарского—27, Балашовского—23 и Сердобского—38. Даже поверхностное рассмотрение приведенных цыфр дает возможность сделать несколько любопытных замечаний. Та область нашего края, которая раньше всего привлекала к себе постоянное оседлое земледельческое население, а именно бассейн реки Узы с ее притоками, почти полностью покрываемая уездами Кузнецким, Петровским и северной половиной Саратовского,—за этот период получила только 43 новых селения. Между тем, местности, расположенные по Хопру и Медведице, к которым мы должны причислить (целиком или частью) уезды Аткарский, Балашовский и Сердобский, насчитывают 88 новых поселков, образовавшихся за время с первой переписи по вторую ревизию. Такая резкая неравномерность об'ясняется, ко-

нечно, тем, что Узинский бассейн уже в достаточной степени был насыщен переселенцами в предшествующий период и для вновь прибывающего населения оставалось, сравнительно, мало свободных мест. Между тем долины Хопра и Медведицы до 1720 гг. только еще начинали заселяться и естественно, что с установлением безопасности в крае, переселенческая волна мощным потоком устремилась сюда, в привольные и плодородные степи. В Вольском и Хвалынском уездах можно указать только 35 новых селений, но делать на основании этой цыфры какие нибудь заключения о движении населения в долины Волги и Терешки представляется невозможным, так как именно по отношению к этой части края „Материалы", благодаря дефектам в документах, особенно неполны.

Кто явился колонизатором края за этот период? Из 43 селений, возникших в Кузнецком, Петровском и северной части Саратовского уездов—2 были населены чувашами, 6—мордвою и 7—татарами. Из русских селений 3—частью обязаны своим возникновением монастырям или синодальному ведомству, 1—было заселено однодворцами и 26—помещиками. В уездах—Аткарском, Балашовском и Сердобском мы совсем не встречаемся с инородческим населением. Только в одном селе (Перевесинка) упоминаются так называемые „черкасы", то есть малороссы из разных полков, преимущественно правобережной Украины; остальные насельники сплошь принадлежат к великорусской народности. При образовании новых сел и деревень—в 6-ти случаях участвовали монастыри; 7 селений заселено однодворцами, 4—ясшными крестьянами и остальные 70 сел и деревень заселились исключительно помещичьими крестьянами. Как и раньше, инородческий элемент играл наибольшую роль в заселении северо-восточного угла нынешней Саратовской губернии. В Хвалынском уезде возникло только одно помещичье село (Поселок), зато появилось 11 новых татарских деревень, 3 мордовских и 1 чувашская. Но уже Вольский уезд дает нам другую картину: на 14 помещичьих селений здесь приходится только 2 синодальных, 1—дворцовых крестьян, то есть в общей сложности на 17 русских поселков приходится только 2 инородческих, 1 татарская и 1 мордовская деревня.

Таким образом, как и раньше, главным колонизатором Саратовского края был помещик. Из 166 селений—110, то есть две трети, своим возникновением обязаны исключительно помещикам. Да и значительная часть остальных русских селений имела в составе своего населения тот или иной процент частновладельческих крестьян.

Откуда явилось пришлое за этот период в наш край население? Данные второй ревизии, опубликованные Голомбиовским, содержат некоторый материал для ответа на поставленный вопрос. Но все же, полный, исчерпывающий ответ невозможен, хотя почти при каждом селении и имеются указания, откуда вы-

селены проживавшие в нем крестьяне. Дело в том, что с одной стороны сведения эти страдают большой неопределенностью. Например, деревня Хоприк, Балашовского уезда, населена переведенцами из Муромского уезда. Но границы Муромского уезда первой половины XVIII ст. далеко не совпадают с его современными очертаниями и самый уезд (по моему мнению) был гораздо обширнее теперешнего. В сел. Завьялове поселены переведенцы из Нарышкинских вотчин Шацкого уезда. Тогдашний Шацкий уезд, охватывал собою значительную часть нынешних Тамбовской и Саратовской губерний и такое неопределенное указание совершенно недостаточно для точного установления того, откуда же именно происходят завьяловские крестьяне. Более тщательное рассмотрение подлинных ревизских сказок, опубликование новых архивных материалов и т. д. могут дать более полный ответ по отношению к таким селениям, первоначальный состав жителей которого происходил из одной и той же местности, но пока это дело далекого будущего. Вопрос осложняется тем, что только меньшинство селений нашего края были образованы именно таким путем, то есть переводом или переходом сразу из одной местности. Громадное большинство не только разнопоместных сел, но и принадлежавших одному владельцу, сведены из самых разнообразных местностей внутренней России. Тоже приходится сказать и по отношению к невладельческим крестьянам:—монастырским, ясашным, дворцовым, а также по отношению к инородцам. Та крайняя пестрота этнографического состава, которую мы наблюдали уже на примере первоначального заселения беглыми Иргиза, обнаруживается и здесь. Небольшая и теперь, почти через 200 лет после своего основания, деревня Подгоренка Сердобского уезда, первоначально населена была сведенцами из уездов—Балахон., Керенск., Н. Ломов, Роман., Пошехонск., Сузд., Шацкого, Яросл. и Владимирского. Известное всем, как железнодорожная узловая станция, Ртищево в составе своего первоначального населения имеет выходцев из уездов: Елат., Козл., Коломен., Керенск., Кадомск., Переясл. и Саранского. Таких примеров можно привести целые десятки, но и этих двух взятых на выдержку, достаточно для иллюстрации высказанного мною положения о крайней трудности установления прародины населения нашего края.

Вопрос о первоначальном этническом составе русскаго населения Саратовского края очень важен и интересен и вполне заслуживает того, чтобы быть темоюспециального исследования. Такое исследование здесь не у места, да в полной мере, пока и невыполнимо. Ограничусь лишь на указание его важности, считая такое указание необходимым в виду того, при что том направлении, какое принимает изучение этнографии края, подобный вопрос уже пред'является к историкам со стороны местных этнографов. Приведу только один пример, к тому же весьма грубо и несовершенно обработанный. Беру Сердобский уезд, как чисто

русский и помещичий. Население 38 сел и деревень, образовавшихся за время с 1-й переписи по 2-й рев., явилось сюда из 35 тогдашних уездов, входящих в состав 10-ти современных губ. Несмотря на такую пестроту все же, как кажется, возможно установить преимущественное направление переселенческого движения. Просматривая „Материалы“ Голомбиовского мы видим, что в 11 случаях переселенцы явились из Владимир. у., по 7 случаев дают нам уезды Муромский и Пензенский, по 5—Керен., Саранский, Шац., Ростовский; с Рязанским уездом мы встречались в 4 случаях; в 3-х с. Н. Лом., Суздальск. и Алатор., по 2 случая дают уезды Кадом, Нижегор., Алексин., Кашир. и Арзам. Остальные 19 уездов из 35 упоминаются, как родина переведенцев, только по одному разу.

По аналогии с тем, что наблюдалось в предшествующий период мы в праве были бы ожидать особенно усиленного наплыва из ближайших к современному Сердобскому уезду местностей внутренней России, т. е. в данном случае из уездов Пензенского, Ломовских, Керенского и Шацкого. И действительно, в 21 случае мы и встречаемся с этими уездами. Но все же большинство населения явилось сюда, как будто, не из этого естественного резервуара, а из очень отдаленной, сравнительно, местности, из коренной Руси, из так называемой теперь промышленной области. Она упоминается в 40 случаях; Владимирская, Московская и Ярославская губернии дали главную массу населения за данный период, из черноземной же полосы России происходит меньшинство. В общем, несмотря на неоднократно упоминаемую крайнюю пестроту, район, снабдивший избытком своего населения Сердобский уезд во 2-й четверти XVIII стол., хотя и обширен, но довольно однороден. Крайними точками являются: на С.—Пошехонье, на Ю.—Елец, на З.—Звенигород и на В.—Симбирск. Вне этой окружности мы не наблюдаем ни одного случая переселения в Сердобский уезд.

Что касается инородческого элемента, то он мог явиться к нам только оттуда, где сам представлял плотную большую массу. Поэтому, как и раньше, татарское население поставляли уезды Алаторский, Касимовский, Темниковский, Симбирский, Пензенский и Саранский; мордва приходила глав. образом из Пензенск. уезда, чуваши проникали из Симбирского уезда.

Рассматривая историю колонизации края за данный период мы впервые наблюдаем одно явление, которое после делается обычным и благодаря которому сеть селений становится все более густой. Дело в том, что возникшие раньше села и деревни, благодаря естественному приросту населения и иммиграции, становятся настолько многолюдными, что в них делается тесно жить и они начинают выделять от себя уже колонии, которые впоследствии сами становятся метрополиями для других сел. Так, например, из синодального села Вязовки (Вольского уезда) образуются еще два села—Максимовка и Синодское. Часть морд-

вы из Н. Дубровки населяет с. Верхнюю Дубровку; служилые татары Ст. Атлаша населяют Н. Атлаш и т. д. Таким образом, мы встречаемся здесь с рассасыванием населения, с попыткой более равномерного распределения его по территории. Конечно. такое явление могло зародиться и затем получить развитие лишь при условии полной безопасности края, а затем и при наличии полной свободы в расселении. Что касается последнего обстоятельства, то по мере того, как свободные земли все более и более осваивались, такая свобода постепенно исчезала и внутреннее расселение не могло поэтому достичь полного развития.

Как приобреталось помещиками право на землю? В более ранний период, т. е. в конце XVII—нач. XVIII ст. земли отводились им на поместном праве из диких полей. Кроме того мы знаем и о пожалованьях в вотчины. Так в 1699 г. Нарышкиным была пожалована Конобеевская волость; Новоспасский монастырь получил таким путем обширные владения в нынешнем Вольском и Пугачевском уездах; в 1701 г. были пожалованы сотни тысяч десятин саратовским жителям и т. д. Но для позднейшего периода, когда отвод земли на поместном праве прекратился, приобретение ее шло уже другими путями. Прежде всего—посредством покупки у перводачников и их наследников. В местном историческом архиве хранится ряд купчих 1-й пол. XVIII ст. Еще большее количество их до нас не дошло. Обилие такого рода документов ясно показывает нам, что и в то время мобилизация земельной собственности шла очень энергично. Само собой разумеется, что легально таким путем можно было приобрести только такой участок, который был формально укреплен за продавцом. Если бы все сделки совершались на строго законной почве, то при этих условиях площадь помещичьего землевадения не могла бы расширяться, а должна была бы оставаться в тех границах, которых она достигла к моменту, когда прекратился отвод земель в поместье служилым людям. Между тем, судя по всем признакам, такое расширение было и притом быстро прогрессировало втечение почти всего XVIII ст., вплоть до опекунского межевания.

Причиною этого прежде всего следует признать крайнюю неопределенность границ участков, первоначально отводимых перводачникам. Эта неопределенность—необходимая принадлежность почти всех документов такого рода, относящихся к нашему краю. Из множества примеров достаточно привести на удачу один. В 1723 г. Шацкий воевода *) по челобитью подполковника Нестерова и майора Сафонова командировал керенца Дуракова отвести им в поместье землю из диких полей за керенским и ломовским валами. Дураков, во исполнение этого поручения, взяв с собою понятых в числе 117 человек, сделал отвод, начав его „от Рузановских вершин и от той вершины вниз

---

¹) Тр. СУАК., вып. 26, стр. 255 и сл.

тою речкою Рузановкою по правой стороне до устья р. Хопра и от того устья через р. Хопер по Казачьей дороге до Большого Липяга куракинского и по обе стороны того куракинского липяга до р. Сердобы, вверх тою рекою Сердобою до межи и граней Сердобинской слободы, и от того Сердобинского рубежа поворот направо прямо до верхов речки Песчанки и через верхи песчанские и от тех верхов до речки Альшанки на большие альшанские верхи и до вершины речки Изнаира и вниз до устья Изнаирского и через р. Хопер до речки Б. Миткирея и вверх той рекою Миткиреем по обе стороны той речки Миткирея до Большого Врагу и от р. Миткирея от вершин Миткирейских поворотя вправо до вершин речки М. Миткирея до Крутого Врага, а с Миткирейских малых вершин до речки Вязовки до вершин, а с Вязовских вершин до первого урочища Рузановских вершин". Многие урочища, упоминаемые в отводе, сохранили свои названия до настоящего времени и потому на современных картах мы легко можем восстановить приблизительные границы отведенной Нестерову и Сафонову земли. Вместо нескольких сот десятин им, таким образом, достался порядочный кусок Сердобского уезда. Нет оснований думать, что такая щедрость при отводах происходила только от неопытности лиц, делающих отводы, в землемерном искусстве. Больше данных за то, что она была намеренной и не совсем добросовестной. В самом конце XVII ст. (201 г.) симбирянин Дмитриев получил от симбирского воеводы наказную память на сыск в Симбирском уезде 70 чет. порожней земли из диких поль. Чтобы действовать без помехи, он набрал в понятые 16 чел. из инородцев-мордву и чуваш, проживавших в глуши уезда и с ними отправился отыскивать свой клочек земли [2]). Поиски его увенчались успехом и он нашел подходящие угодья при впадении Терсы в Волгу, где и отмежевал себе полосу земли, как сказано в документе: „по Волге будет на 15, а в ширину версты на 3, а в ином месте и на 4 версты". К несчастью для себя он ошибся и вместо дикого поля зашел в угодья, на которые заявлял свои претензии Новоспасский монастырь. В этом споре сильный столичный м—рь одержал верх над провинциальным дворянином и межеванье было уничтожено.

Но не будь такой ошибки Дмитриев и его потомки благополучно утвердились бы на захваченной т. образом земле. Самым же обычным способом приобретения земли у нас был простой захват ее. „В 1761 г. поверенный статсдамы Нарышкиной подает челобитье в шацкую провинциальную комиссию, что в старинных шацких крепостных дачах Нарышкиной при р.р. Хопре, Вороне, Медведице, Терсе, Елани и впадающих в них речках поселились неведомо какие люди, из которых некоторые называются малороссиянами, завладевшие ее землями, пашут, сеют

[2]) Тр. СУАК т. II, 2, стр. 273.

хлеб, косят сено для скота, построили много хуторов, завели пчельники, мельницы и заводы. Посланный по этой жалобе от канцелярии поручик Храмцов донес, что на земле Нарышкиной в с. Елани, д. Щербедине и с. Мелике он нашел поселения разных помещиков и ясашных кр-н; близ с. Елани построена мельница на р. Терсе, другая на той же реке близ села Никольского; в с. Рудне железный завод Морозовой,—жены белгородского купца, и 260 дворов мордвы, вышедшей из деревень Керенского и Темниковского у. у., которые приняли здесь крещение, построили в поселенной ими деревне церковь и деревню назвали по имени этой церкви Покровской. Из опроса поселенцев оказалось, что они даже не знают, на чьей земле живут. Нарышкины были сильными людьми, располагавшими большими связями, к тому же они сравнительно скоро обратили внимание на захват своих земель. Несмотря на все это только путем долгих судебных процессов и то в силу не закона, а высочайшего повеления, т.-е. в исключительном порядке, им удалось отстоять часть своих владений и до самого последнего времени владеть десятками тысяч десятин в нашей губернии.

Не так счастлив был другой крупный владелец жалованной земли, а именно г. Саратов. Во время проезда кн. Голицына, возвращавшегося в 1699 г. из Камышина с осмотра производившихся там работ по проведению волго-донского канала, саратовские служилые люди разных чинов обратились к нему с просьбою об отводе им земли на прокормление. В результате этого ходатайства в марте 1700 г. последовал указ из Приказа Казанского дворца об отводе саратовским ружникам и всех чинов градским жителям на табунный выпуск, на сенокосные и лесные угодья обширной области на несколько десятков верст кругом Саратова по горной и луговой стороне. По народному преданью границы были указаны самим Петром, который, взойдя на вершину Соколовой горы, отдал Саратову всю окружность, которую только можно охватить глазом с нее. На самом деле границы далеко выходят за пределы видимого с горы горизонта. На нагорной стороне они шли по рекам Чардыму, Идолге, Латрыку и Горючке; по луговой—по Сапуновке и Караману, включая в себя не менее 3000 кв. верст.

Земли было так много, а потребность в ней среди саратовцев, сравнительно, так незначительна, что долгое время по поводу ее не происходило никаких недоразумений. Как говорится в сенатской записке о землях г. Саратова,*) „каждый из всех состояний в городе живущих; первый заняв пустое место, огородив под сад или распахав, сделался настоящим владельцем того места и поступался оным другим, и таковым образом живут на окружной земле или особыми зимовьями или целыми деревнями вкупе бобыли, пахотные солдаты, купцы, мещане и цехи". После

*) Истор. Архив, серия. Сенат. № 2901.

того как опасность кочевнических набегов исчезла, земля начала приобретать все большую и большую ценность. На нее обратили внимание не только те, кто обрабатывал ее своими силами, но и те, кто мог эксплоатировать ее подневольным трудом, т. е. лица, имевшие право владеть крестьянами. На ряду с зимовьями и хуторами саратовских жителей появляются деревни, принадлежащие дворянам и чиновникам. В наказе, который читал в комиссии для составления уложения депутат саратовских черносошных крестьян Смирнов,*) в 1-й ст. указывалось, что хотя Саратовский округ по грамоте отведен был для граждан, но проживающие в Саратове служилые и отставные офицеры, городовые дворяне, купцы и приказные служители завладели по рекам самыми удобными пашенными и сенокосными местами и лесными угодьями, самовольно перевели на них своих крестьян и тем стеснили коренных жителей до такой степени, что для прокормления своего скота они вынуждены нанимать у них в своем же округе луга; кроме того помещики запрещают им пользоваться лесом.—Записка из дела о землях г. Саратова подтверждает, что помещики, захватившие себе в саратовской окружности участки, действительно владели ими без документов. В лучших случаях источники их права на владение восходили к тем выписям, которые в XVII и XVIII в.в. выдавались саратовскими воеводами. Болотов в своих записках очень ярко изображает процесс захвата земли из диких поль. Сведения, сообщаемые им, для нас представляют особенный интерес, т. к. местности упоминаемые в записках лежат у самых границ Саратовской г.

Было бы очень интересно, кроме установленния откуда именно явилось к нам первоначальное сельское население, проследить и условия жизни его на новых местах, процесс приспособления к новым, необычным условиям, материальное положение отношения к владельцам и т. п. Но в нашем распоряжении совершенно нет документов, характеризующих внутренний быт крестьянского населения, и потому все поставленные вопросы приходится оставить без ответа. Не могут, по моему мнению, дать на них исчерпывающего ответа и общие труды, посвященные изучению положения крестьянского населения в XVIII ст., т. к., полагаю, нет полного совпадения условий, в которых жило, напр., крестьянство центральной России, с теми, которые окружали первых поселенцев нашего края. Ведь все здесь было иным—почва, климат, порядок землепользования и, в соответствии с этим, по иному должны были складываться, по крайней мере в частностях, отношения к владельцу, раз дело касалось помещичьих крестьян. Только в приложении к незначительной части крестьянского населения края и только в последнем смысле, т. е. по вопросу о том, какие взаимоотношения существовали между крестьянином и владельцем, мы можем, да и то лишь частично,

*) Сборн. Рус. Истор. О-ва, IV стр. 113.

дать ответ. Я говорю о крестьянах монастырских вотчин, документы о которых опубликованы в свое время все тем же неутомимым А. А. Голомбиовским.*) В одном из выпусков „Трудов“ СУАК им приведены в извлечениях описи Коллегии Экономий 1763—64 г.г., относящиеся к вотчинам московских монастырей на территории Саратовского края. Данные, следовательно, относятся сравнительно к позднему уже времени и касаются только владений Троицкой Лавры, которой в наших местах принадлежало 6 вотчин:—2 в тогдашнем Симбирском у. (Сухая Терешка Хвал. у. и Алексеевка Сарат. у.), а 4—в Пензенском (Камешкир, Бакуры, Березовка и Федоровка—ныне 1-я Кузнец., 2 и 3—Серд. и 4-я Аткар. у. у.). Всего в этих селах за Лаврой считалось 3547 душ муж. пола, т.-о. население сел состояло приблизительно из 7000 чел. Почтенный исследователь, материалами которого я пользуюсь, склонен считать положение этих крестьян весьма благоприятным. По его словам „хозяйство монастыря—вотчинника, отстоявшего слишком на 800 верст от своих степных украинных имений, было весьма несложное; если можно так выразиться, монастырь не имел даже здесь никакого хозяйства; он владел только крестьянами, которые и должны были платить с души известный оброк (от 70 к. до 1 р. в год), да содержать и уплачивать жалованье монастырским „управителям“. Этими обязательствами и ограничивались отношения к вотчиннику. Затем Лавра предоставляла в пользование крестьян всю землю, лес и др. угодья, не сбирая с них особого оброка, „а на Лавру, читаем в описях, крестьяне земли ничего не пашут“. Что касается до натуральных повинностей и различных „столовых припасов“, то первые ограничивались дачею нескольких подвод в год, а вторых богатый монастырь, имевший много ближайших, московских вотчин, и совсем не собирал. Единственно еще чем пользовалась Лавра с своих вотчин—это деньги „за вывод“ девок в замужество на сторону и „венечные“ со свадеб“.

Но те выдержки из описей, которые приводятся Голомбиовским, не совсем подтверждают только что приведенные его соображения. На самом деле, повинности с крестьян не ограничивались одним оброком, а те льготы по землепользованию, которые предоставлялись монастырем, далеко не так значительны, как то изображается в изложении автора. Берем, например, с. Сухую Терешку. В нем по ревизии 1744 г. числилось 531 душа и ко времени описи было причислено еще 30 душ, которые и населяли 200 дворов.

С этих 200 дворов ежегодно собиралось оброку 379 р. 34 к. из расчета по 70 коп. с души. Но этим далеко не ограничивались ежегодные платежи крестьян. В селе проживал монастырский прикащик Андрей Чемодуров, содержание которого также падало на них. В его пользу сходило в год: за непосев десятин-

*) L. cit, стр. 1, 2.

ной пашни по 150 р.; по волостному распоряжению на с'естные его припасы 56 р.; ему же с 200 домов в'езжих и праздничных за гусей, за поярки и за курицу по 40 к. с дому, итого 80 руб.; ему ж давано было обронных, что ехал из монастыря, и за поков лошадей и на прочие расходы в том его проезде 50 руб.; ему же давано было за сено, за дрова по 2 р. по 60 коп., за масло коровье по 6 р., за корову 3 р.; да людям его, которые находились вместо рассыльщиков, давано было по 30 р.; да находящимся при оном прикащике писцам по 21 р. 68 коп., да на всякие приказные и мирские расходы по 10 коп.—итого 56 руб. 10 коп. Всего, заключает опись этот длинный перечень, с показанных 561 души происходило в год монастырских окладных, на прикащика и на прочие расходы по 1 р. 52 к. с души, итого 852 р. 72 к. Любопытно, что содержание прикащика обходилось в гораздо большую сумму, чем самый оброк монастырю (473—379 руб.). Итак, с 200 дворов, не считая венечных и выводных, сумма которых не может быть определена даже приблизительно, и которые, конечно, не могут быть причисляемы по своему существу к регулярным ежегодным платежам, каждый крестьянский двор платил в пользу монастыря и его управителя по $4^1/_4$ р. в год. Все значение этой, мизерной на первый взгляд, суммы мы могли бы уяснить себе лишь путем сравнения ее с одной стороны с тем, что сходило ежегодно с крестьян иных монастырских вотчин, расположенных в других местностях России, а с другой—с теми оброками и натуральными повинностями, которые по отношению к своим владельцам несли крестьяне других категорий. За отсутствием достаточного материала для сравнений, ограничусь лишь указанием на то, что помещичьи крестьяне с. Алексеевки, часть которого принадлежала той же Троицкой Лавре, платили своим владельцам только рублевый оброк, т. е. приблизительно около 2 р. с двора. Т. о., тяжесть ежегодных платежей, причитавшихся с населения Сухой Терешки, нужно признать относительно весьма значительной.

Чем же пользовались крестьяне за этот, как мы видели, значительный по размерам оброк? Оказывается, что „в том селе крепостной того Троицкого монастыря по двум купчим 1716 и 1724 г.г. земли 110 четвертей в поле, а в дву потому-ж, с лесом, с сенными покосы и со всеми угодьи. Последняя фраза звучит очень громко, но, к сожалению, это только фраза, т. к. та же самая опись дальше добавляет: „из которой земли достается им по разделу, тако-ж и сенных покосов, по малому числу“. И действительно, при переводе на десятины мы получим, что всей пашни, которая находилась в пользовании крестьян, было только 165 десятин в трех полях и, следовательно, на каждый двор приходилось меньше десятины, а посевная площадь при таком количестве и при непременном в обстановке трехпольной системы хозяйства условии, что треть пашни ежегодно находится под паром, составляла с небольшим полдесятины на двор (0,55 дес.). Неуди-

вительно поэтому, что крестьяне „за малоимением у них той земли и сенных покосов более довольствуются того их села от разных помещиков наймом". При таких условиях фраза описи, что крестьяне „за оным оброком пашни на монастырь не пашут и сена не косят и изделия никакого не делают и с лошадьми и пеших в оный монастырь для работ не посылают" вовсе не является доказательством особенно льготного их положения.

Другое, принадлежавшее Лавре в Симбир. у. село Алексеевка, находилась еще в худшем положении, хотя население его и не несло таких расходов на содержание управления. Прикащики сюда только наезжали. Но здесь на 700 душ, составлявших 145 тягол, приходилось всего только $62^1/_2$ чет. земли. И хотя крестьяне „за оскуднением земли принуждены на пашню к пропитанию своему еще нанимать и всякий год нанимают рублей на 100 и более,.... покосов всякий год нанимают же и на то происходит от них по 50 и по 60 рублей в год", все же они высевали только по 4 четверика с тягла и, как выразился производивший опись прапорщик Середонин, „посеянной на той земле хлеб им мало будет и на квас", тем более, что и земля „в дачах оного села к плодородию посредственная". Как на особый вид тягости, от которой они несут изнеможение, Алексеевские крестьяне указывали на то,что они поселены у большой Саратовской дороги, и..... по данным от присутственных мест подорожным и без подорожных и партикулярные люди берут у них без прогонов подводы. Не удивительно, что значительная часть монастырских крестьян проживала ко времени переписи в Саратове, где, очевидно, были более льготные условия существования.

Огромное село Камешкир, в котором уже ко времени составления описи числилось за монастырем 303 двора с 1053 душ., по заключению поручика Дурова, производившего опись, находилось в столь благоприятных условиях, что он полагал возможным без особенного обременения крестьян увеличить рублевый оброк еще 10 коп. с души, т. к. „по его примечанию" земля с. Камешкира „к плодородию хлеба способная" и к тому же ее „имеет быть довольное число без найма". Но ближайшее рассмотрение заключающихся в описи цыфр показывает нам, что и здесь платежи крестьян далеко не соответствовали тем льготам, которые они имели взамен их от монастыря. Земли тут числилось 702 чет. в поле, т. е. на каждый двор приходилось с небольшим по 2 дес. посевной площади. Сена накашивалось 150 стогов— около полустога на двор. Что касается лесу, то „по жалованной грамоте оной Лавры властям хотя и значит, чтобы в'езд иметь для всякого исправления крестьянам за р. Кададу в Большой Сурский лес, но точию того же Пензенского у. разными обывателями из давних лет к порубке никогда не допущаются, а только состоит ныне при оном селе во владении между сумежных с ними в разных местах всякого мелкого дровяного лесу вдлину и поперечиною на 4 версты, а дельным для всякого строения исправ-

ляются у разных обывателей через наем и покупку". Недостаток поделочного леса имел для обывателей Камешкира особое значение, т. к., стесненные в развитии хлебопашества, они были вынуждены прибегнуть к подсобным промыслам и с давних пор многие из них занимались „рукоделиями" через что и прожиток имеют, как гласит опись. Уж это развитие подсобных промыслов дает указание на то, что основное крестьянское занятие—земледелие—не могло прокормить их. Тем не менее, помимо обычного оброка в 75 коп. с души, крестьянам приходилось еще содержать управителя *из служек*, поборы в пользу которого поражают своим разнообразием и многочисленностью. Содержание управителю по описи определяется следующим образом: с 303 дымов с каждого по 10 коп. вместо пашни под ярь и рожь; за сено деньгами 75 р.; в'езжих и банных—по 4 коп. с дыма; за русских кур с каждого дыма за 1 курицу по 1 коп.; за поярковую шерсть по 3 коп. с дыма; с 5½ вытей ржи по 6 четв. 7 мер; овса постольку же; пшеницы по 11 мер; праздничного 1½ коп.; за 2 куренка и 2 поярка по 4 коп. с дыма. Не ограничиваясь этим, определенным от монастырских властей жалованьем, управитель устанавливал еще свой оброк и, как показывает опись, „по требованию его деньгами и за хлеб и за всякие припасы по ценам деньгами же происходило" с крестьян: ржи и овса по 14 четв. и 1 мере; круп 2 чет. 5 мер; пшеницы 3 чет. 7 м.; гороху 2 чет. 5 м.; семени конопляного 2 ч. 5 м. свиного мяса 10 туш; коровьего масла 5 п. 10 ф.; 45 гусей; 53 индейки; 65 уток; и 111 простых кур. При управителе состояла канцелярия из 2 „земских"—„для исправления всяких письменных дел" с жалованием по 27 р. в год, да на письменные принадлежности собиралось по 10 р. 80 коп. Мало того, на раз'езды управителя бралось или натурой или деньгами до 100 подвод. Все свои денежные ежегодные платежи крестьяне определили в 1024 р., т. е. почти в 3½ р. с двора, что, принимая во внимание существовавшие в то время цены на сельскохозяйственные продукты и арендные цены на землю, далеко превышало те выгоды, которые крестьяне могли извлечь из предоставляемых в их пользование монастырем угодий.

Доходам управителя, весьма мало отличавшихся и по размерам и по характеру от того, что извлекал из своих крестьян довольно крупный помещик, соответствовал и внешний образ жизни, поскольку об этом можно судить по описанию управительской резиденции. Для пребывания управителя в с. Камешкире имелся монастырский двор, занимавший площадь в 35 саж. длиною и 27 саж. поперек; все это пространство было огорожено пластинами, забранными в столбы. „На том дворе деревянного строения: 2 горницы на подклетях белые, в первой 5 косящетых окошек с окончины стеклянными, печь кирпичная; промеж ими сени разгорожены надвое досками, в них два окна косящетые с окончины стеклянными, а в тех же сенях чулан забран досками стоячими; в другой горнице 3 окна косящетые с окончины

стеклянными, в ней печь кирпичная с трубою, перед ней в сенях 4 чулана пластинные... у оных горниц крыльца с перилами на столбах забраны мелким лесом, под теми крыльцами рундук, а под сеньми 3 чулана. А все оное строение дл. 12, а попер. 3½ саж.“. Далее следует описание светлички, бани, конторы и многочисленных хозяйственных построек и служб. Если сравнить это описание с тем, какое для дома своих предков дает Болотов, то мы должны будем согласиться с тем, что Камешкирский монастырский управитель из служек жил куда шире каширского помещика средней руки. На одни дрова для отопления хором с вотчины собиралось 10 р. 53 коп., сумма весьма для своего времени не малая. Кроме хором и других строений к усадьбе примыкал еще управительский огород „для посеву овощей“, также огороженный пластинами, забранными в столбы. Во всяком случае уже кому другому, а управителю жилось и привольно, и сытно, и тепло.

Что касается управляемых ими крестьян, то с тем же фактом обременения их поборами в пользу управителей мы встречаемся и в других принадлежавших Лавре селах и деревнях. Везде налог в пользу приказчиков превышал прямой оброк, установленный монастырскими властями, и также везде количество находившихся в пользовании крестьян монастырских угодий далеко не соответствовало тяжести лежавших на них повинностей. Везде крестьянам приходилось прибегать к аренде таких угодий, т. к., напр., в с Сергиевском на 343 рев. души приходилось всего 17 чет. в поле и 10 копен покосу; в Федоровке—на 250 душ—30 четв. и т. д. В последнем селении, несмотря на то, что „крестьяне лес покупают недорогою ценой и кроме того близ тех дач подошла дикая порозжая земля, ни у кого во владении не состоит“, треть числящегося по 2-й рев. населения должна была покинуть деревню и „жительство имели в г. Саратове, нанимая земли под дворы у обывателей“. К сожалению, о причинах ухода мы можем только догадываться, т. к. в описи она прямо не указана. Но, повидимому, это были беднейшие крестьяне, если судить по тому, что производивший опись поручик Дуров не нашел возможным обложить их более чем рублевым оброком.

Рост сельского населения на территории края не мог не отразиться или по крайней мере не иметь соответствия и в росте населения городского. Уже раньше нам пришлось наблюдать зарождение, в самом почти начале XVII ст., посадского населения в Саратове и медленное хотя, но постоянное возрастание его в течении всего указанного столетия. После перенесения Саратова на правый берег Волги в посад, б. м. и не целиком, должны были влиться и те поселенцы, которые около половины века образовали слободку около казенного рыбного промысла. Цыфровые данные, которые помогли бы нам точно установить рост Саратова за XVII и нач. XVIII ст.,

отсутствуют, но существуют косвенные указания, в частности свидетельства очевидцев, которые говорят не только за безостановочность, но и за быстроту этого роста. Голландский путешественник Де-Бруин, посетивший наш город в 1703 г., описывает его уже как довольно большое поселение, имевшее несколько церквей и слободу, простиравшуюся на 1/2 ч. ходьбы. Это уже не та маленькая крепостца, описание которой мы находим у Котова или Олеария. К началу XVIII в. здесь насчитывалось кроме собора и трех монастырей и несколько приходских церквей. Уже одно это указывает на значительность населения. Архивные материалы, которые помогли бы нам осветить затронутый вопрос, или погибли, или остаются в неизвестности в крупных столичных архивах. По необходимости приходится довольствоваться только теми обрывками их и случайными намеками, которые опубликованы. Кое что в этом отношении можно извлечь из труда А. А. Кизеветтера. „Посадская община в России в XVIII ст.“, но полной картины как роста городов Саратовского края, так и внутренних отношений, существовавших в них, пока представить невозможно.

Для наших городов прежде всего остается неясным вопрос о том, какие категории населявших их жителей вошли в состав посадского населения. Этот вопрос может быть более или менее удовлетворительно разрешен лишь данными, заключающимися в сказках первой переписи, пока недоступных для обследования. Юридическим основанием принадлежности к посадской общине, установленным законодательством XVIII в., было—или наследственность посадского состояния или же профессиональный характер посадского тягла. „Первое основание удерживало в составе посадской общины все исстаринное ее население независимо от изменяющихся условии его промышленной деятельности. Старинный посадский человек, потерявший торги и промыслы, живущий одной черной работой, всетаки по своей „природности“ продолжал состоять членом посадской общины. Второе основание—открывало доступ в состав посадской общины сторонним элементам при условии наличности у них торговопромышленного капитала указанного размера. На этом основании все торгующие в пределах посадской оседлости обязательно зачислялись в посад, а все, вступающие в посад со стороны, обязательно должны были иметь торг и промысел не менее указанного размера (Кизеветтер 24). На этих основаниях в состав, напр., посадской общины Саратова подлежали включению все те лица, которые в предыдущем столетии, проживая здесь и занимаясь торгами и промыслами, вместе с тем не принадлежали ни к одной из известных нам категорий служилых людей, а также и те пришельцы и местные жители нисшего служилого сословия (напр. стрельцы), которые обзавелись торгами и промыслами. Вступление в посад нового члена могло происходить или припиской по указу, т. е. в административном порядке, или же по

поручным записям, т. е. по приему самих обществ. В первом случае иногда нарушались интересы посадских общин, что и вызывало с их стороны протесты. Пример такой приписи и последовавшего затем протеста по отношению и к нашему Саратову приводится, между прочим, у Кизеветтера (стр. 28). В 1747 г. Саратовская канцелярия ревизии приписала к Саратовскому посаду 21 человека, воспитанных с малолетства саратовскими купцами и показанных их свойственниками, пасынками, племянниками. Саратовская ратуша донесла в канцелярию, что купечество „в принятии их в посад будучи весьма сумнительно", просит „не найдутся-ли ко определению мимо саратовского купечества в другие чины". Канцелярия ревизии настаивала на их приписке, однако Саратовский посад не отказался от своего ходатайства и перенес дело в Астраханскую губернскую ревизскую канцелярию, решение которой по этому делу неизвестно. При приеме новых членов самим посадом с них брались поручные записи, удостоверяющие их добропорядочность, имущественную состоятельность и исправность в отбывании мирских повинностей. Так, напр., в Саратовском посаде при производстве 2 ревизии оказался следующий случай (Кезеветтер, 35). Дворянин дома астраханского архиерея, определенный в Саратов для покупки припасов на архиерейский дом, купил себе в Саратове двор и, имея торгового промысла на 300 р., возбудил ходатайство о записке в Саратовское купечество, но не себя самого, а своего малолетнего сына. Саратовский магистрат счел нужным допросить купечество, желает-ли оно принять сына челобитчика. Сход приговорил обусловить принятие согласием отца платить за сына впредь до совершеннолетия последнего подушные и другие сборы и отправлять купеческие службы. Обычно, впрочем, в случаях, не возбуждавших сомнения, обращения к сходу не требовалось и магистрат сам удовлетворял просьбы о записи в посад. Вообще посадские общества, для более равномерного распределения посадского тягла ревниво наблюдали за тем, чтобы все промышляющие и торгующие в данном поселении включались в состав общества. Мало того, Кизеветтер (39, 40) отмечает такое явление, весьма для нас любопытное, что посад для пополнения состава своих тяглецов старался притянуть к себе внегородских обывателей иногда даже с нарушением закона. В Казани, напр., 2-я рев. вскрыла такой случай. Еще по 1-й рев. в Казанском посаде было записано до 412 душ городских бобылей, да после переписи прибыло их 390 душ, всего 802 душ. Из них умерло и разными случаями убыло 413 д. Оставшиеся бобыли, чтобы не платить за выбылых с пуста, набирали на те убылые места разных беглых крестьян и разночинцев, которые подложно принимали на себя имена убылых бобылей. Этот прием оказался особенно доступным для посадов Казанской губернии ввиду заметного прилива туда вольной колонизации, в составе которой было не мало беглых людей, охотно заметавших следы

своего побега запиской в посадские общины под чужим именем. Весьма вероятно, что такой прием практиковался и в городах Саратовского края, т. к. только путем естественного прироста и легального причисления трудно об'яснить возрастание посадского населения в наших городах. Это тем более вероятно, что цитируемый мной автор приводит и цыфровые данные о сходцах из верховых городов в астраханскую губ. и о зачислении там в посады (Кизеветтер 43—45). К сожалению, приводимые им цыфры относятся только к самой Астрахани, но и они удостоверяют о могучести колонизационной волны, направлявшейся в наше Поволжье. Об этом же свидетельствует и количество посадского населения, зарегистрованного для Саратова 1-й переписью. Кириллов (II, 30), говорит про наш город, что „жителей многое число, а больше купечество, которых по нынешней переписи 1596“. Кизеветтер (91) принимает для посадского населения другую цыфру, а именно 2093, в том числе купцов 1201, цеховых 892. Но я больше склонен в данном случае доверять Кириллову, т. к., принимая цыфры Кизеветтера, мы становимся перед необ'яснимым фактом численного уменьшения саратовского посадского населения ко времени 2-й ревизии, которая застала здесь всего 2056 душ. Между тем источники, напр. показание, уже приводимое мною выше, офицера, посланного для сыска беглых, свидетельствуют о сильном наплыве сюда пришлого элемента. При отмеченной уже тенденции посадских общин привлекать возможно большие круги населения к несению тягот посадских повинностей и при необходимости для многих пришельцев легализировать свое положение в новом месте жительства, несомненно, что часть их должна была записаться в саратовский посад. Т. о., мы вправе ожидать не уменьшения, а увеличения здесь податного населения, тем более, что неизвестно никаких причин, которые могли бы вызвать такое уменьшение (Как, напр., в Астрахани, где после эпидемии 1728—29 г.г. количество посадского населения с 1660 д. сократилось до 877, т. е. уменьшилось почти вдвое). Про то, что эпидемия свирепствовала и в наших местах, пока ничего не известно и на это обстоятельство мы не можем указывать, как на причину уменьшения населения. Эти соображения заставляют меня предполагать, что в ведомости, которой пользовался Кизеветтер, вкралась какая нибудь ошибка или эта ошибка явилась в результате переписки документа. Как бы то ни было, но при указанном Кирилловым количестве населения в 1596 д. Саратов по числу жителей занимал одно из первых мест среди городов среднего и нижнего Поволжья. Только Казань и Симбирск превосходили его в этом отношении (2279 и 2097 д.). Прочие поволжские города, расположенные ниже Казани, по населенности значительно уступали ему. Старая Астрахань имела только 877 д. неслужилого русского населения; ровесница Саратова Самара 204 души (купцов 188 и 16 цехов.), уступая даже Царицыну, где по ревизии чи-

числилось 281 д. В прочих городах нашего края количество посадского населения по 1-й переписи исчисляется немногими десятками и сотнями: в Петровске было 197 д. в Дмитриевке 86.

Цыфры второй ревизии показывают постепенный рост наших городов. В Саратове было записано в ревизские сказки 2056 д., в Царицыне 457 д., Петровске 251 и Дмитриевск 169 д. Но приведенными цыфрами далеко не исчерпывается не только вообще все население наших городов, но даже и те категории его, которые по роду своих занятий должны-бы были входить в посад. Часть его оставалась вне юрисдикции посадской общины и потому и не попала в ревизские сказки по ней. Так, напр., в Саратове в 40-х г.г. XVIII ст. находилось 16 чел. пушкарей на жаловании от штатс—конторы по 5 руб. в год (Киз. 153). Некоторыя из этих пушкарей занимались мастерством и просили сами о приписке их в цехи по обявленным им мастерствам. Они приводили резоны, что живут они в Саратове праздно, совершенно отвыкши от артиллерийского дела, т. к. за устройством Царицынской линии Саратов перестал быть боевым пунктом. Астраханская канцелярия о ревизии подкрепляла эти резоны справедливым соображением: пусть лучше эти пушкари сами тянут тягло вместе с цеховыми, чем даром получать пушкарское жалование. Однако Саратовская воеводская канцелярия крепко стала за удержание пушкарей в своем ведомстве. Царицынская линия—по ее уверению—не устранила возможности набегов каракалпаков, киргиз—кайсаков и воровских калмык на Саратовский край, а имеющиеся в Саратове казаки постоянно отлучаются в командировки за жалованьем, для почтовой гоньбы и проч. Сенат согласился с мнением воеводской канцелярии и пушкари не получили возможности причислиться к цехам. Несомненно, что кроме пушкарей в Саратове проживало и еще не мало народу, занимавшегося торговлей, промыслами или ремеслами, но по той или иной причине не включенных в состав тяглового посадского населения и не учтенного при ревизии. Вспомним хотя бы тех, 80 с лишним человек Федоровских крестьян, которые, будучи записаны за Троицкой Лаврой, проживали в Саратове, нанимая у посада места под дворы.

Только что приведенный пример ходатайства саратовских пушкарей о записке их в цехи показывает, что уже очень рано саратовская посадская община расслоилась. С одной стороны в составе ее наблюдается купечество, занимавшееся, гл. обр., торговлей и промыслами и более сильное в материальном отношении; с другой—мелкий ремесленный люд, более слабый экономически, об'единенный цеховым устройством. Закон, посвященный специально устройству цехов, вышел только в 1722 г. (Кизеветтер 147 и сл.). Закон этот не остался мертвой буквой и имеются несомненные свидетельства, что цехи в Саратовском посаде существовали уже в 20-х г.г. XVIII ст. Как учреждения—цехи непосредственно были подчинены магистратам и потому отмена городо-

вых магистратов разрушительно подействовала на цеховую организацию. В большинстве русских городов, даже таких крупных как Москва, она прекратила свое существование. Но в Саратове и по отмене магистратов цехи продолжали существовать непрерывно, изменив только порядок подчиненности, т. к. с уничтожением петровских магистратов находились непосредственно в ведении воеводской канцелярии. В таком виде они дожили до 1746 г., когда, с восстановлением магистратов при Елизавете, они вернулись в магистратское ведомство.

Цехи, также как и весь посад в целом, неодобрительно смотрели на тех, кто, занимаясь ремеслом в данном городе, уклонялся от записки в цехи и, т. д., освобождался от несения цехового тягла. В силу этих соображений депутат от Саратова в Екатериненской комиссии 1767 г. требовал обязательной записки в цехи вечно для всех, занимающихся ремеслами, и в своем требовании встретил поддержку и со стороны других депутатов. (Кизеветтер 153).

Что касается положения, которое цеховые занимали в посадской общине, то оно регламентировалось законом. Согласно его цеховые состояли в ведомстве магистратском и „счислялись с граждане". Они участвовали в посадском сходе и несли посадское тягло. Это не мешало известной раздельности купеческого и цехового состояний и при переходе цеховых в купечество выполнялась таже процедура, что и при приеме в посад совершенно постороннего человека. Так, саратовский цеховой Самойлов с братьями заявил просьбу о приеме его в саратовское купечество, показывая за собой капитала на 400 р. Сход согласился, но потребовал или предварительного выключения Самойловых из цеха или хотя бы представления ими письменного поручительства в платеже ими на будущее время в саратовский магистрат двойного оклада. Саратовские же документы говорят нам о том, что у нас цеховые участвовали в общепосадском мирском управлении. Подписи цеховых встречаются вперемежку с подписями купцов под мирскими приговорами. Однако, наряду с этим они имели и свои отдельные органы управления. Помимо собраний отдельных цехов для выбора старост или альдерманов, существовали и общие собрания всех цехов для выбора общецехового старосты и распоряжения общецеховой кассой, пополнявшейся путем самообложения и служившей нуждам своих членов (Кизеветтер 156). Вместе с тем цеховые наряду с купцами участвовали в несении податей и служб, падавших на всю посадскую общину. В Саратове это продолжалось до 1762 г., когда цехи были избавлены от несения посадских служб, но не платежей. Общепосадский подушный оклад разверстывался и на цеховых, причем они для сбора подушных выбирали из своей среды особых сборщиков.

Преобладающей массой во всех русских городах была нисшая статья посадского населения. Данные о распределении по статьям для Саратова за более ранний период отсутствуют, но в

начале 1760-х г.г. на каждую сотню купцов у нас только три чел. принадлежали к первой гильдии и 8 чел. ко второй; остальные 89 чел. числились в 3-й гильдии, т. е. принадлежали к мелким торговцам. Любопытно, что Царицын в отношении распределения по статьям резко отличается от Саратова: там к третьей гильдии относится только 68%, при 19% первогильдейных и 13-ти второгильдейных купцов. Для меня не ясны причины такой резкой разницы.

Относительно распределения посадского населения между купечеством и цехами для 2-й рев. мы имеем следующие цыфры. В Саратове числилось 960 цеховых составлявших 46, 6% от всего числа внесенного в ревизские сказки населения города; в Царицыне—159 чел. (34,7%); в Дмитриевске 30 чел. (17,7) и в Петровске 45 чел. (17,9). По 3-й рев. т. е. для 60-х г.г. XVIII ст. цыфры эти следующи: Саратов—559 чел., Царицын—88; Дмитриевск—47 и Петровск—19 чел. Т. о., за исключением Дмитриевска, мы наблюдаем резкое понижение числа цеховых, понижения тем более странного, что, как мы видели выше, общее количество посадского населения за 16 лет, протекших со времемени 2-й рев., во всех наших городах значительно возрасло. Почтенный исследователь русской посадской общины XVIII ст. обходит молчанием это обстоятельство, хотя оно и бросается в глаза, т. к. наблюдается по отношению к большинству городов. Впрочем, цыфра 3-й рев. для Саратова не может еще быть принята безусловно, т. к. Фальк в своем путешествии дает гораздо большую, а именно 1220. Свои сведения Фальк мог черпать только из официальных источников и потому его показания нельзя отвергать без проверки.

В заключение этого краткого и отрывочного очерка состава посадского населения Саратова я считаю не лишним привести для полноты картины, ту характеристику русской посадской общины, какую делает Кизеветтер (стр. 169). „Не отличаясь, говорит он, обильной населенностью, посадские, общины XVIII ст. представляют нам картину довольно резкой общественной дифференциации. Многочисленная масса чернорабочего и ремесленного населения и над нею небольшая сравнительно, группа торгующих купцов, выстроенная в три яруса—причем, чем выше ярус, тем малочисленнее составляющий его контингент—такова обычная бытовая физиономия посадской общины изучаемой эпохи. Типичная посадская община этой эпохи—небольшая пирамидка с широким основанием в виде „подлого“ гражданства и с очень тонкой верхушкой в виде малочисленной группы первогильдейских купцов“.

ГЛАВА XVIII.

В одной из предыдущих глав, говоря о роли беглых в заселении нашего края, я приводил несколько примеров, показывающих, что появление беглых в некоторых пунктах Саратовского Заволжья должно быть относимо еще к началу XVIII стол. Но о массовом наплыве беглых, как о моменте, определяющем начало планомерного заселения этой полосы края, по самому существу дела едва ли может быть речь. Роль беглого элемента в истории заселения наших степей все же, повторяю, была второстепенной. Менялась по отношению к этому элементу и политика правительства, на что я также имел случай указывать. Вплоть до вступления на престол Екатерины II, в общем, правительство относилось к водворению беглых в Поволжских степях резко отрицательно и, конечно, такое отношение не могло не влиять на приток сюда самовольных переселенцев. Как мы видели, против них снаряжались целые экспедиции и только со 2 й половины столетия замечается более терпимое отношение к ним. Это в значительной степени определило и роль беглых в истори колонизации края: в начале века, при массе пустующих земель, заселение этих земель встречало противодействие сверху; со 2-й половины столетия, когда это противодействие ослабело,—свободных земель осталось сравнительно мало, только в глухих местах Заволжья, да частью по степям теперешнего Камышинского у. В заселении этих пустующих пока мест мы встречаемся с новым фактором—с инициативой самого правительства. При его содействии начинает правильно колонизоваться и Заволжье. Первым этапом в этом случае является поселение за Волгой малороссов, связанное с началом разработки соляных богатств Эльтонского озера, о чем я и скажу несколько слов. *)

С 1705 г., когда была установлена казенная монополия на соль, и до 1747 г.—начала разработки Эльтонского озера, снабжение солью огромного района, тяготеющего в данном отношении к Волге, т. е. большей части тогдашней России, производилось с астраханских соляных озер, откуда еще с XVI—XVII ст. вывозили так называемый бузун, или жировую соль.

Отдаленность Астрахани от пунктов потребления и возникающие отсюда неудобства и затруднения в снабжении их солью—с одной стороны, а с другой—неудовлетворительные качества астраханского бузуна были причиной того, что правительство обратило внимание на разработку забытых соляных богатств, озер, лежащих в Калмыцкой степи. Существование этих озер было хорошо известно и еще с XVII в. в русских документах встречаются упоминания о Баскунчакском соляном озере; что касается Эльтона, то там до 1705 г. московским купцом Солодовниковым велась добыча соли в обширных размерах и им был даже по-

*) См. мою статью в 28 вып. „Трудов„ СУАК.

строен земляной городок. В последующее же время, со введением соляной монополии добыча соли производилась тайком. Выбор между Баскунчаком и Эльтоном был решен в пользу последнего по весьма понятным причинам: Эльтон лежал гораздо ближе к населенным местностям—Саратову и Дмитриевску. Как бы то ни было, в 1746 году для обследования озера и решения на месте вопросов его эксплоатации Сенатом был командирован полковник Чемодуров, который при содействии саратовского воеводы Дурасова и прикомандированного Сенатом к экспедиции подпоручика Родионова, судя по официальным документам, очень быстро и добросовестно исполнил свое поручение. Уже осенью 1746 г. Чемодуровым были представлены в Сенат описание и план озера. По этому описанию, выдержки из которого я позволю себе привести, Эльтонское озеро: „имеет длины 20, а поперек 16 верст, в котором соли водится довольно. А показывает себя оное озеро таким видом: генерально вокруг его сажен на 50 иловатая и вязкая глина или густой ил, а за тем илом соль подобно льду. Сначала, от той глины, соль на вершок толщины, а что далее, то оная соль толще. И отмеряв от берега в озеро 1½ версты рыли яму, желая ведать толщину соли; и вырыто было в 5 четвертей глубины, и явилось слой соли и слой илу. А более пешнями от твердости соли рыть было невозможно, которая через многие годы окаменела. Да вторично, отмерив от берега в озеро 3 версты, где хотели тоеж глубину соли ведать, почему б можно, хотя примерно, об'явить, сколько в год с оного озера соли взять можно. И вырыто было четверти в 3 и такую твердую соль обрели, что у пешней концы приломались и рыть стало нечем. Точию по всему тому Эльтонскому озеру соль, что далее от берегу в озеро, то соль толще, по которой длину озера меряли с командою по соли, властно как по льду, на которой тогда с правой стороны и тузлука (рассола) не было от берегу местами от 4 до 7 вер. в озеро. А сродство оное озеро имеет таково: обыкновенно на том озере тузлук (весьма соленая вода) и откуда ветер—оттуда воду (или тузлук) сгонит к тому берегу, куда ветер, а прочие места, откуда рассол сгонит, остаются сухо. И настоящая соль так, как точно на реке лед, точию обломиться на нем невозможно, ибо до самого дна самая естеством твердая соль“.

Привезенные в СПБ. Чемодуровым для образца соль и соленая вода были переданы для исследования в медицинскую коллегию, которая и исследовала их „по всем химическим регулам“. В результате расследования оказалось, что „оную соль имеющейся на ней соленой воде предпочесть надлежит; и хотя оная соль сама собою не так чиста, понеже не литрована, как прочая употребляемая в России соль бывает, но однакож солонее против сей имеет быть и морской соли—той, которая в других государствах находится, не токмо равенством доходит, но и превосходит и так собою без литрования к человеческому употребле-

нию не вредна а затем к экономической потребе без всякой опасности и повреждению в пищу и к солению мяса и рыбы полезна быть имеет. Что же оная соль так собою без литрования на стол неприятнее к употреблению быть может—в том смешанная с нею нечистота причиною быть имеет, которая от того происходит, что в означенном озере вокруг по краям имеется ил и глинистая земля. А ежели оная соль от той нечистоты литрованием очистится, то останется хорошая, чистая и острая соль (как о том следующая при том проба показывает), ибо учиненным из присланной соли литрованьем явилось, что от оной соли через очистку в весу от каждого фунта около 8 точию золотников убудет; духота же оной соли скоро миноваться может проветриванием в способных к тому амбарах и местах. И уповать надлежит, что когда от время до время больше соли из вышеупомянутого озера вынимано будет, то затем следующая соль больше воздуху получит и через того сама собою чище выходить будет. К чему того прилежно приметить надлежит, не имется-ли из рек, впадающих в то озеро, где та соль сбирается, такой реки, которая имеет много илу и глиняной земли и течением своим не несет-ли оной глины и илу в то озеро. И ежели такая река подлинно имеется, то отвращением течения той реки в показанное озеро соль может становиться чищее". Убеждение в том, что эльтонская соль загрязняется наносным илом, твердо установилось в правящих сферах и в течение 1747 г. Чемодурову неоднократно и настойчиво рекомендовалось найти ту реку, которая несет ил в озеро, и отвести ее течение.

По исчислению Чемодурова озеро находилось от Саратова на расстоянии 221 в., от Дмитриевска в 120 вер., а если проложить прямую дорогу—меньше 100 в., и от Антиповской станицы в 93 в. При этом Чемодуров полагал, что удобнее всего вывозить соль к Дмитриевску, хотя перевозка и должна производиться сухим путем, т. к. никаких рек не имеется. Правда, от Саратова до озера рек довольно, но они непригодны для судоходства за мелководьем и дальностью расстояния. Единственное неудобство представляло то обстоятельство, что по проектируемым к Волге дорогам совершенно не имелось лесу и не только для построек, но и для отопления.

Недостатка в пресной воде бояться было нечего, так как „усмотрено и запримечено достоверно не глубже в аршин везде вода быть может, да и строить колодези, видится не для чего, точию старые копани возобновить". Да и возобновление копаней, по мнению Чемодурова, возможно исполнить не на счет казны, так как эту работу вполне удобно предоставить самим будущим возчикам соли, на что последние и из'явили свое согласие.

При осмотре озера, кроме ветхого, развалившегося земляного городка, построенного еще до 1705 года московским купцом Солодовниковым, обнаружились следы хищнической разработки соли. По крайней мере; были усмотрены не только старые те-

лежные и санные следы, но и свежие, показывавшие, что за солью не более как за неделю до Чемодурова приезжало не менее 100 телег. Узнать—кто и откуда приезжал—оказалось невозможным; удалось только установить, что битая дорога шла по направлению к Камышинке и на 55-й версте свернула влево к Волге и затем вниз по Волге. За недостатком времени Чемодуров не имел возможности проследить путь контрабандистов далее.

Также благоприятно было заключение Чемодурова и об условиях добычи и вывозки соли в смысле обеспеченности этих операций рабочими руками. Так, „по об'явлению Саратовского магистрата и прочих того города купечества, также цеховых и разных чинов людей с Эльтонского озера соль в прошлых 1728—29—30 годах разных чинов людьми каживана не точию одними саратовскими жители, но уездными крестьяны, платя с оной соли пошлину в Саратовскую таможню по 3 коп. с каждого пуда, а соль продавали сами собою, кто где похочет. А в Саратове в казну с того Эльтонского озера соль не ставилась для того, что в казне довольно было завезено астраханского бузуну, которая тогда из казны продавалась по 12 коп. пуд... А пресеклась де возка соли с помянутого озера запретительным указом, ибо вольная продажа соли отрешена, а велено каждому довольствоваться покупая из казны. А ныне де желающим к поставке в казну с Эльтонского озера соли позволение дать, конечно, надлежит для того, что в казну соли для продажи и отпуску в верховье города будет довольно, потому что письменно обязались саратовские и дмитриевские разных чинов обыватели, а именно—саратовские от 12 и до 10 к. с пуда становить в магазейн *против Саратова на луговой стороне*, а камышенские в город по $6^1/_2$, а на луговую в магазейн по 6 коп., а другие и по 5 коп. по $^3/_4$ с пуда. А за перевоз бы через Волгу их судов и с найму подвод и работников пошлин с них не брать. К тому же уповательно, как в Саратове, так и на Камышенке впредь будут брать ценою ниже, *когда дается позволение с того озера в показанные места возить и для того приезжать не точию из ближних, но и из дальних будут мест для перевозки тое соли, как и прежде сего в вольную продажу бывало*". Как показали последствия, последнее предположение Саратовского Магистрата блестяще оправдалось и в истории колонизации нашего края, в частности Заволжья, далеко не последнюю роль сыграли соляные вощики, потомки которых заселяют теперь ряд многолюдных городов и обширных слобод.

Докладывая о результатах своей командировки, Чемодуров предложил Сенату целый ряд мероприятий, которые, по его мнению, могли бы обеспечить правильную разработку и вывозку соли. Прежде всего необходимо было возобновить, но на более удобном месте, существовавший на озере до 1705 г. городок и поместить в нем гарнизон, как для предупреждения контрабанд-

ного вывоза соли, так и для безопасности от кочующих народов. Необходима военная команда и для наблюдения за отпуском соли с озера, приемом ее в казенные магазины и отправки в верховые города. По словам Чемодурова для этого наиболее подходящими были-бы местные саратовские и камышинские казаки при условии освобождения их от других обязанностей.

Затем, для сокращения расходов по переправе соли через Волгу, необходимо саратовские и царицынские соляные амбары перенести на луговую сторону, выбрав для этого удобные места. Не мешало бы построить такие амбары и против Антиповки, в виду близости ее к донским городкам и потому, что в прежнее время соль с озера доставлялась и в эту станицу. Одной из льгот для будущих вощиков предлагалась продажа от казны по заготовительной цене пороха и свинца. Для доставки соли в верховые города Чемодуров считал необходимым построить несколько казенных судов и т. д.

Сенат согласился со всеми представлениями Чемодурова и последовал ряд указов, устанавливающих порядок эксплоатации соли и управления этой эксплоатацией. Ближайшим результатом правительственных мероприятий было учреждение в Саратове соляного комиссарства, не мало способствовавшего росту нашего города. Но что гораздо важнее, это то, что во всем государстве было предписано публиковать о вызове желающих поставлять соль печатными указами следующего содержания: «По указу (etc) велено с Эльтонского озера ставить в казну соли бузуну в городы в Саратове и в Дмитриевск, что по Камышинке, сумму не малую. Того ради, ежели кто пожелает с того озера ту соль брав возить и ставить в казну в вышеописанные городы, те б для того немедленно явились в Саратове у вас подполковника (т. е. у Чемодурова), а вам с теми охочими людьми чинить договоры, и с кем о поставке той соли договоры учинены будут, у оных соль в магазейны принимать и за поставку деньги выдаваться станут без всякого удержания".

Чемодуров, поставленный во главе дела, так энергично принялся за него, что уже в следующем 1747 г. оказалось возможным приступить к фактической разработке эльтонской соли. Местные саратовские и дмитриевские жители из'явили желание возить соль немедленно. С окончательным прибытием в Саратов Чемодурова он деятельно принялся вербовать возчиков не только в ближайших местах, но с публикациями о вызове желающих посылал в города и селения других уездов. Добыча и вывоз соли развивались с поражающей быстротой. В 1747 г. (с августа) было вывезено с озера в магазины 13275 п., в 1748—вывоз поднялся до 881578 п., в 1749—1640976 п., в 1750—2211431 п., в 1751 (по ноябрь)—3253759 п. Слава об Эльтоне разошлась по всей России и в некоторых местностях на почве стремления крестьян вырваться из тисков помещичьего гнета послужили даже поводом к недоразумениям. Так, в 1752 г. прокурор камер-коллегии Фило-

софов доносил коллегии, что им получена из алаторской его вотчины от прикащика Кочанова отписка, в которой Кочанов сообщает: „слышано де нам указы здесь на торжках читали в Одошкове о вольнице господских вотчин и крестьян и из дворовых людей, кроме государевых и монастырских вотчин, ежели кто пожелает для работы государевой соли на Эльтонское озеро— чтоб шли без всякого опасения без пачпортов. Токмо де вокруг нашего села Александрова, которые в близости деревни и села, и на десять верст—при самих помещиках человек по 5, по 10 и по 12 без задержания выходят в день, а не ночным временем. Да и у нас в июне месяце в 30 числе пошли два человека... и с лошадьми, а у Андрея Яковлевича Дашкова один человек. И я из оных на сход собрал и допрашивал, нет-ли еще у кого в думе итти, токмо они сказали, ежели де до время милость государева будет, то может быть выходы из села Александрова будут“. Философов просил соответствующего указа в Нижегородскую губернскую канцелярию, т. к. при таких слухах крестьяне могли разбежаться, а помещики притти в крайнее „убожество“. Приказано было произвести строгое следствие о том, кем распускались ложные слухи, а крестьянам через нарочных об'явить, чтобы они на Эльтон без указных паспортов не ходили и других с собою не сманивали. Как мы видели из только что приведенной справки добыча и вывозка соли быстро возрастали и уже со 2-го, 3-го года эксплоатации озера количество вывезенной в магазины с Эльтона соли достигло такой цыфры, что о доставке ее только перевозочными средствами саратовских и дмитриевских разных чинов людей нечего было и думать. Наплыву охотников из помещичьей России ставило препоны то же самое правительство, которое так усердно привлекало возчиков, т. к. чем больше была добыча и вывозка соли, тем значительнее были доходы казны. И охотники нашлись в той среде, против рекрутирования из которой возчиков не имело ничего и правительство. Уже в августе 1747 г. явились в Саратов малороссияне, привычные к чумачеству, а в сентябре того же года сюда был доставлен ими и первый транспорт соли. Очень скоро все дело по вывозке соли сосредоточилось в руках малороссов. Перспектива иметь всегда постоянный и верный заработок побудила многих из них вместо того, чтобы ежегодно тратить время на медленное путешествие из далекой Украины в Саратов и обратно, обосноваться поближе к месту работы. В делах соляной конторы уже с самого начала 1750-х г.г. встречаются указания на то, что соляные возчики из малороссиян поселились особой слободой против Саратова, возле устроенных для хранения соли запасных магазинов. Это поселение и является началом теперешнего г. Покровска. Другая слобода в то же время и тем-же порядком возникает против Дмитриевска-Камышина. Но прошло несколько лет прежде чем новые поселенцы получили законное право на проживание на новом месте. Только в декабре 1763 г. *)

*) П. С. З. № 12000.

последовало повеление о предоставлении новым поселенцам некоторых льгот в платеже повинностей, при чем особенно подчеркивалось, что селиться в этих слободах впредь могут только выходцы из Малороссии или же из черкасских слобод, находящихся в Великороссии.

Этот указ мы вправе поставить в связь с общей тенденцией правительства Екатерины II к заселению пустующих земель вызовом на них таких колонистов, поселение которых не наносило-бы ущерба помещичьему владению. Но подобная тенденция наблюдается уже и раньше. В кратковременное царствование Петра III экономический крестьянин Малыковской волости Ив. Серебряков обращается к правящим сферам с проектом о заселении пустопорозжих мест, лежащих по Иргизу, раскольниками выходцами из Польши. Этот проект, по догадке исследователя судеб старообрядчества в нашем крае Н. С. Соколова, побудил Петра III „к светлой и высокогуманной мысли“ предложить на рассмотрение сената указ, которым дозволялось всем зарубежным раскольникам возвращаться в Россию с тем, что им не будет чинимо „никакого в содержании закона, по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения, ибо во Всероссийской Е. И. В. империи и иноверцы, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники-христиане, точию во едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которых они, бегая заграницу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно“. Этот именной указ не был рассмотрен в сенате, т. к. государственный переворот лишил Петра власти, передав ее Екатерине, но он так по своему содержанию и главное по ожидаемым от него непосредственным последствиям совпадал с общим направлением политики новой императрицы в вопросе колонизации, что уже в самом начале ее царствования получил осуществление. 4 декабря 1762 г. последовал манифест, которым вызывались в Россию люди всех наций „кроме жидов“ и поселившиеся за рубежом русские беглецы, преимущественно раскольники. „Бежавшим из своего отечества подданным возвращаться позволяем и обнадеживаем, что им, хотя б по законам и следовало учинить наказание, но однакож все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они, восчувствовав к ним сии нами оказываемые матерные щедроты, потщатся поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии, в пользу свою и всего общества“, Сенатский указ 14 декабря того же года раз‘ясняет и точнее определяет смысл манифеста по отношению к раскольникам. Вот выдержки из указа: „Правительствующий Сенат, усмотрев из дел, что между прочими до сего бежавщими из своего отечества в Польше и в других заграницей местах немалое число находится раскольников, которые, не имея понятия о силе законов, страшась притеснения или истязания, опасаются выходить и потому имея с Св. Прав. Синодом конференцию, за благо определил, всем жи-

вущим заграницей российским раскольникам об'явить, что им позволяется выходить и селиться особливыми слободами не только в Сибири на Барабинской степи, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях, на порозжих и выгодных землях, где полезнее быть может... Им и их детям никому ни от кого никаких притеснений чинимо не будет. А сверх того: 1) что они, в рассуждении добровольного их выхода не токмо за побеги в винах их, но и во всех до сего преступлениях... прощаются и отнюдь ничем истязаны не будут; но еще 2) как в бритье бород, так и в ношении указного платья никакого принуждения им чинимо не будет, но оное употреблять по их обыкновению. беспрепятственно; а сверх того 3) дается каждому на волю, к помещику-ли своему кто итти пожелает, или в государственные кр-не и купечество записаться.... только должны они платить такой раскольничий оклад, какой и прочие здешние раскольники платят. 4) С начала выхода их раскольников, при поселении каждому дается от всяких податей и работ льготы на 6 лет и 5) дается всевозможное удобство перехода из-за границы на желаемое место". В „реестре определенным к поселению выходящих из-за границы российских раскольников порожним местам" указаны следующие местности Саратовского края: „Вверх от Саратова по р. Волге: в урочище Раздоры, где р. Караман в течении имеет разделение надвое, при речке Теляузике при довольной пахотной земле имеется сенокоса 5478 дес., леса дровяного и к строению дворов годного 4467 д.; при урочище Зауморском—сенокоса 810, леса 1131 д.; при речке Тишанке—сенокоса 469, леса 496 д.; при речке Вертубани—сенокоса 297 д., леса к строению годного 3607 д.; при речке Иргизе—сенокоса 5418, леса 2575 д.; при речке Сазанлее сенокоса 1789, леса 1711; при р. Березовке—сенокоса 1325, леса 1606 д.; при р. М. Иргизе сенокоса 731, леса 712 д. От Саратова же вниз по р. Волге, ниже речки Мухтар-Тарлика, при довольной же пахатной земле, для сенокосов 6366 д., да леса дровяного и для строения годного 943 дес.... Подле речки Безымянной сенокоса 962, леса 609 д.; по реке Меньшему Тарлику—сенокоса 3509, леса 8409; у. р. Б. Тарлика и Камышева Буерака сенокоса 3483, леса 1828 д.; при речке Камышевом Буераке сенокоса 1751, леса 2254 д.; по р. Еруслану луговых мест 1744, леса 523, при р. устье р-ки Нижнего Еруслана сенокоса 1770, леса 1104 д.; при р. Яблонном Буераке сенокоса и леса 4003 д. А всего таких способных и удобных к поселению мест более 70000 д. простирается... Да ниже г. Самары по р. Волге до устья р. Иргиза и вверх по Иргизу к поселению на несколько тысяч семей весьма плодородные и выгодные земли имеются, на которых при устье Б. Иргиза и по другим речкам более тысячи человек российских подданных уже и поселилось". Я вполне согласен с догадкой Н. С. Соколова, что упоминаемые в указе Сената российские подданные являются потомками тех раскольников, которые еще с начала века жили по Иргизу с женами и

детьми „многолюдно“, о которых, как об укрывателях говорит цитированный мною уже однажды архивный документ и за которыми некогда охотились казанские епархиальные власти при помощи военных команд. Совпадение названной в указе цыфры поселившихся на Иргизе „российских подданных“ с итогом ведомости, составленной Лихаревым дает полное основание предполагать, что их то именно и имел в виду Сенат. Из всех рекомендованных сенатом для поселения в нашем крае мест старообрядцы—выходцы из-за границы облюбовали по преимуществу р. Б. Иргиз. Весьма возможно, что на такой выбор повлияло и то обстоятельство, что по Б. Иргизу уже с давних пор ютилось гонимое старообрядчество и слава о нем, как мы видели раньше, должна было иметь широкое распространение среди сторонников старой веры. Эта слава, надежда встретить здесь своих единоверцев, найти среди них поддержку на первых порах и влекла сюда старообрядцев после издания манифеста. Но помимо этого и самые места по Б. Иргизу действительно, как говорится в указе, к поселению были весьма выгодны. Земли по теченю реки очень плодородны и особенно удобны для посева пшеницы; обилие лесов задерживало влагу и засухи действовали далеко не так губительно, как впоследствии, когда степи были выпаханы, а леса истреблены. Воды самой реки кишели рыбой, а прибрежные леса давали приют всякой дичи и многочисленным роям диких пчел. Неудивительно, что зарубежные старообрядцы поспешили воспользоваться царской милостью и с Ветки потянулись целые вереницы добровольных выходцев. Для возвращавшихся из-за границы раскольников был установлен особый порядок. На пограничном сторожевом форпосте они об'являли свои имена—очень часто подложные, замечает Соколов,—и препровождались при рапортах или с выданными им тут паспортами в астраханскую губернскую и саратовскую воеводную канцелярию для поселения на отведенных им в Заволжье землях. В этих канцеляриях с них брали подписку о несовращении в раскол православных и затем выдавались „отверстыя указы“, т. е. открытые листы по следующей форме: „Указ Е. И. В. Сам. Всер. из Саратовской воеводской канцелярии господам команду имеющим, до кого сей касаться будет. Дан сей отверстный указ вышедшим из Польши разных чинов людям, а именно (следует перечень имен) для того, что они желают поселиться в Астраханской г. на дикопорозжих местах против с. Малыковки при р. Б. Иргизе.... В силу именных ЕИВ указов господам командующим показанным из-за границы раскольникам..... при поселении при р. Иргизе против с. Малыковки с женами и детьми никаких приметов и утеснений не чинить. А чтоб они при поселении, кроме вышедших из-за границы, всякого звания, как женска так и мужска пола, людей в свой раскол не превращали и не селились бы слободой, обязаны в саратовской воеводской канцелярии подпискою и господам команду имеющим, до кого сие

дело касаться будет, чинить о том по ЕИВ указам". С таким указом в руках партии переселенцев направлялись дальше к избранному ими месту будущей оседлости. В сл. Малыковке они обязаны были выполнить еще одну формальность: пред'являли открытые листы особым чиновникам, причислялись у них платежом к дворцовым кр—нам и получали билет на заселение известного участка земли. В числе таких чиновников некоторое время состоял и сам инициатор всего этого дела Ив. Серебряков, „но он и приставленные к нему начальники, — по словам Державина, — „тот проект и сделанную по оному им от правительства доверенность употребили во зло: принимая всякого рода и господских людей вместо польских выходцев и давая им для поселения по Иргизу билеты". Чиновники за свои злоупотребления подпали под следствие, но на последствия таких злоупотреблений правительство сначала смотрело очень снисходительно и указом 8 апреля 1763 г. было повелено всех беглых, живших по р.р. Иргизам, переписать, но помещикам не возвращать, а приписать к дворцовым крестьянам Малыковской волости, зачесть их в число рекрут тем помещикам, от которых они бежали, и из подушного оклада исключить.

Число явившихся т. о. в наш край выходцев из-за границы не может быть пока установлено, т. к. сведения об этом могли бы дать только сказки 3-й и 4-й ревизий, которых в Саратове не имеется, ибо Заволжье входило до последнего времени, а частью входит и теперь, в состав Самарской г. и соответствующие документы нужно искать в архиве б. самарской казенной палаты. Во всяком случае такое число должно признать довольно значительным и новые поселенцы положим начало целому ряду слобод (Балаково, Криволучье и т. д.) богатых и многолюдных.

Если не наиболее важным по своему внутреннему содержанию и своим последствиям, то, по крайней мере, наиболее бросающимся в глаза правительственным мероприятием, имевшим целью заселение нашего края, является водворение здесь иностранных колонистов. Благодаря ему на территории края, похожего в этнографическом отношении, как говорилось выше, на одеяло, сшитого из маленьких разноцветных лоскутков, получились большие одноцветные места, сплошь занятые немецким населением. Немецкие сгустки, если можно назвать их так, до некоторой степени оправдывают теперешнее выделение их в особую административную единицу, т. наз. „Коммуну немцев Поволжья". Истории поселения немцев у нас посвящена довольно обширная литература, особенно возросшая к несостоявшемуся из-за войны полуторавековому юбилею колоний. Кроме того Саратов обладает по этому вопросу богатейшим и совершенно не тронутым учеными сырым материалом ввиде архива б. опекунской конторы. К сожалению, сейчас не может быть и речи об использовании местных документальных источников. Архив б.

опекунской конторы (в последнее время носившей название конторы иностранных поселенцев) хранился вместе с архивом губернского правления и разделил его судьбу. Пройдут, б. м., долгие годы пока злосчастный архив будет приведен в такой порядок, который позволит разработку его. Т. о., при попытке дать очерк истории немецкой колонизации в Саратовском крае историк его по необходимости вынужден довольствоваться лишь тем, что напечатано. В нашу задачу сейчас не входит обозрение относящейся к вопросу литературы. Можно лишь указать, что она в значительной своей части весьма устарела и потеряла большую часть своего значения. Литература новейшая, почти исключительно на немецком языке, также в большинстве не заслуживает серьезного внимания. Это, гл. обр., работы местных любителей из колонистов компилятивного характера, при большом патриотизме их авторов обнаруживающие незнакомство не только с техникой дела, но и с русской литературой по вопросу и сырыми материалами. Из русских ученых вопрос об иностранной колонизации в России с большим усердем и успехом разрабатывал проф. Г. Г. Писаревский, выпустивший ряд весьма ценных работ, наиболее обширная из которых носит заглавие „Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам)*. Здесь не место входить в разбор научных достоинств работы почтенного исследователя; специалисты в свое время оценили ее по достоинству. Для нас в данный момент важнее всего то, что значительная часть обширной книги проф. Писаревского посвящена как раз саратовским колониям. Принимая же во внимание, что фактическая сторона вопроса освещена в труде на основании исключительно неизданных архивных материалов, теперь пока труднодоступных, труд этот приобретает для нас во многих отношениях значение первоисточника и, думается, что всякий, кто возьмется подробно и всесторонне разработать этот любопытный эпизод местной истории, не может обойтись без знакомства с работой проф. Писаревского.

Принимая во внимание все изложенное, а также имея ввиду задачи настоящих очерков, думается, что мы в своем кратком обозрении вопроса можем ограничиться пока тем, что по нему содержится в работе проф. Писаревского, не привлекая другой литературы.

Ученые XVII—XVIII вв., наблюдая, что наиболее богатые из известных в то время стран являются вместе с тем и наиболее населенными, обобщив этот факт, возвели его на степень закона. В силу такого учения, разделяемого современными государственными деятелями, в основе их политики лежало стремление возможно большего увеличения населения в государстве. Для достижения этой цели рекомендовались разные

---

*) См. Записки Московского Археолог. Института т. V.

средства, а государственная власть считала необходимым ряд мероприятий, направленных к повышению рождаемости, поощрению иммиграции и запрещению эмиграции. Из них наиболее действительным средством считалось поощрение иммиграции и в различных государствах Западной Европы—Испании, Франции, Англии, Австрии, Дании, Пруссии и т. д. в течение XVII—XVIII вв. наблюдается ряд мероприятий, имеющих целью привлечение в них иностранных колонистов. Наиболее благоприятную почву популяционистские идеи Запада нашли в России во 2-й половине XVIII ст. Этому способствовало наличие огромных пространств свободных земель на юге и юго-востоке государства. Помимо того, что такие пустующие пространства не приносили никакой пользы, они являлись еще и источником беспокойства, представляя удобную дорогу для кочевнических вторжений. Многовековой опыт показал, что наилучшим средством предупреждения таких вторжений является колонизация их, но к полов. XVIII в. свой, русский источник колонизации делается недостаточным. Проф. Писаревский склонен видеть причину подобного явления в развитии крепостного права, лишающего крестьянство свободы передвижения. Но на примере нашего края мы видели, что то же крепостное право не только не препятствовало, а скорее содействовало чрезвычайно быстрому возростанию населения на нашей окраине в 1-ю полов. XVIII в. Т. о., причины лежат в чем то другом и, если факт верен, то дело историков-экономистов вскрыть их. Между прочим, рост популяционистских идей в России несомненно находится в зависимости и от более живого духовного общения ее с З. Европой. Как бы то ни было, но уже с Елизаветы Петровны наблюдаются попытки привлечения в Россию иностранных, в частности западно-европейских, колонистов. Не говоря о военных поселениях в т. н. Новой Сербии в 1752 г. некий де-Лафон выступил с проектом о привлечении в России французских протестантов, гонимых на родине из-за своих убеждений, но вскоре затем внимание русского правительства было всецело поглощено Семилетней войной и проект де-Лафона не получил осуществления. Тем не менее, в связи с самой войной появился и еще ряд проектов о вызове в Россию иностранцев.

Императрица Екатерина II являлась горячей и крайней сторонницей господствовавшей в ее время теории народонаселения. Это ярко обнаруживается в оставшихся от нее письмах и законодательных актах. Еще будучи великой княгиней она писала: „Мы нуждаемся в населении. Заставьте, если возможно, кишмя кишеть народ в наших пространных пустырях. Я не думаю, чтобы для достижения этого было бы полезно принуждать наших инородцев нехристиан принимать нашу веру:—многоженство еще более полезно для умножения населения“. Те же мысли о необходимости увеличения населения в России во что бы то ни стало она высказывает в знаменитом Наказе. „Россия не только

не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые не населены, ниже обработаны. И так не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве.... Чтобы восстановить Державу, обнаженную от жителей, напрасно будем ожидать помощи от детей, могущих впредь родиться. Надежда сия вовсе безвременна; люди, живущие в своих пустынях, не имеют ни ободрения ниже рачения. Поля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокормление одному семейству".... По мнению Екатерины и ее сотрудников естественным выходом из такого положения был вызов в Россию иностранных колонистов. Вызов сулил самые многообразные выгоды. Предполагалось, что колонисты, „работами, трудами, промыслами, ремесленными заводами и рукодетельными мануфактурами в короткое же время равную могут принесть обширной..... империи пользу — распространение торговле, богатство — какие изгнанные из Франции.... протестанты принесли Англии, Голландии, Дании, а особливо болотным, пещаным и неплодородным областям короля Прусского". Но особенную надежду на колонистов возлагали как на насадителей сельско-хозяйственной культуры в пустынных степных окраинах государства. Полагали, что они „могут приобретенным своим искусством, рукодельем, промыслом и разными незнаемыми еще в России машинами открыть (русским) подданным легчайшие и кратчайшие средства к обрабатыванию земель, к распространению домового скота, к разведению лесов, к употреблению с пользою всевозможных только произношений, к заведению собственных фабрик, к управлению всего крестьянского домоводства". В этом нельзя не видеть влияния учения физиократов, признававших земледелие основным производительным трудом. Влияние физиократов слышится в Наказе: „земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно". В лондонских газетах русское правительство заявляет: „размножение народа и земледелие суть крайне важные и заслуживают, чтобы каждый государь и каждый министр, знающий истинную политику, крайнее, во что бы это ни стало, попечение о том имел". При вступлении на престол императрица берет на себя обязательство „иметь попечение и труды о тишине и благоденствии вверенной от Бога пространной империи и о умножении в оной обитателей."

Поэтому, одним из первых актов Екатерины является указ (14. X. 1762 г.), которым повелевалось „раз навсегда" „без дального доклада" принимать всех иностранцев, желающих поселиться в России, за исключением евреев. Но устранением одних лишь канцелярских формальностей дело не ограничилось и в конце того же 1762 и начале 1763 г. принимается ряд более активных мер для привлечения в Россию иностранцев. 4 декабря 1762 г. издается манифест, приглашающий селиться в России всех иностранцев (кроме евреев) с обещанием поселенцам монаршей милости и благоволения.

Дальнейшими шагами в этом направлении были: учреждение особого центрального органа, ведавшего делом привлечения колонистов в Россию, так называемой канцелярии опекунства иностранных, и более точное определение тех льгот и преимуществ, которые предоставлялись колонистам. Между прочим, были указаны и удобные для поселений места, в том числе и наши заволжские степи. Все подобные мероприятия не остались без результата и с первых же дней не было недостатка в охотниках попытать счастья в далекой России. Но на первых же порах встретился и ряд затруднений. Обязанность агитировать в пользу начинаний императрицы и направлять переселенцев легла на русских дипломатических представителей при иностранных дворах. Между тем большинство западно-европейских государств сами, в своих интересах, вели ту же политику как и Екатерина, стараясь всячески поощрять иммиграцию и всеми мерами противодействуя эмиграции. Таким образом, область, где можно было свободно вербовать охотников к переселению, оказалась очень узкой, ограничиваясь почти исключительно южной и юго-западной Германией. Но и на этой небольшой территории приходилось выдерживать конкуренцию с другими государствами, стремившимися привлечь эмигрантов к себе. Вместе с тем русские посланники и резиденты могли сколько нибудь успешно, хотя в большинстве случаев и негласно, действовать лишь в тех городах, где они жили, между тем главную массу переселенцев, и притом наиболее желательных в глазах русского правительства, могла доставить только деревня. К этому прибавились и другие неудобства чисто технического свойства. В конце концов решено было обратиться к помощи вербовщиков. Услугами их для набора переселенцев пользовались уже другие государства. Так как материальное вознаграждение вербовщиков зависело от степени успешности их операций, то они действовали энергично, при чем, как люди в большинстве случаев с очень сомнительной репутацией, не брезговали никакими дозволенными и недозволенными средствами, лишь бы набрать возможно большее число колонистов или рекрутов, смотря по тому, на что был спрос в данный момент. Одновременно с этим возникает новый вид деятелей по привлечению в Россию иностранных колонистов, а именно вызыватели, т.-е. частные предприниматели, принимавшие обязательство за определенное вознаграждение поставлять колонистов с правом управлять ими и взимать в свою пользу часть доходов. Наиболее известным из таких вызывателей является некий барон Кано-де Борегар, по титулу которого теперешний Марксштад до последнего времени назывался Баронском, и две компании, во главе первой из коих стоял Дебоф, а вторую составляли женевец Питет и француз Леруа. Чтобы составить некоторое понятие о том, что представляли собою такие вызыватели, достаточно сказать, что Кано-де-Борегар был человеком с сомнительным прошлым, а его ближайший сотрудник Жан Баптист Кост-де-Сабревиль

на поверку оказался беглым каторжником. Деятельность подобных агентов сильно компрометировала русское правительство и ему наконец пришлось отказаться от их услуг.

Усилия вербовщиков, действовавших непосредственно от „короны“, и вызывателей достигли своей цели и движение в пользу переселения в Россию во многих местностях Германии приняло массовый характер. Все это не могло не возбудить неудовольствия в Западной Европе, а так как приходилось считаться с затруднениями по отправке и водворению массы колонистов, то в конце 1766 г. пришлось отказаться от вызова. За три года эмигрировало в Россию и было поселено у нас на Волге до 6 с пол. тысяч семей иностранных колонистов, образовавших по обоим берегам Волги 104 колонии. Колонии располагались группами в зависимости от того, каким порядком вызывались колонисты в Россию. Так, например, все „коронные“ колонисты в числе 41 колонии были поселены по правому берегу. Колонисты вызова де-Борегара в числе 27 колоний заняли места по Караману; колонии (25) вызова Леруа и Питета образовали группу вокруг Ровного и т. д. Для заведывания колониями в Саратове была учреждена контора иностранных поселенцев.

Хотя русское правительство и не имело в виду привлечения переселенцев исключительно одной какой нибудь национальности, но создавшееся в Европе положение повело к тому, что в подавляющем большинстве колонисты явились из юго-западной Германии. Немногочисленные переселенцы других национальностей быстро растворились в общей массе и теперь только разве фамильные прозвища указывают на не немецкое происхождение их носителей. Несмотря на все усилия получить в качестве поселенцев главным образом земледельцев, при применявшейся системе вербовки колонистов главная масса их состояла из подонков городского пролетариата. Да иначе и быть не могло, так как вербовщики и вызыватели получали вознаграждение с головы и для них, поэтому, главную роль играло не качество, а количество навербованных, тем более, что крестьянина, сидевшего на земле, было бесконечно труднее сманить какими бы то ни было посулами на рискованную авантюру, чем городского босяка, которому все равно терять нечего. Архивные документы показывают, что новых колонистов приходилось принудительным путем приохочивать к занятию сельским хозяйством, а саратовские власти 70-х—80-х г.г. XVIII в. жаловались на безделничество колонистов. Через одно—два поколения такое положение в корне изменилось и среди населения нашего края оказалась компактная немецкая масса, сохранившая неприкосновенной не только свою национальность, но сумевшая развить те задатки культуры, которые она принесла с своей родины и благодаря, главным образом, этому достигшая высокого по сравнению с другими народностями края благосостояния.

Поселение у нас немцев-колонистов является последним моментом в истории Саратовского края за XVI—XVIII ст. Весь смысл этого периода заключается, по моему, в освоении края русским государством и в приобщении его к обще-русской культуре, причем главнейшим условием является колонизация его. Население притекало сюда и после 1767 г., но уже в иных размерах и под восдействием иных причин. Центр местной саратовской истории с конца XVIII в. лежит в экономическом развитии края и нужно надеяться, чтв силами нашего института народного хозяйства мы получим такую историю в экономическом разрезе.

Наши местные историки в погоне за яркими моментами в серой будничности саратовской старины охотно останавливаются на эпизодах, связанных с самозванством Пугачева. Внешняя история пугачевщины слишком хорошо известна, чтобы стоило здесь говорить о ней. Не остались без обследования и причины, обусловившие успех движения, возглавленного Пугачевым. Но пока еще не пришло время излагать историю пугачевщины в Саратовском крае. Несомненно, что у нас она имела свой, несколько особый от общего, характер. Достаточно указать на предтечей движения ввиде особенного развития разбойничества на Волге во второй пол. XVIII в., появление здесь своих собственных самозванцев и т. п. Не следует забывать, что Саратов, например, является единственным большим городом, добровольно сдавшимся Пугачеву; его купечество поголовно оказалось в числе изменников законному правительству и после ухода Пугачева саратовцы на долгое время остались без четья-пенья церковного, так как духовенство сплошь состояло под судом за приверженность самозванцу. Но вскрыть причины подобного явления опять таки дело скорее экономиста, чем историка, так как по нашему убеждению они коренятся в экономических отношениях края. В надежде на то, что нам не долго придется ждать такого исследования, мы и заканчиваем наш труд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тираж 1200 экз. Гублит. № 680.

Печатные работы того-же автора.

I. 1) Некоторые данные о садоводстве и погоде в минувшем столетии (Сарат. Садов., № 5—1909). 2) К вопросу о начальной истории Саратовского Спасо-Преображенского монастыря (Сарат. Дух. Вестн. № 8—1910. 3) Увек (Витебск 1910). 4) Очерки из жизни и быта Эльтонских соляных ломщиков и возчиков второй половины XVIII в. (Труды Сарат. Учен. Арх. К-сии, вып. 26). 5) По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII в. (Труды С. У. А. К., вып. 27-й). 6) Мелочи из прошлого Саратовского края (Труды С. У. А. К., вып. 28-й). 7) Учреждение в Саратове соляного Комиссариатства. (Там-же). 8) Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове (Труды С. У. А. К., вып. 29-й). 9) Материалы для истории Саратовского Поволжья. (Там-же). 10) Из архивной пыли. („Церковь" № 7—1913). 11) Список саратовских и царицынских воевод XVII в. (Труды С. У. А. К., вып. 30-й). 12) По поводу записи 1682 г. на прологе библиотеки Братства св. Креста в Саратове. (Там-же). 13) Обзор „Пугачевских" дел из астраханского губернского архива. (Там-же). 14) Где был построен Саратов в 1590 г.? (Труды С. У. А. К., вып. 31-й). 15) Саратовские пожары 1800 и 1801 г.г. (Труды С. У. А. К., вып. 33). 16) Первая квартира саратовских епископов. (Там-же). 17) Поимка в Петровске Викентия Мигурского. (Там-же). 18) Саратов. Краткий исторический очерк. (Саратов. 1919, 34 стр. 16°). 19). Тоже 2-е издание, дополненное и исправленное (Саратов. 1923. 33 стр. 8°). 20) Новый труд по истории юго-востока России. (Рецензия на книгу А. Хвощева „Очерки по истории Пензенского края". (Студенческая мысль, № 5—1923).

II. 1) Столбцы из Исторического архива Саратовской Ученой Архивной Комиссии. (Труды С. У. А. К., вып. 25-й; продолжение в вып. 26-м). 2) Документы XVII в. Саратовского Радищевского Музея. (Труды С. У. А. К., вып. 26-й). 3) Фамильные бумаги дворян Жуковых. (Там-же). 4) Отчет по Историческому архиву за 1909 г. (Там-же). 5) Краткая опись „Калачовского" фонда Исторического архива Сарат. Уч. Арх. Ком. (Труды С. У. А. К., вып. 27-й). 6) XV Археологический с'езд в Новгороде. (Труды С. У. А. К., вып. 29-й). 7) Архивы Саратовской губернии. (Труды С. У. А. К., вып. 30-й). 8) Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (из Архива Сарат. Арх. Ком.). (Труды С. У. А. К., вып. 31-й). 9) Несколько документов из коллекции П. А. Мо жайкина. (Там-же). 10) Об учреждении полиции в Тульской губ. (Труды Туль ской А. К., вып. 1-й). 11) Опись документов и дел Исторического архива. Вы пуск I. Дела „Сенатские". (Саратов, 1914. X+428 стр. 8°). 12) Исторические архивы при ученых архивных комиссиях. (Труды С. У. А. К., выпуск 32-й). 13) Несколько документов из Исторического архива Саратовской Ком. (Там же). 14) Отчет по Историческому архиву за 1914 г. (Там-же). 15) Опись доку ментов и дел Исторического архива. Вып. III. Серия „Документ.". (Сарат. 1916 Стр. 1—75).

III. 1) Рукописное Евангелие музея Сарат. учен. арх. ком. (Сарат. Духовн Вестн. № 33—1908). 2) Новое приобретение местной архивной комиссии. (Опи сание ркп. Псалтыри). (Сарат. Духовн. Вестн. за 1908 г.). 3) Гербы Дубенских (Гербовед, май 1913). 4) Одна из филиграней XVII в. (Сборник статей по рус ской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петерб. 1922 г.). 5) Отделени рукописей и старопечатных книг Саратовского университета. (Студенч. Мысль №№ 3—4, 1923).

